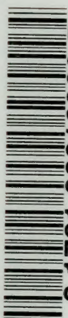


Историческіе Разсказы и Повѣсти

П. Н. Полевого.

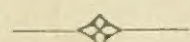
рисунки Н. В. Лебедева

Изданіе А. Ф. Маркса С.Пб.

EX LIBRIS
MDCCCLXXXXVII
№

Находящіеся въ этомъ изданіи 24
эстампа на мѣди исполнены

РИХАРДОМЪ ПАУЛУССЕНОМЪ
въ ВѢНѢ.



Эстампы на мѣди, равно какъ и все
изданіе печатаны въ Артистическомъ
заведеніи А. Ф. МАРКСА
въ С.-Петербургѣ.

Бумага для текста и для эстамповъ
доставлена фабрикой К. и X. НЕБЕ
въ Ижорѣ.

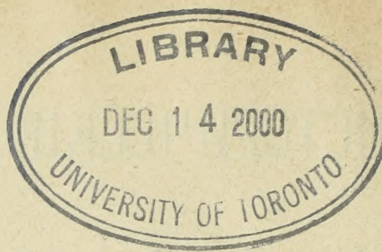
ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

П. Н. Полевого.

Съ 65 оригинальными рисунками и виньетками

К. В. Лебедева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.



Дозволено цензурою. СПБ. 15 октября 1892 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА. Средняя Подъяческая, д. № 1.

Ненарокомъ.

(Изъ тверскихъ преданій).

I.

Князь Тверской Ярославъ Ярославичъ — родной братъ князя Александра Невскаго — былъ писаный красавецъ. Всѣмъ-то онъ взялъ: и ростомъ высокъ, и станомъ строенъ, и въ плечахъ широкъ. Лицомъ — бѣлый, румяный; очи — большія, темносинія, а надъ ними брови густыя, союзныя, темною тучкою сходятся. Надъ высокимъ челомъ кудри темно-русые, какъ шелкъ мягкіе, сами въ кольца завиваются...

Бывало, какъ сядетъ онъ на княжомъ своемъ дворѣ на борзый конь, избоченится, собьетъ на ухо шапочку пуховую, да окинется корзномъ изъ златотканнаго паволока — вся дружина и старшая, и молодшая на него любуются... А какъ поѣдетъ съ княжаго двора по городскимъ улочкамъ — тверичи на него глядятъ, не нара-

дуются; молодыя молодушки всѣ окошечки въ теремахъ пораскрываютъ, а красныя дѣвицы всѣ заборы пообломаютъ — на красавца-князя глядючи... Рада-бы радёшенька каждая для него бросить отца съ матерью, рада бы расплести косу русую — привязать свою вòлюшку къ его золотому стремени.

— Пора бы жениться князю нашему! толкуютъ промежь себя старики-тверичи, сидя на заваленкахъ.—Двадцать лѣтъ ему минуло, а досель еще не свилъ себѣ теплаго гнѣздышка!

— Чего и вить ему гнѣздо, коли онъ, словно соколъ ясный ширяетъ по поднебесью — бьетъ бѣлыхъ лебедушекъ, не брезгаетъ и сѣрой утицей!.. Хе, хе!

— Точно что соколъ! Вездѣ свою нашесть сыщетъ... Вотъ и ходитъ холостъ — не женатъ!

— До женитьбы-ль ему, коли онъ жизнь живетъ, словно масляную правитъ: съ пира на праздничекъ, съ лововъ — на игрище, съ игрища — на потѣху богатырскую, а потѣху опять-таки пиромъ заканчиваетъ.

Смотрятъ на князя и думцы старые, тѣ, что за него княжествомъ правятъ, думу княжую думаютъ, пока князь-красавецъ только тѣшится, никакой заботушки, никакой невзгодушки надъ собой не вѣдаетъ.

И толкуютъ старые думцы-бояре княжіе, поглаживая окладистыя, сѣдыя бороды:

— Пусть молодъ-конь уходится, умыкается; пусть мòлодо-пиво убродится! Придетъ и его пора-время!

— Вѣстимо! Не по двѣ младости жить — умается и усядется.

— Тратитъ молодость силушку-богатырскую словно казну неисчетную: порастратитъ — станетъ сговорчивѣе...

И правятъ они за князя княжествомъ, отъ всякаго дурна его оберегаючи, пока самъ онъ гуляетъ, тѣшится — стрѣляетъ бѣлыхъ лебедушекъ, не брезгаетъ и сѣрой утицей.

И вдругъ пронеслась по княжому двору вѣсть диковинная... Сказывали, будто князь Ярославъ Ярославичъ вернулся вчера съ охоты за-волжской со своими отроками, и вернулся темнѣе ночи черной. Какъ вернулся, прошелъ въ опочивальню, ни на кого не глядючи, ни съ кѣмъ слова не молвивши. Сунулся было къ нему любимый тіунъ доложить, что молъ, «ужинъ на столъ поданъ» — такъ его князь вò-какъ пугнулъ: насилу тотъ и дверь отыскалъ... Попыталась къ князю войти и его зазнобушка, хотѣла спросить:

«гдѣ его милость опочивъ держать будетъ» — и на нее князь звѣремъ рыкнулъ...

— Что за притча такая? Ужь не порча-ли? Господи!

— Не на лихой-ли слѣдъ въ лѣсу ненарокомъ ступилъ? заговорили всѣ въ княжихъ хоромахъ шепотомъ.

Стали думцы княжихъ отроковъ допрашивать, что̀ такое князю на ловахъ приключилось,— молчать отроки, отнѣкиваются, ничего-де они не вѣдаютъ. Стали спрашивать у псарей, у сокольниковъ, у конюховъ — ничего толкомъ добиться не могли. Говорили всѣ въ одинъ голосъ: ѣхалъ князь на ловы веселёшенекъ, шутить изволилъ со всѣми и пѣсни пѣлъ; по два дня ловами тѣшился и лѣсами ушелъ отъ Твери верстъ за сорокъ, почти подъ самое село Едимоново.

— И вотъ тутъ-то, подъ самымъ селомъ, въ перелѣсочкѣ, разсказывалъ боярамъ старый псарь,— пошелъ князь на ключъ отдохнуть... И ужь что̀ тамъ съ нимъ было — никто того не вѣдаетъ.

— А гдѣ же вы-то всѣ были? Куда затряхнулись?

— Всѣ мы были отъ него всего на перестрѣлъ изъ лука... И вдругъ видимъ,— вышелъ онъ изъ перелѣсочка темнѣй ночи, въ рогъ затрубилъ, сбилъ охоту всю въ кучу — и въ Тверь поѣхалъ, и на пути словечкомъ не обмолвился...

И ходятъ княжіе думцы и совѣтники, понуривъ голову, ходятъ, бороды перебираютъ, всякія догадки загадываютъ — такъ прикидываютъ, и этакъ пересуживаютъ, а все до правды добраться не могутъ.

А тѣмъ временемъ князь Ярославъ Ярославичъ лежитъ въ опочивальнѣ на рѣзной своей кровати, оперся локтемъ на пуховое изголовьице, пальцами кудри темнорусые разбираетъ и все старается припомнить, что̀ съ нимъ, два дня назадъ, приключилося...

И въ памяти его, среди уединенія и среди тишины смолкнувшихъ княжихъ хоромъ, возстаетъ въ какомъ-то странномъ, обаятельномъ туманѣ его диковинная встрѣча, и нейдетъ у него изъ памяти, и манитъ-манитъ его въ таинственную глушь тѣнистой лѣсной чащи.

II.

А приключилось съ княземъ вотъ что̀. Утомленный долгой охотой, онъ сошелъ съ коня, покинулъ своихъ отроковъ и псовъ и направился къ ключу въ перелѣскѣ подъ селомъ Едимоновымъ. Онъ давно уже зналъ этотъ ключъ и не разъ здѣсь отдыхалъ во время лововъ. Ключъ билъ живою волной, журча и пѣнясь, изъ стараго дупла вѣковаго дуба, давно поваленнаго бурей надъ родникомъ. Обросшій мохомъ старый пень былъ весь покрытъ тонкою,

изумрудною сѣтью папоротниковъ, которыми поросли берега ключа, и къ самой водѣ старая, развѣсистая рябина склоняла свои тонкія, гибкія вѣтви, отягощенныя ярко-красными гроздьями. Князь любилъ здѣсь отдыхать, прислушиваясь къ ропоту струи и къ шелесту листьевъ надъ ключемъ, и къ вѣчному писку и къ свисту лѣсныхъ пташекъ, которыя цѣлыми семьями гнѣздились въ густыхъ вѣтвяхъ кудрявой рябины.

Бывало, князь придетъ сюда, ляжетъ на мягкій зеленый мохъ и сладко дремлетъ подъ таинственный шумъ лѣса, съ которымъ сливаются серебристые голоса лѣсныхъ пѣвцовъ. Но на этотъ разъ князь спѣшилъ къ ключу, чтобы утолить жажду, которая его мучила, чтобы промочить распаленную гортань.

Приблизившись къ роднику, князь поспѣшно опустился на колѣни, схватился за корецъ, привѣшенный надъ ключемъ чьею-то заботливой рукою, и жадно сталъ пить. Вдругъ что-то хрустнуло у него надъ головою, и вѣтка рябины, вмѣстѣ съ сочною кистью ягодъ, упала къ его ногамъ. Князь поднялъ голову — и обомлѣлъ...

На толстой вѣтви рябины, почти прижавшись къ ея стволу, стояла стройная, высокая молодая дѣвушка. Князю показалось, что онъ никогда, ни на яву, ни во снѣ, не видывалъ такой красавицы...

Онъ вперилъ ей въ очи долгій, жадный взоръ—и насмотрѣться не могъ; и чѣмъ долѣе смотрѣлъ, тѣмъ болѣе и болѣе его тянуло къ ней.

А она, смущенная и взволнованная, тревожно озиралась, какъ испуганная птица, и видимо не знала, куда бы ей уйти, куда бы ей укрыться отъ пламеннаго, страстнаго и смѣлаго взгляда мужчины.

— Кто ты, красавица? спросилъ ее князь, поднимаясь.— И какъ ты сюда, на дерево, попала?

— Тебя испугалась и залѣзла на рябину,—коротко и просто отвѣчала дѣвушка.

— Чего же ты испугалась? Чай, я не звѣрь лѣсной, не разбойникъ, не татаринъ некрещеный?

— Знаю, что ты княжой бояринъ: по золотому оплечью вижу...

— А коли знаешь, что я бояринъ, такъ чего же ты боишься, красная дѣвица?

Дѣвушка молчала и все попрежнему тревожно озиралась изъ стороны въ сторону.

— Сойди, сойди сюда, красавица! сталъ упрашивать князь.— Присядь здѣсь со мною, у ключика... Побесѣдуемъ.

— Не сойду, пока не уйдешь отсюда! рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— А! такъ вотъ ты какая спѣсивая! съ досадою заговорилъ

князь. — Аль ты думаешь, что краше тебя я не видывалъ?.. Что и спѣсивыхъ не уламывалъ?

— Коли ты добрый человѣкъ, такъ уйди отсюда, дай мнѣ уйти къ отцу съ матерью!

— Я и самъ уйду, и тебя отпущу, красавица; а прежде того тебя обойму да поцѣлую!—смѣясь сказалъ князь.

— Не бывать тому безъ моей воли! гордо отвѣчала дѣвушка.

— Какъ?! Не бывать?!

— Я того только поцѣлую, кто со мною подъ вѣнецъ станетъ.

— А до него и я возьму съ тебя повѣнечное! крикнулъ князь, отъ меня не уйдешь!

И князь Ярославъ Ярославичъ мигомъ вскочилъ на дубовый пень, оттуда переступилъ на толстый сукъ рябины, ухватился за стволъ и полѣзъ выше... Еще шагъ, еще мигъ... Но дѣвушка испуганно вскрикнула, взмахнула руками и стремглавъ бросилась внизъ съ дерева. Князь вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и долженъ былъ крѣпко ухватиться за вѣтку, чтобы не упасть.

Красавица на мигъ исчезла въ густой зелени лѣсныхъ папоротниковъ и лопуховъ, потомъ разомъ поднялась и съ быстротою лани бросилась бѣжать по знакомой лѣсной тропинкѣ.

Она скрылась въ зеленой чащѣ прежде, чѣмъ князь успѣлъ опомниться отъ своей тревоги. Изумленный, озадаченный, раздосадованный неудачей, князь насупилъ брови и не спѣша спустился съ дерева къ ключу.

— Что за притча! прошепталъ онъ. — Боярышни, жены купцовъ и гостей богатыхъ, горожанки-красавицы — за счастье почитали разуть меня... или зголовье мнѣ взбить... А за поцѣлуй-то за мой...

И князь не докончилъ мысли... Его воображенію еще разъ во всемъ блескѣ предсталъ образъ гордой красавицы, которая оттуда, со своей зеленой выси, такъ смѣло говорила ему:

— Только того поцѣлую, кто со мною подъ вѣнецъ станетъ...

И князь, смущенный встрѣчею, сумрачный, побрелъ обратно изъ перелѣска въ лѣсную чащу, затрубилъ въ рогъ, собралъ около себя свою охоту, отроковъ и служню, и вернулся въ Тверь, ни съ кѣмъ не промолвивъ слова, никому не выдавъ своей тайны.

III.

На третій день послѣ этой встрѣчи рано утромъ возвѣстили князю, что прибыли къ нему на Тверь послы отъ Господина Новагорода Великаго и хотятъ его свѣтлыя очи видѣть.

— Чего имъ тамъ нужно? спросилъ съ досадой князь, поднимаясь съ ложа.— Мнѣ некогда ихъ слушать: у меня въ лѣсу, подъ городомъ, охота.

— Послы къ тебѣ съ великимъ дѣломъ пришли, князь-осударь! почтительно замѣтилъ Ярославу Ярославичу сѣдой бояринъ, который взялся о послахъ ему докладывать.

— Какое тамъ дѣло? Пусть подождутъ, пока вернусь съ охоты. Вѣдь дѣло не медвѣдь — чай, въ лѣсъ не уйдетъ.

— Такъ тебѣ, княже-господине, съ новогородскими послами говорить не гоже,— съ достоинствомъ замѣтилъ старый думецъ.

— Да ну, о чемъ мнѣ съ ними говорить? Есть у нихъ свой князь — мой братецъ, Александръ Ярославичъ... Къ нему бы и шли съ дѣлами! И если это онъ ихъ ко мнѣ прислалъ съ рѣчами — пусть такъ и знаютъ, что я рѣчей ихъ слушать не хочу!

— Твой братецъ родный, благовѣрный князь Александръ Ярославичъ — съ недѣлю будетъ — изволилъ выѣхать изъ Новагорода къ себѣ въ удѣлъ, и не вернется больше...

— А... Вотъ что? воскликнулъ, быстро вскакивая съ мѣста, князь Ярославъ Ярославичъ. Поѣхалъ прочь по волѣ, аль по неволѣ?..

— Съ вѣчемъ не поладилъ...

— Такъ... чего же... отъ меня они хотятъ? съ волненіемъ спросилъ князь.

— Съ *великимъ* дѣломъ они къ тебѣ, князь-осударь! съ особеннымъ удареніемъ произнесъ старый бояринъ.

— Ну, такъ дѣлать нечего... Надо ихъ принять: поди, проси ко мнѣ на сѣни! отвѣтилъ князь, начиная догадываться, чего именно хотятъ отъ него послы новгородскіе.

Поспѣшно нарядившись, вышелъ князь на сѣни, гдѣ уже ожидала его старшая дружина, сидѣвшая у стѣны на лавкахъ, по бокамъ рѣзнаго, крытаго крыльца, которое вело на сѣни прямо съ княжаго двора. Князь поздоровался съ дружиной, которая поднялась ему навстрѣчу, и только сѣлъ на свой столецъ, покрытый пестрымъ ковромъ, какъ отроки, стоявшіе внизу на ступеняхъ крыльца, закричали:

— Послы ѣдутъ!.. Пріѣхали... Съ коней слѣзаютъ!

И вотъ ужъ, вверхъ по крыльцу, медленно и тяжело переступая, шествуютъ два старца: игуменъ новгородскаго Антоньева монастыря Іосафъ и степенный посадникъ Олекса Морткиничъ. Почтительно поддерживая ихъ подъ руку, идутъ съ ними рядомъ пятиконецкіе

старосты, за ними слѣдомъ — именитые купцы и богатые гости и молодежь новгородская, и слуги посадничьи, съ почетными дарами на рѣзныхъ блюдахъ, прикрытыхъ расшитыми убрусами.

Князь поднялся со своего мѣста, пошелъ навстрѣчу посламъ и принялъ благословеніе отъ игумена Іосафа, который ласково сказалъ князю:

— Отъ господина нашего, владыки Новгородскаго и отъ дома Св. Софіи благословеніе и привѣтъ тебѣ, князь Ярославъ Ярославичъ!

Затѣмъ старый Олекса Морткиничъ выступилъ впередъ.

— Отъ посадника Михайла, отъ тысяцкаго Кондрата, отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ людей — отъ всего Господина Великаго Новгорода бьемъ тебѣ челомъ, княже, до сырой земли!— торжественно произнесъ Олекса и отвѣсилъ поклонъ князю Ярославу, касаясь перстами пола. За Олексою также поклонились и всѣ его спутники.

Князь отвѣтилъ на привѣтствіе поклономъ и сказалъ:

— Радъ васъ видѣть, господа-новгородцы, у себя на Твери, въ моемъ княжомъ теремѣ. А все-ли по-здорову у сусѣда моего, Господина Великаго Новагорода?

— Св. Софьи предстательствомъ и новгородскихъ чудотворцевъ молитвами все по-здорову въ Великомъ Новѣгородѣ, почтительно отвѣтствовалъ игуменъ Іосафъ.

— А все-ли по-старому у сусѣда моего, Господина Великаго Новагорода? спросилъ князь Ярославъ. — Нѣтъ-ли свары какой съ сусѣдями, нѣтъ-ли рати съ лютыми ворогами?

— Богъ миловалъ, княже-господине! Въ мирѣ мы топерво и со шведами, и съ Литвою, и съ Чудью бѣлоглазою, и съ нѣмцами-крыжаками. А не все у Господина Новагорода по-старому, не все по-бывалому... Затѣмъ-то мы къ тебѣ, княже, и челомъ бить пришли, отвѣчалъ съ лукавою улыбкою Олекса.

— О чемъ челомъ бьете, господа-новгородцы? Радъ васъ слушать — сказывайте.

— Бьетъ тебѣ челомъ Господинъ Великій Новгородъ — зоветъ тебя на княженіе. Приходи къ намъ править и володѣть нами, и судить насъ, какъ пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ...

— Какъ же такъ, господа-новгородцы! сказалъ князь Ярославъ. Княжитъ у васъ братъ мой родный, князь Александръ Ярославичъ, а вы меня на княженье зовете? Жилъ я и доселѣ съ братомъ не

въ ладахъ, а вы его еще пуще со мною рассорить хотите? Отъ живой жены не женятся, отъ живаго князя — князя не ищутъ!

— Правъ бы ты былъ, князь-осударь, кабы точно еще твой братъ, благовѣрный князь Александръ Ярославичъ, княжить изволилъ... А въ томъ-то и бѣда наша, что онъ, безъ малаго недѣли съ двѣ тому назадъ, пятой ударилъ въ Новгородъ и ушелъ отъ насъ въ свой удѣлъ.

— Вотъ какъ! Не долго же на сей разъ усидѣлъ братецъ-то мой въ Новѣгородѣ. Аль съ вѣчемъ не поладилъ?

— Не поладилъ, князь-осударь, а видитъ Богъ безъ вины нашей... Сталъ въ нашихъ волостяхъ насильно мужей своихъ сажать, да пожни по Метѣ отнимать...

— Такъ вы что же? И меня къ себѣ на срокъ въ князья зовете, что-ли? Коли вы изъ-за каждой пожни станете тягаться съ княземъ вашимъ — кто-жъ къ вамъ пойдетъ въ князья? запальчиво сказалъ князь Ярославъ.

— Да вѣдь мы, княже-господине, зовемъ тебя къ себѣ по рядѣ, а въ той рядѣ сказано, чтобъ «Новгородъ тебѣ держати по старинѣ и по пошлинѣ» и на томъ крестъ всему Новугороду цѣловати. А буде ты той ряды не нарушишь, рады мы служить тебѣ и по смерть: и тебѣ, и княгинюшкѣ твоей, и дѣтямъ твоимъ...

— Да, на посулахъ-то вы всѣ хороши! Васъ послушай!.. Легко тебѣ о моей княгинѣ да о дѣтяхъ говорить, какъ ихъ у меня нѣтъ!..

— Знать не приспѣлъ еще часъ воли Божьей, княже-господине, а долго-ли тебѣ жену сыскать! сказалъ Олекса, лукаво улыбаясь и поглаживая окладистую бороду. Не найдешь себѣ по-сердцу среди тверскихъ красавицъ, поищи у насъ между новгородскими... Была бы охота! А ужъ есть-ли на свѣтѣ такая красавица, которая бы противъ тебя устояла?

Князь, при этихъ словахъ, вдругъ нахмурился, словно припомнилъ что-то недоброе... Темною тучкою сошлись надъ его чудными очами густыя брови союзныя. Въ головѣ его молніей мелькнуло воспоминаніе о встрѣчѣ въ лѣсу надъ ключемъ. Но князь провелъ рукою по челу, стараясь отдѣлаться отъ неотвязчивой думы, и сказалъ, обращаясь къ Олексѣ:

— Ну, коли вы зовете меня къ себѣ на княженье вмѣсто брата моего Александра Ярославича — такъ читайте грамоту, какую отъ вѣча привезли: чтобы зналъ и я, и дружина моя, на чемъ я крестъ цѣловать стану Господину Великому Новугороду.

Олекса обернулся къ старостамъ, взялъ изъ рукъ ихъ кожаный

кошель, вынулъ изъ него грамоту, принялъ благословеніе отъ игумена Антоніева монастыря, и, развернувъ грамоту, сталъ читать ее громко, истово и внятно, всей дружинѣ княжой на послушанье, а князю молодому на уразумѣнье.

IV.

Въ тотъ же день, послѣ пиршества, которымъ князь Ярославъ Ярославичъ чествовалъ пословъ новогородскихъ, князь, пріидя въ опочивальню, освѣдомился о своемъ любимомъ отрокѣ, Григоріи, и приказалъ за нимъ послать. Григорій былъ князю ровесникомъ и съ дѣтства сверстникомъ всѣхъ его игръ, всѣхъ забавъ, всѣхъ шалостей. Князь съ Григоріемъ почти не разлучался, и потому, не видя его дня три-четыре въ своихъ хоромахъ, былъ этимъ удивленъ—почти встревоженъ. Онъ въ Григоріи души не чаялъ, и этимъ возбуждалъ и недовольство, и зависть во всей своей молодшей дружинѣ.

— И чѣмъ только этотъ смиренникъ такъ князю въ душу влѣзъ? съ досадой толковали княжіе отроки и дѣтскіе. Ему бы не у князя въ дружинѣ служить, а въ клобукѣ ходить!

— Ужъ что и говорить? Ни дать, ни взять — Григорій этотъ, что красная дѣвица. И на пирахъ не пьетъ, и на игрища не ходитъ, и отъ бабъ сторонится — а князю любъ.

— Норовомъ-то онъ точно что красная дѣвица, замѣчали на это другіе, болѣе безпристрастные, — а все же онъ дружинникъ добрый. Ни въ битвѣ, ни на ловахъ не выдастъ князя. Кто первый въ бокъ медвѣдю всадилъ рогатину, когда въ запрошломъ годѣ онъ князя подъ себя подмялъ?.. А кто своею грудью князя защитилъ, какъ въ битвѣ подъ Торжкомъ полѣзъ на него литовскій богатырь?... Какъ же не любить его, какъ не жаловать князю Ярославу?

И жалуетъ же князь своего любимаго отрока! Для него у князя нѣтъ ничего завѣтнаго... Давно-ли, у себя на именинахъ, при всей дружинѣ, Ярославъ Ярославичъ снялъ съ плечъ своихъ корзно изъ безцѣнной цареградской ткани, да на Григорья и надѣлъ... А тутъ, недѣли не прошло, и гривну золотую повѣсилъ ему на шею. Да только попроси Григорій: — князь всѣмъ съ нимъ подѣлится; будь онъ покорыстнѣй — князь для него и всей казны своей не пожалѣлъ бы!..

— Гдѣ ты пропадалъ, Григорій? спросилъ своего любимца князь Ярославъ, когда тотъ, подъ вечеръ, вступилъ къ нему въ опочи-

вально. Вѣдь вотъ четвертый день, какъ я тебя не вижу ни въ хоромахъ, ни на ло́вахъ!

— Запамятовать изволилъ, князь-осударь, съ привѣтливой улыбкой отвѣчалъ Григорій. Вѣдь самъ же ты отпускалъ меня къ невѣстѣ на побывку да на рукобитье!

— Къ невѣстѣ? переспросилъ князь Ярославъ, какъ бы припоминая что-то забытое. Да, да! Вѣдь ты жениться собираешься! И точно — запамятовалъ! Позамѣшался я: то былъ на ло́вахъ, а тутъ эти послы пришли... на княженье звать... на мѣсто брата Александра...

— Слышалъ я, князь-осударь! Честь великая! Не даромъ они пришли къ тебѣ, а не пошли искать себѣ другаго князя. Знаютъ, на кого имъ опереться: видали, какъ ты съ Литвой справлялся... Только... я за тебя не радуюсь...

— Какъ? Почему? Не радуешься? съ тревогой спросилъ князь Ярославъ, внимательно вглядываясь въ лицо Григорія.

— Прости, княже-господине, что я, твой вѣрный слуга, по-душѣ тебѣ говорю... Не радуюсь, потому что съ новгородскими вѣчниками не легко управиться князю и постарше тебя! А ты и молодъ, и горячъ, и... и не женатъ!

— Ну, Гриша, при чемъ же ты тутъ о женѣ помянулъ? съ нѣкоторою досадою сказалъ князь Ярославъ.

— Добрая жена — мужу охрана и оборона. За доброю-то женою, что за каменною стѣною. Она отъ всякаго зла мужа обережетъ и опасётъ! Безъ такой жены, безъ теплаго гнѣзда своего — не спастись ни князю, ни боярину; а тебѣ и тѣмъ паче, княже-господине, при твоей красѣ несказанной да... при женолюбіи...

— Ну, ты опять за то же! Все тѣмъ же глаза мнѣ колешь!.. А гдѣ ее взять: *добрую-то жену!* Самъ знаешь, сколько чужихъ женъ мнѣ на шею вѣшалось?..

— А все же я скажу, что безъ жены — и безъ любимой жены — тебѣ въ Новгородъ ѣхать не рука! Тутъ онѣ тебѣ проходу не даютъ — а тамъ-то что́ же будетъ? Тамъ женщина вольная; красавицъ непочато́й уголъ! Случается, что бабы тамъ всѣмъ вѣчемъ правятъ — и не одному ужь князю вскружили голову!..

— Ну, да откуда же я жену возьму? Самъ посуди! Вѣдь легче говорить, чѣмъ выискать такую жемчужину!.. Изъ здѣшнихъ я бы...

Князь хотѣлъ было сказать: «ни на одной бы не женился!», но опять припомнилъ встрѣчу съ красавицей въ лѣсу — и прикусилъ язычокъ... Потомъ добавилъ:

— Ну, да что объ этомъ думать! Олекса правильно сказалъ сегодня: *знать, часъ Божьей воли не насталъ!* Знать, такъ тому и быть!.. Присядь-ка, да разскажи мнѣ, на комъ ты женишься? Гдѣ ты сыскалъ ее — свою суженую?

— Женюсь я, князь-осударь, не на княжеской, не на боярской дочери — а на простой дѣвицѣ. На дочери причетника при церкви...

— Здѣшней церкви — въ Твери? Тутъ, кажется, я всѣхъ дѣвицъ и молодухъ наперечётъ знаю...

— Нѣтъ! Не въ Твери, а въ Едимоновѣ селѣ. Причетникъ есть тамъ Аѳанасій и дочь у него — Ксеніей зовутъ...

— Въ Едимоновѣ? съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ князь. И что же? Красива-ли твоя невѣста? Коли тебѣ подъ-стать, такъ вѣрно ужь красавица?

— Коли правду-то сказать, такъ мало я видалъ такихъ красавицъ, какъ моя невѣста! съ особеннымъ оживленіемъ отвѣчалъ Григорій.

— Но вѣдь... не одна же тамъ красавица... въ Едимоновѣ? допрашивалъ князь.—Вѣдь есть же и другія?

Можетъ-быть и есть. Село большое. Но только Ксеніи другой тамъ не сыскать! горячо воскликнулъ Григорій.

— Когда же свадьба? съ видимымъ, нескрываемымъ волненіемъ спросилъ князь, какъ бы стараясь поскорѣе окончить бесѣду со своимъ любимцемъ.

— Я пришелъ звать тебя на свадьбу... Тамъ, въ Едимоновѣ и сыграемъ, коли ты дозволишь... Назначено на послѣ-завтра, въ обѣдню...

— Ну, что же? Дай Богъ въ часъ добрый!.. Буду тамъ спозаранокъ... Готовься къ свадьбѣ — самъ пріѣду и привезу тебѣ гостей съ десятокъ... Объ угощеньи не хлопочи: наканунѣ еще пришлю тебѣ медовъ стоялыхъ и браги пѣнистой... Да вотъ ужь, кстати, спрошу: знаешь-ли ты тутъ подъ городомъ, на самой стрѣлкѣ, у Тверцы, мое княжое Отроче село?..

— Кто-жъ его не знаетъ, князь-осударь?

— Такъ, видишь-ли, это Отроче село я дарю тебѣ: владѣй имъ, Григорій, и построй тамъ высокій теремъ для своей жены-красавицы... Такой высокій, чтобы и глазомъ въ него никто не заглянулъ... понимаешь?

— Князь-осударь! Не вѣдаю, какъ и благодарить тебя — ты такъ меня балуешь, что скоро мнѣ къ твоему двору, пожалуй, и дорога западётъ... И такъ ужь не знаю, куда дѣваться отъ завистниковъ!

— Э-е, полно! На милость нѣтъ образца! *Я такъ хочу*—вотъ имъ и сказъ! Пусть всѣ знаютъ, какъ я тебя люблю, и какъ высоко ставлю... Ну, доброй ночи!

И князь, ласково обнявъ Григорія, проводилъ его до порога опочивальни.

Затѣмъ, вернувшись отъ порога, онъ подошелъ къ косящатому окошечку, и впривъ взоры въ даль, окутанную ночнымъ мракомъ, впалъ въ глубокое раздумье. И думалось ему:

«На свадьбѣ у Григорья все село увижу—и красотку эту тоже. Видно, ужъ такая судьба моя... Либо она, либо никто! И вотъ, клянусь Спасовымъ образомъ и Пречистою Богородицею Володимірскою, что—кто она ни буди, хотя бы простаго смерда дочь—я ее въ жены за себя возьму!»

И князь, произнося этотъ обѣтъ, поднялъ руку къ иконамъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

V.

Наканунѣ отъѣзда на свадьбу къ своему любимцу, князь Ярославъ Ярославичъ отправилъ въ Едимоново обозъ съ бочками меда и хмѣльной браги, подъ надзоромъ и охраной стараго ключника и служни княжеской. Затѣмъ онъ самъ отобралъ въ казнѣ своей подарки для поднесенья новобрачнымъ—и приказалъ, чтобы на разсвѣтѣ были готовы кони для него и для старшей дружины.

Когда же послѣ ужина онъ заперся въ опочивальнѣ и протянулся на своей рѣзной кровати,—онъ долго-долго не могъ заснуть... Ему все припоминалась встрѣча въ лѣсу съ той красоткой, которая такъ ловко увернулась изъ рукъ его и птичкой отъ него упорхнула.

«Ужъ полно, не навожденье-ли это было? Ужъ не русалка-ли мнѣ тамъ привидѣлась?.. Не заманить-ли она меня хотѣла въ трущобину какую? думалъ князь, ворочаясь на своемъ пуховомъ изголовьѣ.—Ужъ не приворожила-ли она меня, что я такъ долго не могу о ней забыть! Вѣдь не въ диковину мнѣ красавицы—мало-ли ихъ перевидалъ? Бывало, каждая въ недѣлю надоѣстъ—и думать о ней не захочется... А эта вотъ засѣла въ головѣ—да и нейдетъ изъ памяти...»

И въ этихъ думахъ князь, наконецъ, забылся и задремалъ... И дивный сонъ ему привидѣлся...

Приснилось князю, будто онъ пріѣхалъ въ село Едимоново и приказалъ боярамъ обождать съ конями за околицей, а самъ пошелъ въ село—и смотритъ: гдѣ народъ собрался, гдѣ играютъ свадьбу?

Вотъ видитъ онъ, и точно, около одной избы собралось все село: поѣзжане ждутъ у воротъ, и дружка ходитъ величаясь и поджидая жениха. Но князь нейдетъ черезъ толпу,—ему нехочется, чтобы его замѣтили... Онъ пробирается тайкомъ по огороду, черезъ хмѣлевники... Вотъ подошелъ къ открытому оконцу, и смотритъ, какъ обряжаютъ невѣсту подъ вѣнецъ. Она сидитъ на лавкѣ и горько плачетъ, пока ей сваха расплетаетъ косу, а подруженьки поютъ свадебныя пѣсни. Князь все старается ей заглянуть въ лицо—и все лица не видитъ; и все боится, какъ бы не замѣтили его подъ оконцемъ. Вотъ стала сваха окидывать невѣсту фатою,- невѣста съ лавки поднялась, и князь узналъ въ ней свою красавицу!.. Онъ хочетъ крикнуть ей, хочетъ ей знакъ подать, что онъ здѣсь, что онъ за нею пріѣхалъ—и не можетъ... Между тѣмъ подруженьки примолкли и стали слышны голоса: «женихъ идетъ! женихъ идетъ!» И черезъ порогъ избы переступилъ Григорій, свѣтлый, радостный, нарядный—сѣлъ около невѣсты за столомъ, и смотритъ на нее, и глазъ съ нея не сводитъ; а она не смотритъ на него и говоритъ подруженькамъ:

— Вотъ, ужь и любимецъ суженаго моего пришелъ — значитъ и онъ самъ здѣсь скоро будетъ!

— Да что ты? Опомнись! говоритъ ей сваха. —Твой суженый сидитъ съ тобою рядомъ, глазъ съ тебя не сводитъ...

— Нѣтъ! отвѣчаетъ свахѣ красавица.—Мой суженый не тотъ, что рядомъ со мной сидитъ, а тотъ, что въ огородѣ подъ окномъ стоитъ...

Григорій вскакиваетъ съ лавки, бросается къ окну, а за нимъ и всѣ поѣзжане... Князь спѣшитъ укрыться въ хмѣлевникѣ— и просыпается.

Но сонъ опять его одолѣваетъ — опять смежаетъ ему вѣки, и, нѣсколько мгновеній спустя, чудится ему во снѣ, что ѣдетъ онъ чистымъ полемъ, и красный кречетъ дремлетъ, нахохлившись, у него на рукавицѣ. Вдругъ надъ болотомъ взмыла цапля. Князь поспѣшно снимаетъ съ кречета клобукъ, спускаетъ птицу—и скачетъ за нимъ.. Но что же это? Кречетъ не за цаплей погнался, а низомъ, все низомъ полетѣлъ — черезъ все поле, въ лѣсъ... Князь скачетъ за своимъ любимцемъ — и вабитъ его къ себѣ, и свищетъ, и зоветъ. А кречетъ все дальше, дальше — изъ лѣса залетѣлъ въ село, и прямо въ церковь!

Князь поспѣшно слѣзаетъ съ коня и, крестясь, вступаетъ въ храмъ. Храмъ полнёхонекъ народа... Вѣнчаютъ свадьбу. Священникъ собирается вести невѣсту и жениха вокругъ налоя... Но князь и здѣсь опять видитъ свою красавицу! Въ недоумѣньи, онъ остановился среди храма: а она и говоритъ священнику:

— Не тотъ мой суженый, что рядомъ со мною стоитъ, а тотъ, что ненарокомъ сюда зашелъ...

Тогда ужь и священникъ обратился къ князю и сказалъ:

— Видно, приспѣлъ часъ воли Божіей! Пришелъ ты, князь, сюда за кречетомъ, а нашелъ сизую горлинку.

Князь протянулъ къ невѣстѣ руку—и только тутъ разслышалъ громкій стукъ въ дверь опочивальни.

— Княже-господине! Проснись... Пора! Готовы кони!

Князь поспѣшно поднимается съ постели, отпираетъ дверь и видитъ, что ужь разсвѣло совсѣмъ.

— Ну, крѣпко ты изволилъ опочивать! говорятъ князю отроки, внося ему лохань и рукомойникъ. — Едва могли мы достучаться! А ужь давно бы и въ путь пора!.. Сейчасъ и солнце встанетъ!

VI.

Въ тотъ день, съ разсвѣтомъ поднялись всѣ, отъ мала до велика, въ селѣ Едимоновѣ. Казалось бы, мудреное ли дѣло свадьба? Каждую-то осень, сколько ихъ, бывало, сыграютъ... Да видно свадьба свадьбѣ рознь! Изъ-за этой свадьбы сегодня всему селу какая честь и радость!.. Самъ князь изволитъ жаловать на свадьбу; а угощенье еще вчера изъ города прислалъ!..

И всѣ ждутъ князя съ нетерпѣніемъ, всѣ собираются весело и шумно пировать на свадьбѣ Ксеніи съ Григорьемъ.

Не радуется одна только Ксенія. А почему не радуется, — въ томъ Ксенія открылась только одной своей подруженькѣ. Она ей разсказала, какъ на прошлой недѣлѣ за водою на̀ ключъ пошла, какъ заслышала чьи-то шаги и притаилась на рябинѣ, и какъ вѣтка, хрустнувъ, выдала ее.

— *Онъ* поднялъ голову свою кудрявую, разсказывала дѣвушка,— да какъ вопьется въ меня очами! Ахъ, Господи Боже мой! — что̀ за очи у него! Такъ и горятъ, такъ и свѣтятся—и къ себѣ тянутъ. И въ самое-то сердце они ко мнѣ впились, словно стрѣлы каленыя. Ну, вотъ и бѣжала бы я отъ него — и осталась бы съ нимъ навѣкъ... И страхъ такой меня обуялъ, что даже духъ у меня захватило. Ужь только вотъ тогда какъ онъ заговорилъ со мной; какъ я голосъ-то его услыхала — тутъ стало мнѣ полегче. Ужь очень смѣлъ мнѣ показался:—видно, что свою силу вѣдаетъ!.. И я сама не помню, какъ я съ вѣтки на̀-земь пала, какъ перелѣсокъ перебѣжала — и какъ домой пришла...

— Ахъ, батюшки! Страсти какія! проговорила подруженька, всплеснувъ руками.

— Да ты думаешь, я его испугалась? проговорила, оживляясь, Ксенія. — Ты думаешь, я отъ него бѣжала? Нѣтъ, подруженька, я *отъ себя* бѣжала: я того боялась, что... поцѣлуйся съ нимъ, такъ и ввѣкъ не разстаться будетъ. Такъ видишь-ли, вотъ я и боюсь теперь, какъ бы ко мнѣ на свадьбу, вмѣстѣ съ княземъ...

— И *этотъ* тоже не пожаловалъ бы?

— Да! смерть этого боюсь! Коли онъ пріѣдетъ, коли въ церкви будетъ... Я ужь и не знаю, что́ со мною станется! Я этихъ очей его забыть о сю пору не могу... Во снѣ и на яву ихъ вижу!

А между тѣмъ ужь всѣ сельчане собрались за околицей, на выѣздѣ изъ села — ждутъ не дождутся князя... Ждутъ его и поѣзжане у Аѳанасьева дома: ждетъ и попъ со крестомъ на порогѣ церкви... Давно бы пора и обѣдню начать, а не ѣдетъ князь — не видать его и вдали на дорогѣ.

Пождали-пождали, собрались въ церковь — началась и обѣдня. Поплелись гурьбою и поѣзжане къ храму — ведутъ жениха съ невѣстою, берегутъ ихъ, охраняютъ отъ всякаго лиха, отъ всякаго сглаза... Вотъ отошла и обѣдня, и свадьбу пора бы вѣнчать — да все и попъ-то медлитъ, и Аѳанасій-то мнется, и женихъ поджидаетъ, что вотъ-вотъ князь наѣдетъ. А князя все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Ну, видно раздумалъ! Видно и совсѣмъ не будетъ! порѣшилъ Григорій. — Пора! Не медли больше, шепчетъ онъ нареченному тестюшкѣ.

«И слава Богу!» думаетъ Ксенія, стоя рядомъ съ Григоріемъ.— «Значитъ и *тотъ*, глазастый да кудрявый — тоже не пріѣдетъ, не смутитъ меня своимъ взглядомъ...»

И передъ ней снова, будто въ туманѣ, промелькнули тѣ же чудныя, таинственныя очи.

Вотъ, наконецъ, и священникъ облачился, и Григорій сталъ съ Ксеніей рядомъ, и вѣнцы изъ алтаря вынесли деревянные, рѣзные, позлащенные. Запѣли дьяки на клиросѣ. Вдругъ на улицѣ поднялся гулъ голосовъ и говоръ толпы, стоявшей около церкви.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! слышны были крики. — Князь ѣдетъ!

Пѣніе смолкло: а топотъ конскій все ближе-ближе, все слышнѣе крики:

— Здравіе князю-осударю Ярославу Ярославичу! гудятъ голоса подъ самыми окнами храма.

Сердце у Ксеніи вдругъ упало и замерло. Слышитъ она, что князь вошелъ въ церковь съ дружиною, и оглянуться не смѣетъ — и стоитъ неподвижная, словно окаменѣлая.

А онъ вошелъ, окруженный десяткомъ бояръ и толпою отроковъ, вошелъ по княжому обычаю въ шапкѣ изъ золотой парчи, въ богатомъ корзнѣ, прихваченномъ у праваго плеча золотою фигурною пряжкою. Вошелъ, блистая своею дивною красою — смѣлый, могучій — и окинулъ всѣхъ своимъ орлинымъ взглядомъ, какъ бы желая кого-то увидѣть въ толпѣ, какъ бы разыскивая кого-то...

И всѣ князю низко кланялись — всѣмъ и онъ привѣтливо кланялся; потомъ подошелъ къ жениху и сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Здравствуй, Григорій! Я такъ спѣшилъ... Такъ спѣшилъ, что коня загналъ на дорогѣ... А это невѣста твоя?..

Князь взглянулъ на невѣсту Григорія — и обомлѣлъ, и даже въ лицѣ перемѣнился; долго-долго смотрѣлъ на нее, и выговорить ничего не могъ: языкъ ему не повиновался...

— *Она — твоя невѣста?* повторилъ наконецъ князь Ярославъ Ярославичъ въ величайшемъ волненіи.

— Такъ, княже-господинъ, моя невѣста! отвѣчалъ Григорій, съ тревогой и недоумѣніемъ вглядываясь въ лицо князя.

Но князь уже успѣлъ оправиться отъ своего волненія. Яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ его, очи заблистали... Онъ положилъ руку на плечо Григорія и сказалъ твердо:

— Слушай, Григорій! Ты всегда былъ мнѣ вѣрнымъ слугою... Изъ всѣхъ отроковъ моихъ, ты былъ мнѣ самымъ близкимъ! Люблю тебя и нынѣ... Но не могу тебѣ позволить жениться. Ты жениться на *ней* не долженъ!..

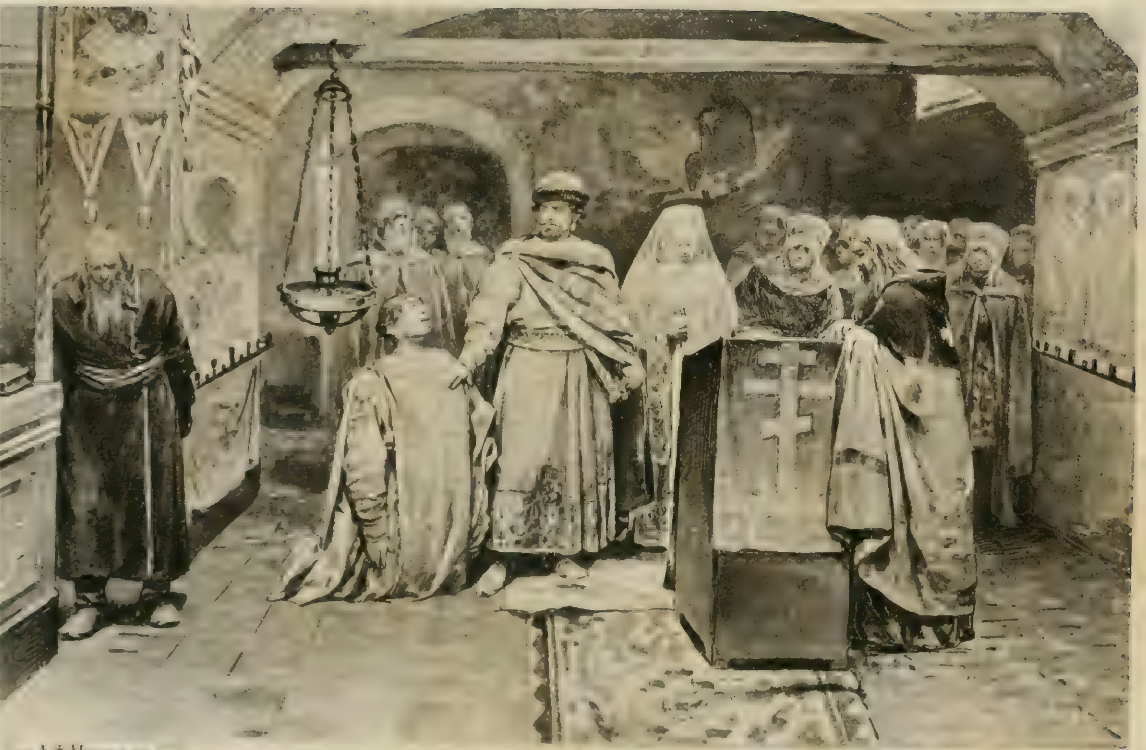
— Князь-осударь! воскликнулъ Григорій въ ужасѣ. — Что ты сказалъ? Что хочешь сказать? Въ чемъ я передъ тобой виновенъ?..

— Ни въ чемъ ты не виновенъ, Григорій... Я всему виною — я и *она!* Я поклялся передъ Спасовымъ образомъ, что я на *ней* женюсь — на той, что рядомъ съ тобою стоитъ. И клятвы своей переступить не могу!

Ропотъ и возгласы удивленія пронеслись кругомъ, въ толпѣ. Всѣ взоры устремились на Ксенію, которая стояла ни жива, ни мертва, рядомъ съ Григоріемъ.

— Смилуйся, князь-осударь! взмолился Григорій, падая передъ княземъ на колѣни. — Не отнимай моего счастія!

— Не проси... Я клятву далъ — по клятвѣ и исполню! Не усту-


А Ф Маркса
А Ф Маркса

нишь добромъ — такъ я силой стану на твое мѣсто! Уступи: ничего для тебя не пожалѣю. Ищи себѣ другую...

— Не могу... Не погуби! умолялъ Григорій.

— Не можешь!! грозно крикнулъ князь Ярославъ Ярославичъ.— Видно, ты забылъ, что я тебѣ князь — и ей князь!

И онъ, отстранивъ рукою Григорія, ступилъ на его мѣсто, рядомъ съ Ксеніей.

— Хочешь ли ты быть мнѣ женою и княгиней? Говори — передъ всѣми говори! громко произнесъ князь Ярославъ, крѣпко сжимая руку Ксеніи.

— Хочу! сказала громко Ксенія, смѣло вперяя взоръ въ очи князя.

Григорій вздрогнулъ, закрылъ лицо руками и поспѣшно вышелъ изъ церкви. Смущенный священникъ, по знаку князя, началъ вѣнчаніе.

VII.

Подъ вечеръ, на другой день свадьбы князя Ярослава Ярославича, когда еще его княжіе хоромы были полны веселыхъ пѣсенъ и кликовъ дружины, величавшей за пиршествомъ «молодаго князя со княгинею», къ палатамъ владыки Тверскаго подъѣхалъ на конѣ юноша въ богатой одеждѣ, соскочилъ съ сѣдла у воротъ и знакомъ руки остановилъ своихъ слугъ, которые вели за нимъ коней, нагруженныхъ богатою казною, доспѣхами воинскими, одеждами, мѣхами и оружіемъ.

Когда служка владыки ввелъ юношу въ сѣни, гдѣ владыка отдыхалъ, сидя на лавочкѣ и наслаждаясь тихимъ и теплымъ осеннимъ вечеромъ — юноша палъ передъ владыкою на колѣни и зарыдалъ.

— Что съ тобою, Григорій! О чемъ ты?.. Что привело тебя ко мнѣ въ такую пору?

— Владыко! Спаси отъ міра!

Владыко — почтенный старецъ — поднялся со своего мѣста, опираясь на посохъ, и подошелъ къ Григорію.

— Я къ твоимъ ногамъ несу и всю суету мірскую, и всю казну мою, и все имѣніе...

И онъ скинулъ съ плечъ богатое корзно, отстегнулъ съ бедра мечъ булатный — и сложилъ къ ногамъ владыки. Потомъ указалъ на слугъ, въѣзжавшихъ во дворъ, и добавилъ:

— Все это приношу тебѣ, владыко, и Отроче село, что далъ мнѣ князь: и слезно тебя молю: построй обитель на приношеніе мое, и дозволь мнѣ въ ней постричься инокомъ.

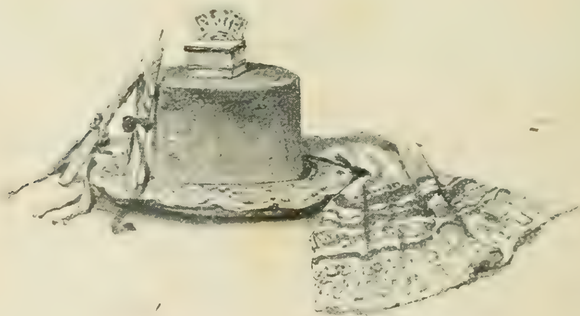
— Младъ ты, Григорій, для иноческаго сана... Міръ будетъ тебя смущать... Не дастъ тебѣ покоя и въ кельѣ...

— Владыко, я ужь далъ обѣтъ, и если не исполнишь моего желанія, я нынѣ же далѣе пущусь въ дорогу и поищу себѣ другой обители...

— Будь по-твоему! сказалъ владыко. — Принимаю твой даръ въ казну церковную и благословляю тебя на иноческій подвигъ...

И старецъ осѣнилъ Григорія крестнымъ знаменіемъ.

На самомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее Тверцы, стоитъ и красуется нынѣ Успенскій Отрочъ монастырь. Много видѣли бѣдъ и невзгодъ его древнія стѣны и башни; много вѣковъ, обновляясь въ красѣ своей и благолѣпіи, пережили монастырскіе храмы. Исторія позднѣйшаго времени внесла въ его лѣтопись трагическую и кровавую повѣсть о послѣднихъ дняхъ жизни Св. Филиппа, митрополита Московскаго, сосланнаго сюда Грознымъ и здѣсь задушеннаго Малютою Скуратовымъ... Но даже и эта страшная повѣсть не изгладила изъ памяти потомства скромное преданіе объ отрокѣ Григоріи — основателѣ святой обители, навсегда укрывшей его отъ міра и мірскихъ соблазновъ.



Божья гроза.

Историческая быль XIV в.

I.

ирокою, раздольною Кубанскою степью, уже выжженною знойнымъ лѣтнимъ солнцемъ, мчится на лихомъ аргамакѣ какой-то неутомимый всадникъ. Припавъ къ лукѣ сѣдла, весь вытянувшись, подобно своему коню, въ одну линію, онъ то и дѣло погоняетъ своего скакуна, ободряя его свистомъ и дикимъ гикомъ—изрѣдка даже замахиваясь на него нагайкою... Онъ только замахивается, но не ударитъ своего коня! Онъ знаетъ, что конь его не выдастъ, что онъ домчитъ его до завѣтной цѣли, что онъ свободно отмахаетъ сто верстъ и доставитъ ему къ вечеру отдыхъ и спокойный ночлегъ подъ гостепріимнымъ кровомъ кочевниковъ, высланныхъ въ степь ханомъ Тохтамышемъ, въ качествѣ передовой стражи и въ качествѣ подставы для гонцовъ изъ Дербента или съ береговъ Терека.

И добрый конь знаетъ своего господина—знаетъ, что тотъ не по своей охотѣ помчался изъ мирной сакли, покинулъ жену и семью, стадо овецъ и виноградникъ на уступѣ кавказскихъ предгорій. Онъ знаетъ, что чужая воля заставила его скакать, сломя голову, въ неизмѣримую даль степи, съ недобрыми вѣстями. Вѣрный конь—вѣрный другъ, а потому и чуетъ онъ, что надъ головою его господина гро-

ною тучею виситъ какая-то бѣда неминучая... Онъ видѣлъ, какъ вчера въ ихъ аулъ примчался такой же гонецъ, и какъ всѣ собирались на сходъ, и какъ старшины избрали его господина везти дальше на сѣверъ ту вѣсть, которая прилетѣла къ нимъ изъ-за горъ, словно зловѣщая птица, и всѣхъ всполошила, и всѣхъ отвлекла отъ мирныхъ занятій. И вотъ онъ мчится вихремъ вдаль, звонко ударяя крѣпкими копытами сильныхъ ногъ въ засохшую почву степи, попирая сухіе, колючіе кусты перекати-поля, минуя курганы, насыпанные надъ костями былыхъ степныхъ богатырей, увѣнчанные грубо-вытесанными изваяніями каменныхъ бабъ. Мчится онъ, то взлетая на отлогія, однообразно-чередующіяся гряды степныхъ возвышеній, то спускаясь въ неглубокіе увалы, и всюду ищетъ жаднымъ взоромъ хоть какого-нибудь слѣда влаги, хоть какой-нибудь лужицы! О, что́ бы онъ далъ за возможность хоть на мигъ прильнуть своей разгоряченной, потной мордой къ мутной, грязной, горько-соленой струѣ полуизсякшаго солончаковаго родника! На мигъ, чтобы освѣжить распаленную гортань и заморить сжигающую его жажду и затѣмъ опять мчаться далѣе, мчаться до конца, мчаться до тѣхъ поръ, пока будутъ служить рѣзвыя ноги и широкая грудь будетъ выносить жаркую струю встрѣчнаго степнаго воздуха.

А всадникъ все тревожится, все хмуритъ густыя брови, впери очи въ туманную даль, и вдругъ, привставъ на стременахъ, взмахиваетъ нагайкой и дико взвизгиваетъ, ускоряя бѣгъ своего лихаго скакуна... Тяжко у него на сердцѣ! Онъ посланъ съ недоброю вѣстью, онъ мчится на сѣверъ, чтобы передать хану Золотой Орды Тохтамышу о грозномъ приближеніи полчищъ страшнаго врага; но онъ долженъ спѣшить обратно въ свой аулъ, туда, гдѣ онъ оставилъ жену, семью, все милое, все дорогое. Онъ знаетъ, что всего этого не пощадитъ грозный, неумолимый завоеватель, издалека надвигающій свои полчища, словно черныя тучи—изъ-за горъ, изъ тѣхъ счастливыхъ странъ, гдѣ свѣтитъ незакатное солнце...

«Зачѣмъ нужны имъ наши мирные аулы, наши жалкія стада, наши бѣдныя сакли, когда у нихъ тамъ рѣки текутъ молокомъ и медомъ и города полны золота и безцѣнныхъ сокровищъ?» думаетъ всадникъ, то понукая, то ободряя своего коня.

И въ душу его закрадывается невольно мысль о томъ, что страшный, неотразимый врагъ идетъ съ юга на далекій Сѣверъ не по собственному побужденію, а по волѣ Того, Кто посылаетъ бури и грозы и потрясаетъ лицо земли, громоздя горы на горы и разверзая пропасти.

Но вотъ ужь и завечерѣло, и прохладой подуло въ разгоряченное, запыленное лицо путника. Ночныя облака стали заволакивать даль: неопредѣленная дымка тумана, повисшая надъ степью, сгустилась въ вечернюю мглу. Звонче и слышнѣе сталъ разноситься по широкому раздолью степи топотъ коня и дикое гиканье нетерпѣливаго всадника: отчетливѣе и яснѣе стали долетать и до его слуха отдаленнѣйшіе звуки степи. И вотъ онъ явственно различаетъ вдалекѣ лай собакъ... Вотъ и огоньки ближайшаго кочевья чуть видными звѣздочками замерцали во мракѣ, по краю степи.

— Бодрѣе, другъ! Скачи, мой Карабулакъ! шепчетъ гонецъ, трепля своего аргамака по гладкой, потной, подтянутой шеѣ. — Вотъ и кочевье татарское—вотъ и отдыхъ!

И конь, какъ бы понимая слова хозяина, напрягаетъ свои истомленныя силы, рвется впередъ и быстро доноситъ его къ татарскому сторожевому улусу, раскинутому въ степи, около рѣчки, сверкающей своими излучинами.

Громкій лай собакъ и привѣтливое ржаніе коней встрѣчаютъ гонца при въѣздѣ въ улусъ, гдѣ все населеніе тревожно поднялось вокругъ разложенныхъ костровъ, заслышавъ издали топотъ коня.

— Съ миромъ или съ войной? спросили кочевники у гонца, когда онъ сдержалъ своего лихаго скакуна и проговорилъ обычный привѣтъ, прижимая руку къ сердцу.

— Съ войною! Съ страшною войною! мрачно проговорилъ гонецъ. — Самъ грозный, могучій Темиръ-Аксакъ ведетъ свои безчисленныя орды на далекій Сѣверъ, и уже близится къ Дербенту!

— Темиръ-Аксакъ! Аллахъ милосердый! разомъ воскликнули татары, въ ужасѣ всплеснувъ руками.

— Онъ самый! И вотъ письмо къ хану Тохтамышу отъ шамхала Дербентскаго. Выбирайте гонца! Посылайте немедленно, да чтобы онъ скакалъ такъ же скоро, какъ я! Тогда черезъ двое сутокъ письмо достигнетъ ханской ставки и будетъ еще не поздно!

Старшина надъ кочевьемъ потолковалъ со своими товарищами, выбралъ коня въ табунѣ,—и часа не прошло, какъ новый гонецъ, съ письмомъ шамхала за пазухой, уже мчался вдаль отъ кочевья, по знакомому пути на сѣверъ. Вскорѣ и топотъ коня его стихъ въ отдаленьи...

А татары все еще сидѣли кругомъ огней и, угощая пріѣзжаго гостя ароматнымъ кумысомъ своихъ кобылицъ, толковали между собою о подымающейся страшной грозѣ.

— Темиръ-Аксакъ! Тотъ самый, что три года назадъ разметалъ

за Ураломъ воиновъ нашего великаго и могущественнаго владыки, хана Тохтамыша, и усѣялъ степь на два дня пути тѣлами убитыхъ...

— Помню, какъ мы убѣгали отъ него,—добавилъ старшина; —помню, какъ безпощадно побивали насъ, бѣгущихъ, воины Тимура... Помню, какъ хищныя степныя птицы жадно кружились надъ свѣжею добычею, купаясь въ нашей крови... О! Да сохранитъ насъ Аллахъ милосердый отъ этой страшной грозы небесной!

II.

Москва въ страшной тревогѣ. Всѣ храмы, открытые съ утра и до ночи, переполнены молящимися; стоны и рыданія слышатся въ толпѣ, собравшейся подъ своды храмовъ и непрерывно возглашающей: «спаси насъ! спаси насъ, грѣшныхъ, заступи и помилуй! Не погуби въ конецъ!» Стоны и рыданія слышатся и въ домахъ—отъ палатъ богатыхъ и знатныхъ до убогой лачуги бѣдняка. Плачутъ жены, прощаясь съ мужьями, плачутъ матери, разставаясь съ сыновьями, плачутъ сестры, провожая милыхъ братьевъ. Всѣ спѣшно готовятся къ выступленію въ дальній походъ, противъ страшнаго врага, о которомъ дошли слухи съ русскаго Юга и изъ дальней Орды, отъ сарайскихъ купцовъ и отъ крещеныхъ татаръ.

— Идетъ врагъ невѣдомый, такой, что и нехристямъ страшенъ! толковали въ Москвѣ, на площадяхъ и базарахъ.

— Степью идетъ—земля подъ нимъ гудётъ! Черезъ горы идетъ—горы подъ нимъ трескаются... Къ рѣкѣ станомъ станетъ—рѣка высыхаетъ... А отъ ржанія конскаго и отъ рыка верблюжьяго—за пять поприщъ рѣчей не разслышишь!

— Ахъ, Господи! Что же это—изъ татарвы тоже, или другой какой? Невѣдомый?

— Изъ невѣдомыхъ... Изъ тѣхъ самыхъ языковъ иноплеменныхъ, что еще Александръ царь Македонскій въ Кавказскія горы загналъ и горами загородилъ. А они и прорубили въ тѣхъ горахъ оконцо невелико—а тамъ и побольше, и всѣ черезъ то оконцо, какъ мураши, на свѣтъ Божій вылѣзли.

— И много ихъ тамъ, за оконцемъ-то?

— А столько-то, что нашихъ двадцать-пять ордъ нужно, да еще и хватитъ-ли!

— Ну, значитъ, пропали наши головушки! Вѣдь вотъ, небось, помните: съ однимъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ еле-еле справились мы, а ужь тутъ гдѣ же!

— Никто какъ Богъ, братцы мои! Онъ и сильнаго побиваетъ.

и слабому дастъ мощь львиную! Вотъ князь-то Василій Дмитричъ и кликнулъ кличъ — и поднялъ всѣхъ на ноги. Пойдемъ, говоритъ, на врага невѣдомаго!

— Охъ, за грѣхи наши тяжкіе идетъ на насъ этотъ врагъ! восклицаютъ малодушные.—Наша земля, послѣ Задонщины, оскудѣла воеводами и всякимъ воинствомъ...

И тяжкіе вздохи слышатся въ толпѣ вперемежку съ молитвенными возгласами и сокрушеніями о близкой, неминуемой гибели.

Самъ молодой князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, какъ ни пытался всѣхъ ободрить, во всѣхъ вселить мужество, всѣхъ призвать на защиту родины, на мужественный отпоръ врагу, однако же чувствуетъ себя нетвердымъ, не готовымъ на подвигъ... И его, точно такъ же какъ и вельможъ и воеводъ его, пугаетъ этотъ новый страшный врагъ, и пугаетъ именно тѣмъ, что онъ — *невѣдомый*.

Убѣгая отъ слезъ и сокрушеній своей молодой супруги, молодой князь охотно ищетъ себѣ утѣшенія у владыки, митрополита Кипріана, который, къ тому же, какъ слышно, успѣлъ получить свѣжія вѣсти изъ Сарая, отъ сарайскаго епископа.

И митрополитъ Кипріанъ, почтенный старецъ, искренно преданный молодому князю, выросшему и возмужавшему на его глазахъ, радушно принимаетъ Василія Дмитріевича въ своей укромной кельѣ, и спѣшитъ сообщить ему все, что самъ знаетъ о грозномъ Тимурѣ.

— Повѣдаютъ о грозномъ Тимурѣ, будто онъ изначала не былъ ни царемъ, ни сыномъ царевымъ, — разсказывалъ князю Василію Кипріанъ, —будто и родомъ не былъ ни князь, ни бояринъ, а простой человѣкъ, и нищъ, и убогъ. По ремеслу былъ онъ кузнецъ, а по нраву, съ-издѣтства, хищникъ и злодѣй. И былъ онъ нѣкогда рабомъ, и, ради злонравія, отверженъ своимъ господиномъ и изъ двора его изгнанъ. Не имѣя насущнаго хлѣба и томясь голодомъ, сей Тимуръ однажды укралъ у кого-то овцу. Хозяинъ овцы нагналъ его, по горячему слѣду, отнялъ у него добычу, а Тимуру перебилъ въ двухъ мѣстахъ ногу... Но Тимуръ не смутился: перековалъ себѣ ногу желѣзомъ и сталъ съ той поры называться *Темиръ-Аксакъ*, сирѣчь, *Желѣзный Хромецъ*. И собралъ онъ себѣ шайку изъ мужей и юношей ярыхъ, жестокихъ, сталъ надъ ними старшиною разбойниковъ, а затѣмъ пошелъ войною на сосѣднія страны и царства многія поплѣнилъ, и сталъ называться царемъ надъ царями...

— Какія же царства онъ покорилъ? тревожно допрашивалъ Василій Дмитріевичъ.

— О, многія, многія! И Хорусанъ, и Китай, и Шемаху, и Багдадъ, и Асурію, и Волшебное Царство, и Дамаскъ великій!..

Князь Василій Дмитріевичъ понурилъ голову и не дерзалъ болѣе разспрашивать владыку. Кипріанъ замѣтилъ его смущеніе и, положивъ руку на плечо князя, добавилъ:

— Мужайся, князь Василій, вспомни славу родителя твоего, благовѣрнаго князя Димитрія Ивановича, и какъ онъ ходилъ за Донъ и побилъ нечестиваго Мамая! Вспомни и благодать Божію великую, что возсіяла надъ нимъ за его мужество...

— Какъ мнѣ забыть это, святый владыко! Но трепещу—не вижу около себя ни воеводъ отца моего, ни прежняго единенія всей земли Русской подъ московскимъ скипетромъ великокняжескимъ... Давно-ли мы проливали кровь въ распряхъ съ нижегородскими князьями? Давно-ли ссорились и съ Тверью, и съ Новгородомъ Великимъ? И гдѣ же тѣ сильные мужи, которые вели полки отца моего за Донъ? Гдѣ хитрый и искусный воинъ Волынскій—Боброкъ? Гдѣ закаленные въ бояхъ святые мужи-иноки Ослябя и Пересвѣтъ? Уже ихъ нѣтъ!.. И я самъ, молодой и неопытный, поведу за собой войско молодое...

— Мужайся, не падай духомъ! Помни, что не на тебя идетъ Тимуръ со своими несмѣтными полчищами, а на исконнаго нашего врага, на Тохтамыша. Его хочетъ онъ сокрушить, въ этомъ кроется, быть-можетъ, дивный, ни для кого невѣдомый, Промыселъ Божій!.. И если Богу угодно будетъ, чтобы ты сразился съ Тимуромъ, помни, что прежде тебя съ нимъ долженъ сразиться грозный Тохтамышъ!

— Да, я слышалъ, что онъ ужь двинулъ всю свою орду на югъ, въ кубанскія и терскія степи, навстрѣчу Тимуру...

— Иди же, и стань на рубежѣ своей земли, и твердо выжидай: не гонись за славой воинской, не вызывай врага на бой... Но выступай немедля, чтобы войско твое не оробѣло, чтобы не остылъ въ немъ пылъ воинскій. Вотъ тебѣ мое благословеніе!

III.

Сильная рать Московскаго князя, напутствуемая благословеніями митрополита Кипріана и всего московскаго духовенства, провожаемая тысячами народа на коломенскую дорогу, стройно двинулась изъ Москвы 15-го августа 1359 г.

Въ Коломнѣ назначенъ былъ сборъ для всѣхъ войскъ и для князей, обязанныхъ выставить свои дружины въ поле, подъ знамена Московскаго князя. Поджидая ихъ, князь Василій раскинулъ

свой станъ подъ стѣнами Коломны, на высокомъ берегу Оки, и рѣшился здѣсь провести нѣсколько дней.

Но на утро князь былъ страшно встревоженъ неожиданной вѣстью. Гонецъ, прискакавшій изъ Рязани, введенъ былъ, прямо съ дороги, въ шатеръ великаго князя, и поспѣшилъ сообщить:

— Княже-господине! Погибла сила татарская! Развѣяна по вѣтру вся орда Тохтамышева, разсѣяны по степямъ его полчища. Какъ безумные, скачутъ и мчатся они по степи къ своимъ улусамъ, къ гордому Сараю, убѣгая отъ преслѣдующаго ихъ врага, трепеща за свою жизнь, за дома и семьи. А грозный Тимуръ гонится за ними по пятамъ и его несмѣтныя полчища, какъ темныя тучи, идутъ съ юга на сѣверъ...

Еще день—и еще гонецъ, и еще вѣсти, грознѣе первыхъ:

— Тимурова рать обрушилась на Сарай и не оставила въ немъ камня на камнѣ! Какъ огонь бѣжитъ по степи, пожигая сухую траву, такъ близятся къ нашимъ предѣламъ полчища Тимуровы...

На другой день новый гонецъ...

— Тимуръ переправился черезъ Волгу и двинулся къ Дону. Елецъ взятъ на щитъ: князь Ѳеодоръ въ плѣну; а вся дружина и всѣ ельчане—погибли подъ мечемъ враговъ, которые огненно-кровавою рѣкою текутъ къ рязанскимъ предѣламъ.

Князь, получивъ это извѣстіе, совсѣмъ растерялся. Онъ не зналъ, какъ совладать съ собою, какъ скрыть отъ другихъ ту робость духа, которая его обуяла... Холодный ужасъ леденилъ его сердце... Еще нѣсколько дней — и гибель, разрушеніе, позоръ и смерть охватятъ все кругомъ живущее, сравняютъ съ землею храмы и дома, обратятъ въ пустыню поля, разработанныя тяжелымъ трудомъ человѣка, зальютъ кровью дымящіяся пожарища...

— О, ужасъ! ужасъ!.. Ужасъ какой, Господи! шепталъ несчастный князь, сидя одинокій въ шатрѣ своемъ и ломая руки въ страшномъ отчаяніи. — Но что дѣлать? Какъ быть?.. Вотъ она — власть моя великокняжеская! Вотъ онъ, могущественный князь Московскій, окруженный грозною ратью своею, передъ которою покорно склоняются всѣ удѣльные князья и самъ гордый, богатый, сильный Новгородъ... Что эта мощь и власть передъ Божьей грозою, которая какъ вихремъ halмететъ мои полки, закованные въ желѣзо, и самого меня раздавитъ, какъ я давлю червя подъ пятою! Господи, пощади! Боже, смилуйся надъ нами, грѣшными, — смилуйся ради младенцевъ ни въ чемъ неповинныхъ, кромѣ родительскаго грѣха!..

И опять несчастный князь ломалъ руки въ отчаяніи, и не зналъ,

на что ему рѣшиться? Здѣсь-ли, на берегу Оки, ожидать грознаго, неумолимаго врага, или идти ему навстрѣчу, сразиться съ нимъ и погибнуть съ честью? Или... бѣжать, бѣжать поспѣшно, собрать кругомъ себя всѣхъ дорогихъ и милыхъ, и укрыться съ ними въ непроходимыхъ дебряхъ Сѣвера, куда еще не проникала ни одна орда татарская?

— Нѣтъ! воскликнулъ наконецъ Василій Дмитріевичъ.—Нѣтъ! Не посрамимъ земли Русской, какъ наши дѣды ее не посрамили. Возложимъ на Бога надежду — станемъ грудью за святую Русь!

И онъ вышелъ изъ своего шатра, съ твердымъ намѣреніемъ отдать приказъ дружинѣ и войскамъ къ переправѣ за Оку, къ походу на Рязань...

— Подай милостыньку, Христа ради! вдругъ раздался надъ самымъ ухомъ его чей-то жалобный голосъ.

Князь оглянулся и съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою сѣдаго, сгорбленнаго старика, въ дырявомъ рубищѣ, едва прикрывавшемъ его дряхлое тѣло. Опираясь на клюку, онъ дрожалъ отъ свѣжаго утренника и повторялъ жалобнымъ голосомъ:

— Подай, Христа ради! Сотвори мнѣ Христову милостыньку!

Какъ онъ попалъ сюда, какъ пробрался черезъ весь воинскій станъ къ самой княжой ставкѣ —этого князь не могъ постигнуть... Но онъ, сжалившись надъ бѣднымъ старцемъ, опустилъ руку въ кошель, висѣвшій на поясѣ, досталъ оттуда двѣ мелкихъ монеты и подалъ ихъ старцу...

— Спасибо, на твоей милостынѣ! сказалъ старецъ, спокойно взглядывая въ очи князю.—Отнесу твою милостыню въ церковную казну... А ты, княже, покормилъ бы меня, да пріодѣлъ бы по Христову глаголу, отъ избытковъ своихъ...

И старецъ все такъ же спокойно смотрѣлъ въ очи князю, какъ бы заранѣе былъ увѣренъ въ томъ, что князь его не ослушается и исполнитъ желаемое.

И князь, пораженный этимъ взглядомъ, взялъ старца за руку, ввелъ въ свою ставку и подалъ ему остатки своей вечерней трапезы.

Старецъ сѣлъ на ремёнчатый стулъ передъ раскиднымъ походнымъ столомъ, поставилъ клюку около себя и утолилъ свой голодъ отъ княжаго стола.

— Не вкусны твои яства, князь, непривычны они простецу... То-ли дѣло черствая корочка, что вчера мнѣ вдовица вынесла, да и говоритъ: —«На-тебѣ, старче, не прогнѣвайся... послѣдняя; завтра и самимъ идти по-міру». Вотъ та корочка сладка была.

А. Ф. Маркса

А самъ дрожитъ и все на князя смотритъ, и говоритъ ему:

— Что же ты пріодѣть-то меня хотѣлъ? Или забылъ ужь свое обѣщаніе?

И князь, повинуясь взгляду старца, покорно подходитъ къ коробьѣ съ дорожнымъ платьемъ, вынимаетъ изъ нея теплый кожухъ и прикрываетъ имъ плеча старца.

— Тяжела моимъ плечамъ твоя одежа, князь! Легче мнѣ носить на шеѣ тяжелыя вериги... То-ли дѣло тотъ рваный зипунишко, который далъ мнѣ смердъ твой прошлою зимою. «Вотъ тебѣ, дѣдушка! сказалъ онъ. Носи, не прогнѣвайся,—другаго и нѣтъ у меня!»

А князь стоитъ передъ старцемъ, въ недоумѣніи. Первый еще разъ слышитъ онъ, что простецъ съ нимъ такъ смѣло разговариваетъ.

— Ну, спасибо, что ты накормилъ меня, сказалъ старецъ князю,—спасибо и за то, что наготу мою прикрылъ... Теперь вотъ только скорби моей помоги: есть у меня на ногѣ рана гнойная. Надо бы ее обмыть, да чистымъ холстомъ обвить... Мнѣ бы и полегче стало... Да самому невмоготу!..

И князь, повинуясь чьей-то высшей волѣ, покорно преклонилъ колѣно передъ старцемъ, поставилъ его ногу на скамейку, обмылъ запыленные, засохшіе струпья, обвязалъ ихъ чистымъ полотномъ и хотѣлъ подняться. Но старецъ удержалъ его... Положивъ ему на голову свою сморщенную, жесткую руку, онъ ласково взглянулъ ему въ очи и кротко сказалъ:

— Ты сознадъ суету величія? Ты постигъ ничтожество силъ твоихъ? Ты понялъ слова Писанія: «аще-ли не Господь хранитъ градъ—всуе труждаются стрегущіе!» Такъ вотъ тебѣ, за твое добро, добрый совѣтъ... Никуда не сдвигай своего воинства! Покорись волѣ Божіей! Онъ, Милосердый, знаетъ кого казнить, и кого миловать... Да вотъ еще: прикажи владыкѣ Кипріану, чтобы онъ послалъ во Владиміръ поднять чудотворную икону Владимірской Божіей Матери, чтобъ перенесъ ее въ Москву, да самъ со всѣми горожанами вышелъ ей навстрѣчу. Она, Владычица, обережетъ тебя, получше твоихъ воиновъ.

И, съ этими словами, старецъ поднялся и вышелъ изъ шатра, опираясь на свой посохъ и съ трудомъ передвигая больныя, старческія ноги.

Князь, пораженный его рѣчами, хотѣлъ послѣдовать за нимъ, остановить его, спросить еще о многомъ... Поспѣшно вышелъ онъ изъ ставки, и прежде всего увидѣлъ брошенный на землѣ богатый кожухъ свой... Но куда ни оглядывался онъ, кого онъ ни спраши-

валъ о старцѣ нигдѣ его не было, и никто не могъ ему дать о старцѣ отвѣта. Всѣ смотрѣли на князя съ удивленіемъ, не понимая его разспросовъ. Старецъ исчезъ безслѣдно, ни для кого не зримый.

IV.

Митрополитъ Кипріанъ, получивъ отъ князя приказаніе послать за иконой Владимірской Божіей Матери во Владиміръ и съ великимъ почетомъ перенести ее оттуда на утѣшеніе встревоженнымъ жителямъ Москвы, немедля исполнилъ желаніе князя Василія Дмитріевича. Съ плачемъ и горькими сѣтованіями провожали икону всѣ жители стольнаго города Владиміра, не смѣя перечить князю, не смѣя ослушаться митрополита. Они угадывали, что драгоцѣнная святыня не вернется болѣе въ ихъ соборъ; что новый стольный городъ, Москва бѣлокаменная, не возвратитъ имъ чудотворной иконы, какъ не возвратила имъ и митрополіи, нѣкогда перенесенной въ Москву изъ Владиміра... Богоматерь Владимірская, провожаемая всѣми гражданами за городскія стѣны, пустилась въ дальній путь, окруженная московскимъ и владимірскимъ духовенствомъ и клиромъ, которые всюду, по пути шествія иконы, служили молебны и допускали народъ къ ней прикладываться...

— Сама пошла, Матушка наша! съ грустью говорили владимірцы.— Видно, есть на то воля Божья — не будь воли Божьей, не подвинуть бы ее было съ мѣста никакими силами...

Весь городъ Москва опустѣлъ 26 августа 1395 года, когда дошли до москвичей вѣсти о томъ, что святыня приблизилась къ городу и нынче поутру должна вступить въ стѣны московскія. Митрополитъ Кипріанъ, епископы, архимандриты, духовенство и монашество съ крестами, кадилами и хоругвями, вышли навстрѣчу святынѣ, далеко за черту города, и стали во главѣ безчисленныхъ толпъ, собравшихся на Кучковомъ полѣ. Вслѣдъ за духовенствомъ шло все семейство великаго князя Василія Дмитріевича и украшенный сѣдинами князь Владиміръ Андреевичъ, герой Куликовской битвы, окруженный старыми боярами. Долго ждали всѣ, въ глубокомъ молчаніи, вперяя пристальный взоръ вдаль, на протяженіе дороги, которая, въ концѣ обширнаго, гладкаго поля, терялась за лѣсистыми холмами. Но вотъ запылила дорога, показались вдали толпы народа, а за толпами духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ, со крестами, и высокій кіотъ съ чудотворной иконой, который бодро несли на плечахъ богоносцы.

— Грядетъ! Грядетъ къ намъ спасеніе наше! Радость наша, Избавительница! зазвонили толпы московскихъ горожанъ, и всѣ ра-

зомъ, какъ одинъ человѣкъ, рухнули на колѣни, кланяясь въ землю и осѣняя себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ... Матери поднимали на рукахъ младенцевъ своихъ, какъ бы предавая ихъ подъ покровъ Богоматери; старцы и юноши съ мольбою простирали къ ней руки и всѣ, въ одинъ голосъ, возглашали со слезами:

— Матерь Божія! Спаси землю Русскую... спаси вѣру православную!

И только тогда, когда стихли порывы восторга, охватившаго все народное множество, когда смолкла многотысячная толпа, ницъ упавшая передъ грядущею святынею,—стало слышно молитвенное пѣніе, возносимое духовенствомъ и клирами всѣхъ московскихъ церквей и монастырей... Стало слышно и стройное пѣніе клира, сопровождавшаго икону... И общій гулъ восторга слился съ молитвеннымъ пѣніемъ въ одинъ общій «гласъ народа», въ которомъ слезы радости и вопли малодушія были одинаково заглушены нахлынувшею волною ободряющей надежды и увѣренностью въ томъ, что спасется Русская земля, что устоитъ вѣра православная, что не дастъ русскому народу погибнуть его Святая Заступница!..

И среди этого общаго восторга, молитвъ, радостныхъ кликовъ и возгласовъ, Она величаво и торжественно шествовала по пути своему къ городскимъ воротамъ, блистая на солнцѣ своею ризою и на всѣхъ изливая лучи своего тепла, своей силы, своего обаянія...

И всѣ, съ ободреннымъ духомъ, съ вѣрою въ возможность спасенія, съ горячей мольбою двинулись вслѣдъ за древней святыней въ городскія ворота и торжественно пронесли ее черезъ узкія, тѣсныя улицы Москвы прямо въ Кремль, въ соборную церковь Успенія, которая и тогда уже возвышалась на Кремлевскомъ холмѣ, рядомъ съ княжескими и митрополичьими палатами. Тамъ, налѣво отъ царскихъ вратъ, поставили святыню въ особомъ кіотѣ, и толпы народа, день и ночь чередуясь и мѣняясь, спѣшили къ ней приложиться, спѣшили припасть у подножья ея кіота, и всѣ одинаково молили не о своемъ спасеніи, а о спасеніи Русской земли.

V.

Далеко-далеко раскинулся въ при-донской степи станъ Тимура. И въ даль, и въ ширь безъ конца тянутся, насколько глазъ можетъ охватить горизонтъ, сотни тысячъ шатровъ и кибитокъ, вмѣщающихъ полумилліонное войско могучаго, непобѣдимаго Тимура.

Безконечный таборъ заснулъ: дневная суета и движеніе стихли. Огни, разложенные на перекресткахъ улицъ, пролегающихъ че-

резъ таборъ, еле теплятся... Все спитъ. Спятъ воины, насытившіеся кровью и грабежемъ при недавнемъ взятіи и разореніи Ельца; спятъ ихъ кони, усталые отъ нескончаемыхъ, тысяче-верстныхъ переходовъ по степямъ; спятъ стада верблюдовъ, несущихъ тысячи пудовъ награбленнаго добра, серебра и золота, драгоцѣнныхъ камней и драгоцѣнныхъ тканей, жемчуговъ и оружія, сосудовъ и мѣховъ. Спятъ даже сторожевые псы по краямъ стана: кому на него напасть, какому врагу по силамъ на него дерзнуть?..

Не спитъ только отборный сторожевой отрядъ около ставки Тимура. Живою стѣною стоятъ ряды закаленныхъ воиновъ, закованныхъ въ желѣзо; незыблемые, какъ стѣна, опираясь на копья, стоятъ они, въ ожиданіи смѣны, посвѣчивая во тьмѣ своими золочеными шеломами. Никому ни пройти, ни проѣхать сквозь эту живую стѣну; и тотъ, кто по волѣ Тимура проходитъ сквозь ряды этой стражи, можетъ только на колѣняхъ доползти до порога ставки и не дерзаетъ поднять головы своей отъ земли, пока могучій, непобѣдимый владыка полуміра не дозволитъ ему взглянуть на блескъ своей славы...

За этою живою стѣною, среди громаднаго шатра изъ безцѣнныхъ персидскихъ и турецкихъ тканей, устланнаго мягкими индійскими коврами, на жесткомъ войлокѣ, подложивъ боевое сѣдло подъ голову, прикрытый простою, косматою буркою, спитъ и самъ могучій, непобѣдимый, несокрушимый Тимуръ. Онъ спитъ — и неспокоенъ нынѣ сонъ Тимура...

Ему во снѣ, какъ на яву, представляются яркія картины послѣдней борьбы съ Тохтамышемъ — послѣдней битвы на берегахъ Терека, гдѣ бѣшеный ревъ и вопль остервенѣлыхъ воиновъ, стукъ и лязгъ булата, свистъ стрѣлъ и топотъ коней заглушали даже дикій плескъ и ропотъ злобной рѣки, столько вѣковъ пробивающей себѣ путь среди каменныхъ, громадныхъ утесовъ. Тимуръ видѣлъ себя въ самой гущѣ боя, видѣлъ, какъ послѣдніе, ближайшіе къ нему ряды воиновъ падали подъ ударами отборной рати Тохтамыша... Но Тимуръ поднялъ руку — и по его знаку новыя, свѣжія силы ринулись въ битву, и въ общемъ потокѣ крови исчезли слѣды враждебной ему Золотой Орды. И вотъ онъ уже торжествуетъ, — вотъ въ его ставкѣ сошлись покрытые пылью, забрызганные кровью враговъ могучіе, неустрашимые вожди его войска и преклонили передъ нимъ колѣна и положили къ ногамъ его головы мурзъ и князей Тохтамыша.

— Слава могучему! возгласили въ одинъ голосъ вожди.—Слава всесильному! Горе врагамъ его!

— Слава Тимуру, владыкѣ народовъ! вторятъ вождямъ сыновья Тимура, осыпая его горстями сверкающихъ драгоцѣнныхъ камней.

— Готовы-ли вы исполнять то, что я повелю, идти—куда васъ пошлю, стирать съ лица земли—кого укажу? спрашиваетъ Тимуръ у вождей своихъ.

— Готовы, владыка народовъ! отвѣчаютъ ему въ одинъ голосъ вожди, падая ницъ передъ его пламеннымъ взглядомъ.

— Помните же, что впредь слово устъ моихъ будетъ мечемъ моимъ.

— Куда же теперь повелишь намъ идти? На полночь? На полдень? На восходъ или на закатъ солнца?

— Идите и сравняйте съ землею богатый Сарай, въ которомъ гнѣздился ничтожный, попранный мною рабъ мой, непокорный Тохтамышъ. А вы,—сказалъ Тимуръ, обращаясь къ сыновьямъ своимъ, — ступайте вверхъ по Дону! возвѣстите русскимъ князьямъ о моемъ приходѣ и требуйте отъ нихъ покорности и дани, обѣщая всѣмъ мою великую милость.

Поклонились Тимуру сыновья и вожди его, и на колѣняхъ, ползкомъ, удалились изъ ставки. Онъ остался одинъ и склонилъ голову на руку, подавленный сознаніемъ своего величія... Но что это?! Кто смѣетъ колебать полы его шатра? Кто дерзаетъ поднять ихъ? И вотъ — онѣ поднялись, и предъ Тимуромъ открылась среди необозримой дали, высокая, стремнистая гора, вздымающаяся за облака. Тимуръ не знаетъ этой горы и съ удивленіемъ на нее смотритъ... Вдругъ свѣтлое облако осѣнило ея вершину и изъ-за облака, стройною чередою, попарно спускаясь съ горы, идутъ сѣдовласые старцы, въ блестящихъ шлемахъ, въ доспѣхахъ, сіяющихъ всѣми лучами солнца, съ пламенными мечами въ рукахъ. А вслѣдъ за могучими старцами, окруженная лучезарнымъ сіяніемъ, сходитъ съ горы прекрасная женщина, съ младенцемъ на рукахъ, и ведетъ за собою несмѣтныя тьмы свѣтлыхъ, прекрасныхъ, крылатыхъ ратниковъ. И съ ужасомъ видитъ Тимуръ, что вся эта безчисленная рать спускается съ горы и, предводимая свѣтлою, благолѣпною женою, идетъ прямо къ его ставкѣ.

Тимуръ озирается: Тимуръ ищетъ кругомъ себя своихъ полчищъ; Тимуръ зоветъ своихъ храбрыхъ вождей, своихъ вѣрныхъ сыновъ, своихъ близкихъ и кровныхъ, свою непоколебимую стражу, — и никто не откликается на его зовъ... А грозная рать небесныхъ воиновъ ужъ близится къ нему, уже наступаетъ, уже подъемлетъ свои молніеносные мечи, готовясь разить его... Тимуръ вскрикиваетъ въ ужасѣ и просыпается...

Все тихо кругомъ... Все спитъ подъ покровомъ темной августовской ночи... И никакое дуновеніе не шевелитъ полами его шатра... Но вѣщій сонъ нейдетъ изъ памяти Тимура и тревожитъ его душу смутными сомнѣніями...

Прошло нѣсколько дней. Несмѣтныя полчища Тимура не трогались съ мѣста и повелѣніе о новомъ походѣ не исходило изъ устъ «владыки народовъ». Онъ ждалъ возвращенія своихъ вождей изъ-подъ Сарая и своихъ сыновей съ береговъ Дона.

Вотъ, наконецъ, вернулись они; вернулись въ станъ Тимура и посланныя съ ними рати, обремененныя военной добычей.

— Нѣтъ болѣе Сарая! доложили почтительно вожди.—Съ землею сравняли мы его гордыя стѣны и башни; въ прахъ сокрушили мы столицу Тохтамыша. Подступали мы и подъ русскій городъ Елецъ, сокрушили мы его стѣны и башни, выжгли и притоптали все то, чего не могли взять въ полонъ... Но мы не посмѣли идти далѣе, мы не дерзнули...

— Какъ?.. Не дерзнули? съ изумленіемъ обратился къ нимъ Тимуръ. — Кто же заградилъ вамъ дорогу къ городамъ и селамъ русскимъ?.. Кого испугались вы, рабы ничтожные?

— Не сѣтуй на насъ и не гнѣвайся, великій владыка и повелитель народовъ, сказалъ, обращаясь къ Тимуру, любимѣйшій изъ сыновей его.—Мы убоялись не силы воинской, не стрѣлъ, не мечей и копій нашихъ враговъ, а ихъ Небесной Заступницы...

— Что такое? Какая заступница? спросилъ Тимуръ, тревожно хмуря брови.

— Разоривъ Елецъ, мы отправили въ Русь надежныхъ лазутчиковъ узнать, готовы-ли русскіе князья къ войнѣ или къ полному покорству твоей всемогущей волѣ. И наши лазутчики вернулись къ намъ со страшною вѣстью: князь Московскій собралъ противъ тебя горсть своихъ отборныхъ воиновъ и сталъ съ ними, ожидая твоего прихода, по берегамъ Оки. Но, не надѣясь на свою силу, онъ призвалъ къ себѣ на помощь Царицу Небесную изъ города Владиміра... И наши лазутчики видѣли, какъ Она шествовала къ Москвѣ, лучезарная, сіяющая, съ младенцемъ на рукахъ, окруженная старцами въ свѣтлыхъ одеждахъ...

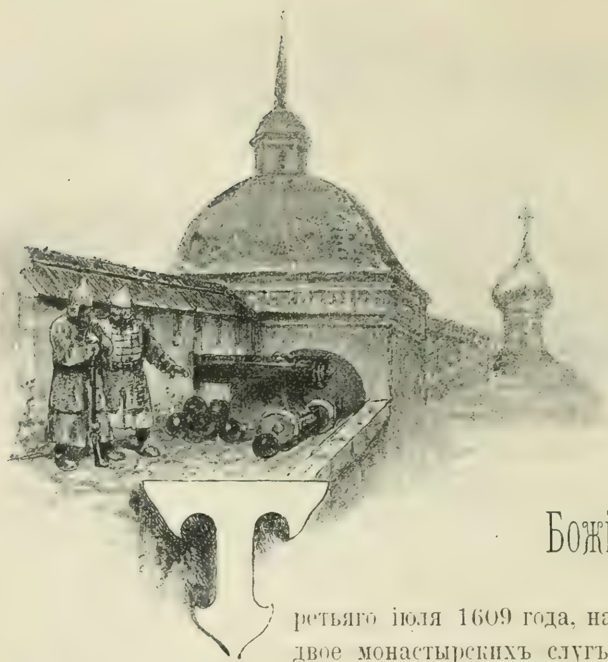
— Замолчи! Довольно... я все теперь постигъ! вдругъ воскликнулъ Тимуръ, поднимаясь съ мѣста.—Ты мнѣ разсказываешь о томъ, что̀ я уже знаю... что̀ я видѣлъ своими очами въ вѣщемъ сновидѣніи. Князья и вожди мои! Мы не пойдемъ войною на Русь... Обратите

мои несмѣтныя рати на полдень;—довольно мы здѣсь пролили крови. Направимся въ обратный путь, черезъ Дербентъ и Персію къ Багдаду... Подымайте весь таборъ! чтобы восходящее солнце не застало насъ болѣе въ здѣшнихъ степяхъ!

— Слава Тимуру, владыкѣ народовъ! воскликнули князья и вожди, и поклонившись до земли, спѣшили удалиться изъ ставки Тимура.

Быстрѣе пташки перелетной долетѣла къ предѣламъ Руси радостная вѣсть объ избавленіи отъ страшнаго нашествія.

Вернулся въ Москву и князь Василій Дмитріевичъ. Долго совѣщавшись съ митрополитомъ Кипріаномъ и старыми московскими боярами, онъ рѣшилъ воздвигнуть обитель на Кучковомъ полѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ москвичи встрѣтили чудотворную икону Владимірской Божіей Матери. Эту обитель онъ наименовалъ *Срѣтенскою*. Съ той поры каждый годъ совершались и понынѣ совершаются сюда крестные ходы (26 августа), дабы не могли русскіе люди забыть о Божьей грозѣ, миновавшей Русскую землю, которая и доселѣ стоитъ непоколебима и тверда среди своихъ безчисленныхъ враговъ, опираясь на вѣру отцовъ и на любовь къ родинѣ.



Божій воинъ.

I.

Третьяго іюля 1609 года, на утренней зарѣ, двое монастырскихъ слугъ, Михайло Павловъ да Григорій Спечевъ, стояли на стѣнѣ Троицкой обители, около Конюшенной башни, и пристально вглядывались въ даль, сквозь одинъ изъ пролетовъ между высокими и толстыми стѣнными зубцами. Давно уже развѣло; на багрово-красномъ востокѣ, изъ-за темной полосы дальняго лѣса, уже начинала показываться ярко-золотистая полоска солнечнаго диска; но густой утренній туманъ—предвѣстникъ жаркаго и душнаго іюльскаго дня—еще лежалъ всюду пушистымъ, бѣлымъ слоемъ надъ лощинами и клубился въ оврагахъ.

— Ничего не видать за туманомъ,—говорилъ товарищу Михайло Павловъ, прикрывая глаза лѣвой рукою, а правой опираясь на копье, прислоненное къ плечу.

— А тамотко - вонъ еще недавно огоньки вспыхивали, за Мишутинымъ врагомъ, и пальбу слыхать было, отвѣчалъ Павлову Григорій, указывая пальцемъ въ туманную даль.

— Видно ужь отбились? Дровецъ нарубили Божьимъ изволеньемъ да чудотворцевымъ моленьемъ, и запасцемъ кое-какимъ пораздобылись... Назадъ чай двинулись — къ обители нейдутъ-ли?

— Христосъ ихъ знаетъ. Не видать еще...

— О-охъ, Господи! Когда этому сидѣнью конецъ будетъ! продолжалъ, глубоко вздохнувъ, Михайло Павловъ. — Чего только мы тутъ не натерпѣлись, чего не навидались! И отъ враговъ утѣсненіе, и гроза смертная, и отъ глада и жажды всяческія страданія! А нынѣ и того больше скорби наши умножаются! на всякій день сколькихъ погребаемъ! Стрѣльцы и казаки и всякіе осадные люди всюду по кельямъ лежатъ; цынга одолѣла, ноги у всѣхъ пухнутъ — оттого и помираютъ.

— Ну, что ты понапрасну Бога гнѣвишь, братъ Михайло? съ укоризною замѣтилъ Григорій. - То ли было десять мѣсяцевъ назадъ, въ началѣ сидѣнья, какъ враги только подступили къ стѣнамъ обители да обложили ее со всѣхъ сторонъ?.. Или не помнишь? Здѣсь же на стѣнѣ мы съ тобой семь недѣль сряду ни одной ночи не спали. По трое сутокъ кольчужной рубашки съ плечъ не спускали! А теперь вонъ какъ враги-то наши пріуныли: - второй мѣсяцъ кончается съ тѣхъ поръ, какъ они послѣдній разъ подъ стѣны подходили...

— Пріуныли? А почемъ ты знаешь, что они и теперь на приступъ идти не собираются? Подмоги ждутъ — либо ночей темныхъ іюльскихъ дожидаютъ?.. А ты ужь—«пріуныли»!

— Да какъ же не пріуныли, братъ Михайло? Помнишь, какъ наши, въ субботу прошлую, на вылазку ходили и еще пана Маковскаго въ полонъ взяли?.. Такъ вотъ наутро-то, въ воскресенье, послѣ ранней обѣдни, изъ Сапѣгиныхъ становъ, пріѣхалъ къ Каличьимъ воротамъ того пана Маковскаго братъ - привезъ ему постелю, рубашку, портки и вина, и говорилъ нашимъ: — у Сапѣги-де давно на умѣ одна дума - какъ послышатъ государевыхъ людей, такъ бы ему и бѣжать въ большіе таборы къ вору...

— А ты и повѣрилъ, Иванъ-простота! Съ тѣхъ поръ недѣля минула, а ляхи да Литва окаянная стоятъ, не ворохнутся: отъ воды и отъ дровъ насъ отрѣзали, на заставахъ наши грамотки да посыльниковъ нашихъ перехватываютъ...

— Постой, братъ Михайло! А не при тебѣ-ли третьяго дня, какъ еще къ стѣнѣ подъѣхали три пана, пьяным-пьяны и опохмѣлиться у насъ Христа ради просили - и мы еще имъ квасу житнаго выслали... Не при тебѣ-ли одинъ панъ, отъ другихъ отъѣхавъ, тоже сказывалъ, что Сапѣга въ отходъ собирается, обозы многіе впередъ отпущаетъ...

— А ты и уши развѣсилъ! Пьяный панъ наболталъ, набалакалъ - а ты и вѣришь... У нихъ все лжа сплошная... Я ни ляху,

ни литвину, не дамъ вѣры, хотя бы онъ ко мнѣ сюда на стѣну сталъ, изъ одной бы корчаги со мной щи прихлебывалъ, на одной бы постели со мной спалъ...

— Такъ ты и пану Мартьяшу не вѣришь!

— Еще бы я ему вѣрить сталъ! — лютору злому, перебѣжчику!

— Какой же онъ люторъ! Что ты, братъ Михайло! Да панъ Мартьяшъ чудотворцеву дому первый слуга. Вѣдь вотъ уже третій мѣсяцъ пошелъ, какъ онъ къ намъ перебѣжалъ и воеводамъ нашимъ вѣрою и правдою служитъ. И на вылазки ходитъ, и бьется крѣпко — не лицемѣритъ, и на стѣнахъ здѣсь порядокъ соблюдаетъ, и къ пушкамъ, и къ пищалямъ прицѣли устрояетъ, и сколько ужь пакости литовскимъ людямъ и русскимъ измѣнникамъ натворилъ!..

— Вотъ то-то молодъ ты, Григорій... Ты еще пребываешь въ учимыхъ чину, такъ не тебѣ меня учить... Знаю я, что самъ князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ въ этого Мартьяша окаяннаго, какъ въ сына роднаго вѣритъ — что и держитъ его при себѣ, и отказу ему ни въ чемъ не чинитъ. Да ладно-ли выйдетъ?.. Вѣдь ужь этотъ Мартьяшъ и въ начальные лѣзетъ: князь его не токмо что на вылазки посылаетъ, а и ночью ему по стѣнамъ ходить велитъ, стражбы досматривать... Долго-ли тутъ до грѣха?

Григорій недовѣрчиво покрутилъ головой, съ видимымъ неудовольствіемъ оправилъ поясъ на рваномъ полукафтаньѣ, надѣтомъ поверхъ кольчуги, и проворчалъ сквозь зубы:

— Этакъ, пожалуй, ты и Нѣмка опорочишь! И ему довѣрять не велишь?

— Экъ ты кого приравнялъ къ Мартьяшкѣ! Да вѣдь Нѣмко-то — Божій человѣкъ, юродъ прирожденный! Гдѣ ужь ему лукавить... И даромъ что онъ отъ Бога побитъ, и глухъ, и нѣмъ отъ рожденья, а смотри-ка ты, какъ съ ворогами-то бьется... Отъ стремени Ананья Селевина ни на вылазкахъ, ни въ битвахъ ни на шагъ не отходитъ; какъ вѣрный песъ ему преданъ... А кто съ Ананьемъ вровень идти можетъ, тотъ ужь изъ богатырей богатырь: тому ввѣриться можно!

Но Григорій Спечевъ уже не слушалъ Михайла Павлова... Онъ пристально всматривался въ даль, прикрываясь ладонью отъ солнца, которое поднялось надъ линіей горизонта громаднымъ багрово-краснымъ шаромъ безъ лучей, и отбросило къ западу длинныя тѣни отъ монастырскихъ башенъ, отъ зубчатыхъ стѣнъ и величавыхъ храмовъ.

— Братъ Михайло! Глянь-ка, глянь! Не наши-ли на пригоркѣ показались? по косогору въ оврагъ спущаются... Ровно бы въ ровъ съѣзжать хотятъ?

— И то, должно быть наши! Вонъ какъ шеломы-то да копья на солнцѣ блестятъ! А вонъ и дѣти боярскіе на бахматахъ *) — и Ананій впереди всѣхъ на своемъ саврасомъ конѣ... И долговязый Нѣмко́ съ нимъ рядомъ шагаетъ... И обозъ за ними не малый тянется...

Въ это время на колокольнѣ соборнаго храма раздался первый ударъ колокола, призывавшій всѣхъ во храмъ къ утренней молитвѣ. Густой и протяжный звукъ разлился въ тихомъ утреннемъ воздухѣ широкой и плавной волной... На стѣнахъ закопошились люди, поспѣшно поднимаясь отъ сна, оправляясь и крестясь на главы храма, увѣнчанныя ярко-блестѣвшими крестами. Григорій и Михайло обнажили головы и набожно перекрестились.

— Слава Тебѣ, Господи-Царю! Слава и чудотворцамъ нашимъ Сергію и Никону! Богъ еще нашимъ грѣхамъ терпитъ: возвращаются наши братья изъ-за города, съ вылазки — и цѣлы, и невредимы.

II.

Колоколъ соборнаго храма гудѣлъ, призывая троицкихъ сидѣльцевъ къ обычной утренней молитвѣ. Изо всѣхъ уголковъ обители повыползали на Божій свѣтъ старцы, женщины и дѣти, исхудалые, блѣдные, покрытые лохмотьями. Разнообразный людъ выходилъ толпами изъ келій, изъ подваловъ, изъ землянокъ, изъ-подъ шалашей, на́скоро разбитыхъ среди безчисленныхъ могилъ обширнаго монастырскаго кладбища. Черезъ эту пеструю толпу, въ которой на видъ ничего не было воинственнаго, стройнымъ рядомъ проходила монашествующая братія съ архимандритомъ и соборными старцами во главѣ. Толпа сторонилась передъ ними и низко кланялась монастырскому начальству. Настроеніе толпы, несмотря на чудесное іюльское утро, было довольно сумрачное: ни благодатное тепло, ни ясное солнышко, ни чудное, высоко раскинувшееся небо, покрытое разбѣгавшимися багровыми облачками, не радовали среди этихъ холодныхъ, высокихъ стѣнъ, облитыхъ кровью, среди тѣхъ бѣдъ и напастей, которыхъ приходилось ждать отовсюду, среди полной неизвѣстности о будущемъ.

«Хотя бы одинъ конецъ былъ этому сидѣнью!» — вотъ что у каждаго изъ несчастныхъ сидѣльцевъ было въ головѣ; вотъ что просилось у всѣхъ на уста, при первомъ удобномъ случаѣ, вмѣстѣ съ малодушнымъ ропотомъ на воеводъ, на монастырское начальство и на вынужденный постъ осаднаго сидѣнья.

---

*) *Бахматъ*—малорослая лошадь, въ родѣ нынѣшнихъ пони.

— Православные!- кричитъ мимо-идущимъ со стѣнной сторожи какой-то монастырскій служка, помахивая скуфейкой, вздѣтой на рогатину. А православные! Наши съ вылазки изъ-за города идутъ! Богъ далъ цѣлы и здоровы — и обозъ за собой ведутъ не малый...

— Наши! Наши идутъ!.. Далъ Богъ здоровы ворочаются!.. Обозъ за собой везутъ... Чай съ запасомъ? - - вотъ что, быстро, въ одно мгновеніе, распространяется по всей толпѣ сидѣльцевъ, изъ края въ край обители.

И шумныя, радостныя восклицанія общимъ взрывомъ кликовъ и шумнаго говора покрываютъ звуки мѣрногудящаго соборнаго колокола, призывающаго къ молитвѣ. Забыта молитва... Не до Бога теперь толпѣ: всѣ спѣшатъ на встрѣчу ратныхъ, къ монастырскимъ воротамъ, около которыхъ уже собралась кучка стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей, строго-настрого охраняющихъ всѣ входы и выходы изъ обители. Самъ воевода троицкій, князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, стоитъ подъ темными сводами воротнаго прохода и смотритъ какъ двое старцевъ отмыкаютъ тяжелые замки и засовы несокрушимыхъ дубовыхъ створовъ, окованныхъ толстыми полосами желѣза... А за воротами уже слышенъ шумъ и говоръ приближающейся толпы ратныхъ, бряцанье оружія, скрипъ колесъ, топотъ и звонкое ржаніе коней, на которое въ разныхъ концахъ обители отзываются веселымъ ржаніемъ кони на монастырскихъ конюшняхъ.

Вотъ, наконецъ, упали тяжелые затворы, заскрипѣли, распахиваясь настежь, дубовые створы, и солнечный свѣтъ яркою, ослѣпительною волною пролился подъ темные своды... А изъ-за воротъ, облитая яркими, красноватыми лучами утренняго солнца, подъ своды родимой монастырской стѣны, весело хлынула толпа пѣшихъ стрѣльцовъ, конныхъ боярскихъ дѣтей, троицкихъ слугъ и осадныхъ крестьянъ. Одни шли и ѣхали, вооруженные съ головы до ногъ, въ шеломахъ съ бармицами, въ дощатыхъ броняхъ, съ копьями въ рукѣ, съ пистолями и саблей на поясѣ; другіе — въ рваныхъ полушубкахъ, накинутыхъ поверхъ плохаго куячишка *), и въ стеганыхъ войлочныхъ колпакахъ, съ тяжелымъ бердышемъ или рогатиной на плечѣ. Впереди всего отряда ѣхали верхами человѣкъ двадцать молодцовъ изъ монастырской братіи, въ черныхъ рясахъ, надѣтыхъ поверхъ доспѣха, и въ черныхъ скуфьяхъ, прикрытыхъ кольчужной сѣткой.

Общій крикъ радости раздался навстрѣчу ратнымъ, возвращав-

*) *Куякъ* — броня изъ войлока, на которой нашиты металлическія бляхи.

шимся съ вылазки: тѣ отвѣчали такими же шумными и радостными возгласами.

— Вотъ они, наши голубчики! заголосили бабы. — Вернулись— слава Тебѣ Господи! И всѣ, кажись, по добру да по здорову — да съ запасцомъ! Смотри-ка, — не токмо что на возахъ везутъ, а у иныхъ и на плечахъ запасъ навьюченъ... Сподобилъ Господь и нашей утробѣ отъ обительской пищи отдыхъ дать...

— Здорово, ратные! крикнулъ навстрѣчу входившимъ князь Долгоруковъ. — Сподобилъ Господь!

— Здравъ буди, княже! громко и весело отвѣчали воеводѣ воины.

— Чай глотки-то у васъ пересохли? Ступайте-ка, велите дать себѣ съ братскаго погреба по братинкѣ кваса медвянаго. Скажите— я молъ приказалъ!

— Спасибо, княже! кричали воины, проходя ворота.

Въ это время сотникъ Никула Волжинскій, да лѣваго крылоса головщикъ, чернецъ Гурій Шишкинъ — высокіе и бравые люди среднихъ лѣтъ — пріостановили коней около воеводы, князя Долгорукова, и, поздоровавшись, докладывали ему объ успѣшномъ дѣлѣ съ Сапѣжинцами и русскими измѣнниками.

— Благодареніе Богу, басилъ Гурій Шишкинъ, — подъ Чемодановой деревней всю ихъ воровскую заставу разнесли, копейную роту Сапѣгину врасплохъ застали, разгромили, пришибли ихъ человѣкъ съ двадцать, да въ языкахъ двоихъ ведемъ добрыхъ пановъ, и запасцомъ позапаслись, — на двѣнадцати подводахъ веземъ. И своихъ, Божіею милостью, никого не истеряли...

— И раненыхъ-то только четверо, добавилъ сотникъ Никула.— да и тѣ не гораздо: одинъ по головѣ отъ затылка вскользь, двоимъ копьемъ руки проколоты, да вотъ Ананья Селевина — пулей въ ногу, пониже колѣна, прошило...

— То-то я его не вижу, съ видимымъ сожалѣніемъ замѣтилъ воевода,—чай сзади волочется, на подводѣ... Надо бы его попользовать, перевязать...

— Нѣтъ! Онъ не сзади... Онъ тутъ у воротъ коня остановилъ— всѣхъ хочетъ пропустить впередъ себя! Такой ужь у него зарокъ положенъ: первому изъ обители выходить, послѣднему вступать.

— Добрый, настоящій воинъ!

— Да намъ его сегодня и въ живыхъ бы не видать, вступился Гурій Шишкинъ,—кабы не вѣрный песъ его, Нѣмко!.. Ужь точно — богатырь! Какъ высыпали ляхи изъ-за копани своей — наши-то и опѣшили спервоначалу. Вотъ они Ананья-то и облѣпили, что пчелы...

Тотъ туда-сюда: вертится на конѣ да бьется; а Нѣмко́ закрылъ его собою, да съ бердышемъ — на ляховъ! Пока мы къ нимъ на выручку поспѣли — онъ одинъ шестерыхъ уложилъ... Да силища-то какова! Что ни рубнетъ, — то либо голова пополамъ, либо рука съ плечемъ... Богатырь! А то не сдобровать бы Ананью.

Какъ разъ въ это время, вслѣдъ за остальными ратниками и подводами, нагруженными запасомъ, въ ворота обители въѣзжалъ на своемъ саврасомъ конькѣ стройный и красивый малый въ шеломѣ и кольчужной рубахѣ, надѣтой поверхъ простаго сермяжнаго крестьянскаго платья. Лицо его, опушенное жиденькой русой бородкой, было блѣдно; въ большихъ голубыхъ глазахъ выражалось страданіе и безпокойство. Онъ ѣхалъ на конѣ, придерживая рукою ногу, перевязанную выше колѣна окровавленной тряпицей. Рядомъ съ нимъ шагалъ высокій и сухощавый человѣкъ, съ несоразмѣрно-длинными руками, которыя безтолково болтались около его сухопараго туловища. Голова этого человѣка была прикрыта тяжелымъ шишакомъ; а широкія плечи и грудь — нѣмецкимъ панцыремъ съ фигурными бляхами. Огромный бердышъ закинутъ былъ за спину, на которой у этого воина была подвязана не легкая ноша: мѣшокъ муки да говяжья туша. И несмотря на эту пудовую ношу, высокій и сухощавый воинъ шелъ, не сгибаясь, огромными шагами, и не отставалъ ни на пядь отъ своего коннаго товарища, Ананья Селевина.

— Аль раненъ, Ананьюшка? ласково обратился воевода съ вопросомъ къ Ананью Селевину, который считался однимъ изъ надежнѣйшихъ борцовъ за домъ Живоначальныя Троицы.

— Раненъ, княже! Какъ въ огнѣ горитъ нога-то... Пулей вскрозь прошили, окаянные... Да еще и то милость Божія! Кабы не онъ, не Нѣмко́ — костьми бы лечь пришлось...

И Ананій указалъ рукою на Нѣмка́, который вдругъ просіялъ лицомъ, заморгалъ своими маленькими карими глазками, оскалилъ бѣлые какъ жемчугъ зубы и замахалъ руками, указывая, какъ онъ рубилъ враговъ.

Воевода усмѣхнулся.

— И безъ его сказа видно, каково отъ него досталось ляхамъ! сказалъ князь окружающимъ, указывая на широкія струи и пятна крови, которыми покрыто было и платье, и доспѣхи Нѣмка̀.

И воевода ласково потрепалъ Нѣмка́ по плечу; но тотъ, не обращая на это вниманія, сталъ дергать воеводу за рукавъ кафтана и все указывалъ на ногу Ананья Селевина.

— И точно! Умникъ! спохватился воевода. — Прежде всего —

А. Ф. Маркса

А. Ф. Маркса

свести его въ мою же келью, тамъ положить — и тотчасъ перевязать. Скажите Мартьяшу! Тотъ гораздъ у насъ на всякія руки — и грамоты писать, и въ трубы трубить, и раны перевязывать, и недуги легчить... А намъ съ тобою, братъ Гурій, надо поспѣшать къ собору — Бога за успѣхъ благодарить!

И воевода, принявъ воротные ключи отъ старцевъ, вмѣстѣ съ инокомъ Гуріемъ зашагалъ по направленію къ собору.

III.

А у собора былъ и шумъ, и говоръ. Среди радостныхъ возгласовъ собравшейся тамъ пестрой толпы, слышалась и брань, и нестройный гулъ голосовъ, галдѣвшихъ безъ толку и смысла, лишь для того, чтобы пошумѣть, погромче заявить о своемъ недовольствѣ. Кучка ратныхъ людей, еще не успѣвшихъ скинуть съ себя доспѣхи и сложить оружіе, стояла у самой соборной паперти, окруженная густою толпою всякаго сброднаго люда, въ которой видны были и женщины, и дѣти. Двое старцевъ о чемъ-то очень громко и выразительно выговаривали толпѣ, которая то перебранивалась съ ними, то шумно высказывала свои какія-то требованія.

— Мы имъ во̀-какую силу запаса приволокли — своею кровью и смертнымъ боемъ добыли; а они намъ и по братинкѣ квасу меднаго отпустить не хотятъ! кричали ратные, которымъ вторила толпа!

— Говорятъ вамъ,—отвѣтилъ имъ одинъ изъ стоящихъ на паперти соборныхъ старцевъ,—что всѣ питья на погребѣ, по царскому велѣнію, запечатаны, и мы ихъ изъ-за печати давать не вольны.

— А коли вамъ самъ воевода приказываетъ! горячилась толпа.

— А хоша бы и самъ воевода, спокойно сказалъ старецъ. — За казну да за обительскій обиходъ не воевода, а мы въ отвѣтѣ будемъ.

— Чего-ужь! раздались голоса въ толпѣ,— отъ нихъ и раненымъ-то, и больнымъ потѣшенья нѣтъ... Такъ что имъ наша нужа?

— Грѣшно вамъ и говорить о нужѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ сѣли въ осадѣ, всѣ ѣдите троицкій хлѣбъ—и на всѣхъ хватало...

— Хлѣбъ! — На шестнадцать человѣкъ по одному пушно̀му хлѣбу сходитъ, да вонъ и изъ того еще середки вырѣзаете, крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Лжу глаголешь! отозвался старецъ, — что сами ѣдимъ, то и вамъ даемъ. И не разъ вамъ говорили: изъ-передъ меня, изъ-передъ архимандрита возьми въ трапезѣ, а свое передъ меня поставь... А вамъ все давай по кельямъ, да по рукамъ! Хотите не токма̀ что женъ и дѣтей, а и жо̀нокъ чудотворцевымъ хлѣбомъ насытить!..

— А по-твоему пропадать намъ, что ли? завизжало разомъ нѣсколько женскихъ голосовъ. — Чай тоже не сидимъ сложа руки — всю обитель обшиваемъ и обмываемъ. Да и на стѣнахъ не хуже вашего бились съ литвою да съ ворами!

— Князь-батюшка! заголосила толпа, обращаясь къ князю Григорію Борисовичу, когда тотъ приблизился къ паперти.—Твоего приказу отцы не исполняютъ! За службу нашу да за раны приказалъ ты намъ по братинкѣ квасу медвянаго выдать; а отцы не даютъ.

— Княже! обратился къ воеводѣ старецъ, говорившій съ толпою. — Питья, самъ ты вѣдаешь, безъ царскаго указа, мы изъ-за печати взять не можемъ... Не смѣемъ царскихъ обиходовъ коснуться! А они галдятъ, съ возовъ сваливать запаса не даютъ...

— Отецъ Малахія! Что ужь выговорено, то и вымолочено:—не хочешь ты изъ царскихъ обиходовъ за царскую службу ихъ питьемъ жаловать, такъ пожалуй, прикажи изъ моего погребнаго запаса имъ по обѣщанной братинкѣ выдать...

— Спасибо, князь-государь! заголосила весело толпа.

— А тѣмъ временемъ, строго приказалъ князь, — прикажи-ка, отецъ, чтобы братія возы развязывала да весь запасъ отчетомъ принимала и на паперть складывала.

Какъ разъ въ ту минуту, когда меньшая братія собиралась исполнить приказаніе старца Малахіи, а смолкнувшая толпа, повинуясь приказанію князя, развязывала возы съ запасомъ — сквозь толпу пробился къ самой паперти Нѣмко́. Въ томъ же доспѣхѣ и платьѣ, забрызганномъ и залитомъ кровью, онъ набожно опустился передъ соборомъ на колѣни, снялъ тяжелый шишакъ и положилъ его на каменныя ступени паперти. Потомъ отвязалъ со спины мѣшокъ муки и тушу мяса и, хватая старца Малахію за полы его рясы, знаками сталъ показывать, что жертвуетъ это въ домъ чудотворца, на общую пользу.

Старецъ Малахія прослезился.

— Вотъ, глядите́, любуйтесь, православные! Вотъ истинное чадо Христово — темное, неразумное, Имъ Единымъ просвѣщаемое и наставляемое... Вы наградъ хотите за вашу службу, а онъ добытое и ранами, и кровью, и страхомъ смертнымъ, приноситъ въ даръ великимъ чудотворцамъ, на общую потребу. Да почіетъ же на главѣ твоей ихъ благословеніе, Божій воинъ!

И онъ опустилъ руки на голову Нѣмка́, который все еще стоялъ недвижно на колѣняхъ, закрывъ глаза и набожно склонившись передъ старцемъ.

IV.

Темная іюльская ночь уже спустилась надъ Троицкою обителью, когда панъ Мартьяшъ, любимецъ воеводы, вышелъ съ фонаремъ въ рукахъ изъ кельи князя Долгорукова. Ему было приказано обойти стѣнную стражу и повѣрить караулы у всѣхъ воротъ обители. Онъ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе: побывалъ у всѣхъ воротъ, переикликнулъ поимянно всѣхъ сторожей по списку, затѣмъ поднялся по широкой деревянной лѣстницѣ на верхъ стѣны, гдѣ былъ поставленъ «тяжелый нарядъ» — пушки, затинныя пищали и рушницы — и пошелъ крытымъ ходомъ вдоль зубцовъ стѣны. Все было въ порядкѣ: всѣ люди были на мѣстахъ, очередные сторожа не спали, урядники были при караулахъ. Мартьяшъ заглянулъ во всѣ уголки, все осмотрѣлъ съ видомъ тонкаго знатока всякихъ военныхъ хитростей, и вышелъ изъ-подъ навѣса на открытый раскатъ стѣны, по которому сторожей было немного и притомъ они были разставлены на большихъ разстояніяхъ. Раскатъ былъ настолько широкъ, что шесть человѣкъ могли свободно идти по немъ въ рядъ; притомъ, каждый подъемъ и поворотъ раската былъ видимо извѣстенъ пану Мартьяшу до мелочей, и потому, выйдя на раскатъ, онъ преспокойно задулъ фонарь и поставилъ его въ одномъ изъ углубленій стѣны. Затѣмъ, онъ быстро зашагалъ въ темнотѣ, по раскату, вдоль зубцовъ стѣны...

А темнота была такая, что хоть глазъ выколи... Только присмотрѣвшись и привыкнувъ къ окружающему мраку можно было со стѣны различить на темномъ фонѣ ночнаго неба окутанныя мглою очертанія монастырскихъ храмовъ и башенъ. Путеводною звѣздочкою среди мрака мерцала въ соборномъ окнѣ неугасимая лампада надъ гробомъ Св. Сергія. Вокругъ собора и въ братскихъ кельяхъ царило глубокое молчаніе: нигдѣ ни огонька: все спало мертвымъ сномъ. Но далѣе, къ монастырскому острогу и около Конюшенныхъ воротъ — тамъ, гдѣ главнымъ образомъ было скучено все населеніе Троицкихъ сидѣльцевъ и защитниковъ, видны были огни, слышался смѣхъ и говоръ, а изрѣдка долетали и пѣсни, и клики хмѣльной ватаги и топотъ пляски съ присвистомъ и бубномъ.

Панъ Мартьяшъ прошелъ по раскату до круглой угловой башни, миновавъ двухъ стѣнныхъ сторожей, которые сердито окликнули его и спокойно пропустили, когда онъ произнесъ вполголоса условный ясакъ. За круглой башней Мартьяшъ свернулъ немного влѣво, дошелъ до выступа стѣны на мѣстѣ нѣкогда бывшаго острога, опасливо оглянулся во всѣ стороны и затѣмъ быстро вскарабкался на

узкую площадку между двумя зубцами. Цѣлое море мрака, черное и непроглядное, покрывало всю окрестность; только вдали, на линіи непріятельскихъ окоповъ мелькали мѣстами огоньки. Мартьяшъ внимательно вглядѣлся въ даль, снялъ съ пояса кремень и кресало и, вытянувъ передъ собою руки, ударилъ разъ, другой, третій... Потомъ остановился и переждалъ...

Невдалекѣ отъ стѣны, на перестрѣлъ изъ лука, въ темнотѣ посыпались искры: тамъ кто-то также высѣкалъ огонь, разъ, другой, третій...

Черезъ минуту, въ томъ же направленіи, искры опять посыпались непрерывно, съ рѣдкими, небольшими промежутками...

Тогда панъ Мартьяшъ сунулъ руку въ разсѣлину зубца, вытащилъ оттуда самострѣлъ и колчанъ со стрѣлами, приладилъ, подвязавъ къ стрѣлѣ, грамотку, наложилъ стрѣлу на тетиву, прицѣлился—и спустилъ ее по направленію искръ, все еще сыпавшихся среди мрака...

Спустивъ стрѣлу, Мартьяшъ постоялъ съ минуту на той же площадкѣ. Искры не сыпались болѣе вдали: грамотка его дошла по назначенію. Онъ опять спряталъ самострѣлъ и колчанъ со стрѣлами въ ту же разсѣлину зубца, осторожно спустился съ площадки, и, оглядѣвшись во всѣ стороны, зашагалъ далѣе по раскату.

Но не успѣлъ еще онъ отойти и на двадцать шаговъ, какъ изъ темнаго угла за выступомъ башни показалась высокая фигура Нѣмка̀, который, крадучись неслышными шагами, подошелъ къ тому же зубцу стѣны, ощупалъ въ разсѣлинѣ самострѣлъ и колчанъ со стрѣлами, какъ бы желая удостовѣриться въ томъ, что они положены на то же мѣсто; потомъ вынулъ изъ колчана одну стрѣлу, сунулъ ее себѣ за пазуху и, погрозивъ кулакомъ вслѣдъ Мартьяшу, какъ кошка спустился со стѣны внутрь монастырской ограды, цѣпляясь за выступы и выбоины каменной кладки.

Уже три ночи сряду Нѣмко́ наблюдалъ за продѣлками пана Мартьяша,— теперь онъ твердо убѣдился въ томъ, что Мартьяшъ передаетъ вѣсти во вражій станъ—и спѣшилъ принять свои мѣры, спѣшилъ предупредить кого слѣдуетъ о грозящей опасности, объ измѣнѣ, свившей себѣ гнѣздо въ стѣнахъ святой обители...

V.

Князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, несмотря на позднее время ночи, еще не спалъ. Онъ сидѣлъ у себя въ кельѣ, запершись съ чернецомъ Гуріемъ Шишкинымъ, и писалъ пространное письмо своему другу, «великому господину старцу келарю Авра-

мію», который жилъ въ Москвѣ на государевыхъ очахъ и былъ у царя Василія Ивановича постояннымъ ходатаемъ о нуждахъ Троицкой обители. Нагнувшись надъ столомъ, на которомъ были разбросаны и кучей навалены столбцы разныхъ дѣлъ, грамоты и письма, князь заглядывалъ черезъ плечо Гурія Шишкина, который четко и красиво выводилъ на письмѣ строку за строкою, украшая ихъ кудреватыми росчерками и мудреными титлами. Плохо разбирая эти чернильныя каракульки, добродушный князь старался еще и еще припомнить все, что необходимо было вмѣстить въ письмо, и безъ того уже обширное и переполненное всякими подробностями.

— Объ Алёшкѣ Голохвастовѣ перечти все по ряду, что писано?

— А вотъ писано, какъ онъ отъ тебя ключи городовые отнять подучалъ, да какъ мужиковъ на тебя подымалъ за то, что ты казначея пытать велѣлъ, про его измѣну провѣдавши.

— Ну, ладно! Такъ вотъ еще добавь: — многіе-де люди про Алексѣя Голохвастова вѣдаютъ, что онъ дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинитъ; а коли все на его писати, то и письмо не обдержитъ.

Гурій сталъ писать. Князь поднялся со своего мѣста и сталъ быстрыми шагами ходить по кельѣ.

— Истинно, не обдержитъ! говорилъ онъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ. — Измѣною меня осѣтили отовсюду! Ни день, ни ночь покою отъ заботы нѣтъ... Да я не сдамся! Надъ гробомъ Св. Сергія цѣловалъ я крестъ въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны—и никакому измѣннику пощады не дамъ! Будь онъ мнѣ не то товарищъ, а братъ родной — сынъ мой единокровный, расправлюсь съ нимъ, какъ съ ворогомъ!

Въ двери кельи постучался кто-то легонько.

— Кто тамъ? что надо?

— Это я, батюшка!

Князь отомкнулъ дверь и сказалъ ласково:

— Входи, Ваня!

Черезъ порогъ кельи переступилъ молодой князь Иванъ Григорьевичъ Долгоруковъ.

— Что скажешь, сынокъ?

— Не дожить Ананью и до утра... горитъ огнемъ—и ногу раздуло по самый пахъ. Все бредитъ — памяти совсѣмъ лишился...

— Жаль добраго воина! печально произнесъ воевода,—да противъ воли Божьей что̀ подѣлаешь?

Прошло мгновенье въ глубокомъ молчаніи.

Вдругъ въ сѣняхъ раздались чьи-то тяжелые, поспѣшные шаги.

чья-то сильная рука рванула дверь за скобу, распахнула ее нàпяту,— и Нѣмко̀, блѣдный, растрепанный, ворвался въ келью воеводы.

Съ перваго взгляда на него, всѣ поняли, что случилось нѣчто необычайное... Глаза его горѣли, лицо было искажено страшною злобою; платье было въ безпорядкѣ. Быстро подойдя къ воеводѣ, онъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ указывать на дверь, и бить кулакомъ о кулакъ, и скалить зубы, и скрежетать ими, и опять указывать на дверь, какъ бы приглашая воеводу за собою слѣдовать.

— Это онъ, княже, жалуется на кого-нибудь! замѣтилъ Гурій Шишкинъ.—Кто-нибудь его обидѣлъ!

Нѣмко̀ впился глазами въ Гурія, понимая, что тотъ толкуетъ его нѣмую рѣчь... И вдругъ вскочилъ на ноги и сталъ ходить по кельѣ, приложивъ кулаки къ губамъ въ видѣ трубы и стараясь подражать осанкѣ пана Мартьяша.

— Должно быть панъ Мартьяшъ его обидѣлъ? Видишь, онъ кажетъ его осанку и какъ тотъ въ трубу играетъ...

А между тѣмъ, Нѣмко̀ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда стрѣлу безъ острія, схватилъ со стола первый попавшійся лоскутъ бумаги, навязалъ ее на стрѣлу и сталъ показывать, что спускаетъ стрѣлу изъ лука... Его движенія были такъ выразительны, смыслъ ихъ такъ понятенъ, что и воевода, и княжичъ Иванъ, и Гурій Шишкинъ съ невольною тревогой переглянулись между собою.

— Онъ, Божій человѣкъ, къ тебѣ пришелъ съ доносомъ на измѣну... Показываетъ, какъ кто-то вѣсти на стрѣлахъ передаетъ въ Сапѣгинъ станъ, сказалъ Гурій.—Мы къ языку его обычны...

— И точно, не измѣна-ли какая? тревожно произнесъ воевода. — Смотрите-ка, стрѣла-то вѣдь тупая, какъ будто для вѣстей и прилажена!

Нѣмко̀, видя, что воевода разсматриваетъ стрѣлу, схватилъ его за руку и потянулъ слегка къ дверямъ, руками объясняя, что онъ ему покажетъ, гдѣ такія стрѣлы лежатъ; и опять сталъ ходить по комнатѣ, подражая движеніямъ Мартьяша и явно указывая на него, какъ на лицо, передававшее вѣсти на стрѣлахъ.

— Что за притча? Да вѣдь онъ на Мартьяша указываетъ—прямо на него! спохватился воевода.—Да быть не можетъ! Мартьяшъ намъ вѣрность свою не разъ доказывалъ. Я ему болѣе многихъ нашихъ повѣрю! Я на Алёшку Голохвастова его не промѣняю!

— А все недурно бы его призвать къ отвѣту! замѣтилъ княжичъ.

— Да и попытка вѣдь не пытка- и спросъ не бѣда! пробасилъ Гурій.—Все призвать бы его сюда, да допросить келейно.

Нѣмко не могъ слышать ихъ рѣчей, но онъ понялъ, что воевода ему не довѣряетъ. Страшное волненіе изобразилось на лицѣ его... Онъ опять упалъ на колѣни, указывалъ на образъ въ углу, билъ себя въ грудь, и снова скалилъ зубы и билъ кулакомъ о кулакъ, и звалъ всѣхъ за собою, какъ бы предлагая указать измѣнника. Потомъ, вскочивъ на ноги, и думая, что его не поняли, онъ сталъ указывать на стѣны кельи, и поднимать вверхъ руки, и падать на землю... Его мимика была такъ выразительна, что Гурій Шишкинъ не выдержалъ, поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Князь-государь! Онъ ясно говоритъ, что стѣны обители взлетятъ на воздухъ и упадутъ; что гибель всѣмъ намъ грозитъ! Гибель неминучая! Не можешь ты его рѣчьми пренебречь, государь! За это ты самъ въ отвѣтѣ будешь предъ Богомъ, предъ государемъ и предъ домомъ Живоначальной Троицы.

Князь видимо колебался, хмурилъ брови и не могъ побороть въ себѣ довѣрія и пріязни къ Мартьяшу. Наконецъ сказалъ, пожимая плечами:

— Что-жъ? Разыщемъ... Допросимъ Мартьяша! Вѣдь коли правъ онъ, такъ мудрено-ли будетъ оправдаться ему... Чай не нѣмой онъ?. Ваня, поди, сыщи его и приведи сюда!

— Стой, княжичъ! твердо произнесъ Гурій Шишкинъ.—Прежде чѣмъ пойдешь его разыскивать -постой! Пусть при тебѣ же, отецъ твой, князь Григорій, побожится, что если точно Мартьяшъ объявится въ измѣнѣ виновнымъ — если точно онъ съ врагомъ сносился на стрѣлахъ... *повиненъ смерти!* Побожись намъ, князь Григорій, что его отстаивать не будешь, ни укрывать, ни защищать.. А выдашь головою...

— Я же тебѣ сказалъ, что никакому измѣннику не дамъ пощады, хоть будь мнѣ другъ-ли, сродникъ-ли - - или хоть сынъ родной, — не пощажу! Или думаешь, что отъ клятвы откажусь?.. Ступай, Иванъ возьми съ собой Нѣмка: пусть онъ тебѣ укажетъ, на кого приноситъ онъ извѣтъ въ сношеніяхъ съ вражьимъ станомъ.

Нѣмко понялъ значеніе послѣднихъ словъ воеводы. Онъ понялъ, что ему вѣрятъ, что требуютъ отъ него указаній, что шлютъ съ нимъ княжича... Онъ упалъ на колѣни передъ княземъ Григоріемъ, обнялъ его колѣна, потомъ вскочилъ, схватилъ князя Ивана за руку и чуть не бѣгомъ потащилъ его за собой изъ кельи.

Князь посмотрѣлъ ему вслѣдъ въ глубокомъ раздумьѣ...

— Пути Божіи неисповѣдимы! сказалъ, какъ бы про себя, Гурій Шишкинъ.—Слѣпыхъ Господь просвѣщаетъ и нѣмымъ рѣчь даетъ, и младенца неразумнаго паче мудреца умудряетъ!

VI.

На другой день вся обитель пришла въ великое смятенье. Всѣ съ утра узнали, что Нѣмко́ доказалъ измѣну пана Мартьяша, что тотъ сознался въ сношеніяхъ съ Сапѣгою и съ пытки разъяснилъ, какъ онъ хотѣлъ враговъ навести отъ Круглой башни, гдѣ было меньше сторожей и не было наряда.

У съѣзжей избы толпился народъ. Всѣ шумѣли, всѣ толковали по-своему о случившемся.

— Каковъ злодѣй! Вотъ ты имъ и довѣряйся, этимъ перебѣжчикамъ!

— А ужь на что былъ всякой милостью почтенъ отъ воеводы!

— Нѣтъ, братцы, ляху я тогда повѣрю, какъ къ землѣ его копьемъ приколю...

— Ну, что тамъ пустое толковать! ляхъ-ляху розь! Вѣдь и Нѣмко́— перебѣжчикъ же! А вонъ смотри какую службу обители справилъ!

— Ужь это, братцы, точно чудо! сказалъ старый монастырскій слуга, клементьевскій крестьянинъ. — Вѣдь вотъ какъ было дѣло... У меня оно и началось...

— Ну, ну, разсказывай!

— Вчера, на вылазкѣ, пораздобылся и я запасишкомъ, и винца боченокъ отбилъ у ляховъ... Вотъ и сошлись ко мнѣ пріятели... Сидимъ за ужиномъ, калякаемъ... Винцо потягиваемъ! Потомъ и онъ пришелъ, Мартьяшъ-то!—Караулы,—говоритъ—досматривалъ— да услыхалъ, что тутъ у васъ веселье, вотъ й пришелъ.—Ну, что-жъ— и милости просимъ! Рады гостю!—А тутъ кто-то гусли взялъ, сталъ тонцы подыгрывать, а Матюшка Брюшина съ Мартьяшомъ и въ плясъ пустились...

— Ну, ну!

— Вдругъ двери настежь, и вбѣгаетъ Нѣмко́, и княжичъ за нимъ, Иванъ Григорьевичъ. Нѣмко́ къ Мартьяшу прямо подступилъ: и злобно таково, зубы оскалилъ, кулакомъ грозитъ—да вдругъ, какъ плюнетъ на него! Мартьяшъ вскочилъ-было, да хвать за саблю—а на самомъ лица нѣтъ... Мы—ихъ разнимать; а княжичъ вынулъ стрѣлу, безъ острія, и грамотка на ней навязана, и говоритъ: «Мартьяшъ! Не ты-ли эту стрѣлу-то обронилъ?» А тотъ такъ вдругъ опѣшилъ, что и слово съ языка не сходитъ...

— Ну, тутъ его и взяли?

— Тутъ и забрали, да къ допросу. Сталъ запираться... Да Нѣмко́ всѣмъ показалъ и мѣсто на раскатѣ, съ котораго онъ вѣсти пересылалъ; тамъ онъ самострѣлъ и стрѣлы такія же въ колчанѣ хоронилъ... Ну, тотъ, на пыткѣ, во всемъ и повинился.

— Какъ же воеводы порѣшили?

— А порѣшилъ, вишь, князь Григорій Мартьяша на томъ же самомъ зубцѣ повѣсить, съ котораго онъ вѣстями съ Сапѣгой обсылался.

— По-дѣло́мъ ему измѣннику! загудѣла толпа.

— А Нѣмко́-то гдѣ же? Не видно его что-то?

— Какъ только онъ измѣну доказалъ и увидѣлъ, что Мартьяшу не вырваться изъ рукъ у воеводы, такъ онъ опять ушелъ къ Ананью въ келью, сѣлъ на полу у лавки, на которой тотъ лежитъ,—и сидитъ, не шелохнется, все въ глаза Ананью смотритъ...

— А тотъ, баютъ, и до обѣда не доживетъ. Ужъ и безъ памяти, и языка лишился,—еле дышитъ!

— Жаль Ананья! Жаль и Нѣмка̀!.. Вѣдь онъ, поди-ка, безъ Ананья пропадетъ...

И точно, къ вечеру — Ананья не стало. Вѣсть о смерти его облетѣла всю обитель. Собралась толпа къ двери его кельи. Обмыли тѣло, одѣли въ чистую рубаху и порты, и положили на лавку, подъ образами. Нѣмко́ все это видѣлъ, и не тронулся со своего мѣста: все время сидѣлъ онъ на полу, около лавки, понуривъ голову и какъ-то растерянно поводя кругомъ глазами. Такъ просидѣлъ онъ и всю ночь, до ранняго утра, когда братія монастырская пришла съ носилками, чтобы нести останки Ананья Селевина для отпѣванія въ церковь, а потомъ—въ могилу. Тѣло обвили чистымъ холщевымъ саваномъ и безъ гроба положили на носилки: въ обители давно ужь не было ни колодъ, ни досокъ на гробы для погребенія умирающихъ...

Нѣмко́ тоже поднялся съ полу, и съ усиліемъ побрелъ за носилками къ церкви. Но въ церковь онъ не вошелъ, а легъ на паперти, положилъ на порогъ храма голову, и неподвижно, не шевеля ни единымъ мускуломъ, пролежалъ онъ такъ до самаго конца служенія... Когда же, наконецъ, Ананья понесли къ могилѣ — и Нѣмко́ опять поднялся, и поплелся туда же и, сидя на краю могилы, смотрѣлъ широко-раскрытыми глазами на погребеніе, на останки друга, засыпаемые комьями земли, на людей, усердно

работавшихъ лопатами и заступами, на дымъ курильнаго кажденія, на хоръ монашествующей братіи, возглашавшій «вѣчную память» почившему герою.

Всѣ понемногу разошлись, и на мѣстѣ остался одинъ Нѣмко́. Упавъ на могилу ничкомъ, онъ обхватилъ могучими руками свѣжую, рыхлую насыпь, и неподвижно пролежалъ на ней до вечера. Никто не смѣлъ подойти къ нему; никто не дерзалъ вступиться въ его горевапье — нарушить его грусть-тоску по другѣ. Да и какъ вступиться? что́ сказать ему? Чѣмъ его утѣшить?

Однако же, подъ вечеръ, самъ князь Григорій Борисовичъ съ княжичемъ Иваномъ пришли къ могилѣ, подняли Нѣмка̀ подъ руки и указали ему путь къ своей кельѣ. Нѣмко́ взглянулъ имъ въ очи, оглянулся на могилу и пошелъ за ними, послушный, какъ ребенокъ.

VII.

Черезъ два дня князь Григорій назначилъ вылазку, на мельницу. Прослышалъ онъ отъ языковъ, что ляхи ищутъ отвести всю воду отъ обители, и съ этой цѣлью ведутъ большую копань около прудовъ. Имъ надо было помѣшать, работы ихъ разрушить и, прорвавъ плотину, наполнить рвы обители водою изъ мельничныхъ прудовъ. На это дѣло вызвались охотники и изъ стрѣльцовъ, и изъ казаковъ, и изъ крестьянъ обительскихъ — и отрядъ человѣкъ въ полтораста, на разсвѣтѣ, вышелъ изъ воротъ, около Соленой башни.

Самъ княжичъ выступилъ съ отрядомъ; а въ подручныхъ шли при немъ монахи: Пансій Литвиновъ, да конюшій старецъ Аѳанасій Ящеринъ, да сотникъ Микула Волжинскій—все закаленные въ бою и опытные воины. Впереди всѣхъ, какъ и прежде, въ томъ же шеломѣ и панцырѣ, съ тѣмъ же громаднымъ бердышемъ за плечами, шагалъ Нѣмко́, то вперяя взоры въ туманную даль, то, по привычкѣ, безпрестанно оглядываясь во всѣ стороны.

Пробираться приходилось кустами и буераками, стараясь прикрыть движеніе отъ непріятельскихъ сторо́жей. Но движеніе замедлилось, а вѣтеръ, поднявшійся при солнечномъ восходѣ, разогналъ туманъ такъ быстро, что враги замѣтили нашихъ раньше времени,— и въ ихъ окопахъ, близкихъ къ мельничной плотинѣ, вдругъ поднялась тревога. Зазвучали трубы, забили барабаны, послышались призывные крики, и хоругвь за хоругвью стали выступать изъ окоповъ, навстрѣчу нашимъ смѣльчакамъ.

— Братцы! крикнулъ княжичъ Иванъ,—намъ ихъ не одолѣть!

Ихъ высыпало вонъ сколько—пожалуй и за тысячу наберется: а у насъ и всего-то сотни полторы... Не повернуть-ли къ обители?

— Хоть и ворочай, княже, сказалъ Паисій,—намъ смерти не миновать! Ужь лучше же дадимъ отпоръ имъ, станемъ биться, а въ обитель вѣсть пошлемъ, чтобы шли на выручку.

И только наши успѣли занять пригорокъ надъ овражкомъ, какъ ужь первая хоругвь польскихъ латниковъ подскакала къ переднимъ рядамъ троицкихъ сидѣльцевъ на разстояніе пистолетнаго выстрѣла.

— Ага! Пся кревь! Галганы-мнихи, попались! Мы теперь нарубимъ изъ васъ говядины для нашихъ хортовъ! Накормимъ вашей кровью свиней!..

Въ отвѣтъ на ругань раздались съ нашей стороны выстрѣлы и съ полсотни стрѣлъ полетѣло навстрѣчу врагамъ. Нѣсколько всадниковъ попадали съ коней; кони подъ ними пали на колѣни, опрокинулись, стали биться, вздымая пыль и прахъ. Но всадники спѣшились и, подкрѣпленные ратью нѣмцевъ-копейщиковъ, полѣзли въ оврагъ, перешли черезъ него, и съ крикомъ стали взбираться на пригорокъ, стараясь окружить горсть троицкихъ сидѣльцевъ. Впереди всѣхъ лѣзли какіе-то двое: усатые, громадные ростомъ, страшные видомъ—завзятые удальцы и бойцы на славу. Всѣ шли за ними, съ увѣренностью въ побѣдѣ, всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на вождей!

И имъ-то навстрѣчу выступилъ Нѣмко... Онъ ринулся впередъ, за нимъ рванулись и другіе, кто посильнѣе и похрабрѣе... Обѣ стороны сошлись грудь съ грудью. Крики, ругань, стукъ оружія и звонкіе удары о доспѣхи - все на мигъ слилось въ одинъ страшный гулъ.

— Братцы! Не выдавай Нѣмка! кричалъ князь Иванъ. —Не выдавай... Вонъ онъ врубился въ середину ихъ! Вонъ!..

— Не выдавай его! Впередъ! кричалъ старецъ Паисій, махая широкимъ тесакомъ.

А Нѣмко уже рубился, какъ левъ. Онъ ошеломилъ одного литвина ударомъ бердыша по головѣ, другому разрубилъ плечо, третьему снесъ голову... Враги попятились отъ него въ сторону, а онъ за ними, увлекая своихъ... Высоко вздымался его бердышъ и тяжело опускался онъ на головы враговъ и не было около него той силы, которая могла бы остановить этого расходившагося богатыря, видимо искавшаго смерти... За нимъ, сплошной стѣной, съ обычнымъ крикомъ: «Сергій! Сергій!» устремились съ пригорка монахи, слуги,

дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки. Все смѣшалось въ общей, ожесточенной, безумной, кровавой рукопашной свалкѣ...

Къ нашимъ подоспѣла во́-время подмога,—враги не выдержали натиска и отступили...

Сбиваясь въ кучу, и собираясь въ обратный путь къ обители, стали считать и подбирать убитыхъ на этой неудачной вылазкѣ; и среди убитыхъ нашли Нѣмка̀. Вражья пуля угодила ему въ самый лобъ, другая пробила панцырь прямо противъ сердца. Онъ лежалъ навзничь, широко раскинувшись на грудѣ труповъ, и могучая рука его закостенѣла на рукояти бердыша съ зазубреннымъ и поломаннымъ лезвіемъ.

Онъ страшно отмстилъ врагамъ за смерть Ананья и палъ, какъ честный воинъ въ честномъ бою!

Честно его и схоронили въ стѣнахъ обители. И много разъ, сидя на его могилкѣ, вспоминали о немъ добрымъ словомъ... Но никто не могъ сказать: откуда родомъ былъ этотъ Божій воинъ, и почему, покинувъ станъ Сапѣги, перешелъ на сторону дѣла праваго?

Попъ-Богатырь.

I.

Вечеромъ 11-го іюля 1611 года, воинскій разъѣздъ изъ шести человѣкъ казаковъ и конныхъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Василія Гаютина и софійскаго протопопа Аммоса, объѣзжалъ подгородье Новгорода Великаго на сѣверо-западъ отъ Софійской стороны. Покачиваясь на широкомъ сѣдлѣ и побрякивая доспѣхомъ, скрытымъ подъ темною рясою, протопопъ Аммосъ — высокій и крупный мужчина лѣтъ подъ 50, — велъ вполголоса бесѣду со своимъ товарищемъ, стрѣлецкимъ головою, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ на каремъ иноходцѣ.

Перекидываясь отрывочными рѣчами съ протопопомъ, голова, то и дѣло, посматривалъ на шведскій станъ, раскинутый подъ стѣнами и въ стѣнахъ Колмовской обители.

— Что посматриваешь, Василій Ивановичъ? допрашивалъ протопопъ у головы. — Аль чаешь къ ночи отъ нѣмцевъ чего недобраго?

— Не чаю, отецъ Аммосъ! Не забыли они еще той острастки, что мы имъ третьяго дня задали, какъ они на приступъ полѣзли...

— Ну, нѣтъ, Василій Ивановичъ, на это не располагайся: не

таковскій ворогъ, чтобы съ одного приступа и спятился... Да и воевода-то ихній, Яковъ Понтусовъ Делегардъ — тоже хитрая лиса! Свое дѣло тонко знаетъ!

— Что-о говорить! Старый, травленый волкъ, бывалый!.. Да вотъ попыталъ... сунулся и обжогся...

— Обжогся?.. Ой-ли? Развѣ не знаетъ онъ, что между нашими воеводами ни совѣта, ни согласья нѣтъ... Знаетъ, что и у ратныхъ людей съ посадскими тоже нелады да раздоры... Вотъ онъ и ждетъ, и ждетъ случая, — а выждетъ, не минуетъ!

— Да! Ужь и воеводы тоже хороши! Князь Иванъ-то Никитичъ Одоевскій и не прочь бы постоять противъ врага... Самъ чай видѣлъ, какъ онъ во время приступа не сходилъ съ забрала и распоряжался всѣмъ самолично, и воиновъ ободрялъ? А за то ужь другой-то -Васька-то Бутурлинъ... Вотъ кого на колъ-то безъ всякаго милосердія посадить! горячо подтвердилъ голова.—Самъ посуди! Тутъ мы на Софійской сторонѣ съ нѣмцами бьемся,—отъ пушечнаго боя да отъ пищальнаго зыка звонкаго разслышать другъ друга не можемъ,—а онъ тамъ, на Торговой сторонѣ, со своими озорниками бражничаетъ да срамныя пѣсни поетъ! Вотъ ужь точно по комъ плаха-то плачетъ!

— Прогнѣвался на насъ Богъ, Василій Ивановичъ! съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ протопопъ, задумчиво проводя рукою по окладистой бородѣ, прикрывавшей его широкую грудь. -Разумъ отнялъ у насъ... сердца наши окаменилъ... помышленія омрачилъ... Сами не вѣдаемъ, что творимъ... бродимъ аки въ туманномъ гаданіи, что овцы безъ пастыря...

— Да ты растолкуй, сдѣлай милость, отецъ Аммосъ, обратился голова къ протопопу, — что отъ насъ нѣмцамъ-то нужно? Я, по простотѣ сказать, и въ толкъ не возьму... То все дружили съ царемъ Василіемъ, въ союзъ съ нимъ набивались, а то вдругъ и полѣзли на насъ, и насъ же воюютъ!

— Чего же ты въ толкъ не возьмешь, Василій Ивановичъ? Дѣло немудреное, и нѣмцы знаютъ, за чѣмъ идутъ... Дружили они съ царемъ Василіемъ, а наши измѣнники-бояре его съ престола свели, да на мѣсто его и присягнули польскому королевичу. А у Свейскаго-то Карлуса съ Жигимонтомъ польскимъ вражда на смерть... Вотъ нѣмцы-то и отшатнулись отъ насъ, и идутъ на насъ войною... Хотятъ и они намъ тоже своего свейскаго королевича навязать!

— Какъ же такъ: двумъ царямъ въ одной землѣ не бывать же?

— Не двумъ царямъ... А такъ: сколько у Польши успѣютъ

русской земли оттягать, столько и хотятъ своему королевичу отдать...

— Да неужто же и Новгородъ Великій тоже? съ изумленіемъ переспросилъ голова.

— И Новгородъ Великій тоже—коли Богъ попустить!

И оба собесѣдника смолкли, поглядывая, въ печальномъ раздумьѣ, на раскинутый вдали шведскій лагерь, ярко освѣщенный красноватымъ отблескомъ заката. Изъ лагеря ясно долетали отдаленный звукъ трубъ и трескъ барабановъ, мѣрно отбивавшихъ какую-то дробь; потомъ вдругъ военная музыка смолкла и смѣнилась стройнымъ пѣніемъ гимна, который пѣли сотни мужественно-звучныхъ голосовъ.

— Вечернюю молитву поютъ, проговорилъ Василій Ивановичъ. кивкомъ головы указывая на шведскій лагерь. — Значитъ пора и намъ въ городъ... Тамъ еще дѣла много: надо стражу осмотрѣть на стѣнѣ, смѣны ночныя назначить...

И онъ свернулъ своего иноходца къ Чудинцевской проѣздной башнѣ, которою разъѣздъ долженъ былъ вернуться въ городъ. Когда они подъѣхали къ башнѣ по плохому мостику, перекинутому черезъ неглубокій и грязный ровъ, заросшій травой, никто не подумалъ отворять имъ ворота, и только тогда, когда Василій Ивановичъ приказалъ спѣшиться двоимъ стрѣльцамъ и дубасить въ ворота кулачищами, подъ сводами воротъ послышались какіе-то голоса и шаги.

— Откутайте, что ли? Эй, кто тамъ? сердито крикнулъ голова.

— Откутаемъ! крикнулъ кто-то изъ-за воротъ. — Скажи еще спасибо, что услыхали; а то, пожалуй, до завтра просидѣлъ бы за воротами!

И вслѣдъ за этимъ, застучали воротные засовы, заскрипѣли толстые створы и одинъ изъ нихъ сталъ медленно отходить въ сторону, пропуская спѣшившійся разъѣздъ подъ своды Чудинцевской башни.

— А гдѣ же всѣ воротники? строго обратился голова къ двоимъ дюжимъ казакамъ, которые, потягиваясь и позѣвывая, стояли около отвореннаго створа воротъ и сонными глазами поглядывали на въѣзжавшихъ товарищей.

— Воротники? переспросили казаки. — Вѣстимо гдѣ! На Торговую сторону ушли. Тамъ у Бутурлинскихъ ребятъ такой праздникъ идетъ, что ну! Сюда слышно, какъ тамъ пѣсни дерутъ...

— Да какъ же они смѣли! Да кто же тутъ есть?.. Кто на стѣнѣ?

— А на стѣнѣ тутъ въ нашемъ концѣ до самаго Волхова на-

берется ли съ десятокъ насъ и съ стрѣльцами вмѣстѣ; да и въ сосѣднемъ концѣ, пожалуй, не больше...

— Вотъ, видишь ли, Василій Ивановичъ, отозвался протопопъ Аммосъ. — Видишь ли, каково воеводы городъ берегутъ! Долго ли до грѣха?

— Вижу, вижу! Эй. Сенька Бабунъ! Не слѣзая съ коня, скачи на Торговую сторону, да всѣхъ нашихъ, кто не пьянъ, сейчасъ сгоняй сюда: скажи, молъ, что самъ князь Иванъ Никитичъ приказалъ... А вы двое при этихъ молодцахъ, въ воротахъ останьтесь, сказалъ голова, обращаясь къ двумъ стрѣльцамъ изъ разъѣзда.—Я сейчасъ самъ сюда отъ воеводы вернусь, да за казаками спосылаю! Отецъ Аммосъ, ужь и ты бы тоже со своими ребятами сюда къ намъ на ночь пожаловалъ: какъ-нибудь вмѣстѣ ночь-то огоревали бы.

— Что-жъ? Я не прочь... Какъ только вотъ со старухой-то своей улажусь? Она вѣдь у меня неугомонная... Ну, да ужь ладно,—буду!..

И попъ Аммосъ, кивнувъ головою Василію Ивановичу, шагомъ направился на своемъ тяжеломъ саврасомъ меринѣ къ своему двору, на углу Чудинцевской улицы и узкаго криваго переулка, выходившаго на Прусскую улицу.

II.

Сумракъ ночи уже начиналъ окидывать своимъ туманнымъ пологомъ улицы затихавшаго города, по которымъ гулко раздавался тяжелый и мѣрный топотъ коня. Улицы были пусты и тихи: только у немногихъ воротъ, на лавочкахъ и заваленкахъ, или на высокихъ порогахъ калитокъ, видны были парочки, пріютившіяся въ темнотѣ.

— Вотъ онъ ѣдетъ — попъ-то Аммосъ! жужжали чечотки у однихъ воротъ. — Видно съ разъѣзда ворочается?

— Попадетъ ему отъ попадьи на орѣхи, какъ домой-то вернется! посмѣивались парни у другихъ воротъ.

— Да! вотъ батька-то за ворота, а дочка-то на заваленку! язвила какая-то молодуха у одного изъ сосѣднихъ домовъ.—А еще поповна, еще скромницей слыветъ...

— Ни дать, ни взять, какъ мы съ тобой! зубоскалилъ высокій и дюжій парень, наклоняясь къ молодухѣ.

Попъ Аммосъ слышалъ эти рѣчи, долетавшія до его ушей изъ темныхъ уголковъ подъ навѣсами воротъ. — и ѣхалъ мѣрнымъ шагомъ къ дому. Онъ и самъ зналъ, что каждый вечеръ, въ сумеречки, дочка его Аксинья. — единственное, любимое его дитятко.— потихоньку отъ него и отъ матери, босикомъ спускаясь съ кры-

лечка, выходитъ за калиточку на свиданіе къ своему дружку милому, посадскому Васькѣ Орлову, который ужь съ весны къ отцу Аммосу сватовъ засылаетъ... И кабы не онъ, Аммосъ, тому препятствовалъ, — давно была бы его дочка замужемъ.

— «До свадьбы ли тутъ, какъ на каждый часъ бѣды себѣ готовь! — думалъ протопопъ. — А вотъ какъ отъ врага отсидимся — тогда другое дѣло! Тогда я Васькѣ съ дочкой не помѣха. Вѣдь Васька-то хорошій, добрый парень — и не мотъ, и не пьяница, и не зернщикъ...»

И въ этихъ мысляхъ, протопопъ Аммосъ подъѣхалъ къ тесовымъ воротамъ своего двора, обнесеннаго высокимъ крѣпкимъ тыномъ и застроеннаго внутри, около просторныхъ хоромъ, всякими службами: амшениками, погребами и амбарушками. Когда онъ осадилъ своего коня, который почти уперся головою въ рѣзную верею воротнаго навѣса, двѣ какія-то темныя фигуры быстро поднялись съ лавочки у воротъ, и одна изъ нихъ поспѣшно скользнула въ калитку, а другая, въ темнотѣ приблизилась къ протопопу.

— Отцу Аммосу здравія! проговорилъ знакомый голосъ.

Васька Орловъ почтительно взялъ подъ уздцы коня, съ котораго грузно спѣшивался протопопъ.

— Кто гдѣ, а ты все здѣсь торчишь на сторожѣ! — съ нѣкоторою укоризною замѣтилъ Аммосъ молодому посадскому. — Тебѣ бы не здѣсь, а на стѣнѣ мѣсто, по настоящему-то: а ты около своей лебедки нѣжишься... Дождетесь вы всѣ того, что нѣмецкіе вороны заклюютъ вашихъ лебедокъ...

— Ну, ужь нѣтъ, отецъ протопопъ! Сколько хочешь кори, а пустого не говори... Я своей никому не отдамъ: прежде самъ костьми лягу... Да и полно корить-то, отецъ Аммосъ! Севечеръ я къ тебѣ за дѣломъ пришелъ, не то, чтобы только къ Аксиньюшкѣ на бесѣду. Ускользнуть было время — мы еще эва-гдѣ поступь коня твоего заслышали...

— Ну, какое тамъ дѣло? Говори коротко—мнѣ слушать недосугъ...

— Наши ребята, изъ рядскихъ, съ Торговой стороны, сегодня въ стану у нѣмцевъ съ товаромъ были, и тамъ у нихъ Ивашку Шваля видѣли...

— Какой это Ивашка Шваль?

— А вотъ помнишь тотъ самый Ивановъ, Лутохина человѣкъ, который еще Аксинью-то для своего боярина выкрасть хотѣлъ, и котораго я поучилъ маленько...

— А! Помню, помню! Что-жъ онъ тамъ, въ полону у нѣмцевъ?

— Былъ въ полону, а теперь на волѣ ходитъ и всѣмъ хвалится, что нѣмцевъ въ городъ введетъ. Такъ и нашимъ ребятамъ, безстыжій, въ глаза говорилъ: «я, говоритъ, нѣмцами премного доволенъ, и сытъ ими, и пьянъ ими, и за то я ихъ въ городъ введу. И тогда, говоритъ, надъ всѣми вами большимъ человѣкомъ буду»...

— Только и всего?

— Да ты думаешь онъ это такъ спроста? Нѣтъ — вѣдь онъ шустрый! Онъ тутъ какія штуки откалывалъ: — въ кольцо пролѣзалъ... Вотъ онъ какой! Да я еще такъ думаю: нѣтъ-ли у него съ бояриномъ его съ Лутохинымъ какой стачки? Вѣдь Лутохинъ-то съ Бутурлинымъ дружитъ, да и владыкѣ тоже бутурлинскія рѣчи въ уши дуетъ... А коли Лутохинъ съ Бутурлинымъ стакнутся, такъ Иванку-то научатъ, съ котораго мѣста въ городъ нѣмцевъ ввести.

Протопопъ такъ и встрепенулся весь.

— Ахъ я, старый дуралей! сказалъ онъ, ударяя себя по-лбу.— И точно, вѣрно ты говоришь, Васенька! Лутохинскій человѣкъ у нѣмцевъ!.. Бутурлинъ да Лутохинъ... И сеночь пожалуй не даромъ Бутурлинъ всѣхъ нашихъ стрѣльцовъ да казаковъ къ себѣ на Торговую сторону сманилъ... Ужь нѣтъ-ли затѣи какой? Охъ, Господи! Да мы всѣ должны на стѣнѣ быть... Всю ночь тамъ быть...

— Да гдѣ же всѣхъ собрать, отецъ Аммосъ! возразилъ молодой посадскій.—Никого на ночную стражу не сманишь: теперь каждому пуховикъ милѣе забрала... А вѣдь сполоха не зазвонишь—тебѣ же попадетъ отъ властей и воеводъ. Скажутъ: зачѣмъ напрасно народъ бунтуешь—у насъ молъ съ нѣмцами къ договору дѣло идетъ...

— И то правда, и то! сказалъ съ уныніемъ протопопъ, понуривъ голову и разводя руками. — Ну, дѣлать нечего! Сегодня мы съ тобой да съ крылошанскими ребятами постережемъ—послужимъ Господину Великому Новгороду да дому Св. Софіи!.. А завтра пойду съ княземъ Иваномъ Никитичемъ къ владыкѣ — и ты туда же со своими пріятелями приходи — будемъ просить, чтобы онъ намъ, съ нашими уличанами, дозволилъ стражу стѣнную поочередно нести.

— Отчего не пойти! Пріиду, и пріятелей приведу. А подъ твоимъ началомъ мы всѣ быть рады...

— Такъ бѣги же домой за доспѣхомъ да за военнымъ запасомъ, и выходи къ Чудинцевскимъ воротамъ.

И между тѣмъ, какъ Васька Орловъ быстро зашагалъ отъ воротъ въ сторону переулка, Аммосъ, тихо брякнувъ колечкомъ калитки, проговорилъ вполголоса:

— А ну-ка, скромница, отвори воротечки!

Молодая поповна, которая во все время бесѣды отца съ ея суженымъ стояла притаившись за калиткою, поспѣшно отодвинула воротный засовъ, распахнувъ одну половинку тесовыхъ воротъ, и, принимая поводья коня изъ рукъ отца, тихонько шепнула ему на ухо:

— Ты бы ужь къ матушкѣ-то не ходилъ... Она на молитвѣ стоитъ—не легла еще... Заругается!

— Что-жъ съ ней подѣлаешь... Пускай поругается — душу на мнѣ отведетъ!.. Надо мнѣ ей сказать, что я и во всю ночь домой не буду. Такъ ты мерина-то не разсѣдлывай. Только отпусти ему подпруги малость...

Затѣмъ, тяжело вздохнувъ, отецъ Аммосъ сталъ грузно подниматься въ верхнее жилье по ступенькамъ крылечка, которыя гнулись и стонали подъ его тяжелою стопою.

III.

Владыко Исидоръ, митрополитъ новгородскій и великолуцкій, только-что вернулся съ крестнаго хода въ свои палаты и, разоблачившись, надѣлъ домашнее ходильное платье, собираясь выйти въ свой владычній садъ, на отдыхъ въ тѣни и прохладѣ, -какъ явился къ нему истопникъ и доложилъ, что пришла къ нему попадья съ челобитьемъ.

— Какая попадья? Чего нужно? съ нѣкоторымъ недовольствомъ спросилъ владыко, обращая къ истопнику свое полное и красное лицо, опушенное жидкой сѣденькой бородкой.

— Протопопова Аммосова жена, тоже съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ владычній истопникъ.

— Зачѣмъ ты ее пустилъ? Развѣ ты не знаешь, какова эта баба?! крикнулъ владыко на истопника.

Владыкѣ—человѣку тучному и сильно страдавшему отъ жаровъ, притомъ еще и утомленному крестнымъ ходомъ по стѣнамъ Дѣтинца—было теперь не до протопопши.

— Смилуйся, государь, не изволь на меня гнѣваться, взмолился истопникъ, низко кланяясь. — Не я впускалъ... Я только доложить присланъ... А ее вонъ и самъ дворецкій твой къ твоей милости допускать не хотѣлъ, такъ она какой содомъ подняла...

Владыко утеръ молча ширинкой потъ, катившійся крупными каплями съ его чела, принялъ костяной посохъ изъ рукъ послушника и сказалъ, обращаясь къ истопнику:

— Посылай ее въ садъ.

И онъ сошелъ съ сѣней въ садъ, направляясь къ своей любимой

бесѣдкѣ, на высокомъ холмѣ Волховскаго берега, надъ Владычнимъ Островкомъ.

Не успѣлъ еще владыко опуститься на лавочку бесѣдки, не успѣлъ протянуть руки къ кружкѣ любимаго медоваго кваса, который подносилъ ему съ поклономъ ключникъ, какъ калитка сада распахнулась настежь и протопопша, въ повязкѣ на-кривъ бокъ, въ китайчатой тѣлогрѣѣ въ накидку, бурею влетѣла въ садъ, едва сдерживаемая двумя дюжими истопниками, которые вели ее подъ руки.

Это была низенькая, худощавая бабёнка, лѣтъ подъ сорокъ, суетливая и юркая въ движеніяхъ, неистощимая въ брани и ссорахъ, зубастая и рѣчистая до крайности—сущая гроза всѣхъ бабъ и дѣвокъ Чудинцевской улицы, всей Софійской сторонѣ извѣстная своею сварливостью и неугомоннымъ нравомъ.

Владыко еще издали видѣлъ, какъ подергивало лицо протопопши, какъ судорожно сжимались тонкія губы ея широкаго рта, какъ таращились и прыгали ея злые сѣрые глазки... Когда она мелкими шажками подошла къ порогу бесѣдки и бухнула съ размаху лбомъ въ землю, владыко крѣпко нахмурился, готовясь слушать длинную рацею.

— Смилуйся, смилуйся, великій господинъ, преосвященный владыко! Смилуйся! вопила протопопша, не поднимаясь съ земли.

— Говори скорѣе, въ чемъ твое челобитье? произнесъ владыко, стараясь не глядѣть на протопопшу.

— Охъ-о-охъ, смилуйся! Совсѣмъ погибаю! продолжала вопить и стонать протопопша, не поднимаясь съ земли.

— Встань! Говори толкомъ,—на кого челомъ бьешь?

— Охъ-о-охъ! Ужь нѣтъ, ужь не встану, великій господинъ! Помилуй, помилуй!

— Да встань же, баба! гнѣвно крикнулъ владыко, ударяя посохомъ въ полъ бесѣдки. —Меня почище тебя люди на выходѣ ждутъ— бояре, воеводы, власти градскія... Встань, и не вопи.

— О-охъ, о-охъ, владыко пречестный! простонала протопопша, приподнимая съ земли только голову и прикидываясь плачущею и страждущею. — На мужа челомъ бью, на твоего протопопа... Задумалъ онъ всѣхъ насъ погубить и злой смерти предать. Всѣхъ, всѣхъ насъ погубитъ, окаянный, своею дуростью! Нѣтъ больше моей моченьки... Смилуйся! Мнѣ съ нимъ своду не взять. Покажи ты на немъ свою десницу владычнюю!

— Въ чемъ жалоба? Чѣмъ онъ досадилъ тебѣ?

— Чѣмъ досадилъ?! завопила протопопша, не вставая съ колѣнъ, но горячо размахивая руками. —Чѣмъ досадилъ?! Ахъ, Господи, —

чѣмъ досадилъ! Тѣмъ и досадилъ, что *развоевался!..* Изъ доспѣха не вылѣзаетъ, шело́ма съ головы не снимаетъ!.. То на сторо́жѣ, то въ разъѣздѣ — совсѣмъ отъ рукъ отбился... И крылошанъ всѣхъ своихъ съ толку сбиваетъ—за собой водитъ! Изъ самопаловъ стрѣлять ихъ учитъ, изъ самострѣловъ...

— Такъ тебѣ-то что, неугомонная? Твой мужъ видитъ, что врагъ подъ стѣнами, ну и блюдетъ, да не пріидетъ онъ во нощи...

— Ахъ, Господи, Боже мой! затараторила протопопша, мѣняя плаксивый тонъ на воинственный и наступательный,—да его-ли это дѣло? Какой онъ воинъ? Развѣ онъ воинъ? Воинъ онъ, что-ли? Господинъ пречестный, ты развѣ ему это разрѣшилъ, дозволилъ, чтобы онъ воевалъ?.. А онъ и оружіе всякое у себя, и доспѣхъ въ клѣти держитъ, и двѣ бочки зелья въ погребѣ не вѣдомо гдѣ зарылъ... И всю улицу бунтуетъ, и женъ съ мужьями разстраиваетъ... Самъ дома съ богоданной женой не ночуетъ, и другихъ мужьевъ отъ женъ отводитъ...

— Да вѣдь ты же сама говорила, что онъ то на сторо́жѣ, то въ разъѣздѣ;—ну, и другіе тоже! перебилъ протопопшу владыко.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ въ разъѣздѣ? А почемъ я знаю, куда онъ, песъ этакій, ходитъ? Али ты тоже, владыко, ему потачку дать хочешь—понаровить грѣху? А? Вонъ ономнясь-то дьячиха мнѣ сказывала, что у ней тоже мужъ не ночевалъ... Подъ утро вернулся... А какъ стала она допытывать да допрашивать—тоже говорилъ, что на стѣнѣ былъ! А мы всѣ знаемъ, что онъ у Аѳонасихи былъ! Нѣтъ, владыко, ты воспрети, ты накажи, ты лозы и желѣзъ не жалѣй! Смилуйся... Охъ-о-охъ, всѣ погибаемъ, горемычныя! Ужъ что это же — до чего дошло, коли мужья дома не ночуютъ... Ну, пусть бы дѣвки гуляли съ парнями, а это ужъ что же? Послѣднія времена приспѣли! Охъ-о-охъ!

И протопопша разразилась новыми воплями и возгласами и опять, съ озлобленнымъ упорствомъ, начала отбивать поклонъ за поклономъ передъ владыкою, который, едва сдерживая гнѣвъ, проговорилъ отрывисто, обращаясь къ челобитчицѣ:

— Ступай домой... Я призову протопопа потолкую съ нимъ.

— Призовешь—потолкуешь! вдругъ злобно вскрикнула баба. — Нѣтъ! Ты его накажи, да эпитемью на него наложи, да весь запасъ отъ него отбери, и зелейную казну вели отнять! А это что же что потолкуешь! Мнѣ не этого надобно! А чтобы зналъ, каковъ онъ воинъ! Да накажи!..

— Вонъ отсюда! крикнулъ, наконецъ, разгнѣванный владыко. — Уведите бабу, чего вы стали! обратился онъ къ истопникамъ.

Истопники мигомъ подхватили протопопшу подъ руки, подняли ее съ земли и, несмотря на все ея сопротивленіе, потащили къ калиткѣ. Но злая баба, нимало не унывая, вырываясь и выбиваясь изъ дюжихъ истопничьихъ лапъ, все продолжала вопить и кричать:

— Охъ, батюшки! Погибаемъ, въ конецъ погибаемъ! Ужь это что же... Отъ рукъ отбились... Нѣтъ! ты накажи, въ желѣза его закуй, пса окаяннаго! Такъ-то!

Калитка захлопнулась, но и съ надворья еще долго доносился визгливый голосъ сварливой бабы, которую не легко и не скоро удалось выпроводить съ софійскаго митрополичьяго двора.

— Воинъ! Тоже воинъ! шепталъ съ досадою сквозь зубы владыко.—А съ бабой управиться не умѣетъ!

Какъ разъ въ это время къ бесѣдкѣ подошелъ одинъ изъ митрополичьихъ слугъ и доложилъ Исидору, что къ нему прибылъ воевода, князь Одоевскій, и ожидаетъ его выхода на владычнихъ сѣняхъ.

Владыко тяжело поднялся съ мѣста и, неохотно покидая прохладу сада, направился къ своимъ хоромамъ.

IV.

На владычнихъ сѣняхъ выхода владыки уже давно ожидали близкіе ему люди: митрополичій дьякъ Степанъ Спячей и печатникъ его, софійскій боярскій сынъ, Иванъ Лутохинъ. Оба пришли съ дѣлами и бумагами, и весьма непріязненно посматривали въ сторону воеводы князя Ивана Никитича Большого-Одоевскаго, который сидѣлъ у окна на лавкѣ, на противоположномъ концѣ сѣней, окруженный выборными изъ посадскихъ людей, съ Ваською Орловымъ во главѣ. Когда владыко вступилъ въ сѣни, всѣ присутствующіе отвѣсили ему по низкому поклону; а когда онъ опустился на свое обычное мѣсто, всѣ, начиная съ воеводы и до послѣдняго посадскаго, подошли къ владыкѣ подъ благословеніе. Затѣмъ митрополитъ Исидоръ подозвалъ къ себѣ князя Ивана Никитича и усадилъ его около себя на лавкѣ, крытой пестрымъ полавочникомъ.

— Утомился я очень нонѣчь,—жаловался митрополитъ князю,—по этакой жарѣ, всѣ стѣны у Дѣтинца, всѣ башни съ крестнымъ ходомъ обошелъ: чудотворную икону Знаменья Пресвятой Богородицы по стѣнамъ обносили... Молили Владычицу да защититъ и покрыетъ и нынѣ Новгородъ Великій отъ врага иноземнаго, какъ нѣкогда ущитила его отъ суздальскихъ воиновъ... А ты ко мнѣ по дѣлу по какому, князь?

— По дѣлу, честной владыко, почтительно отвѣчалъ князь Иванъ

Никитичъ. — Тоже по защитѣ города отъ враговъ иноземныхъ... Вотъ и господа посадскіе со мною же...

Посадскіе, при этомъ упоминаніи, отвѣсили по низкому поклону.

— Ну, что же? Что же? Въ чемъ же дѣло? засуетился митрополитъ, съ недоумѣніемъ поглядывая то на воеводу, то на посадскихъ.

Дьякъ Степанъ Спячей и Иванъ Лутохинъ такъ и впились глазами въ воеводу.

— Да вотъ, честной владыко, началъ опять Иванъ Никитичъ, за благословеніемъ къ тебѣ... То-есть ужь ты насъ благослови и разрѣши, помимо ратной силы, здѣсь на Софійской сторонѣ изъ крылошанъ и изъ посадскихъ стражу очередную на стѣнахъ и у воротъ устроить. Вотъ и они всѣ о томъ же пришли тебя просить...

Посадскіе опять отвѣсили по поклону.

— Ну, что же? Отчего же? Можно, это можно... А развѣ ратной силы не довольно у тебя опять?

— Какъ не довольно! Очень бы довольно было, кабы съ товарищемъ-то у насъ лады были... А я не вижу въ Василіѣ Ивановичѣ ни радѣнья, ни помощи! Что ни день, онъ, не спросясь моего согласья, съ Делегардомъ съѣзды чинитъ, въ переговоры съ нимъ вступилъ, изъ моего отряда стрѣльцовъ да казаковъ къ себѣ сманиваетъ, поитъ и угощаетъ ихъ... Такъ долго-ли и до бѣды? Вчера вонъ на стѣнахъ-то было десятка два всѣхъ ратныхъ людей! И кабы не твои же крылошане да не посадскіе, такъ некому бы и оберечь городъ отъ свейской рати...

Митрополитъ Исидоръ хотѣлъ было отвѣчать воеводѣ, но дьякъ Степанъ Спячей, обратившись къ нему, замѣтилъ очень ѣдко:

— Чего же и оберегать-то городъ, коли враги не нападаютъ! Вѣдь ты же и самъ вѣдаешь, преосвященнѣйшій владыко, что воевода Василій Ивановичъ Бутурлинъ, съ твоего согласья, вступилъ въ переговоры съ Делегардомъ...

— Да, да, конечно!.. Съ моего согласья, потому, князь Иванъ Никитичъ, все же худой миръ лучше доброй ссоры... И я тоже думаю, чего же городъ оберегать, коли ужь нѣмцы съ нами въ переговоры вошли...

— Переговоры переговорами, честной владыко, замѣтилъ воевода, — а и то надо сказать: береженаго Богъ бережетъ. Лишняя охрана намъ помѣхой не будетъ...

— Дозволь, государь, постоять и намъ съ твоими крылошанами за Новгородъ Великій и за Св. Софію! заговорили посадскіе, кланяясь въ поясъ митрополиту.

— Ну, что-жъ? Я — ничего... Это можно: поусердствуйте,—довольно неопредѣленно отозвался Исидоръ.

— Они и еще хотѣли просить тебя, преосвященнѣйшій владыко, вступился Одоевскій, — чтобы ты дозволилъ имъ въ начальники стѣнной охраны выбрать протопопа софійскаго, отца Аммоса...

— Аммоса? нахмуриваясь переспросилъ владыко.—Какъ же это? Аммоса? Что же онъ за воинъ?

— Отецъ Аммосъ смолоду, до священства, во многихъ войнахъ за Русь православную бился, замѣтилъ воевода,—и съ татарами, и съ литвой, и съ нѣмцами.

— Ну, нѣтъ! Какой же онъ воинъ... Совсѣмъ не воинъ! И съ попадьей своей управиться не умѣетъ...

— Дозволь, государь, намъ протопопа Аммоса въ начальники выбрать! заголосили посадскіе, не разслышавшіе послѣднихъ словъ владыки.—Онъ тутъ во дворѣ твоего приказа дожидаетъ...

— А что нѣмцы скажутъ, преосвященнѣйшій владыко, вступился вдругъ Иванъ Лутохинъ, — коли узнаютъ, что ты съ ними переговоры ведешь, а самъ противъ нихъ же новую дружину собираешь, да еще твоего протопопа въ начальники надъ ней ставишь?

Митрополитъ Исидоръ безпокойно задвигался на своемъ креслѣ, потеребилъ свою жиденькую бородку (а это бывало у него всегда недобрымъ знакомъ) и затѣмъ, насупивъ брови, сказалъ:

— Позовите-ка сюда протопопа!

Черезъ минуту громадная фигура отца Аммоса появилась въ дверяхъ, въ которыя онъ прошелъ нагнувшись; а когда вступилъ въ сѣни, то оказался чуть не на полголовы выше всѣхъ, самыхъ рослыхъ посадскихъ. Перекрестившись на икону, онъ подошелъ огромными шагами къ митрополиту Исидору, отвѣсилъ ему земной поклонъ и только было приклонился подъ благословеніе, какъ тотъ вдругъ, совершенно неожиданно, обратился къ нему со словами:

— А какъ ты смѣешь народъ бунтовать? Какъ ты — служитель алтаря, предстоящій предъ престоломъ Божьимъ — въ доспѣхъ смѣешь облекаться! Óружіе носить?—въ дѣйствахъ воинскихъ участвовать! А?

Широкое и чрезвычайно добродушное лицо протопопа Аммоса выразило сначала изумленіе, потомъ просто испугъ. Глаза его безпокойно забѣгали по сторонамъ; руки видимо ему не повиновались... Онъ стоялъ передъ митрополитомъ, какъ провинившійся школьникъ, тяжело дыша и не дерзая произнести ни одного слова, хотя губы его и шевелились, то сжимаясь, то открываясь...

— Какъ ты дерзнулъ, безъ моего благословенія, моихъ крылошанъ на стѣны посылать и пищальной стрѣльбѣ обучать!? продолжалъ еще громче владыко. — Твоя жена на тебя мнѣ жаловалась, что ты не токмо самъ воинствуешь, но и другихъ въ соблазнъ вводишь!

— Великій господинъ, осмѣлился было начать протопопъ.

— Молчи! Я тебя знаю... Не священное и не духовное у тебя на умѣ, а плотское, мірское!.. Прещенія достоинъ! Эпитимьи!

— Великій господинъ, преосвященнѣйшій владыко! Казни меня или милуй—въ томъ твоя воля, рѣшился наконецъ произнести протопопъ Аммосъ.—только, видитъ Богъ, за домъ Св. Софьи постоять хотѣлъ... Потому измѣна грозитъ...

— Какая измѣна?.. Что такое?.. Откуда измѣна?—вдругъ спохватился владыко, безпокойно оглядываясь по сторонамъ и отъ гнѣвнаго оттѣнка въ голосѣ переходя къ тревожному.

— Въ твоихъ палатахъ, государь, измѣна засѣла! вдругъ крикнули разомъ нѣсколько голосовъ въ толпѣ посадскихъ, и Васька Орловъ, выступивъ впередъ, сказалъ, указывая на Лутохина:

— Вотъ евоный, Ивановъ Лутохина человѣкъ, Ивашка Шваль, нашимъ робятамъ у нѣмцевъ въ стану хвалился, что нашихъ ворооговъ въ городъ введетъ. Всѣ и робята здѣсь, всѣ твоему преосвященству покажутъ!..

— Лжетъ онъ, собака! дерзко крикнулъ Лутохинъ, измѣняясь въ лицѣ и злобно сжимая кулаки.—Лжетъ онъ, владыко, на твоего вѣрнаго слугу: никакого Ивашки Шваля я не вѣдаю!..

— То-то, не вѣдаешь! Теперь не вѣдаешь! закричали въ свою очередь посадскіе.—А какъ въ прошломъ годѣ подсылалъ его протопопскую дочку выкрасть, такъ тогда небось вѣдалъ!

— Не дозволяй имъ лаяться, преосвященный владыко! съ невозмутимой наглостью продолжалъ Лутохинъ.— Это они все по ненависти... ей-ей, по одной ненависти!.. Я съ ними изъ-за твоихъ луговъ пятый годъ тягаюсь: вотъ они и взводятъ на меня небывальщину. Въ прошломъ году, ни за что, ни про что, моего человѣка до смерти избили...

— Вотъ ты-то лжешь, безстыжіе твои глаза! заговорилъ возвысивъ голосъ и горячась, Васька Орловъ. — Это точно, что поучилъ я твоего холопа Ивашку...

— Хорошо поучилъ, перебилъ Лутохинъ. — тотъ зубовъ не досчитался, да ребро ему переломилъ! Тебя бы за разбой-то, знаешь, какъ бы слѣдовало!

— Что же ты меня въ судъ не позвалъ? насмѣшливо спросилъ Васька Орловъ, подпирая бока руками. — То-то! Тогда наблудить не удалось, такъ теперь черезъ того же бѣса-Ивашку Великій Новгородъ нѣмчурѣ продать хочешь!

— Полно вамъ шумѣть и спорить! сказалъ наконецъ воевода.— Своими дѣлами послѣ посчитаетесь... Пречестной владыко, какъ же ты наше дѣло порѣшишь?

Митрополитъ Исидоръ, который, во время перебранки Лутохина съ посадскимъ, успѣлъ пошептаться со своимъ дьякомъ Стёпаномъ Спячимъ, обернулся къ воеводѣ и сказалъ ему съ волненіемъ:

— Мы съ нѣмцами въ договоръ еще не вступили... однако... близко ужъ... Такъ опасаюсь я, какъ бы воевода ихній, Делегардъ, не прогнѣвался на насъ... Я долженъ, по сану моему, миръ творить, а не раздоры сѣять... не воинствовать.

— Дозволь намъ, государь, развяжи намъ руки! заголосили посадскіе.

Владыко, быстро поднявшись съ мѣста, обратился къ посадскимъ, и крикнулъ гнѣвно:

— Не разрѣшаю!.. Не дозволяю!! Не благословляю—слышите-ли вы!! А ты — ты помни, Аммосъ! Ты отнынѣ подъ моимъ прещеніемъ епископскимъ... Какъ пріидешь къ вечернѣ — эпитимію наложу на тебя по винѣ твоей...

И митрополитъ Исидоръ поспѣшно удалился во внутренніе покои, вмѣстѣ съ клиромъ своимъ, съ дьякомъ и печатникомъ, оставивъ и воеводу, и посадскихъ, и протопопа Аммоса въ уныніи и недоумѣніи.

V.

Прошло еще дня три. Городская жизнь Великаго Новогорода текла попрежнему. Воеводы спорили и ссорились между собою, и вмѣстѣ съ владыкою вели переговоры со шведами; но переговоры— подвигались впередъ медленно, приводили къ взаимнымъ укорамъ, и готовы были ежеминутно разстроиться. Посадскіе и торговые люди не ладили съ стрѣльцами и казаками, и во многихъ мѣстахъ ратники буйствовали, затѣвали драки, грозили разбить лавки и подвалы съ товарами. Осторожность была забыта и городскія стѣны оберегались плохо... А врагъ, попрежнему, спокойно и твердо, стройнымъ станомъ, стоялъ подъ Колмовской обителью, за своими земляными окопами, и горожане на Софійской сторонѣ, каждый день, слышали, какъ, на утренней и вечерней зарѣ, трубили въ шведскомъ станѣ трубы и били барабаны, призывая войско на молитву...

Такъ наступилъ вечеръ 15-го іюля. Палящій дневной жаръ, всѣхъ

истомившій въ теченіе дня, не остылъ и къ вечеру. Солнце закатилось среди темнобагровыхъ, громадныхъ тучъ, которыя заволокли весь небосклонъ, окрасивъ мутныя Волховскія волны въ зловѣщій свинцовый цвѣтъ. Въ воздухѣ было душно — тяжело, невыносимо; ни малѣйшей прохлады не чувствовалось и тогда, когда густая тьма іюльской ночи опустилась на землю... Лишь изрѣдка вспыхивали надъ городомъ отдаленныя молніи — на мигъ обливали синеватымъ свѣтомъ маковицы церквей, верхи башенъ, крыши домовъ и зубцы стѣнъ — и тотъ же непроницаемый, тяжелый, давящій мракъ снова все скрывалъ подъ своимъ покровомъ. Казалось — вотъ-вотъ разразится гроза!.. Но гроза не приходила, и тотъ же раскаленный, тяжелый воздухъ давилъ грудь и спиралъ дыханіе...

На Чудинцевской улицѣ все спало. Только въ домѣ протопопа Аммоса едва мерцалъ огонекъ: лампада теплилась въ углу свѣтелки, освѣщая потемнѣвшіе лики угодниковъ Божіихъ; а передъ иконами, на колѣняхъ, въ небѣленомъ домотканомъ подрясникѣ, стоялъ на молитвѣ отецъ Аммосъ, усердно отвѣшивая поклоны по чёткамъ.

— Охъ, Господи Владыко! шептали чуть слышно уста его. — Святый равноапостольный княже Владиміре, священномученики Аоиногене и Павле—простите мои прегрѣшенія...

И тяжело поднявшись съ полу, онъ присѣлъ отдохнуть на лавочку: не всѣ еще отчиталъ молитвы, не всѣ поклоны положилъ, какіе приказалъ ему править владыко на вечерней и утренней молитвѣ. Сѣлъ бѣдный протопопъ на лавку — и невольно вспомнилъ о мірскомъ:

— Вотъ завтра и пріятель мой, Аоиногенъ Алексѣевичъ Голенищевъ именинникъ, дьякъ-то нашъ... Звалъ на пирогъ къ себѣ — и брагой хвалился... Больно, говоритъ, хороша удалась, выбродилась и устоялась. Да нѣтъ, не пойду... Гдѣ ужь теперь! Еще пуще пожалуй владыко прогнѣвается, какъ узнаетъ!.. А ночь-то какая! Господи! Тьма кромѣшная! Сегодня, чай, и моихъ голубковъ нѣтъ на заваленкѣ? добавилъ отецъ Аммосъ, приподнимая оконце и высовывая голову на улицу.

Въ воздухѣ, попрежнему, было тяжело и душно... Тишина была мертвая... А въ густыхъ облакахъ, нависшихъ надъ городомъ, все трепетали и вспыхивали яркія молніи, обливая землю мгновеннымъ свѣтомъ, вскрывая на мигъ тайны необъятной выси небесной.

Отецъ Аммосъ хотѣлъ было ужь опустить окно и вновь стать на молитву, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ какой-то странный звукъ... Не то сова прокричала — не то человѣкъ простоналъ? А вотъ и еще —и ближе..

— Съ нами крестная сила! прошепталъ Аммосъ. — Да это душатъ кого-то! И близко гдѣ-то... Помочь бы надо!

Но тутъ ужь явственно, съ конца улицы, отъ Чудинцевскихъ воротъ, донеслись крики—зовъ на помощь—потомъ вопли, стоны... А вотъ и стукъ оружія!.. И шумъ! И гулъ растетъ, растетъ—словно рѣка, прорвавшая плотину, волнуясь и бушуя, вливается въ городъ...

Отецъ Аммосъ вскочилъ съ лавки, сорвалъ самопалъ со стѣны, надвинулъ шеломъ на голову и бросился въ нижнее жилье.

— Вставайте всѣ! Поднимайтеся—что спите? Пришелъ врагъ во нощи,—нашимъ нерадѣньемъ! Вставайте!..

И онъ стучалъ во всѣ двери, будилъ домашнихъ, поднималъ на ноги пѣвчихъ дьяковъ, сзывалъ крылошанъ—и выбѣжалъ за ворота на улицу. Глазамъ его представилась страшная картина... Невидимый врагъ наступалъ во тьмѣ, освѣщая себѣ дорогу только выстрѣлами... Крики и звонъ булата приближались, а изо всѣхъ домовъ выскакивали люди—кто съ фонаремъ, кто съ лучиной—полуодѣтые, перепуганные... Никто не думалъ защищаться—всѣ вопили и бѣжали...

— Нѣмцы въ городѣ! Спасайтесь! спасайтесь! Всѣхъ сѣкутъ, всѣхъ рубятъ безъ пощады! Бѣги, куда глаза глядятъ!!..

— Стойте, православные! Стойте! кричалъ протопопъ громовымъ голосомъ.—Не бѣгите! Беритесь за оружіе! Бейте ихъ окаянныхъ—не сдавайтесь!

— Не слушайте его! кричали растерявшіеся отъ страха бѣглецы.—Всѣхъ посѣкутъ... Бѣгите!

— Запирайтесь въ домахъ, — отстрѣливайтесь! Отсидимся отъ нихъ! гремѣлъ протопопъ, покрывая шумъ и крики своимъ могучимъ голосомъ.—Собирайся около меня—на мой крѣпкій дворъ! У меня и пищалей, и зелья—всего вдоволь!

Но никто его не слушалъ... Всѣ, какъ безумные, въ темнотѣ бѣжали, сами не зная куда... давили другъ друга, толкали, падали... А выстрѣлы то и дѣло сверкаютъ и трещатъ въ концѣ улицы:—тамъ кто-то отчаянно отбивается отъ нѣмцевъ, между тѣмъ какъ переполохъ распространяется по городу и звонъ набата гудитъ въ Дѣтинцѣ...

— Отецъ Аммосъ, кричитъ подбѣжавшій въ это время къ протопопу Васька Орловъ.—Мы къ тебѣ едва ушли... Запремся, будемъ отбиваться... Никого не соберешь!..

— Да что же это? Гдѣ же сила-то ратная?— спрашиваетъ впопыхахъ Аммосъ.

— Какая тамъ сила! Нѣмцы тайникомъ вошли! всю стражу пе-

А Ф Маркса
А Ф Маркса

ребили. Теперь въ ворота такъ и валятъ! Тамъ только атаманъ казачій Тимоѳей Шаровъ съ дьякомъ Аѳиногеномъ да съ казаками—они одни и бьются противъ врага!.. А то, самъ видишь, всѣ бѣгутъ... И насъ троихъ едва не потоптали!

— Ну, Васенька-голубчикъ, коли такъ,—воскликнулъ громко протопопъ, — добро пожаловать! Пойдемъ умирать! Живые не отдадимся нѣмцамъ — встрѣтимъ хлѣбомъ-солью дорогихъ гостей! Эй, дьяки! ворота на запоръ, заваливай ихъ—бревнами подпирай. Дочка! гдѣ ключи—спроси у матери... Ступай за нею, Васенька! Выкатывай намъ зелье изъ погребовъ, а я изъ клѣти самъ вынесу пищали, бердыши и самопалы...

— Ахъ, ахъ, злодѣй! раздался вдругъ наверху крыльца визгливый голосъ протопопши.—Что онъ затѣялъ! Отбиваться! Не смѣй, не смѣй, слышишь—не смѣй!

— Молчи, баба! грозно крикнулъ протопопъ. — Поди въ подвалѣ схоронись, коли за себя боишься. Минула надо мною твоя воля—часъ Божьей воли насталъ!

И когда, немного спустя, шведы подступяли по Чудинцевской улицѣ къ тому углу, на которомъ стоялъ обнесенный высокимъ тыномъ протопопскій домъ — на нихъ съ крыши хоромъ, изъ оконъ, изъ-подъ навѣсовъ, грянули выстрѣлы; изъ-за частокола посыпались стрѣлы... Ряды врага заколебались, остановились, смѣшались...

— «Hilf Gott; hilf Gott!» раздались среди нѣмцевъ ободряющіе громкіе крики начальниковъ.

Сунулись было къ дому,—хотѣли миновать его... Но опять засверкали выстрѣлы; опять посыпались стрѣлы! Многіе попадали—убитые и раненые... Съ проклятіями и руганью отхлынули враги и собрались кучами, совѣщаясь между собою. Домъ протопопа надо было взять во что бы то ни стало, пока не подоспѣло на помощь войско изъ Дѣтинца...

А изъ Дѣтинца—увы! никто и не думалъ подать помощи... При первыхъ выстрѣлахъ и звонѣ набата, владыко, смущенный внезапнымъ, вѣроломнымъ нападеніемъ нѣмцевъ, растерялся совершенно... Когда Дѣтинецъ наполнился толпами бѣглецовъ, а врагъ еще не подступалъ подъ стѣны его, владыко приказалъ запереть ворота и умолялъ князя Ивана Никитича, чтобъ тотъ не покидалъ дома Св. Софіи на разграбленіе врагамъ и не вступалъ бы съ нѣмцами въ неравную борьбу.

Весь Дѣтинецъ, наполненный толпами плачущихъ женщинъ и

дѣтей, замеръ въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ врагъ подойдетъ—врагъ пойдетъ на приступъ, врагъ одолѣетъ...

— Крестнымъ ходомъ по стѣнѣ ступайте... пойте молебны... Икону Знаменья Пресвятой Богородицы, Заступницы нашей, на стѣну несите,—распоряжался перепуганный и растерявшійся владыко. — Да кто же это съ нѣмцами-то бьется? Въ кого они стрѣляютъ?—спрашивалъ онъ самъ себя, и повелѣлъ взвести себя на самый верхъ башни, надъ его владычними палатами. Тамъ сталъ онъ въ полномъ облаченіи, окруженный клиромъ и, держа животворящій крестъ въ трепетныхъ рукахъ, устремилъ грустный взоръ вдаль.

А сверху башни, сквозь рѣдѣющую мглу, какъ на ладони было видно то мѣсто, около котораго кипѣло жаркое побоище.

— Чей же это домъ-то тамъ? Кто-жъ это бьется тамъ со шведами?—допрашивалъ владыко у дворецкаго.

— А это домъ протопопа Аммосовъ домъ... Тамъ это онъ засѣлъ съ посадскими да съ крылошанами—онъ и бьется...

— Ахъ, Господи силъ съ ними буди! шепталъ владыко. — Сохрани его и спаси, Царица Небесная!

А огоньки такъ и мелькали, такъ и вспыхивали то надъ крышей, то у оконъ протопопова дома — такъ и гудѣли выстрѣлы... Протопопъ не поддавался врагу — и губилъ его нещадно. До слуха владыки явственно долетали неистовые крики разъяреннаго врага, стоны раненыхъ, возгласы и рѣзкія, отрывистыя слова команды— и опять отдѣльные, мѣткіе выстрѣлы изъ протопопскаго двора и громкая, перекатистая трескотня мушкетныхъ залповъ, которыми нѣмцы обдавали домъ Аммоса.

Охъ! виноватъ я, виноватъ я передъ нимъ, — вдругъ застоналъ митрополитъ Исидоръ, — по злымъ навѣтамъ отвергъ вѣрнаго слугу Св. Софіи и прещенію предалъ!.. Разрѣшаю и благословляю тебя, чадо мое милое! — воскликнулъ владыко, поднимая высоко крестъ и осѣняя издали дворъ протопопа Аммоса. — Братія! Помолимся о спасеніи вѣрнаго слуги Христова... Помолимся да поддержитъ Господь его крѣпкое стоятельство...

Раздалось молитвенное пѣніе—начался молебенъ.

Вдругъ выстрѣлы смолкли. Наступила на мигъ тишина... Но занимавшаяся заря освѣтила страшное зрѣлище: шведы тащили отовсюду къ дому протопопа солому, сѣно, катили возы съ лучиной, съ дранью, съ хворостомъ, собираясь поджигать его. Вотъ вспыхнулъ огонекъ — потомъ другой; вотъ запылалъ сосѣдній домъ — и дымъ черными клубами повалилъ отъ пожарища къ Дѣтинцу.

— Подожгли протопоповъ домъ! Подпалили! Вонъ- -вонъ! Сосѣдній-то — занялся весь какъ свѣчка! раздались голоса кругомъ владыки.

Владыка закрылъ глаза и стоялъ недвижимъ, опираясь на посохъ; уста его, тихо шевелясь, шептали неслышную молитву.

— А еще живы люди! живы еще поборники супостатовъ! Еще отстрѣливаются! Вонъ-вонъ—слышите...

Но вскорѣ выстрѣлы были заглушены трескомъ горѣвшихъ зданій и свистомъ пламени, которое бурей неслось вверхъ по Чудинцевской улицѣ и уже перекидывалось на Прусскую. Среди черныхъ клубовъ дыма и цѣлаго потока пламени — мѣсто побоища скрылось на время отъ всѣхъ стоявшихъ на башнѣ. Вдругъ что-то грохнуло на пожарищѣ — громадный снопъ огня, увѣнчанный бѣлыми клубами дыма, взвился вверхъ изъ среды бушующаго пламени— и чей-то страшный вопль—послѣдній вопль многихъ голосовъ донесся до слуха владыки.

— Рухнулъ дворъ протопоповъ—зелье взорвало,—шептали кругомъ владыки трепетные голоса.

Владыко опустился на колѣни, и, возведя очи къ небу, произнесъ со слезами:

— Упокой, Господи, души вѣрныхъ рабъ твоихъ, Аммоса... и сродниковъ... и отпусти имъ прегрѣшенія вольныя и невольныя...

— «*Со духи праведны скончавшеся*»—затянулъ клиръ, и унылая, душу надрывающая погребальная пѣсня слилась съ зловѣщимъ свистомъ и шипѣньемъ широко-разбушевавшагося пламени...

Исторія двухъ зипуновъ.

I.

Воеводы нижегородскіе, князь Репнинъ съ товарищами, съ половины октября 1608 года стали жить въ великомъ опасеніи. Шайки тушинцевъ, поляки, литва, ватаги воровскихъ казаковъ такъ разгулялись въ Поволжьѣ, что съ часу на часъ можно было ожидать нападенья. Хуже всего было то, что и въ самомъ городѣ, и въ подгородныхъ слободахъ было не спокойно: смута широко раскинула свои сѣти и нельзя было ни на кого положиться съ полною увѣренностью.

А между тѣмъ воеводы нижегородскіе, которые царю Василію вѣрою и правдою служили и присягали, рѣшились во что бы то ни стало отстоять Нижній, тѣмъ болѣе что и воинской силы, и запасовъ въ городѣ было достаточно, и за его крѣпкими стѣнами отсидѣться было не мудрено. Недаромъ тушинцы, неоднократно подступая къ городу и не рѣшаясь обложить его, ворчали, поглядывая на стѣны нижегородскаго Кремля, уступами спускавшіяся къ Волгѣ:

— Зовется Нижнимъ, а самъ нà-гору всползъ! На горѣ стоитъ... Подико-сь, и рукой его не достанешь.

Но какъ ни крѣпокъ былъ Нижній, воеводы нижегородскіе знали, что шатость легко овладѣвала сердцами въ это несчастное время, а потому весьма дѣятельно принимали всякія мѣры предосторожности на случай подступа воровскихъ шаекъ и литовскихъ людей.

— Такъ-то, матушка моя, такъ-то! неоднократно говаривалъ своей женѣ въ это тяжелое время Индрикъ Агаѳоновъ, приказчикъ боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева.—Теперь мы отъ нашихъ вὸроговъ радѣньемъ воеводъ нашихъ вὸ-какъ ограждены... Пусть-ка сунутся! Пусть только подступятъ, окаянные...

— А ты думаешь—и не сунутся? Думаешь—и не подступятъ? отзывалась Индрикова жена, бабенка вострая и зубастая.—Сдается мнѣ, что и подступятъ, и всѣхъ васъ, вмѣстѣ съ воеводами, какъ шапкой накроютъ!

— Ну, вотъ, мать моя, это ужь и не такъ! Не дѣло и говоришь... Сторожà, чай, не дремлютъ на башняхъ. И дозоры стрѣлецкіе, тожь, день и ночь по стѣнамъ ходятъ. И бирючи на торгахъ ежеденъ кличутъ, чтобы всѣ посадскіе люди, по первому звону вѣстоваго колокола, сбѣгались въ городъ, на осадные дворы... Нѣтъ, матушка, ихъ со стѣнъ да съ башенъ такъ примутъ, окаянныхъ, что и-и-и...

— Какъ-бы не такъ! Дураковъ нашелъ... Полѣзутъ они къ тебѣ подъ стѣны! Пожгутъ, пограбятъ посады кругомъ города — да и ушли во-свояси... А тамъ выждутъ, когда можно будетъ врасплохъ на васъ напасть, да и...

— Какъ же *врасплохъ?* перебилъ съ нѣкоторою досадою Индрикъ.—Вѣдь ты же слышала, что всѣ мѣры воеводами приняты, что мы ими кругомъ обережены?

—Ну, и слышала, да не больно имъ вѣрю! Велико-ли отъ нихъ береженье, когда они насъ и отъ дьяка-то своего оберечь не умѣютъ; а ты, чай, самъ знаешь, каковъ Василій-то Семеновъ?

— А что-же—*каковъ?* Вѣстимо, каковъ! Дьякъ какъ дьякъ! Не хуже другихъ.

— Не хуже?! Да онъ первый разбойникъ! Пьяница, самодуръ, душегубецъ!..

— Вотъ, вотъ, матушка моя, и это ты не дѣло говоришь! Выпивать-то онъ, точно, выпиваетъ; а чтобы душегубствовать — этого не слыхивано...

— Какъ не слыхивано? А вдову Вороннху кто на правежъ по три дня сряду ставилъ — пока она Богу душу отдала? А Кузьму

Терентьева кто плетьми стегалъ, вымогая у него дворишко его? А кто Ивашкѣ Осокину ребро съ пьяныхъ глазъ переломилъ?.. А стрѣльцовъ кто распустилъ да за посулы кто имъ всѣ вины, всѣ буйства спущаетъ?

— Ну, вотъ... Вотъ ужь ты и занеслась, и горло зря распустила! перебилъ жену Индрикъ.—Оно, конечно, съ кѣмъ грѣха не бываетъ... А только все же надо съ осторожностью... Какъ бы еще не подслушалъ, да не пронесъ бы кто...

И Индрикъ тревожно оглянулся въ сторону двери, выходившей изъ жениной свѣтелки въ смежную мастерскую избу, гдѣ десятка два мастерицъ «ткали» и «брали» полотна и пряхи пряли пряжу на веретёнахъ. Индрикъ даже сдѣлалъ два шага по направленію къ двери, чтобы притворить ее поплотнѣе — и вдругъ остановился, вытянувъ шею и наклонивъ голову, словно прислушиваясь къ чему-то... И точно откуда-то издалека ясно донеслись въ свѣтлицу звуки колокола...

Индрикъ Агаѳоновъ, прислушавшись къ звукамъ, вдругъ всплеснулъ руками и обращаясь къ женѣ закричалъ не своимъ голосомъ:

— Всполохъ! Матушка моя! Всполохъ! Въ вѣстовой бьютъ — подступаютъ, значитъ!

И онъ, схвативъ съ шестка кушакъ и шапку, опрометью бросился въ сѣни, а изъ сѣней на широкій дворъ Шереметевскаго осаднаго подворья, примыкавшій къ стѣнѣ Нижегородскаго Кремля.

И точно: вѣстовой колоколъ громко гудѣлъ вдали на сторожевой башнѣ, съ которой, вѣроятно, завидѣли приближеніе непріятеля, а на тѣсной улицѣ, пролегавшей между боярскими осадными дворами, слышались крики, возгласы, топотъ коней и толпы, бѣжавшей по улицѣ. Изъ дворовыхъ избъ Шереметевскаго подворья высыпали люди, поспѣшно напяливая на ходу зипуны, нахлобучивая шапки и подтягивая опояски.

— Всполохъ, батюшка Индрикъ Яковлевичъ, всполохъ! кричали Индрику старики изъ дворовыхъ, окружая его. — Должно-быть, окаянные не подступаютъ-ли!

— Всполохъ, братцы мои! Видно, подступаютъ! Не даромъ же звонятъ въ вѣстовой колоколъ!.. Отпирай, ребята, порожнія избы для крестьянъ государя нашего, боярина Ѳеодора Ивановича!.. Запасъ для нихъ готовъ! Всѣ сейчасъ къ намъ сюда съ посадовъ сбѣгаться станутъ, и съ рухлядишкою... Побольше сотни ихъ поить, кормить придется!..

И между тѣмъ какъ дворовые старики и бабы спѣшили выполнить

приказъ Индрика Яковлевича, онъ самъ вышелъ за ворота и присѣлъ на лавочку около калитки, чтобы прислушаться къ людскому говору.

Народъ такъ и валилъ мимо него, кто пѣшкомъ, кто верхомъ на косматой деревенской кляченкѣ, кто въ телѣжонкѣ съ запасомъ. Всѣ спѣшили съ посадовъ, отъ Ивановскихъ воротъ, на барскіе осадные дворы, на ходу галдя, крича и перебраниваясь. Въ толпѣ слышались отрывочныя рѣчи:

— Ишь, лѣшіе! Черти!.. Раззвонились... Напугали только народъ православный! Воровъ-то и всего сотня за Окой появилась... А они звонъ подняли—всѣхъ всполошили! Да имъ что? Имъ любо!.. Какъ всѣ всполошились да побѣжали — въ воротахъ-то давка... Колоколъ-то гудётъ... Народъ-то во́питъ: «пустите, батюшки!» А они съ каждаго и лупятъ, и лупятъ, — съ кого алтынъ, съ кого два... О-охъ, грѣхи! Пропасти на нихъ нѣтъ, на этихъ охреяновъ!

А вотъ за толпою и Шереметевскіе крестьяне кучей валятъ... И кричатъ, и руками машутъ; а впереди всѣхъ бѣжитъ приземистый, корявый мужичёнка, безъ шапки, въ одной домотканой рубахѣ, въ лаптишкахъ на̀-босу ногу, — бѣжитъ, а самъ горькими слезами плачетъ, разливается.

— Ивашка Худопёръ! воскликнулъ Индрикъ, вскакивая съ лавки.—Ты какъ сюда попалъ?.. Чего ты плачешь?..

— Батюшка, Индрикъ Яковлевичъ... не погуби — благодѣтель!..

— Да откуда тебя Богъ принесъ?

— Запасишко кое-какой тебѣ изъ деревни везъ, да на посадѣ у земляка съ женою присталъ! А какъ въ вѣстовой-то ударили, я весь запасишка на посадѣ покинулъ — только два зипунишка сермяжныхъ новыхъ захватилъ, свой да женинъ и какъ сунулся въ Ивановскія ворота... Охъ, батюшки!.. Стрѣльцы-то меня за-воротъ...

— Ну?.. Съ какой же власти?

— А такъ-то вотъ, сгребли за воротъ, говорятъ: «гдѣ зипуны стянулъ?» Я говорю: «мои зипуны!» А они: «давай три алтына, не то зипуны отдай!» Я было сцѣпился съ ними, а они меня бить стали, — а зипунишки-то отбили, окаянные!.. Смилуйся, батюшка, защити отъ озорства отъ ихняго.

И мужичёнка бухнулъ Индрику въ ноги.

— Ай-ай! Грѣхи какіе! раздались голоса въ толпѣ.—Вотъ они каковы, обережатаи-то наши! Первые грабители!

— Полно вамъ пустое молоть, степенно замѣтилъ Индрикъ. Мы всѣ подъ закономъ, да подъ Богомъ ходимъ... Наши воеводы такого разбоя стрѣльцамъ не спустятъ.

— Батюшка-кормилецъ, вопилъ между тѣмъ Ивашка Худопёръ,— не покинь ты меня сираго. безпокровнаго!.. Разыщи ты мои зипунишки... Вѣдь они у меня новёшеньки! Баба моя ихъ къ Покрову только и сшила.

— Да ну, ладно! Ступай теперь и съ бабою въ избу! сказалъ Индрикъ мужичёнкѣ. — А какъ ты моего государя. боярина Ѳеодора Ивановича. крестьянинъ, такъ я тебя защитить долженъ. Такъ-ли, инакъ-ли,—а правды добьемся.

II.

На другой день, когда князь Александръ Андреевичъ Репнинъ, воевода нижегородскій, пришелъ съ товарищами на обычное засѣданіе въ Приказную Избу, въ числѣ другихъ челобитчиковъ явился туда же и Индрикъ Агаѳоновъ. Воевода не особенно дружелюбно посмотрѣлъ на знакомую ему высокую и сухощавую фигуру стараго и вѣрнаго Шереметевскаго слуги; онъ давно уже былъ знакомъ ему по тяжбамъ, въ которыхъ Индрикъ, опытный дѣлецъ и законникъ, всегда умѣлъ отстоять сторону своего государя, боярина Ѳеодора Ивановича.

— Ну-ка ты, старый сычъ, съ чѣмъ пожаловалъ? спросилъ Индрика воевода, когда тотъ съ низкимъ поклономъ подошелъ къ столу и вынулъ изъ-за пазухи челобитную.

— Съ челобитьицемъ къ твоей воеводской милости.

— Да челобитье-то твое о чемъ?

— А вотъ, господинъ воевода. началъ Индрикъ, поглаживая свою длинную и жидкую сѣдую бороду,—дѣялось вчерашняго числа: самъ изволишь знать, всполохъ былъ у насъ въ городѣ отъ подхода воровскихъ людей... И какъ учали. господинъ, въ вѣстовой колоколъ бить—побѣжали многіе посадскіе люди въ городъ и съ рухлядишкою... И государя моего крестьянинъ. Ивашка Худопёръ побѣжалъ въ городъ же, на государя моего дворъ, а самъ несъ два зипунишка сермяжныхъ новёшенькихъ...

— Да ну! нетерпѣливо перебилъ Репнинъ, — говори короче, — не одинъ ты здѣсь?

— А какъ будетъ государя моего крестьянинъ въ Ивановскихъ воротахъ. невозмутимо продолжалъ Индрикъ Агаѳоновъ, — сгребли его стрѣльцы за воротъ. говорятъ: «гдѣ зипуны стянулъ?» А Ивашка имъ въ отвѣтъ: «мои де зипуны!» А они ему: «давай три алтына, не то зипуны возьмемъ». Онъ было сцѣпился съ ними, а они его бить стали и тѣ зипунишки у него отбили. Такъ вотъ, господинъ

воевода, я на тотъ грабежъ къ тебѣ съ жалобой и съ явкой. Вели, господинъ, мое челобитье и явку записать и расправу учини, смилуйся!

И Индрикъ отвѣсилъ воеводѣ низкій поклонъ.

— А чьей сотни были въ воротахъ стрѣльцы? спросилъ воевода нахмурившись.—Ты это знаешь-ли?

— Знаю, господинъ... Въ воротахъ стояли стрѣльцы сотни Баима Колзакова. На него-то я и бью челомъ, о сыскѣ, чтобы ты пожаловалъ, велѣлъ ему, тѣ зипунишки сыскавъ, отдать крестьянину государя моего, Ивашкѣ Худопёру.

— Ладно, велю сыскать... Эй, кто здѣсь есть? Позвать ко мнѣ Баима сотника.

— Я здѣсь, господинъ воевода! откликнулся кто-то около самыхъ входныхъ дверей.

И изъ толпы челобитчиковъ выступилъ высокій и дюжій мужчина, благообразной наружности. Плутоватые, каріе глазки его такъ и бѣгали подъ густыми, нависшими бровями, а пріятная его улыбка почти не покидала его устъ. Поклонившись воеводѣ въ поясъ, онъ сталъ передъ нимъ въ почтительномъ ожиданіи, одною рукою опираясь на саблю, а другую заложивъ за поясъ.

— На твоихъ стрѣльцовъ объявилась жалоба — въ грабежѣ и буйствѣ, сказалъ воевода, обращаясь къ Баиму.

— Вотъ какъ! съ видомъ величайшаго изумленія проговорилъ Баимъ, пожимая плечами. -Кажется народъ все подобранъ у меня такой хорошій, и вдругъ такой поклёпъ!

— Не поклёпъ, а явка, господинъ сотникъ. вступился Индрикъ.— Кого грабили, тотъ берется указать грабителей.

— А дозволь спросить у твоей милости, сказалъ Баимъ, обращаясь къ воеводѣ, —около чего мои ребята руки погрѣли?

— Два зипунишка сермяжныхъ у Шереметевскаго крестьянина отбили, съ пренебреженіемъ сказалъ воевода Баиму.

— Два зипунишка! повторилъ съ презрительной усмѣшкой Баимъ.—Нашли на что польститься!

— Знаю я, что тебѣ мужицкій зипунъ не въ диковину, язвительно замѣтилъ Индрикъ. Да и то я знаю, что не нужна мнѣ твоя шуба, а отдай мнѣ мой зипунъ!

— Вели немедля тѣ зипунишки разыскать и тому Шереметевскому крестьянину отдать! строго сказалъ воевода Баиму.

— Слушаю, господинъ воевода... Разыщемъ и отдадимъ... Какъ не разыскать!

— Благодарствую, господинъ воевода, на твоей милости! сказалъ Индрикъ, откланиваясь Репнину. — Не даешь ты насъ, мелкихъ людишекъ, холопишекъ твоихъ, сильнымъ людямъ въ обиду.

И онъ вышелъ изъ Приказной Избы вслѣдъ за Баимомъ.

III.

Дня три спустя, около вечеренъ, князь Александръ Андреевичъ Репнинъ, въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, вышелъ изъ своего дома, на Соборной площади, и направился къ Спасу въ соборъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей — князя Алексѣя Михайловича Львова и Дмитрія Савича Жедринскаго. Воевода былъ такъ хорошо настроенъ потому, что получилъ поутру добрыя вѣсти изъ Москвы. Его благопріятель писалъ ему, что скоро онъ будетъ вызванъ съ воеводства ко двору царя Василья- и князь Репнинъ все утро думалъ о томъ, какъ онъ покинетъ глухое и безпокойное Волжское Понизовье, и какъ, вернувшись въ Бѣлокаменную, засядетъ на своемъ боярскомъ подворьѣ. Москва и всѣ пріятности московской жизни съ утра не выходили изъ головы у князя и онъ охотно возвращался къ этому предмету въ своей бесѣдѣ съ товарищами.

— Да, вотъ, Богъ дастъ, по первопутку и вызовутъ меня, говорилъ князь, степенно переваливаясь на ходу и опираясь на трость съ рѣзнымъ набалдашникомъ.

— Дай тебѣ Богъ! говорилъ князю Жедринскій.—А какъ попадешь въ Бѣлокаменную,—и насъ грѣшныхъ здѣсь не забудь... Дѣлишко если какое, или по вотчинкамъ хлопоты...

— Еще бы! Какъ друзей-пріятелей забыть! отвѣтилъ Репнинъ, пріятно улыбаясь. —Я тамъ, а вы здѣсь меня въ обиду не давайте... И у меня вѣдь тоже здѣсь и людишки, и земельки есть.

— Вотъ, кстати, о людишкахъ-то, вступился князь Львовъ. — Опять сегодня былъ въ Избѣ тотъ Шереметевскій приказчикъ.

— Ну, что-жъ ему еще? съ досадой сказалъ воевода.

— Не ладно что-то у него съ Баимомъ Колзаковымъ; надо бы покрѣпче разыскать. А то вѣдь и самъ, чай, знаешь, что Шереметевыхъ задѣть—бѣда! Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ силенъ у царя Василья на Верху.

— Что ты, князь, мнѣ Шереметевыхъ въ глаза-то суешь? У насъ и у самихъ рука въ Москвѣ есть... Чай, Репнины отечествомъ не ниже Шереметевыхъ-то вышли?

— Да я вѣдь съ добрымъ умысломъ, тебѣ же радѣючи... Тутъ все твой дьякъ Василій съ пьяной дурости напуталъ! Да вонъ, ни-

какъ тебя и на соборной паперти ждетъ тотъ же челобитчикъ? Отъ него и самъ узнаешь, какъ было дѣло.

И точно, на паперти Репнинъ увидѣлъ издали кучку народа и среди нея сразу различилъ знакомую фигуру Индрика Агаѳонова, съ челобитною въ рукахъ.

Едва только Репнинъ поднялся на ступени паперти, какъ Индрикъ, отвѣсивъ ему низкій поклонъ, проговорилъ скороговоркой:

— Господинъ воевода, смилуйся! Не дай въ обиду!

— Чего тебѣ еще? съ досадой обратился къ нему князь.

— Совсѣмъ изобиженъ, господинъ воевода! Опять къ тебѣ съ челобитною...

— Не у мѣста просишь! Я въ храмъ Божій на молитву, а онъ съ челобитьемъ. Приходи завтра въ Приказную Избу!

— Три дня сряду и такъ туда ходилъ, господинъ воевода, да твой же дьякъ Василій Семеновъ трижды меня велѣлъ оттуда съ соромомъ выгнать и къ тебѣ не допустилъ.

— Да въ чемъ же твое челобитье? перебилъ Репнинъ, видимо не желая выслушивать Индрика.

— Бью челомъ все о тѣхъ же зипунишкахъ, государь!

— Да вѣдь я же велѣлъ ихъ разыскать Баиму сотнику.

— Вотъ онъ, по твоему приказу, и разыскалъ ихъ, и просилъ у Ивашки Худопёра десять алтынъ за тѣ зипуны на выкупъ. Тотъ не далъ, такъ Баимъ тѣ зипуны со своими же стрѣльцами на кружалѣ пропилъ...

— Лжетъ онъ, лжетъ, господинъ воевода! закричалъ вдругъ Баимъ, неожиданно выскакивая изъ толпы. — Вели ему хульныя уста загородить! Зипуновъ я не пропивалъ и у стрѣльцовъ ихъ не разыскивалъ; а розыскъ потому покинулъ, что этотъ Индринко меня передъ стрѣльцами лаялъ и воромъ обзывалъ, и своимъ бояриномъ Шереметевымъ запугивать вздумалъ!

— Шереметевымъ пугать насъ вздумалъ? медленно проговорилъ князь Репнинъ, обращая гнѣвный взглядъ на Индрика.

— Господинъ воевода! воскликнулъ Индрикъ. — Баимъ обноситъ меня передъ тобою ложно, избываючи своего воровства!.. Ничѣмъ я его не лаялъ: а если и помянулъ своего боярина...

— А! Помянулъ-таки! Такъ вотъ и поѣзжай къ своему боярину въ Москву, а ко мнѣ со своими зипунишками не лѣзь...

— Такъ-то вѣдь не по Божьему будетъ! спокойно и твердо произнесъ Индрикъ. — Бью тебѣ челомъ на того Баима въ грабежѣ крестьянина Ивашки Худопёра!

— Челобитной твоей здѣсь не приму! крикнулъ Репнинъ.—Тутъ не Приказная Изба! Будемъ живы, такъ и завтра разберемся.

И воевода, отвернувшись отъ Индрика, прошелъ въ соборъ вмѣстѣ съ товарищами.

— Ха-ха-ха! Что̀ взялъ, старый ябедникъ! заговорилъ Баимъ, подступая къ Индрику, какъ только воевода съ товарищами вошелъ въ соборъ. —Что̀ взялъ, старый песъ! кричалъ онъ, нахально размахивая руками передъ самымъ носомъ Индрика, который нахлобучилъ шапку и медленно засовывалъ челобитную за пазуху.— —Да нѣтъ! Ты погоди! продолжалъ Баимъ, грозя Индрику кулакомъ и злобно хихикая. —Ты не того еще дождешься... Вотъ, кстати, и самъ дьякъ сюда жалуетъ! Онъ съумѣетъ тебя отъ ябеды отвадить!

IV.

И точно, Индрикъ не успѣлъ еще отвѣтить дерзкому нахалу, какъ вдругъ толпа, стоявшая на паперти, раздалась на обѣ стороны, и изъ нея, грузно покачиваясь и опираясь на двоихъ дюжихъ стрѣльцовъ, вышелъ высокій и тучный мужчина, въ богатомъ камчатномъ кафтанѣ на распашку. Шапка была у него сбита на самый затылокъ; мокрые, потные волосы спускались прядями ему на лобъ и лѣзли на глаза. Густая борода была всклочена; глаза дико блуждали; жирное, обрюзглое лицо пылало неестественнымъ румянцемъ.

— Дьякъ Василій Семеновъ! послышалось въ толпѣ.—Да и хмѣлёнъ же!.. Не надѣлалъ бы опять бѣды какой!

Индрикъ хотѣлъ было уйти, но не успѣлъ. Баимъ загородилъ ему дорогу.

— Кто это здѣсь? грозно закричалъ дьякъ, набрасываясь на Баима. — Шереметевскій холопъ! Ужь не... съ челобитьемъ-ли къ воеводѣ? А? Говори!..

— И съ челобитьемъ, и съ жалобою на тебя, Василій Семеновичъ! подзадоривалъ Баимъ.

— А! Мало я́ тебя... по три дня взашей гонялъ изъ Избы Приказной!? Мало?! Съ зипунишками своими къ князю смѣешь лѣзть?.. Постой же! Я проучу тебя! Я...

Онъ рванулся къ Индрику, который попятился отъ него въ толпу, но дюжіе стрѣльцы и пріятели ухватили дьяка за руки.

— Нѣ-ѣ-ть! кричалъ пьяный и разсвирѣпѣвшій дьякъ.—Нѣтъ, братцы, отпустите! Дайте мнѣ съ нимъ расправиться... Зарѣжу я его—вотъ что!

И, высвободивъ руку, онъ полѣзъ было въ голенище за ножемъ. Но снова пріятели его схватили и держали крѣпко, уговаривая и унимая.

— Его зарѣзать мало! кричалъ во всю глотку дьякъ. — Его, страдника Шереметевскаго, на-двое разсѣчь надобно... Баимъ, Баимушка, голубчикъ! Вотъ тебѣ мой приказъ: какъ только онъ придетъ къ Приказной Избѣ, такъ... руки ему за спину, и въ яму, на хлѣбъ и на воду!

— Слушаю, Василій Семеновичъ! отозвался со смѣхомъ сотникъ. — Ужь это будь спокоенъ... На порогъ не пустимъ!

Индрикъ не вытерпѣлъ и, обращаясь къ толпѣ, сказалъ:

— Православные! Что же это?.. Вѣдь это денной разбой! Гдѣ же намъ правды искать, коли въ Приказную Избу не пустятъ?.. Нѣтъ, коли такъ, то мы повыше суда поищемъ! Пусть государь мой, бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ самъ у благовѣрнаго царя Василія Ивановича защиты проситъ!..

— Бояринъ?.. Какой бояринъ? зашумѣлъ опять пьяный дьякъ. — Что мнѣ твой бояринъ можетъ?.. Баимъ! Пойди сюда!.. Вотъ тебѣ и еще приказъ: гдѣ ты ни встрѣтишь своею сотнею стрѣльцовъ того Индрика и иныхъ холопей Ѳеодора Шереметева или крестьянъ его, ограбь ихъ до́-нага и пришиби до́-смерти. Слышишь? И вины не бойся—я за васъ въ отвѣтѣ!

— Слышу, Василій Семеновичъ, слышу! Ха-ха! Проходу не дадимъ! откликнулся Баимъ, нагло поглядывая на Индрика.

— Огрр-рабь до́-нага и убей до́-смерти! продолжалъ кричать дьякъ, переминаясь на мѣстѣ и покачиваясь во всѣ стороны. — А его бояринъ... Ѳеодоръ-то Шереметевъ... не самое мнѣ до́рогъ... Мнѣ его бояринъ — тьфу!

И дьякъ разразился крупной бранью.

— Не смѣй! вдругъ закричалъ старый Индрикъ не своимъ голосомъ. — Не смѣй! Со мною что хошь дѣлай, а боярина моего чести трогать не смѣй! За боярина мы, его холопи, животъ положить готовы! Такъ и знай!

Онъ былъ блѣденъ, голосъ его дрожалъ; сѣдая борода тряслась, руки судорожно сжимались въ кулаки. Дьякъ, стрѣльцы и сотникъ, въ отвѣтъ на эту выходку Индрика, разомъ покатились со смѣху и стали громко хохотать, указывая на Индрика пальцами. Какъ разъ въ это время на порогѣ соборныхъ дверей явился воевода съ товарищами.

— Что здѣсь за шумъ? Чего горла́ните!?.. гнѣвно произнесъ Репнинъ. — Лба перекрестить не дадите!

— Прощенья просимъ, господинъ воевода, подобострастно заговорилъ Баимъ. — Ужь больно распотѣшилъ насъ старый шутъ! Расхвастался тутъ со своимъ бояриномъ, — чуть животовъ мы не надорвали!..

— Господинъ воевода! взмолился Индрикъ, бросаясь къ Репнину. — Смилуйся! Вотъ на послуховъ сошлюсь... Бью челомъ на дьяка Василья въ томъ, что онъ дерзнулъ лаять моего боярина всякою неподобною лаею, и я того безчестья ему спустить не смѣю!..

— Ну, да! Тебя не переслушаешь! рѣзко отвѣтилъ ему воевода. У тебя, что ни часъ, то новое челобитье! Сказано тебѣ — до завтра разбирать васъ не стану. Приходи въ Приказную Избу — чай вѣдома туда тебѣ дорога?

И онъ, круто повернувъ въ сторону, удалился съ товарищами, при общемъ ропотѣ толпы. А за его спиною, Баимъ Колзаковъ подскочилъ къ Индрику и, передразнивая воеводу, произнесъ насмѣшливо:

— Чай, вѣдома туда тебѣ дорога? Ха, ха! Пріиди-ка — сунься только! Мы такъ тебя съ дьякомъ Васильемъ примемъ, такъ употчуемъ, что во-вѣки вѣковъ зипунишекъ своихъ не забудешь!

И, подхвативъ дьяка подъ-руки, Баимъ со стрѣльцами двинулся къ ближайшему кружалу.

Индрикъ опустилъ голову и развелъ растерянно руками. Къ нему съ участіемъ подошли двое-трое посадскихъ изъ толпы.

— Э-э, братъ, Индрикъ Яковлевичъ! Брось! сказалъ ему одинъ старикъ. — Брось! Велико-ли дѣло зипунишки крестьянскіе!

— Вѣстимо! поддакнулъ другой. — Станешь изъ-за зипунишекъ тѣхъ тягаться съ дьякомъ да сотникомъ — боярскій дворъ не протягать бы!

— Да еще, того гляди, и пришибутъ пожалуй изъ-за угла озорники-стрѣльцы Баимовы! добавилъ кто-то въ толпѣ.

— Нѣтъ, братцы! отозвался Индрикъ, поднимая голову и выпрямляясь во весь ростъ. Не въ зипунишкахъ тутъ дѣло, — а въ правдѣ! Какъ?.. Чтобы на святой Руси да правды не сыскать! Нѣтъ, ужь развѣ въ гробъ уложатъ, да землею прикроютъ... А пока я живъ — отъ правды не отстану и кривдѣ не поклонюсь! Прощенья просимъ и на добромъ словѣ благодаримъ...

И поклонившись въ поясъ толпѣ, Индрикъ поспѣшно зашагалъ черезъ площадь къ Шереметевскому подворью.

V.

Въ тотъ вечеръ свѣтъ долго былъ виденъ въ окошечкѣ каморки, въ которой Индрикъ Агаѳоновъ хранилъ самую цѣнную свою и боярскую рухлядь, а также и всѣ бумаги, касавшіяся дѣлъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ его государя-боярина Ѳедора Ивановича. Передъ тоненькою, желтою восковою свѣчкою Индрикъ писалъ челобитную на имя государя Василія Ивановича, и въ ней яркими красками излагалъ свои невзгоды и свое тягостное положеніе; при этомъ онъ заканчивалъ свою челобитную такъ:

«Буде, Государь, по дьяка Василья наученью отъ того сотника Баима или стрѣльцовъ его учинится намъ, холопямъ Ѳеодора Ивановича, грабежъ и убійство, и по нынѣшней шатости двору моего государя ущербъ; или, буде тотъ Василій научитъ иныхъ воровскихъ людей злымъ поклёпамъ или инымъ измѣннымъ дѣламъ на меня Индрика—и тебѣ бы, Государю, то было вѣдомо, и ты, Государь, надо мной смилуйся, не дай умереть злою смертью».

Окончивъ челобитную, свернувъ ее столбцомъ и обшивъ холстомъ, Индрикъ позвалъ къ себѣ Ивашку Худопёра и сказалъ ему:

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, бери у моего боярина во дворѣ лучшую подводу, бери три рубля денегъ на дорогу, да челобитную за-пазуху. Какъ-ни-какъ въ Москву пробирайся и самому государю нашему, Ѳеодору Ивановичу, челобитную изъ рукъ въ руки передай. Дай себя въ дорогѣ до́-нага ограбить, дай съ себя голову снять, не дай только отнять у себя челобитную...

— Слушаю, батюшка, слушаю. Животъ положу, а не отдамъ никому твоей грамотки.

— Изъ-за тебя заварилась каша, ты помоги ее и расхлебывать. Пусть я здѣсь пропаду, пусть въ тюрьмѣ сгнію, а правда пусть-таки правдой будетъ!

Когда же, на другое утро, дьякъ Василій Семеновъ, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ вчерашней гулянки, пришелъ въ Приказную Избу, онъ прежде всего справился у подьячихъ о сотникѣ Баимѣ Колзаковѣ и съ видимымъ удовольствіемъ узналъ, что Баимъ его ужь спозаранокъ со стрѣльцами ожидаетъ.

— Зови его сюда! воскликнулъ дьякъ. Зови скорѣе!

— Почтенье милостивцу! воскликнулъ Баимъ, являясь на порогѣ.

— Баимушка, голубчикъ! Уговоръ нашъ вчерашній помнишь-ли? Своихъ ребятъ поставь кругомъ избы такъ, чтобъ воевода ихъ не заприметилъ, и чуть только Индрика завидишь сейчасъ ему руки

за спину, да въ яму его и тащи, собаку!.. А какъ засадишь въ яму, такъ къ нему сейчасъ на подворье нагрянешь, все перероешь и вину отыщешь...

— Все какъ по писаному исполню, милостивецъ!

— Да смотри, Баимушка, довольно-ли тутъ у тебя людей? Вѣдь тотъ придетъ-то, чай, тоже не одинъ!

— Немного у меня молодцовъ, да все такой народъ подобранъ, что пожалуй одинъ десятерыхъ переколотитъ. Ей-ей, Василій Семеновичъ!

И затѣмъ Баимъ ушелъ оберегать Приказную Избу отъ докучнаго челобитчика. Разставивъ стрѣльцовъ по мѣстамъ, онъ самъ, съ двумя стрѣлецкими десятниками, помѣстился на крыльцѣ Приказной Избы. Не успѣлъ онъ еще и усѣсться порядкомъ, какъ подбѣжалъ къ крыльцу одинъ изъ сторожевыхъ стрѣльцовъ и доложилъ Баиму:

— Идетъ, вишь, Индрикъ Агаѳоновъ! Да не одинъ идетъ, а всю челядь Шереметевскую за собой ведетъ!

— Всю челядь?! Что за притча!.. Эй вы, всѣ сюда!

И, по знаку Баима, всѣ стрѣльцы сбѣжались къ крыльцу и стали передъ нимъ живой оградой. Какъ разъ въ то же время изъ-за угла сосѣдней улицы показался и самъ Индрикъ; онъ шествовалъ къ Приказной Избѣ торжественно, окруженный и охраняемый полусотнею Шереметевскихъ крестьянъ и холопей.

— Ты куда со своей ордой лѣзешь?! закричалъ Баимъ Индрику, загораживая ему путь къ крыльцу Избы.—Вороти назадъ! Тебѣ съ твоей ябедой сюда дорога заказана... Чай, слышалъ вчера?

— И не слышалъ, и слышать не хочу, спокойно и твердо отвѣчалъ Индрикъ.—Я пришелъ сюда на тебя съ дьякомъ Васильемъ у нашихъ воеводъ правды искать.

— Вороти назадъ! Пускать не велѣно!.. Ребята! Чего зѣваете? Гони ихъ, осаживай! крикнулъ Баимъ, обращаясь къ стрѣльцамъ.

— Стой, ребята! Не замай! закричали Шереметевскіе крестьяне и холопи.—Мы своего прикащика въ обиду не дадимъ! Будемъ здѣсь стоять, пока не придутъ воеводы!

— Попомни ты Бога и совѣсть свою! закричалъ Индрикъ Баиму изъ толпы.—На тебя челобитную въ грабежѣ несу, а ты къ грабежу еще и разбой учинить хочешь!

— Не слушай ихъ! подзигалъ Баимъ стрѣльцовъ.—Они на насъ жалобу воеводамъ несутъ! Бей ихъ въ мою голову!

— Бей ихъ!.. Отваживай ябедниковъ! зашумѣли стрѣльцы, и разомъ бросились на толпу съ кулаками.

Изд. А Ф Маркса въ СПБ
Типографія А Ф Маркса въ СПБ

— Держись, Шереметевскіе!.. Постоимъ за нашего боярина честь! Бей ихъ, буяновъ, посульщиковъ, грабителей! завопила толпа, окружавшая Индрика.

Поднялась отчаянная свалка и такой шумъ и гамъ, что не только дьякъ Василій выбѣжалъ съ подьячими на крыльцо, но и всѣ сосѣди высыпали изъ домовъ къ воротамъ. И дьякъ кричалъ и бѣсновался на крыльцѣ, и Баимъ кричалъ, ободряя стрѣльцовъ къ рукопашной, и самъ Индрикъ кричалъ благимъ матомъ, бросаясь во всѣ стороны и унимая расходившихся мужиковъ... А между тѣмъ удары сыпались за ударами, дюжіе кулачищи работали на славу, клочья одежды летѣли въ стороны и драка велась упорно и съ большимъ ожесточеніемъ. Шереметевскіе брали числомъ и начинали уже одолѣвать; порядочно избитые стрѣльцы уже были притиснуты къ крыльцу и сотникъ съ дьякомъ собирались спосылать за подмогой, какъ вдругъ въ толпѣ народа раздались крики:

— Воеводы идутъ! Воеводы! Дорогу воеводамъ!

И толпа отхлынула въ безпорядкѣ отъ крыльца Избы, снимая шапки передъ властями, которыя поспѣшно подходили къ мѣсту побоища.

— Чья затѣя? Кто зачинщикъ?! гнѣвно крикнулъ Репнинъ, останавливаясь передъ крыльцомъ Приказной Избы и окидывая бѣглымъ взглядомъ изорванные кафтаны стрѣльцовъ и мѣсто побоища, усѣянное клочьями одеждъ, лоскутьями рубахъ и остатками рваныхъ колпаковъ и шапокъ.

— Это все они! Все Шереметевскіе баламутники затѣяли! въ одинъ голосъ закричали и дьякъ, и сотникъ, и стрѣльцы.

— Врутъ они, облыжно показываютъ! закричала вся толпа.— Ихъ озорствомъ драка затѣяна! Баимъ со стрѣльцами челобитчиковъ отъ Приказной Избы отгонялъ!

— Говори кто-нибудь одинъ! крикнулъ Репнинъ, видимо не зная, какъ разобраться въ трудномъ, запутанномъ дѣлѣ.

— Князь-государь! Это все Индринко проклятый! Онъ всему виною! подсказалъ князю съ крыльца дьякъ Василій. Скопомъ къ Избѣ пришелъ, да скопомъ и въ Избу вломиться хотѣлъ!

— Облыжно говоритъ, князь-государь! загалдѣла вся толпа. Баимъ-сотникъ велѣлъ стрѣльцамъ Шереметевскихъ бить!..

— Молчать! заревѣлъ воевода, который сразу сообразилъ, на кого ему слѣдуетъ обрушить свой гнѣвъ. — Гдѣ этотъ Индринко?

— Здѣсь я, государь! откликнулся Индрикъ, выступая впередъ, блѣдный и взволнованный.

— Такъ ты... ты буянить?! Ты... ты... мало того, что съ пустой ябедой... А еще и скопомъ, и напоромъ въ Избу лѣзешь!.. А? Вотъ какъ!.. А?

— Не скопомъ, господинъ воевода, а потому съ холопями боярскими пришелъ, чтобы государю моему Ѳеодору Ивановичу и его чести какого ущерба не учинилось. Вчера у собора всѣ слышали, какъ дьякъ кричалъ, что взашей велитъ меня изъ Приказной Избы гнать!

Но князь Репнинъ ужь ничего не слушалъ и не разсуждалъ.

— Взять его! кричалъ онъ.— Заковать его и въ яму посадить... Пусть тамъ сидитъ до моего приказа!

Толпа народа загудѣла. Въ ней послышались возгласы:

— Не разобравши дѣла да въ яму!.. Не по Божьему такъ-то!

— Молчать! Не ваше дѣло! крикнулъ Репнинъ.— Я передъ моимъ государемъ въ отвѣтѣ буду!.. Я покажу *ему*, какъ скопомъ приходить... да сило́мъ лѣзть!.. Въ нонѣшнее время... и какую смуту чинить!

И между тѣмъ какъ воевода все это говорилъ, двое стрѣльцовъ уже крутили Индрику руки кушаками за спину, а двое другихъ несли изъ Избы желѣзные наручники.

— Господинъ воевода! Дѣлай ты со мною что̀ хочешь, взмолился Индрикъ,—въ своихъ дѣлахъ отвѣтишь Богу и государю... Да все же челобитную отъ меня возьми, да разбери дѣло по правдѣ!

— Какое дѣло-то!.. О зипунишкахъ о твоихъ?.. А?! крикнулъ воевода.

— Теперь ужь не о зипунишкахъ только, а и о безчестьѣ государя моего, боярина Ѳеодора Ивановича!

— Вотъ ты какъ отсидишь мѣсяцъ другой въ ямѣ-то, такъ и забудешь этакую смуту изъ-за драныхъ зипунишекъ заводить.

— Кому шуба, а кому— зипунъ, господинъ воевода! Попомнилъ бы ты, что и въ малѣ Богъ, и въ велицѣ Богъ!..

— Прочь!.. Тащи его!

И князь съ достоинствомъ отвернулся отъ Индрика и вмѣстѣ съ товарищами сталъ подниматься на крыльцо Приказной Избы.

VI.

Между тѣмъ случилось, что приземистый, корявый мужиченко, черезъ сотни всякихъ препятствій, сторо̀жъ, преградъ, заставъ, таможенъ, среди всякихъ опасностей, лишеній и невзгодъ, добрался-таки до Москвы, отыскалъ на Москвѣ дворъ своего государя,

боярина Θеодора Ивановича, добился того, что увидѣлъ его свѣтлыя очи, бухнулъ ему въ ноги и передалъ грамотку отъ Индрика и челобитную на имя царя Василія Ивановича.

Θеодоръ Ивановичъ, какъ ближній бояринъ и свой человѣкъ «на Верху государевомъ», съумѣлъ дать надлежащій ходъ челобитной и добиться строгаго разбора дѣла и удовлетворенія своей чести «по отечеству». Рѣшено было отправить на мѣсто ближняго стольника Третьяка Бухарова съ большими полномочіями.

И вотъ, два-три мѣсяца спустя, когда ужь Индрикъ Агаθоновъ успѣлъ и насидѣться въ ямѣ, и натерпѣться голоду и холоду, и многое выстрадать за правду, въ которую такъ глубоко и горячо вѣрилъ, на нижегородскія власти нежданно стряслась гроза...

— Василій Семеновичъ! А Василій Семеновичъ! Проснись! Что спишь-то! кричалъ однажды рано утромъ сотникъ Баимъ Колзаковъ, наклоняясь надъ постелью дьяка.—Бѣда пришла! Бѣда неминучая!

— М-м-м-м? промычалъ ему въ отвѣтъ дьякъ, еще не очнувшійся отъ вчерашняго похмѣлья.

— Проснись, говорятъ тебѣ! продолжалъ кричать сотникъ, изо всѣхъ силъ встряхивая тучнаго дьяка-самодура. — Слышишь-ли! Ближній стольникъ государевъ, съ дьякомъ государевымъ сюда на розыскъ присланы! Тебя, меня и воеводу къ допросу въ Приказную Избу требуютъ!

Эта вѣсть словно обухомъ по лбу ударила дьяка Василья... Онъ приподнялся на локоть, широко раскрылъ свои мутные, заплывшіе глаза и неподвижно уставилъ ихъ на сотника Баима.

— Ближній стольникъ?.. Дьякъ государевъ?.. Розыскъ? повторялъ онъ почти безсознательно, очевидно не вникая въ смыслъ этихъ словъ.

— Ну, да! Вставай, очухайся! Вѣдь съ самаго разсвѣта тебя ужь ищутъ, ждутъ они, требуютъ къ себѣ!

— Да откуда... они взялись? Кто на насъ пронесъ?

— Откуда взялись! злобно закричалъ сотникъ. — Вѣстимо не изъ преисподней! Изъ Москвы присланы... Да слышишь-ли? Съ полной мочью!

— Изъ Москвы, съ полной мочью! закричалъ дьякъ Василій, вскакивая съ постели.—Ну, значитъ пропали наши головы!

Розыскъ былъ коротокъ. Уликъ и жалобъ оказалось множество, одна важнѣе другой, и судъ не замедлилъ рѣшеніемъ. Дьяка Ва-

силья Семенова положено было «за озорство и буйство и за нерадѣнье къ дѣлу государеву сослать на житье въ Сибирскіе городы», а дворъ и животы его, и лавки, и помѣстья отписать на великаго государя. Баима-сотника повелѣно «бить батоги нещадно» и взыскать съ него и со стрѣльцовъ его сотни въ десять разъ за ограбленіе крестьянина Ивашки Худопёра и за безчестье слуги боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева.

Воеводу князя Репнина приказано перемѣстить изъ Нижняго на Вятку въ воеводы — и выдать Шереметеву головою за безчестье. Ему же, князю Репнину, вмѣнено въ обязанность вознаградить и вѣрнаго боярскаго слугу Индрика Агаѳонова.

Когда Индрика спросили, чего онъ хочетъ отъ князя-воеводы въ возмездіе за тюремное заключеніе и понесенные ущербы, —старый Шереметевскій слуга сказалъ:

— Ничего мнѣ отъ князя не нужно... Баима-сотника и дьяка Василья за ихъ неправды Богъ побилъ... Вотъ развѣ что: пусть князь велитъ Ивашкѣ Худопёру вернуть его два зипунишка...

Князь вмѣсто зипуновъ прислалъ двѣ волчьи шубы, крытыя сукномъ, и Ивашка Худопёръ, чрезвычайно довольный, примѣряя шубы, всѣмъ говорилъ:

— Поди-жъ ты! И всего-то два сермяжныхъ зипунишка, а какихъ чудесъ надѣлали!

Невинный страдалецъ.

Быль XVII вѣка

I.

Гудитъ завываетъ, злится вьюга-мятелица, нанося сугробы снѣга на дорогу, бѣлымъ пологомъ укрывая свѣтъ Божій отъ глазъ путника, заметая слѣдъ человѣческій. Воетъ, что лѣшій, вьюга-мятелица, воетъ и мчится, то крутясь и вздымаясь въ небесную высь, выше лѣса стоячаго, то лютою вѣдьмою стелется по самой сырой землѣ, срывая съ нея пушистый снѣжный покровъ, громоздя груды снѣга на груды.

Подъ этою снѣжною бурею еле тащатся по полю къ лѣсу тяжелыя сани-ро́звальни, на тройкѣ дюжихъ коней, запряженныхъ гусемъ. Шесть человѣкъ чердынскихъ городовыхъ стрѣльцовъ, сложивъ бердыши и пищали на розвальни, бредутъ по-колѣно въ снѣгу около саней, то подпирая ихъ плечами, то подсобляя конямъ вытаскивать ихъ изъ ухабовъ. А въ тѣхъ розвальняхъ, связанный по рукамъ и ногамъ и привязанный къ облучку, сидитъ опальный царскій окольничій, двоюродный братъ покойнаго царя Ѳеодора, Михаилъ Никитичъ Романовъ, сосланный Годуновымъ на дальнюю, забытую окраину Руси. Сидитъ онъ, понуривъ голову и нахлобучивъ на

глаза теплую дорожную шапку, а напротивъ его, развалясь на коврѣ, сидитъ тотъ Романъ Тушинъ, царскій стольникъ, что поставленъ при опальномъ окольничемъ въ приставы. То и дѣло онъ выставляетъ изъ-за воротника шубы свое испитое и злое лицо и что есть мочи кричитъ и ругается, обращаясь то къ ямщику, то къ кому-нибудь изъ стрѣльцовъ обережатаевъ:

— Дьяволы! Анаѳемы! выкрикивалъ онъ среди свиста и воя вьюги, — всю душу вымотали! Сказали: семь верстъ отъ Чердыни до Ныробы, а мы съ перваго часа по шестой ѣдемъ и все не доѣхали!..

Но стрѣльцы молчатъ и еле тащатся около саней, съ трудомъ передвигая ноги въ глубокомъ снѣгу.

— Эй ты, олухъ! Кикимора лѣсная! набрасывается приставъ на ямщика. — Скоро ли ты меня на своихъ одрахъ дотащишь до Ныробы?.. Извести, что ли, меня собрался, проклятый!

— Не гнѣвись, господинъ приставъ. Тутъ и есть тебѣ Ныроба: вотъ только поле переѣдемъ... Эво-на, гдѣ раменье чернѣется... Тутъ и есть!

— «Тутъ и есть, тутъ и есть», хлебалка поганая, волнуха оканная! передразнивалъ и надрывался злой приставъ.—Лупи своихъ одровъ кнутомъ, чтобы шли!

— Кони у меня добрые! везутъ очестливо, во какъ лямки натягиваютъ... А гусевымъ кнутомъ тутъ и размахнуться нельзя... У твоихъ же стрѣльцовъ шапки посшибаешь.

Получивъ такой разумный отпоръ отъ ямщика, приставъ, не зная, на комъ сорвать свою безсильную злобу, обрушился на того опальнаго узника, который сидѣлъ передъ нимъ, связанный:

— Изъ-за тебя все! Изъ-за тебя, измѣнника государева, всю эту муку терплю! Тебя сюда въ Ныробу сослали — въ трущобу крайсвѣтную—за вѣдовство да за умышленье на жизнь государеву... А я при тебѣ муку напрасную терпи!..

Узникъ, при этихъ словахъ пристава, поднялъ голову, выказалъ на мгновенье изъ-за воротника свое прекрасное молодое лицо и, вперивъ глубокій взоръ въ злобные рысьи глаза пристава, проговорилъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Не бери грѣха на душу! Романовы испоконъ вѣковъ Московскимъ государямъ вѣрою и правдою служили... Въ томъ и вина-то наша вся, что обнесли насъ передъ царемъ Борисомъ злые люди, лиходѣи наши, «завистники нашего счастья».

— Тебя послушай — ты чище снѣга себя обѣлишь! прошипѣлъ

злобно приставъ. — Да лихъ не на того напалъ! Попалъ ко мнѣ въ лапы, — такъ у меня не заживешься!

— Не грозись напрасно, промолвилъ въ отвѣтъ Тушину Михаилъ Никитичъ. — Не ударитъ мой часъ безъ воли Божіей...

Приставъ хотѣлъ было отвѣтить что-то ѣдкое и злобное, но сани въ это время вдругъ опустились въ глубокій ухабъ, обережатаи и ямщикъ завопили на коней не своимъ голосомъ, а когда наконецъ добрые кони выволокли сани изъ ухаба, ямщикъ обернулся къ приставу и, указывая толстымъ кнутовищемъ въ перелѣсокъ, въ сторону отъ дороги, сказалъ:

— Вотъ тебѣ и Ныроба! Вотъ и доѣхали.

II.

Когда сани въѣхали въ перелѣсокъ, они очутились словно въ пристани: — мятели здѣсь не было простора бушевать и злиться... Сквозь прозрачный пологъ падавшаго снѣга, между стройными стволами кедровъ, замелькали низенькія курныя избенки селенія Ныробы, среди которыхъ высилась небольшая, старенькая церковочка, съ прирубленнымъ къ ней крытымъ крылечкомъ. Било, привѣшенное на цѣпи къ одинокому столбу съ перекладиной, замѣняло при церковочкѣ колокольню.

Миновавъ церковочку, сани съ приставомъ и узникомъ свернули въ сторону и, проѣхавъ съ полверсты, остановились у избы-двойни, съ высокою кровлею надъ широкимъ дворомъ. Около этой избы, предназначенной въ жилье сторожамъ и приставу, въ землю была врыта тѣсная и крѣпкая тюрьма для преданія на мученье невиннаго страдальца — Михаила Никитича Романова.

— Стой! крикнулъ приставъ, — ссаживай здѣсь у воротъ государева злодѣя и измѣнника, а для меня отпирай ворота, подвози меня къ крыльцу избы.

Приказаніе было тотчасъ исполнено. Узника отвязали отъ саней, и, не развязывая ему рукъ, поставили его около вереи воротной... И сталъ тутъ молодой богатырь и красавецъ, головой всѣхъ выше, въ плечахъ косая сажень — и въ узахъ прекрасный, могучій и величавый... Но чуть только скрипнули створы, продрогшіе на вьюгѣ и морозѣ кони шарахнулись въ ворота, опрокинули сани, вытряхнули изъ нихъ оторопѣлаго пристава и застряли между вереями и поломанными воротными створами.

Приставъ, почтительно поднятый изъ цѣлика стрѣльцами, сталъ кричать на ямщика, чтобы онъ поскорѣе очищалъ ворота — ему

такъ хотѣлось попасть въ теплую избу! Но сколько ни бились стрѣльцы, сколько ни покрикивалъ на коней ямщикъ, никто изъ нихъ не могъ и съ мѣста ворохнуть тяжелыя розвальни.

Сжалился надъ ними богатырь-узникъ... Посмотрѣвъ съ улыбкою на ихъ тщетныя усилія, онъ крикнулъ имъ:

— Отпрягите коней, да развяжите мнѣ руки—я одинъ за васъ всю работу сдѣлаю!..

И стрѣльцы, не спрашивая пристава, быстро распутали руки узнику. По наслышкѣ знали они, какова была сила у Михаила Никитича Романова!

А богатырь-узникъ размялъ онѣмѣвшія руки могучія, расправилъ плеча широкія, подошелъ сзади къ розвальнямъ, ухватилъ ихъ снизу за копылья съ полозьями, нагнулся, уперся и, сразу вырвавъ ихъ изъ воротъ, отбросилъ, какъ щепку, въ сторону, въ глубокій сугробъ! Отбросилъ и сталъ попрежнему на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало...

Стрѣльцы и приставъ такъ и ахнули! Но минуту спустя приставъ оправился отъ изумленія и крикнулъ строго стрѣльцамъ:

— Ну, что же вы стали? Вяжите его -ведите, сажайте въ яму!

Стрѣльцы — ни съ мѣста... Только поглядываютъ на Михаила Никитича да другъ за дружку хоронятся.

— Подика-сь, самъ его свяжи! говорили они приставу. — Свяжешь его — какъ же!

Приставъ понялъ безпомощность своего положенія и заметался, какъ курица подъ ястребомъ, самъ не зная, что ему дѣлать, какъ ему быть? Онъ смѣрилъ глазами величавую фигуру богатыря-узника и понялъ все свое безсиліе и ничтожество—все его значеніе и силу!

Но каково же было его изумленіе, когда этотъ богатырь-узникъ великодушно протянулъ къ нему свои могучія руки и сказалъ:

— Вяжи меня, коли это тебѣ нужно!.. Я помню, что сказано въ Писаніи: «властемъ предержащимъ да повинуются» —и противленія тебѣ не окажу... Вяжи и веди меня въ яму!

III.

Минуло три-четыре мѣсяца съ той поры, какъ Михаилъ Никитичъ Романовъ былъ привезенъ въ далекую Ныробу и посаженъ тамъ въ тѣсную темницу, подъ надзоръ злаго пристава Тушина. Горькая участь невиннаго страдальца, принадлежавшаго къ царской роднѣ и къ знаменитому роду бояръ Романовыхъ, сразу возбудила къ нему глубокое состраданіе и сочувствіе въ добродушныхъ ны-

робцахъ. Но когда до нихъ, черезъ стрѣльцовъ, дошли слухи о безбожныхъ утѣсненіяхъ, которыя приставъ чинилъ Михаилу Никитичу — ныробцы собрались около церкви на сходъ, вмѣстѣ съ сельскимъ попомъ своимъ, и стали толковать между собою о несчастномъ узникѣ.

— Тюрьма-то у него яминой вырыта, разсказывали на сходѣ одни, — а въ ямину срубъ опущенъ. Только на два вѣнца срубъ надъ землею поднимается, — только и свѣту, и продуху въ тюрьмѣ, что черезъ малое оконцо, въ тѣхъ вѣнцахъ прорубленное... Такой тюрьмы и адъ кромѣшный не хуже!

— Да злодѣй-то приставъ еще велѣлъ ему въ два пуда желѣза выковать! добавляли другіе. — Онъ, говоритъ, здоровъ, и не такіе кандалы вынесетъ.

— И тѣмъ еще, ненасытная душа, не доволенъ! вступились третьи. — Запасу для узника отъ чердынскаго воеводы вдосталь прислано; а приставъ только и даетъ ему, что хлѣбъ да воду... Извести его на-спѣхъ хочетъ!

— Что-жъ намъ дѣлать, братцы? спросилъ у схода священникъ. Ходаковъ къ Пермскому воеводѣ не послать ли, на пристава жаловаться...

— Пока ходаки-то до воеводы дойдутъ, заговорили нѣкоторые ныробцы, — нашъ страдалецъ съ истомы да съ голоду Богу душу отдастъ...

— Посылай ходаковъ, батя! заговорили другіе, — а первымъ дѣломъ все же надо бы какъ ни на есть несчастнаго заключеннаго прикармливать...

— Да какъ ты его прикармливать-то станешь, когда приставъ около его тюрьмы весь день сѣрымъ волкомъ рыщетъ!

— Такъ что же, что рыщетъ? Онъ одинъ, а насъ много — авось его проведемъ!

— Да и на что же у насъ дядя Семенъ? Онъ, поди-ко-сь, звѣря лѣснаго какъ обмануть умѣетъ — такъ что̀ ему приставъ?

— А и точно, дядя Семенъ, раскинь-ка ты умомъ, посовѣтуй намъ!

Ухмыльнулся въ бороду старый охотникъ, да и говоритъ односельцамъ:

— Звѣря и птицу лѣсную умѣю я подстеречь, обойти и въ ловушку заманить... А такого стараго воробья, какъ приставъ, обойти не возьмусь. Развѣ бабы его не проведутъ ли? Тѣ вѣдь на всѣ выдумки горазды!

— И точно! Вѣрно говоритъ дядя Семенъ! Пойдемъ къ нашимъ бабамъ, имъ за невиннаго страдальца челомъ ударимъ!

Пошли къ бабамъ — и бабы придумали. Говорятъ мужьямъ:

— Подъ самой тюрьмой, въ перелѣскѣ, есть поляночка. Ребятки наши на той поляночкѣ любятъ сбираться, какъ пригрѣетъ весеннее солнышко, лѣсъ одѣваться станетъ и налетитъ въ него пташка Божія. Тамъ ребятки разными играми тѣшатся, тамъ на свирѣлкахъ наигрываютъ, пташкамъ Божіимъ въ голосъ подсвистываютъ. Вотъ они-то и накормятъ несчастнаго.

— Эво-на что выдумали? отозвались было мужья.—Ну, гдѣ-жь имъ?

— Накормятъ лучше лучшаго. Дадимъ имъ со щами буракъ, да съ квасомъ буракъ, да овсяныхъ блиновъ стопку на спицѣ, такъ они промежъ игръ, тѣ бураки въ окошечко на веревочкѣ и спустятъ. А приставу-то, на ребятокъ нашихъ глядя, и невдомекъ будетъ, что узникъ черезъ нихъ питается!

— Н-ну, не даромъ дядя Семенъ говоритъ, что бабы — выдумщицы! отозвались въ одинъ голосъ мужья. — Инъ, будь по-вашему! Дай Богъ въ часъ добрый!..

IV.

Ужасна была та тюрьма, въ которой заживо былъ погребенъ несчастный Михаилъ Никитичъ Романовъ! Въ ней было сыро и холодно, душно и смрадно! Свѣтъ и воздухъ проникали въ эту «юдоль плача и отчаянія» только черезъ одно оконцо, прорубленное въ верхнихъ вѣнцахъ сруба тюрьмы. На грязномъ, скользкомъ земляномъ полу, въ углу тюрьмы, была навалена куча хвороста, едва прикрытая слоемъ гнилой соломы — и эта куча служила несчастному узнику единственнымъ ложемъ отдохновенія. Здѣсь, прислонясь къ сырой стѣнѣ, онъ сидѣлъ цѣлые дни, склонивъ ниже могучихъ плечъ свою прекрасную голову, и все передумывалъ свои скорбныя думы; здѣсь же, истощенный своими страданіями, онъ забывался, во время нескончаемо-долгой ночи, на нѣсколько часовъ тревожнымъ, тягостнымъ сномъ.

Самымъ тягостнымъ изъ всѣхъ страданій, какія приходилось испытывать въ мрачной тюрьмѣ несчастному узнику, было сознаніе того, что и онъ, и родные братья его всѣми забыты, всѣми покинуты на произволъ злой судьбины!

«Какъ привольно, какъ весело жилось намъ, пятерымъ братьямъ, въ нашемъ родовомъ гнѣздѣ, въ Москвѣ бѣлокаменной! Какъ дружно мы жили — ужь точно, что душа въ душу... Бывало, родная матушка на насъ не налюбуется! Родъ нашъ цвѣлъ и красовался, какъ сыръ-матерой вѣтвистый дубъ красуется на Божьемъ просторѣ да на красномъ солнышкѣ... А тутъ налетѣла гроза нежданная, — на-

[illegible] А Ф Маркса [illegible]

[illegible] А Ф Маркса [illegible]

шипѣла клевета ядовитая... И палъ на-земь красовитый дубъ — и вѣтви его по вѣтру развѣяло...»

Въ этихъ горестныхъ думахъ онъ опускалъ голову, едва сдерживая горькія слезы о быломъ, минувшемъ счастьѣ, и вдругъ спохватывался:

«Да я-то что? Смѣю ли я о себѣ сокрушаться? Братьямъ-то моимъ каково? Александру, Василью, Ивану недужному? Каково брату Θеодору? Его съ молодой женой разлучили, — малыхъ дѣтокъ отъ груди его оторвали — постригли самого насильно!.. Каково ему-то страдать вдали отъ нихъ — по нимъ сокрушаючись!..»

И ему вспоминались милыя дѣтки Θеодора, — сынъ Михаилъ и крошка-дочка красоточка. Вспоминалось, какъ, бывало, они бросались ему навстрѣчу, лѣзли ему на колѣни, обвивали его шею своими ручонками...

И при этомъ воспоминаніи о братѣ и о племянникахъ, Михаилъ Никитичъ не могъ уже удержать своихъ слезъ.

И вотъ однажды, въ такую именно горестную минуту, лучъ ранняго весенняго солнышка запалъ въ тьму его страшной тюрьмы и заигралъ свѣтлыми, красноватыми пятнами на ея стѣнахъ, испещренныхъ причудливыми узорами сырости. Вслѣдъ за этимъ радостнымъ гостемъ въ тюрьму долетѣли издали звуки деревенской берестяной свирѣли и дѣтскій звонкій смѣхъ, и веселые крики ребятъ, игравшихъ на лѣсной полянкѣ.

«Играйте, веселитесь, дѣтки», подумалъ Михаилъ Никитичъ, — «и пусть ваше счастье продлится подольше...»

— Дяденька! вдругъ раздался сверху тихій дѣтскій голосокъ. А, дяденька!

Михаилъ Никитичъ поднялъ голову, и съ изумленіемъ увидѣлъ на верху въ оконцѣ, два свѣженькихъ дѣтскихъ личика.

— Живъ ли ты, дяденька? окликнули его ребятки.

— Живъ еще, дѣтушки!

— Такъ вотъ, батька съ маткой тебѣ два бурака прислали: одинъ со щами, другой съ творожкомъ... Кушай, дяденька, на здоровье!

И вслѣдъ за тѣмъ два узенькихъ бурака просунулись между толстыхъ прутьевъ рѣшетки и спустились на длинныхъ бичевкахъ на полъ тюрьмы.

Михаилъ Никитичъ не успѣлъ и «спасибо» сказать, какъ дѣтскія личики уже скрылись въ оконцѣ и на лужайкѣ вновь раздались голоса дѣтей, звуки свирѣли и серебристый дѣтскій смѣхъ. Узникъ перекрестился широкимъ крестомъ и съ благодарностью вкусилъ отъ усерднаго приношенія добрыхъ ныробцевъ.

Съ того дня, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, каждый день ут-

ромъ, чуть только лучи солнышка западали въ тюрьму, дѣтки сбирались играть на полянѣ близъ тюрьмы, рѣзвились и бѣгали; а тѣмъ временемъ двое «очередныхъ» подползали къ оконцу тюрьмы, окликали Михаила Никитича обычнымъ вопросомъ: «живъ ли, дяденька?» и затѣмъ опускали ему по веревкѣ свои скромныя приношенія «отъ батьки и матки».

И, Боже мой, какъ это мимолетное посѣщеніе и эти посильные дары добрыхъ людей утѣшали несчастнаго узника! Онъ ждалъ минутнаго свиданія съ малыми дѣтками, какъ праздника, какъ великой радости, какъ напоминанія о томъ, что на свѣтѣ есть еще и добро, и счастье, и любовь къ ближнему... Но увы!—и это послѣднее утѣшеніе было вскорѣ отнято у несчастнаго узника!

Однажды, въ тотъ именно часъ, когда Михаилъ Никитичъ ожидалъ обычнаго дѣтскаго оклика и ласково посматривалъ на оконцо, въ то время какъ онъ уже заслышалъ знакомые звуки свирѣли и голоса ребятъ — около тюрьмы произошло что-то страшное... Звуки свирѣли и голоса дѣтей какъ-то разомъ оборвались, и до слуха Михаила Никитича донесся грубый и рѣзкій голосъ пристава, который кричалъ, ругался и громко отдавалъ какія-то приказанія...

Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ раздались испуганные, робкіе голоса ребятъ, топотъ поспѣшнаго ихъ бѣгства врассыпную, и жалобные вопли тѣхъ, которые были пойманы и попались въ руки злаго пристава. Михаилъ Никитичъ слышалъ, какъ, около самой его тюрьмы, несчастныхъ дѣтокъ били, какъ ихъ истязали, чего-то отъ нихъ допытываясь, и крики этихъ несчастныхъ дѣтокъ, доносившіеся въ тюрьму, были для узника самою страшною, самою невыносимою пыткою!.. Онъ упалъ въ отчаяніи на свое жесткое ложе, проливая горькія слезы о тѣхъ несчастныхъ, которымъ пришлось пострадать за доброе дѣло. Онъ понялъ, что отнынѣ заточеніе будетъ для него еще страшнѣе, еще невыносимѣе, гибель его еще неизбѣжнѣе...

Послѣдній лучъ солнца, западавшій въ его тюрьму, померкъ; послѣдняя связь съ міромъ порвалась...

V.

Съ этого злосчастнаго дня приставъ сталъ еще суровѣе относиться къ своему узнику: онъ не давалъ ему и соломы на подстилку и даже скудную пищу присылалъ ему въ тюрьму иногда черезъ день. Недуги, вызванные недостаточнымъ и слишкомъ однообразнымъ питаніемъ, а также и долгимъ пребываніемъ въ темной, сырой и смрадной тюрьмѣ — сломили желѣзное здоровье юноши-бо-

гатыря! Онъ сталъ быстро таять, хирѣть, слабѣть, — силы его упадали съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе... Въ нѣсколько недѣль онъ такъ исхудалъ, что тяжелые кандалы сами собою сваливались съ его рукъ и ногъ. Изнуренный своими непосильными и незаслуженными страданіями, Михаилъ Никитичъ, наконецъ, уже не могъ ни вставать, ни ходить и съ трудомъ доползалъ до кувшина съ водою, чтобы утолить страшную жажду, которая его мучила. Затѣмъ явился жаръ и бредъ: голова его пылала, огненные круги носились у него передъ глазами; видѣнія, одно другаго страшнѣе, представлялись непрерывно его воспаленному воображенію. То видѣлъ онъ, что отовсюду на Русь нахлынули злые вороги — литва, татары, шведы что они жгутъ мирныя села, грабятъ храмы, избиваютъ беззащитныхъ женъ, стариковъ и дѣтей... Онъ слышитъ и вопли, и крики ихъ, и жалобные стоны... Онъ рвется на битву съ врагами а тяжкія пудовыя оковы гнетутъ его къ землѣ и не даютъ сдвинуться съ мѣста. То видитъ онъ, что братья его попались въ руки какихъ-то чудовищъ, которыя терзаютъ ихъ и готовы ихъ погубить а самъ онъ спѣшитъ на помощь братьямъ, рвется, дѣлаетъ страшныя, нечеловѣческія усилія... Но тяжкія оковы давятъ ему грудь и плеча, и онъ остается пригвожденнымъ къ землѣ, неподвижнымъ и обезсиленнымъ.

Только ужь наканунѣ смерти Богъ послалъ страдальцу радостный, вѣщій сонъ. Онъ увидѣлъ себя еще разъ на Красной площади, у въѣзда въ Кремль, въ родной Москвѣ: увидѣлъ чудный лѣтній день во всемъ разгарѣ... Широко и глубоко раскинулась у него надъ головою небесная лазурь, въ которой тонутъ возносящіяся главы соборовъ, сіяя своими крестами и золочеными маковками... Вся площадь залита шумящею толпою радостнаго народа, который нетерпѣливо ждетъ торжественнаго въѣзда новаго царя, по изволенію Божію избраннаго всею Русскою землею. Вотъ, наконецъ, толпа заволновалась, раздались крики: «Ѣдетъ! Ѣдетъ!» громкій благовѣстъ загудѣлъ, разносясь по всей столицѣ, и юный царь, во главѣ блестящаго шествія, вступилъ на площадь. Но кто же этотъ царь? Кто избранникъ Божій? Сынъ брата Ѳеодора, младенецъ Михаилъ! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, онъ бодро ѣдетъ чрезъ шумную толпу и кланяется всѣмъ, улыбаясь своею прелестною, дѣтскою улыбкою... Почтительно преклоняются предъ нимъ князья и бояре, радостными кликами привѣтствуетъ его всенародное множество. И самъ Михаилъ Никитичъ, проливая радостныя слезы, готовъ уже преклониться передъ любимымъ своимъ племянникомъ. Но... очнулся, обвелъ унылымъ, угасающимъ взглядомъ мрачныя стѣны своей тюрьмы и, въ

послѣдній разъ поднявъ для крестнаго знаменія свою нѣмѣющую руку, помолился за братьевъ и за младенца Михаила.

На другой день утромъ, сторожъ приподнялъ тяжелую дверь вверху тюрьмы и, заглянувъ въ яму, былъ пораженъ странною неподвижностью узника. Онъ его окликнулъ; но отвѣта не было. Тогда онъ опустилъ въ яму стремянку, спустился по ней самъ и, убѣдившись въ томъ, что невинный страдалецъ покончилъ свое земное существованіе поспѣшилъ съ извѣстіемъ о его кончинѣ къ приставу.

Тѣло несчастнаго Михаила Никитича Романова было предано землѣ неподалеку отъ селенія Ныробы, въ лѣсу; но оставалось тамъ недолго. Родные братья страдальца перевезли гробъ Михаила Никитича Романова въ Москву и поставили его въ родовой усыпальницѣ. По воцареніи же Михаила Өеодоровича, благодушные ныробцы, за свое доброе отношеніе къ невинному страдальцу, были щедро вознаграждены и заслуга ихъ увѣковѣчена особою обѣльною грамотою.

Память о безвременно-погибшемъ юномъ богатырѣ еще живетъ между ныробцами... Они показываютъ проѣзжимъ путешественникамъ ту страшную яму, гдѣ сидѣлъ несчастный, и его тяжкія двухъпудовыя оковы, которыя хранятся понынѣ въ мѣстной церкви...

Въ одной могилѣ.

Историческая повѣсть.

I.

Отецъ и сынъ.

апрасно просишь, Арсеній! Въ словѣ пребуду твердъ! Не сдамся ни на рѣчи твои, ни на ласки, ни на уговоры!.. Стою на томъ же, на чемъ и прежде... О свадьбѣ этой теперь и слышать не хочу!

Такъ говорилъ Петръ Өеодоровичъ Измайловъ — почтенный и сановитый думный дворянинъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые открыто, искренно и твердо держали сторону царя Василія Шуйскаго, несмотря на всѣ соблазны и смуты... Такъ говорилъ онъ сыну своему Арсенію Измайлову, который ужь не первый разъ въ теченіе одной недѣли приходилъ къ отцу просить благословенія на свадьбу.

— Батюшка! Силъ моихъ нѣтъ! Изстрадался, измучился! говорилъ Арсеній. — Изныло мое сердце по Юліаніи! Да и то посуди: за что мы ее напрасной мукой томимъ? Вѣдь ужь два года минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобою къ ея родителю сватовъ засылали!.. Два раза ужь и рядную запись о свадьбѣ переписывали, а она все ждетъ да ждетъ...

— Жаль мнѣ и тебя, и ее! Жаль и счастья вашего, дитятко... Да какъ теперь о свадьбѣ думать? Какъ теперь и родниться-то, когда самъ не знаешь, гдѣ ты со своей роденькой встрѣтишься? У себя-ли за хлѣбомъ-солью, или въ чистомъ полѣ, на кровавомъ похмѣльѣ!.. Ну, ждалъ ты долго, — чего тебѣ стоитъ еще обождать?..

Любя прошу и уговариваю! Авось, минетъ еще мѣсяцъ-другой — все у насъ къ лучшему перемѣнится!

И Петръ Ѳеодоровичъ, самъ чувствуя, что говоритъ противъ своего убѣжденія, самъ своимъ словамъ не вѣря, поднялся съ лавки и сталъ нетерпѣливо и тревожно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Не дождаться намъ съ тобою лучшихъ дней, батюшка! грустно произнесъ Арсеній. Не къ тому дѣло идетъ... Пожить бы мнѣ хоть малость съ Юліаніей, въ любви да въ счастьи, хоть малость бы тепла да свѣта...

— Да не грѣхъ-ли тебѣ о своемъ счастьѣ говорить, о мирномъ житіи думать! тихо заговорилъ Петръ Ѳеодоровичъ, останавливаясь передъ сыномъ. Вся Русская земля въ горѣ, въ слезахъ, въ крови по колѣна бродитъ, а онъ о своемъ теплѣ да свѣтѣ пѣсню затянулъ, и тянетъ, и тянетъ, думаетъ меня разжалобить! Нѣтъ, сынокъ, не разжалобишь! Не на такого напалъ... Да и то еще подумай: какъ и гдѣ ты съ молодой женой свою жизнь начнешь? Въ Москвѣ-ли, къ которой враги съ двухъ сторонъ идутъ? Въ вотчинахъ-ли родовыхъ, гдѣ что ни день новый врагъ налетаетъ: то воры, то лисовчики, то ляхи, то казаки? А?

Арсеній молча слушалъ отца, опустивъ глаза въ землю и насупивъ брови.

Ну, да и то скажи: ты, кажется, не заодно съ Туренинымъ, съ тестемъ своимъ будущимъ, мыслишь? Не собираешься Русь православную врагу продать и отдать на посмѣянье?

Какъ? Въ толкъ я не возьму... о чемъ ты рѣчь ведешь батюшка? съ тревогой спросилъ Петра Ѳеодоровича Арсеній.

- Еще бы! Гдѣ-жъ тебѣ знать! Ты сколько времени со Скопинымъ былъ въ Новѣгородѣ, ты и не вѣдаешь, что здѣсь творится. Не вѣдаешь затѣй князя Юрія Хворостинина, Туренина да Салтыкова! Такъ насъ послушай, а потомъ ужь рѣчь о свадьбѣ заводи!

Отецъ взялъ сына за руку, усадилъ около себя на лавку и, наклонившись къ нему, сталъ говорить:

Царь Василій не крѣпокъ на престолѣ и отовсюду окруженъ измѣной!.. Но не крѣпокъ и Дмитрій... Тушинцы ужь видятъ, что съ ихъ тушинскимъ царикомъ вышла неудача: что онъ не задался имъ! Самъ себѣ вредитъ: Марину бьетъ и гонитъ съ глазъ долой, Мнишка ужь давно спровадилъ въ Польшу, съ гетманами не ладитъ, ссорится... и езовитамъ не угодилъ... И на умѣ-то у него одни шуты, охоты, да потѣхи! И вотъ тушинскіе бояре, заодно съ езовитами, теперь придумали другую западню для насъ...

Какъ разъ въ это время къ Измайлову поспѣшно вбѣжалъ его старый дворецкій и доложилъ впопыхахъ:

— Князь Юрій Хворостининъ къ тебѣ изволитъ жаловать...

— Прими съ почетомъ, да позадержи, пока я сына спроважу! шепнулъ дворецкому Измайловъ.

— Вотъ онъ, главный-то предатель! сказалъ Измайловъ, обращаясь къ Арсенію. Другъ нареченнаго-то тестюшки твоего! Изволилъ пожаловать! Вотъ сейчасъ и самъ услышишь, въ чемъ ихъ затѣя! Полѣзай за печку, ковромъ укройся и ни слова изъ нашей бесѣды не пророни...

И онъ поспѣшилъ навстрѣчу Хворостинину.

Хворостининъ вошелъ въ горницу изъ сѣней и, едва переступивъ порогъ, сталъ креститься на иконы, потомъ подошелъ къ Измайлову, облобызался и присѣлъ на лавку около дверей опочивальни.

— Отецъ родной, пріятель! произнесъ онъ лукаво и вкрадчиво, я за совѣтомъ къ тебѣ и за помощью... Безъ твоего благословенья не смѣемъ мы и шагу ступить по новому пути. Знаемъ, каковъ ты опытенъ въ дѣлахъ! А дѣло-то благое и великое... Тутъ насъ не услышатъ? Никого тамъ у тебя чужаго нѣтъ?

И Хворостининъ, поднявшись съ лавки, быстро заглянулъ въ опочивальню, окинулъ взглядомъ всѣ углы и сѣлъ на прежнее мѣсто. Измайловъ молча выжидалъ, что онъ скажетъ.

— Дѣло благое и великое, продолжалъ Хворостининъ, и можно сказать, всей Руси потребное... Василію-то Шуйскому не усидѣть на престолѣ, чай самъ это видишь! Гдѣ ему! Не можетъ управиться и съ однимъ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, а теперь еще и другаго грознаго врага себѣ накликалъ... Жигимонта-короля разгнѣвалъ союзомъ со шведскимъ королемъ и тотъ хочетъ объявить войну Московскому государству. Вчера получены извѣстія изъ Польши, что на сеймѣ порѣшена война и что самъ король собирается съ великой и сильной ратью перейти рубежъ и добывать Смоленска...

— Смоленска добывать!? Охъ, Господи! почти простоналъ Измайловъ, возведя очи къ образу Спаса, передъ которымъ теплилась лампада.

— Да, да! Получены такія вѣсти... И думаемъ мы всѣ, что онъ Смоленскъ добудетъ! Гдѣ Василью защитить его? Да и царю Дмитрію-то только о себѣ самомъ забота...

— Какъ о себѣ? Да если онъ точно считаетъ себя законнымъ, прирожденнымъ Московскимъ государемъ, сказалъ Измайловъ, такъ развѣ можетъ онъ допустить, чтобы его же государство на

клочья рвали ляхи и измѣнники? Самъ суди! Возможно-ли отдать такую твердыню, какъ Смоленскъ,— исконный, древній русскій городъ, добытый отъ ляховъ русскою кровью!

— Да, да! Конечно! вторилъ Измайлову Хворостининъ. — Возможно-ли отдать?.. Вотъ-вотъ, и мы всѣ такъ же говоримъ, какъ ты же! Да и не отдать-то какъ же? Мудрено Дмитрію тягаться съ Польшею... Такъ вотъ мы и надумали такое дѣло — можно сказать великое и всѣмъ полезное...

Хворостининъ откашлялся, видимо затрудняясь подборомъ подходящаго выраженія для своей мысли. Измайловъ смотрѣлъ на него молча, сложивъ руки на груди и выжидая, что̀ онъ скажетъ.

— Надумали мы къ Жигимонту-королю послать посольство, просить его, чтобы онъ сжалился надъ Русскою землею и помогъ намъ сыскать себѣ царя по-сердцу...

— Какъ?! Жигимонта просить?! съ удивленіемъ проговорилъ Измайловъ. Развѣ же мы можемъ искать себѣ царя, когда и такъ ужь въ Русской землѣ есть два царя? Я присягалъ царю Василію, а ты царю Дмитрію!

Эхъ, отецъ родной, пріятель! Ну, да, конечно, присягали мы; да нельзя же всей земли губить изъ-за̀ присяги! Ну, что грѣха таить: вѣдь видимъ мы съ тобою, что намъ ни царь Василій не гожъ, ни царь Дмитрій. Вотъ ихъ обоихъ надо въ сторону и новаго царя изъ Польши взять... Принять изъ королевскихъ рукъ! Объ этомъ и хотимъ мы его просить... Чтобы королевича Володислава далъ намъ въ цари Московскіе...

- Василья и Дмитрія—обоихъ устранить... И чужанина посадить на царство? въ недоумѣніи и какъ бы про себя прошепталъ Измайловъ.

— Да ты чему-жъ дивишься? Мы ужь съѣзжались на совѣтъ съ московскими боярами... У нихъ ужь все готово — хоть завтра Шуйскаго готовы свести съ престола! А ежели король-то перейдетъ рубежъ да станетъ у Смоленска, да кликнетъ кличъ, чтобы поляки всѣ къ нему въ войско шли, такъ съ кѣмъ же останется Дмитрій? Съ шутомъ, съ Ма́риною да съ мурзами татарскими? Хе, хе, хе! Такъ вѣдь съ нимъ не трудно будетъ поладить королю...

— Князь Юрій! перебилъ Хворостинина Измайловъ. — Хорошо у васъ, бояръ тушинскихъ съ Москвою придумано, да не по-Божьему. Ну, какъ же вы отправите посольство къ Жигимонту, какъ станете вы говорить «отъ всей Земли», когда въ Землѣ и смуты, и раздоры, и собрать ея нельзя?.. Самъ посуди! пораскинь умомъ!

— Вотъ въ этомъ-то, отецъ родной, въ этомъ вся и сила! За

этимъ-то и прихожу къ тебѣ... Обдумать это надо: такъ вотъ, позаручившись твоимъ согласіемъ и совѣтомъ, мы соберемся тайно на думу у меня, и все сообща обсудимъ... Вѣдь ты же вѣрно будешь съ нами заодно?.. Тутъ дѣло великое и благое; и успокоеніе будетъ для всѣхъ! И то еще сообрази: Смоленска Жигимонтъ и не подумаетъ оттягивать у насъ, какъ сына-то его посадимъ на московскомъ престолѣ.

Измайловъ хотѣлъ отвѣтить старому лукавцу рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ. Вся кровь кипѣла въ немъ, когда онъ думалъ о новомъ и гнусномъ замыслѣ тушинскихъ бояръ... Но онъ сдержался и отвѣтилъ Хворостинину спокойно:

— Задалъ ты мнѣ задачу, князь Юрій! Дай же мнѣ о ней подумать на досугѣ, и тогда уже отвѣтить. *Семь разъ отмѣрь...*

— Что-жъ? Изволь! Пообождемъ... Подумай! Спѣшить съ такими дѣлами не безопасно. Только ужь никому же ни-гу-гу!

И Хворостининъ поднялся съ мѣста и сталъ прощаться съ Измайловымъ.

Когда дверь въ сѣняхъ захлопнулась за Хворостининымъ, Арсеній вылѣзъ изъ-за ковра, блѣдный, дрожащій отъ волненія...

Петръ Θеодоровичъ поднялся съ лавки, на которой сидѣлъ, и, обернувшись къ сыну, сказалъ:

— Слышалъ-ли ты рѣчь змія-искусителя?

— Слышалъ, батюшка, и хотѣлося выскочить изъ-за ковра — и придушить злодѣя!..

— Всѣхъ этихъ гадовъ не передушишь! съ горькою усмѣшкой сказалъ Измайловъ. Только самъ не уподобься имъ... Самъ соблюди себя и съ ними въ единенье не входи! А ты что думаешь? Туренинъ вѣдь такой же: первый другъ и Салтыкову, и Хворостинину. Ну, какъ же тутъ съ нимъ въ родство вступить? Какъ тутъ о свадьбѣ думать?!

— Батюшка! таковъ, быть-можетъ, и Туренинъ. Но Юліанія не такова...

— Не знаю я твоей суженой — не говорю о ней! перебилъ Арсенія Измайловъ.— Одно скажу: не время теперь о счастьи думать, не время теплое гнѣздо свивать: а мечъ въ руки, да стать на рубежѣ, да биться съ ляхомъ до послѣдняго! И если ты мнѣ сынъ, такъ вотъ тебѣ завѣтъ мой: собирайся въ путь немедля, бери съ собою вѣрныхъ слугъ и, пока еще есть время, скачи въ Смоленскъ. Тамъ воеводой Шеинъ, старый другъ мой, пріятель задушевный.

Грамотку къ нему я напишу... и отъ царя Василья выправлю тебѣ указъ. Вотъ тебѣ и подвигъ... А о свадьбѣ забудь... на время. Уѣзжай, не повидавшись съ Юліаніей... И тебѣ, и ей такъ легче будетъ...

— Нѣтъ, батюшка! Этого не требуй отъ меня... И такъ довольно намъ горя!

— Ну, какъ хочешь! Богъ съ тобой! сказалъ Измайловъ со слезами на глазахъ.—Такъ, значитъ, ѣдешь?

— Хоть завтра въ путь! сказалъ Арсеній и, крѣпко обнявъ отца, вышелъ изъ комнаты.

Отецъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и грустно покачалъ головой.

II.

Разлука.

Юліанія, дочь князя Аѳанасія Туренина, одного изъ видныхъ дѣятелей тушинскаго вора, въ послѣдніе два года жила постоянно у тетки своей, игуменьи Новодѣвичьяго монастыря, которая въ ней души не чаяла и ревностно поддерживала сношенія между влюбленными, пересылая Арсенію вѣсточки и «памятки» отъ Юліаніи; а когда онъ бывалъ въ Москвѣ — давала ему полную возможность часто видѣться съ его невѣстою въ самыхъ стѣнахъ обители.

И теперь Арсеній, разставшись съ отцомъ, пріѣхалъ въ монастырь, далъ черезъ служку знать матери-игуменьѣ о своемъ пріѣздѣ и прямо прошелъ въ палисадникъ, раскинутый подъ окнами ея кельи, гдѣ обыкновенно происходили его свиданія съ Юліаніей. Тамъ онъ присѣлъ подъ тѣнью вѣковаго раскидистаго вяза на знакомую скамью, кругомъ заросшую густыми кустами орѣшника.

Долго сидѣлъ онъ, любуясь закатомъ, который охватилъ полнеба пожаромъ, раскидавъ кругомъ золотисто-багровыя облачки и ярко-красными лучами окрасивъ кругомъ кусты и деревья, купола храмовъ и верхи башенъ. Прелесть тихаго и прекраснаго сентябрьскаго вечера очаровала Арсенія, и онъ, взволнованный ожиданіемъ свиданія, на минуту забылъ о томъ, что онъ не радостную вѣсть принесъ своей Юліаніи. Легкій шорохъ и шаги послышались за кустомъ, и Арсеній быстро поднялся навстрѣчу Юліаніи, которая подала ему обѣ руки и прямо взглянула ему въ очи.

— Ты ко мнѣ съ недобрыми вѣстями? спросила она, грустно улыбаясь жениху. Съ недобрыми? По глазамъ твоимъ вижу...

— Ты угадала! отвѣчалъ Арсеній и грустно опустился на лавку.

— Ну, говори же скорѣй! Не жалѣя меня... Говори же!

Арсеній отъ слова до слова передалъ ей свой разговоръ съ отцомъ, подслушанную имъ бесѣду отца съ Хворостининымъ и, наконецъ, рѣшеніе, принятое имъ по волѣ Петра Θеодоровича.

Юліанія все выслушала молча и потомъ спросила:

— Такъ, значитъ, ѣдешь? И надолго?

— Ѣду завтра. Надолго-ли—Богъ вѣсть...

— Значитъ, опять разлука? проговорила тихо Юліанія. — Какъ же я буду жить-то безъ тебя, какъ жить безъ солнца?.. А я-то думала, что счастью нашему конца не будетъ!

— Не сломить мнѣ старика-отца! Онъ говоритъ, что тамъ, на рубежѣ, нужны надежные, вѣрные русскіе люди...

— Надежные, вѣрные? повторила Юліанія, вглядываясь въ очи Арсенія. Значитъ, онъ тебя считаетъ надежнымъ, вѣрнымъ? Значитъ, и я могу...

Она не договорила своей мысли и опустила голову ему на плечо.

— Можешь и вѣрить, и надѣяться, смѣло и съ полною искренностью произнесъ Арсеній, договаривая мысль своей невѣсты. Не разлюблю и не забуду до гробовой доски... Безъ тебя не милъ мнѣ бѣлый свѣтъ, безъ тебя мнѣ и жизнь не въ жизнь...

— Ахъ, говори! говори мнѣ это чаще!.. Повторяй, не переставая... Дай еще разъ это услышать, проговорила Юліанія, крѣпко сжимая руку Арсенія. — Ты знаешь, ты долженъ знать, какъ я тебя люблю! Никому на свѣтѣ не уступлю тебя! Слышишь — никому!..

— Гдѣ бы я ни былъ — буду живъ, такъ буду твой! Вернусь къ тебѣ — и ты моя будешь. Такъ и знай: никто тебя не вырветъ у меня изъ сердца. Богомъ клянусь и всѣми святыми...

— Не клянись! строго перебила его Юліанія. Богъ посылаетъ на насъ испытаніе, а бѣсъ мутитъ нашъ разумъ соблазнами и женской прелестью... Не надо клясться: не вызывай своей судьбы на бой... Просто люби и помни, что пока жива я — не уступлю тебя никому, на край свѣта за тобой пойду! Да вотъ еще что помни: эта разлука пусть будетъ нашею послѣднею разлукою! Если черезъ годъ ты не вернешься — я сама къ тебѣ въ Смоленскъ пріѣду!..

Арсеній посмотрѣлъ на нее съ восторгомъ и удивленіемъ.

— Никто меня не удержитъ, такъ и знай!

— Голубушка, да гдѣ же тебѣ... Вѣдь тамъ осады ждутъ!.. Самъ Жигимонтъ грозится обложить его и съ войскомъ спѣшить подъ стѣны! Тамъ мы должны костьми лечь всѣ до единаго!

— Ну, что же, и ляжемъ! Или испугать меня задумалъ?.. Спроси у всѣхъ: всѣ скажутъ, что я умѣю смерти смотрѣть въ глаза... Такъ

и знай: сквозь ратный станъ вражій къ тебѣ пройду! И не пытайся отговаривать!

Юліанія смѣло и прямо посмотрѣла ему въ глаза, и онъ въ лицѣ ея увидѣлъ непоколебимое мужество и твердую волю.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, хотѣлъ обнять на прощанье; но она быстрымъ движеніемъ высвободилась изъ его объятій и шепнула ему:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не затѣмъ сюда пришла... Цѣловаться—но разстаться! Вотъ лучше это возьми на память...

И Юліанія сняла съ шеи крестикъ съ ладонкой и надѣла его на Арсенія.

— Теперь—прощай. Я знаю, что ты не забудешь своей Юліаніи!

Она легонько наклонила его голову и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощай, и пріѣзжай скорѣе, моя надежда! прошептала она, тихо направляясь къ выходу, и не смѣя взглянуть на Арсенія.

III.

„Изъ огня да въ полымя".

Минулъ еще годъ и не принесъ ни утѣхи, ни облегченія несчастной Русской землѣ.

Царь Василій видѣлъ, что дни его изочтены, видѣлъ, что ему не усидѣть, не удержаться на престолѣ; и еще разъ захотѣлъ испытить свои силы въ борьбѣ! Онъ выслалъ разомъ сильное войско и противъ тушинцевъ, и противъ Жолкѣвскаго. Но его воеводы были побиты, его войско разсѣяно; иноземцы-союзники ему измѣнили и передались на сторону ляховъ, которые стали быстро близиться къ Москвѣ. И воръ тушинскій также придвинулся со своимъ сбродомъ къ Бѣлокаменной: въ половинѣ іюня 1610 года онъ стоялъ уже въ виду столицы, въ селѣ Коломенскомъ.

Москва, почти беззащитная, не приготовленная ни къ продолжительной осадѣ, ни къ отпору двухъ враговъ, грозившихъ ей одновременно съ двухъ сторонъ, заволновалась страшно. Съ утра 17 іюня дома почти опустѣли, лавки были заперты; безчисленныя толпы народа, словно взбаломученныя бурею волны моря, спѣшили на поле за Серпуховскія ворота. Сказывали за вѣрное, что туда же съѣдутся бояре и дворяне, прибудутъ и духовныя власти, и будутъ говорить съ народомъ о важномъ государскомъ дѣлѣ.

Толковали подъ рукою и о томъ, что въ Кремлѣ «недоброе творится».

— Опять какъ передъ Борисовымъ «преставленіемъ», видѣнія и знаменья, братцы мои! разсказывалъ старичокъ-пономарь, въ засаленной скуфейкѣ и потертомъ подрясникѣ.

— А что же бы такое? Не слыхали мы что-то!..

— Архангельскаго собора сторожа мнѣ сказывали, что, въ навечеріе субботы прошлой, вдругъ освѣтило надъ гробами царей московскихъ... Они было къ дверямъ! Анъ двери на запорѣ и замки висятъ попрежнему,—а въ соборѣ-то плачъ, рыданіе веліе... А какъ рыданье стихло—гласы запѣли псаломъ: «Блаженни непорочніи въ путь ходящіе въ законѣ Господни...» А тамъ опять рыданіе... И свѣтъ погасъ, и стихло все.

— Чудеса!.. Что-жь это, отче, какъ толкуютъ?..

— Ужь вѣстимо не къ добру. Такъ и толкуютъ, что молъ усопшіе цари живаго оплакиваютъ.

— Что ужь тамъ оплакивать! подхватываетъ въ толпѣ нѣсколько голосовъ.—Давно ему пора бы сверзиться... Неправдою вѣдь сѣлъ на престолъ-то, лукавствомъ однимъ!..

— Ну, да! Какъ не сверзиться! слышатся въ отвѣтъ другіе голоса.—Не васъ-ли на мѣсто царя Василья посадить? Соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто...

— Да вы, братцы, можетъ изъ Шуи? огрызаются какіе-то рядскіе.—Потому за Шуйскаго и стоите?

— Да ужь тамъ, какъ ни стой—хошь горой, хошь каменной стѣной,—поясняетъ рядскимъ подьячій,—а ужь не усидѣть!

— А безъ него-то, что заведете дѣлать?

— А что при немъ, то и безъ него будетъ!

— Нѣтъ, братцы! Что ни говорите, а не даромъ въ старой пѣснѣ поется: «тяжко ти плечу, кромѣ головы!» Какъ голову-то снимутъ, тѣло что!..

— Ну, да и голова, когда безъ тѣла-то, тоже не больно разгуляется! отвѣчали на сокрушенія стариковъ молодые и смѣлые. Отъ Шуйскаго, отъ головы-то, все тѣло и само отстало...

— А теперь, подико-сь, пріискивай голову-то по тѣлу... Чай, это не такъ легко, какъ сапогъ по ногѣ прибрать!..

— Сторонись, очищай дорогу! Значитъ мы ѣдемъ! горланитъ ватага какихъ-то дюжихъ буяновъ, которые, сцѣпившись руками и работая плечами, врѣзаются сбоку въ толпу, пробираясь къ помосту, наскоро нагроможденному изъ бревенъ и досокъ.

— Куда вы лѣзете, окаянные! кричатъ имъ всѣ, тѣснясь и ежась.

— А хорошо бы и намъ за ними протискаться? совѣтуетъ рядскимъ подьячій, порываясь, вслѣдъ за буянами, въ самую гущу толпы.

Но около помоста толпа сплотилась въ такую массу, что никакая сила не могла бы проложить черезъ нее дорогу. Приходится

довольствоваться тѣмъ мѣстомъ, какое удалось занять... И взоры всей толпы устремлены на помостъ, изъ-за котораго выходятъ бояре и власти.

Тсс! Шш! Тише,—молчи, ребята! Вотъ бояре всходятъ на помостъ!..

Тсс! Тише—слушай!

Вся толпа смолкла въ ожиданіи. На помостѣ прежде всѣхъ явился князь Василій Голицынъ и сказалъ:

Православные! Внушилъ намъ Богъ благую мысль—созвать васъ здѣсь и съ вами посовѣтовать, какъ бы Московскому Государству не быть въ разореніи и въ расхищеніи. Отъ враговъ стало намъ нынѣ тѣсно на Руси. Какъ хищные волки, лѣзутъ въ овчарню и овецъ рѣжутъ, такъ и враги насъ губятъ беззащитныхъ, беззаступныхъ... Царя Василія Ивановича не благословилъ Господь ни удачей, ни побѣдой. Ни Сѣверскіе, ни украйные города его не хотятъ, отступили къ вору и несутъ враги и воры всю нашу землю врозь...

Князь Голицынъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ продолжать.

Не дожидаясь продолженія рѣчи, изъ-за спины князя вылѣзъ впередъ громаднаго роста мужчина, съ черной всклоченной бородой и цѣлой шапкой густыхъ, кудластыхъ волосъ на головѣ. Окинувъ смѣлымъ взглядомъ толпу, онъ поклонился ей низкимъ общимъ поклономъ и заговорилъ громко, ясно, отчетливо,—и звучно разнеслась его рѣчь надъ толпою:

Православные! Началъ князь за здравіе, а свелъ за упокой! Какъ могъ Господь благословить царя Василія счастьемъ, коли онъ самъ неправдою и на престолъ-то сѣлъ?.. Не по выбору всей Земли онъ на царство взошелъ, а самъ собою, грѣхомъ да спѣхомъ!.. Такъ-ли?

И онъ окинулъ ближайшіе ряды толпы быстрымъ, огненнымъ взглядомъ.

— Такъ! Такъ! Вѣрно говоритъ Захаръ Ляпуновъ! послышались одобрительные возгласы.

Много тысячъ душъ царь Василій загубилъ напрасно, а царства за собой не укрѣпилъ, продолжалъ Ляпуновъ. -А почему? Все только братцамъ своимъ ввѣрялся... А братцы-то его какіе воеводы: войско на смерть шлютъ, а сами подъ плетень залѣзаютъ! Какъ при такомъ порядкѣ да розни не быть? А?

— Вѣрно! Вѣрно! Какъ розни не быть? гудѣла толпа.

- А тутъ самъ Богъ враговъ нашихъ вразумляетъ! продолжалъ еще громче, еще оживленнѣе Захаръ Ляпуновъ. Вчера съѣзжались мы, подъ Даниловымъ монастыремъ, съ тушинскими боярами и съ

землякамп нашими, калужанами — говорили и сговорились: быть съ ними за-единъ! Они поклялись намъ, что вора своего покинутъ и станутъ съ нами вмѣстѣ противъ ляховъ, коли мы отъ царя Василія отстанемъ... Надо бить царю Василію челомъ, чтобы онъ престолъ оставилъ...

— Надо! Надо! Пусть оставитъ по доброй волѣ! закричали многіе въ толпѣ.

— Пусть хоть удѣлъ какой себѣ возьметъ! слышались возгласы.

— Зла не хотимъ ему! И никакого дурна ни ему, ни братьямъ его не учинимъ!

— А когда ужь царь Василій сойдетъ съ престола, продолжалъ Ляпуновъ,—когда и тѣ наши братья, что вору служатъ, приведутъ намъ вора и на руки сдадутъ,—тогда пошлемъ по городамъ, всю Землю соберемъ въ Москву, и, всею Землею, выберемъ въ государи того, кого Богъ укажетъ!

— Такъ! Такъ! Согласны—вѣрно! шумѣла толпа.

Но патріархъ Гермогенъ поднялъ руку, и всѣ смолкли.

— Красно ты говоришь,—сурово и спокойно сказалъ онъ Ляпунову,—да не намъ бы слушать! Искусились мы въ бѣдахъ—да видно мало! Новыхъ бѣдъ хотимъ и сами накликаемъ... Ты вѣришь клятвѣ земляковъ тушинскихъ? Ты подговариваешь смутниковъ царя Василія свести, и на его же мѣсто избрать другаго... Самовольно судьбою царей дерзаешь располагать—и думаешь, что Богъ благословитъ такое дѣло?

— Святѣйшій отецъ! дерзко отвѣтилъ Ляпуновъ.— Не погибать же намъ изъ-за царя Василія? Какъ тамъ ни покрывай его, а все же...

— Коли у васъ съ боярами порѣшено царя свести — вы и въ отвѣтѣ за это будете!.. А мой совѣтъ вамъ здѣсь не нуженъ, и въ ваше дѣло я не вступлюсь.

Сказалъ — и, твердо опираясь на посохъ, сошелъ съ помоста и удалился съ клиромъ. Въ толпѣ и на помостѣ поднялся шумъ. Кричали, спорили—никто никого не слушалъ. Но, послѣ долгихъ споровъ между боярами, дворянами и Ляпуновымъ все же порѣшили, что надо всѣмъ міромъ идти къ царю и бить челомъ, чтобы оставилъ царство и царствомъ предоставилъ править Думѣ.

Бояре, послѣ этого, сошли съ помоста и поѣхали къ Кремлю, и впередъ ихъ всѣхъ царскій своякъ, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, который долженъ былъ передать царю мірское челобитіе. Слѣдомъ за боярами и дворянами повалили въ городъ и толпы народа.

На другой день утромъ, у Данилова монастыря, по уговору, съѣхалось посольство выборныхъ людей отъ всей Москвы,—съ посольствомъ отъ тушинцевъ, которое явилось изъ Коломенскаго стана. Въ посольствѣ московскихъ людей, кромѣ Захара Ляпунова, были и думные дворяне, и князья, и бояре: Иванъ Никитичъ Салтыковъ, Измайловъ, князь Мещерскій, князь Ѳедоръ Долгорукій, князь Меринъ-Волконскій. И на сторонѣ тушинцевъ не мало было видныхъ и родовитыхъ людей: Михайло Бутурлинъ, князь Александръ Сицкій, князь Черкасскій, князь Ѳедоръ Туренинъ, да Плещеевъ Ѳедоръ, да старые дьяки.

Какъ съѣхались, такъ тотчасъ и приступили къ переговорамъ. Выѣхалъ впередъ все тотъ же рѣчистый и горластый Захарій Ляпуновъ и, справивъ поклонъ тушинскимъ землякамъ, сказалъ имъ:

— Отъ всѣхъ московскихъ людей повелѣно мнѣ вамъ сказать, что мы вчера, по милости Божьей, клятвенное свое обѣщаніе исполнили, и ради умиротворенія Русской Земли и чтобы всѣмъ намъ быть заединъ— Шуйскаго Василія съ престола свели. Теперь за вами дѣло: сводите и вы вашего царя и выдайте намъ его на руки...

Въ отвѣтъ на эти слова, къ крайнему удивленію и позору московскихъ людей, тушинцы разразились громкимъ, раскатистымъ хохотомъ. Хохотали не стѣсняясь, ухватившись за бока, хохотали во все горло, покачиваясь на сѣдлахъ, хохотали до упаду, нагло, грубо, явно выказывая свое полное презрѣніе къ московской простотѣ.

Москвичи не могли придти въ себя отъ изумленія.

— Дурни вы, дурни! крикнулъ имъ, наконецъ, Михайло Бутурлинъ. Съ чего же вы взяли, что мы къ вамъ своего Димитрія Ивановича приведемъ?

— Да вѣдь вы же крестъ цѣловали? Вѣдь вы же хотѣли быть съ нами за-единъ?! съ укоризною вскричалъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ.—Вы же хотѣли вмѣстѣ съ нами всей Землей избрать царя, какого намъ Господь пошлетъ?

Новый взрывъ хохота, и среди хохота слышны насмѣшливые вопросы:

— А вы намъ и повѣрили, и уши развѣсили? Ахъ, олухи какіе! А еще бояре!..

— Да вы поймите, пораскиньте умишкомъ сами! заговорилъ нахально Ѳедоръ Плещеевъ.— Зачѣмъ намъ съ вами выбирать царя, когда теперь мы къ вамъ своего посадимъ!.. Своего вамъ въ цари навяжемъ!

— Клятвопреступники вы! Анаѳемы! кричали тушинцамъ московскіе люди.

— Сами вы не лучше! Ишь, на мякинѣ дали провести себя! За калачъ въ двѣ деньги своего царя Василія продали и съ присягой вмѣстѣ! Ну, и радуйтесь теперь!.. Ха-ха-ха! А мы свово царя за калачъ не отдадимъ!

И вся орава гоготала снова, заливаясь на всѣ лады.

Не сказали болѣе ни слова московскіе люди: повернули коней и, понуривъ головы, пристыженные, направились обратно въ городъ. И долго-долго еще долеталъ до ихъ ушей наглый, безстыжій хохотъ тушинцевъ—и что-то страшное, что-то бѣсовское звучало въ раскатахъ этого хохота.

IV.

Польская лисица.

— Ну, наступило у насъ теперь безгосударное время! говорилъ, понуривъ голову, Петръ Θеодоровичъ Измайловъ, котораго послѣднія событія сломили съ ногъ.

Крѣпкій и разумный старикъ вдругъ ослабѣлъ и слегъ.

— Не легко, охъ, не легко будетъ Московскому государству царя сыскать! стоналъ онъ, ворочаясь съ-боку-на-бокъ на постели.

И вдругъ Измайловъ съ ужасомъ услышалъ, что гетманъ Жолкѣвскій подступаетъ къ Москвѣ – не воевать, а предлагаетъ помощь противъ воровъ, коли въ цари Московскіе возьмутъ изъ Польши королевича Владислава.

— Да какъ-же взять его? Вѣдь онъ же нехристь – латинской вѣры! горячился Измайловъ, слыша эту странную, диковинную новость.

— Такъ что-жъ! Окрестится - такой же будетъ, какъ мы съ тобою. Татаровья —ужь на-что погань а крещеныхъ татаръ и въ боярахъ много.

— Добились своего, тушинцы проклятые! воскликнулъ Петръ Θеодоровичъ, поднимаясь съ изголовья. Возросло и процвѣтаетъ сѣмя Салтыковыхъ, Хворостининыхъ, Турениныхъ!

Два дня спустя, эти слухи обратились уже въ дѣйствительность. Бояре сами стали объявлять народу съ Лобнаго мѣста, что нѣтъ другаго спасенія, какъ выборъ Владислава на царство, что Жигимонтъ король согласенъ дать сына, а всей Землѣ собраться некогда для выбора царя.

— Пусть на Москву положатся! толкуютъ москвичамъ бояре. Ужь москвичи-ли худа пожелаютъ Землѣ!

— Вѣстимо! Мы-ли худа пожелаемъ! громко раздаются голоса московскихъ горожанъ.

— А какъ же, господа бояре? Неужели царь-то на Москвѣ латинской вѣры будетъ?

— Да нѣтъ же! спѣшатъ бояре увѣрить толпу. — Какъ это можно! Москва цѣлуетъ крестъ королевичу на томъ, чтобы ему, государю, быть въ нашей православной вѣрѣ греческаго закона.

Всѣ начинаютъ вѣрить въ то, что смута кончится избраніемъ въ цари, хоть «чужанина», да все же не отъ боярскаго рода, а отъ «царскаго корени».

Наконецъ и гетманъ, уже съ согласія бояръ, придвинулся и сталъ подъ самою Москвою: его полки расположились на Сѣтуни, его шатры забѣлѣлись въ Хорошевскихъ лугахъ.

17 августа 1610 года вся Москва повалила на Дѣвичье поле— присягать королевичу Владиславу. Весь народъ видѣлъ, какъ гетманъ Жолкѣвскій клялся исполнить договоръ, заключенный имъ съ боярами. Всѣ видѣли, какъ гетманъ потомъ зазвалъ бояръ въ свой станъ и тамъ почти до полуночи ихъ угощалъ въ своихъ шатрахъ и богатыми дарами обдаривалъ.

На утро гетманъ прибылъ въ Москву съ большою свитой и съ ближними начальными людьми.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Михайло Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, и князь Рубецъ-Мосальскій, и Юрій Хворостининъ, и другіе тушинскіе бояре, которые, съ годъ тому назадъ, покинувъ тушинскаго царика, первые догадались ѣхать подъ Смоленскъ и бить челомъ о Владиславѣ. Всѣхъ ихъ приводилъ самъ патріархъ къ присягѣ. Затѣмъ всѣ пировали у князя Ѳедора Мстиславскаго, какъ старшаго между боярами.

Пиръ у Мстиславскаго затѣянъ былъ на славу. Столы ломились отъ яствъ; заморскія вина и крѣпкіе, стоялые меды лились рѣкою, развязывая языки и располагая сердца къ благодушнымъ упованьямъ.

За столомъ, по правую руку отъ хозяина, сидѣлъ самъ гетманъ, высокій, стройный и красивый мужчина лѣтъ 50, съ небольшою просѣдью въ густыхъ и длинныхъ усахъ, завитыхъ кольцами. Въ его большихъ голубыхъ глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица свѣтился сильный и глубокій умъ, а рѣчь его—спокойная, тягучая и тонкоразсчитанная, —выказывала въ немъ человѣка утонченно-вѣжливаго и образованнаго. Онъ говорилъ почти свободно по-русски, лишь изрѣдка вставляя то польскія, то латинскія фразы и очень ловко пользуясь отдѣльными словами и выраженіями своихъ собесѣдниковъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ панъ Доморацкій, подстолій Львов-

скій, да Гонсѣвскій, да еще пять-шесть знатнѣйшихъ поляковъ. По лѣвую руку отъ хозяина—князь Василій Голицынъ, Данило Мезецкій, Михайло Салтыковъ, а далѣе—бояре, дьяки, окольничіе, думные дворяне. Мстиславскій, послѣ многихъ здравицъ за новоизбраннаго царя и за родителей его, поднялъ кубокъ и за пана-гетмана, и, кланяясь ему, сказалъ:

— Все государство Московское только того нынѣ и желаетъ, чтобы королевича скорѣе въ цари добыть... За его здравіе мы пили! Теперь за пана-гетмана!

Поляки повскакали съ мѣстъ и громко закричали:

— Виватъ, виватъ пану-гетману!

— Здравіе пану-гетману! Здравіе Станиславу Станиславовичу! загудѣли за всѣми столами голоса московскихъ бояръ и дворянъ.

— Шановне панове! привѣтливо откликнулся панъ-гетманъ на здравицу, — не знаю, какъ васъ благодарить! Якъ Бога кохамъ, сдается мнѣ, что теперь, подъ правленіемъ королевича, наступитъ снова золотой вѣкъ для вашей родины...

— Просимъ милости Божьей, вступился князь Василій Голицынъ.—Ну, а все же, панъ-гетманъ, надо, чтобы онъ въ нашу вѣру перешелъ. Тогда все будетъ ладно...

— Пане ксенже! поспѣшилъ отвѣтить гетманъ,—я вамъ и самъ того же желаю. Какъ будетъ королевичъ царемъ и пожелаетъ въ вашу вѣру — и если то полезно для государства будетъ — пусть перемѣнитъ вѣру! Но такъ — заставить, противъ совѣсти его, то... то не можно.

— Какъ не можно, панъ-гетманъ! продолжалъ настаивать Голицынъ, уже нѣсколько отяжелѣвшій отъ возліяній. — Ты въ этомъ крестъ цѣловалъ.

Хозяинъ смутился, опасаясь ссоры изъ-за поднятаго Голицынымъ щекотливаго вопроса о вѣрахъ; но выручилъ Михайло Салтыковъ:

— Князь Василій! сказалъ онъ,—теперь намъ рано объ этомъ спорить. Всѣ вѣры хороши, коли живешь по-Божьему! Теперь вотъ только бы съ Тушинскимъ воромъ управиться...

— Такъ! Такъ! Вѣрно, бояринъ! поспѣшилъ добавить гетманъ.— Прежде всего съ Тушинскимъ управиться! Я на него все войско двину, и, съ вашей помощью, мы побѣдимъ... А тамъ ужъ надо поспѣшить съ посольствомъ къ королю — надо поскорѣе отправить великое посольство къ Смоленску.

— Да, да, конечно! Не замедлимъ... Вотъ будемъ выбирать! сказалъ Мстиславскій.

— Вотъ этого, признаться, я и боюсь, сказалъ Жолкѣвскій.- Какъ станете вы выбирать, да спорить, такъ это то же, что у насъ на сеймахъ выйдетъ. А по-моему, если позволите сказать мнѣ—зачѣмъ и выбирать? У васъ готовые есть послы... Вотъ хоть-бы князь Василій Голицынъ—и рода древняго, и опытный въ дѣлахъ!

— Спасибо за похвалу, панъ-гетманъ! отвѣтилъ польщенный князь Голицынъ.- Много благодаренъ, хоть и не достоинъ...

— Князь! Повѣрь, я знаю, что великія государства стоятъ и держатся своими великими боярами; я знаю цѣну людямъ...

— Что-жъ! Я не прочь — коли выберутъ меня, перебилъ гетмана Василій Голицынъ.—Но кого-же мнѣ въ товарищи дадутъ?

— Да, да! Кого въ товарищи князю Василью? допрашивалъ Мстиславскій, поглядывая то на Жолкѣвскаго, то на бояръ.

— По моему, за позволеньемъ пановъ, сказалъ Жолкѣвскій,— надо бы духовную особу. Вотъ хоть бы митрополита Филарета... Я знаю, что онъ не любитъ Польши, что онъ и противъ Владислава былъ; но я первый за него — я знаю цѣну людямъ...

— Что-жъ! Филарета Никитича... Это точно... Я не прочь съ нимъ ѣхать! подтвердилъ Голицынъ.

— Мой совѣтъ, панове, не медлите съ посольствомъ... Это всего нужнѣе для васъ, и для всѣхъ насъ!

— Вѣрно, вѣрно! Это всего нужнѣе! радостно подхватываетъ Мстиславскій. — Эй, меду сюда, скорѣе! Романеи! За здравіе дорогихъ гостей!

«Виваты» и «здравія» загудѣли снова во всѣхъ трехъ комнатахъ и донеслись на улицу, гдѣ толпы народа отвѣтили на нихъ громкими возгласами. Пошли объятія и поцѣлуи: бояре и князья, и думные дворяне цѣловались съ гетманомъ,- съ Гонсѣвскимъ, съ Доморацкимъ, съ недавними врагами—тушинскими боярами. Легковѣрный, пожалуй, могъ бы подумать, что точно настаетъ золотой вѣкъ... Но не всѣ были настолько легковѣрны. На краю стола, около выхода въ сосѣднюю комнату, сидѣли трое бояръ, уже порядкомъ подпившихъ, и рядомъ съ ними Измайловъ, только-что оправившійся отъ своей болѣзни. Хмѣль развязалъ боярамъ языки и побуждалъ ихъ высказаться искреннѣе, чѣмъ говорили Мстиславскій и Салтыковъ.

— Цѣлуйтесь, обнимайтесь! ворчалъ одинъ изъ бояръ, высокій и пожилой мужчина, съ презрѣніемъ поглядывая изъ-за двери на цѣлованье и братанье бояръ съ поляками. — Пріидетъ часъ, въ онь-же раскаетесь...

— Вѣрятъ ляху! Ляху вѣрятъ! горячился рядомъ съ первымъ бояриномъ другой, смуглый и коренастый.—Господи!

— Ну и солжетъ имъ ляхъ, и одурманитъ ихъ! Помяни мое слово! Вѣдь вотъ теперь мы съ гетманомъ-то по рукамъ ударили, присягу Владиславу принесли—связали себя крестомъ, по городамъ-то вѣдь бояре пишутъ, будто королевичъ въ нашей православной вѣрѣ будетъ: а въ договорѣ съ гетманомъ объ этомъ и заикнуться не посмѣли...

— Обманомъ началось—обманомъ и поправить задумали! вступился въ ихъ рѣчь долго и угрюмо молчавшій Измайловъ. — Всѣ опоганились мы!.. Всѣ мы хуже ляховъ стали—хуже татаръ! Душой играемъ — и доигрались «до королевича»!

И онъ отплюнулся съ омерзѣніемъ...

— Виватъ! виватъ!.. Здравіе Станиславу Станиславичу! гудѣли между тѣмъ попрежнему голоса за столомъ.

И шуму похмѣлья вторилъ громкій, несмолкаемый, безсвязный шумъ и говоръ народной толпы, стоявшей подъ окнами хоромъ Мстиславскаго, на его дворѣ и на прилегающей улицѣ.

V.

Подъ стѣнами Смоленска.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ великое посольство прибыло подъ Смоленскъ и расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра, на мѣстѣ, указанномъ королевскими комиссарами, между двумя рѣчками, впадавшими въ Днѣпръ.

Уже два мѣсяца томились они здѣсь, въ своемъ станѣ, каждый день ожидая, что канцлеръ Левъ Сапѣга и паны товарищи его позовутъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе и станутъ съ ними обсуждать условія воцаренія королевича Владислава на московскомъ престолѣ: но паны и Сапѣга призывали пословъ всего пять-шесть разъ, толковали и спорили съ ними о совершенно постороннихъ вопросахъ, вовсе не касаясь главныхъ пунктовъ статейнаго списка, даннаго въ руки посламъ; а когда Филаретъ Никитичъ, выведенный этой тактикой Сапѣги изъ терпѣнія, напомнилъ ему, что королевичъ долженъ непремѣнно креститься, — канцлеръ сказалъ ему:

— Ну, объ этомъ, преосвященный, поговоримъ въ другой разъ... Я когда-нибудь къ тебѣ заѣду... Притомъ вѣдь королевичъ ужъ разъ крещенъ, такъ зачѣмъ же ему еще разъ перекрещиваться...

И затѣмъ опять проволочка и путаница въ вопросахъ и споры о словахъ... А Смоленскъ все въ осадѣ: подъ башни его ведутся

подкопы; то здѣсь, то тамъ слышна пальба — кровь льется на вылазкахъ и стычкахъ подъ его стѣнами. Но вотъ пронесся слухъ, что самъ гетманъ Жолкѣвскій скоро будетъ изъ Москвы, — и у всѣхъ въ посольствѣ полегчало на сердцѣ.

— Вотъ Станиславъ-то Станиславичъ пріѣдетъ, тогда совсѣмъ не то будетъ! утѣшали всѣхъ князь Василій Голицынъ и думный дьякъ Томило-Луговской.

— Да, онъ заставитъ пановъ о дѣлѣ говорить, а не околесную плести, замѣтилъ окольничій, князь Мезецкій, обращаясь къ Измайлову, который тоже томился въ посольскомъ станѣ и больше всѣхъ другихъ страдалъ отъ напрасной потери времени, тоскуя по Арсеніи, который бился съ ляхами на стѣнахъ Смоленска.

— Гетманъ передъ всѣми нами крестъ цѣловалъ на самыхъ тѣхъ статьяхъ, что нами въ списокъ внесены,—сказалъ Измайловъ Мезецкому.—Дай Богъ, чтобы онъ отстоялъ ихъ и унялъ кровопролитіе!

И на глазахъ старика навернулись крупныя слезы; а въ головѣ его мелькнула мысль:

«Живъ ли онъ, мой голубчикъ? Мой Арсеній! Не сложилъ ли ужь своей буйной головушки?..»

Весь королевскій станъ заволновался въ тотъ день, когда гетманъ Жолкѣвскій совершалъ свой торжественный въѣздъ. Блестящія конныя хоругви гусаръ и казаковъ были высланы ему навстрѣчу; музыка гремѣла во всѣхъ концахъ лагеря, и громкіе, восторженные клики, на всемъ пути до королевской ставки, привѣтствовали возвращеніе «побѣдителя Москвы».

На другой день, по пріѣздѣ Жолкѣвскаго, Сапѣга позвалъ пословъ на съѣздъ. Измайловъ по болѣзни не могъ ѣхать на съѣздъ съ товарищами и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какія вѣсти принесутъ они ему съ этого совѣщанія.

Но вѣсти принесли не радостныя. Князь Мезецкій вернулся озадаченный, растерянный...

— Ну, что? Говорите, говорите скорѣе! обратился къ товарищамъ Измайловъ, приподнимаясь на своемъ мѣстѣ. — Каково при гетманѣ пошли переговоры?

— Хуже худшаго! отвѣчалъ Мезецкій. — Гетманъ и о присягѣ позабылъ, и о записи крестоцѣловальной тоже; только и ладитъ, какъ бы ему въ одно слово съ паномъ-канцлеромъ попасть. Заговорили мы о Смоленскѣ, что съ него пора осаду снять, потому смольняне королевичу крестъ цѣловать согласны. А они говорятъ: «Нѣтъ! пусть цѣлуютъ крестъ и королевичу, и королю».

— Какъ, королю? воскликнулъ Измайловъ. — Да этого у насъ въ наказѣ нѣтъ!

— Да развѣ это одно! добавилъ Мезецкій. — Теперь ужъ требуютъ, чтобы мы смольнянамъ велѣли городъ сдать и королевскихъ людей туда впустить! И размыслить не даютъ... На завтра требуютъ отвѣта! И если мы не согласимся съ ними — у нихъ уже порѣшено: идти на приступъ!

— Господи Боже! Что же намъ дѣлать? простоналъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Митрополитъ велѣлъ намъ всѣмъ собраться въ сосѣднемъ шатрѣ на совѣщаніе. Сбирайся съ силами, — идемъ туда!

Часъ спустя, всѣ дворяне, духовныя власти и посольскіе люди собрались въ сосѣднемъ шатрѣ. Туда же явились — князь Василій Голицынъ, дьякъ Томило-Луговской и самъ митрополитъ Филаретъ.

— Всѣмъ вамъ вѣдомо, сказалъ Филаретъ, — что гетманъ Жолкѣвскій цѣловалъ крестъ королевскою душою, что какъ мы королевичу присягнемъ, такъ королю отойти отъ Смоленска прочь со всѣми людьми въ Польшу. Нынѣ же они требуютъ, чего никоими мѣрами учинить нельзя. Если мы хотя и немногихъ королевскихъ людей въ Смоленскъ впустимъ, то намъ Смоленска больше не видать, и кровь смольнянъ лилась напрасно. Король грозится приступомъ добыть Смоленскъ, мимо крестнаго цѣлованія. Пусть добываетъ!.. Богъ не попуститъ этого — положимся на неисповѣдимыя судьбы Его. Не примемъ на душу укора, что мы своею слабостью предали городъ въ руки враговъ.

Всѣ посольскіе люди закричали въ отвѣтъ Филарету:

— Одинолично на томъ станемъ, чтобы въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей не пущать ни одного человѣка!

— Если и прольется кровь, то это будетъ не отъ насъ, закричало нѣсколько голосовъ. — Лишь бы своею слабостью Смоленскъ безъ нужды не потерять!

Затѣмъ поднялись смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе, бывшіе при посольствѣ, и сказали:

— Если станутъ ляхи Смоленскъ приступомъ добывать, то во время взятія погибнутъ наши матери, и жены, и дѣти. И все же просимъ мы васъ, государи-послы, на томъ крѣпко стоять, чтобы польскихъ и литовскихъ людей въ Смоленскъ не впустить.

— Такъ на томъ и стоять будемъ! твердо сказалъ Филаретъ и распустилъ совѣщаніе.

На другой день, 19-го ноября 1610 года, послы поѣхали въ саняхъ за рѣку на съѣздъ и точно такъ же, какъ и въ прежніе разы, сошлись съ поляками въ шатрѣ, разбитомъ отдѣльно отъ другихъ шатровъ.

— Ну, что? Надумались ли вы, господа послы? спросилъ ихъ канцлеръ Сапѣга, насмѣшливо покручивая усъ и прищуривая глазки, между тѣмъ, какъ Жолкѣвскій и всѣ остальные сенаторы смотрѣли сумрачно и надменно.

— Надумались, сказалъ спокойно Филаретъ, — и вамъ пришли сказать, что на ваши требованія безъ патріаршей грамоты я, митрополитъ, дерзнуть не смѣю.

— А мы безъ митрополита ни шага ступить не смѣемъ! добавилъ Голицынъ.

— Это все пустыя увертки и отговорки! гнѣвно заговорилъ Сапѣга. — На то вы и великіе послы, чтобы все дѣлать безъ московскаго указа! Коли хотите себѣ отъ короля милостей, такъ вотъ, сперва потѣшьте его: заставьте смольнянъ крестъ цѣловать и ему, и королевичу...

— Мы, Левъ Ивановичъ, сказалъ митрополитъ, — не тѣшить короля сюда пріѣхали...

— Да ты пойми, преосвященный отецъ, что вѣдь король-то хочетъ овладѣть Смоленскомъ не для себя, а для сына же!.. Вѣдь и безъ того же Польша, Литва и Московія будутъ скоро все одно... Одно государство!

— Свидѣтельствуемся Богомъ, что у насъ объ этомъ ничего въ наказѣ не писано, возразилъ Филаретъ. — И ни теперь, ни на сеймѣ вашемъ, мы не согласимся, чтобы какимъ-нибудь хоть однимъ городомъ Польшѣ и Литвѣ поступиться.

— Коли такъ, закричалъ Сапѣга злобно: — Смоленску вашему конецъ! Не взявъ Смоленска, государю нашему прочь не отхаживать!

— Да если бы панъ круль и согласился отступить отъ Смоленска, запальчиво вступился Яковъ Потоцкій, — такъ мы, паны и рыцарство, на то не согласимся и крулю Зыгмунду не позволимъ!

— Указывать мы королю не можемъ, замѣтилъ Голицынъ, — но можемъ только слезно молить его, чтобы не проливалъ напрасно крови... О томъ и въ записи нашей съ Станиславомъ Станиславичемъ писано... Михайло Юдичъ! Прочти-ка это мѣсто записи!

— Не смѣй читать! дерзко крикнулъ Сапѣга. — Ужь сколько разъ вамъ говорили, что намъ до гетманской записи нѣтъ дѣла!

— Хоть помереть, а все надо правду говорить, смѣло отвѣтилъ Томило-Луговской. — Вы эту запись ни во что ставите; а намъ она защита!

Поднялись крикъ и шумъ между поляками.

— Это не послы, а ослы упрямые! кричали сенаторы.

— Мы имъ покажемъ! горячился Яковъ Потоцкій.—Какъ римляне въ Іерусалимѣ, такъ мы въ Смоленскѣ камня на камнѣ не оставимъ!

— То въ рудѣ Божьей! сказалъ дрожащимъ голосомъ Филаретъ. едва сдерживая себя. — Одно только скажу тебѣ, Станиславъ Станиславовичъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Жолкѣвскому, — попомни Бога и душу твою!

И всѣ послы вышли изъ шатра и слышали, какъ паны-сенаторы посылали имъ вслѣдъ проклятія, ругательства и ѣдкія насмѣшки...

На другое утро, спозаранокъ, загремѣли, зарокотали пушки на королевскихъ окопахъ; клубы бѣлаго пороховаго дыма высоко поднялись въ воздухѣ и надолго скрыли отъ глазъ русскихъ людей твердыни Смоленска. Но и сквозь это облако сверкали молніи отвѣтныхъ пушечныхъ выстрѣловъ со смоленскихъ стѣнъ: не унывали смольняне, не молчали ихъ пушки и пищали. Всѣ русскіе люди, до единаго, вышли взглянуть на борьбу русскаго города съ лютымъ врагомъ: всѣ, съ замираніемъ сердца, съ лихорадочнымъ ожиданіемъ и волненіемъ слѣдили молча за каждымъ явленіемъ этой борьбы. Одинъ Измайловъ, все еще больной и слабый, остался въ своемъ шатрѣ, опустился на колѣни передъ иконою, хотѣлъ молиться и не могъ — и стоялъ нѣмой, подавленный, тревожный... Ныло въ немъ сердце и сила неудержимая влекла его туда, гдѣ на стѣнахъ умирали братья, гдѣ лилась родная кровь, гдѣ бушевалъ грозный пиръ смерти!

— Боже! Боже! шептали его уста. — пощади ихъ, пощади... пощади!

И онъ не могъ припомнить никакой иной молитвы.

Вдругъ что-то дрогнуло, словно земля затряслась... Раздался страшный ударъ, на мгновеніе покрывшій грохотомъ своимъ громъ пальбы, а затѣмъ какой-то неясный гулъ, и яростный, несмолкаемый ревъ многихъ тысячъ голосовъ— ревъ торжества, ревъ злобной радости — кликъ побѣды! Петръ Феодоровичъ слышалъ, какъ въ толпѣ посольскихъ людей всѣ разомъ ахнули, словно вздохнули одною грудью... И вдругъ потомъ всѣ разомъ заговорили:

— Подкопъ взорвали, окаянные... Башня рухнула!.. И изъ стѣны звено большое высадило!.. Господи! Упокой души братьевъ!

— Смотрите! вонъ, вонъ! На приступъ двинулись... Ишь лѣзутъ!

Ишь. какъ мураши кишатъ въ проломѣ, проклятые!.. Ишь ревутъ!.. Прощай, батюшка Смоленскъ-городъ!*

Измайловъ ницъ упалъ на землю, шепча и повторяя все тѣ же слова какой-то невѣдомой, безсознательной молитвы... Страшная боль въ сердцѣ на минуту сковала его уста... Схватясь рукою за грудь, онъ силился подняться съ земли, силился осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ... Но въ глазахъ у него потемнѣло, звуки рѣчей слились въ безсвязный гулъ въ ушахъ его. Черезъ минуту онъ ничего уже не могъ разслышать среди грома выстрѣловъ, среди возгласовъ и рѣчей, которые слышались около ставки...

Онъ не слыхалъ уже, какъ изъ гула неясныхъ голосовъ вдругъ, словно рѣзкая воинская труба, выдѣлился голосъ Томилы-Луговскаго.

— Погнали, братцы! Смольняне гонятъ ляховъ! Ляховъ бьютъ въ проломѣ! Бьютъ — гонятъ!

И торжество, и радость звучали въ каждомъ его словѣ.

— Бьютъ, гонятъ! Какъ горохъ изъ мѣшка посыпали! заговорили всѣ разомъ. — Что, чай, не сладко пришлось!

И крики около шатра звучатъ все громче, все радостнѣе... Всѣ говорятъ разомъ, перебивая другъ друга:

— Въ третій разъ въ проломъ полѣзли, дьяволы!.. Да нѣтъ, — неймется. Вали назадъ... Ай-да, господа смольняне!.. Гдѣ ляхамъ совладать!

— Наша беретъ! Наша беретъ!.. Бьютъ ляховъ, гонятъ! Отбой трубятъ! Попятили враговъ!

И черезъ минуту Мезецкій уже вошелъ въ шатеръ къ Измайлову, съ доброю вѣстью:

— Петръ Өеодоровичъ! Попятили враговъ! Устоялъ Смоленскъ!

Измайловъ лежалъ недвижно на землѣ, распростертый передъ своимъ походнымъ складнемъ и не отзываясь ни звукомъ на радостную вѣсть... Когда Мезецкій поднялъ его — взоръ его уже потухъ, сердце не билось... Онъ не дождался радостной вѣсти о томъ, что Смоленскъ устоялъ на этотъ разъ отъ натиска враговъ и далъ имъ суровый отпоръ...

VI.

Любовь сильнѣе страха.

Въ то время, когда въ русскомъ посольскомъ станѣ русскіе люди сокрушались, волновались и радовались, слѣдя за ходомъ борьбы смольнянъ съ польскими и литовскими людьми, въ одномъ изъ шатровъ польскаго лагеря происходило довольно странное явленіе.

А Ф Маркса

А Ф Маркса

Красивая, стройная, молодая дѣвушка, при помощи своей мамы, пожилой женщины лѣтъ сорока-пяти, переодѣвалась въ мужское платье не то русскаго, не то польскаго покроя, и торопилась окончаніемъ своего страннаго переодѣванья. Ея толстая, роскошная коса была обмотана около шеи и спущена сзади подъ воротъ рубахи: переднія пряди волосъ подстрижены и спущены наподобіе обычной мужской стрижки; полная дѣвичья грудь скрыта подъ складками широкой чуги и подтянута пестрымъ шелковымъ кушакомъ. Оставалось только прикрыть голову шапочкой съ мѣховымъ околышемъ да накинуть на плечи польскій кобенякъ съ откиднымъ куколемъ и длинными рукавами... Дѣвушка взяла въ руки шапочку и вдругъ задумалась о чемъ-то, задумалась глубоко, и въ раздумьи присѣла на лавочку, около своей дорожной кровати...

— Ну, что же ты, голубушка? обратилась къ ней ея мама.— То спѣшила, изъ рукъ у меня все рвала, дохнуть мнѣ не давала... А то раздумалась?..

Дѣвушка молчала, опустивъ глаза въ землю, и молча перебирала въ рукахъ шапочку.

— Юльянушка! Да слышишь-ли ты, что я тебѣ говорю? продолжала мама.— Вѣдь ужь коли задумала ѣхать, такъ поѣзжай, пока батюшка не вернулся... А ждемъ мы его съ часа на часъ.

— Погоди, дай собраться съ мыслями! Дай съ собой совладать! отвѣчала мамѣ Юліанія.— Вѣдь ужь съ батюшкой на вѣкъ порвать — на вѣки-вѣковъ... Вѣдь ужь ворогомъ ему стать... Проклянетъ онъ меня! И подумать страшно...

Мама вздохнула глубоко и покачала головой, устремляя на свою дорогую питомицу взглядъ, полный состраданія.

— Тяжка клятва родительская, продолжала Юліанія, и нѣтъ счастья тѣмъ, кто подъ этою клятвою живетъ!.. Да изныла и душа-то моя здѣсь на смоленскія стѣны глядючи, да что ни день думаючи, какъ мой Арсеній на нихъ свою кровь точитъ да по мнѣ горючія слезы льетъ, посылая вдаль горькія жалобы на измѣну суженой!.. Клялась вѣдь я ему,— пойми ты, мамушка,— клялась я ему всѣми клятвами, что буду его женою, что пробьюсь къ нему въ Смоленскъ, когда онъ будетъ въ осадѣ сидѣть!.. И какъ же обману я его? Какъ я эти клятвы забуду? Онъ, можетъ и теперь, послѣ сегодняшняго приступа, лежитъ гдѣ-нибудь безъ призора, раненый... умирающій... и нѣтъ руки нѣжной, нѣтъ около него сердца любящаго... Некому и уста его горячія водой омочить, некому и ранъ омыть на его тѣлѣ... Некому...

Голосъ молодой дѣвушки оборвался и она закрыла лицо руками.

— Да ну, полно же, голубушка! утѣшала ее мама.—Ну, вѣдь, порѣшила, такъ и дѣйствуй—сама знаешь, я тебѣ въ томъ не помѣха, хоть и жизнь мнѣ будетъ не въ жизнь безъ тебя... Да только ужь не мѣшкай! Темнѣетъ, вишь, на дворѣ-то... А вѣдь тебѣ окольный путь не близокъ!

Юліанія отерла слезы и поднялась съ лавочки.

— Мамушка, голубушка! заговорила она нѣжно, обвивъ руками шею мамы.—Ты меня безъ матери вскормила, взлелѣяла, выростила... Я тебѣ, что дочь родная! Знаешь ты и сердце батюшкино, умѣешь ты его ласкою обойти, утолить его гнѣвъ, утишить... Сохрани, обереги меня отъ страшной клятвы родительской!.. Скажи ему, что и по немъ моя душа болитъ, и къ Арсенію меня сила тянетъ неодолимая... Не могу я бороться съ нею... Все мнѣ его голосъ слышится, все его слезы горючія мнѣ на сердце калеными стрѣлами падаютъ. Хоть въ гробъ съ нимъ лечь—не то что въ брачное ложе — и то для меня отрада... Такъ и скажи,—и благослови, благослови меня!

Юліанія упала на колѣни передъ мамою.

— Богъ тебя благословитъ и избавитъ отъ всякихъ напастей, Юльянушка! Онъ, Милосердый, и доведетъ тебя до твоего суженаго!

И она нѣжно обняла и поцѣловала Юліанію. И вдругъ опять засуетилась.

— Что же это мы съ тобой замѣшкались, Юльянушка! Вѣдь тебя Сидорка и ждать такъ-то не станетъ!.. Скоро зорю бить станутъ въ окопахъ: тогда ужь никого изъ стана не выпустятъ!

И она схватила кобенякъ съ лавки, накинула его на плечи Юліаніи и, подавая ей шапку, крикнула громко:

— Сидорка! А Сидорка!

Пола войлочнаго шатра откинулась и въ нее, нагнувшись, вошелъ высокій и крѣпкій старикъ, лѣтъ шестидесяти, въ сѣромъ, сермяжномъ кафтанѣ, надѣтомъ поверхъ кольчужнаго доспѣха. Сабля болталась у него на поясѣ, широкій бухарскій ножъ былъ привѣшенъ спереди на цѣпочкѣ. Сидорка, войдя въ шатеръ, снялъ съ головы колпакъ, перекрестился на иконы и стоялъ въ ожиданіи приказаній.

— Ну, Сидорушка! обратилась къ нему мама.—Цѣлуй мнѣ крестъ, что ты боярышню довезешь, куда тебѣ указано, и въ тѣ самыя руки сдашь, въ какія тебѣ сдать повелѣно.

Сидорка молча полѣзъ за пазуху, вынувъ изъ-за ворота рубахи потемнѣвшій деревянный крестъ-тѣльникъ, и поцѣловалъ его, приговаривая:

— Крестъ цѣлую на томъ, что все по твоему приказу исполню. Только ужь, матушка, ты у меня одна оборона: не подведи меня подъ отвѣтъ у боярина.

— И я тебѣ на этомъ крестъ цѣлую... Я вотъ тебѣ душу мою отдаю на храненіе... Помни, въ случаѣ бѣды какой, костьми долженъ ты лечь съ товарищами, а боярышню не выдать!..

И мама подвела Юліанію къ Сидоркѣ, который окинулъ боярышню взглядомъ, съ головы до ногъ, и улыбнулся:

— Какъ есть добрый молодецъ! добродушно замѣтилъ онъ.—Ни одному ляху невдомекъ будетъ, что веземъ изъ ихъ стана боярышню... Только одно и не ладно...

— Что? Что такое? тревожно освѣдомилась мама.

— А кто же, матушка, по нынѣшнему времени, да безъ всякаго запаса въ путь поѣдетъ?.. Надо бы боярышнѣ хоть польскую шаблюку на бокъ привѣсить...

Мама поспѣшно бросилась въ другую половину боярскаго шатра, гдѣ помѣщалась опочивальня боярина, отца Юліаніи, и воротилась оттуда, неся въ рукахъ кривую саблю въ богатой оправѣ. При помощи Сидорки, она прицѣпила саблю на поясѣ Юліаніи, еще разъ поцѣловалась съ нею на порогѣ шатра и вывела ее на небольшой дворикъ, обнесенный плетнемъ, въ которомъ помѣщалась служня боярина. Двое слугъ держали за плетнемъ двухъ осѣдланныхъ коней и подали стремя боярышнѣ, которая ловко вскочила въ сѣдло и, собравъ поводья, нагнулась съ сѣдла къ мамѣ:

— Помолись за меня! шепнула она, трогая коня съ мѣста.

Вслѣдъ за нею, мелкою рысцою затрусилъ и Сидорка, позвякивая своею тяжелою саблею.

Густая мгла зимняго вечера уже окутала польскій станъ; уже давно замерцали огоньки въ землянкахъ, шалашахъ и шатрахъ, вмѣщавшихъ въ себѣ польско-литовское войско; уже близокъ былъ часъ той вечерней молитвы, послѣ которой никто не могъ ни войти въ станъ, ни выйти изъ него, когда наши путники благополучно выбрались изъ окоповъ въ чистое поле.

— Куда Богъ несетъ? опросили ихъ казаки, оберегавшіе выѣздъ изъ заставы.

— Въ Ворониху слободу, отъ гетмана Станислава Стани-

славича, съ вѣстями къ князю Хворостинину посланы! отвѣчалъ Сидорка.

— Съ Богомъ,—скатертью дорога!

— Спасибо на добромъ словѣ.

И путники припустили рысью по дорогѣ, темною полосою пролегавшей въ бѣломъ снѣжномъ полѣ, уже окутанномъ вечернею мглою.

На ближайшемъ перекресткѣ ихъ поджидали два всадника, окутанные въ такіе же кобеняки, какъ и тотъ, что надѣтъ былъ на боярышнѣ.

Юліанія боязливо окинула ихъ взглядомъ и шепотомъ спросила, наклоняясь къ Сидоркѣ:

— Кто эти люди?

— Не бойся, боярышня,—это свои! Выѣзжіе изъ Смоленска отъ Арсенія Петровича высланы...

Во время этой бесѣды, они поровнялись съ переднимъ изъ двухъ всадниковъ, видимо ожидавшихъ кого-то на перекресткѣ.

— Матерь Божія Смоленская! произнесъ незнакомый всадникъ, обращаясь къ Сидоркѣ.

— Оградушка вселенская! отвѣчалъ Сидорка.—Значитъ свои...

— Живъ-ли, здравъ-ли Арсеній... Петровичъ? обратилась Юліанія къ смольнянину.

— По самый день приступа былъ и живъ, и здравъ... Самъ насъ и послалъ проводить тебя, буде къ нему ѣхать захочешь... А послѣ нынѣшняго приступа—кто знаетъ? Въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ; а Арсеній-то Петровичъ не изъ тѣхъ, чтобы отъ врага прятались...

Юліанія хотѣла еще поразспросить смольнянина о своемъ женихѣ, но Сидорка обратился къ нему съ вопросомъ:

— А чистъ-ли путь-то нашъ?

— Да коли прямо ѣхать (путь теперь—и всего шесть верстъ по берегу), такъ тутъ, пожалуй, и не сносить намъ головы... Отряды рыщутъ полѣскіе по тѣмъ мѣстамъ, разъѣзды всякіе конные... А мы объѣздомъ, хоть и дадимъ, пожалуй, верстъ съ десятокъ крюку, за то прямёхонько проѣдемъ перелѣскомъ къ устью тайника, которымъ изъ Смоленска вылазные люди ходятъ. Да только чуръ: уговоръ дороже денегъ... Ежели за нами погоня какая будетъ, или встрѣча недобрая—ты, съ товарищемъ Остафьемъ Бриловымъ, отпоръ давайте врагу, бейтесь съ нимъ, а я съ боярышнею на утекъ...

— Слышимъ-ста, вѣстимо! отвѣчали смольнянину въ одинъ голосъ Сидорка и Остафій.

— Да и то еще помните: кто бы васъ о чемъ ни спрашивалъ,— по-русски-ли, по-польски-ли,— я одинъ отвѣтъ держать буду... И оба на меня смотрите, что я дѣлать стану—то и вы.

— Да ладно, ладно, Егоръ Васильевичъ! Помогай тебѣ Богъ провезти боярышню!

И послѣ этой бесѣды всѣ они молча двинулись вправо отъ дороги, къ перелѣску, который темною полосою пересѣкалъ вдали широко раскинувшееся гладкое поле.

Сердце Юліаніи то сильно, порывисто билось, то на мгновеніе замирало въ ея груди. Тревожныя думы объ Арсеніи, страшныя опасенія недоброй, внезапной встрѣчи съ врагомъ, страхъ смерти и страданій, страхъ позора—все это одновременно волновало душу молодой дѣвушки и невольно заставляло ее трепетать...

Но впереди, далекимъ, привѣтливымъ огонькомъ, мелькало передъ нею свиданіе съ милымъ, съ дорогимъ женихомъ, съ избранникомъ ея сердца,—и трепетное чувство ожиданія этой встрѣчи подавляло страхъ передъ тѣмъ невѣдомымъ, туманнымъ грядущимъ, которое на нее наступало и отвсюду ее обхватывало...

Вдругъ, Егоръ Васильевичъ осадилъ коня и, привставъ на стременахъ, воззрился въ опушку перелѣска, къ которой они приближались.

— Что тамъ сверкнуло? сказалъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ Сидоркѣ и рукоятью плети указывая на кусты опушки.

— Чай, волки! отвѣчалъ старикъ, всматриваясь въ даль по указанному направленію.

— Нѣтъ, это не волки—это огонь высѣкаютъ кресаломъ... На пути у насъ засада.

— Какъ же быть, Егоръ Васильевичъ? тревожно опросилъ Сидорка.

— Двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать. Ѣдемъ...

И онъ смѣло тронулъ впередъ коня. Сердце такъ замерло въ груди Юліаніи, что она сама не понимала всего происходившаго кругомъ ея. Вмѣстѣ со своими спутниками, она двинулась къ опушкѣ—и вдругъ двѣ высокія фигуры польскихъ жолнеровъ словно выросли о-бокъ узкой лѣсной дороги и скрестили длинныя копья, загораживая дорогу.

— Кто ѣдетъ? гаркнулъ одинъ изъ нихъ громко, по-польски.

Нѣсколько другихъ темныхъ фигуръ закопошились кругомъ въ кустахъ, поднимаясь съ земли и брякая оружіемъ.

— Панъ Хлумицкій ѣдетъ по королевскому приказу подъ стѣны Смоленска, языка ловить! смѣло отвѣчалъ Егоръ Васильевичъ, по-польски, указывая на Юліанію.

— Никого пропускать здѣсь не велѣно, и если панъ не покажетъ намъ приказа, не пропустимъ.

— Извольте, панъ жолнеръ! Сейчасъ покажемъ вамъ приказъ! спѣшно отвѣчалъ Егоръ Васильевичъ и сталъ рыться подъ кобенякомъ.

Юліанія и оба спутника ея замерли въ ожиданіи, слѣдя внимательно за каждымъ движеніемъ Егора Васильевича. Они помнили уговоръ.

— Вотъ и приказъ, панъ жолнеръ! вдругъ проговорилъ смольнянинъ, выхватывая пистолетъ изъ-подъ кобеняка.

Раздался выстрѣлъ — и одинъ изъ жолнеровъ со стономъ рухнулъ на снѣгъ.

— Руби ихъ! крикнулъ громовымъ голосомъ Егоръ Васильевичъ, выхватывая саблю и нанося ударъ другому жолнеру, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ прійти въ себя отъ неожиданнаго выстрѣла.

— Держи, держи ихъ! Злапай! закричали ляхи.

Но было поздно. Спутники Егора обнажили сабли и, рубясь направо и налѣво, кругомъ Юліаніи, пустили вскачь коней, увлекая за собою коня боярышни.

Позади раздались выстрѣлы. Пули засвистали надъ головами всадниковъ, ломая съ трескомъ тонкія вѣтви.

— Охъ, голубчики—смерть моя! застоналъ Сидорка, бросая поводья и склоняясь на шею коня, который вдругъ всталъ, какъ вкопаный, на дорогѣ.

— Не покидайте, не покидайте его! вскрикнула въ ужасѣ Юліанія, обращаясь къ Егору Васильевичу.

— Не до него намъ, боярышня! грозно крикнулъ смольнянинъ и еще сильнѣе наддалъ впередъ въ бѣшеной скачкѣ, не выпуская изъ руки поводья ея коня.—Держись въ сѣдлѣ крѣпче — дай Богъ скорѣе ускакать отъ ихъ пищалей!

И Юліанія, въ рядъ со своими спутниками-смольнянами, мигомъ нырнула въ чащу, уносимая конемъ отъ разсвирѣпѣвшихъ ляховъ, которые съ криками торжества и съ яростной руганью набѣгали въ это время на смертельно-раненаго Сидорку...

— Спаси Богъ боярышню! шептали между тѣмъ нѣмѣющія уста стараго и вѣрнаго слуги, который видѣлъ смерть уже не за горами— а за плечами...

VII.

Приступъ.

Весна красная пришла и минула — яркая, блистающая солнцемъ и зеленью, благоухающая цвѣтами и травами, полная звуковъ и пѣсенъ перелетнаго пернатаго міра; на мѣсто весны ужь и лѣто пришло, жаркое-прежаркое... А Смоленскъ все стоялъ, все держался, все такъ же отстрѣливался изъ своего тяжелаго крѣпостнаго наряда, все такъ же грозилъ врагу съ высокихъ башенъ и зубчатыхъ стѣнъ сильно порѣдѣвшими, но все же мужественными и бодрыми дружинами сидѣльцевъ, стрѣльцовъ и охотниковъ.

Наступило второе іюня, 1611 годъ. Въ этотъ день Арсенію Петровичу Измайлову (который уже около двухъ мѣсяцевъ жилъ въ Смоленскѣ со своею молодою женою) съ самаго ранняго утра почти не пришлось сходить со стѣны. Истомился онъ страшно, тѣмъ болѣе, что іюньское солнце жгло немилосердно и накаливало зубцы и башни широкаго стѣннаго раската словно каменку. Къ пушкамъ, къ пищалямъ, къ желѣзнымъ и каменнымъ ядрамъ, кучками сложеннымъ около орудій, прикоснуться было невозможно. А хлопоть у Арсенія Петровича было не мало: воеводы смоленскіе, бояринъ Шеинъ да князь Горчаковъ, поручили ему осмотрѣть всѣ поврежденія въ башняхъ и воротахъ сѣверной стѣны города и принять надлежащія мѣры къ ихъ скорой и исправной починкѣ. И вотъ, съ самаго ранняго утра до поздняго вечера, не присаживаясь, обходилъ Измайловъ стѣны, башни и ворота и всюду указывалъ каменному и плотничныхъ дѣлъ мастеру, что гдѣ слѣдуетъ поновить, что и какъ приладить и какъ зачинить.

Солнце уже собиралось садиться за лѣсъ, когда, отдавши послѣднія приказанія, Арсеній Петровичъ направился домой, въ Пятницкій конецъ, гдѣ у него, почти около самыхъ Пятницкихъ воротъ, былъ свой уютный домикъ съ порядочнымъ садикомъ и огородомъ.

Еще издали, подходя къ дому, онъ увидѣлъ, что Юліанія поджидаетъ его у калитки.

— Ну, Арсеній, всѣ-то глаза я проглядѣла, тебя ожидаючи! Гдѣ ты это запропалъ? Чай усталъ, изморился! Пойдемъ скорѣе, тамъ ужь и ужинъ на столѣ.

— И точно умаялся, голубка моя! отвѣчалъ женѣ Арсеній, съ самодовольною улыбкою поглядывая на Юліанію, которая въ замужествѣ еще краше, еще виднѣе стала.

— Ну, что ты такъ на меня смотришь? спрашивала Арсенія

Юліанія, отлично понимавшая значеніе его взгляда. — Аль я тебѣ за два мѣсяца еще надоѣсть не успѣла? Не наглядѣлся?

— И не нагляжусь, женушка! И умирать стану, все такъ же въ очи тебѣ смотрѣть буду! сказалъ Арсеній, крѣпко обнимая и цѣлуя жену.

— Да ну, полно цѣловаться-то, право! Сдѣвай скорѣе съ себя саблю, распоясывайся — и кафтанъ долой! Батюшки, святители небесные! Да на тебѣ сухой нитки нѣтъ... Тамъ, въ опочивальнѣ, тебѣ вся перемѣна чистая готова. Ступай, передѣнься, мой желанный!

И она поспѣшно, ловко и нѣжно разоблачала мужа, все вѣшая и укладывая на мѣсто, на случай ночной тревоги, и, когда спровадила его въ опочивальню, побѣжала на кухню торопить съ ужиномъ.

Все поспѣло у Юліаніи мигомъ, и черезъ четверть часа ея супругъ уже сидѣлъ около нея за столомъ, чистенькій, гладко причесаный, и съ большимъ удовольствіемъ уписывалъ бараній бокъ съ кашей, запивая его превосходнымъ холоднымъ ячменнымъ квасомъ. А Юліанія, ни на минуту не спуская съ него глазъ, то подавала ему приправу къ кушанью, то подливала холоднаго питья изъ жбана въ братину, то подносила ему расшитую ширинку утереть «уста сахарныя».

— Ну, вотъ и сытъ! Вотъ и слава Богу! весело сказалъ Арсеній, поднимаясь изъ-за стола и крестясь на иконы. — «Слава Богу на небѣ и хозяюшкѣ домовитой слава же»!

И онъ притянулъ къ себѣ жену и поцѣловалъ ее еще и еще разъ.

— Говорятъ: хозяюшка во дому, что олашенька во меду! А я скажу: хозяинъ во дому, что Адамъ во раю, при такой-то женушкѣ, какъ ты, Ульянушка!

— Ну, полно, полно! Тебя до вторыхъ пѣтуховъ не переслушаешь, какъ ты меня хвалить начнешь! А тебѣ давно ужь и спать пора... Того и гляди, опять ни свѣтъ, ни заря поднимутъ...

— Дай побыть съ тобою, понѣжиться, радость моя!.. Цѣлый-то день тебя не видалъ—соскучился...

— А я-то по тебѣ? Ты думаешь не тоже? Ужь чего-чего я тутъ ни передумала, чего ни перебрала... И по сосѣдству ходила, соль недужнымъ раздавала... Терешихѣ для мужа солонины снесла. Вездѣ въ соли такая нужа, ни у кого ея нѣтъ... И у насъ, голубчикъ, къ концу идетъ!..

— Ну, да не вѣкъ же станетъ Жигимонтъ насъ въ осадѣ держать! Когда-нибудь сломитъ же себѣ рога!

Юліанія вздохнула и покачала головой; потомъ, видимо не желая

затѣвать разговора объ осадѣ, она поднялась съ лавки и стала быстро сбирать со стола, приговаривая:

— Ну, ну, ступай! Ложись, пока время есть, пока ляхи спятъ, да ихъ пушки проклятыя молчатъ... А я все мигомъ приберу и тебѣ съ погребицы свѣжаго кваску принесу...

И она порхнула въ сѣни, а Арсеній посмотрѣлъ ей въ слѣдъ съ любовью и нѣжной лаской и ушелъ въ опочивальню.

Окно въ опочивальнѣ было открыто въ садъ; вѣтки густыхъ кустовъ сирени такъ и лѣзли черезъ него въ комнату, внося въ нее ароматъ лѣтней ночи и таинственный шепотъ листьевъ. Изъ сада тянуло нѣгой и прохладой. Арсенію было такъ хорошо, такъ уютно у него было на сердцѣ, такъ тепло, что когда онъ, утомленный трудами цѣлаго дня, опустился на свое свѣжее, чистое, мягкое супружеское ложе и коснулся головою подушки, имъ сразу овладѣла сладкая истома... Чудное ощущеніе наступившаго покоя разлилось по всему его тѣлу, и молодой, богатырскій сонъ такъ быстро одолѣлъ его, что онъ уже храпѣлъ, когда Юліанія, вернувшись съ погребицы, входила въ сосѣднюю комнату. Она сняла сапожки, въ однихъ чулкахъ, на цыпочкахъ, подошла къ постели мужа, заботливою рукой отстегнула воротъ его рубахи, оправила изголовье и, тихо-тихо наклонившись надъ Арсеніемъ, поцѣловала его въ лобъ. Полюбовавшись имъ, она сбиралась и сама ложиться, какъ вдругъ услышала, что кто-то хлопнулъ калиткою на дворѣ и чьи-то мужскіе шаги послышались въ сѣняхъ.

— Ахъ, батюшки, опять ужь кто-нибудь къ нему! спохватилась Юліанія. — Опять разбудятъ — не дадутъ и отдохнуть порядкомъ! Что это за напасти!

Поспѣшно накинувъ на плечи тѣлогрѣю, она побѣжала къ дверямъ и на порогѣ лицомъ къ лицу столкнулась съ воротникомъ Вавилой Скрябинымъ.

— Мнѣ бы Арсенія Петровича, забасилъ Вавила, переступая черезъ порогъ своимъ громаднымъ сапожищемъ.

— Тсс! Тише! Что ты горланишь!.. Онъ только-что уснулъ... Измаялся весь день-деньской...

— Какъ не измаяться, матушка! зашепталъ Вавила, прислушиваясь къ громкому храпу Арсенія. — Весь день мы его на стѣнѣ видѣли... Да только все же надо бы ему сказать... этакое... оно... тово... нужное...

— Да говори!.. Я сама скажу ему, какъ встанетъ онъ... Дай отдохнуть-то ему! чуть не упрашивала Юліанія.

— И радъ бы... да тутъ перебѣжчикъ объявился одинъ... сказываетъ: ляхи ужь второй день къ приступу готовятся... Лѣстницы припасаютъ, мѣшки пескомъ набиваютъ — это значитъ ровъ засыпать... Какъ бы не...

— Ну, ужь такъ непремѣнно сегодня и на стѣну полѣзли! Что выдумалъ! Готовятся!.. Да они ужь не разъ готовились, да несолоно хлебавши отъѣзжали... Ступай, ступай! Если проснется, такъ скажу.

— Ну, воля твоя, матушка! Оно, конечно, можетъ-быть, и пронесетъ Господь... А все же... Ну, да авось либо... Прощенья просимъ.

И Вавила, улыбаясь своею широкою, добродушною улыбкою, легонько толкнулъ дверь и переступилъ въ сѣни, нагнувши голову.

«Слава Богу, спровадила!» радостно подумала Юліанія и пошла въ опочивальню. Подошла къ кровати, взглянула на Арсенія, который широко раскинулся на постели, распустивъ по груди русую бороду и разметавъ кудри по изголовью, и присѣла на самый краешекъ кровати. Ей не хотѣлось спать, не хотѣлось раздѣваться и ложиться: ей надо было только, чтобы онъ спалъ и выспался и отдохнулъ отъ своихъ трудовъ, и всталъ бы по-утру бодрый и веселый... Долго-ли такъ просидѣла Юліанія — она и сама не знала: знала только, что давно уже у нея не было такъ ясно на сердцѣ, давно она въ такой степени не наслаждалась тишиною и покоемъ. Кругомъ было такъ тихо, такъ тихо, что, кажется, даже вѣтерокъ притаилъ дыханіе, даже листья перестали шелестить въ саду... Только гдѣ-то далеко, въ чащѣ сосѣдняго сада, щелкалъ соловей; но эти звуки не нарушали, а какъ будто дополняли тишину заснувшей природы и замолкнувшаго города.

Но что это? Ужь не во снѣ-ли ей чудится? Не задремала-ли она грѣшнымъ дѣломъ?.. Нѣтъ! Это голоса людей вдали! Это знакомый шумъ сполоха... А вотъ и колоколъ сполошный ударилъ, и другой, и третій — и завыли, загудѣли они по всей западной стѣнѣ! Не прошло и нѣсколькихъ мгновеній, какъ варомъ заварилъ весь городъ... Топотъ скачущихъ коней, звяканье и бряцанье оружія, шумъ толпы, бѣгущей мимо дома, и крики, громкіе, неистовые крики наполняли, казалось, весь городъ и широкою волною ворвались въ тихій, мирный уголокъ опочивальни, гдѣ Арсеній спалъ все такъ же крѣпко и такъ же сладко подъ охраною вѣрной жены.

Она вскочила и заметалась по комнатѣ, снося къ его постели одежду и доспѣхъ. На дворѣ тревога, суета, стучатъ въ ворота, прислуга поднялась, кричатъ, зовутъ...

А онъ все спитъ—и ничего не слышитъ! И ей такъ невообразимо жаль его: такъ не хочется будить его! А крики громче, громче, и вдругъ ударило изъ пушки... Другая, третья—и затрещалъ мушкетный огонь!

Знакомый звукъ сразу поднялъ Арсенія на ноги. Онъ быстро вскочилъ съ постели, встряхнулъ кудрями и посмотрѣлъ въ глаза Юліаніи.

— Приступъ! Приступъ! Ляхи на стѣнѣ! Вали къ Сторожевой башнѣ!.. Нѣтъ, братцы, къ Лучинской, къ Городецкой!.. вопили голоса на улицѣ.

— Одѣвай доспѣхъ! Все готово! говорила Юліанія мужу, стараясь казаться спокойною; но руки ея трясутся, когда она подаетъ ему кольчужную рубаху и тяжелый шеломъ съ выдвижною стрѣлкою. Вотъ онъ одѣтъ и вооруженъ, вотъ крестится на иконы и хочетъ обнять, поцѣловать ее... Но Юліанія увертывается и говоритъ ему твердо:

— Ступай! Я за тобою слѣдомъ!

И чуть только онъ очутился въ сѣняхъ, она хватаетъ со стѣны благословенныя иконы, тушитъ лампаду, и съ иконами въ рукахъ спѣшитъ за мужемъ, который бѣгомъ бѣжитъ къ той круглой башнѣ, что у Еленскихъ воротъ, которая ему назначена по росписи, на случай приступа.

Пробраться по улицѣ было не легко... Весь городъ бѣжалъ къ западнымъ стѣнамъ, гдѣ самъ Стефанъ Потоцкій, староста Фелинскій, съ отборною литовскою и нѣмецкою дружиной, уже лѣзъ на приступъ. Бѣжали старики и юноши; скакали вскачь повозки съ бревнами, съ каменьями; перегоняя другъ друга, спѣшили вооруженныя дружины, отражая на доспѣхахъ и шеломахъ кровавый отблескъ красныхъ лучей разсвѣта.

— Вы изъ какихъ? кричитъ передовымъ запыхавшійся сотникъ. — Изъ Введенской полусохи? Аль изъ Воровской?..

— Изъ Воровской.

— Къ Крылатовскимъ ступай! А вы какіе?

— Мы изъ Воскресенской сотни.

— За мной, сюда! Бѣгомъ!

И всѣ, сломя голову, бѣгутъ туда, гдѣ ужъ давно кипитъ кровавый бой, на широкомъ раскатѣ стѣны, гдѣ, подъ завывающій звонъ и гулъ всѣхъ смоленскихъ колоколовъ, подъ несмолкаемые крики, рѣжутся грудь съ грудью смольняне съ поляками и идетъ тотъ страшный, неописанный рукопашный бой, который бойцамъ туманитъ головы, какъ старое розымчивое вино.

— Осади назадъ, дьяволы! Осади! Къ намъ свѣжая подмога идетъ! кричали смольняне, напрягая всѣ силы, чтобы попятить ляховъ.

— Брешишь, пся кревъ! Зостанемыся тутей! Бій ихъ, панове-браты, бій!

И опять все сливается въ одну сплошную массу движущихся рукъ, ногъ, блестящихъ доспѣховъ, сверкающихъ полосъ булата — словно огромный, многоглавый змѣй, покрытый чешуею, крутится и извивается по широкому раскату стѣны, то сжимая, то распуская свои кольца.

— Эй, воскресенцы! Охотнички! Сюда! Примай въ топорики!

— Ого-го! Го-го! Бей, руби, сердешные!.. Ухнемъ! Такъ, такъ, да во-какъ!

И показывая другимъ примѣръ, воскресенскій дьяконъ Микула, мужчина саженнаго роста, хватаетъ поперекъ тѣла дюжаго литвина, взмахиваетъ имъ надъ зубцами стѣны и швыряетъ его съ раската.

— Ай-да Микула! Вотъ такъ Микула!..

— Гнутся ляхи!.. Гони ихъ!.. Попятили!.. Бревномъ, бревномъ наваливай! У-у-у!

И сотни рукъ подхватываютъ тяжелыя бревна, какъ перышко, и катятъ ихъ съ зубцовъ по лѣзущимъ польскимъ ратникамъ. Гнутся и трещатъ лѣстницы, звенятъ разбитые доспѣхи, ломятся вражьи кости подъ доспѣхами, грудой валятся на землю раздавленные люди!.. Вопли, ужасъ, кровь!

Согнали ляховъ и нѣмцевъ со стѣны... Но еще рано торжествовать побѣду! Ихъ дружины наступаютъ вновь густыми рядами, бросая на стѣну зажженныя гранаты... И вдругъ дрогнула стѣна, заколебалась, земля подъ стѣною охнула, словно застонала, дымъ, пыль, каменья, обломки съ страшнымъ грохотомъ взлетѣли вверхъ... Рухнуло внутрь города громадное звено забрала, распространяя ужасъ и трепетъ въ сердцахъ мужественныхъ смольнянъ! Всѣ бѣгутъ врассыпную, сталкиваясь въ густомъ облакѣ пыли и дыма, спотыкаясь на обломки, проваливаясь въ ямы, давя другъ друга. Среди смятенія и тьмы слышно только, какъ громко трубятъ ляхи, подступая къ пролому.

— Пожаръ, пожаръ! Горимъ! раздаются съ другой стороны отчаянные, раздирающіе вопли воиновъ и народа. —Горимъ! Горимъ!

— Ляхи вошли! Ляхи въ городѣ! доносятся съ противоположнаго конца Смоленска крики перепуганныхъ горожанъ.

Ужасъ охватываетъ всѣхъ... Польскія дружины неудержимымъ потокомъ стремятся съ двухъ сторонъ внутрь города. Враги вошли

съ восточной стороны, гдѣ никто не ожидалъ нападенія, и они, втихомолку, перелѣзли черезъ высокій валъ и глубокій ровъ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Казаки, нѣмцы, литва, поляки лѣзутъ въ проломъ и съ запада! Вотъ облѣпили ворота, вотъ разбиваютъ ихъ бревнами и тяжелыми проломными ступами... Еще мигъ—и ихъ побѣдные клики сливаются съ воплями ужаса и отчаянія, съ плачемъ женъ и дѣтей! Но отчаянье придаетъ силы смольнянамъ! Они сбираются въ кучи и строятся густыми рядами около собора; они безумно, неистово рубятся съ врагомъ въ улицахъ, въ садахъ, въ закоулкахъ, заставляя ихъ грудью брать каждый домъ, каждый заборъ, каждую церковь! А пожаръ между тѣмъ все шире и шире разгорается, охватывая полгорода... Неумолимое пламя громаднымъ огненнымъ потокомъ несется вслѣдъ за ожесточенными бойцами, бушуетъ въ тѣсныхъ переулкахъ, стѣсняетъ и смольнянъ, и поляковъ, вынуждаетъ тѣхъ и другихъ къ отступленію! Съ зловѣщимъ шипѣніемъ и свистомъ пламя охватываетъ одно зданіе за другимъ, срываетъ крыши съ домовъ, валитъ стѣны, крушитъ колокольни... Трескъ и грохотъ падающихъ бревенъ, ѣдкій дымъ и пышущій адомъ жаръ преодолѣваютъ и мужество, и отчаяніе... Все бѣжитъ и спасается, все горитъ и гибнетъ.

Только около архіерейскихъ палатъ, на просторной площадкѣ, еще не охваченной пламенемъ, кипитъ отчаянная битва. Здѣсь собралась послѣдняя горсть мужественныхъ защитниковъ города, горсть людей, рѣшившихся дорого продать врагу свою жизнь. Они знаютъ, за что они бьются: въ стѣнахъ и въ подвалахъ архіерейскаго дома укрыты ихъ жены и дѣти, сложены всѣ ихъ богатства: узорочья, товары, вся городская казна; тамъ хранится и годовой запасъ пороховаго зелья... Но множество враговъ уже одолѣваетъ: ужь ляхи торжествуютъ, ужь почти сломили смольнянъ... Они сейчасъ ворвутся и тогда смольнянамъ не устоять!

— Православные! кричитъ кто-то въ толпѣ смольнянъ.—не сдадимся имъ! Умремъ, какъ жили! Зелье въ подвалахъ подпалимъ... Смерть неволи краше!

— Подпалимъ, умремъ! гудятъ въ отвѣтъ сотни голосовъ.

— Сдавайтесь, сдавайтесь! кричали, грозно наступая, поляки.—Сдавайтесь! все равно—ужь городъ нашъ!

— Поближе подходите, гости дорогіе! кричатъ смольняне.—Есть чѣмъ и угостить, и обогрѣть васъ!

— За мной, панове! кричитъ, отчаянно размахивая саблей, толстый и усатый панъ въ красной магеркѣ,—за мной!

И вся его хоругвь разомъ врывается во дворъ архіерейскаго дома, врѣзываясь въ толпу смольнячъ, притиснутыхъ къ самымъ хоромамъ.

— Сдавайтесь, тысенца дьябловъ!

Но въ это мгновеніе что-то страшно грохнуло... Дрогнула и разсѣлась земля, обломки, камни, балки взлетѣли на воздухъ... Еще и еще послѣдовали удары... И стѣны рухнули разомъ, давя людей и заглушая общимъ трескомъ и гуломъ ихъ безсильные, замирающіе вопли... Клубы чернаго дыма и облака непроницаемой пыли тяжелою завѣсою затягиваютъ кровавую картину смерти, гибели и разрушенія, между тѣмъ какъ балки, камни, кирпичи падаютъ сверху и давятъ дрогнувшихъ, бѣгущихъ враговъ, а сосѣдняя башня колеблется на своемъ основаніи... Еще новый, послѣдній, оглушительный взрывъ — и башня обрушается до половины, а вслѣдъ за нею и часть соборной стѣны и паперти. Обломки валятся на обломки, камни на камни! Свѣтопреставленье! И трусъ, и мракъ, и скрежетъ зубовный...

Въ ужасѣ и трепетѣ отпрянувшіе враги, сквозь проломъ соборной стѣны, увидѣли передъ собою дивное зрѣлище: внутри храма, освѣщенныя косыми лучами восходящаго солнца, толпы молящихся женщинъ и дѣтей, поверженныя въ прахъ, и среди нихъ архіепископъ Сергій, въ полномъ облаченіи на амвонѣ. Не смущенный общимъ ужасомъ, онъ торжественно осѣнялъ несчастныхъ Животворящимъ Крестомъ — символомъ искупленія и страданія...

— Стойте, стойте! Довольно крови! кричитъ, размахивая палашомъ, самъ гетманъ Яковъ Потоцкій. Трубить отбой! Тушить пожаръ! Спасайте, кого можно!

И останавливаются воины, и озираются съ невольнымъ ужасомъ на груды труповъ, на бушующее пламя и на разметанныя кругомъ дымящіяся развалины...

VIII.

Диковинный кладъ.

Безобразныя груды каменныхъ обломковъ, цѣлыя горы кирпичей, полуразрушенныя башни, толстыя зубчатыя стѣны, опрокинутыя на эти груды или сброшенныя на землю силою взрыва, и громадное пожарище — вотъ что представлялъ собою Смоленскъ дней пять-шесть спустя послѣ приступа.

Только въ южной и юго-восточной части Смоленска уцѣлѣли и дома отъ пожара, и башни, и стѣны отъ разрушенія; только здѣсь

и сосредоточивалась еще жизнь бывшаго большаго, богатаго и славнаго города. Всѣ остальныя стѣны и башни по сѣверной и западной стѣнѣ были по бо́льшей части или разрушены взрывами, или въ такой степени потрясены ими, что грозили неминуемымъ паденіемъ... Около этихъ стѣнъ во рвахъ и у воротъ, на насыпяхъ и около развалинъ еще такъ много лежало неубранныхъ труповъ, что въ иныхъ мѣстахъ города было не продохнуть отъ тяжелаго трупнаго смрада. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя польскими военачальниками, уборка тѣлъ производилась очень вяло и медленно, и польскіе воины, литва, казаки и панская челядь гораздо охотнѣе занимались въ городѣ грабежомъ и отыскиваніемъ кладовъ, чѣмъ погребеніемъ своихъ убитыхъ товарищей.

Особенно много народу толпилось около одной башни, которая отъ взрыва архіерейскихъ палатъ разсѣлась на-двое до самаго основанія и потомъ рухнула внутрь городской ограды, нагромоздивши огромными глыбами обломки обѣихъ половинъ, придавивъ и засыпавъ ихъ мусоромъ всѣхъ храбрыхъ защитниковъ павшей твердыни. Народъ толпился около самыхъ развалинъ этой башни, потому что ее было приказано разрыть: — въ подвалахъ башни, по указанію одного изъ плѣнниковъ, искали зарытую тамъ часть городской казны... Раскопки вотъ уже третій день производились очень дѣятельно и постоянно привлекали все бо́льшую и бо́льшую толпу зѣвакъ и любопытныхъ, отъ которой приходилось ограждаться густою цѣпью жолнеровъ.

— Ну что? какъ слышно? Добираются-ли до клада? идетъ разговоръ въ пестрой толпѣ горожанъ, казаковъ и крестьянъ, собравшихся въ городъ изъ сосѣднихъ деревень.

— О кладѣ ничего не слыхать... А вотъ разсказываютъ, будто въ первый день, какъ рыть стали, голоса подъ землею были слышны.

— Ну-у?.. Что-жъ это! — какъ? Нездѣшная сила голоситъ? аль, можетъ, не кости-ли убіенныхъ ноютъ?

— Невѣдомо! А только говорили грабари, что слышно было, будто кто голосомъ ведетъ этакъ: у-у-у! Право слово!

— Мудреное дѣло!

— А досель только и сыскали, что семерыхъ затинщиковъ, да двоихъ пушкарей, да двоихъ воротниковъ...

— Вотъ-на! Пищали-то забылъ?

— Да, да! Одну большущую, полуторную — пополамъ переломлена!.. А другую, покороче, съ горелью — цѣликомъ добыли.

— О-го-го-го! Дружно! О-го-го! Сильно! слышатся отъ разва-

линъ голоса рабочихъ, которые разворачиваютъ громадныя каменныя глыбы рычагами, подхватываютъ толстыя слеги полусотней рукъ, и раскатываютъ глыбы въ стороны.

И эти крики вновь заглушаются стукомъ сотни ломовъ, кирокъ и молотковъ.

Между тѣмъ къ мѣсту работъ подходятъ со стороны двое какихъ-то пожилыхъ пановъ, передъ которыми всѣ почтительно сторонятся и снимаютъ шапки. Одинъ изъ нихъ, литовскій маршалокъ, Христофоръ Дорогостайскій, другой—пріѣзжій изъ Варшавы, только наканунѣ прибывшій съ поздравленіями къ королю Сигизмунду-Августу.

— Да! Да! Истинно такъ, панъ Михалъ, говорилъ Дорогостайскій, продолжая начатый разговоръ. — Истинно такъ! Я, старый и опытный воинъ, и видѣлъ кое-что на своемъ вѣку; но мнѣ такая защита и въ голову не приходила. Геройская защита! Изъ исторіи намъ извѣстна еще только одна такая же упорная и мужественная: такъ только Сагунтинцы обороняли противъ римлянъ свой родной городъ. Подумай самъ:—двадцать одинъ мѣсяцъ осады! Да при какихъ условіяхъ! Въ послѣднее время во всемъ городѣ не было и горсти соли, и люди мерли отъ цынги, какъ мухи. А какъ дрались?.. Какъ львы! И потомъ—съ какой рѣшимостью бросались въ огонь! Цѣлыми десятками—попы и монахи впереди всѣхъ. Такъ и кричали намъ: «сгоримъ, а не сдадимся!»

— Вижу, панъ, что враги бываютъ иногда безпристрастнѣе друзей въ своихъ похвалахъ,—замѣтилъ маршалку панъ Михалъ.

— Къ сожалѣнію и не къ чести польскаго рыцарства — врагъ не всегда бываетъ великодушенъ! съ досадою сказалъ Дорогостайскій.

Но маршалокъ былъ прерванъ на полусловѣ громкими криками рабочихъ, которые видимо наткнулись при раскопкахъ на что-то диковинное.

— Что это? спросилъ панъ Михалъ.

— А тоже сокровищъ ищутъ по приказу короля, чортъ побери! проворчалъ маршалокъ.

Но крики не прекращались. Толпа зѣвакъ хлынула туда, увлекая за собою и обоихъ пановъ, которые съ большимъ трудомъ пробились сквозь густую толпу и сквозь живую цѣпь, охранявшую раскопки.

Дорогостайскій подозвалъ къ себѣ офицера, который завѣдывалъ работами, и спросилъ, что отыскали рабочіе.

— Удивительно странный случай! докладывалъ маршалку офицеръ. Рабочіе дорылись до основанія башни, пробили стѣну и

увидали тамъ, почти придавленныхъ сводомъ, молодыхъ какихъ-то: пана и панну! Оба красивые—свѣжіе такіе... Ну, какъ живые лежатъ!

Дорогостайскій заволновался.

— Да, можетъ-быть, они и точно живы!.. Гдѣ это?

И старый воинъ чуть не бѣгомъ пустился къ тому мѣсту, гдѣ рабочіе, сбившись въ кучу, поочередно заглядывали внутрь какого-то темнаго пролома. Дорогостайскій растолкалъ ихъ, опустился на колѣни у пролома и заглянулъ внутрь темной впадины.

Глазамъ его представилось дѣйствительно поразительное зрѣлище. Въ узкой нишѣ, образуемой стѣною башни и ея обрушеннымъ сводомъ, какъ въ каменномъ гробу, лежали рядомъ, плотно прижавшись, два тѣла... Лучи дневнаго свѣта, запавшіе черезъ проломы, давали возможность довольно ясно разсмотрѣть несчастныхъ. Ближе къ свѣту лежалъ рослый и красивый молодой мужчина, съ русыми кудрями, спадавшими ему на лицо, русою бородою, разметанною по широкой груди, прикрытой кольчужною рубашкой. Ножны меча висѣли при бедрѣ его; разбитый и помятый шеломъ валялся около головы. Сильными руками онъ крѣпко прижималъ къ груди своей молодую красивую женщину, одѣтую какъ всѣ зажиточныя смоленскія горожанки. Она правою рукою обвила шею воина, а лѣвою крѣпко придерживала на груди двѣ иконы въ богатыхъ окладахъ. Дорогостайскій отшатнулся назадъ, вскочилъ на ноги и закричалъ рабочимъ:

— Эй, вы! Ломай скорѣе — расчищай проломы, чтобы можно было туда пролѣзть!

— Никакъ нельзя ломать, ясновельможный панъ, вступился одинъ изъ рабочихъ.— Извольте видѣть: этотъ сводъ чуть держится. Начнемъ ломать—онъ можетъ рухнуть, и во-какъ раздавитъ ихъ!..

— Какъ же быть! Какъ ихъ добыть оттуда? горячился Дорогостайскій.

— Да туда, паночку, можно и не ломавши стѣну влѣзть! замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, высокій, худощавый малый.

— Можешь? Влѣзешь? допрашивалъ его маршалокъ.—Такъ полѣзай сейчасъ и посмотри поближе... Живы-ли? Полѣзай — получишь десять злотыхъ!..

Рабочій живо скинулъ съ себя драную свитку, обвязался веревкою около пояса, затѣмъ перекрестился и, опустившись на землю, просунулъ ноги въ дыру.

Вотъ онъ тихо и осторожно сталъ спускаться въ проломъ; вотъ спустился до пояса... Вотъ скрылась и голова его, и только руки

еще держатся за края пролома... Потомъ и руки исчезли. и слышно было, какъ щебень сыплется у него подъ ногами... Всѣ притаили дыханіе и словно замерли въ ожиданіи. Нѣсколько мгновеній прошло въ тягостномъ молчаніи.

— Живы! Живы! вдругъ, словно изъ преисподней. долетѣлъ до нихъ голосъ рабочаго.—Дышатъ еще—еле дышатъ!

— Живы! Дышатъ! радостно воскликнулъ старый маршалокъ.

— Живы! Живы! радостно и громко подхватила собравшаяся кругомъ толпа...

Два часа спустя, послѣ разныхъ попытокъ и усиленной работы, удалось, наконецъ, добыть изъ-подъ развалинъ и молодаго воина, и молодую женщину. Ихъ положили рядышкомъ въ тѣни, подъ уцѣлѣвшею стѣною башни. Врачъ-нѣмецъ, за которымъ Дорогостайскій отправилъ верховаго въ польскій станъ, долго приводилъ ихъ въ чувство, то растирая, то вспрыскивая ихъ холодною водою, то заставляя глотать по каплѣ какую-то жидкость изъ темной склянки...

Но молодая женщина не очнулась: никакія усилія врача не могли вернуть ее къ жизни... Слабое дыханіе ея становилось все менѣе и менѣе замѣтнымъ: легкій оттѣнокъ румянца на щекахъ смѣнился мертвенною блѣдностью и рѣзкій, леденящій холодъ смерти оковалъ ея члены...

— Умерла, шепнулъ нѣмецъ Дорогостайскому по-польски.—И на этого пана тоже плоха надежда, хоть онъ и живъ еще...

Но его удалось привести въ чувство: — онъ открылъ глаза и мутнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ обвелъ кругомъ себя.

— Пить... ради Бога... пить! прошепталъ онъ чуть слышно.

Кто-то поднесъ къ его губамъ кувшинъ съ водою... Несчастный отхлебнулъ два-три глотка, потомъ схватился за грудь... Лицо его изобразило страшную муку—онъ опрокинулся навзничь, глухо простоналъ—и протянулся...

— Не дышитъ... сердце не бьется... все кончено! проговорилъ врачъ-нѣмецъ, обращаясь къ Дорогостайскому.

Вся толпа кругомъ сняла шапки и стала креститься.

— Гдѣ они? Гдѣ? Покажите мнѣ ихъ?.. раздался вдругъ въ толпѣ чей-то раздирающій вопль.

И высокій, сѣдой старикъ-бояринъ пробился впередъ, къ самымъ тѣламъ, отысканнымъ подъ развалинами.

— Дочь моя! Дочь!! воскликнулъ онъ, бросаясь на землю, около молодой женщины.—Юліянія, Юльянушка! Вотъ гдѣ намъ съ тобой пришлось увидѣться!

Изд. А Ф Маркса въ СПб.   ... А Ф Маркса въ СПб.

И онъ, громко рыдая, обвивалъ ея шею руками и цѣловалъ ее въ уста, въ плечи, въ охладѣвшее чело.

— Панъ Туренинъ! съ участіемъ обратился къ нему Дорогостайскій.—Не печалься! То воля Божья!

Туренинъ вдругъ откинулся отъ трупа дочери и съ злобнымъ, нервнымъ смѣхомъ обратился къ Дорогостайскому:

— Воля Божья! проговорилъ онъ. — Нѣтъ, шутить изволишь, панъ! Это кара Божья!.. Это проклятіе! И на всѣхъ васъ, злодѣевъ, вороновъ хищныхъ, и на насъ, предателей, измѣнниковъ!.. За то, что мы вамъ ввѣрились, что мы вамъ продали свою родную землю, какъ Іуда Христа продалъ... Да! Будьте прокляты, будьте...

Старикъ не могъ договорить: слова замерли у него въ гортани... Слезы душили его. Съ громкими, раздирающими воплями онъ упалъ на тѣло дочери, и никто уже не смѣлъ ни приступить къ нему, ни замолвить ему слово утѣшенія.

Дорогостайскій подозвалъ къ себѣ начальника польскихъ жолнеровъ и сказалъ ему:

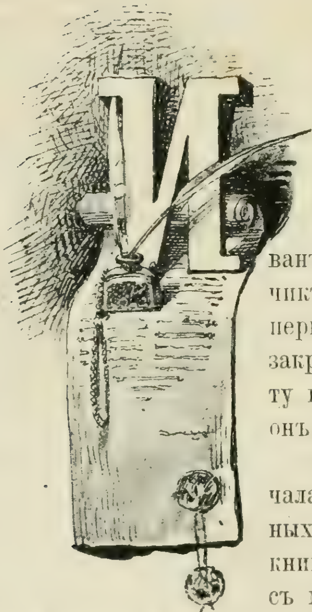
— Панъ капитанъ, я требую, чтобы этихъ двоихъ несчастныхъ вы не разлучали и въ могилѣ... Похороните ихъ вмѣстѣ — и съ воинскими почестями! Я радъ, что могу воздать должное хоть одному изъ нашихъ храбрыхъ враговъ...

И онъ поспѣшно удалился въ лагерь, чтобы не видать этой скорбной юдоли, упитанной слезами столькихъ несчастныхъ, политой кровью столькихъ храбрыхъ!..

Посолъ Государевъ.

Историческій разсказъ.

I.



Иванъ Ѳомичъ Елзевъ, подьячій и переводчикъ Посольскаго Приказа, проснулся съ первыми лучами солнца, какъ только они закрались черезъ узкія слюдяныя оконца въ ту горенку Посольской Палаты, въ которой онъ обычно занимался.

Красноватымъ свѣтомъ обдали лучи сначала уголъ стола, заваленнаго связками пыльныхъ столбцовъ, грудами бумагъ и толстыми книгами въ вѣковыхъ черныхъ переплетахъ съ мѣдными жуками и застежками. Потомъ лучи заиграли на тяжеломъ мѣдномъ шанданѣ съ прорѣзнымъ орломъ и догорѣвшими, оплывшими въ гнѣздахъ желтыми восковыми свѣчами... Потомъ освѣтили и зарумянили бумажный хаосъ, нагроможденный около мѣдной, пузатой чернильницы, и ударили въ самыя очи Ивана Ѳомича, который, какъ склонился головою надъ недописанною грамотой, такъ и проспалъ надъ нею часа три-четыре тяжелымъ, непробуднымъ сномъ крайней истомы...

Проснувшись и поспѣшно протирая глаза, Иванъ Ѳомичъ долго не могъ вполнѣ очнуться и прійти въ себя; долго не могъ вполнѣ сознательно отдѣлить дѣйствительность вчерашняго дня отъ ощущеній и образовъ, навѣянныхъ соннымъ мечтаніемъ. И не мудрено: вчерашній день былъ замѣчательнымъ днемъ въ его жизни. Вчерашній день былъ переполненъ впечатлѣніями диковинными, странными, небывалыми, неожиданными! Онъ и теперь, протирая гла-

А. Ф. Маркса … А. Ф. Маркса …

за и проводя рукою по густымъ, кудрявымъ волосамъ, не могъ еще отдать себѣ отчета: во снѣ или наяву призывали его вчера въ Думу и читали ему царскій указъ:

«Лѣта 7122 Августа въ 7-й день. государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, велѣлъ тебѣ переводчику Ивану Ѳомину сыну Елзеву ѣхати для своего государева дѣла съ грамотою въ гонцѣхъ къ великому государю къ Матьяшу цесарю Римскому. А ѣхати тебѣ на Холмогоры, а съ Холмогоръ моремъ на кораблѣ»...

— «Моремъ! На кораблѣ!» невольно восклицалъ про себя Иванъ Ѳоминъ, и ему живо представлялось. какъ онъ во снѣ плылъ по морю. среди бурныхъ волнъ, вышиною въ кремлевскіе царскіе хоромы и среди страшныхъ, зубастыхъ морскихъ чудовищъ, на которыхъ сидѣли верхами какіе-то старики-водяные, съ зелеными бородами и съ трезубцами въ рукахъ. Невольная дрожь пробирала его при этомъ воспоминаніи. и Иванъ Ѳоминъ, крестясь и зѣвая, шепталъ про себя:

— Съ нами крестная сила! Спаси Господи!

И онъ всѣми силами пытался снова возвратиться отъ сна къ дѣйствительности, внимательно вперяя взоръ въ лежавшую передъ нимъ недоконченную грамоту, которую онъ дописалъ до словъ:

«... И бояре говорили о Степанѣ Ушаковѣ дьяку Семому-Заборовскому: Степанъ-де человѣкъ служилой, а ты сидѣлъ въ Посольскомъ Приказѣ и въ Разрядѣ въ подьячихъ, и ты самъ то вѣдалъ и читалъ, и тебѣ то за обычай, что отвѣтъ ни отъ которыхъ государей ни которымъ посламъ и посланникамъ безъ ихъ государскихъ именъ не ведется, а ты нынѣ такъ своровалъ»...

И какъ разъ на этомъ словѣ «своровалъ» оборвалась нить мыслей Ивана Ѳомича, далеко за полночь засидѣвшагося за грамотою: голова его скатилась на грудь. перо выпало изъ рукъ — и онъ заснулъ въ одно мгновеніе. какъ засыпаетъ обыкновенно сильный, здоровый человѣкъ подъ гнетомъ страшной истомы. Онъ заснулъ; но нить его мыслей продолжала и въ сонномъ видѣніи развиваться изъ своего таинственнаго клубка... Иванъ Ѳомичъ уже видѣлъ себя во снѣ не Иваномъ Елзевымъ. а дьякомъ Семымъ-Заборовскимъ. которому бояре говорили «укоризненныя слова»; и онъ старался передъ ними оправдаться...

— Я-то *своровалъ!* Что вы. господа бояре! Да я весь свой вѣкъ былъ государю вѣрнымъ слугою... а что *отпись* замѣсто грамоты привезъ — и то я учинилъ безхитростно. простотою, а не измѣною и не умышленіемъ...

— Какъ-же *простотою* и не *измѣною*, когда еще вчера при допросахъ запирался, говорилъ, будто цесаревы приставы тебѣ грамоту читать не давали и свою вину утаить хотѣлъ?

— Въ той безхитростной винѣ каюсь... Воленъ въ той винѣ Богъ да государь...

— Вотъ то-то! За ту безхитростную вину мы тебя и приговорили: вывести тебя передъ дворецъ и снемъ рубашку, бить тебя батоги нещадно...

И Иванъ Ѳомичъ съ ужасомъ видитъ во снѣ, какъ его, именно его, а не дьяка Семого, почему-то ведутъ на площадку передъ дворцомъ, среди толпы народа, и съ ужасомъ слышитъ, какъ въ толпѣ народа причитаетъ и плачетъ его жена и малыя дѣтки...

Ивану Ѳомичу кажется, что отъ этого самаго плача онъ и проснулся надъ своей недописанной грамотою, и онъ порадовался отъ души, что не надъ нимъ, а надъ другими стряслась бѣда, что онъ въ дѣлѣ вернувшихся отъ цесаря посланниковъ неповиненъ и что чужая бѣда (какъ и всегда ведется на бѣломъ свѣтѣ) ему даже на пользу служитъ...

И точно! Могъ-ли онъ думать, еще съ полгода назадъ, что и его тоже пошлютъ за море, что и онъ тоже увидитъ «Европскія» страны, и города тамошніе, и нóровъ, и обычай; что онъ тоже явится отъ великаго государя московскаго предъ лицо его пресвѣтлаго цесарскаго величества!.. Что и его тоже будутъ принимать съ шумомъ и блескомъ, съ трубнымъ гласомъ и «мусикою»; что и его будутъ угощать и дарить богатыми дарами!

Въ сосѣдней комнатѣ боевые часы звонко и голосисто стали бить, отбивая отчетливо четверти часа...

— Ахъ, Господи! спохватился Иванъ Ѳомичъ, поднимая перо съ пола и собираясь продолжать писаніе грамоты; —да вѣдь мнѣ-же черезъ часъ грамоту къ думному дьяку нести... А на всѣ сборы-то въ дорогу всего пять дней дано! Хлопóтъ-то чтò!.. Заботъ!.. Всѣмъ запастись надо—все закупить —и семью устроить... И тутъ-то—наказы да указы!.. Да туда, сюда — съ поклономъ... Голова кругомъ идетъ—право! Скорѣе дописать-бы!

И онъ четко и красиво сталъ выписывать въ грамотѣ строку за строкою, свивая рóсчерки съ росчерками и хвосты буквъ съ титлами слѣдующихъ строкъ.

...«Въ томъ твое воровство, что ты въ спискѣ своемъ цесаревъ отвѣтъ написалъ къ государю грамотою, а везешь къ государю *отвѣтъ*, а не грамоту. И какъ вы смогли такъ учинити? Хотя-бъ вы

смерть свою въ томъ видѣли, а такого-бы отвѣта безъ государскаго титла не взяли»...

«Правильно!» думаетъ Иванъ Ѳомичъ, отрываясь на минуту отъ письма. «Вѣрно бояре сказали: «хоть-бы смерть свою въ томъ видѣли»—такого отвѣта взять было нельзя! Въ томъ отвѣтѣ государскому имени безчестье, а всей землѣ поруха... И хоть убей меня—такого отвѣта не возьму!»

И воображеніе снова уноситъ его вдаль: далеко-далеко отъ пыльныхъ грамотъ и низкихъ, давящихъ сводовъ Посольской Палаты, къ тѣмъ иноземскимъ городамъ, о которыхъ онъ наслушался и начитался сказочныхъ розсказней, къ которымъ и путь лежитъ по бурнымъ и вѣчно шумящимъ волнамъ холоднаго, сѣвернаго моря.

II.

Часа три спустя, Посольскій Приказъ уже былъ полонъ народа, полонъ дѣловаго оживленія, суеты и хлопотливой бѣготни. На крыльцѣ и въ сѣняхъ толпились, какъ и всегда, торговые и служилые иноземцы, греческіе купцы и монахи, пріѣзжіе издалека астраханскіе татары въ пестрыхъ халатахъ и островерхихъ тюбетейкахъ, и долговязые донскіе казаки въ темно-синихъ, жалованныхъ кафтанахъ—однимъ словомъ весь тотъ людъ, который подлежалъ вѣдѣнью Посольскаго Приказа, и ежедневно обивалъ его пороги. Толмачи Приказа, то и дѣло, выбѣгали въ сѣни, объясняться съ этимъ людомъ по-татарски, по-голландски, по-гречески,—и старались поскорѣе отдѣлаться отъ докучныхъ и назойливыхъ просителей.

— Приходи завтра, некогда сегодня! говорили они всѣмъ. Не до васъ сегодня дьякамъ! Сейчасъ бояръ сюда ждемъ... Завтра, завтра! Сегодня и слушать не станемъ!

Въ ближайшихъ къ сѣнямъ палатахъ, подьячіе «средней руки» скрипѣли усиленно перьями, дописывая на-спѣхъ проѣзжія грамоты къ боярамъ и воеводамъ для скорѣйшаго пропуска государева гонца и его спутниковъ къ Архангельскому городу. Далѣе, подьячіе «большой руки» вмѣстѣ съ переводчиками, вслухъ считывали грамоты и сличали ихъ русскій подлинникъ съ латинскимъ переводомъ, безпрестанно вступая между собою въ споры о каждомъ отдѣльномъ выраженіи, о каждой мелочной подробности титла, которымъ грамота начиналась.

— Ты тутъ, кажется, напуталъ, Михайло Ильичъ? говорилъ одинъ почтенный и уже весьма пожилой переводчикъ, обращаясь къ старшему подьячему. — У цесаря Римскаго въ титулѣ написалъ: «Арцы-

князю Аустрѣйскому, Арцуку Бургунскому, *Барабанскому...*» Какой такой «*Барабанскій*!» Такой и земли-то не сыщется?

— Анъ нѣтъ! Всегда такъ писали — во всѣхъ грамотахъ тоже. Вонъ, смотри, коли не вѣришь: «Бургунскому, Барабанскому, Стырскому, Карискому, Краинскому, Луцемборскому, Виртемборскому»...

—Ну, замололъ, что дьячокъ на клиросѣ! Да ты разсуди. Въ титулѣ сказано: Burgundiae, Brabantiae... Откуда же ты тутъ «*Барабанъ*» вмѣсто «*Брабана*» взялъ? Ну!

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ именно: *барабанскому!* Такъ всегда писали! настаивалъ упрямый подьячій.

— Ну, будь по-твоему! соглашается переводчикъ.

— А это что-же такое, въ грамотѣ Сасскаго князя, въ титулѣ: «Ивану Юрью Сасскому, Юлскому, Клѣвскому и Великихъ Горъ князю, Римскаго государства Арцыкнязю *Ланграфскому*»... Этакого титула и не бываетъ!

— Какъ не бываетъ, коли завсе писали!

— То намъ не образецъ. У Сасскаго князя въ нѣмецкомъ титулѣ стоитъ, что онъ «Римскаго государства Арцыкнязь и Ланграфъ; а ты его Арцыкняземъ Ланграфскимъ величаешь! Развѣ это то же? Есть у нихъ: Малграфъ, Бурграфъ, а Арцыкнязя Ланграфскаго—не слыхано! Это ты отъ себя придумалъ.

И подьячій горячится, доказывая правоту своего титула и ссылаясь на старыя грамоты.

Въ главной Палатѣ Посольскаго Приказа, въ которой своды расписаны облаками, а на облакахъ изображены «и солнце, и мѣсяцъ, и зодіи,»—заперлись на ключъ двое старшихъ дьяковъ съ думнымъ дьякомъ, Петромъ Алексѣевичемъ Третьяковымъ, и читаютъ внимательно обширный «*наказъ*» и весьма пространную «*память*», которыя Иванъ Ѳоминъ долженъ знать наизусть для руководства при исполненіи своихъ посольскихъ обязанностей. Въ «наказѣ», до мелочей прописано все, что ему слѣдуетъ говорить, и какъ поступать при свиданіи съ Цесаремъ и при передачѣ ему царской грамоты; въ «памяти» вмѣщены, по пунктамъ, готовые отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ быть предложены царскому гонцу приближенными къ Цесарю людьми или иными потентатами, черезъ земли которыхъ гонцу пріидется проѣзжать. И думный и его товарищи-дьяки вчитываются въ каждое слово, взвѣшиваютъ каждое отдѣльное выраженіе.

— Ну, теперь у насъ въ *наказѣ*, кажется, все ладно, хоть

сейчасъ бояре съ Иваномъ Өомичемъ приходи: сряду и читать можно! сказалъ, откидываясь на спинку кресла, думный дьякъ, высокій и дородный мужчина, лѣтъ пятидесяти слишкомъ.

— Теперь, батюшка, Петръ Алексѣевичъ, и комаръ носу не подточитъ! Такъ все твоимъ умомъ облажено, посмѣивается одинъ изъ дьяковъ, бережно собирая отдѣльные листки «наказа».

— Прикажешь ихъ въ столпъ теперь вклеить? обращается къ думному другой дьякъ.

— Да, да! и въ столпъ вклеивать можно, и скрѣпы на склейкахъ ставить. Только вотъ еще «*память*» перечтемъ: а тамъ ужъ все перебѣлимъ, да и пошлемъ толмачей къ боярамъ и къ Ивану Өомину, чтобъ шли «наказъ» слушать, сказалъ думный, передавая дьякамъ подписанные имъ листки «наказа» и принимаясь за вторичное чтеніе «*памяти*».

Пришли бояре, князь Өеодоръ Мстиславскій, да князь Трубецкой, назначенные Думой быть «въ отвѣтѣ» при отправкѣ гонца, и вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ усѣлись въ главной Посольской Палатѣ, расписанной облаками и «зодіями». Дьяки, съ толстыми столбцами подъ мышкою, стали о-бокъ съ думнымъ дьякомъ. Затѣмъ, по знаку думнаго, введенъ былъ въ палату Иванъ Өоминъ.

Онъ вступилъ въ палату, принаряженный въ лучшее свое платье, по «посольскому обычаю», еще на порогѣ отвѣсилъ низкій поклонъ боярамъ и думному, засѣдавшимъ за столомъ, а потомъ, подойдя къ столу, обмѣнялся поклонами съ двумя дьяками. На лицѣ его, умномъ и красивомъ, было написано смущеніе: волненіе выражалось и во взглядахъ его, и въ нервномъ порывистомъ движеніи пальцевъ, когда онъ опускалъ руку или проводилъ ею по своей курчавой бородкѣ и русымъ кудрявымъ волосамъ.

Думный дьякъ окинулъ взглядомъ Ивана Өомина съ головы до ногъ, и сказалъ:

— Божіею милостью и Великаго Государя изволеньемъ удостоенъ ты великой чести и счастія! Приказалъ тебѣ Великій Государь къ брату своему любезнѣйшему, къ Матьяшу Цесарю Римскому ѣхать въ гонцахъ, ради нѣкоторыхъ великихъ дѣлъ, что годны великимъ государямъ хрестьянскимъ и всему хрестьянству къ тишинѣ, и къ покою, и къ прибытку. Ты эту честь понимаешь-ли?

— Понимаю, и челомъ бью Великому Государю на премногой его ко мнѣ милости! отвѣчалъ не совсѣмъ твердо Иванъ Өоминъ и ударилъ земной поклонъ.

— Отъ Великаго Государя уже посланъ къ Архангельскому городу

нарочный гонецъ съ грамотою о кораблѣ, на которомъ тебѣ за море ѣхать. Грамоты тебѣ изготовлены и къ Цесарю, и къ Дацкому королю, и къ Сасскому князю, и въ городъ Любокъ, и въ городъ Амборхъ, къ тамошнимъ бурмистрамъ, и къ ратманамъ, и къ палатникамъ, и таковъ тебѣ наказъ данъ, почему тебѣ Государево дѣло дѣлать. Дьякъ! читай ему «наказъ». А ты, Иванъ Ѳоминъ, противъ всякаго спроса таковъ отвѣтъ чини, какъ бы ты предстоялъ нынѣ предъ Его Цесарскимъ Величествомъ.

Иванъ Ѳоминъ еще разъ поклонился въ поясъ; а затѣмъ дьякъ сталъ читать «наказъ», въ которомъ подробно указывался путь гонца въ Цесарскую землю и опредѣлялись до мелочей его отношенія къ правителямъ тѣхъ государствъ, черезъ которыя ему лежалъ путь.

— «А какъ Иванъ будетъ въ томъ городѣ, гдѣ Цесарь, читалъ дьякъ, — а Цесаревы думные люди къ Цесарю его пустити не похотятъ, и велятъ ему быти у себя, и грамоту Государеву похотятъ у него взяти...»

Думный знакомъ остановилъ чтеніе «наказа» и обратился къ Ивану Ѳомину съ вопросомъ:

— Ты что̀ имъ на это молвишь?

— А то и молвлю, отвѣчалъ Иванъ Ѳоминъ, — что присланъ я отъ Великаго Государя, всея Русіи Самодержца, къ брату его, къ Цесарскому Величеству, а не къ нимъ, къ думнымъ людямъ, и что мнѣ къ нимъ не хаживать и грамоты государевой имъ не давывать. Пусть велитъ мнѣ Цесарское Величество быть у себя и Царскаго Величества грамоту приметъ у меня самъ.

— А какъ Цесарь велитъ тебѣ быть у себя, какъ будешь ты ему поклонъ отъ Великаго Государя править?

— Божіею милостью—и Великаго Государя титулъ весь—вамъ, брату своему дражайшему и любезнѣйшему, Матьяшу, Божіею милостью, Цесарю Римскому, всегда Прибавителю царствія, Нѣмецкому и иныхъ — велѣлъ Великій Государь поклонитися и свое Царскаго Величества здоровье сказати, а твое, брата своего, Цесарскаго Величества здоровье видѣти...

Думный далъ знакъ дьяку и тотъ опять продолжалъ чтеніе «наказа» до новаго вопроса:

— «...А какъ Иванъ придетъ къ Цесарю въ палату, а Цесарь будетъ сидѣть, и Иванъ отъ Государя поклонъ станетъ править, а Цесарь противъ Государева имени не встанетъ и о здоровьѣ не вспроситъ, или и вспроситъ сидя...»

— Ну-ка, что̀ ты тогда скажешь? спросилъ снова думный, прерывая чтеніе.

— Скажу: какъ во прежніе годы, Государь, послы и посланники, и гонцы отъ Великихъ Государей нашихъ къ цесарямъ Римскимъ хаживали и какъ отъ Царскаго Величества поклоны и посольства правливали, и цесари ста̀ивали и о Царскаго Величества здоровьи спрашивали стоя, и то вы, Великій Государь, къ брату своему, къ Великому Государю нашему, нелюбовь оказываете.

— А буде и тутъ Цесарь поупрямится, противъ государева имени не встанетъ, тогда что тебѣ дѣлать надлежитъ?

— Надлежитъ о томъ Цесаря всѣмъ думнымъ людямъ или приставамъ говорити накрѣпко, что то Цесарское Величество учинилъ мимо прежній обычай, и того николи при его государевыхъ предкахъ такъ не бывало.

Думный одобрительно кивнулъ головою и переглянулся съ боярами. Дьякъ продолжалъ чтеніе «наказа» и оно длилось очень долго: онъ читалъ его не спѣша, протяжно, истово, выговаривая отчетливо каждое слово. Вопросы думнаго возобновились только уже въ самомъ концѣ, гдѣ опять дѣло коснулось чести государевой.

— «...Да какъ Ивана учнутъ отъ Цесаря ко Государю отпускати и дадутъ ему ко Государю грамоту и Ивану на грамотѣ допрежъ всего подпись прочести...»

— А какъ прочтешь подпись, перебилъ думный, — что̀ изъ нея вычитаешь?

— Буде на грамотѣ подпись будетъ съ царскимъ именованьемъ съ полнымъ, и съ титлы, по тому, какъ самъ Государь, Царь и Великій Князь Михайло Өеодоровичъ всея Русіи свое царское имя описуетъ — и мнѣ ту грамоту взять: а буде на грамотѣ Государево имя безъ Царскаго именованья, «*Царемъ*» и «*всея Русіи*» не написано, и мнѣ той грамоты не имывать.

— Правильно говоришь! Твердо свое дѣло знаешь! похвалилъ думный, привѣтливо поглядывая на Ивана Өомина, который подъ конецъ чтенія наказа оживился, оправился и уже давалъ отвѣты твердо и смѣло. — Ну, а что̀ же ты заведешь дѣлать, ка̀къ цесаревы приставы тебѣ эту грамоту навяжутъ?

— Стану накрѣпко на своемъ стоять и просить, чтобы Цесарское Величество къ Царскому Величеству нелюбья не оказывалъ, велѣлъ бы тое грамоту переписать, и царское имя велѣлъ написать въ грамотѣ и на подписи по достоинству, какъ предки его, прежніе Цесари Римскіе, описывали.

— А коли и тогда перемѣнить грамоту не захотятъ? допрашивалъ думный, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ и поглядывая на Ивана Ѳомина.

— Тогда стану Цесарское Величество просить, чтобы отпустилъ меня ко Государю и безъ грамоты.

— Ну, Иванъ Ѳоминъ, отозвался думный,—вижу, что ты въ посольскихъ обычаяхъ некретимо твердъ. Не собьютъ тебя съ толку никакія лисицы нѣмецкія! Какъ говоришь, такъ и дѣйствуй, остерегаючи межъ Великихъ Государей чести и добраго дѣла. Государи мои, обратился думный къ боярамъ, — чай, сами изволите видѣть, что Иванъ Ѳоминъ не тѣмъ посланникамъ чета, которые свое дѣло посольское на угощеньяхъ пропили: этотъ государева великаго дѣла не уронитъ и земскому дѣлу порухи не учинитъ?

— Тебѣ то лучше знать, отвѣчалъ князь Ѳеодоръ Мстиславскій. — А и по нашему разумѣнью, гораздъ Иванъ Ѳоминъ, и къ государеву дѣлу справенъ. Такъ ли, князь? добавилъ онъ обращаясь къ Трубецкому.

— Вѣстимо такъ, поддакнулъ Трубецкой.

Тогда ужь думный поднялся съ мѣста, подошелъ къ Ивану Ѳомину, дружелюбно и покровительственно потрепалъ его по плечу и сказалъ ему:

— Ну, Иванъ Ѳоминъ, и бояре приговорили, и думный руку приложилъ! Значитъ, собирайся въ путь: вѣдь мѣшкать некогда. Два дня тебѣ до дороги осталось, а дѣлъ-то еще берёмя! И казеннаго-то еще много. И домашнія дѣлишки, чай, найдутся?

Растерявшійся Иванъ Ѳомичъ, полный радостнаго волненья, не нашелся и слова сказать въ отвѣтъ на ласковую рѣчь начальника: онъ только низко кланялся то ему, то боярамъ, при поклонахъ встряхивая своими густыми русыми кудрями, и едва слышно бормоталъ себѣ подъ носъ благодаренія своимъ милостивцамъ и благодѣтелямъ.

III.

На другое утро, спозаранку, Иванъ Ѳомичъ съѣхалъ со своего двора, верхомъ на соловенькомъ меренкѣ, и пустился въ объѣздъ по своимъ милостивцамъ и благодѣтелямъ. У всѣхъ надо было передъ отъѣздомъ побывать, всѣмъ по поклону отвѣсить, всѣхъ попросить, чтобы женушку его съ малыми дѣтишками не забыли, не оставили, сильнымъ да богатымъ въ обиду не дали. Побывавъ у князя Ѳеодора Мстиславскаго, у князя Трубецкаго, у князей Мезецкаго и Куракина, Иванъ Ѳомичъ, уже около полудня, заѣхалъ

на дворъ къ своему давнему защитнику и покровителю, ближнему стольнику, Якову Петровичу Выдрину. Сойдя съ коня и привязавъ его къ воротному столбу, Иванъ Ѳомичъ отвязалъ отъ сѣдла порядочный мѣшокъ изъ полосатой ткани и брякнулъ колечкомъ калитки: его тотчасъ впустилъ во дворъ дюжій молодой парень, который встрѣтилъ Ивана Ѳомича привѣтливымъ поклономъ, какъ стараго знакомца и свойственника своихъ господъ, и прямо просилъ пожаловать въ столовую палату.

Въ столовой палатѣ Иванъ Ѳомичъ засталъ Выдрина уже за столомъ. Онъ собирался приступить къ трапезѣ со своимъ домашнимъ попомъ и двумя-тремя пріятелями.

— А! гость дорогой, Иванъ Ѳомичъ! воскликнулъ ласково навстрѣчу Елзеву хозяинъ дома, поднимаясь съ лавки. — Вотъ, вотъ, люблю за обычай! Полъ-Москвы объѣхалъ, а ко мнѣ къ обѣду поспѣлъ.

— Ненарокомъ такъ случилось, отецъ родной! отвѣчалъ Иванъ Ѳомичъ, бережно опуская свой мѣшокъ на лавку и прикрывая его колпакомъ. — Ей-ей, ненарокомъ! Нигдѣ не задержали, вотъ и поспѣлъ къ твоей трапезѣ.

— То-то, братъ! Московскіе бояре и всѣ таковы: на словахъ-то медъ сотовой, а хлѣбомъ-солью для мезеннаго человѣка не тороваты! Хе-хе! Садись скорѣе — просимъ милости.

Хозяинъ усѣлся за столъ, посадивъ Ивана Ѳомича между собою и попомъ, и крикнулъ чтобы подавали. Чинной чередой стали подходить къ столу слуги и ставить передъ хозяиномъ увѣсистыя мисы съ похлебками и горячей ѣствой, четвертины съ разварною рыбою, разсольники съ грибами, съ чиненой рѣпой, со свѣжею икрою, съ груздями, съ моченою морошкою. Все это обиліе всякой снѣди запивалось чудесными домашними настойками, наливками и кубочками холоднаго, малиноваго и вишневаго меда.

Яковъ Петровичъ былъ изъ хлѣбосоловъ хлѣбосолъ, и славился по всей Москвѣ искусствомъ не только угостить и незамѣтно заставить гостя отвѣдать двадцати блюдъ и отхлебнуть изъ двухъ десятковъ кубковъ; онъ умѣлъ при этомъ и занять гостя умною бесѣдой, и повеселить его въ пору сказаннымъ краснымъ словцомъ.

Гости и оглянуться не успѣли, какъ «въ полу-столѣ», за круглымъ пирогомъ съ налимьими печенками и вязигой, вошла въ столовую палату и стольничиха.

Анастасія Ильинична принарядилась, подбѣлилась и подрумянилась (безъ бѣлилъ и румянъ не въ обычаѣ было въ люди показы-

ваться) и казалась на десять лѣтъ моложе своего возраста. Высокая золотная кика съ жемчужными поднизями, прикрывала ей волосы и лобъ до бровей. Парчевая тѣлогрѣя съ цвѣтными травами и птицами, обшитая золотымъ кружевомъ, облекала ея дородный станъ; тонкія, въ мелкихъ и частыхъ сборкахъ, рукава сорочки были прихвачены около кистей рукъ богатыми запястьями. Серьги, съ длинными привѣсками изъ жемчуговъ и изумрудовъ, побрякивали въ ладъ каждому движенію сановитой стольничихи.

Всѣ гости поднялись изъ-за стола передъ хозяйкой, которая, послѣ обычныхъ поклоновъ, привѣтствій и опросовъ, присѣла рядомъ съ мужемъ на лавочку. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, она вставила въ разговоръ и свое словечко:

— Яковъ Петровичъ! сказала она мужу, лукаво улыбаясь. — Угощенье — угощеньемъ, а ты и то не позабудь, что гость-то нашъ нашей хлѣба-соли за море не увезетъ, а вѣдь ему тамъ посольскую службу править надо...

— Да, да! Конечно, службу править! отвѣтилъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Яковъ Петровичъ, не совсѣмъ понимая намекъ жены.— Служба не легкая... Конечно, трудно...

— Да полно прикидываться! Развѣ ты не знаешь, какъ въ посольство неродовитый да не богатый человѣкъ ѣдетъ — каково ему поддержать себя тамъ, на чужой сторонѣ, чтобы передъ нѣмцами въ грязь лицомъ не ударить?.. Иного посольство-то въ раззоръ разоряетъ...

— А! вотъ оно куда пошло!.. Понимаю! спохватился Яковъ Петровичъ.– Такъ что-жъ онъ-то молчитъ, Иванушка-то?.. Вѣдь онъ же намъ съ тобою почитай что зять — на твоей крёстной дочери женатъ. И въ Писаніи сказано: «просите и дастся вамъ...» Становись-ка, братъ, на рѣзвы-ноги, да кланяйся мнѣ, какъ другіе кланяются, въ посольскую службу ѣдучи.

Иванъ Ѳомичъ, смѣясь, поднялся съ лавки и сталъ въ поясъ кланяться стольнику, приговаривая:

— Батюшка, Яковъ Петровичъ! Человѣкъ я новый, и родомъ не родовитъ, и саномъ не сановитъ, и богатствомъ не богатъ, а къ посольскому дѣлу ни нарядомъ, ни платьемъ, ни конскою всякою сбруею не заводенъ. Одолжи ты меня, человѣка бѣднаго, на срокъ посольской службы — позаймуй мнѣ саженья и низанья, и мягкой рухляди, и платья наряднаго. Вернусь, Богъ дастъ, изъ посольства— въ долгу у тебя не останусь.

— А сколько же тебѣ, господинъ гонецъ, отъ казны на твою

посольскую службу дано? спросилъ Яковъ Петровичъ, прикидываясь серьезнымъ и гордо поднимая голову.

— Господинъ стольникъ! отвѣчалъ ему Иванъ Ѳомичъ, поддѣлываясь подъ униженно-просительный тонъ. — Самъ изволишь вѣдать, что по Смутномъ времени казна-матушка захудала и оскудѣла! Только и выдано мнѣ, что жалованье денежное по окладу на два года, да чѣмъ подняться на службу противъ окладу одного года. Да соболей изъ государевой казны дано безденежно на полтораста рублей, да шуба соболья атласомъ крыта, да двѣ шапки съ запонами, да два козыря жемчугомъ низаны — да и то все надо послѣ въ казну назадъ вернуть.

— А много-ль тебѣ, господинъ гонецъ, твои благодѣтели и милостивцы на твою посольскую службу пожаловали? Не больно грузенъ мѣшокъ-то, что ты съ собою приволокъ — видѣлъ я.

— Охъ, ужь и не поминай, Яковъ Петровичъ! сказалъ Иванъ Ѳомичъ, переходя отъ шутливаго тона къ серьезному.— Пожаловали меня по пословицѣ: «на тебѣ, небоже, что̀ намъ не гоже!» Одинъ—собольковъ сорочокъ, рублей въ десять далъ, да и тѣ безъ хвостовъ; другой — ожерельице атласное, плохенькимъ двинскимъ жемчугомъ низано; третій— шапку рысью, поношеную... А порученьевъ-то что надавали!..

— Ну, такъ постой же, Иванушка, добродушно разсмѣялся стольникъ. — Я знаю, въ чемъ тутъ дѣло. У Настасьи тебѣ ужь все заготовлено! Вѣрно тебѣ говорю: заготовлено! Она тебѣ изъ моей рухляди, изъ моего низанья и саженья отобрала ужь все на твою потребу — ей ты и кланяйся!

Анастасія Ильинична разсмѣялась, прикрывая лицо шитымъ платочкомъ, и сказала:

— Да, ну, вѣстимо! Все отобрано! Вѣрно, ты угадалъ, Яковъ Петровичъ! И то сказать: вѣдь время-то у него теперь дорогое. Гдѣ тутъ въ рухляди разбираться! Пусть лучше онъ лишній часъ на разстаньѣ съ женою побудетъ... Вонъ, Яковъ Петровичъ, скажи дворецкому — онъ знаетъ.

— Эй, Захарычъ! крикнулъ стольникъ и захлопалъ въ ладоши.

Старый дворецкій, съ широкой улыбкой, появился на порогѣ столовой палаты.

— Неси сюда, что̀ тамъ у тещи про зятя припасено.

Дворецкій скрылся за дверью на минуту, потомъ явился снова, неся въ рукахъ небольшой кованый ларецъ съ теремкомъ. За нимъ двое слугъ втащили коробью съ платьемъ и поставили на лавку около стольника.

— Ого! воскликнулъ Яковъ Петровичъ, приподымая крышку коробьи и переглядывая платье. — Вотъ она, хозяйка-то, какъ въ моей казнѣ похозяйничала! И ферязь байберековую, и терликъ съ орлами камчатый, и шубу алтабасную съ городами и съ пуговицами сѣнчатыми — все ему отдала...

— Да ужь полно, полно! отшучивалась стольничиха. —Тебѣ это теперь куда? Все молодые твои наряды — лѣтъ восемь, какъ ты ихъ и не надѣваешь вовсе... И потолстѣлъ съ тѣхъ поръ — не влѣзешь въ нихъ! А ему они и впору, и кстати будутъ.

— Ужь какъ не кстати! Шубѣ одной цѣна рублей со сто будетъ, смѣялся стольникъ, подмигивая на жену.

Иванъ Ѳомичъ, заглянувъ въ коробью, весь просіялъ, не находилъ и словъ для благодарности, и все только кланялся то Якову Петровичу, то Анастасіи Ильиничнѣ.

— А тутъ, въ ларцѣ, я тебѣ изъ своего приданаго жемчугъ отложила, Иванушка, да изъ мужнина добра два оплечья съ дробницами, да кругомъ жемчугъ съ лалами, да двои поручи низаны. А въ теремку перстеньки кое-какіе, да запона... А вотъ это тебѣ отъ насъ на дорогу благословеніе.

И стольничиха сняла съ иконы Спаса маленькій серебряный образокъ и надѣла его на шею Ивану Ѳомичу, который не выдержалъ: палъ на колѣни передъ Анастасіей Ильиничной и заплакалъ.

— Эхъ, баба! Ну, что ты его вередишь! И такъ ему жутко... Вставай, Иванъ Ѳомичъ, выпьемъ посошокъ на дорожку... Чтобы не пылила! сказалъ стольникъ, подавая Елзеву кубокъ ренскаго. — Пей, да и ступай съ Богомъ по своимъ дѣламъ. Мы и такъ съ тобою засидѣлись — вѣдь скоро ужь и къ вечернѣ ударятъ. Выпьемъ, Иванушка, за Русь-матушку православную!.. Дай Богъ намъ съ тобою здорово свидѣться, да чтобы и чужбина тебя не заѣла, не обусурманила... Чтобы духу русскаго въ тебѣ не убавила!..

И оба собесѣдника — и гость, и хозяинъ, разомъ подняли свои кубки и разомъ осушили ихъ въ глубокомъ молчаніи.

IV.

— Да полно же! Ну, Танюшка... ну, перестань!.. утѣшалъ свою супругу Иванъ Ѳомичъ, утромъ, въ день выѣзда изъ дома. — Экъ её разливается!

Супруга отвѣчала только громкимъ воемъ, оханьями и всхлипываніями, на которыя эхомъ раздавался изъ его опочивальни и

изъ двухъ боковушъ отчаянный ревъ и визгъ дѣтей Ивана Ѳомича, которыхъ няни и мамы не пытались унять, считая этотъ ревъ неизбѣжнымъ при отъѣздѣ родителя на чужбину, какъ и при всякомъ иномъ скорбномъ семейномъ событіи.

— Охъ, Господи! Да вы всѣ меня словно покойника провожаете!.. Словно ужь мнѣ и домой-то не вернуться будетъ... Наказанье Господне!.. съ досадою ворчалъ Иванъ Ѳомичъ, стараясь высвободиться изъ объятій Татьяны Григорьевны, которая не отпускала его отъ себя и, крѣпко держась за его шею и плечи, продолжала выть, причитать и всхлипывать, положивъ голову на плечо мужа.

— Ну, чего тебѣ, матушка! старался очень некстати ее утѣшить Иванъ Ѳомичъ. — Государь тебѣ какую милость оказалъ... сама подумай! На прокормъ тебѣ съ семьей тридцать рублевъ изволилъ пожаловать на годъ...

Новый взрывъ рыданій, всхлипываній и оханій со стороны Татьяны Григорьевны.

— Всего у тебя вдоволь — не какъ у другихъ, что изъ куска хлѣба перебиваются, да у чужихъ людей въ захребетницахъ живутъ... Да полно же, ну!.. И дѣтки такія славныя—ишь, какія голосистыя!.. Какъ по красному звѣрю ведутъ... Полно же, родименькая!..

Новый взрывъ рыданій и новый потокъ слезъ, пуще прежняго.

— Да опомнись, полоумная, прости Господи! закричалъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія супругъ, вырываясь изъ объятій супруги. — Эй, вы тамъ, няньки, мамки,—унять ребятъ! А не то въ садъ убирайтесь—въ самый дальній уголъ!

Супруга продолжала всхлипывать и причитать вполголоса, уткнувшись краснымъ и распухнувшимъ отъ слезъ лицомъ въ тюфякъ, раскинутый на лавкѣ.

— Не плачь, моя Танюшка! Не надрывай моего сердца! И такъ тяжко съ вами разставаться!.. Ну, не точи слезъ, голубушка! Вернусь, Богъ дастъ, обновъ какихъ тебѣ изъ-за моря привезу...

— Что-о-о м-нѣ... об-но-вы, какъ... безъ те-бя-то... У-у-у! завопила опять нѣжная супруга.

— Да полно ревѣть-то! крикнулъ съ досадою Иванъ Ѳомичъ.— Надоѣлъ мнѣ ревъ!.. Слышишь!

— Ужь это, что же, Иванъ Ѳомичъ? укоризненно замѣтила ему старая мама, изъ дальнихъ родственницъ. — Ужь напрасно гнѣваться изволишь! Это не обычай, чтобы жена на отъѣздѣ мужа не причитала, да не выла... Всѣ воютъ! Потому что отъѣзжающій, что покойничекъ — все едино...

— Ну, еще что́ намелешь, накаркаешь! Царскаго посла къ покойнику приравняла!.. Молчи! Не хочу, чтобы жена ревѣла... Хочу съ ней проститься не на-вѣкъ, а на годъ...

— На годъ!? воскликнула Татьяна Григорьевна, всплеснувъ руками.—Да тутъ, говорятъ, одного корабельнаго ходу на два года! Господи! Да говорятъ еще, мимо той пучины ѣхать надо, что на дышущемъ морѣ лежитъ, гдѣ червь неусыпающій зубами скрежещетъ... Охъ! Пропала моя головушка!

— Да какой тамъ червь! Кто тебѣ эти сказки разсказывалъ? Бабы старыя, что съ печки не слѣзали? Вѣдь иноземцы-то каждый годъ ѣздятъ, а ничего имъ не дѣлается... Денежки наживаютъ на товары.

— То иноземцы! съ досадою отозвалась Татьяна Григорьевна.— Такъ они развѣ люди? Они нехристи, люторы, съ нечистымъ знаются!.. А объ этой пучинѣ и въ книгахъ писано: течетъ около нея рѣка огненная Моргъ, и видно даже, какъ входитъ въ преисподнюю, и какъ исходитъ...

— Ну, матушка, Богъ дастъ минуемъ всѣ пучины, и доѣдемъ цѣлы-невредимы. Въ преисподнюю и въ Москвѣ сидя попасть можно, загубивъ грѣхомъ свою душу... Ну, собирай домашнихъ, Танюшка! Проститься надо, какъ слѣдуетъ, посидѣть—помолиться, а тамъ и на посольскіе проводы пора ужъ... Чай, ждутъ товарищи въ Приказѣ.

— Сиди съ мужемъ! я схожу, всѣхъ позову! проворчала старая мама, обращаясь къ Татьянѣ Григорьевнѣ.

— Та́нюшка, сказалъ нѣжно женѣ Иванъ Ѳомичъ, оставшись съ нею съ глазу на глазъ, — не плачь, Богъ дастъ свидимся! Дѣтокъ береги и себя береги. Матушка крестная тебя не покинетъ: побережетъ тебя, приласкаетъ; а благодѣтель-то мой, Яковъ Петровичъ, царю человѣкъ ближній и при дворѣ сильный—никому тебя не дастъ въ обиду. А черезъ годъ вернусь, царское дѣло справлю— такъ еще посмотри, какъ заживемъ!.,

Въ сѣняхъ послышался топотъ чьихъ-то сапожищъ и шлепанье многихъ босыхъ ногъ. Дверь въ сѣни отворилась и въ комнату вошли няньки съ дѣтьми Ивана Ѳомича; даже старшаго, шестилѣтняго, здороваго и румянаго мальчугана, тащила на рукахъ здоровенная дѣвка. За няньками вошли сѣнныя дѣвушки, стряпки, ключникъ, квасникъ, конюхи, дворники и нѣсколько работниковъ— всего человѣкъ съ двадцать. Запахъ овчины, дегтя, кожи и лука наполнилъ комнату своеобразнымъ благоуханіемъ, знакомымъ каждому русскому человѣку, бывавшему въ избѣ. Вся семья Ивана Ѳомича и старшіе представители дворни присѣли по лавкамъ кру-

... А Ф Маркса ... СПб. ... А Ф Маркса ... С...

гомъ стѣнъ, остальные столпились въ дверяхъ. Наступило молчаніе: всѣ понурились и насупились. Вдругъ старуха-мама сорвалась со своего мѣста и бросилась черезъ комнату къ Ивану Ѳомичу.

— Что ты это, батюшка? забылъ что-ли, какъ на проводинахъ сидятъ? Ноги вдоль половицы протянулъ! Садись въ поперекъ!

Иванъ Ѳомичъ улыбнулся и сѣлъ, какъ требовалъ обычай. Татьяна Григорьевна посмотрѣла на него испуганно и покачала головою.

Всѣ еще посидѣли съ минуту молча. Слышались только всхлипыванья Татьяны Григорьевны и вздохи женщинъ, сочувствовавшихъ ея горю. Потомъ всѣ поднялись и стали спѣшно, часто креститься на иконы. Иванъ Ѳомичъ, поочередно, попрощался со всей дворней, облобызался съ мамой и съ ключникомъ, перецѣловалъ дѣтей—и подошелъ прощаться съ женою. И чуть только онъ ее обнялъ и сталъ цѣловать, какъ вся женская прислуга подняла такой вой и ревъ, что хоть Святыхъ вонъ неси! Дѣти послѣдовали примѣру старшихъ и разревѣлись разомъ, какъ по командѣ, на всѣ лады и тоны, смотря по возрасту и силамъ.

Иванъ Ѳомичъ, совсѣмъ оглушенный, сталъ вырываться изъ объятій Татьяны Григорьевны; но та не выпускала его, потомъ бросилась ему съ воплемъ въ ноги, обнимала его колѣни, цѣловала его сапоги и край одежды, а когда онъ ее поднялъ, опять повисла на шеѣ его; Иванъ Ѳомичъ, почти неся ее на рукахъ двинулся къ выходной двери, но она уцѣпилась въ косякъ и кричала не своимъ голосомъ:

— Голубчикъ! Не уѣзжай, не покидай меня, сиротиночку, съ малыми дѣтушками, съ малыми птенчиками! Охъ, не покидай -ой! Не уѣзжай на чужбинушку, въ чужедальнюю сторонушку, куда и воронъ-то костей хрестьянскихъ не занашивалъ! Не ѣзди ты къ бусурманамъ окаяннымъ... Охъ, не ѣзди! Чуетъ мое сердечушко, что не видать мнѣ больше оченекъ твоихъ ясныхъ...

Иванъ Ѳомичъ рванулся наконецъ изо всей мочи (онъ зналъ, что его ужь ждутъ и бранятъ его спутники!), высвободился отъ жены и стремглавъ бросился изъ сѣней къ крыльцу, гдѣ его уже давно ожидалъ осѣдланный, соловенькій меренокъ. Влѣзвъ мигомъ вскочилъ въ сѣдло, перекрестился, махнулъ шапкою и крикнулъ:

— Прощайте! счастливо оставаться!

— Счастливаго пути, батюшка! Ворочайся скорѣе! крикнуло ему два десятка голосовъ, покрывшихъ вои и причитанья жены и бабъ.

Иванъ Ѳомичъ хлестнулъ мерена плетью и рысью съѣхалъ со двора. За нимъ рысью двинулись и двѣ телѣги, нагруженныя ко-

робьями и сундуками съ его кладью и узлами, ящиками и корзинами съ дорожнымъ запасомъ. На каждой телѣгѣ ѣхало по-двое слугъ, которые должны были провожать своего господина до Архангельскаго города.

— —

Часа два спустя, изъ Чудова монастыря двинулось черезъ Никольскія ворота длинное шествіе. Впереди шли два хора пѣвчихъ дьяковъ, въ стихаряхъ: за ними черное и бѣлое духовенство, съ хоругвями, крестами, иконами и пестрыми, вырѣзными, фигурными фонарями; за духовенствомъ—собольщикъ Аксаковъ и цѣловальникъ Белеутовъ несли рѣзной, кованый ларецъ съ посольскими грамотами и наказами: за ними—въ нарядномъ *чистомъ* платьѣ, торжественно шествовали: подьячіе Первой-Михайловъ и Иванъ Ѳоминъ, неся на расшитыхъ убрусахъ большія, древняго письма, попутныя иконы, въ богатыхъ окладахъ, съ жемчугами и каменьями, игравшими на солнцѣ. За ними, стройно и чинно, шли бояре и окольничіе, въ золотныхъ кафтанахъ, назначенные проводить Ивана Ѳомина и его товарищей до Крестовъ. Самъ царь не участвовалъ въ шествіи только потому, что наканунѣ двинулся по обѣту въ походъ, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Отрядъ, состоявшій изъ сотни стрѣльцовъ, въ красныхъ, парадныхъ кафтанахъ, открывалъ шествіе: другой, такой же отрядъ, замыкалъ его, охраняя отъ напора толпы, всегда жадной до зрѣлищъ всякаго рода.

Болѣе часа двигалось шествіе по кривымъ и извилистымъ улицамъ Москвы до Крестовъ у Троицкой заставы, гдѣ уже вытянулся по дорогѣ посольскій обозъ — возы, верховые кони и стрѣлецкая охрана, посылаемая при обозѣ для береженья.

Здѣсь, около ветхой часовенки, поставленной рядомъ съ древними крестами, духовенство остановилось: раздалось молитвенное пѣніе хоровъ, начался долгій напутственный молебенъ. Митрополитъ Крутицкій благословилъ Ивана Ѳомина и его спутниковъ попутными иконами, окропилъ людей и возы святою водою и пожелалъ имъ «безпреткновеннаго пути». Затѣмъ попутныя иконы были уложены въ дорожный ковчежецъ и поставлены въ посольскій крытый возокъ. Отъѣзжающіе еще разъ приложились ко кресту и отвѣсили передъ митрополитомъ и боярами по земному поклону. Духовенство и бояре повернули отъ Крестовъ къ городу, и двинулись вдоль посада, блестя на солнцѣ золотомъ иконъ, облаченій и богатыхъ кафтановъ.

Около отъѣзжающихъ остались только ихъ товарищи и сослу-

живцы: дьяки, подьячіе, переводчики и толмачи Посольскаго Приказа. Начались прощанія: раздались возгласы, пожеланія, напутствія, привѣтствія, лобызанія...

— Иванъ Ѳомичъ! Голубчикъ! Воля твоя, а надо посошокъ на дорожку выпить!

— Увольте, братцы! Натощакъ - ей-ей, не могу! отговаривался Елзевъ, цѣлуясь и обнимаясь направо и налѣво.

— Нѣтъ! Что ты! Аль ужь успѣлъ обусурманиться? — Не обычай!—Ужь таковъ чинъ для отъѣзжающихъ установленъ!—Не нами началось, не нами и кончится! шумѣли голоса.

— Чтобы дорога не пылила! -Чтобы все тебѣ дорогой съ рукъ сходило!—Чтобы скатертью разстилалася!

И невѣдомо откуда явился боченокъ съ малиновымъ медомъ, да романеи кувшинъ, ковши и чарки, и кубочки- -и пошла круговая. Поднялся веселый смѣхъ и гамъ, и опять пожеланія, и привѣтствія посыпались со всѣхъ сторонъ.

Еле-еле отбился Елзевъ отъ пріятелей, осушивъ два ковша меда, и поспѣшилъ усѣсться въ возокъ, и усадить товарища, который порядочно успѣлъ хлебнуть на прощаньѣ съ пріятелями.

— Трогай! крикнулъ Иванъ Ѳомичъ, и высунулся изъ-подъ боковаго ковра, махая шапкою товарищамъ.

Поѣздъ тронулся мелкою рысцою по Троицкой дорогѣ.

— Счастливо съѣздить — счастливѣй того назадъ воротиться! кричали вслѣдъ ему полсотни голосовъ, подъ звукъ ковшей и чарокъ, въ которые сливались послѣднія капли романеи и меда.

V.

По мѣрѣ того, какъ наши путешественники удалялись отъ Москвы, увеличивались и неудобства, и трудности пути. Мѣстами, посольскій обозъ наѣзжалъ по дорогѣ на такія сёла, которыя еще не успѣли оправиться отъ раззореній Смутнаго времени и отстроиться на своихъ черныхъ, печальныхъ пепелищахъ. Въ этихъ сёлахъ и сами крестьяне кое-какъ ютились въ землянкахъ и лачугахъ и обозу приходилось становиться станомъ на пустомъ мѣстѣ; а Иванъ Ѳомичъ и его спутники ночевали подъ шатрами или въ возкѣ подъ тулупомъ. Въ другихъ мѣстахъ, станъ назначенъ былъ въ большихъ торговыхъ селахъ, и въ бойкихъ мѣстахъ, гдѣ скрещивались двѣ-три дороги, и случалось, что даже за деньги нельзя бывало тамъ достать корма лошадямъ, и зорко приходилось наблюдать за царскою казною. Ночи двѣ сряду, ни Иванъ Ѳомичъ, ни Первой-Михайловъ

и глазъ не сомкнули... А какъ стали подъѣзжать къ Ярославлю, стали до Ѳомина доходить недобрыя вѣсти о предстоящемъ ему заволжскомъ пути.

— Какъ заѣдешь за Волгу, да попадешь въ Вологодскій уѣздъ, такъ бѣда да и только,—жаловался Ивану Ѳомину одинъ проѣзжій торговый человѣкъ, съ которымъ пришлось ему повстрѣчаться въ Толгской обители.—Мужики, особливо подъ Грязовцемъ, такіе крутобои, что къ нимъ и приступа нѣтъ! Царскіе пристава и губные старосты и тѣ къ нимъ съ опаскою ѣздятъ. А тутъ къ Вологдѣ пойдутъ лѣса тёмные, великіе, непроходимые—островинами большущими тебѣ на многіе десятки верстъ залегли, да къ дорогѣ-то сплошь подходятъ... Ну, воровскимъ всякимъ людямъ тутъ и раздолье! Въ этихъ самыхъ узкихъ мѣстахъ они свои пристани держать—и отъ нихъ нонѣ торговому человѣку проѣзду не стало...

Подъ впечатлѣніемъ этихъ разсказовъ, Иванъ Ѳоминъ, пріѣхавъ въ Ярославль, потребовалъ отъ воеводы въ провожатые полсотни стрѣльцовъ.

— Да у меня и всѣхъ-то ихъ полсотни не наберется, отвѣчалъ Ивану Ѳомичу воевода.

— Да и напрасно ты такъ переполошился, господинъ гонецъ! прехладнокровно разсуждалъ воевода, провожая Ивана Ѳомича.— Тебѣ насказали всякихъ страховъ, а ты и повѣрилъ! Точно, что случается: пошаливаютъ тутъ на дорогѣ, да ужь не такъ же!.. А тутъ ужь и давненько о воровскихъ шайкахъ не слыхать! Вотъ за Грязовцемъ, тамъ не безопасно... А тутъ—еще слава Богу!

И точно. Ѣхалъ обозъ за Волгою дремучими лѣсами, ѣхалъ и лѣсными гатями; миновалъ и Телячій бродъ, и Стародворскую деревню, и Миндюкину—завѣдомые воровскіе притоны—и добрался спокойно до Грязовца. Въ Грязовцѣ не посовѣтовали Ивану Ѳомину сдвинуться съ мѣста подъ вечеръ.

— Тутъ, до Корнильева монастыря, на перелѣскѣ пошаливаютъ крѣпко лѣсные шарповщики... Нечисто мѣсто! сказалъ Елзеву воевода.— А завтра—чѣмъ свѣтъ—и поѣзжай... Днемъ-то, все же, поостерегутся, небось!

— А сколько ты мнѣ провожатыхъ дашь?

— Да у меня и всѣхъ-то стрѣльцовъ по городу—съ десятокъ наберется... Больше четверыхъ и дать нельзя. За то ужь дамъ ребятъ надежныхъ; на нихъ ты можешь положиться; и коней велю дать такихъ, что ужь вынесутъ!

Иванъ Ѳомичъ послѣдовалъ совѣту воеводы, переждалъ до свѣта,

и на разсвѣтѣ двинулся съ Грязовца къ Вологдѣ. Подводы съ царскою казною и съ тѣмъ, что́ было подороже и поцѣннѣе въ дорожномъ скарбѣ и запасѣ, Иванъ Ѳомичъ повыдвинулъ впередъ; на двухъ переднихъ посадилъ собольщика Аксакова, да цѣловальника Белеутова, да двухъ стрѣльцовъ; а на двухъ заднихъ помѣстился самъ, съ Первымъ-Михайловымъ и также съ двумя стрѣльцами. И самъ онъ, и спутники его, и вся служня при подводахъ—были вооружены пистолями и саблями; а у стрѣльцовъ были еще мушкеты и бердыши въ запасѣ, на возахъ. Выѣзжая за городъ, на узкую лѣсную дорогу, подернутую дымкой сентябрьскаго утренника, Иванъ Ѳомичъ снялъ шапку и перекрестился на городскія церкви.

По приказанію Елзева, ѣхали сначала крупною рысью, но, въ двухъ верстахъ отъ города, пришлось ѣхать шагомъ, потому что пошли мѣста песчаныя, боровыя... Громадныя, вѣковыя сосны подходили къ самому краю дороги, то пересѣкая ее своими толстыми, узловатыми корнями, то протягивая надъ нею темнымъ сводомъ свои могучія вѣтви. Глушь и темень кругомъ въ лѣсу; только вѣтеръ, гудя и шумя, тянетъ по лѣсу вѐрхомъ, покачивая его вершины, которыя словно перешептываются, словно сговариваются между собою о чемъ-то таинственномъ. Но вотъ пески кончились, деревья въ сторонѣ отъ дороги порѣдѣли—на косогорѣ влѣво мелькнулъ какой-то посёлокъ. Кони прибавили шагу и побѣжали веселою рысцой. Не успѣлъ еще поселокъ скрыться изъ вида путниковъ, какъ вдали раздались крики, стукъ колесъ, топотъ коней, бряканье бубенцовъ...

— Погоня! Погоня за нами! Смотри-ка! Вотъ они! крикнулъ одинъ изъ стрѣльцовъ на задней подводѣ, дергая за рукавъ Ивана Ѳомича, который начиналъ дремать.

— Гдѣ? гдѣ? спохватился тотъ.

— Да вотъ, государь! Аль не видишь? На пяти тройкахъ гонятъ... Пошелъ, пошелъ, ямщики!! Эй, пошелъ!

Ямщикъ, молодой, лихой парень, привсталъ на передкѣ телѣги, оглянулся и крикнулъ во все горло на лошадей:

— Г-ррррабятъ! Вывози, сердешныя!

— Г-ррраб-я-я-ятъ! завопили ямщики и на другихъ подводахъ впереди — и всѣ кони, заслышавъ знакомый, роковой возгласъ, помчали во весь духъ.

Коренники и пристяжныя скакали бѣшено, неудержимо, разметавъ косматыя гривы по вѣтру, взрывая пыль и прахъ, подбрасывая телѣгу на корняхъ и кочкахъ.

Но и у разбойниковъ кони были добрые, и вихремъ мчались въ погоню за обозомъ. Иванъ Ѳомичъ, перепуганный и растерявшійся, упрашивалъ ямщика, чтобы тотъ погонялъ не жалѣя:

— Голубчикъ, вывози!.. Не пожалѣю, награжу...

— Самъ видишь, какъ мчимъ! отвѣчалъ ямщикъ. — А не уйти намъ! Я ихъ коней знаю! Клади съ нами много, — и четверо насъ... Нагонятъ — не отстанутъ!

— Нагоняютъ! Близко ужь! кричитъ одинъ изъ стрѣльцовъ. — Господинъ гонецъ! Одно спасенье: брось ты имъ одинъ сундукъ, собакамъ, да хоть вонъ эту коробью... Пока они займутся, станутъ разбивать, мы и ускачемъ!

— Врешь! не уйдешь, не уйдешь! раздаются голоса съ передовой разбойничьей тройки. — Ѳедюха! Накаливай! Эхъ, вы! Соколики!

Иванъ Ѳомичъ, при помощи стрѣльцовъ, схватилъ одинъ изъ сундуковъ, и сбросилъ его на дорогу, какъ разъ подъ ноги разскакавшейся передовой разбойничьей тройкѣ; за сундукомъ полетѣла и коробья... Кони шарахнулись, остановились — разбойники набросились на выкинутую имъ добычу... Заднія тройки налетѣли на переднюю, сбились въ кучу, перепутались упряжью...

А добрые кони мчатъ и мчатъ обозъ по дорогѣ, плашмя стелятся по землѣ, рвутся изъ постромокъ — и скачутъ взмыленные, потные, съ разгорѣвшимися глазами, съ широко-раздутыми ноздрями...

— Слава Богу! Слава Господу! радостно воскликнулъ ямщикъ.— Вонъ и перелѣску конецъ, вонъ и Корнильевъ монастырь виденъ... Ну, тутъ ужь съ полверсты осталось до обители. Вывози, голубчики!

— Н-ну, будь они прокляты! шепчетъ про себя Иванъ Ѳомичъ, обливаясь холоднымъ потомъ. — Какъ напугали-то, окаянные!

И онъ, вмѣстѣ со всѣми своими спутниками, снимаетъ шапку и набожно крестится на сверкающій вдали крестъ обители.

VI.

Кое-какъ оправившись отъ испуга и давъ отдохнуть лошадямъ въ обительской оградѣ, Иванъ Ѳомичъ съ товарищами отслушалъ обѣдню и отслужилъ благодарственный молебенъ по случаю избавленія отъ нападенія воровскихъ людей. Только ужь вновь усѣвшись въ повозку, Иванъ Ѳомичъ припомнилъ, какъ онъ своими руками сбросилъ съ телѣги сундукъ со своею рухлядью и платьемъ:

«Ну, да Богъ съ нимъ!» подумалъ онъ про себя. «Хоть головы-

то унесли да казенное-то добро отъ воровъ ухоронили! И платье тамъ было не нарядное, а мѣховое, зимнее... А вотъ гдѣ ко̀робья дѣвалась, что тутъ подъ ноги ставилась?..»

— Братцы, обратился Елзевъ къ стрѣльцамъ и ямщику,– а гдѣ-же ко̀робья, что тутъ вотъ ставилась въ телѣгѣ?

— Ко̀робья? отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ,—да развѣ ты запамятовалъ, господинъ гонецъ? Вѣдь коробью мы имъ-же, собакамъ-шарповщикамъ, на съѣденье выбросили... Самъ ты и велѣлъ!

Иванъ Ѳомичъ всплеснулъ руками:

— Надѣлали мы дѣла! воскликнулъ онъ. –Вѣдь въ той-то ко̀робьѣ и деньги были дорожныя—рублей съ десятокъ—да и грамоты проѣзжія царскія... Какъ я безъ нихъ-то буду?

— Ишь ты вѣдь грѣхъ какой! Впопыхахъ-то безъ головы человѣкъ бываетъ... Гдѣ ужь тутъ! говорили стрѣльцы.

Но, какъ ни горевалъ Иванъ Ѳомичъ о пропажѣ грамотъ и денегъ—помо̀чь этому горю было невозможно.

Доѣхавъ до Вологды Иванъ Ѳомичъ обо всемъ подробно отписалъ въ Москву, къ великому государю, за руками воеводы и мѣстнаго дьяка, и въ той отпискѣ изложилъ, какъ «настигли ихъ во́ры-шарповщики, и ихъ перерграбили, деньги и платье у нихъ поимали и грамоты проѣзжія у нихъ отгромили». И пока эта записка, для скорости и вѣрности, отправлена была на Каргополь съ нарочнымъ гонцомъ, Иванъ Ѳомичъ съ товарищами поплылъ далѣе, по Сухонѣ и Двинѣ, къ Холмогорамъ.

Воевода холмогорскій, прежде всего, потребовалъ проѣзжей грамоты по иноземнымъ государствамъ и царской грамоты объ отпускѣ гонцовъ и ихъ товарищей изъ Москвы за море.

— Тѣ двѣ грамоты у меня воры ограбили, отвѣчалъ ему на это Иванъ Ѳомичъ, — и о томъ въ Москву еще изъ Вологды отписка мною послана?

— Безъ этой грамоты проѣзжей — не токмо я тебя далѣе къ Архангельскому городу не выпущу; преспокойно отвѣчалъ воевода,— да еще и самого-то тебя я не знаю: кто ты таковъ есть?

— Какъ не знаешь? При мнѣ всѣ остальныя грамоты посольскія, при мнѣ и казна Государева, и люди, что при казнѣ съ Москвы отпущены.

— Намъ это не указъ, вступился за воеводу его товарищъ. Ты намъ грамоту подай за царскою отворчатой печатью... Тогда мы тебѣ повѣримъ. А безъ грамоты мы тебя знать не знаемъ, и людей твоихъ не признаемъ.

— Да вѣдь вамъ-же писали съ Москвы съ Иваномъ съ Пушкинымъ, горячился Иванъ Ѳомичъ, — что посланы къ Цесарю переводчикъ Иванъ Ѳоминъ да подьячій Первой-Михайловъ, и чтобы вы ихъ за море отпустили-бы тотчасъ, не измѣшкавъ ни одного часа!

— Получили мы тое грамоту,— сурово отвѣтилъ воевода, — грамота у насъ! Да ты намъ свою-то пожалуй... А то почемъ мы знаемъ, что ты Иванъ Ѳоминъ, а не тотъ самый шарповщикъ, что государевы грамоты у васъ въ Вологодскомъ уѣздѣ отгромилъ?

— Непригоже ты со мною, царскимъ гонцомъ, разговариваешь!— съ гордостью замѣтилъ Иванъ Ѳомичъ воеводѣ, — и нелѣпо мнѣ твои пустошныя рѣчи слушать! Коли ты ни живымъ людямъ не вѣришь, ни царской казнѣ, что со мною...

— Подольше тебя служу, —запальчиво отозвался воевода Елзеву, и знаю, какъ свою должность править! Не тебѣ меня учить!.. Изволь здѣсь оставаться до царскаго указа, со всѣми твоими людьми, да и за то скажи спасибо, что не взялъ я тебя за приставы... А ты, Мосей Ѳедоровичъ, вели-ка всю ихнюю казну и рухлядь немедля отобрать отъ нихъ и опечатать нашею печатью.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ тяжелаго, томительнаго ожиданья. Въ этотъ мѣсяцъ успѣли наступить морозы, навалило горы снѣга, аршиннымъ льдомъ сковало всѣ прибрежныя тундры Сѣвернаго края. Только Двина еще льдомъ не покрылась. Уже около половины октября пришелъ приказъ воеводѣ князю Пронскому: немедленно отправить Ивана Ѳомина, ужь не корабельнымъ ходомъ, а зимнимъ путемъ, на Кольскій острогъ со всякимъ поспѣшеніемъ.

Засуетился Иванъ Ѳомичъ, засуетился и Пронскій съ товарищемъ. Имъ изъ Москвы ясно дали понять, что гонецъ посланъ за море «по великому дѣлу Государеву» и за его задержку взыскано будетъ строго. Стали искать людей, которые бы взялись доставить моремъ Ивана Ѳомича съ его спутниками къ Кольскому устью, и оказалось, что изо-всѣхъ посадскихъ людей нашелся только одинъ, смѣльчакъ, старый и опытный мореходъ, Ѳедька Жуковъ, который брался въ такое позднее время пуститься въ карбасѣ въ море.

— Да и то я тебя, батюшка, не возьмусь къ Кольскому устью доставить, а только до Уньбы довезу, говорилъ старый мореходъ Ивану Ѳомичу,—а унбяне возьмутся тебя доставить до Порье-губы— тамъ и всего-то 30 верстъ: а тамъ передадутъ тебя унбяне своимъ односельцамъ, — тѣ тебя еще сто двадцать верстъ моремъ провезутъ,

до Кандалакши, а съ Кандалакши прійдется въ чункахъ *), на олешкахъ тундрой ѣхать... Сутки въ двое перемахнешь...

Сутки черезъ двое карбасъ былъ готовъ, казна государева на него перенесена, весь скарбъ и запасъ Ивана Ѳомича, его спутниковъ и ихъ людей—тоже установленъ, и всѣ приготовленія къ отплытію за море окончены. Еще разъ отслуживъ напутственный молебенъ и предавъ себя на волю Божію, Иванъ Ѳомичъ простился съ воеводой и его товарищемъ и двинулся къ карбасу. Воевода, для почета царскому гонцу, приказалъ стрѣльцамъ и дьяку проводить его до самаго карбаса. И стрѣльцы съ ружьемъ Ивана Ѳомича провожали и изъ ружей палили въ то время, когда карбасъ Ѳедьки Жукова отъ берега отваливалъ и поднималъ паруса, направляясь вдаль по волнамъ къ непривѣтному морю.

VII.

Слишкомъ четыре мѣсяца ѣхалъ Иванъ Ѳомичъ со своими спутниками до владѣній Датскаго короля, да еще Датскаго короля землею ѣхалъ недѣли съ двѣ: побывалъ на пути «въ городѣ Коппигагенѣ и губою Бельтомъ и другою губою Асенсъ, по льду на салазкахъ тащился и въ лодкахъ перебирался; ѣхалъ потомъ на Резбурхъ-городъ, да на Сейберхъ, да на вольный городъ Любокъ». Да отъ города Любка цѣлую недѣлю тащился Иванъ Ѳомичъ со своими спутниками Цесарскою землею.

Вотъ наконецъ и Дунай вдали засинѣлъ и засверкалъ на солнцѣ своими излучинами—и «городъ Вѣйна, безмѣрно строенъ, красенъ, великъ и многолюденъ», раскинулся передъ очами русскихъ людей, вырѣзаясь на синевѣ равнины прихотливыми очертаніями башенъ, колоколенъ, дворцовъ и домовъ, надъ которыми высился тонкій шпиль собора св. Стефана.

Ну, слава Богу! произнесъ Иванъ Ѳомичъ, выглядывая изъ своей кочи. Слава Богу! Вотъ и доѣхали! И чего-чего люди не наскажутъ! Будто ужь и невѣсть какъ дологъ путь: а и всего-то семь мѣсяцевъ въ дорогѣ были...

— Доѣхали, радостно вторилъ ему Первой-Михайловъ.—Какъ разъ къ Благовѣщенью пріѣхали! Чай здѣсь не долго насъ задержатъ? Хоть-бы къ Успеньеву дню, аль къ Покрову домой-то поспѣть!

— Дастъ Богъ и раньше, къ первому Спасу въ Москвѣ будемъ.

*) *Чунки*—легкія санки, въ которыхъ ѣздятъ на нашемъ Сѣверѣ на оленяхъ.

— Halt! (Стой!) раздался передъ кочей чей-то громкій возгласъ.— Absteigen! (Вылѣзай!)

— Что тамъ еще за притча? Никакъ опять застава? тревожно заговорилъ Иванъ Ѳоминъ.—Видно опять на два часа въ виду города задержатъ!

И онъ высунулся изъ кочи—посмотрѣть въ чемъ дѣло.

Коча стояла у заставы, оберегаемой воинскимъ карауломъ съ мушкетами и протазанами; а около заставы, въ сторонѣ отъ дороги, высилось большое каменное зданіе, обнесенное каменною стѣною. Какой-то старичокъ, въ шляпенкѣ съ перомъ да въ безрукавомъ плащѣ, бѣгалъ отъ кочи къ кочѣ, во всѣ кочи заглядывалъ и всѣхъ просилъ высаживаться. Наконецъ, онъ подбѣжалъ и къ кочѣ Ивана Ѳомича.

— Sprechen Sie deutsch? (По-нѣмецки говорите?) спросилъ онъ его, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, добавилъ:—Такъ извольте выйти изъ кочи и пожаловать въ этотъ домъ—тутъ у насъ таможня. Ваши вещи досмотрятъ и возьмутъ съ васъ пошлину...

— Пошлину? какъ это можно? Да развѣ вы не знаете, кто мы? Такъ вотъ взгляните въ проѣзжую грамоту нашу, сказалъ Иванъ Ѳомичъ, не вылѣзая изъ кочи.—Мы посланы отъ Великаго Государя нашего, Царя Михаила Ѳеодоровича...

— Это не мое дѣло! Извольте вылѣзти и пожаловать въ домъ; а ужъ тамъ вы все объясните начальству.

— Да вѣдь мы къ Цесарю вашему Матьяшу, по великому государскому дѣлу посланы!.. Вѣдь насъ должны пропускать безъ задержанья, какъ мы у себя, въ Московскомъ государствѣ, вашихъ гонцовъ пропускаемъ...

— Пожалуйте въ домъ, продолжалъ настаивать старичокъ въ шляпенкѣ съ перомъ,—а то васъ здѣсь долго задержатъ, и въ городъ сегодня не впустятъ.

Пришлось вылѣзти и войти въ домъ, съ подьячимъ, съ собольщикомъ, и съ цѣловальникомъ, и со всѣми пятью слугами. Начальникъ таможни, толстый и высокій нѣмчинъ, сѣдой и суровый, потребовалъ, чтобы Иванъ Ѳомичъ показалъ всю свою поклажу, открылъ на прилавкѣ и сундуки, и коробьи свои. Какъ ни отговаривался, какъ ни горячился Иванъ Ѳомичъ, какъ онъ ни утверждалъ, что никакой пошлины ему платить не должно, какъ ни ссылался на московскій посольскій обычай, толстый нѣмчинъ его не слушалъ и твердилъ только одно:

— Намъ все равно, кто-бы вы ни были, хоть курфирстъ Сак-

сонскій, хоть король Французскій... Мы досмотримъ ваши вещи и возьмемъ съ васъ пошлину за ввозъ въ городъ Вѣну!

— Эй вы! крикнулъ онъ досмотрщикамъ,—вскрывайте сундуки господъ московитовъ!

Досмотрщики живо развязали, распечатали и вскрыли сундуки, коробьи и мѣшки съ мягкой рухлядью, подивились на низанье и диковинное платье, полюбовались собольими, рысьими и лисьими мѣхами—и стали прикидывать цѣну.

— У насъ, въ Московскомъ государствѣ, съ посольской поклажи, рухляди и дорожнаго запаса нигдѣ ни мыта, ни тамги, ни пошлины не берутъ, заявилъ рѣшительно Иванъ Ѳомичъ, — такъ и вы съ меня не берите... У насъ запретныхъ товаровъ нѣтъ: ни вина двойнаго, ни табачища... Такъ не берите-же! А то это нашему Великому Государю обида будетъ...

А нѣмчинъ все подсчитывалъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

— А тутъ у васъ что? вдругъ обратился онъ къ Ивану Ѳомичу, указывая на ковчежецъ съ напутственными иконами. — Мы сюда еще не заглядывали.

Раскрылъ ковчежецъ и внимательно осмотрѣлъ иконы, продолжая бормотать себѣ что-то подъ носъ.

— Да, да! добавилъ онъ, какъ-бы про себя,—вамъ не мало заплатить придется! За тѣ вещи и мѣха—сорокъ золотыхъ двойныхъ, да за это золото на вашихъ Святыхъ— еще двадцать золотыхъ.

— Какъ! И за святыя иконы пошлину платить?! съ ужасомъ воскликнулъ Иванъ Ѳомичъ, всплеснувъ руками.—Да что ты, опомнись! Христопродавцы вы, что-ли? Или ужь, подлинно, нехристи?..

— Я съ васъ беру за золото, а не за ваши святыя картины, съ досадою проворчалъ нѣмчинъ.—Извольте платить деньги.

— Да какъ тебѣ не страшно и говорить-то объ этомъ! За Спасовъ образъ съ Пречистой, за то что на ихъ честныхъ иконахъ утварь устроена по нашей благочестивой хрестьянской вѣрѣ, ты хочешь деньги брать! Да ты бусурманинъ, что-ли? Ты скажи — врагъ ты Креста Христова? Что-же по-твоему: мы развѣ продавать эти образа святые къ вамъ пріѣхали? А?!.

Иванъ Ѳомичъ совсѣмъ изъ себя вышелъ, и что дольше говорилъ, то больше возвышалъ голосъ, наступая на нѣмчина и размахивая руками.

— Я вашихъ рѣчей больше не хочу слушать! крикнулъ въ свою очередь нѣмчинъ. Если вы сейчасъ не уплатите денегъ, я велю всѣ ваши вещи здѣсь оставить, до уплаты!

Иванъ Ѳомичъ сунулъ руку за пазуху, вытащилъ оттуда тяжелый кожаный кошель, подвязанный къ поясу, и отсчиталъ шестьдесятъ червонцевъ. Держа червонцы въ горсти, онъ гнѣвно обратился къ нѣмчину:

— Вижу, что у васъ тутъ безстыдство и нравы звѣриные! сказалъ онъ.—Если-бы вы не были нехристи, Богомъ забытые, такъ вы-бы съ посольской нашей рухляди ничего-бы не взяли... А какъ ужь до того дошло, что вы и со святыхъ иконъ пошлину взимаете, такъ я одно тебѣ скажу: какъ псу гладному или волку несытому, имущему гортань отверсту на овцы, кидаю тебѣ это золото, какъ прахъ!

И швырнулъ золотые червонцы на прилавокъ.

— Да изволь дать мнѣ письмо, что ты съ меня незаконно шестьдесятъ червонцевъ взялъ! Я, какъ буду у Цесаря съ государскимъ дѣломъ,—я на тебя пожалуюсь...

— Жалуйтесь кому угодно! отвѣчалъ Ивану Ѳомичу нѣмчинъ, преспокойно пересчитывая золотые и выдавая ему росписку.

— Ну-у, сторонка! повторялъ въ изумленіи и досадѣ Иванъ Ѳомичъ. Ну ужь и люди-же! Гдѣ-жъ это видано? Полсотни золотыхъ Угорскихъ содрали ни за что, ни про что! А вѣдь золотой Угорскій у насъ-то ходитъ по 30 алтынъ съ копѣйкою; это значитъ слишкомъ 45 рублей съ насъ, съ Государевыхъ людей-то, содрали... Ужь не говоря, что грѣхъ на ихъ душѣ (за то они въ отвѣтѣ)! да и мы-то какъ покажемъ въ росписи такой расходъ?.. Кто намъ повѣритъ? Будь тамъ, что будетъ — а цесарю Матьяшу самому челомъ ударю на этихъ обидчиковъ!

И съ этимъ твердымъ рѣшеніемъ Иванъ Ѳомичъ въѣхалъ въ «зѣло стройный, красный и многолюдный городъ Вѣйну».

VIII.

Караульные солдаты, стоявшіе у городскихъ воротъ, опросили Ивана Ѳомича, кто онъ таковъ, записали его имя и имена его спутниковъ и указали ему дворъ, на которомъ онъ долженъ былъ остановиться въ городѣ.

— Да вы запишите, настаивалъ Иванъ Ѳомичъ,—что присланъ я отъ Великаго Государя Царя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца, съ грамотою къ государю, брату его, Матьяшу, Цесарю Римскому, о ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ. И вы-бы думнымъ людямъ цесаревымъ про мой пріѣздъ доложили.

Пріѣхавъ на отведенный дворъ и кое-какъ расположившись въ уютномъ домикѣ съ садикомъ на улицу, Иванъ Ѳомичъ, не теряя

минуты, позвалъ къ себѣ домохозяина, «посадскаго человѣка Мельхера Закса», и послалъ его къ цесаревымъ думнымъ людямъ, объявить о пріѣздѣ гонца отъ Государя Царя Михаила Ѳеодоровича, и о томъ, что онъ къ Цесарю привезъ грамоту, и они-бы про то Цесарю сказали. Для вѣрности-же, онъ приказалъ съ тѣмъ Мельхеромъ Заксомъ идти своему человѣку, Ивашкѣ Фатѣеву.

Часа черезъ два вернулся и Мельхеръ Заксъ и Ивашка Фатѣевъ, сказали, что думнымъ людямъ про Ивановъ пріѣздъ доложено, и что тѣ хотѣли къ нему Ивану прислать пристава. И точно: вскорѣ явился къ государевымъ людямъ пожилой, высокій мужчина, съ пріятнымъ и умнымъ лицомъ; въ небольшой его бородѣ и усахъ проглядывала сѣдина; одѣтъ онъ былъ весь въ черное, въ черномъ плащѣ, и только на мягкой, пуховой его шляпѣ приколото было зеленое перо.

— Цесаревы думные люди, сказалъ пришедшій, съ поклономъ обращаясь къ Ивану Ѳомину,—прислали меня къ тебѣ, быть при васъ приставомъ. Имя мое Ефимъ Брыникъ.

Иванъ Ѳоминъ принялъ пристава стоя, показалъ ему издали тотъ ларецъ, гдѣ хранилась Государева грамота къ Цесарю.

— Такъ вотъ, доложи думнымъ людямъ, чтобы съ тою Царскаго Величества грамотою Цесарское Величество велѣлъ мнѣ быть у себя, не задержавъ.

Приставъ взглянулъ на ларецъ, потомъ внимательно посмотрѣлъ на Ивана и его спутниковъ и какъ будто сбирался что-то сказать: но, помолчавъ немного, поклонился и вымолвилъ только:

— Хорошо. Я пойду доложу.

Захлопотался Иванъ. Показалось ему, что его вотъ-вотъ позовутъ на поклонъ къ Цесарю, а онъ, Иванъ, не готовъ; и велѣлъ онъ всѣ сундуки перерыть и все нарядное платье добыть и устроить такъ, какъ потребно по посольскому обычаю. Тотъ-же Ивашка Фатѣевъ нашилъ ему на кафтанъ высокій, стоячій, низанный жемчугомъ козырь, а на верхній опашень—богатыя запоны съ изумрудомъ и лалами. Точно также онъ приказалъ обрядить и товарища. Первого-Михайлова. Въ этихъ хлопотахъ объ нарядной одеждѣ и засталъ его Ефимъ Брыникъ, вернувшійся отъ Цесаревыхъ думныхъ людей съ недоброю вѣстью.

Цесаревы думные люди, сказалъ Ефимъ Брыникъ, велѣли тебѣ, гонцу Государеву, сказать, что они о тебѣ Цесарю и доложить не смѣютъ, пока ты не побываешь съ грамотою у князя-бискупа, у мейнхера Клезеря. Тотъ князь бискупъ нашему Цесарю другъ и совѣтникъ.

— Посланъ я Великимъ Государемъ, Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ всея Русіи, къ брату его, Матьяшу, Цесарю Римскому, слышишь-ли? Къ брату его, Цесарю—а не къ бискупу!

— Да помилуй, господинъ Иванъ,—пытался его уговорить Брыникъ,— князь-бискупъ у насъ въ Государствѣ первое лицо, нашему Государю, можно такъ сказать, правая рука!

— Что правая, что лѣвая рука—мнѣ все одно! Не къ рукѣ я присланъ, а къ самой главѣ. И напрасно твои думные люди такъ думаютъ, чтобъ я могъ поступить мимо прежній обычай: Цесарю грамота прислана, а я ее бискупу отдамъ! Развѣ ужь Цесарь захочетъ нашему Великому Государю свое нелюбье показать?

— Да нѣтъ-же, господинъ Иванъ, перебилъ его Брыникъ,—никакого тутъ нелюбья и обиды нѣтъ. Всѣ дѣла государственныя князь-бискупъ знаетъ и заодно съ Цесаремъ вершитъ,—вотъ и твою грамоту прочтетъ и доложитъ нашему Государю.

— Что ты! что ты! Какъ это можно? Да вѣдь бискупъ-то, хоть будь онъ по вашему князь или арцы-князь, а онъ все-же вѣдь поданный вашего Цесаря?

— То есть... Да!.. Конечно. Поданный, однако-же...

— Ну, а я не къ поданному, а къ самому Цесарю присланъ, и мнѣ къ князю-бискупу не хаживать и царской грамоты ни къ кому, опричь самого Цесаря, не нáшивать.

— Боюсь я, замѣтилъ на это Брыникъ,—какъ-бы не пришлось тебѣ долго здѣсь засидѣться. Слышалъ я, что Цесарь недомогаетъ.

— Что дѣлать? Подождать можемъ—въ здоровьѣ и хвòробѣ Богъ воленъ. А чтобы такъ своею волею, противъ обычая и въ ущербъ Государевой чести сдѣлать—этого я не могу. Ты одно то разсуди, года съ три тому назадъ, былъ сюда къ Цесарю отъ бояръ въ гонцахъ Еремѣй Еремѣевъ присыланъ—отъ бояръ!—и у того Еремѣя Цесарь грамоту принялъ самъ. А я отъ Великаго Государя, всея Русіи Самодержца, присланъ,—такъ я-ли грамоту къ бискупу понесу?

— Такъ и прикажешь думнымъ людямъ отъ тебя передать?

— Такъ! Такъ и передай.

И долго еще, послѣ ухода Брыника, Иванъ все еще волновался и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, возмущаясь дерзостью Цесаревыхъ думныхъ людей и собираясь всѣми силами отстаивать достоинство и честь Великаго Государя.

На другой день опять явился къ Ивану Брыникъ, ужь съ другимъ порученьемъ отъ думныхъ людей.

— Кланяются тебѣ, господинъ Иванъ, Цесаревы думные люди, сказалъ Брыникъ,—и велѣли тебѣ сказать, что они о тебѣ Цесарю доложить не смѣютъ, пока ты у князя-бискупа, хоть безъ грамоты, не побываешь. Мимо князя-бискупа у насъ никакое дѣло не дѣлается, такъ просятъ они тебя, чтобы ты хоть такъ къ нему зашелъ, объявился и побесѣдовалъ.

— Опять одно передай думнымъ людямъ, твердо отвѣтилъ Иванъ,—чтобы они своему Государю доложили и чтобы Цесарское Величество велѣлъ мнѣ у него съ Государевой грамотою быть. А ко князю-бискупу мнѣ ни съ грамотою, ни безъ грамоты не хаживать.

Опять ушелъ Брыникъ, опять сталъ волноваться и ходить взадъ и впередъ по комнатѣ Иванъ Ѳоминъ.

«Нѣтъ, думалъ онъ,—ужь что хочешь со мной сдѣлай, а я противъ обычая не поступлю. Лучше совсѣмъ дѣла Государева не исполню, не подавши грамоты домой вернусь, а Государева высокаго имени не уроню».

Въ этихъ думахъ, да въ разговорѣ съ товарищемъ, который сплошь ругалъ все нѣмецкое—прошелъ еще день. Поутру, на третій день пребыванія въ Вѣнѣ, подъѣхалъ къ Иванову двору на конѣ какой-то, видимо, изъ ратныхъ Цесарскихъ господъ. Приземистый, толстый, плѣшивый, съ краснымъ лицомъ, съ густыми, торчащими рыжими усами, онъ вошелъ въ комнату, звякая огромными шпорами, отвѣсилъ низкій поклонъ, опираясь на шпагу, привѣшенную къ поясу, и громко возгласилъ:

— Я дворянинъ Цесаревъ и его полку фендрихъ, Яковъ Бауръ. Слышалъ я, что ты гонцомъ къ нашему Цесарю присланъ отъ Великаго Государя Московскаго, такъ вотъ заявился къ тебѣ почтенье отдать и о здоровьѣ спросить.

И еще поклонъ, и еще брякнулъ шпорами.

— Что-жъ, милости просимъ, рады гостю, сказалъ Иванъ Ѳоминъ довольно сухо и притомъ подозрительно вглядываясь въ лицо новаго знакомца.

— Говорятъ, что ты отъ новаго Царя Московскаго къ нашему Цесарю съ грамотою присланъ? съ видимымъ участіемъ спросилъ Ивана Ѳомича Яковъ Бауръ.

— Говорятъ вѣрно. Я, точно, съ грамотою присланъ къ Цесарю.

— Такъ что-же это значитъ, съ прежнимъ участіемъ продолжалъ допрашивать Яковъ Бауръ,—что ты до сихъ поръ у Цесаря не бывалъ?

— Думные люди Цесаревы о моемъ приходѣ знаютъ. Я ихъ

просилъ обо мнѣ Цесарю доложить, а они мнѣ прислали съ приставомъ сказать, что и доложить обо мнѣ своему Государю не смѣютъ, пока я у князя-бискупа не бывалъ, да ему моей грамоты не показывалъ. И я имъ дважды съ тѣмъ приставомъ приказалъ сказывать, что николи у князя-бискупа не буду, пока самъ Цесарь отъ меня грамоты не приметъ.

Яковъ Бауръ повелъ густыми рыжими бровями, вздохнулъ и покачалъ головою.

— Жаль мнѣ тебя, господинъ гонецъ, сказалъ онъ со вздохомъ.— Жаль! Долго тебѣ придется ждать.

— Не придется мнѣ долго ждать, господинъ фендрихъ! горячо отозвался Иванъ.—Коли меня Цесарь на этой недѣлѣ не приметъ, такъ только меня онъ и видѣлъ. Развѣ такъ можно съ гонцомъ Государевымъ поступать? Развѣ это обычай, чтобы его безъ отвѣта задерживать?

— Такъ-то такъ! А все мимо князя-бискупа тебѣ не попасть къ нашему Цесарю, сказалъ Яковъ Бауръ.—Онъ его покой оберегаетъ, его наставляетъ.

— Да что мнѣ до него за дѣло? заговорилъ съ досадою Иванъ Ѳоминъ.—Присланъ я отъ Царскаго Величества къ Цесарскому Величеству, а не къ попу; а не бывъ у Цесаря, пойду-ли я къ его поданному?

— Ты этими словами князю-бискупу великое безчестье наносишь, господинъ гонецъ, сухо замѣтилъ Яковъ Бауръ.—Онъ не простой попъ, а его Святѣйшества папы Римскаго кардиналъ и Его Величества духовный отецъ!

— А ты-то кто же, что меня учить хочешь? Что̀ думаю, то и говорю, и мимо обычая съ собою поступать не дозволю!

— Да ты не сердись, господинъ гонецъ! спохватился рыжій фендрихъ.—Я вѣдь это добра тебѣ хочу... Потому и говорю, что слѣдовало бы къ князю-бискупу...

— И не говори, и слушать того не хочу! запальчиво возразилъ Иванъ.—Какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю, и своего добьюсь; а не добьюсь, такъ уѣду изъ вашей Вѣйны—вотъ и все!

— Ну, зачѣмъ же такъ спѣшно тебѣ уѣзжать? Не даромъ говорится въ латинской пословицѣ: festina lente. Сколько мѣсяцевъ ты сюда ѣхалъ—и вдругъ уѣхать съ пустыми руками!.. Дѣло-то въ томъ, что князь-бискупъ все долженъ знать, чтобы и Цесарю такъ передать... А князь-бискупъ не знаетъ даже, отъ кого ты и присланъ? Отъ Земли вашей, или отъ новаго Царя?

— Иванъ Ѳомичъ вскочилъ съ мѣста, быстро перешелъ комнату, взялъ изъ-подъ иконъ ларецъ съ государевой грамотой и поднесъ къ Якову Бауру.

— Видишь ты эту надпись на грамотѣ? Видишь подъ нею царскую золотую печать? Видишь подпись на ней: «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Русіи Самодержецъ». Такъ вотъ, если ты отъ князя-бискупа подосланъ- ты ему и скажи, что видѣлъ...

— Да я только тебѣ же добра хочу! сталъ увѣрять Яковъ Бауръ,- я только совѣтую. Ну, что тебѣ стоитъ зайти къ князю-бискупу? Онъ такой добрый... Такъ съ иноземцами ласковъ...

Иванъ собирался рѣзко отвѣтить назойливому гостю и совѣтчику, но дверь отворилась и въ комнату вошелъ Ефимъ Брыникъ. Не обращая вниманія на Якова Баура, онъ прямо подошелъ къ Ивану Ѳомину и сказалъ ему съ нескрываемой радостью:

— Господинъ гонецъ! Присланъ я къ тебѣ сказать отъ цесаревыхъ думскихъ людей, что Его Цесарское Величество повелѣлъ тебѣ быть у него въ 23 день марта.

Поклонившись Брынику, Иванъ Ѳомичъ бросилъ торжествующій и насмѣшливый взглядъ въ сторону Якова Баура, который оторопѣлъ отъ этой неожиданности и поспѣшно взялся за шляпу.

— Слава Богу! Наша взяла! сказалъ Иванъ радостно, обращаясь къ Первому-Михайлову, когда приставъ и фендрихъ скрылись за дверью.

IX.

Съ великою радостью и великимъ нетерпѣніемъ сталъ Иванъ Ѳоминъ готовиться къ завтрашнему пріему и своихъ спутниковъ къ нему приготовлять. Тщательно пересмотрѣвъ ихъ платье и пріукрасивъ его низаньемъ и саженьемъ изъ своего запаса, Иванъ Ѳомичъ еще разъ перечелъ свой посольскій наказъ и сталъ уряжать подьячаго, собольщика и цѣловальника въ тотъ посольскій «чинъ», котораго они должны были держаться завтра, на пріемѣ у Цесаря Римскаго.

— Вы двое впередъ насъ въ палату къ Цесарю пойдете, обучалъ Иванъ собольщика и цѣловальника. Ты два сорока соболей въ дарахъ понесешь, тѣ что по 300 да по 100 рублевъ оцѣнены; а ты ларецъ съ грамотой: а мы двое пойдемъ позади васъ. Вотъ такъ - становитесь! Ступайте!

И уставивъ всѣхъ въ надлежащій порядокъ, Иванъ Ѳоминъ два раза обошелъ со спутниками комнату, указывая, какъ слѣдуетъ

имъ держать руки, какъ нести ларецъ съ грамотою, какъ кланяться Цесарю.

— А вшедъ въ палату къ Цесарю, вы станете передъ государемъ позади насъ, а мы передъ вами, по посольскому обычаю, въ рядъ. А какъ станемъ передъ Цесаремъ, всѣ ему — въ поясъ поклонъ; да я и начну свою рѣчь: «Бога въ Троицѣ славимаго милостью» и именованіе и титла большія, а по титлахъ именованье и титла Цесаря; а по титлахъ скажу спросъ о здоровьѣ Цесарскомъ и какъ дойду до словъ: «Ваше Цесарскаго Величества здоровье видѣли» -такъ опять поклонъ отвѣшу, и вы такой точно поклонъ отвѣсьте, какъ и я-же. На меня смотрите... Ну-ка! Всѣ разомъ.

И Иванъ Ѳомичъ поклонился въ поясъ, сбоку слѣдя за тѣмъ, какъ кланяются его товарищи.

— А буде я въ полъ-поклона поклонюсь, и вы—также!

И за этимъ послѣдовало повтореніе поклоновъ въ полъ-поклона.

— А какъ поклонъ справимъ—спроситъ Цесарь насъ про здоровье Государево, и на тотъ спросъ ему Первой-Михайловъ отвѣтъ держать долженъ. А ну-ка? Какъ ты отвѣтъ держать станешь?

Первой-Михайловъ выпрямился—высоко поднялъ голову и произнесъ необыкновенно сладкимъ и мягкимъ голосомъ:

«Какъ поѣхали мы отъ великаго Государя Царя изъ царствующаго града Москвы»—а за симъ именованье царское и титла короткія—а по титлахъ: «и великій Государь нашъ, Его Царское Величество, на своихъ преславныхъ и великихъ государствахъ Россійскаго царствія, далъ Богъ въ добромъ здоровьѣ».

— Ну ладно! Такъ только цесарскій короткій титулъ не перепутай. Говори такъ: «Матіяшу, Божіею милостью, Цесарю Римскому, всегда прибавителю царствія, нѣмецкому и иныхъ»—и только.

Первой-Михайловъ вслухъ повторилъ этотъ короткій титулъ; а Иванъ Ѳоминъ продолжалъ развивать передъ товарищами планъ завтрашняго представленія Цесарю:

— Какъ Первой-Михайловъ кончитъ, а переводчикъ цесарскій его рѣчь переведетъ, опять я рѣчь вчинаю: «Божіею милостью» и титла короткія и именованья, а по титлахъ: «къ Вашему Цесарскому Величеству прислалъ свою Царскаго Величества любительную грамоту». И грамоту изъ ларца беру и передаю ее Цесарю изъ рукъ въ руки—и опять поклонъ правлю, и вы всѣ поклонъ правите. А потомъ опять, Первой-Михайловъ, тебѣ ту же мою рѣчь говорити слово въ слово, только въ концѣ измѣня: «прислалъ любн-

А Ф Маркса
А Ф Маркса

тельные поминки». А тамъ ужъ онъ намъ, принявъ поминки, къ рукѣ велитъ быть. И вы смотрите—къ рукѣ вамъ идти вѣжливо и учтиво, а кланяться ему Цесарю въ поясъ.

— Ну а тамъ—и по домамъ, и на подворье отпуститъ? весело спросилъ Первой-Михайловъ.

— Тамъ ужъ и на подворье ѣхать можемъ... А какъ Богъ дастъ, все ладно устроится,—пришлетъ къ намъ Цесарь со столомъ, съ ѣствою, на подворье...

— Видали! Знаемъ! Потѣшимъ утробушку! весело смѣясь перебилъ Ѳомина товарищъ-подьячій.—У насъ на Москвѣ ихъ во-какъ потчивали—до отвалу! Впереди-то идутъ скатертники, а тамъ человѣкъ тридцать стрѣльцовъ съ напитками, и въ оловянникахъ, и въ жбанахъ каменныхъ, и въ братинахъ серебряныхъ да человѣкъ тридцать съ ѣствой на серебряныхъ блюдахъ, да человѣкъ десять съ посудой серебряной. Ѣшь-не хочу!

— Ну, братцы, тутъ ѣства ѣствою, а посольскій обычай—обычаемъ. Объ утробѣ думайте, а и о дѣлѣ не забывайте. Вѣдь тутъ тоже рѣчи пойдутъ, очередныя, обычныя, да и послѣ рѣчей, съ тѣми, кто со столомъ присланъ будетъ, велѣно говорить учтиво да вѣжливо, разумнымъ обычаемъ. А какъ придетъ до того, что за государскія здоровья пить чашу, твердо помните: пить напередъ про царское здоровье, а потомъ про цесарское. И буде споръ о той очереди учинится, просите ихъ вѣжливо, чтобы про царское здоровье напередъ пили, а себя ничѣмъ улестить не дайте.

— Ужъ это будь спокоенъ, Иванъ Ѳомичъ! Только бы прислали со столомъ-то! подшучивалъ Первой-Михайловъ,—а за столомъ мы ихъ съумѣемъ обойти!

— То-то, и пить надо съ разумѣніемъ, и рѣчи говорить съ вымышленіемъ, чтобы царскому имени отъ того было къ чести и къ повышенію!.. Да что же это я? Съ вами занялся, васъ уряжаю, да наставляю, а самое-то главное и забылъ! спохватился вдругъ Иванъ Ѳомичъ.—Вѣдь надобно скорѣй Иванку за Брыникомъ, за приставомъ нашимъ послать.

Побѣжалъ Иванка—явился Брыникъ, какъ и всегда спокойный, привѣтливый и вѣжливый.

— Господинъ Брыникъ! обратился къ нему Иванъ Ѳомичъ:— ты объявилъ мнѣ на завтра у Цесаря пріемъ, и я къ нему изготовился и исправился; а объ одномъ важномъ дѣлѣ и позабылъ съ тобою уговориться...

Какое еще важное дѣло? съ нѣкоторымъ безпокойствомъ

спросилъ цесарскій приставъ. — Ты меня тревожишь, господинъ Іоганнъ! Вѣдь ужь пріемъ назначенъ, и отложить его никакъ нельзя, тѣмъ болѣе, что ты на немъ такъ настаивалъ.

— Коли этого моего дѣла не править—такъ и пріему не бывать! рѣшительно заявилъ Иванъ Ѳомичъ.

— Ахъ, Боже мой! Да говорите скорѣе!

— По нашему посольскому обычаю, мы не можемъ своего посольства править, если въ тотъ-же день у вашего Цесаря иныхъ государствъ послы, посланники или гонцы будутъ. Такъ ты объ этомъ и цесаревыхъ думныхъ людей упреди!..

— Да никого завтра, кромѣ васъ, Цесарь и не приметъ!

— Ну, такъ-то такъ—не приметъ! А все-же уговоръ лучше денегъ... Вѣдь если мы и ко двору Цесареву пріѣдемъ да увѣдаемъ, что тутъ-же чужеземные послы, посланники или гонцы есть - мы и со двора къ себѣ на подворье уйдемъ. Такъ и знай!

— Да не тревожься понапрасну! утверждалъ Брынникъ.

— Было-бы сказано да не забыто! сказалъ Иванъ Ѳомичъ, прощаясь съ приставомъ на порогѣ. — Ну, теперь, кажется, все улажено — пришлите цесарскихъ коней, и поѣдемъ.

— Все ты намъ разсказалъ, все указалъ, Иванъ Ѳомичъ! смѣясь сказалъ Первой-Михайловъ.—Одно разсказать забылъ: каковы подарки гонцамъ подносятъ? Многимъ-ли хуже посольскихъ или посланническихъ? Чай, меньше того не дадутъ, что Заборовскому дали? Все по цѣпи-то золотой на шею повѣсятъ?

— Экъ о чемъ ты задумалъ! Впередъ не загадывай сладко, не вышло-бы гадко! Не о томъ думай, что̀ тебѣ на шею повѣсятъ, а о томъ, какъ-бы по спинѣ батожьемъ-то поминокъ не справили?

— Да! Ужь отъ этакихъ-то подарковъ избави Боже! А все хорошо-бы, коли-бы цѣпь-то на шею вздѣть! То-то бы всѣ товарищи по Приказу-то такъ раза́хались!

X.

На другой день, часовъ около десяти утра, Иванъ Ѳомичъ и его спутники, совсѣмъ готовые и принаряженные, по посольскому обычаю, въ свое лучшее платье, уже сидѣли на краешкѣ стульевъ, въ ожиданіи присылки отъ Цесаря.

Когда подъ окнами дома, на улицѣ, послышался топотъ коней и стукъ колесъ подъѣзжавшаго тяжелаго экипажа, Иванъ Ѳомичъ, поднимаясь съ мѣста, перекрестился на иконы; его примѣру послѣдовали и его товарищи. Цесарскій приказный человѣкъ, Карлъ-

Магни. наряженный въ короткій красно-суконный кафтанъ съ золотымъ галуномъ и въ шляпѣ съ галуномъ и съ перьями, вбѣжалъ въ домъ и съ подобающей важностью доложилъ «гонцу Московскаго Государя. господину Іоганну», что цесарская придворная карета прислана—везти его къ Двору.

Чинно вышли, чинно усѣлись въ карету Государевы люди, аириставъ Брыникъ съ Карломъ-Магни—сопровождали ихъ верхами. Сзади кареты, по-парно, двинулись посольскіе слуги, въ цвѣтныхъ красныхъ и синихъ кафтанахъ съ золотыми и серебряными петлицами и съ откидными рукавами. Толпы народа тѣснились по бокамъ улицъ, по которымъ пролегалъ путь посольства къ Цесарскому Дворцу. Но Иванъ Ѳомичъ не видалъ этихъ толпъ: весь проникнутый сознаніемъ своего собственнаго достоинства, онъ ни разу не повернулъ головы въ сторону, боясь этимъ нарушить приличіе и подать дурной примѣръ своимъ спутникамъ, которые, глядя на него, сидѣли тоже величаво и неподвижно, какъ каменныя изваянія.

Путь до дворца, въ сущности весьма недалекій, показался Ивану Ѳомину безконечнымъ. Онъ только тогда и вздохнулъ свободно, когда наконецъ колеса кареты глухо простучали, перекатываясь черезъ мостъ цесарскаго замка, и карета въѣхала въ каштановую аллею, которая отъ воротъ вела къ главному подъѣзду. Тамъ карета остановилась. Иванъ и государевы люди вышли изъ кареты, оставляя около нея слугъ, и, въ установленномъ порядкѣ, двинулись на крыльцо вслѣдъ за Карломъ-Магни и приставомъ Брыникомъ, мимо блестящей дворцовой стражи и разныхъ придворныхъ чиновъ, наряженныхъ въ такіе-же красные кафтаны съ галуномъ, какой былъ одѣтъ на Карлѣ-Магни. На верхней ступени крыльца, у входа въ длинныя, стекольчатыя сѣни, приставъ и «приказный Цесаревъ» остановились, а на встрѣчу гонцу государеву вышелъ «Цесаревъ дворецкій», Фридрихъ фонъ-Фюрстенбергъ, который пригласилъ Ивана Ѳомина слѣдовать за собою.

Какими дворцовыми покоями велъ ихъ «дворецкій», какое убранство было въ тѣхъ покояхъ и какіе придворные чины въ нихъ стояли,—этого Иванъ Ѳомичъ не видалъ, и послѣ не могъ припомнить и разсказать. Онъ только то и помнилъ, что въ данную минуту лицомъ своимъ представляетъ посланца «Его Царскаго Величества», и все вниманіе свое сосредоточилъ на томъ, чтобы «Царскому Величеству» оказаны были всѣ подобающія почести.

Наконецъ, фонъ-Фюрстенбергъ остановился у запертыхъ дверей, около которыхъ стояли два громадныхъ верншика, въ короткихъ

бархатныхъ плащахъ и съ блестящими протазанами въ правой рукѣ. Фюрстенбергъ подалъ имъ знакъ, тѣ распахнули двери настежь, и гонецъ государевъ со своими спутниками введенъ былъ въ обширную и высокую палату, въ которой, прямо противъ дверей, на креслѣ, подъ бархатнымъ балдахиномъ, сидѣлъ самъ Матьяшъ, Цесарь Римскій. По правую руку отъ Цесаря, въ золоченомъ креслѣ, сидѣлъ князь-бискупъ, въ красной кардинальской одеждѣ—сѣдой, красивый старикъ, съ очень выразительнымъ лицомъ и чрезвычайно острыми, живыми, темными очами. По обѣ стороны кресла цесарскаго и бискупскаго чинно стояли придворные и впереди всѣхъ канцлеръ цесарскій, Іоганнъ-Лудвигъ фонъ-Ульмъ.

Самъ Цесарь не приглянулся Ивану Ѳомину. Несмотря на то, что ему на видъ было не болѣе 40 лѣтъ, онъ казался гораздо старше своего возраста: лицо его было прозрачно-блѣдно, съ жиденькой рыжеватой бородкой; голубые глаза смотрѣли тускло и непривѣтливо; онъ казался утомленнымъ и болѣзненнымъ. Короткое нѣмецкое платье изъ чернаго бархата, обшитое золотымъ и серебрянымъ кружевомъ, обнаруживало его длинныя, худыя, некрасивыя ноги въ темныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Черный, сборчатый, бархатный колпачокъ на головѣ его былъ украшенъ небольшими золотыми запонами съ каменьемъ. На боку у него была прицѣплена шпага; на узкой и впалой груди висѣла тяжелая золотая цѣпь, а на ней большой золотой крестъ.

Твердо и величаво выступилъ на середину палаты, противъ цесарскаго кресла, Иванъ Ѳоминъ, отвѣсилъ поясной поклонъ Цесарю Матьяшу и обведя всѣхъ присутствующихъ глазами, началъ рѣчь свою громкимъ и звучнымъ голосомъ:

— Бога въ Троицѣ славимаго милостью и властью, и хотѣніемъ, и благоволеньемъ, Богомъ избранный скипетръ держати въ православіи Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи Самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій...

И такъ—весь громадный титулъ до конца, не переводя духа, не сбившись ни въ «Удорскомъ», ни въ «Обдорскомъ», ни въ «Кондинскомъ»—звучно, громко и отчетливо и потомъ, нѣсколько понизивъ голосъ:

— Вамъ великому Государю, брату нашему дражайшему и любезнѣйшему Матьяшу, Божіею милостью избранному Цесарю Римскому, всегда прибавителю царствія, Нѣмецкому, Угорскому, Чешскому, Далмацкому...

И далѣе, весь громадный титулъ Цесаря, все тѣмъ-же голосомъ и въ концѣ съ особенною интонаціею и новымъ повышеніемъ голоса:

— Велѣлъ поклонитися и про свое Царское Величество о здоровьѣ сказати и вашего, брата своего, Цесарскаго Величества здоровье видѣти.

Во время этой весьма длинной рѣчи, которую переводчикъ дословно передавалъ Цесарю, Матьяшъ и бровью не повелъ, какъ бы вовсе не принимая участія въ томъ, что передъ нимъ происходило. При имени «Великаго Государя, Царя Михаила Өеодоровича» — противъ установившагося обычая того времени—Матьяшъ не всталъ со своего мѣста, а при словахъ: «велѣлъ поклониться», которыя сопровождались поклономъ гонца, Цесарь только вскинулъ на него тусклыми очами и немного притронулъ шляпу на головѣ...

Какъ увидѣлъ это Иванъ Өомичъ, такъ и вспыхнулъ, словно порохъ. Но сказать онъ ничего не смѣлъ, ожидая обычнаго при подобныхъ пріемахъ вопроса о здоровьи Великаго Государя, который Цесарю надлежало произнести, стоя... Каково же было изумленіе и досада Ивана Өомина когда и эта формальная вѣжливость не была соблюдена! Прошла минута-другая очень тягостнаго молчанія, послѣ окончанія Ивановой рѣчи, а Цесарь и не думалъ вставать съ мѣста и задавать обычный вопросъ о «здоровьѣ Великаго Государя», и все продолжалъ такъ же сумрачно и безучастно сидѣть на своемъ креслѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Ивану Өомину показалось даже, что князь-бискупъ, прищуривъ хитрые глаза, смотритъ на него насмѣшливо, а два-три человѣка придворныхъ даже не считаютъ нужнымъ скрывать свои улыбки...

Тутъ Иванъ Өомичъ не выдержалъ. Видя, что Цесарь и его приближенные нарушаютъ весь «чинъ» посольскаго пріема,—и онъ тоже рѣшился его нарушить. Высоко и гордо поднявъ голову, онъ сказалъ громко:

— Государь! Которые послы и посланники, и гонцы Великихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей Россійскихъ предковъ у вашихъ Цесарскаго Величества предковъ бывали и на посольствѣ отъ Царскаго Величества поклонъ правили—и Цесари въ тѣ поры вставали и о царскомъ здоровьѣ спрашивали стоя. А Ваше Цесарское Величество противъ Царскаго именованья не встали и о царскомъ здоровьѣ не спросили, и тѣмъ вы, Государь, показуете брату своему, Великому Государю нашему, нелюбье.

Переводчикъ передалъ слова Ивана Өомина Цесарю, который выслушалъ ихъ, попрежнему, совершенно безучастно. Придворные

переглянулись: а князь-бискупъ насупился. Прошла еще минута очень тяжелаго молчанія.

Наконецъ канцлеръ Іоганнъ-Лудвигъ фонъ-Ульмъ обратился къ Ивану Ѳомину и нетерпѣливо произнесъ по-нѣмецки.

— Говорите же, что̀ еще вамъ говорить слѣдуетъ!

Иванъ точно такъ же, по-нѣмецки, отвѣчалъ канцлеру:

— Ожидаю, чтобы Цесарское Величество любовь свою показалъ и противъ имени брата своего, Великаго Государя нашего, съ мѣста всталъ и о царскомъ бы здоровьѣ стоя спросилъ.

Послѣ этихъ словъ произошелъ около Цесаря переполохъ: онъ самъ тревожно задвигался на своемъ креслѣ, вопросительно и съ недоумѣніемъ поглядывая кругомъ себя, и къ нему тотчасъ поспѣшили подойти князь-бискупъ, канцлеръ и еще человѣкъ пять-шесть изъ числа придворныхъ. Нѣсколько минутъ они совѣщались о чемъ-то между собою вполголоса, а государевы люди, только переглядывались между собою, переминались съ ноги на ногу, тяжело переводя духъ отъ сдержанной тревоги и волненія.

Наконецъ совѣщаніе кончилось: князь-бискупъ и придворные заняли свои прежнія мѣста, и канцлеръ сталъ говорить Ивану:

— Его Цесарское Величество, всемилостивѣйшій Государь нашъ не изволитъ того помнить, чтобы Цесари Римскіе противъ именованья царей Россійскихъ при прежнихъ посольствахъ вставали; а вы требуете, чтобы Цесарское Величество всталъ и стоя о здоровьѣ спросилъ? Въ такомъ случаѣ, Его Цесарское Величество желаетъ, чтобы вы шли къ себѣ на подворье и тамъ ждали Цесарскаго указа.

— Я говорю то, что̀ мнѣ приказано говорить, какъ гонцу Великаго Государя нашего, какъ вѣрному слугѣ надлежитъ, отвѣчалъ Иванъ канцлеру и, видя такой непріятный оборотъ дѣла, добавилъ: — Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ прислалъ къ Цесарскому Величеству, къ брату своему, свою царскую любительную грамоту.

И, быстро обернувшись къ цѣловальнику, вынулъ изъ ларца царскую грамоту, обернутую въ кусокъ зеленой камки, и высоко поднявъ ее надъ головою, сдѣлалъ два шага впередъ, чтобы передать грамоту Цесарю изъ рукъ въ руки. Канцлеръ подошелъ было къ Ивану, чтобы отъ него грамоту принять, но Иванъ отстранилъ его руку, сдѣлалъ еще шагъ, и передалъ царскую грамоту прямо въ руки Цесарю, который посмотрѣлъ на него не то сердито, не то удивленно. Отходя отъ Цесаря, Иванъ поклонился ему трижды, но уже среднимъ поклономъ, и сталъ попрежнему на свое мѣсто.

— Кромѣ этой грамоты, сказалъ канцлеръ,—есть-ли еще у васъ какой-нибудь словесный приказъ отъ вашего Государя къ его Цесарскому Величеству?

— Кромѣ грамоты никакого иного приказа со мною нѣтъ. Приказано мнѣ только ожидать отъ Его Цесарскаго Величества отвѣта на грамоту Великаго Государя нашего вскорѣ и повелѣнія отпустить меня, царскаго гонца, безъ задержанія.

Канцлеръ кивнулъ на это головою и заявилъ Ивану, что пріемъ оконченъ. Иванъ Ѳоминъ, совершенно озадаченный такимъ полнымъ несоблюденіемъ всѣхъ посольскихъ обычаевъ на пріемѣ у Цесаря, не счелъ возможнымъ поднести ему царскіе дары. «Тогда поднесу», думалъ онъ, «когда имя Великаго Государя и честь его будутъ почтены по достоинству». И отвѣсивъ Цесарю поклонъ въ полъ-поклона, повернулся къ выходнымъ дверямъ. За нимъ слѣдомъ двинулись и его озадаченные, смущенные, растерявшіеся спутники. И точно такъ же, какъ при входѣ въ палату, громадные вершники съ блестящими протазанами распахнули передъ государевыми людьми двери въ смежную комнату, гдѣ ихъ принялъ для проводовъ Фюрстенбергъ и повелъ по заламъ и галлереямъ замка, уставленнымъ рядами разряженной дворцовой стражи, съ протазанами и алебардами въ рукахъ.

XI.

Во всю дорогу, отъ цесарева замка и до своего подворья, государевы люди ѣхали молча и только изрѣдка обмѣнивались между собою выразительными взглядами. Но когда пріѣхали на подворье и остались одни, — тотчасъ же, вмѣстѣ съ Первымъ-Михайловымъ, засѣли за составленіе статейнаго списка, въ которомъ пріемъ у Цесаря записанъ былъ до мельчайшихъ подробностей.

Не успѣли они еще и до половины довести свое описаніе, какъ явился къ нимъ Яковъ Бауръ и, широко улыбаясь своею противною улыбкою, весело потирая руки, заявилъ, что теперь ужъ не Брынникъ будетъ у государевыхъ людей приставомъ, а онъ —Яковъ Бауръ; что Брынникомъ ни канцлеръ, ни князь-бискупъ —не довольны. Потомъ отвелъ Ивана въ сторону и, лукаво подмигивая, сказалъ:

— Ну, что же... Не по моему развѣ вышло?

— Что такое! Я въ толкъ не возьму! съ досадою огрызнулся Иванъ Ѳоминъ.

— Я тебѣ совѣтовалъ побывать сначала у князя-бискупа и

все бы было хорошо!.. А теперь!.. Теперь все пропало — все дѣло испорчено. Да еще погоди, то-ли будетъ!

— Напрасно ты меня запугать думаешь, господинъ фендрикъ! съ достоинствомъ сказалъ Иванъ Ѳоминъ. — Я ничего дурнаго за собою не вѣдаю: поступалъ я, какъ мнѣ поступать приказано, и честь своего Государя защищалъ, остерегаючи межъ Великихъ Государей отъ нелюбви. А что Цесарь учинилъ противъ прежнiй обычай—я за это въ отвѣтѣ не буду...

— Нѣтъ! такъ нельзя-же! заговорилъ Яковъ Бауръ, возвышая голосъ. — Ты мало-ли чего еще захочешь! Его Цесарское Величество на твой поклонъ приподнялъ у себя на головѣ немного шляпу свою... потомъ... даже... самъ принялъ отъ тебя грамоту. Вѣдь это ты подумай—какой почетъ! Ты долженъ бы быть доволенъ.

— Не почетъ это, а оскорбленье нашему Великому Государю! крикнулъ Иванъ Ѳоминъ.—И я такъ и писать, и говорить буду! И отъ слова своего не отступлюсь!

Бауръ пожалъ плечами.

— Жаль, очень жаль, что не послушалъ меня! Я говорилъ, предупреждалъ... Самъ виноватъ!

И съ этими словами онъ скрылся за дверью, а разгнѣванный Иванъ Ѳомичъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пока успокоился и снова принялся за продолженiе статейнаго списка.

На другое утро, 24 марта 1615 года, Ивану Ѳомину возвѣстили о приходѣ Якова Баура и двухъ какихъ-то важныхъ господъ, которые прiѣхали съ фендрикомъ въ придворной каретѣ. Иванъ Ѳомичъ поднялся съ мѣста навстрѣчу нежданнымъ гостямъ и принялъ ихъ на порогѣ своей комнаты. Вслѣдъ за Яковомъ Бауромъ черезъ порогъ перешагнули двѣ какiя-то высокiя, офицiальныя фигуры въ черномъ, съ широкими бѣлыми откладными воротниками и манжетами. Приставъ, обращаясь къ Ивану Ѳомичу, сказалъ:

— Эти господа—думные секретарiи: Хроплярь и Бухаръ; они къ тебѣ пожаловали прямо изъ дворца, съ порученiемъ отъ Его Цесарскаго Величества.

Иванъ Ѳомичъ поклонился секретарямъ, а тѣ, отвѣтивъ ему сухимъ кивкомъ головы, заняли мѣста около стола, не ожидая приглашенiя, и тотчасъ разложили на столѣ какiя-то бумаги.

— Присланы мы тебя спросить, преважно произнесъ секретарiй Хроплярь, — какъ это могло случиться, что ты въ Цесарскiй городъ Вѣну прiѣхалъ безъ опасной грамоты и нигдѣ къ властямъ

въ Цесарскихъ владѣніяхъ не являлся? Такъ внезапно пріѣзжать царскимъ гонцамъ неприлично.

— Которыми государствами и королевствами и вольными городами я ѣхалъ,—я вездѣ являлся, отвѣчалъ Иванъ.—И отъ Дацкаго короля, и отъ Сасскаго князя у меня проѣзжія грамоты есть. И встрѣчали, и провожали они меня честно, и подводы, и кормъ мнѣ давали. Только въ вашемъ Цесарскомъ городѣ Прагѣ думные люди и въ подводахъ, и въ кормѣ мнѣ отказали: сказали, что безъ Цесарева указа не смѣютъ. И ѣхалъ я Чейскою, и Моравскою, и Устрѣйскою землею наймуючи подводы на свой счетъ. И сюда въ городъ Вѣну не крадучись пріѣхалъ, а и на заставѣ себя объявилъ, и къ думнымъ людямъ о пріѣздѣ своемъ сказать послалъ.

И Иванъ Ѳомичъ, открывъ ларецъ, показалъ секретаріямъ свои проѣзжія грамоты. Тѣ внимательно ихъ осмотрѣли, осмотрѣли печати, потомъ переглянулись между собою, очевидно затрудняясь, какъ бы приступить къ выполненію возложеннаго на нихъ порученія.

— И что̀ вы объ опасной грамотѣ мнѣ сказали — то сказали вы не право. Ваши послы и гонцы по нашей землѣ безъ всякихъ опасныхъ грамотъ отъ Великаго Государя нашего ѣздятъ; вотъ и на моей памяти: Миколай Варкочъ, Индрикъ Лоховъ, Лукасъ Павни, Еремѣй Рюмеръ—всѣ безъ опасныхъ грамотъ отъ рубежа до Москвы доѣзжали...

— Какъ бы тамъ ни было, перебилъ Ивана секретарій Бухаръ,—тебѣ слѣдовало оповѣстить изъ Праги о твоемъ пріѣздѣ и ждать тамъ отвѣта, а не ѣхать сюда въ Вѣну безъ приказанья...

— Не могъ я ждать ни одного дня, потому что мнѣ было велѣно ѣхать не медля, не замѣшкавшись нигдѣ ни на часъ!.. рѣшительно отвѣчалъ Иванъ.

— А вотъ еще мы присланы тебя спросить: ты вчера Цесарскому Величеству отъ Царскаго Величества поклонъ правилъ не по достоинству Цесарскаго Величества, и говорить себѣ позволилъ то, что̀ прежніе послы не говаривали. Отъ себя-ли ты это затѣялъ, или по повелѣнью своего Государя такъ поступалъ?

— Поклонъ я правилъ по достоинству Его Цесарскаго Величества; а когда Цесарь со мною поступилъ противъ прежній обычай, я о томъ говорилъ по Великаго Государя указу.

— Ну, такъ мы должны тебѣ по наказу нашего Государя объявить, что Его Величество на тебя свой гнѣвъ налагаетъ, и велѣлъ приставить къ твоему двору стражу и никого къ тебѣ, безъ на-

шего вѣдома, не пускать: и никого изъ твоихъ людей со двора тоже не пускать.

И прежде, чѣмъ Иванъ успѣлъ имъ отвѣтить, секретаріи собрали свои бумаги, поднялись со своихъ мѣстъ и вышли изъ комнаты, не простившись съ Иваномъ. Въ открытую дверь Иванъ могъ видѣть стражу въ шишакахъ и латахъ, съ алебардами, поставленную у выхода изъ дома и у воротъ двора.

Совершенно озадаченный этою неожиданностью, Иванъ Ѳоминъ въ недоумѣніи разводилъ руками и глазамъ своимъ не вѣрилъ...

«Да что же я сдѣлалъ такое? Въ чемъ провинился передъ Цесаремъ? Да слыханое-ли это дѣло, чтобы гонцовъ подъ стражу отдавать?» думалъ въ смущеніи Иванъ, не зная, что̀ предпринять, и на что́ рѣшиться.

— Вотъ мы съ тобою и у праздника! раздался позади Ивана голосъ Первого-Михайлова. — Вотъ тебѣ и награды! Вмѣсто того, чтобы на шею цѣпи повѣсить, насъ, кажется, скоро самихъ на цѣпь-то посадятъ! Ай, да сторонка!.. Ай, ай, ай!

XII.

На другой день Иванъ Ѳоминъ и Первой-Михайловъ засѣли за составленіе челобитной къ цесарскимъ думнымъ людямъ, и въ той челобитной оправдывали свой способъ дѣйствій прежними пріемами русскихъ пословъ и гонцовъ у прежнихъ цесарей Римскихъ и своимъ московскимъ посольскимъ обычаемъ.

Когда челобитная была готова, Иванъ отправилъ ее къ цесарскимъ думнымъ людямъ чрезъ того офицера, который находился при стражѣ, поставленной у посольскаго подворья.

Рано утромъ, на другой же день, явился къ государевымъ людямъ на подворье добродушный Брыникъ и сообщилъ имъ, что канцлеръ фонъ-Ульмъ за нихъ стоитъ и даже поссорился съ княземъ-бискупомъ, который все тянетъ Цесаря на сторону Польши и вооружаетъ противъ Великаго Государя...

— Канцлеръ настоялъ на томъ, чтобы у васъ и стражу сняли, по вашей челобитной! Сегодня въ полдень ее и снимутъ... А Баура остерегайтесь! Онъ къ вамъ лазутчикомъ приставленъ отъ бискупа и тоже—за Польшу горой стоитъ!

И сообщивши это, Брыникъ дружелюбно простился съ Иваномъ Ѳоминымъ и ускользнулъ.

Какъ онъ сказалъ, такъ и случилось. Въ полдень стражу сняли, и заявили государевымъ людямъ, что Цесарь гнѣвъ смѣняетъ на

милость и они всюду могутъ свободно ходить и людей своихъ посылать.

Не прошло послѣ этого и двухъ часовъ, какъ дверь въ комнату Ивана Ѳомина распахнулась настежь, и Яковъ Бауръ, красный какъ ракъ, вбѣжалъ, размахивая руками, и немилосердно звякая шпорами.

— Что́ же это такое! Это чортъ знаетъ, что́ такое! кричалъ онъ, грузно опускаясь на стулъ и бросая шляпу на столъ. — Я и понять не могу: кто могъ такъ распорядиться! Кто смѣлъ снять стражу?..

— Не изволь кричать, господинъ фендрикъ! сурово и твердо сказалъ ему Иванъ Ѳомичъ.—Сняли, такъ и сняли! Тебѣ какое дѣло? Я зналъ, что снимутъ; вчера еще зналъ и говорилъ тебѣ...

— Да нѣтъ! Это нельзя! Такой поступокъ... Такое нарушеніе... Прямое оскорбленіе Величества! Надо было примѣрно наказать...

— Полно пустяки молоть! Я повторяю тебѣ еще разъ, что мы не подданные твоего Цесаря, а государевы люди—и за своего Государя, за честь его — ни головы, ни живота не пожалѣемъ, и въ обиду не дадимся!

— Ха, ха, ха! Въ обиду! закричалъ Яковъ Бауръ. — Скажите, кто же это васъ обидѣть собирался? Ты... ты оскорбилъ Его Цесарское Величество! Осмѣлился ему напомнить, чтобы онъ всталъ съ мѣста для имени твоего Государя! Дерзость... дерзость-то какова! Да объ этомъ надо бы писать ко всѣмъ сосѣдямъ — государямъ да курфирстамъ,—да подождать бы ихъ приговору! Вотъ и посмотрѣлъ бы ты, какъ тогда бы съ тобою поступили...

— Послушай, г. фендрикъ, если ты сюда пришелъ такія непригожія рѣчи говорить, то лучше уходи — вотъ тебѣ добрый мой совѣтъ! сказалъ Иванъ Ѳомичъ, уже начиная терять терпѣніе.

— Его Государя Цесарь оскорбилъ тѣмъ, что не всталъ! продолжалъ кричать нахальный приставъ, не слушая Ивана Ѳомина.— А небось не вспомнитъ своего царя, Ивана Васильевича, какъ тотъ съ послами расправлялся! Ха, ха! Говорятъ, какой-то посолъ, войдя къ нему въ палату, шапку снять забылъ, — такъ онъ велѣлъ тому послу шапку къ головѣ гвоздемъ прибить! Вотъ какъ у васъ дѣлается, въ вашемъ Россійскомъ Государствѣ!

— Это ты лжешь, нѣмецкій песъ! Это ты напрасно лаешь на блаженныя и славныя памяти царя Ивана Васильевича! Того при немъ не бывало, и быть не могло; а развѣ придумано его измѣнниками да польскими проходимцами!..

Но Бауръ не унимался. Выпучивъ глаза и ероша свои рыжіе усы, онъ продолжалъ съ особеннымъ паѳосомъ выкрикивать:

— Да! Вотъ какъ ихъ царь съ послами поступалъ! А тутъ — осмѣлился указывать!.. Да если бъ ты при Цесарѣ Рудольфѣ такія рѣчи вздумалъ вести, да вздумалъ бы ему указывать — да онъ бы за такія рѣчи велѣлъ тебя тутъ же изъ окошка выбросить или на алебарды поднять!

— Ты не стыдишься лгать даже и на память своего покойнаго Государя! И лжешь ты отъ своего невѣжества! Забылъ, видно, какую дружбу и братскую любовь дядя нынѣшняго нашего царя, Великій Государь Ѳеодоръ Ивановичъ, вашему Руделфу Цесарю оказалъ? Забылъ, какую великую казну онъ Руделфу прислалъ на вспоможенье противъ Турскаго салтана? Цесарь-то Руделфъ не только при имени Государя вставалъ, а и посла-то его къ дверямъ палатнымъ встрѣчать ходилъ!..

Яковъ Бауръ, озадаченный этими историческими доводами, хотѣлъ что-то отвѣтить, но не успѣлъ... Иванъ Ѳоминъ поднялся съ мѣста и сказалъ ему твердо:

— Ну, господинъ приставъ, довольно я тебя слушалъ! Мнѣ теперь съ тобою больше не о чемъ говорить. И если ты еще дальше будешь о нашихъ Великихъ Государяхъ небылицы измышлять — велю тебя своимъ людямъ нечестно проводить. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ.

Бауръ вскочилъ со своего мѣста, схватилъ со стола шапку и перчатки, и проговорилъ сквозь зубы, обращаясь къ Ивану Ѳомину:

— Посмотримъ, господинъ гонецъ Великаго Государя Московскаго! Много-ли ты тутъ въ Вѣнѣ дѣлъ надѣлаешь! Да и скоро-ли ты свое порученье справишь! Посмотримъ! Ха, ха! Еще и вспомнишь обо мнѣ, да будетъ поздно!

И онъ, насмѣшливо отвѣсивъ низкій поклонъ, вышелъ изъ комнаты, бренча шпорами.

XIII.

Прошелъ день, и другой, и третій — Иванъ Ѳоминъ все ждалъ, что его призовутъ цесаревы думные люди; ждалъ, что его и Цесарь отпуститъ, и грамоту ему изъ своихъ рукъ дастъ. Но объ Иванѣ Ѳоминѣ очевидно забыли. Прошла недѣля. Онъ рѣшился напомнить о себѣ, и обратился къ канцлеру съ вопросомъ о грамотѣ и съ просьбой о скорѣйшемъ отпускѣ. Явились къ нему тѣ же секретаріи, Хропляръ и Бухаръ, и принесли Ивану отпускное письмо за

подписью Цесаря, но... въ томъ письмѣ Иванъ былъ названъ гонцомъ «Великаго князя Московскаго» и титулъ государя совсѣмъ не былъ прописанъ. Какъ заглянулъ въ него Иванъ, такъ сейчасъ и заявилъ, что такого письма принять онъ не можетъ.

— Вы его отъ меня возьмите, господа секретаріи. Мнѣ такое письмо принять невозможно!

— А намъ его отъ тебя взять обратно нельзя! отвѣчали секретаріи.—И коли хочешь получить грамоту и самый полный отвѣтъ, такъ подожди, пока его Цесарское Величество въ Вѣну вернется: онъ вчера изъ Вѣны въ Прагу уѣхалъ...

— Дѣлать нечего, подожду! А такого письма я взять отъ васъ не смѣю, и по такому письму не поѣду.

— Да, да! Подожди ужь лучше—на полномъ отвѣтѣ Цесарское Величество велитъ Его Царскаго Величества имя и титулъ написать сполна.

Съ тѣмъ и ушли. И опять недѣля прошла въ ожиданіи. Видитъ Иванъ, что дѣло плохо: стоитъ еще пропустить двѣ недѣли, уйдутъ изъ Амборха тѣ корабли, что ходятъ въ Архангельскій городъ прямымъ путемъ, и опять прійдется ѣхать Богъ вѣсть какими путями и терпѣть зимнія бури, и на оленяхъ по тундрамъ мчаться... Послалъ Иванъ Ѳомичъ за Брынпкомъ, сталъ просить его:

— Посовѣтуй, добрый человѣкъ, какъ быть?.. Что дѣлать?

— Слышалъ я, что тебя теперь отпустить не хотятъ... Ждутъ, какъ вашъ Великій Государь уладится съ Польскимъ королемъ. Пока между ними ведется война, не хотятъ никакого отвѣта давать. А ты все же попытай побывать у князя-бискупа. Попроси его покровительства. Можетъ-быть онъ и захочетъ тебѣ твое дѣло ускорить.

Дѣлать нечего; скрѣпя сердце отправилъ Иванъ челобитье къ князю-бискупу, прося, чтобы онъ доложилъ его Цесарскому Величеству объ Ивановѣ отпускѣ и о добромъ отвѣтѣ Великому Государю Михаилу Ѳеодоровичу.

Въ тотъ же день явился отъ бискупа Яковъ Бауръ, разсыпался въ любезностяхъ и объявилъ, что князь-бискупъ ждетъ къ себѣ завтра Ивана поутру для бесѣды.

На другой день нарядился Иванъ Ѳомичъ и отправился на поклонъ къ князю-бискупу. Какъ только переступилъ онъ порогъ его великолѣпнаго дворца, слуги, наряженные въ богатыя ливреи, приняли его съ почетомъ и побѣжали о немъ доложить своему господину. Не прошло и десяти минутъ, какъ Ивана уже вводили въ роскошно убранную пріемную палату кардинала, гдѣ онъ возсѣ-

далъ въ богатѣйшемъ креслѣ, за столомъ, заваленнымъ книгами и рукописями.

Князь-бискупъ поднялся на встрѣчу къ Ивану, пригласилъ его сѣсть около себя и принялъ его чрезвычайно любезно.

— Сердечно сожалѣю, сказалъ съ хитрой улыбкою князь-бискупъ, — что ты не побывалъ у меня тотчасъ по пріѣздѣ. Если бы ты тогда объявилъ мнѣ, съ чѣмъ ты отъ Царскаго Величества къ Цесарскому Величеству присланъ, я бы о томъ доложилъ Цесарю, и Цесарь принялъ бы тебя наединѣ... Тогда бы онъ и противъ имени Великаго Государя съ мѣста всталъ и о здоровьѣ бы спросилъ. А то вышло все неладно: Цесарь не зналъ, съ чѣмъ ты отъ Великаго Государя присланъ, да и принялъ-то тебя, какъ пословъ принимаютъ. Были тутъ около него и думные, придворные люди. Понятно, что Цесарю было обидно, когда ты сталъ ему говорить при нихъ о посольскомъ обычаѣ. А онъ, къ тому же, еще и ногами въ тотъ день былъ боленъ — ему и подняться-то было бы трудно...

Иванъ объяснилъ князю-бискупу, что по своему наказу не могъ поступить иначе, и просилъ о ходатайствѣ передъ Цесарскимъ Величествомъ, чтобы онъ своему брату Великому Государю любовь показалъ, велѣлъ бы его, Ивана, отъ своего Цесарскаго лица отпустить съ добрымъ отвѣтомъ, безъ задержанья, «потому что въ Великаго Государя землю кораблямъ нынѣ послѣдній ходъ».

— Многаго ты просишь — и не легко это сдѣлать, любезно заговорилъ князь-бискупъ. — но я все же постараюсь. Все, что̀ могу, сдѣлаю... Въ одномъ могу увѣрить, что если и задержитъ тебя здѣсь Его Цесарское Величество, такъ только для того, чтобы добрый отвѣтъ тебѣ дать.

Затѣмъ, увѣривъ Ивана Ѳомина въ своей готовности все для него сдѣлать и уговорить Цесаря, чтобы онъ поскорѣе далъ Ивану отвѣтную грамоту, князь-бискупъ простился съ нимъ очень дружелюбно и даже проводилъ его до дверей.

Иванъ вернулся къ себѣ на подворье веселый, довольный, и сказалъ Перво́му-Михайлову:

— Ну, братъ, кажется я нынче дѣло наше уладилъ. На-дняхъ мы отпускъ получимъ, да съ Богомъ и въ путь!..

— Охъ, хорошо, кабы далъ-то Господь! Да что-то все не вѣрится. Всѣ они гладко говорить горазды, а что̀ на умѣ держатъ — не скоро доберешься...

— Ну! закаркалъ... Погоди — дай посмотрѣть, что̀ будетъ?..

Но прошла недѣля, другая, и мѣсяцъ, и другой, а Ивана все

А Ф Маркса А Ф Маркса

держать. все отговариваются отъ него разными предлогами... И въ такихъ проволочкахъ прошелъ ровно годъ, а дѣло ни на шагъ не подвинулось. Опять наступило время корабельнаго хода, опять сталъ Иванъ просить и докучать своими ходатайствами и князю-бискупу. и думнымъ цесарскимъ людямъ, и канцлеру.

— Дайте вы мнѣ. Христа ради. отвѣтъ и отпускъ! Не могу я болѣе ждать!.. Не дадите—такъ безъ отвѣта и отпуска уѣду... Силъ моихъ нѣтъ больше ждать!

— Поѣзжай, пожалуй. говорятъ ему думные люди Цесаревы.— только ужь на себя и пеняй, коли что недоброе съ тобою въ дорогѣ случится!..

Раза два или три переѣзжалъ Иванъ Ѳоминъ со всѣми государевыми людьми изъ Вѣны въ Прагу и изъ Праги въ Вѣну, вслѣдъ за Цесарскимъ дворомъ, думая этими переѣздами ускорить свое дѣло; но и въ Прагѣ, и въ Вѣнѣ его одинаково продолжали угощать тѣми же самыми отговорками и отсрочками, тѣми же увѣреніями, что все ужь готово, что нужно ему только немного подождать... Немного!

Наконецъ ужь, въ совершенномъ отчаяніи и изнеможеніи отъ всѣхъ этихъ непріятностей и отъ тоски по семьѣ и по роднѣ, Иванъ Ѳомичъ получилъ извѣщеніе, чтобы на пріемъ у Цесарскаго Величества онъ не надѣялся, такъ какъ въ пріемѣ ему отказано, но что полный отвѣтъ ему будетъ присланъ на подворье съ Цесарскими думными секретаріями 25 октября.

— Ну. значитъ и ждать больше нечего! сказалъ съ досадою Иванъ Ѳомичъ, выведенный изъ терпѣнія способомъ дѣйствій Цесарскаго правительства.—Пріидется и безъ пріема уѣхать! Видно, что цесарская-то волокита еще почище московской будетъ! Лишь бы грамоту-то полную дали, настоящую. Тогда мы хоть пол-дѣла сдѣлали...

— Пол-дѣла? грустно отозвался на это Первой-Михайловъ.— А полтора года здѣсь жили? Охъ, чуетъ мое сердечушко, что батоги-то по насъ въ Москвѣ плачутъ!

XIV.

Наступило и давно ожидаемое 25 октября 1617 года. Иванъ Ѳомичъ и его спутники были до такой степени увѣрены въ томъ, что въ этотъ день ихъ, наконецъ, отпустятъ домой, что все приготовили, все уложили къ отъѣзду.

Рано утромъ, на минуту, забѣгалъ Ефимъ Брынинъ, занесъ про-

ѣзжую грамоту для государевыхъ людей черезъ Цесарскія владѣнія, сказалъ, что секретаріи непремѣнно прибудутъ съ грамотой около полудня; но затѣмъ, извиняясь спѣшнымъ дѣломъ, очень скоро ушелъ, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ о содержаніи грамоты.

Иванъ Ѳомичъ нарядился въ чистое платье, приказалъ все приготовить къ пріему секретаріевъ и даже отложить изъ царской собольей казны по пятку хорошихъ темныхъ соболей секретаріямъ въ даръ за хлопоты. Около полудня, дѣйствительно, подъѣхали къ подворью цесарскіе думные секретаріи, знакомые уже Ивану Хропляръ и Бухаръ, и торжественно вступили въ комнату, неся въ особомъ, нарядномъ баулѣ цесарскую грамоту. Торжественность выражалась во всѣхъ ихъ движеніяхъ, въ ихъ поступи, въ ихъ взглядахъ, — торжественность олицетворяли они всею своею персоною, отъ высокихъ туго-накрахмаленныхъ кружевныхъ воротниковъ до носка сапоговъ съ широкимъ, раструбчатымъ голенищемъ.

Какъ они вступили въ комнату, а Иванъ съ Первымъ-Михайловымъ встали имъ навстрѣчу, такъ тотчасъ Хропляръ передалъ баулъ съ грамотой Бухару, который высоко поднялъ эту грамоту надъ головою, а самъ обратился къ Ивану съ рѣчью:

— Его Цесарское Величество, Божіею милостью, Великій Государь нашъ, Цесарь Римскій и многихъ государствъ, народовъ и странъ обладатель, повелѣваетъ мнѣ сказать, что держалъ тебя, Іоганна Ѳомина, гонца государя Московскаго, столь продолжительное время потому, что послалъ со своей стороны посла своего на съѣздъ московскихъ и польскихъ людей для мирныхъ переговоровъ. Его Цесарское Величество желалъ отъ всего сердца, чтобы святое дѣло примиренія между Польшей и Московскимъ государствомъ совершилось. Но переговоры къ миру не привели; цесарскій посолъ Эразмъ Эделюсъ вернулся къ Его Цесарскому Величеству и доложилъ, что вскорѣ будетъ къ нему изъ Москвы новое посольство. Все сказанное нами Цесарь приказалъ намъ написать въ этой грамотѣ на имя вашего Государя, которую мы здѣсь и вручаемъ тебѣ, Іоганну Ѳомину.

За этою рѣчью послѣдовалъ весьма сухой поклонъ со стороны господъ секретаріевъ, и затѣмъ Бухаръ протянулъ къ Ивану руку съ бауломъ, въ которомъ была вложена грамота.

— Господа секретаріи, сказалъ Иванъ, принимая баулъ съ грамотою, — если въ этой грамотѣ Его Цесарскаго Величества только то и написано, что вы въ своей рѣчи изложили, такъ, значитъ, въ ней нѣтъ отвѣта на любительную грамоту Великаго Государя нашего,

Царя Михайла Өеодоровича, всея Русіи Самодержца. Цесарское Величество держалъ меня у себя больше полутора года, невѣдомо для чего... И канцлеръ вашъ, и князь-бискупъ, на многія мои просьбы, напоминанія и челобитныя — отвѣчали мнѣ постоянно одно и то-же: «Цесарское де-Величество къ Великому Государю нашему хочетъ отпустить меня, Ивана Өомина, съ добрымъ и полнымъ отвѣтомъ». А нынѣ что-же выходитъ? Цесарское Величество отпускаетъ меня не отъ своего Цесарскаго лица, какъ гонцовъ къ дружественнымъ государямъ отпускаютъ, — и грамоту присылаетъ не противъ Цесарскаго Величества грамоты.

Хропляръ высоко и гордо поднялъ голову, закрутилъ усы и важно сказалъ:

— Это не наше дѣло. Изволь получить грамоту и передать ее отъ Цесарскаго Величества Царскому Величеству.

Иванъ осторожно вскрылъ баулъ, оклеенный шелковой матеріею, бережно вынулъ грамоту, писанную съ золотыми каймами и заставками на отличномъ пергаментѣ. Тщательно осмотрѣвъ большую привѣсную восковую печать, Иванъ прежде всего пробѣжалъ титулъ Великаго Государя и съ первыхъ же строкъ убѣдился, что титулъ написанъ невѣрно, съ намѣренными пропусками и сокращеніями.

— Господа секретаріи! спокойно и твердо сказалъ Иванъ Өоминъ, — этой грамоты я не только Великому Государю моему передать не могу, но и въ рукахъ держать не смѣю.

И онъ почтительно и бережно положилъ цесарскую грамоту на середину стола и подвинулъ ее къ секретаріямъ.

— Какъ такъ? Почему? заговорили разомъ оба секретарія.

— А потому, что Его Царскаго Величества имя и титло въ той грамотѣ написаны не такъ, какъ Великій Государь нашъ писалъ въ грамотѣ своей свое царское имя и титлу къ брату своему, къ Государю вашему. Тогда только эту грамоту возьму, когда вы ее перепишете, и такъ напишете, какъ къ Великому Государю нашему всѣ государи хрестьянскіе и мусульманскіе и прежде писали, и нынѣ пишутъ. А буде не напишете на грамотѣ имя и титлу Великаго Государя нашего, какъ ему Богъ далъ и какъ онъ отъ своихъ предковъ наслѣдилъ — и мнѣ тоё грамоты отъ васъ не имывать!

— Другой грамоты тебѣ не будетъ! сказали секретаріи — и съ величайшимъ почтеніемъ подвинули по столу грамоту къ Ивану Өомину.

— Нѣтъ, ужь отъ этой грамоты, Боже меня избави! съ величайшимъ опасеніемъ заявилъ Иванъ. — Буде не написаны на грамотѣ полностью Великаго нашего Государя имя и титла — я

лучше себѣ руки дамъ по локоть отсѣчь, а той грамоты не возьму!

И онъ опять подвинулъ грамоту по столу къ секретаріямъ.

— Переписывать этой грамоты не станемъ; Цесарское Величество больше этимъ дѣломъ не потревожимъ — и другой грамоты не получишь! попрежнему, настойчиво подтвердили секретаріи.

И грамота опять подвинулась по столу въ сторону Ивана.

— Поймите же, господа секретаріи! Съ такою грамотою не только ѣхать къ Государю моему не могу, а даже и смотрѣть то на нее мнѣ страшно! Если бы отъ меня Вседержитель разумъ отнялъ и я бы ту грамоту, не посмотрѣвъ на титла, отъ васъ взялъ —быть бы мнѣ отъ Великаго Государя нашего, Царя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, въ великой опалѣ и въ казни! Нѣтъ—лучше вовсе безъ грамоты отъ васъ изъ Цесарской земли уѣду, а той грамоты мнѣ не имывать! Такъ и знайте!

И опять грамота отъѣхала по столу къ секретаріямъ.

— Иной тебѣ грамоты не будетъ! закричалъ Бухаръ, теряя терпѣніе. — Не будетъ! Слышишь! Тутъ тебѣ и отвѣтъ, и отпускъ!

— И кормъ тебѣ съ сегодняшняго утра приказано не выдавать больше! закричалъ въ свою очередь Хропляръ, думая окончательно побѣдить упорство Ивана Ѳомина этимъ сильнымъ доводомъ.

— Что вы мнѣ о кòрмѣ говорите? съ досадою отозвался Иванъ.— Развѣ могу я теперь о кòрмѣ думать! Не только ѣсть, а и на свѣтъ взирать мнѣ больно, видя въ самомъ великомъ его государскомъ дѣлѣ страшное нарушеніе... Вижу, что межъ такими великими государями, которые всегда въ дружбѣ состояли, теперь дѣло не къ любви склоняется, а къ разорванью вѣчному! Богъ съ нимъ и съ кормомъ вашимъ!.. Вашъ кормъ мнѣ теперь и въ горло не полѣзетъ послѣ столь нестерпимаго, смертнаго уязвленія чести моего Государя!..

— Какъ знаешь, такъ и поступай! Мы въ отвѣтѣ не будемъ. Мы свое дѣло сдѣлали: грамоту тебѣ предали, объ отпускѣ тебѣ объявили, и о прекращеніи корма тоже...

— Я грамоты отъ васъ не взялъ, и не возьму! закричалъ Иванъ Ѳоминъ, видя что секретаріи повернули отъ стола къ выходу. — Сами ее не возьмете — со своимъ человѣкомъ пришлю ее обратно!

И онъ отступилъ отъ стола, отмахиваясь отъ грамоты, какъ отъ нечистой силы. Но Бухаръ и Хропляръ уже не слушали его болѣе. Они, не кланяясь Ивану, преступили черезъ порогъ, и съ сердцемъ захлопнули за собою дверь.

— Господи Боже! воскликнулъ Иванъ, всплеснувъ руками и обращаясь къ Первому-Михайлову, который былъ свидѣтелемъ всей сцены между Иваномъ и секретаріями. — Чтò теперь намъ дѣлать!

Что̀ дѣлать!? Злодѣи, обманщики, утѣснители лукавые! У нашего Великаго Государя хотятъ отнять то Царское достояніе, что ему Богъ далъ, что унаслѣдовалъ отъ прежнихъ Великихъ Государей, прародителей своихъ, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ... Отнимаютъ силою! Какъ быть, какъ быть мнѣ?

И онъ въ совершенномъ отчаяніи опустился на стулъ.

— Да что-жъ, Иванъ Ѳомичъ! Что̀ ты такъ убиваешься! Вѣдь ты-же свое дѣло сдѣлалъ — и я тому свидѣтель. Больше и сдѣлать ничего нельзя... Вѣдь силою не вложишь имъ грамоты за пазуху! А думается мнѣ вотъ что...

— Ну, ну, голубчикъ, посовѣтуй! обратился къ нему Иванъ Ѳоминъ. — Моя голова совсѣмъ истерялась... совсѣмъ не служитъ больше...

— Думается мнѣ, что съ той грамоты, которую они принесли, надо намъ, за своими руками, нѣмецкимъ письмомъ списать списки слово въ слово; а самоё грамоту къ думнымъ людямъ съ Ефимомъ Брыникомъ отправить...

— Ну, ну... вѣрно! Такъ! Списать списки, а грамоту отправить! почти машинально повторялъ Иванъ Ѳоминъ за Первымъ-Михайловымъ. — А потомъ-то что?

— Потомъ? да что-же еще? Вѣдь въ ко̀рмѣ-же намъ отказано: значитъ, путь намъ указанъ? Что-же намъ еще здѣсь сидѣть? Али еще и третій корабельный ходъ упустить?

— Такъ, значитъ, ѣхать? радостно воскликнулъ Иванъ Ѳоминъ, какъ будто только теперь додумавшись до того, что ему ничего иного не остается дѣлать.

— Вѣстимо ѣхать! смѣясь подтвердилъ Первой-Михайловъ.

Иванъ Ѳомичъ вскочилъ со своего мѣста и бросился обнимать своего товарища, которому случайно пришло въ голову простѣйшее разрѣшеніе мудреной задачи.

XV.

На другой-же день, раненько утромъ 26 октября, Иванъ Ѳоминъ, нанявши кочи подъ себя и подъ всѣхъ государевыхъ людей и возвративъ цесарскимъ думнымъ людямъ грамоту, чрезъ Ефима Брыника, пустился въ путь изъ Вѣны къ рубежу владѣній Сасскаго курфирста. Выѣзжая изъ города, онъ даже и не оглянулся на него — такъ опостылѣли ему эти стѣны, эти башни, эти кирки, эти дворцы, эти площади и улицы. Проѣхавъ городскія ворота и миновавъ таможню, очутившись на широкой, торной дорогѣ, Иванъ и всѣ его спутники сняли шапки и перекрестились широкимъ крестомъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ! слышалось изъ всѣхъ устъ. — Выѣхали! Авось Богъ дастъ и доѣдемъ!

Дорога потянулась своею обычною скучною чередой, съ обязательными отдыхами и остановками, съ неизбѣжными тратами и неудобствами. Ѣхали государевы люди сутки, и уже начинали нѣсколько оправляться отъ того тяжелаго угнетеннаго состоянія, которое нагнало на нихъ долгое, обязательное пребываніе на чужбинѣ, вдали отъ всего роднаго и милаго. На другія сутки, пріѣхавъ въ городъ Аусекъ, Иванъ Ѳомичъ съ товарищами думалъ только сдѣлать кой-какія необходимыя закупки на базарѣ и ѣхать немедленно дальше, какъ вдругъ услыхали отъ кого-то изъ проѣзжихъ, что въ городъ пріѣхали новые русскіе послы и остановились здѣсь на отдыхъ.

— Гдѣ они? Быть не можетъ? воскликнулъ Иванъ Ѳоминъ.

Ему указали домъ, около котораго, дѣйствительно, на улицѣ стояло съ полдюжины кочей и еще, отдѣльно отъ нихъ, возы съ тщательно уложенною и крѣпко увязанною кладью.

Около возовъ ходили и стояли настоящіе московскіе люди, какихъ Иванъ Ѳомичъ ужь болѣе двухъ лѣтъ и въ глаза не видалъ.

— Здорово, братцы! Здорово, други! крикнулъ имъ радостно Иванъ Ѳомичъ. — Давно-ли съ нашей матушки-Руси? Давно-ли изъ Москвы? Съ кѣмъ?

Съ удивленіемъ оглядѣли Ивана Ѳомича московскіе люди, принадлежавшіе къ посольской служнѣ, и отвѣтивъ на привѣтъ и поклонъ Ивана, отозвались:

— Давненько ужь мы, батюшка, изъ Москвы. Вотъ скоро четвертый мѣсяцъ пойдетъ... А ѣдемъ въ Цесарскую столицу съ посланниками Великаго Государя: Лукьяномъ Ивановичемъ Мясновымъ, да съ товарищемъ его, Ѳедоромъ Петровичемъ Посниковымъ.

Прослышавъ знакомыя имена, Иванъ Ѳомичъ бросился на крыльцо того дома, въ которомъ помѣстились государевы люди, и никому не докладываясь, ни у кого не спрашиваясь, прямо вбѣжалъ въ ту комнату, гдѣ Мясновъ и Посниковъ со своими спутниками только что сѣли за дорожную трапезу.

— Лукьянъ Ивановичъ! Ѳедоръ Петровичъ! Дружки милые!.. Родимые! Охъ-хо-охъ!

И не выдержалъ Иванъ Ѳомичъ—расплакался и сѣлъ на лавку.

— Батюшки!.. Да вѣдь это Иванъ Ѳомичъ! Господи! Да какими судьбами ты сюда попалъ? радостно кричалъ идя къ Ивану навстрѣчу Лукьянъ Мясновъ.

— Онъ и есть! Иванъ Елзевъ! басилъ, въ свою очередь, Посниковъ. — Вотъ гдѣ привелъ Богъ свидѣться!

— А мы ужь думали, живъ-ли ты? допрашивалъ Лукьянъ Ивановичъ, послѣ объятій и лобызаній.—Слыхали, что тутъ у тебя не лады съ Цесаремъ, что ты и за приставы былъ взятъ. Читали и доношенія твои слезныя.

— У насъ о тебѣ и въ наказѣ сказано: все о тебѣ и разузнать, и выспросить; и тебя отсюда вызволить и къ Москвѣ послать. А ты вотъ и самъ наконецъ отпущенъ.

— Не отпущенъ я, братцы! А самъ поѣхалъ, сказалъ имъ Иванъ Ѳомичъ.—Почти два года маяли они меня, жилы изъ меня тянули, а на отпускъ дали такую грамоту, что я и взять не могъ. Назадъ имъ грамоту отдалъ; такъ безъ грамоты и ѣду.

Посланники переглянулись между собою и потомъ съ удивленіемъ посмотрѣли на Ивана Ѳомича, какъ-бы не довѣряя его словамъ.

— А гдѣ-же товарищи твои? Гдѣ-же люди государевы, что съ тобою были посланы? спросилъ Ивана Мясновъ.

— Всѣ здѣсь со мною ѣдутъ. Я ихъ не успѣлъ оповѣстить о встрѣчѣ съ вами. Очень ужь обрадовался, что своихъ-то увидалъ! Ужь очень солоно намъ на чужбинѣ-то пришлось.

И Иванъ опять едва удержался, чтобы не расплакаться.

— Да ну, полно, Иванъ Ѳомичъ, поспѣшилъ сказать Лукьянъ Ивановичъ.—Да и мы съ тобой хороши, Ѳедоръ Петровичъ,—встрѣтили въ Нѣметчинѣ русскаго человѣка, да еще пріятеля, товарища, и за столъ не садимъ. Садись, Иванъ Ѳомичъ, гость будешь! А за твоими людьми да за товарищами мы человѣка пошлемъ, разыщетъ ихъ. Садись!

И усадили Ивана Ѳомича за столъ, между собою.

— Ну, разскажи-же, другъ, какъ это тутъ у тебя что-то съ нѣмцами не повелось... Ты, что-ли, сплоховалъ, или они тебя такъ подвести съумѣли? сталъ разспрашивать Постниковъ.

— Разскажу вамъ все по порядку, сказалъ Иванъ Ѳомичъ, — только ужь вы то мнѣ прежде разскажите, что о моихъ слыхали... Не видали-ли жены, дѣтишекъ? Благодѣтеля моего, да мать крестную женину не встрѣчали-ли гдѣ?

— Всѣ живы, всѣ здоровы! Жена только твоя ужь очень о тебѣ убивается... Не чаетъ и въ живыхъ тебя видѣть. А стольникъ-то...

Но Ивану Ѳомичу не пришлось услышать того, что Мясновъ собирался сообщить ему о милостивцѣ и благодѣтелѣ, потому что дверь въ комнату совершенно неожиданно отворилась настежь и на порогѣ появилась высокая и дюжая фигура старшаго городскаго рат-

мана, который вошелъ съ какою-то бумагою въ рукахъ. За спиною ратмана видны были солдаты съ алебардами и въ желѣзныхъ шишакахъ.

— Кто здѣсь изъ васъ, господа, называется господинъ Іоганнъ Ѳоминъ? вѣжливо обратился къ присутствующимъ толстый ратманъ. по-нѣмецки.

— Я Иванъ Ѳоминъ, сказалъ Елзевъ, поднимаясь изъ-за стола. Сердце его ёкнуло, чуя что-то недоброе.

— Гонецъ прискакалъ ко мнѣ изъ Вѣны съ указомъ Его Цесарскаго Величества, и этимъ указомъ повелѣвается мнѣ тебя задержать немедленно до новаго указа и не дозволять тебѣ видѣться съ новыми послами Московскаго Государя.

— Какъ? съ ними запрещаютъ мнѣ видѣться! Да почему-же это? съ недоумѣніемъ спросилъ Иванъ.

— Я ничего не знаю и долженъ исполнить полученное приказаніе. Прошу за мною слѣдовать!

— Ну, прощайте, братцы! Не надолго привелъ Богъ съ вами свидѣться!.. А только такъ и знайте, что ни въ чемъ я не виновенъ, никакого дурна за собою не знаю. Вся вина моя въ томъ, что остерегалъ и берегъ честь Государеву...

— Прошу за мною слѣдовать! строго сказалъ ратманъ и посторонился, чтобы дать Ивану дорогу.

«Господи, Боже мой! Когда-же будетъ конецъ моимъ испытаніямъ? И за что̀? За что̀ терплю я всю эту муку?» думалъ Иванъ, спускаясь съ лѣстницы вслѣдъ за ратманомъ и его стражей.

— Ну-у, дѣла̀! заговорилъ Постниковъ, когда дверь за Иваномъ захлопнулась.—Видно, онъ тутъ что-нибудь очень крупно напроказилъ! Поди-ка: гонца вдогонку послали!

— Да, дѣла̀! Ничего и не поймешь, и не разберешь. А жаль мнѣ Елзева! Хорошій онъ человѣкъ и Государю вѣрный слуга... А вотъ и тутъ ему плохо пришлось; да и тамъ-то тоже, въ Москвѣ-то, ждетъ его туча грозная! Жаль, истинно жаль!

XVI.

Старшій ратманъ отвелъ Ивана Ѳомина въ ратушу, отвелъ ему съ товарищами одну изъ комнатъ нижняго этажа; а людей его посадилъ особо. Отъ гонца государева и его спутниковъ отобрали всю ихъ рухлядь, всѣ вещи и бумаги, и поставили за печатями въ особой хороминѣ. Къ той комнатѣ, въ которой посадили государевыхъ людей, приставлена была крѣпкая стража: день и ночь въ сосѣдней комнатѣ безотступно находились пятнадцать человѣкъ солдатъ съ

самопалами и съ алебардами. Къ государевымъ людямъ не только никого не допускали, но даже у нихъ отняли всякую возможность съ кѣмъ бы то ни было сноситься — не дали имъ ни бумаги, ни чернилъ, ни перьевъ... На всѣ вопросы Ивана Ѳомина, обращенные къ приставу, который приносилъ имъ кормъ и питье, тотъ отвѣчалъ только, что ему съ государевыми людьми не приказано ни о чемъ разговаривать, и спѣшилъ удалиться, во избѣжаніе соблазна. Спутники Ивана Ѳомина сильно упали духомъ, увидавъ себя еще разъ въ заключеніи—и когда-же? Когда имъ наконецъ разрѣшенъ былъ отъѣздъ и открытъ путь на родину! Они начинали роптать на Ивана, на его неумѣлость, на его излишнюю прямоту, на его задоръ...

— Полно вамъ Бога гнѣвить! Полно и меня корить понапрасну... Дѣлалъ я по совѣсти — честь Государскую оберегалъ пуще зѣницы ока! Какъ далъ себѣ зарокъ на Москвѣ: живота не пожалѣть для дѣла, такъ и сдержалъ свое слово. Такъ и теперь скажу. Чего-же вы отъ меня еще хотите? Или вамъ любѣе было-бы, чтобы я, какъ Степанъ Ушаковъ и Семой-Заборовскій, хвостомъ передъ нѣмцами вилялъ, да Государя своего имя продалъ?

— Да не то, Иванъ Ѳомичъ, не то! А вотъ поруха-то эта... Что ужь на самой дорогѣ, на самомъ пути насъ вновь задержали и невѣдомо сколько продержатъ, вотъ что досадно! отвѣчалъ Ивану Первой-Михайловъ.

— Ну, да я-то тутъ при чемъ? Самъ ты видѣлъ, какъ я съ секретаріями изъ-за грамоты препирался! Нельзя-же мнѣ было ее съ собою взять! Самъ посуди...

— Да это вѣрно! Что и говорить... Да вотъ поруха-то эта всѣмъ намъ поперекъ горла стала!

— Ничего намъ не будетъ, успокоивалъ Иванъ Ѳоминъ. — Вѣрно вамъ говорю: ничего не будетъ. Ну, посидимъ-посидимъ, да и выпустятъ. Притомъ и Лукьянъ Ивановичъ успѣлъ мнѣ сказать, что и въ ихъ наказѣ о насъ написано, чтобы насъ вызволить. Не забудутъ-же они: чай, тоже своихъ братій не дадутъ нѣмцамъ въ обиду! Вѣдь они сами видѣли, какъ меня сюда забрали...

— Да они-то не дадутъ въ обиду, продолжалъ сомнѣваться Первой-Михайловъ,—да тамъ-то, въ Вѣйнѣ-то, пожалуй и не вѣсть чего наговорятъ на тебя! А бумаги теперь у насъ обобраны, чѣмъ ты себя оправлять станешь?

— Э-э! Коли ужь на то пошло, такъ я вамъ, други милые, по душѣ, по тайнѣ скажу: всѣ бумаги, что поважнѣе, всѣ списки съ ихнихъ нѣмецкихъ листовъ у меня вотъ гдѣ!..

И Иванъ Ѳомичъ, плутовато улыбаясь, указалъ своимъ спутникамъ на полы своего исподняго кафтана.

— Всю ночь наканунѣ выѣзда, пока вы спали, я все сидѣлъ да зашивалъ бумаги, и хотя-бы нѣмцы теперь все въ моихъ коробьяхъ перерыли, ничего они въ нихъ не сыщутъ и оправиться у насъ есть чѣмъ, коли кто насъ обвинить вздумаетъ.

Это сообщеніе значительно подняло духъ пріунывшихъ товарищей Ивана Ѳомина, ободрило ихъ и подало имъ надежду на скорое избавленіе отъ несносной неволи. Притомъ, человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что привыкаетъ къ самому тягостному положенію, быстро освоивается съ нимъ и умѣетъ найти себѣ утѣшеніе и облегченіе въ самой горькой долѣ.

Неволя государевыхъ людей продолжалась однакоже очень долго. Около двухъ мѣсяцевъ продержали ихъ въ тѣсномъ заключеніи, какъ государственныхъ преступниковъ, не объясняя имъ поводовъ къ такому необычному и незаконному способу дѣйствій. Только уже 29 декабря пришли къ Ивану бурмистры и ратманы города Аусека и прочли ему цесарскій указъ, которымъ повелѣвалось его, Ивана Ѳомина, и его спутниковъ—отпустить.

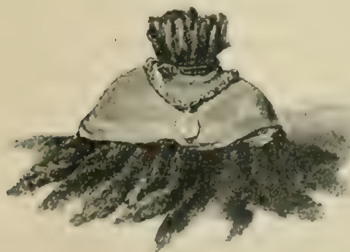
Само собою разумѣется, что Ивану и въ голову не пришло требовать отъ нихъ какихъ-либо объясненій...

Онъ такъ обрадовался свободѣ и за себя, и за своихъ спутниковъ, что въ тотъ-же день нанялъ судно, которое должно было его доставить въ Дрезденъ, поспѣшно нагрузилъ на судно всю свою рухлядь и вещи, которыя оказались не вскрытыми и не осмотрѣнными, и пустился въ путь. Но, надо сказать правду, и самъ Иванъ, и его спутники только тогда успокоились окончательно, когда они очутились за рубежемъ Цесарской земли, гдѣ ужъ не могъ ихъ нагнать никакой цесарскій гонецъ, и никакой цесарскій указъ не могъ положить препонъ ихъ дальнѣйшему странствованію.

Встрѣтили Ивана на Москвѣ очень немилостиво. Еще разъ—въ третій разъ послѣ отъѣзда изъ Москвы въ 1614 году—Иванъ попалъ за приставы. За приставы были посажены и всѣ его спутники. Какъ самъ Иванъ, такъ и его ближайшій товарищъ Первой-Михайловъ, и всѣ люди государевы, каждый порознь, были подвергнуты строжайшему допросу и неоднократно допросъ провѣрялся очною ставкою. Но допросъ привелъ только къ тому убѣжденію, что Иванъ былъ совершенно правъ, что вся его вина заключалась въ строгомъ обереганіи «имени, титла и чести Великаго Государя», и что онъ, несмотря на всѣ козни и ухищренія нѣмцевъ, «ни земскому, ни

Государеву дѣлу никакой порухи не учинилъ». Притомъ всѣ показанія товарищей и спутниковъ Ивана ни въ чемъ не расходились съ его показаніями и всѣ были прямо въ его пользу. Много помогло Ивану и то, что онъ представилъ, кромѣ подробнѣйшаго статейнаго списка, весьма любопытный «вѣстовой» списокъ, въ которомъ успѣлъ доставить Посольскому Приказу массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и слуховъ обо всѣхъ сношеніяхъ цесарскаго правительства съ сосѣдними иноземными государствами и о внутреннемъ состояніи цесарскихъ владѣній. Въ довершеніе всего, еще во время допроса и слѣдствія надъ Иваномъ Ѳоминымъ, вернулось изъ-за границы посольство Мяснова и Постникова и привезло съ собою прямыя подтвержденія того, что̀ уже говорилъ и показывалъ Иванъ Ѳоминъ. Пришлось признать, что Иванъ Ѳоминъ не только ни въ чемъ не виновенъ, но, хотя и «простецъ, и человѣкъ еще молодой», однакоже, «за вѣрную и правую службу, за то, что онъ Государеву имени прямилъ и остерегаючи Государевой чести живота своего не жалѣлъ—достоинъ награды».

Мы не знаемъ, чѣмъ наградили усерднаго и рьянаго слугу государева, не знаемъ, чѣмъ отплатили ему за труды праведные; но мы предполагаемъ, что они были оцѣнены по достоинству, потому что не разъ еще встрѣчаемъ имя Ивана Ѳомина въ посольствахъ, не только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, но и въ царствованіе его сына, Царя Алексѣя Михайловича.



„Смѣлымъ Богъ владѣетъ“.

I.

Довольно тебѣ сокрушаться-то, боярышня! говорила старушка-няня молодой своей питомицѣ, Натальѣ Курлетевой.—Полно Бога-то гнѣвить! Вѣдь не клиномъ, голубушка, бѣлый свѣтъ сошелся... Ну, отказалъ твой батюшка жениху твоему въ сватовствѣ—изобидѣлъ его... Такъ вѣдь не первый у тебя женихъ, и не послѣднiй... Будетъ ихъ у тебя, вдосталь, какъ въ Москву батюшка вернется!..

Но боярышня не слушала разумныхъ доводовъ старой няни и продолжала неутѣшно плакать, прикрывая лицо сборчатымъ рукавомъ своей сорочки.

— Ну что мнѣ съ тобой дѣлать, свѣтикъ ты мой! Какъ тебя утѣшить?.. Вишь вѣдь какъ тебѣ приглянулся этотъ черноглазый! Словно ты своего родителя не знаешь—Ѳедора-то Ивановича? Ну, развѣ можетъ онъ себѣ зятемъ незнатнаго да не родовитаго въ домъ принять? Чай, сама знаешь, каковъ онъ гордынею-то?.. Изъ-за гордыни-то и въ опалу попалъ, и въ помѣстья свои отъ царя Алексѣя

сосланъ... Да видно и опала ему роговъ-то не сломила! Каковъ изъ колыбельки, таковъ и въ могилу ляжетъ.

— Гордымъ-то Богъ противится, няня,—прошептала боярышня среди слезъ и всхлипываній. — Пусть бы отказалъ батюшка... Въ томъ его воля! Да зачѣмъ онъ изобидѣлъ-то человѣка!

— Да ужь на это твоего батюшку взять! Ужь кто же такъ-то человѣка оборветъ да изобидитъ, какъ не онъ! Сватовъ-то чуть не шелепами со двора согнать велѣлъ — холопей выслалъ съ метлами ихъ слѣдъ заметать, какъ они со двора съѣзжали!

— А что̀ же мнѣ съ сердцемъ-то дѣлать! воскликнула боярышня, поднимая голову и выпрямляясь.—Что̀ мнѣ съ сердцемъ моимъ дѣлать, когда *онъ* у меня его взялъ изъ груди, да вырвалъ? продолжала она, устремляя на старушку-няню свои прекрасные глаза, мокрые отъ слезъ.

— И-и, боярышня, сердце дѣвичье разымчиво, да оно же и забывчиво,—попыталась было замѣтить няня.

— Забывчиво—да не мое! твердо сказала Наташа.— Какъ я съ нимъ у тетушки-игуменьи въ Вологдѣ впервой свидѣлась, такъ и сказала себѣ: «вотъ онъ, мой суженый!» А послѣ, какъ мы сюда на житье переѣхали — ты сама знаешь — мы съ нимъ тайкомъ у окошечка каждый вечеръ видались... Я его всю жизнь, всю душу вызнала; и сталъ онъ мнѣ, сиротина, милѣе всѣхъ моихъ московскихъ жениховъ родовитыхъ. Сколько онъ изъ-за меня страховъ натерпѣлся, сюда, въ нашу усадьбу пробираясь!.. сколько радости онъ мнѣ въ одинокомъ житьѣ моемъ принесъ, ночки свѣтлыя лѣтнія подъ моимъ окошкомъ на развѣсистой березѣ просиживая, къ соловьинымъ пѣснямъ со мною прислушиваясь!.. И какъ любитъ-то онъ, няня! Не по московскому — по своему! Скажи я ему слово — въ омутъ для меня полѣзетъ; въ огонь пойдетъ! Вѣдь онъ смѣлый ему ни страху, ни удержу нѣтъ...

— Чего ужь смѣлѣе! ворчливо проговорила старушка, исподлобья поглядывая на боярышню:—кабы его нашъ бояринъ на той березѣ запримѣтилъ, не сносить бы головы твоему суженому. Да и намъ съ тобой не сдобровать бы... Съ твоего батюшки что̀ возьмешь—и голову сниметъ, а передъ однимъ царемъ въ отвѣтѣ будетъ, даромъ что опальный!

— Такъ какъ же я послѣ всего этого, няня, моего Василья-то въ сторону, да на другихъ смотрѣть стану! Проститъ-ли онъ мнѣ это? Да онъ, съ горя, головы бы своей не пожалѣлъ, на все бы пошелъ... Нѣтъ, пусть такъ батюшка и знаетъ, что противъ его

воли за Василья я не пойду; но ужь и за другаго мужа доброй волею меня не выдадутъ. Развѣ свяжутъ по рукамъ да по ногамъ, какъ подъ вѣнецъ повезутъ...

Няня печально покачала головой.

— Не спроситъ онъ твоего согласія, Наташенька, коли ему какой женихъ приглянется! Охъ, не спроситъ!.. Такъ и не круши ты себя прежде времени, не печалься напрасно... Твоего батюшки воля, что тюрьма каменная—не пробить ее ни слезой, ни молитвой...

— Видно стара ты стала, няня, что свои сказки ужь забывать стала? Сама же ты мнѣ разсказывала, какъ добрые молодцы изъ крѣпкой тюрьмы убѣгали, какъ тяжелыя оковы желѣзныя съ ногъ скидали, какъ уходили въ степи привольныя?..

Няня отвернулась отъ Наташеньки и молча понурила голову.

II.

Вологодскій помѣщикъ, боярскій сынъ, Василій Никитичъ Третьякъ-Михайловъ, былъ близкимъ сосѣдомъ боярина Ѳеодора Ивановича Курлетева. Владѣлъ онъ близь Курлетевской усадьбы, верстахъ въ десяти, на Сухонѣ-же, изряднымъ помѣстьицемъ, въ которомъ жилъ безвыѣздно, пока не призывали его на службу царскую. Могъ бы онъ по своимъ средствамъ и въ Москвѣ безбѣдно прожить, могъ бы проложить себѣ дорогу и ко Двору «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича, потому что у него были при Дворѣ и родные и свойственники... Да въ томъ-то и бѣда, что Василій Никитичъ любилъ свое *Печково* на Сухонѣ паче всего на свѣтѣ—и только въ этомъ родномъ гнѣздѣ ему и жилось, и дышалось привольно. Съ самаго ранняго дѣтства онъ привыкъ къ мирной тишинѣ усадьбы, къ простому, здоровому и спокойному труду, къ забавамъ и радостямъ деревенской глуши—и всего этого не хотѣлъ мѣнять на скучную жизнь въ душномъ городѣ, на тяжелую и тревожную службу низшихъ слоевъ придворной среды.

— Богъ съ ними! говаривалъ пріятелямъ Василій Никитичъ,— проживемъ и такъ, не отстоявъ себѣ ногъ на площадкѣ, не отмахавъ головы на поклонахъ! Другое дѣло—военная служба: съ врагомъ перевѣдаться любо, любо и своей отваги извѣдать... А десятокъ лѣтъ на ногахъ ежеденъ толкаться да выжидать, пока тебя на воеводство «покормиться» пошлютъ—это не нашего ума дѣло!

И, вотъ, тотчасъ по окончаніи польской войны, вернулся въ свое Печково и засѣлъ у себя на помѣстьѣ; и трудился онъ въ потѣ лица надъ пашней, выращивалъ скотъ, пчелками занимался—а все сво-

бодное время проводилъ со своими дворовыми либо на охотѣ, либо на рѣкѣ да на озерѣ, не сходилъ съ челнока, гоняясь за щукой зубастою, за лещомъ серебристымъ, да за окунемъ красноперымъ.

Всѣ сосѣди, кругомъ, любили Василія Никитича за его доброе сердце, за открытый и прямой нравъ, за лихость и отвагу его: и въ то же время уважали его опытность въ хозяйствѣ и знаніе тонкостей охотничьяго промысла. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ и помощью—и крестьяне, и помѣщики; и никому-то онъ не отказывалъ, всѣмъ готовъ былъ служить по мѣрѣ силъ. Не любилъ онъ только сосѣдскаго любопытства—не любилъ когда ему въ душу заглядывали, да о женитьбѣ поминали, невѣстъ присватывая...

— Васенька! вкрадчиво начиналъ какой-нибудь сосѣдъ, издалека подступая къ главному предмету своей рѣчи, —тебѣ вѣдь вотъ ужь скоро 27-й годокъ пойдетъ, а ты все какъ-то у себя на гнѣздѣ не проченъ...

— Какъ не проченъ? Мое гнѣздо не хуже—твоего... Всего въ немъ вдоволь! Аль я тебя когда чарой обнесъ? Аль безъ ужина спать положилъ?

— Не въ томъ, Васенька, дѣло! А вотъ мы все въ толкъ не возьмемъ, какъ ты это безъ хозяйки живешь?

— Да вамъ-то, братцы, что̀ за печаль да за неволя? Живу какъ живу, ни у кого не спрашиваясь...

— А все, Васенька, пора-бы тебѣ жениться... Законъ-бы исполнилъ...

— Ну, да! Толкуй—законъ исполнилъ-бы! А потомъ и драться съ женой каждый день Божій, какъ ты дерешься?.. Нѣтъ, спасибо!

Огорошенный сосѣдъ замолкалъ и старался проглотить горькую пилюлю, отхлебывая изъ стопы меду стоялаго или квасовъ малиновыхъ.

Всѣ сосѣди только одно запримѣтили. Какъ пріѣхалъ къ себѣ на усадьбу, въ *Окняжье*, опальный бояринъ Курлетевъ, такъ Василій Никитичъ и повѣсилъ голову. Шепотомъ поговаривали, что онъ еще прежде познакомился съ боярышней Курлетевой, когда та гостила у тетки своей, въ томъ Вологодскомъ монастырѣ, въ которомъ жила мать Василія Никитича, принявшая постриженіе послѣ смерти мужа. Но съ самимъ бояриномъ Курлетевымъ Василій Никитичъ не спѣшилъ знакомиться и не ѣхалъ къ нему на поклонъ... А почему—о томъ никто Василія Никитича не разспрашивалъ, зная, что онъ докучныхъ спросовъ не жаловалъ.

Прознали еще стороною отъ дворни сосѣдской, что въ годъ пріѣзда Курлетевыхъ въ Окняжье, сталъ Василій Никитичъ ча-

стенько по ночамъ на челнѣ куда-то ѣздить, и бралъ съ собою въ гребцахъ только одного любимаго ловчаго, Сокола по прозванію. Бралъ онъ съ собою и снасть рыболовную, только слышно было, что рыбы не много съ собою изъ этихъ ночныхъ поѣздокъ приваживалъ.

— Плутуетъ! говорили про Василія Никитича сосѣди. — Гдѣ-нибудь на сторонѣ завелъ зазнобу сердечную... Къ ней небось по вечерамъ-то ѣздитъ: въ мутной водѣ рыбу ловитъ.

И всѣ толковать стали, что ѣздитъ Василій Никитичъ къ поповнѣ-красавицѣ, что въ зарѣчномъ погостѣ жила и давно ужь въ него влюблена была безъ памяти.

Но лѣто минуло, и осенью Василій Никитичъ случайно повстрѣчался на охотѣ со своимъ знатнымъ сосѣдомъ. Повстрѣчался, приглянулся прихотливому боярину — и сталъ у него въ усадьбѣ дорогимъ гостемъ. Вмѣстѣ охотятся, вмѣстѣ пируютъ. Самъ бояринъ Курлетевъ, послѣ долгой охоты въ отъѣзжемъ полѣ, изволитъ жаловать въ Печково, пробуетъ медовъ да наливокъ старыхъ, хвалитъ стряпню печковскую; жалуется, что его дочка на Окняжьѣ такъ не кормитъ. Не нахвалится бояринъ и на охоту Печковскую.

— У тебя, Василій Никитичъ, говоритъ бояринъ Курлетевъ, — такая охота подобрана, что ею-бы самъ царь Алексѣй Михайловичъ не побрезговалъ. А за твоего ловчаго, за Сокола, я тебѣ, когда хошь, деревню въ двадцать дворовъ на промѣнъ отдамъ.

— У меня, бояринъ, охота не продажная, не промѣнная, а завѣтная, отшучивался Василій Никитичъ.

— Мало-ли что̀ завѣтное у человѣка бываетъ! отвѣчалъ ему не разъ бояринъ Курлетевъ. — Вотъ у меня Наташа — тоже завѣтный товаръ; а найдись женихъ, купецъ добрый молодецъ, да приглянись ему мой товаръ? Отдамъ-же.

И бояринъ не замѣчалъ, какое волненіе выражалось не разъ на лицѣ Василія Никитича при этихъ словахъ.

Когда пришла пора осенней охоты и стало дѣло близиться къ зимѣ, Василій Никитичъ собрался въ Вологду, испросить благословенія у родительницы, ударилъ челомъ своему отцу крёстному, старому стольнику и воеводѣ Вологодскому, и упросилъ его къ Курлетеву ѣхать сватомъ.

Старикъ собрался въ путь за 80 верстъ отъ Вологды, гостилъ два дня въ Печковѣ и наконецъ рѣшился ѣхать въ Окняжье. Какъ принялъ его бояринъ, и какъ проводилъ — мы это ужь знаемъ... Два дня спустя, воевода уѣхалъ обратно въ Вологду, огорченный и гнѣвный; а затѣмъ поднялся съ усадьбы и Василій Никитичъ,

взявъ съ собою только одного своего вѣрнаго Сокола. Куда, зачѣмъ онъ поѣхалъ и надолго-ли — того онъ никому не сказалъ: никому и вѣдомо не было.

III.

На широкомъ, торговомъ пути между Ярославлемъ и Вологдой было одно такое мѣстечко, котораго не залюбливали ни купцы, ни проѣзжіе. Дорога въ томъ мѣстѣ пролегала дряблою болотиной, по которой былъ настланъ животрепящій мостокъ изъ жердей да хворосту; а въ концѣ того мостка поднималась дорога въ гору, крутымъ подъемомъ, между двухъ сплошныхъ стѣнъ вѣковаго, дремучаго бора. Не даромъ звалось это мѣсто *Лѣшевымъ мостомъ*... Кто тотъ мостъ миновалъ благополучно, тотъ и до Вологды цѣлъ доѣзжалъ, и товаръ туда довозилъ; но на этомъ мѣстѣ такъ «крѣпко пошаливали», что ни одинъ обозъ, ни одинъ проѣзжій не пускался Лѣшевымъ мостомъ въ потемки. Всѣ спѣшили проѣхать это проклятое мѣсто за-свѣтло и сбившись кучею, чтобы дорожнымъ шарповщикамъ нападать было не сподручно; многіе даже рѣшались дѣлать верстъ сорокъ крюку другою, окольною дорогою, — лишь-бы не здѣсь ѣхать, не платить невольнаго окупа лѣснымъ хозяевамъ, что залегали на ночь у Лѣшева моста съ ножемъ за поясомъ да съ кистенемъ за пазухой.

На дорогѣ, у самой болотины, стоялъ большой постоялый дворъ, знакомый всѣмъ проѣзжимъ. Держалъ его дядя Михей Мохначъ — и разумѣлъ свое дѣло тонко... Кому онъ говорилъ:

— Погости у меня... перебудь денечекъ, гость дорогой!

Тому лучше было не съѣзжать съ его двора—лучше было послѣдній алтынъ на харчъ издержать, чѣмъ идти на вѣрную поруху... А кого Мохначъ съ поклономъ изъ воротъ провожалъ и говорилъ:

— Съ Богомъ! Миръ дорогой!

Тотъ хоть въ ночь безлунную Лѣшевымъ мостомъ ступай — никто его и пальцемъ не тронетъ.

Дня за два до Рождественскаго сочельника, раннимъ утромъ, кто-то постучался въ ворота къ Мохначу. Не спѣша натянулъ онъ на плечи кафтанишко, опустилъ босыя ноги въ валеныя ступни и вышелъ на крыльцо.

— Кто тамъ? Свой аль чужой?

— Свои. Отворяй живѣе! Ну!

— Авось не замерзнешь? Чего разбоярился? ворчалъ сѣдой и лохматый Мохначъ, лѣниво отодвигая засовъ и отмыкая калитку.

Трои пошевни, скрипя полозьями, въѣхали во дворъ. Въ нихъ сидѣло по два и по три сѣдока и клади было навалено много.

— Здорово, куманёкъ! крикнулъ, выскакивая изъ пошевней, приземистый, широкоплечій рыжій дѣтина. — Чай, не ждалъ, не чаялъ, что мы къ тебѣ такъ скоро нагрянемъ?

— Какъ не чаять? мрачно отозвался Мохначъ. — Думалъ, какъ-бы не опоздали...

— Да опоздали и есть, продолжалъ рыжій, понижая голосъ и шепча на ухо Мохначу. — Мы ждали, что Курлетевскую казну-то мимо нашей засады повезутъ — анъ ее провезли тайкомъ, по Сухонѣ, околицей!.. Чай, теперь и въ усадьбу доставили? А казна, говорятъ, богатѣйшая. Одного серебра да жемчугу — сила!

— Ахти, грѣхъ какой! Проворонили, ротозѣи! злобно отозвался Мохначъ.

— Погоди ругать-то! Пойдемъ въ избу—мы тамъ тебѣ скажемъ, какая у насъ теперь затѣя задумана...

— Да въ избу-то не ладно... Тамъ у меня проѣзжій — Печковскій баринъ... Ступайте всѣ въ подполье. Тамъ побесѣдуемъ...

— Ладно, ладно! Дай только лошадей прибрать!

И они, не распрягая, поставили лошадей къ кормягамъ, только разнуздавъ ихъ; потомъ на-крѣпко приперли ворота, и, одинъ за

однимъ, вошли скрытою боковою дверкою въ подклѣтъ избы. Когда послѣдній изъ нихъ скрылся за дверкою, изъ-за угла избы показался Соколъ; осторожно, какъ кошка къ птицѣ, подкрался онъ къ дверкѣ подклѣта, прислушался, вытягивая шею и приникая чуткимъ ухомъ, потомъ легонько толкнулъ дверь и, скользнувъ за нее, скрылся въ темномъ присѣнкѣ.

— Василій Никитичъ! А Василій Никитичъ! Проснись, государь! шепталъ, часъ спустя, тотъ же Соколъ, тряся изо всей силы своего господина то за плечо, то за руку.—Проснись—бѣда грозитъ!..

— Бѣда? Что̀ такое? тревожно спрашивалъ очнувшись отъ сна и протирая глаза Василій Никитичъ.—Говори скорѣе!

— Нельзя здѣсь и говорить, государь! Здѣсь въ каждой скважинѣ по глазу, въ каждомъ сучкѣ по уху! Только ужь не бывать тебѣ теперь на богомольѣ... Домой спѣшить надобно... Домой! Часу здѣсь не медлить!

— Да говори же! нетерпѣливо проворчалъ Василій Никитичъ.— Что̀ случилось?

— Ничего я тебѣ не скажу, пока не выѣдемъ изъ этого проклятаго дома! прошепталъ упрямый Соколъ. — Собирайся въ путь — знай, что̀ кони у крыльца стоятъ.

И не прошло получаса послѣ этой бесѣды, какъ уже Василій Никитичъ, расплатившись съ хозяиномъ, выходилъ на крыльцо и садился въ свою легкую кибиточку, запряженную *гусемъ* тройкой приземистыхъ чалыхъ коньковъ, которыми ловко правилъ Соколъ *).

— Напредки къ намъ милости просимъ! говорилъ Мохначъ, низко кланяясь отъѣзжающему.—А дюжо хороши у тебя коньки, баринъ!

— Живо домчатъ до Вологды! А тутъ ка̀къ у васъ нынче, въ перелѣскѣ—не пошаливаютъ?

— Ступай съ Богомъ, батюшка! Миръ доро̀гою.

Соколъ тряхнулъ возжами, присвистнулъ, черкнулъ по снѣгу гусевымъ кнутомъ — лошади дружно тронули съ мѣста, и кибиточка покатилась по дорогѣ, ныряя и покачиваясь среди сугробовъ.

Но отъѣхавъ версты три по Вологодской дорогѣ, Соколъ вдругъ круто свернулъ въ сторону, глухимъ лѣснымъ проселкомъ выѣхалъ на окольную дорогу и во весь духъ помчалъ домой, въ Печково.

*) Запряжки *гусемъ*, т. е. тройкою лошадей, поставленныхъ не рядомъ, а одна за другою—весьма обычны на всемъ нашемъ Сѣверѣ, гдѣ снѣга бываютъ велики, а зимняя дорога пробивается узкая. Кучеръ правитъ лошадьми при помощи одной возжи и длиннаго гусеваго кнута.

IV.

Въ навечерье Сочельника, Наташа, печальная и полная думъ и заботъ о своемъ миломъ Васильѣ, который вдругъ вихремъ поднялся съ усадьбы и сгибъ да пропалъ невѣдомо куда — обратилась къ старушкѣ-нянѣ со слезною просьбою:

— Нянюшка-голубушка! Потѣшь ты меня, облегчи мою душеньку... Грустно мнѣ таково...

— Говори скорѣй, дитятко, чѣмъ мнѣ тебя потѣшить... И такъ я смотрю, боюсь, какъ бы ты у меня не похудала, какъ бы красоты своей не истеряла!

— Что мнѣ и въ красотѣ, няня, коли одна у меня забота, одна дума на душѣ; до красоты-ли тутъ? Хочу о немъ погадать, нянюшка... Чай сама знаешь, каковъ сегодня вечеръ-то!

— Охъ, дитятко, страшенъ нонѣшній вечеръ!.. Не люблю я въ этотъ вечеръ гадать: вѣдь только нынче гаданье-то оно и сбывается... Ну, какъ ты, грѣшнымъ дѣломъ, такое увидишь, что и душа-то замретъ?.. Вѣдь мало-ли какое ночью лихое пригрезиться можетъ?

— Не боюсь я, нянюшка, никакого лиха... Боюсь только разлуки съ милымъ другомъ...

— Да ну ужъ, ладно! Устрою я тебѣ гаданье, боярышня.. Только въ баню я тебя не пущу — ни-ни! Тамъ на тебя мало-ли что стрястись можетъ... А вѣдь тутъ только пустое мѣсто нужно — гдѣ бы иконъ въ углу не было... Такъ вотъ на чердакѣ, подъ вышкой, у твоего терема, гдѣ на крышу-то выходъ—тамъ и устрою.

— Спасибо тебѣ, нянюшка, спасибо... Устрой, голубушка.

— Устрою. Въ самую полночь тебя туда и взведу... Передъ тобою-то ковшъ съ водою поставлю и три свѣчи прилѣплю... А противъ тебя зеркальце... И вотъ какъ только закипитъ у тебя вода, заволнуется въ ковшикѣ-то, ты въ зеркальце-то и смотри, вглядывайся въ потемки-то... И что увидишь, то все мнѣ разскажи... Я тебѣ потомъ объясню, растолкую... Да тѣльничекъ *) снять не забудь: а то нечистая сила тебѣ и въ зеркальцѣ судьбы твоей не покажетъ...

Наступила глухая декабрьская полночь. Пѣтухи давно пропѣли на Курлетевской усадьбѣ; давно все заснуло мертвымъ сномъ на крѣпкомъ боярскомъ дворѣ... Даже и собаки не лаяли, и сторожа не перекликались, не постукивали въ звонкія доски... Нигдѣ ни огонька,

*) Тѣльникъ—крестъ, носимый на тѣлѣ, на шеѣ.

ни жизни—все притихло и замерло. Только на чердакѣ, подъ вышкою терема, не спитъ боярышня Наталья Ѳеодоровна.

Закутавшись въ теплую соболью шубейку, покрывъ голову шелковымъ убрусомъ поверхъ теплой шапочки, она сидитъ, унылая и трепетная, передъ столикомъ. На столикѣ стоитъ большой серебряный батюшкинъ жалованный ковшъ, налитъ водою до края, и по краю прилѣплены къ ковшу три тонкихъ свѣчи воску яраго. А по ту сторону ковша поставлено зеркальце—невеличко и кругленькое, въ нарядной басменной рамочкѣ. Свѣчи, тускло мерцая въ темнотѣ, освѣщаютъ только лицо боярышни, блѣдное, взволнованное страхомъ и ожиданіемъ чего-то таинственнаго, неизвѣстнаго. Тьма и сумракъ царятъ всюду кругомъ—и глубокую, мертвую тишину лишь изрѣдка нарушаетъ морозъ-богатырь, постукивая своей тяжкой палицей въ углы бревенчатой вышки. И вздрагиваетъ невольно боярышня отъ этихъ глухихъ ударовъ — и ёжится, кутаясь въ свою соболью шубейку. Жутко ей, страшно ей... И точно, страшно здѣсь на вышкѣ, въ глухую ночь, среди тишины и мрака, да еще въ навечерье Сочельника, когда вся нечистая сила кругомъ носится, безурядная и разнузданная, — когда знаешь, что ей дана въ этотъ вечеръ волюшка-вольная надъ судьбою человѣческой. И сидитъ Наталья Ѳеодоровна, не смѣетъ себя оградить крестнымъ знаменіемъ, не смѣетъ сказать: «наше мѣсто свято!..» Не смѣетъ нарушить окружающаго ее очарованія — и пристально смотритъ на воду въ ковшѣ и сотый разъ шепотомъ перечитываетъ ту надпись, которую видитъ на днѣ, около герба государскаго: «а пити тотъ ковшъ доброму человѣку!..» И думается ей невольно:

«Да! Ничего-то я такъ не желаю, какъ чтобы суженый мой былъ добрый, добрый человѣкъ—добрый, какъ Васенька. Ахъ, что это? Какъ будто и не морозъ?..»

И точно грохнуло что-то по крышѣ, потомъ захрустѣлъ на ней снѣгъ, и тотчасъ же все стихло...

Смотритъ боярышня на-воду въ ковшикѣ — а вода въ немъ всколебнулася... къ краямъ кругами пошла... Чу! Опять что-то грохнуло, громче прежняго, такъ что затряслись стѣны вышки — и опять вода въ ковшѣ всколебалася...

«Вотъ! вотъ! Сейчасъ судьбу свою увижу въ зеркальцѣ!» думаетъ боярышня и пугливо устремляетъ свой взоръ въ отраженіе мрака.

И видитъ боярышня, вся обратившаяся въ слухъ и зрѣніе, видитъ, какъ подымается въ чердачной крышѣ дверка на вышку, и какъ кто-то темный, спускается съ вышки по лѣсенкѣ... Замирая

отъ страха. слышитъ она, какъ скрипятъ и гнутся ступеньки лѣсенки подъ грузными, тяжелыми шагами... И вотъ, сошелъ и сталъ въ углу, и медленно снимая шапку, опускается на колѣни, кланяется ей въ ноги...

«Что это!? Сонъ? Грёза?.. Или сила нечистая?» думаетъ Наталья, трепеща всѣмъ тѣломъ, и наконецъ не можетъ бороться съ собою—чувствуетъ, что ея силы ей измѣняютъ... Какъ вдругъ, сзади ея раздается знакомый голосъ:

— Боярышня! Наталья Θеодоровна! Голубушка моя! Наташа... не бойся... Вѣдь это я!

— Василій Никитичъ! Васенька! Откуда ты въ такую пору?!..

И Наташа не выдержала: вскочила со скамеечки и бросилась къ суженому.

Но онъ, стоя на колѣняхъ, протянулъ передъ собою руки, съ мольбою обращая ихъ къ ней и словно стараясь защититься отъ бѣсовскаго навожденія...

— Нѣтъ! сказалъ онъ твердо. — Не цѣлуй, не обнимай меня, Наташенька! Пришелъ я къ тебѣ не какъ суженый-ряженый къ невѣстѣ приходитъ... Пришелъ я къ тебѣ вѣстникомъ бѣды неминучей. Она у насъ теперь у всѣхъ надъ головою виситъ, какъ туча грозовая... Пришелъ я тебя съ отцомъ твоимъ спасти отъ разбойниковъ; а и не удастся спасти, такъ хоть голову здѣсь сложить, васъ своей грудью загораживая...

— Что ты? Что ты? Какая бѣда? Какіе разбойники? шептала растерянно Наташа, ничего не понимая, не сознавая даже, во снѣ или наяву все это происходитъ.

— Нельзя терять времени! Я пробрался къ тебѣ съ Соколомъ по березѣ, на вышку... Всѣ входы и выходы изъ усадьбы ужь заняты ворами... Ждутъ только знака... И въ домѣ измѣна... Влѣзутъ въ окно, что въ сѣняхъ, у опочивальни боярина... Веди насъ скорѣе къ нему... Еще можетъ успѣемъ враговъ отразить, пока подоспѣетъ подмога...

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Спаси, спаси отца моего!

— Ради Господа, тише, боярышня! Не разбуди никого... Подымешь тревогу — такъ хуже бы не было... Пойди, и няню свою успокой — чтобы не пикнула. А мы съ Соколомъ — за тобою, мигомъ!

И пока боярышня сходила съ чердака въ свой теремъ, Василій Никитичъ легонько свистнулъ Сокола, который быстро спустился съ крыши по лѣстницѣ на чердакъ. И баринъ, и слуга — оба распоясались и скинули съ себя однорядки, оправили ножи на поясѣ, осмо-

трѣли пистоли, и взявъ въ руки по свѣчѣ отъ гаданья, спустились въ теремъ боярышни.

V.

Бояринъ Өеодоръ Ивановичъ Курлетевъ изволитъ почивать въ своей опочивальнѣ. Раскинувшись во весь свой великій боярскій ростъ на тесовой рѣзной кровати, онъ покоитъ свое дородное тѣло на мягкихъ пуховикахъ, на шелковыхъ изголовьяхъ, подъ одѣяломъ, подбитымъ собольими пупками; а поверхъ того одѣяла окинуты ноги боярина стеганымъ камчатнымъ кафтаномъ.

Крѣпко заснулъ бояринъ послѣ сытнаго постнаго ужина, приправленнаго добрымъ ковшомъ кипяченаго вина фряжскаго, да стопочкой меду крѣпкаго, стоялаго. И грезится

ему, что ѣдетъ отъ Москвы, поспѣшая къ нему, царскій посолъ съ милостивою грамоткой, — что зоветъ его царь вернуться въ бѣлокаменную; зоветъ его съ собою и въ Думѣ засѣдать, и царскою тѣшью вмѣстѣ тѣшиться... И вдругъ точно слышитъ, что кто-то теребитъ его за рукавъ и за воротъ рубахи, стараясь его пробудить отъ глубокаго сна.

— Ну, что... тамъ... еще? мычитъ бояринъ впросонкахъ. — Если... гонецъ... изъ Москвы... пусть до утра обождетъ...

— Батюшка! слышитъ онъ надъ самымъ ухомъ трепетный, дрожащій голосъ дочери. Батюшка! Подымайся скорѣй ото сна!.. бѣда намъ грозитъ страшная! Гибель неминучая!

— Да что ты! Очумѣла, что-ли? говоритъ бояринъ приподымаясь на своемъ ложѣ.—Откуда тебѣ это пригрезилось?..

— Тише! Ради Бога — тише! Никого не зови... Того и гляди услышатъ... Воры-разбойники на твою усадьбу наѣхали... всѣ входы-выходы осѣли... Сейчасъ къ тебѣ въ окно полѣзутъ... Изъ сѣней прямо къ твоей опочивальнѣ норовятъ—ужь вотъ и лѣстницу для нихъ подъ окномъ Сидорка Безпятый припасъ... Онъ и навелъ ихъ на тебя...

— Да кто тебѣ это сказалъ? Кто наплёлъ? тревожно и гнѣвно спрашивалъ бояринъ.

— Не наплёлъ, бояринъ, отозвался въ темнотѣ чей-то знакомый голосъ, а сущую правду сказалъ. Я тебя спасаючи къ тебѣ боярышню послалъ...

— Кто здѣсь? съ испугомъ вскрикиваетъ бояринъ, стараясь распознать въ темнотѣ двѣ какія-то высокія и мужественныя фигуры.

— Это я, сосѣдъ твой, Василій Третьякъ-Михайловъ, да слуга мой, что Соколомъ-то зовутъ. Узнали мы случаемъ, что на тебя напасть хотятъ—пришли тебя защищать и съ тобой отсидѣться въ усадьбѣ, пока подоспѣетъ подмога. Одѣвайся скорѣе, бояринъ, время не терпитъ.

Но бояринъ ужь и не слушалъ его рѣчей... Онъ поспѣшно напяливалъ на плечи кафтанъ, подтягивалъ тучное тѣло поясомъ, и шарилъ по стѣнѣ, отыскивая свой мечъ, свои пистоли, свой охотничій ножъ.

Василій Никитичъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ дверямъ изъ опочивальни въ сѣнцы и прислушивался, видимо, выжидая чего-то... Когда бояринъ одѣлся и подошелъ къ нему, Соколъ шепнулъ ему на ухо:

— У *нихъ* съ Си́доркой положено, что какъ третьи пѣтухи закричатъ, такъ *имъ* твой измѣнщикъ оконцо въ сѣнцахъ отворитъ, а передъ тѣмъ свѣчей махнетъ. Полѣзай молъ!.. Вотъ Василій Никитичъ-то и ждетъ. Какъ только Сидорка въ сѣнцы сунется, мы его тутъ и накроемъ...

— Да гдѣ-же люди-то мои? Гдѣ холопи? въ ужасѣ допрашивалъ бояринъ.

— Холопи твои, которые не пьяны, тѣ давно перевязаны, лежатъ по людскимъ избамъ словно снопы... Вѣдь станишниковъ-то сорокъ человѣкъ наѣхало — и самъ Хлопка Безмѣнъ у нихъ въ атаманахъ... Твоя казна мимо ихъ рукъ сюда проскользнула — вотъ они на нее зубы и точатъ...

Тихіе, осторожные шаги раздались въ сѣнцахъ. Чуть скрипнули шаткія половицы подъ босою ногою... Блѣдная полоска свѣта протянулась въ опочивальню изъ-подъ двери—и померкла...

Въ то же мгновеніе Василій Никитичъ и Соколъ, распахнувши дверь настежь, ринулись въ темныя сѣни, гдѣ Сидорка, уже погасившій свѣчу, брался за раму оконца. Не успѣлъ онъ и пикнуть, какъ двѣ дюжія лапищи сдавили ему грудь и глотку, между тѣмъ какъ кто-то другой крутилъ ему руки за спину.

— Крѣпче крути, Соколка! шепталъ Василій Никитичъ. — Да глотку заткни рукавицей, чтобы не крикнулъ, не подалъ *имъ* знаку—не ушли бы отъ насъ, разбойники! Такъ, такъ! Ладно! Теперь брось его въ уголъ... Лежи тамъ, бѣсовъ сынъ!

И, покончивъ съ Сидоркой, Василій Никитичъ смѣлою рукою толкнулъ створчатое оконце и распахнулъ его настежь; а самъ, съ вѣрнымъ Соколомъ, сталъ по бокамъ, у косяковъ, притаивъ дыханье въ нѣмомъ ожиданіи.

Слышно было, какъ два или три человѣка, скрипя сапогами по снѣгу, осторожно подставили къ сѣнцамъ лѣстницу —и вотъ полѣзла по лѣстницѣ какая-то темная, мрачная, грузная фигура. Слышно было, какъ гнулась подъ лѣзущимъ лѣстница...

Вотъ, наконецъ, голова въ косматой шапкѣ появилась въ рамѣ окна; двѣ темныхъ ручищи оперлись на косякъ и темная масса полѣзла въ сѣни, съ трудомъ продираясь плечами въ раму оконца.

— Ишь, ты, Сидорка! шепталъ чей-то грубый голосъ. — Не ладно затѣялъ, не по плечамъ мнѣ оконце выбралъ!

— Погоди, пріятель, прошепталъ въ отвѣтъ ему Соколъ, ловко поддѣлываясь подъ говоръ Сидорки, — вотъ я подсоблю тебѣ.

И прежде, чѣмъ Хлопка Безмѣнъ успѣлъ высвободить плечи изъ тѣсной рамы, кто-то такъ ловко накинулъ ему петлю на шею и такъ туго, такъ быстро стянулъ ее, что разбойникъ онѣмѣлъ и замеръ на мѣстѣ... Дыханье его порвалось... Свѣтъ выкатился изъ очей, въ головѣ зашумѣло — онъ лишился сознанія. Онъ даже не чувствовалъ, какъ Соколъ съ Васильемъ Никитичемъ, дружнымъ натискомъ втащили его черезъ оконце въ сѣни, скрутили по рукамъ и ногамъ и бросили въ уголъ, рядомъ съ Сидоркой.

— Ну, что же вы тамъ застряли? крикнулъ Соколъ двумъ остальнымъ разбойникамъ, стараясь поддѣлаться подъ сиплый басъ Хлопки.—Пора! Влѣзай, кто на очереди!

И точно такъ же, какъ съ Хлопкой, справился Печковскій баринъ и Соколъ съ двумя слѣдующими разбойниками. Въ ту же самую петлю угодили они, влѣзая въ оконце, такъ же точно не успѣли и крикнуть, какъ были ужь связаны и брошены рядышкомъ съ другими злодѣями въ тѣхъ же сѣнцахъ.

Бояринъ все слышалъ изъ своей опочивальни, гдѣ онъ сидѣлъ, трепеща не за свою жизнь, а за дочь свою, которая прижималась къ груди его, въ ожиданіи гибели, и горячо молилась за своего отца и за своего суженаго. Въ другомъ темномъ углу, точно такъ же молилась, то вздыхая, то охая, старушка-няня.

— Бояринъ, сказалъ Василій Никитичъ, вступая въ опочивальню изъ сѣней,—теперь намъ съ этой стороны опасаться нечего. Главные и самые дерзкіе злодѣи—въ нашихъ рукахъ. Соколка мой стоитъ надъ ними у окна съ чеканомъ въ рукахъ и буде кто двинется или въ окошко сунется—такъ живой не сойдетъ съ мѣста. Надо теперь намъ съ тобою достать изъ твоего охотнаго запаса по пищали доброй, да по самострѣлу, и стать у оконъ, что надъ крыльцомъ въ верхнемъ жильѣ. Коли задумаютъ разбойники на разсвѣтѣ съ той стороны напасть: надо имъ дать отпоръ! Самъ видѣлъ, каково я звѣря на охотѣ бью—чай и по злодѣю промаха не дамъ! Такъ, съ Божьей помощью и отсидимся, пока придетъ подмога!

— Дѣлай, что́ хочешь! Во всемъ тебѣ воля вольная, Василій Никитичъ! тихо проговорилъ бояринъ Курлетевъ, поднимаясь съ мѣста, чтобы исполнить добрые совѣты своего нежданнаго спасителя.

Вся шайка Хлопки, врасплохъ напавшая ночью на усадьбу боярина Курлетева, быстро и ловко расправилась съ боярской служней. Двое нищихъ, по виду убогіе калики-перехожіе, еще съ вечера, наканунѣ, попросились переночевать на боярскомъ дворѣ, споили часть дворни двумя боченками какой-то водки съ крѣпкимъ соннымъ зельемъ, отрави́ли лепешками злыхъ собакъ—и отворили ворота своей братіи, станишникамъ, удалымъ добрымъ молодцамъ, которые тотчасъ всю дворню перевязали и заперли по людскимъ избамъ. Кто было вздумалъ ортачиться, тому пригрозили кистенемъ—и менѣе чѣмъ въ часъ времени вся усадьба боярина Курлетева была уже въ рукахъ разбойниковъ, которые всюду разставили своихъ сторожей, и стали хозяйничать по боярскимъ погре-

Изд. А Ф Маркса [illegible] [illegible] А Ф Маркса [illegible]

бамъ, клѣтямъ и амбарамъ, какъ у себя дома. Самъ Хлопка, съ двумя надежными товарищами, долженъ былъ, по знаку предателя-Сидорки, подняться въ сѣнцы, задушить боярина въ опочивальнѣ, овладѣть его казной и отворить всей ватагѣ дверь, что выходила во дворъ, на бѣлое крыльцо.

Но вотъ ужь и третьи пѣтухи пропѣли, и больше часу времени съ тѣхъ поръ прошло, какъ Хлопка съ товарищами въ домъ влѣзъ, а дверь на крыльцо все не отворялась. Прошло еще съ полчаса,—стало свѣтать—а объ атаманѣ и есаулахъ ни слуху, ни духу...

— Видно, черти, тамъ по уши въ золото да по локоть въ жемчугъ залѣзли! ворчали разбойники, слоняясь кучками по двору около дома и не смѣя ничего предпринять безъ атаманскаго приказа.

— Вѣстимо! дорвались! Теперь ихъ отъ боярской казны, чай, и за уши не оттащишь?

— А что, братцы? Не взглянуть-ли намъ однимъ глазкомъ, что̀ они тамъ въ боярскомъ дому дѣлаютъ? Какъ хозяйничаютъ?

— Отчего не взглянуть! Вѣдь тамъ стремянка-то къ сѣнцамъ и теперь у оконца приставлена. Полѣзай, кто посмѣлѣе!

— Да вотъ у насъ Ванька Сычъ горазд лазать-то! На какое хошь дерево взлѣзетъ!

— Полѣзай, Ванька! Чего ждать-то! Ну, полѣзай! закричала толпа на высокаго и коренастаго парня въ рваномъ тулупѣ, съ топоромъ и кистенемъ за поясомъ.

— Ну, васъ, къ шуту! Что̀ я вамъ за посыльщикъ достался!

— Полѣзай, говорятъ! А мы за тобою! Небось, не выдадимъ! Полѣзай! загорланила толпа, подступая къ Ванькѣ.

— Ишь, оголтѣлые! Пристали... Ну, и полѣзу! А что̀ увижу—о томъ не скажу... Придется вамъ самимъ лѣзть поневолѣ!

И онъ вмѣстѣ съ кучею, человѣкъ въ десять разбойниковъ, подошелъ къ лѣстницѣ, плюнулъ на ладони рукъ и бойко полѣзъ по стремянкѣ.

Но едва сунулъ онъ голову въ оконце, какъ кто-то на верху крикнулъ грозно:

— Какъ смѣешь, лѣсовикъ, въ боярскіе хоромы лѣзть?

Ванька страшно вскрикнулъ и кулемъ рухнулъ на землю съ раскроеннымъ черепомъ. Разбойники разомъ отхлынули отъ лѣстницы во всѣ стороны; ни одинъ и не подумалъ полѣзть вслѣдъ за Ванькой.

— Ребята! Не ладно дѣло! Въ домѣ-то видно есть изъ людей кто? переговаривались между собой разбойники.

— Кому же тамъ быть, кромѣ старика-боярина, да женской служни. Вѣдь Сидорка намъ такъ и говорилъ, что онъ одинъ съ бояриномъ на ночь въ хоромахъ остается?..

— Кто же Ванькѣ-то голову разсѣкъ?

— А кто ихъ знаетъ? Можетъ не Хлопка-ли самъ — зачѣмъ молъ безъ спросу полѣзли!

— А коли такъ! Мы и прямо съ крыльца полѣземъ. Вали, ребята, прямо туда, на крыльцо, — ломай дверь! Тащи бревна, аль мостовину, высаживай створы! Ишь, старый чортъ-атаманъ! утроба ненасытная! Ему бы все одному въ однѣ руки забрать! Нѣтъ, шалишь! Вали!

И собравшись гурьбою, разбойники съ крикомъ двинулись на крыльцо. Но прежде чѣмъ они къ крыльцу подошли по двору, два оконца въ верхнемъ жильѣ боярскаго дома отворились, изъ нихъ два выстрѣла раздались разомъ, и двое разбойниковъ съ глухимъ стономъ повалились на снѣгъ, окрашивая его багровыми пятнами крови.

Толпа попятилась и сбилась для совѣта на другомъ концѣ двора.

— Э-э, братцы! Вотъ оно что! Это значитъ Сидорка намъ измѣнилъ! Нашего атамана въ западню завелъ! Какъ намъ быть!?

А такъ и быть! порѣшили самые отчаянные головорѣзы въ шайкѣ,—такъ и быть, что спалить всю усадьбу! Разведемъ костры, подкатимъ ихъ къ дому, засвѣтимъ свѣчку такую, что будетъ насъ бояринъ Курлетевъ помнить!

Сказано — сдѣлано. Забѣгали они по двору, засновали по сѣноваламъ, по конюшнямъ, по пелевнямъ, стащили во дворъ огромныя груды соломы, подвезли ихъ къ самому дому и вдругъ запалили съ трехъ сторонъ. Ярко вспыхнуло пламя, затрещали наваленныя около дома кучи хвороста и соломы, дымъ повалилъ клубами... Крики ужаса явственно раздались въ домѣ... Злобный крикъ радости былъ отвѣтомъ на нихъ со стороны разбойниковъ.

Но что̀ это? Издали слышатся по дорогѣ къ усадьбѣ бубенцы, колокольцы, громкіе крики, топотъ коней... Снѣгъ вихремъ крутится подъ санями, взрываемый бѣшеною скачкой двадцати троекъ, на которыхъ во весь духъ мчатъ къ Курлетевской усадьбѣ, на выручку боярина, сосѣди-дворяне и дѣти боярскія, собравшіеся по призыву Василья Никитича, еще наканунѣ разославшаго людей по сосѣдямъ. Вотъ они подкатили къ усадьбѣ; вотъ вылѣзаютъ изъ саней вооруженные люди и съ крикомъ гурьбою лѣзутъ во дворъ черезъ садъ, черезъ ограду, черезъ поваленный тынъ чернаго двора.

Изд. А Ф Маркса [illegible]   [illegible] А. Ф Маркса [illegible]

— Насъ окружили! Бѣги! Вразсыпную! Живой не давайся въ руки! кричали разбойники, бросаясь во всѣ стороны.

— Бей всѣхъ! Не жалѣй! кричали имъ навстрѣчу дворяне, и съ бердышами, съ самопалами въ рукахъ, стремились они со всѣхъ сторонъ на разбойниковъ, вмѣстѣ со своими холопями.

И вотъ, пока одни тушили пожаръ, другіе били и вязали разбойниковъ. Крики, стоны, ругань, выстрѣлы, стукъ и бряцанье оружія слились на нѣсколько мгновеній въ одинъ общій гулъ въ общей отчаянной свалкѣ.

VI.

На другой день, въ самый день Рождества Христова, бояринъ Курлетевъ, отслушавъ обѣдню у себя на погостѣ, въ шести верстахъ отъ усадьбы, пригласилъ къ себѣ священника съ причтомъ на честной боярскій пиръ, и просилъ его, по случаю избавленія отъ великой опасности, отслужить въ домѣ благодарственный молебенъ и весь домъ окропить святою водой.

На тотъ пиръ и на тотъ молебенъ пригласилъ бояринъ и всѣхъ тѣхъ дворянъ-сосѣдей, которые его избавили отъ неминучей гибели. Когда попъ съ дьяками отпѣлъ молебенъ и всѣ гости двинулись вслѣдъ за хозяиномъ въ столовую избу, бояринъ Курлетевъ взялъ Василія Никитича за руку, вывелъ его на средину столовой палаты, да при всѣхъ и поклонился ему въ ноги.

Василій Никитичъ обомлѣлъ, растерялся и до такой степени опѣшилъ, что даже не поднялъ старика. Подскочили другіе дворяне, подхватили боярина подъ руки; но тотъ не хотѣлъ подниматься.

— Нѣтъ, други, я долженъ ему трижды въ ноги кланяться! Я посмѣлъ передъ нимъ своимъ родомъ величаться, я его ни за что̀ изобидѣлъ, а онъ мнѣ вонъ какъ отплатилъ! Не хочу я у тебя, сосѣдъ дорогой, въ долгу оставаться. И прошу я тебя униженно, къ стопамъ твоимъ припадаючи, прими ты отъ меня на память даръ, отъ души даруемый...

— Бояринъ, горячо сказалъ Василій Никитичъ, — ты знаешь, что я на дары не падокъ!

— Ну, врешь! отъ этого дара не откажешься!

И бояринъ громко захлопалъ въ ладоши.

Дверь въ смежную комнату отворилась, и няня-старушка вывела оттуда Наталью Ѳеодоровну въ бѣломъ штофномъ лѣтникѣ и въ тѣлогрѣѣ, подъ густой кружевною фатой.

— Вотъ тебѣ даръ мой — по нынѣшнему великому празднику!

сказалъ бояринъ. указывая Василію на Наталью. — Отецъ Семенъ. пока еще намъ обѣдать не подали, благослови мою дочь, боярышню... Отдаю ее доброй волею за боярскаго сына Василья Третьяка-Михайлова. Научился я знать, что онъ. по душѣ своей, всякому, самому знатному роду боярскому, и въ честь, и въ мѣру!

Василій Никитичъ, одурѣлый отъ счастья, бросился цѣловать руки своему нареченному тестю, который его къ тому не допустилъ, и крѣпко-крѣпко обнялъ.

— Вотъ мы и точно у праздника! говорили кругомъ ихъ сосѣди-дворяне, и чистая, прекрасная радость наполняла ихъ душу истинно праздничнымъ тепломъ и свѣтомъ.

Русскій полонянникъ.

I.

Дворянинъ Лукьянъ Ивановичъ Большаковъ и товарищъ его, подьячій Дмитрій Ступинъ, отправленные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ посольство къ кесарю Римскому—справивъ службу царскую, возвращались изъ Цесарской земли въ отечество. Прибывъ въ городъ Гамбургъ, они стали наводить справки о торговыхъ нѣмецкихъ и голландскихъ корабляхъ, собиравшихся плыть на Сѣверъ, въ далекое, непривѣтное Бѣлое море. Оказалось, что пойдутъ въ Бѣлое море три корабля; но пойдутъ не скоро:—дней пять они будутъ оснащиваться, да съ недѣлю грузиться; за то ужь прямо доставятъ государевыхъ людей въ самый Архангельскій городъ, и возьмутъ не дорого. Дѣлать нечего—приходилось ждать поневолѣ...

Вотъ и сидятъ они подъ окномъ, сложа руки, и жалуются и негодуютъ на невзгоды дальняго странствія, и гнѣвятъ Господа Бога своимъ безумнымъ ропотомъ... И что дальше, то больше!.. Наконецъ, ужь такъ всѣ растосковались да расхныкались, такія развели жалобныя пѣсни, что со стороны даже и слушать жутко было...

— Господи Боже! нылъ одинъ. — Да будетъ-ли этому конецъ? Сколько шатались по чужбинѣ,—а тутъ и еще таки жди да сиди!

— Да это если бы къ примѣру еще недѣли три такъ заставили сидѣть здѣсь сложа руки въ этомъ Амбурхѣ проклятомъ, такъ, кажись, въ тюрьмѣ бы лучше...

Какъ разъ во время этихъ сокрушеній, дверь отворилась и одинъ изъ слугъ доложилъ «его милости» Лукьяну Ивановичу, что къ нему пришелъ русскій полонянникъ и слезно молитъ «его свѣтлыхъ очей видѣть».

— Полонянникъ? Русскій? спохватился Лукьянъ Ивановичъ.— Да откуда онъ здѣсь взялся?

— Говоритъ, что ужь девятый годъ пошелъ его полону, какъ его татары на Руси полонили... А самъ такъ и разливается плачетъ...

— Татары полонили? Видно въ Турскую землю его и продали?.. И онъ—оттуда... Зови его сюда скорѣе!

И Лукьянъ Ивановичъ, простой и добродушный русакъ, разомъ встрепенулся и ожилъ, въ виду возможности помочь чужому горю. Оживились и всѣ его спутники, ожидая увидѣть новаго человѣка, услышать изъ устъ его разсказъ о его похожденіяхъ... Забытъ былъ и ропотъ, и жалобныя пени,—и тоску сразу какъ рукой сняло.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, высокій и статный, сухаго, но чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Густые темнорусые волосы длинными, мягкими прядями спадали съ головы его почти на самыя плеча. Лицо, почернѣвшее отъ загара и пыли, носило на себѣ слѣды страшнаго изнуренія. Грязныя лохмотья—жалкіе остатки какой-то безъимянной, не то нѣмецкой, не то турецкой одежды—прикрывали могучее тѣло бездомнаго скитальца, а на босыя ноги его, распухшія и растрескавшіяся, страшно было и взглянуть непривычному человѣку. Но въ голубыхъ, умныхъ и добрыхъ глазахъ пришлеца яркимъ, неугасимымъ пламенемъ горѣла несокрушимая твердость духа и сила воли.

Какъ онъ вошелъ въ комнату, такъ и бухнулъ въ землю передъ Лукьяномъ Ивановичемъ, то кланяясь ему въ ноги, то обхватывая его колѣна.

— Господинъ посолъ! шепталъ онъ едва слышно.—Спаси!.. Заставь за себя Богу молиться... Не дай, какъ псу, помереть безъ покаянія на чужбинѣ... Три дня и три ночи я шелъ пѣшкомъ, не присаживаясь, глазъ не смыкая, чтобы тебя здѣсь застать!.. Зналъ, что ты меня не погубишь, не покинешь...

— Да что ты? Что ты—полно! Вставай, объявляй свою нужу!—утѣшалъ его Лукьянъ Ивановичъ, котораго тѣмъ временемъ обступили его спутники.—Вставай—разскажи все толкомъ: откуда ты теперь идешь, и какъ въ полонъ попалъ?

— Не встану, господинъ посолъ! Спаси, дай способъ опять на Русь святую попасть... А то ужь не видѣть мнѣ солнца краснаго...

— Да полно! полно! Возьмемъ тебя — не покинемъ здѣсь! заговорили одновременно всѣ спутники Большакова.

— Не покинете! возьмете!.. воскликнулъ полонянникъ, всѣмъ кланяясь въ ноги. — Господи! Девять лѣтъ я только тѣмъ и живу, что въ Бога вѣрю и въ Его святую волю! Вѣрю, что не забылъ Онъ меня, что выведетъ изъ бусурманщины на Русь православную... что не дастъ мнѣ погинуть...

И онъ не могъ продолжать: рыданья душили его... Онъ закрылъ лицо руками и плакалъ какъ ребенокъ. Наконецъ, кое-какъ, общими силами, несчастнаго успокоили, ободрили, приласкали; разыскали ему и бѣлье, и одежду. Каждый тащилъ ему свое: кто шапку, кто рубаху, кто кафтанишко. Даже скупой собольщикъ выискалъ ему въ своей коробьѣ преизрядный терликъ. Только обуви для полонянника никакой подыскать не могли: его ноги были такъ раздуты и изранены, что никакіе сапоги на нихъ бы не влѣзли... Но такъ какъ этотъ Божій гость возбудилъ къ себѣ во всѣхъ общее состраданіе и участіе, то и ногами его занялись преусердно, и о нихъ позаботились. Царскій цѣловальникъ *), степенный московскій купецъ, обмылъ ноги полонянника, смазалъ на нихъ раны какимъ-то травянымъ снадобьемъ и бережно ихъ перевязалъ чистымъ холстомъ.

И вотъ, часа два спустя послѣ прихода на посольскій дворъ, полонянникъ, обмытый, расчесанный, подстриженный и пріодѣтый въ чистое платье, сытый, довольный и счастливый, сидѣлъ на коврѣ въ пріемной комнатѣ Лукьяна Ивановича, окруженный всѣми его спутниками и служней... Онъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что видѣлъ кругомъ себя родныя лица, слышалъ родную рѣчь, ощущалъ на себѣ добрые, ласковые взгляды, которые смотрѣли на него съ участіемъ и вниманіемъ, ожидая услышать изъ устъ его дивную повѣсть его похожденій и странствованій. Здѣсь, даже и на чужбинѣ, онъ уже предвкушалъ то счастье, которое даетъ каждому изъ насъ только родина! И вотъ, оживленный, проникнутый сознаніемъ своего счастья, онъ уже могъ спокойно оглянуться на свое страшное прошлое и спокойно началъ свой разсказъ.

II.

«Родомъ я изъ-подъ Курска, — такъ началъ онъ, — и зовутъ меня по крещенью Григорьемъ, а по отцу-то Харламовымъ. Слобода наша

*) Цѣловальникъ — т. е. присяжный купецъ, который при посольствѣ посылался съ царской казной. — Собольщикъ — оцѣнщикъ, который опредѣлялъ цѣну соболей, отправляемыхъ за границу съ посольствомъ.

тянется версты на три по Муравскому шляху *). Разсыпаны бѣлыя хатинки по косогорамъ да по яругамъ, а между тѣхъ косогоровъ, по мягкому, зеленому лугу, что жемчугъ скатный по бархату, вьется ручей серебристою лентою, и къ ручью, словно змѣйки, сбѣгаютъ яругами, пѣнясь и журча, ключи-студенцы. Вѣрите-ли — вѣкъ не пивалъ ни слаще, ни чище той воды, что въ этихъ ключахъ... Бывало наклонишься къ ней въ жаркій день, да губами прильнешь къ струѣ — и тянешь, и тянешь, и отстать не охота! Тянешь и слушаешь, какъ студенецъ-то журчитъ и кипитъ, изъ-подъ земли выбивается. А какъ напьешься до-сыта, да встанешь потомъ на рѣзвыя ноги—кажется: силы-то, силы въ тебѣ что̀ прибавилось!

Вся слобода наша сплошь—народъ служилый, строевой. Въ двухъ верстахъ поюжнѣе отъ насъ, пролегаютъ валы да засѣки, на которыхъ мы несемъ службу—сторожимъ святую Русь отъ налета лютаго врага, Крымца-татарина. И отъ тѣхъ засѣкъ и валовъ, верстъ на тридцать еще, а то на полсотни, рыщутъ по степи наши разъѣзды, и чуть что увидятъ недоброе, скачутъ къ вышкамъ—мигомъ зажгутъ на тѣхъ вышкахъ солому да хворостъ—и всѣхъ тревогой подниму̀тъ на ноги. Такъ и живемъ: пашемъ — а сабли на поясѣ: косимъ —а мушкеты у насъ заряжены, составлены въ козлы, кони осѣдланы, привязаны къ копьямъ; послѣ работы, спать полегли—а сторожъ ѣздитъ дозоромъ, степь глазомъ окидываетъ... Тревожно живемъ; а привольно, богато и весело: ни съ кѣмъ-то свое житье не смѣняемъ...

Отцы наши при Борисѣ-царѣ это мѣсто избрали, облюбовали и поселились на немъ, а мы ужь и церковку надъ ихъ могилками построили преизрядную, и благолѣпно украсили ее иконами, ризами, всякою утварью; книги священныя самъ патріархъ Филаретъ въ даръ намъ прислалъ.

Былъ и я у себя въ слободѣ не послѣдній — крѣпокъ, силенъ, почти выросъ на конѣ; саблей, копьемъ-ли, мушкетомъ-ли — всѣмъ могъ управиться. Въ степь сталъ съ разъѣздами ѣздить, какъ еще на усахъ-то и пуху не было... Чуть гдѣ поопаснѣе, гдѣ удаль да смѣтка нужна - всѣ: «Гриша» да «Гриша»... Вотъ я и зачванился: думалъ, нѣтъ мнѣ и равнаго! Первый въ ночную засаду иду; одинъ-на-одинъ выхожу на татарина... Много ихъ загубилъ!..

Какъ вошелъ я въ лѣта, говоритъ мнѣ какъ-то покойникъ-отецъ:

— Пора бы жениться тебѣ, молодецъ! Полно гулять да полевать.

*) *Шляхъ*—дорога проѣзжая. *Муравскій шляхъ*—дорога, пролегавшая изъ южныхъ степей и Крыма на Сѣверъ Руси.

Угомонись, да заведись домкомъ... Вонъ, чего тебѣ лучше?—сосѣдка, вдова молодая, Аѳониха? Кровь съ молокомъ, работница-баба, да есть и достатокъ. Пойдетъ за тебя...

— Знаю я, что пойдетъ! И такъ глазъ не сводитъ съ меня. Да она мнѣ не по-сердцу. Есть на примѣтѣ другая...

— Ужь не попова-ли племянница? Той не бывать за тобой... Не гонись! Тѣ богатаго ищутъ...

— Богатаго? я говорю. —Что-жъ? Будемъ богаты, а Марья отъ насъ не уйдетъ... Марья насъ подождетъ.

— Что-жъ ты? Кладъ, что-ли, намѣтилъ въ степи, въ заклятомъ курганѣ, подъ каменной бабой, али душу задумалъ чорту продать? Я, вѣкъ трудившись, не нажилъ богатства; а ты такъ сразу голой рукою жаръ хочешь загресть!

— Нѣтъ! Клада-то я не намѣтилъ и душу чорту не продалъ, а слышалъ, что нынче весною сбираются съ Дону добрые молодцы въ Крымъ, за тулупами *), такъ вотъ и я хочу съ ними удаль попробовать, плечо поразмять...

— Грабить сбираешься?.. Кровь проливать?.. Грабежный прибытокъ—не въ прокъ... Смотри, берегись!

— Кровь бусурманскую лить не грѣшно! Они вонъ, собаки, пьютъ нашу кровь, грабятъ добро наше!.. Ну, и мы на ихъ счетъ поживимся!

— Ну, Григорій! Дѣлай, какъ знаешь... Только такъ ты и помни: нѣтъ тебѣ на то моего благословенія!

Я со старикомъ не спорилъ... А мѣсяцъ спустя, онъ вдругъ захворалъ, покряхтѣлъ, постоналъ сутки двои на лавкѣ—да Богу душу и отдалъ... И-и-и! загрустилъ, встосковался я безъ моего старика—свѣта не взвидѣлъ. Тутъ пришла весна-красная; я съ Марьей простился, сказалъ ей: «жди меня!»—да на Донъ и махнулъ.

А ужь Донъ-то весь какъ варомъ варилъ: собирались ватаги удалыхъ, строили челны, запасы копили, сабли точили, парусы правили, въ круги собирались, сговаривались... И чуть только Донъ и Донецъ вскрылись и вздулись отъ вешнихъ снѣговъ, спустили и мы всѣ бусы **), и слѣдомъ за льдомъ съ пѣснями двинулись къ морю. Поплыло насъ тысячъ до трехъ — молодецъ къ молодцу на подборъ! Каждый могъ за троихъ постоять! Приплыли къ Святымъ Бѣлымъ горамъ, къ Успенской обители—вкладъ богатый инокамъ дали, пѣли

*) «Ходить за зипунами» — «ходить за тулупами» — такъ называли Донцы свои набѣги на Крымъ и на калмыковъ. — **) Бусы — большія рѣчныя суда. Ходили и по морю.

молебны, освятили оружіе, окропили святою водою суда, со слезами простились съ красотою тѣхъ мѣстъ несказанной, и поплыли дальше. Темною, бурною ночью проплыли мы, тайкомъ, подъ самымъ Азовомъ — выбрались гирлами въ море, на вольный просторъ, расправили паруса — и бусы наши, словно чайки, полетѣли по синему морю.

И привалило-жъ намъ счастье на первыхъ порахъ! Два корабля турецкихъ врасплохъ захватили, сожгли, потопили; шесть фелукъ съ товаромъ, съ запасомъ — пограбили; восемь мѣстечекъ прибрежныхъ съ землей сравняли, не оставили въ нихъ бусурманъ и на сѣмена, и поплыли къ самой узмени, что у выхода въ Черное море.

Вдругъ видимъ: съ моря идутъ намъ навстрѣчу восемь большихъ кораблей, да всѣ съ тяжелымъ нарядомъ! Мы отъ нихъ на-утёкъ, а они за нами въ погоню, и давай по насъ бить изо всѣхъ пушекъ... Такъ и топятъ бусы — въ щепы разбиваютъ: покрылось все море Донцами: кто еще плыветъ, кто на помощь зоветъ, кто ко дну идетъ. Рванулись мы къ берегу, втащили суда, залегли за нихъ, ждемъ, что турки съ судовъ сойдутъ на берегъ — въ честной бой съ нами вступятъ... Не тутъ-то было! Врагъ-то у насъ за спиной оказался! Слышимъ — несется на насъ татарва некрещеная, сила несмѣтная... Сбились мы въ кучу, кое-какъ окопались, да сутокъ четверо бились на-смерть, пока зелья хватило и гороху свинцоваго. А какъ вышелъ запасъ—мы другъ другу въ грѣхахъ исповѣдались, братски простились и всѣ поклялись умереть, а не сдаваться врагамъ. Слово сдержали. Грудью встрѣтили мы натискъ; рѣзались съ самаго ранняго утра далеко за полночь, издыхали отъ жажды... Рѣзались въ лужахъ крови своей и татарской; какъ змѣи сплетались съ врагомъ, разрывая, терзая его зубами, какъ дикіе звѣри... И сила татарская насъ раздавила! Всѣ мы полегли до единаго, всѣхъ сосватала сабля вострая, уложила спать калена стрѣла. Не сдался и я живой бусурманамъ въ руки: оглушилъ меня какой-то батырь обухомъ по темени, а другой полоснулъ булатомъ поперекъ лица (рубецъ и теперь еще виденъ), и рухнулъ я какъ снопъ на землю — и свѣтъ вонъ изъ глазъ...

Сколько я такъ пролежалъ—самъ не знаю! Только и помню, что очнулся отъ холода... Головы приподнять не могу, ни рукой шевельнуть, ни очи открыть... Такъ и лежу — и трясусь, и вдругъ слышу, какъ воронъ степной закружилъ надо мною и спустился прямо мнѣ на голову... Думаю:

«Господи, Боже! заживо очи мнѣ выклюетъ проклятая птица!»

И вотъ я съ силой собрался, рванулся, тряхнулъ головою — и

А. Ф. Маркса ...

Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ ...ПБ.

слышу воронъ слетѣлъ и закаркалъ. Я очи кое-какъ открылъ и вижу: лежу я, весь окровавленный, въ грудѣ другихъ кругомъ наметанныхъ труповъ... Тучами носятся вороны черные надъ грудами тѣлъ, и клюютъ ихъ, терзаютъ, спѣшатъ свѣжинкой поживиться... И тотъ, что слетѣлъ съ моей головы, отлетѣлъ недалеко: чиститъ свой кровавый клювъ и смотритъ мнѣ въ очи, и ждетъ, терпѣливо ждетъ добычи. И дождался бы, если бы Богъ не послалъ мнѣ на спасенье добрую душу... Видно, есть и межъ ними, собаками, добрыя души! Бабы-татарки пришли поглазѣть на поле битвы: бродятъ межъ трупами, смотрятъ, ахаютъ, головами качаютъ... Я ихъ увидѣлъ—маню ихъ къ себѣ, кажу имъ на уста, чтобы мнѣ ихъ смочили хоть каплей воды... Онѣ было бросились прочь, вразсыпную; но одна, видно одумалась, вернулась ко мнѣ, принесла мнѣ воды, напоила меня, лицо мнѣ обмыла, прикрыла меня чьей-то кровавою свиткой и ушла, приложивши палецъ къ устамъ. Потомъ пришла она снова ко мнѣ со своимъ старикомъ (мужъ-ли, отецъ-ли онъ ей — и досель не знаю!), взяли меня, положили на какой-то коверъ и снесли въ свою хату. Тамъ, въ клунѣ, меня на соломѣ они продержали безъ малаго мѣсяцъ: ходили за мною, поили, кормили, лѣчили, раны мои перевязывали — Богъ ихъ спаси за добрую душу!

Только я сталъ оправляться, только на ноги всталъ, къ старику съ молодицей-татаркой явились какіе-то двое—начальники, что-ли?— и давай ихъ ругать, давай ихъ стыдить... Руками-то машутъ, кричатъ, кулаками грозятъ мнѣ! Взяли меня отъ хозяевъ, свели за деревню—въ цѣпи заковали и къ морю погнали съ полсотней другихъ полоняниковъ: русскихъ, поляковъ, литвы и евреевъ. Тамъ ужь ждало насъ судно: насъ на него погрузили, какъ скотъ, приковали къ полу, къ стѣнамъ, въ темной, душной конурѣ... Судно снялось съ якоря и помчало насъ вдаль, по шумящимъ, синимъ волнамъ, къ Цареграду.

III.

Съ недѣлю носило и било насъ на морѣ. Чего натерпѣлись мы тамъ, чего насмотрѣлись — и сказать, такъ вы мнѣ не повѣрите! Шестеро пытки не выдержали — Богъ ихъ принялъ... Покоются косточки ихъ въ пучинѣ морской. Наконецъ, сталъ корабль. Отворили и нашу темную, смрадную келью... Сковали цѣпями попарно, наверхъ повели. Отъ яркаго свѣта, отъ чуднаго воздуха я просто одурѣлъ: голова пошла кругомъ, словно съ похмѣлья: иду и качаюсь.

какъ пьяный. А какъ къ свѣту привыкъ и воздухомъ-то надышался — взглянулъ я кругомъ — ужъ и глазъ оторвать не могъ отъ той неописанной красоты! Много я видалъ городовъ на вѣку на своемъ: видѣлъ Москву бѣлокаменную, видѣлъ Ливурну, Флоренскъ, Виницею, владычицу морскую, видѣлъ и Вѣйну, и Дрезню, и Любокъ, и Амборхъ... Да что̀ они всѣ предъ Царьградомъ!

Море тамъ—какъ зеркало: такъ и замерло въ берегахъ; на морѣ лѣсомъ дремучимъ стоятъ корабли, имъ и конца не видно! Тысячи лодокъ и челновъ снуютъ между ними и взадъ и впередъ. А поверхъ того лѣса корабельныхъ деревъ высятся зубчатыя бѣлыя стѣны, съ башнями, дворцы, терема, и столпы островерхіе, и все это тонетъ въ зеленыхъ садахъ, да въ рощахъ купресовыхъ... Стою да любуюсь. А тутъ мой товарищъ мнѣ шепчетъ:

— Гляди-ко! Вонъ тамъ-то, на взгорьи, всѣхъ выше, храмъ-то громадный, съ круглымъ куполомъ—вѣдь это святая Софія!

— Гдѣ? Гдѣ? Покажи, Христа ради!

— Вонъ! Или не видишь? Они осквернили его, въ мечеть обратили, проклятые...

— Ну! Чего зазѣвались, собаки! рявкнулъ на насъ тотъ торговецъ, что вывезъ насъ изъ Крыма въ Царьградъ, дернулъ за цѣпь-то, да плетью обоихъ насъ и погналъ.

Согнали насъ на берегъ; въ какомъ-то дворѣ, за стѣнами, держали съ недѣлю, кормили, поили до-сыта, потомъ пообмыли, почистили, волосы всѣмъ намъ обрили, тѣло натерли пахучимъ масломъ и вывели какъ-то на рынокъ. Господи Боже! Ввѣкъ не забыть мнѣ того, что̀ я тамъ увидѣлъ... Тысячи двѣ насъ пригнали туда — и кого только тутъ не было! Люди всякихъ цвѣтовъ, всякаго возраста, всякаго по̀ла! Мужчины, женщины, дѣти... И народъ-то все молодой, на подборъ, крѣпкій, здоровый, красивый. Мужчины въ цѣпяхъ и ручныхъ и ножныхъ; иные въ ошейникахъ, словно псы на сворахъ, иные въ колодкахъ съ замками. Посажены всѣ кучами, и надъ каждою кучею турокъ съ длиннымъ бичемъ, либо черный, дюжій арапъ, съ шестихвостной плетью. Черные дьяволы, съ тѣми-жъ плетьми, и бабъ стерегутъ съ ребятишками, а выводятъ ихъ напоказъ старушонки, дряхлыя, сгорбленныя, на видъ точно вѣдьмы съ Лысой горы. И сколько тамъ видѣлъ я красавицъ, сколько слезъ! Сколько стоновъ тамъ слышалъ, когда ихъ продавали, сестру отъ сестры разлучали, или мать отъ ребенка... Ну, да то-ли я видѣлъ потомъ!

Торгъ начался. Нахлынули турки, курды, персы, армяне, жиды.

Всякій по себѣ товаръ выбираетъ: — смотритъ, велитъ повернуться, присѣсть, въ зубы заглянетъ, въ грудь кулакомъ постучитъ, руку согнетъ, опуститъ. Стоишь передъ нимъ, какъ болванъ деревянный... Достался я богатому турку, въ бѣлой чалмѣ — бородища сѣдая по поясъ; пестрымъ платкомъ опоясанъ сверхъ широкихъ штановъ, а за той опояской натыканъ всякій запасъ: пистоли, кинжалище, два ятагана. Облюбовалъ онъ меня, смѣрялъ ростъ, плеча; ощупалъ грудь, руки покомкалъ — и головой закачалъ, и языкомъ защелкалъ. Что хозяинъ спросилъ, то онъ сейчасъ и отсыпалъ, безъ торгу; а хозяинъ ему плеть въ руки даетъ, говоритъ:

— Ударь! Покажи свою власть надъ урусомъ.

Турокъ взглянулъ на него, плеть отбросилъ, вынулъ свой ятаганъ изъ ноженъ, да какъ взмахнетъ имъ надъ самой моей головой — такъ всѣ и ахнули! А я, руки сложилъ — да и смотрю ему въ очи: «будь, молъ, что̀ будетъ!»

Турокъ зубы оскалилъ, вложилъ ятаганъ обратно въ ножны, потрепалъ меня по плечу и сказалъ по-татарски торговцу-хозяину:

— Зачѣмъ мнѣ надъ нимъ плеть, когда я и такъ въ его животѣ и въ смерти воленъ? И повелъ меня за собою.

Какъ привелъ къ себѣ въ домъ, такъ велѣлъ снять съ меня оковы, и слуга изъ татаръ показалъ мнѣ, что̀ долженъ я дѣлать.

и какъ угождать господину. Вымыли меня въ банѣ, чисто одѣли, дали мнѣ заступъ въ руки и указали въ саду работу. Работа пустая, а слугъ было много. Жилось хорошо и никто не тѣснилъ, не неволилъ. Кормили до-сыта; а вечеромъ, въ томъ же саду, гдѣ работалъ, бывало, стану я на колѣни, лицомъ обернусь на Св. Софію, и долго молюсь, и поклоны кладу, и плачу, вспоминая о Святой Руси. Думаю, хоть они тотъ святой храмъ и осквернили, и крестъ съ него сняли, а святыня въ немъ все же святыней осталась...

Такъ жилъ я долго у турка; пожалуй, съ полгода иль больше того — и всѣмъ былъ доволенъ, и онъ былъ мною доволенъ же. Сталъ я понимать по-турецки — и слышу, онъ, что ни день, по саду ходитъ, и хвалитъ работу мою, и ею любуется, и ко мнѣ подойдетъ, по плечу потреплетъ, и скажетъ, какъ-бы въ шутку:

— Хоть и гяуръ (песъ), и урусъ (русскій) — а хорошій, сильный работникъ!

И всѣмъ бы житье у него ничего, и привыкъ бы я, пожалуй, къ своей неволѣ, да Богъ на меня испытанье послалъ...

Въ томъ саду, гдѣ я работалъ, гуляли и жены хозяина-турка. Фатами закрыты до глазъ, закутаны легкой дымкой бѣлой — выйдутъ вдали на крылечко, присядутъ, поджавши ноги, и пьютъ свое черное пойло — а дѣвушки (тоже невольницы) по цымбаламъ бьютъ, въ мусику играютъ, бубномъ вертятъ и пляшутъ. Я на нихъ и глазкомъ не взгляну: работаю, роюсь въ грядахъ, цвѣты поливаю, деревья подрѣзываю... Крупными каплями потъ со лба такъ и катится: ну, встряхнешься, лобъ утрешь рукавомъ да опять за работу. Вотъ и вижу я, что старшая надъ женами (ее звали Фатьма-Ханымъ) стала меня подзывать, мнѣ приказы давать, ко мнѣ подходить... Станетъ, и смотритъ, какъ я работаю — и долго стоитъ. Тамъ, смотрю ужь, мнѣ какъ-то сластей съ чернымъ слугою прислала; а тотъ мнѣ сласти принесъ на подносѣ, и шепчетъ по-своему:

— Такъ молъ и такъ! Поздравляю! Ты къ госпожѣ нашей въ милость попалъ! Будешь большимъ человѣкомъ — и меня не забудь!

Я на него посмотрѣлъ исподлобья, да ему на-отрѣзъ и сказалъ:

— Отнеси эти сласти твоей госпожѣ... Скажи ей, что я далъ обѣтъ: ни плодовъ, ни сластей не вкушать, пока я въ неволѣ.

День-другой минулъ, сплю я въ саду, подъ навѣсомъ, послѣ полудня — умаялся! — вдругъ кто-то легонько меня за плечо. Я очи открылъ: вижу Ханымъ у меня подъ навѣсомъ. Я со страхомъ вскочилъ, поклонился ей, сказалъ:

— Что угодно моей госпожѣ? Приказывай!

— А все-ли исполнишь, что̀ я прикажу? Ну, говори же? Все-ли исполнишь? сказала она и топнула ножкой.

— Нѣтъ! не все... Противъ Бога и совѣсти не пойду.

Она оглянулась, повыше локтя ухватила меня за рукавъ (а руки-то стройныя, пухлыя, бѣлыя что сахаръ, и ногти у нея желтою вохрой покрашены), да и шепчетъ:

— Ты мнѣ по-сердцу пришелся... Понравился... ничего для тебя не пожалѣю... Хочешь? Вотъ тебѣ — на̀! Возьми...

Перстень сняла съ руки, мнѣ за пазуху суетъ, и держитъ меня за рукавъ — а сама дрожитъ, что сережки брекочутъ въ ушахъ.

Я отъ нея отшатнулся... Перстень упалъ на песокъ и покатился къ грядамъ. А я безъ оглядки — изъ сада бѣжать! Да сказался больнымъ, да два дня лежалъ, притаившись, у себя въ каморкѣ. Думаю: какъ мнѣ тутъ быть? Какъ бѣды избѣжать? а вижу — бѣда-то неминучая!..

Сталъ я опять работать въ саду — и ухо ужь востро̀ держу. Чуть завижу Ханымъ, сейчасъ заступъ взмахну на плечо, да сторонкой, сторонкой, изъ саду вонъ. Вдругъ, слышу приказъ — явиться къ хозяину. Я тотчасъ явился. Хозяинъ, ноги подкорчивъ, сидитъ на мягкой подушкѣ, сосетъ трубку съ своимъ проклятымъ табачищемъ, и мнѣ говоритъ:

— Я тобою доволенъ. Вижу, ты вѣрный слуга. Жди отъ меня всякой милости... Отнынѣ, будь ты мой старшій садовникъ: и бери себѣ изъ невольниковъ, кого захочешь, въ подмогу; пусть они за тебя днемъ работаютъ, а ночью ты стереги садъ и спи на крылечкѣ гарема. Видишь, какъ я тебѣ вѣрю! Будь же и ты мнѣ вѣренъ, урусъ, и всего жди хорошаго!

Замерло мое сердце... Чуетъ, что это все штуки Фатьмы-Ханымъ! Дѣлать нечего, сталъ я сторожить по ночамъ въ саду. Дали мнѣ шитую куртку, япанчу съ кистями, поясъ и два ятагана. Лежу на ступенькѣ въ растяжку, или сижу и мурлыкаю пѣсенку и дивлюсь на царьградскія звѣзды.

Вдругъ слышу шорохъ: крадется кто-то ко мнѣ по крылечку, и коснулся меня... Вижу: *она* подошла ко мнѣ, оперлась на плечо и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Видишь теперь, какова моя власть надъ моимъ господиномъ? Что̀ прикажу ему, то онъ и сдѣлаетъ. Это я ему приказала, чтобы ты здѣсь сторожилъ... *Мнѣ* это такъ *нужно*.

Я молчу; сижу, какъ будто не слышу. А она все мнѣ шепчетъ:

— Захочу — подниму тебя и въ управители. Въ золотѣ будешь

ходить... Посмотри на меня, чего ты боишься?—Вѣдь я хороша... не хуже твоихъ урусянокъ?

Я взглянулъ на нее, и вижу стоитъ она предо мною (фату откинула), вся въ бѣломъ, облита свѣтомъ луны: черныя косы, что змѣи, скользятъ по плечамъ, а черныя очи блистаютъ что звѣзды.

Я отвернулся — молчу, а самъ про себя читаю потихоньку молитву: «не введи меня во искушеніе... Избави отъ лукаваго...»

А она, рядомъ присѣла ко мнѣ на ступеньку, шею мнѣ обвила рукой, и жмется ко мнѣ, и ластится — ну, словно кошка лукавая..

Я отъ нея вырвался, палъ передъ ней на колѣни, ударилъ челомъ ей въ сырую землю, говорю:

— Пощади ты меня, госпожа, коли точно ужь я тебѣ милъ! Не вводи меня во грѣхъ—не подводи подъ гнѣвъ господина.

А она-то хохочетъ, чертовка,—оскалила зубы, какъ жемчугъ..

— Чего ты боишься, глупый урусъ! Только сдѣлай по-моему— только мнѣ угоди, и забудь Мустафу...

— Не могу я забыть! Онъ зла мнѣ не сдѣлалъ... Какъ-же могу я его обмануть?

На другую ночь—то же: на третью—не вытерпѣлъ я: разгорѣлося сердце... Думаю: все равно пропадать, а *ей* не поддамся!..

Пришла она: стала на шею мнѣ вѣшаться, стала меня обнимать, цѣловать... Я зубы стиснулъ, терплю эту муку, а злоба на сердцѣ такая кипитъ, что бѣда! И вотъ говорю ей:

— Послушай, отстань, окаянная! Не добьешся ты отъ меня ничего. Лучше—добромъ отойди!

А чертовка опять за свой противный, бѣсовскій хохотъ. Тутъ я, не помня себя, схватилъ ее за плеча, поднялъ какъ перышко и отшвырнулъ отъ себя, какъ котенка... Слышу, упала въ кусты, и тихохонько стонетъ... Думаю: «нѣтъ! Не надуешь! Не сманишь меня!» Сижу — и ни съ мѣста... Вижу, сама кое-какъ поднялась, елееле ко мнѣ добрела и шепнула мнѣ:

— Отъ тебя мнѣ и толчки, и побои пріятны... Бей меня— мнѣ будетъ сладко! Убей меня—а я все же не измѣнюсь!..

Съ тѣмъ и ушла. И долго потомъ не бывала. Говорили: больна, ушиблась, въ постели лежитъ... Такъ, съ недѣлю я прожилъ покойно; а тутъ опять она вышла, сошла ко мнѣ на крыльцо и говоритъ:

— Слушай, урусъ, каменное сердце! я пришла къ тебѣ нынче въ послѣдній разъ и вотъ что спрошу у тебя: что тебѣ лучше— свобода или тюрьма? Хочешь ли ты быть богатымъ и жить на волѣ — или хочешь сгнить на турецкой катаргѣ?

А Ф Маркса — А Ф Маркса

всему саду. Покружитъ, побѣгаетъ, да стрѣлу потомъ и воткнетъ. И воткнувши всѣ четыре стрѣлы, повязку сдернула съ глазъ.

— Вотъ, говоритъ, — господинъ Мустафа! Прикажи-ка порыть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волшебныя стрѣлки видишь.

Онъ приказалъ — и точно: подъ каждой стрѣлою нашли гдѣ обручъ, гдѣ жемчугъ, гдѣ перстень...

Вскипѣлъ Мустафа. Подскочилъ ко мнѣ, словно звѣрь, и кричитъ:

— Собака! Обманщикъ! Ты смерти достоинъ! Сознайся сейчасъ — не то ятаганъ мой...

— Знаю я, что воленъ ты въ моемъ животѣ и въ смерти и дѣлай со мною, что̀ хочешь! А я, еще разъ, тебѣ говорю: — я ничего не укралъ, клянусь именемъ Божьимъ!

Махнулъ онъ рукою слугамъ. Отвели меня въ судъ — допросили. Я все то-же твердилъ... Пытали — я на томъ-же стоялъ. Продержали съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ — потомъ порѣшили: дать сто плетей на базарѣ и сослать на катаргу.

А знаете-ли вы, други, что̀ такое у турскихъ людей ката̀ргой зовется? Адъ кромѣшный — и тотъ не такъ страшенъ!.. Ката̀рга — большущій корабль — въ два жилья; а надъ верхнимъ, на носу и въ кормѣ — чердаки. Въ нижнемъ и среднемъ жильѣ темно, какъ въ гробѣ. Тамъ, съ обѣихъ сторонъ, лавки подѣланы и, противъ тѣхъ лавокъ, дыры въ боку у корабля; а въ тѣ дыры весла вставлены, съ добрую пòтесь *) отъ волжскаго судна. Въ нижнемъ жильѣ весла короче — такъ саже́нъ въ пять; а въ верхнемъ длиннѣе — саженъ семь и съ залишкомъ. На каждомъ веслѣ посажены пять-шесть гребцовъ, пять-шесть горемычныхъ, прикованныхъ къ лавкѣ цѣпями. Сидятъ и гребутъ, напрягая всѣ силы, грудь надрывая съ натуги. Гребутъ и поютъ — жалобно голосомъ тянутъ, и цѣпями звякаютъ въ ладъ пѣснѣ... Ни дать, ни взять, какъ вотъ о грѣшникахъ сказываютъ, что сидятъ въ преисподней — и воютъ, и цѣпи грызутъ... А чуть только кто зазѣвался, или двинулъ веслищемъ не въ ладъ — такъ тотчасъ дозорщикъ подходитъ и плетью для бодрости учитъ... Кормъ такой, что собака не всякая станетъ тѣмъ кормомъ питаться — а иная и станетъ да сдохнетъ. Ну, и мрутъ-же люди — какъ мухи... Случалось, что день и другой, рядомъ съ тобою товарищъ померъ; а ты не допросишься, чтобъ его отъ весла отцѣпили, да вынесли. Такъ и гребешь съ мертвецомъ за-одинъ! Такъ

*) *Потесь* — громадное бревно, обтесанное весломъ съ одного конца. Служитъ вмѣсто руля на большихъ волжскихъ судахъ.

вотъ что̀ такое катàрга! И въ такомъ кромѣшномъ аду шесть лѣтъ я проплавалъ... И гдѣ только, гдѣ ужь мы не перебывали! въ какія моря не носили насъ буйные вѣтры! Гребешь, да поешь свои пѣсни, да слезы глотаешь, и все вспоминаешь о родинѣ...

Я все крѣпился, все молилъ, чтобъ Господь меня спасъ отъ отчаянья — все надѣялся! И Господь не оставилъ меня...

Насъ всѣхъ было на катàргѣ съ пятьсотъ человѣкъ, а турскихъ людей, сторожей и солдатъ, пушкарей съ корабельщиками, было немного побольше сотни. Вотъ товарищи и стали сговариваться: — какъ бы ихъ всѣхъ перебить, какъ ихъ врасплохъ захватить? Сговорились, надумали, да ко мнѣ и приходятъ:

— Такъ молъ и такъ. Ты, урусъ-бàтырь, всѣхъ насъ крѣпче, всѣхъ ты сильнѣе, всѣхъ здѣсь на катàргѣ давнѣе — ты насъ научи, какъ бы намъ ихъ всѣхъ загубить? Ночью-ли ихъ придушить? — днемъ-ли ихъ перерѣзать?

Я имъ напрямикъ сказалъ: — Вы не дѣло задумали. Я вамъ не товарищъ. Господу Богу я далъ обѣтъ не проливать ничьей крови! Захочетъ Онъ насъ избавить — избавитъ! А такъ-то, насильемъ, да зломъ, да кроворазлитьемъ — не сдѣлать бы хуже!

Закричали они на меня, заспорили, стали грозить... А я имъ опять: — Я васъ не выдамъ, хоть жги на огнѣ... Но и съ вами, тоже — ни-ни! Заодно не пойду, хоть убейте!

Поворчали они, — однако стихли, смирились... Понурили головы. Гребутъ, да поютъ, да слезы глотаютъ.

Вотъ, какъ-то, плывемъ мы; вдругъ, слышимъ, забѣгали что-то наверху, заметались... Слышимъ — тревога! Трубы трубятъ, бьютъ въ бубенъ... И вдругъ, слышимъ, пушка, гдѣ-то по близости грохнула, а тамъ и другая, и третья... Турскіе люди тоже стали палить изъ большаго наряда... Бумъ-бумъ!.. Бой загорѣлся... Поняли мы, что на нашу катàргу кто-то напалъ: и всѣ, сколько насъ ни было, кто какъ умѣлъ, принялись мы молиться:

«Господи, молъ, смилуйся надъ грѣшными нами! Пошли врагу одолѣнье, а намъ избавленье!»

А бой-то кипитъ! Слышимъ, какъ ядра бьютъ въ чердаки, какъ крушатъ и ломаютъ снасти и дерево... Слышимъ и громкій голосъ капудана-баши, и стоны раненыхъ. А гулъ отъ пальбы словно громъ, и все ближе, и все ближе — ядра-то такъ и сыплются: два и къ намъ залетѣли — пятерыхъ въ доскъ положили! Прежде всѣхъ насъ избавилъ ихъ Господь отъ нашей тяжкой неволи...

Вдругъ смолкли выстрѣлы,—а крики все громче, все громче! И слышимъ, на нашу катàргу вражій корабль налетѣлъ—и насѣлъ, и сцѣпился. Затрещала наша катàрга, бокъ у нея проломился, доски посыпались... Въ нашемъ жильѣ еще осьмерыхъ придавило. А вверху-то что? Адовы челюсти разверзлись!.. Крикъ, визгъ, выстрѣлы, стоны, ругательства—идетъ рукопашная свалка не на животъ, а на смерть! Видимъ: посыпались турки сверху, словно горохъ въ море! Вотъ ужь ни криковъ, ни стоновъ не стало слышно: видно всѣхъ перебили... Слышимъ, открылись двери наверхъ, и къ намъ по лѣстницѣ, въ нашу преисподнюю, сходятъ словно ангелы Божьи... Всѣ въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ шапкахъ съ перьями, и лица такія добрыя, веселыя! Мы имъ въ поясъ поклонъ, и они намъ поклонъ-же. Кое-какъ объяснили, что пришли насъ избавить—и давай съ насъ цѣпи срывать и въ море кидать ихъ, проклятыя, съ веслами вмѣстѣ. Вывели всѣхъ насъ наверхъ, осмотрѣли; раненыхъ всѣхъ перевязали, стали лѣчить. Видимъ, что около нашей катàрги ихъ кораблей собралось съ полдесятка: стройные, любо взглянуть! По тѣмъ кораблямъ всѣхъ насъ развезли, умыли, одѣли въ чистое платье, стали кормить, ласкать... Потомъ подняли паруса и поплыли... А нашу катàргу зажгли, и она еще долго курилась вдали.

V.

Поплыли мы на тѣхъ корабляхъ, а сами не знаемъ, куда насъ везутъ. Потомъ, кое-какъ осмотрѣвшись, прислушавшись, стали мы разговаривать съ тѣми, кто насъ отъ турокъ избавили.

— Мы, молъ, Тальянцы всякіе, сказываютъ намъ они. — Есть тутъ корабли виницейскіе, есть изъ Ливурны города. Ходили на поискъ за туркомъ: тридцать катàргъ его потопили.

И точно—поплыли мы въ Виницею. Дивно сказать вамъ, други, а не видавъ—не повѣрите. Городъ прямо на морѣ стоитъ—въ самой водѣ. У насъ въ городѣ дома-то по улицамъ, въ тупикахъ, въ переулкахъ—а тутъ, вмѣсто улицъ—рѣка, и у самыхъ пороговъ причаливаютъ черныя крытыя лодки, и зовутъ ихъ *гондолами*. А домовъ въ томъ городѣ вовсе и нѣтъ: все палаты высокія, аспидныя, а то изъ темнаго камня; а посрединѣ соборъ преогромный—что городъ. И живутъ въ той Виницеи все купцы да корабельщики, и все больше живутъ на водѣ, и ихъ сила морская во всемъ свѣтѣ славна. Кораблей высылаютъ они отъ себя, пожалуй, побольше чѣмъ сотню. Да такъ и зовутъ свой городъ—Виницея Владычица Морская.

Ну, приняли насъ всѣхъ тамъ хорошо. Покормили съ недѣлю, дали оправиться; а тамъ и стали расписывать — кто куда годенъ. Или —кому гдѣ родина близко — на родину тѣхъ повезли. Стали меня допрашивать (толмачъ у нихъ отыскался изъ чеховъ):

— Ты куда хочешь? Гдѣ твоя родина?

Я имъ и сказалъ, что я изъ Руси, изъ-подъ Курска.

— Ну, говорятъ,—объ Руси мы слыхали, и царство Московское знаемъ, только туда отъ насъ корабельнаго хода пять мѣсяцевъ... А вотъ, коли хочешь пробраться на родину, ступай ты Флоренскою землей, да на Францовскую землю, а тамъ Цесарской землею, въ Голандскіе Статы—оттуда къ вамъ, въ Московское царство, слыхали мы, ходятъ торговые люди. А мы тебѣ отъ себя и грамоту дадимъ опасную и списокъ, какъ тебѣ гдѣ проходить.

И точно: одѣли, обули, грамоту дали и денегъ дали, три золотыхъ на дорогу. Я имъ отвѣсилъ земной поклонъ, простился съ ними, взвалилъ себѣ на плечи котомку съ дорожнымъ запасомъ — перекрестился, да въ путь и отправился.

Шелъ я да шелъ —самъ не зная какою дорогою, и города проходилъ съ пригородками, и села съ приселками: все Тальянскою землей (по говору слышу). На заставахъ вездѣ я показывалъ грамотку—вездѣ пропускали. Во многихъ мѣстахъ давали и кормъ; видятъ, что странникъ - денегъ и взять не хотятъ. Наконецъ, на 8-й день, мнѣ говорятъ, что Флоренскъ тутъ и есть: вотъ гору пройдешь, да мостомъ черезъ рѣку, тутъ и Флоренскъ.

И только я въ эту гору вошелъ, вышли навстрѣчу мнѣ какіе-то недобрые люди. Лица шапкой прикрыты, мушкеты въ рукахъ, ножища за поясомъ.

«Стой!» кричатъ. Въ грудь мнѣ уперли мушкетомъ... Я сталъ. Почали рыть въ карманахъ, въ котомкѣ — все растрепали; добрались до денегъ, а тамъ и до грамоты. Стали читать. Вижу, старшій изъ нихъ, атаманъ, подозвалъ одного, а потомъ съ другимъ пошептался. Всѣ вещи, какъ были, въ котомку сложили, золотые мнѣ тоже вернули; а тамъ, я смотрю, атаманъ сталъ рыться въ карманахъ, да вынулъ мнѣ отъ себя двѣ какія-то деньги, такъ алтынъ въ шесть —и подалъ, и шапку мнѣ снялъ... Я тоже имъ всѣмъ отвѣсилъ по поклону: «спасибо, молъ, добрые люди! хоть вы и разбойнички, а не обидѣли Божьяго странника!»

Путь мнѣ очистили - я и побрелъ, и добрелъ до Флоренска. Тутъ я вдругъ разнемогся, слегъ въ постель, а ужъ дальше не помню, что и было со мною. Помню только, что чудилось мнѣ,

будто я на катаргѣ опять, и плетьми меня бьютъ, и весла ударяютъ въ ладъ подъ тѣ же пѣсни... И вижу я, что катарга наша горитъ и всѣ мы горимъ, и насъ заливаютъ горячія волны. Хочу помолиться — а цѣпь и руки приподнять не даетъ.

Долго-ли такъ я лежалъ — и самъ не знаю. А какъ очнулся — смотрю, я лежу не одинъ: тутъ же лежатъ и другіе, такіе же хворые; и ходятъ за нами монахи ихніе, въ долгихъ рясахъ, веревка на поясѣ, сами босые, головы бритыя... А добрый, хорошій народъ! Къ каждому подойдетъ: изголовье подправитъ, прикроетъ, пить подастъ, ѣсть принесетъ, да самъ и врачуетъ. А чуть только справилъ все дѣло — сядетъ на лавочку тутъ же, книжку съ полки возьметъ и молитвы читаетъ и пальцемъ по четкамъ водитъ... Выискался между этою братьею какой-то одинъ, что немного по-нашему грамотѣ зналъ. Какъ я сталъ оправляться, принесъ онъ мнѣ книжку, раскрылъ; смотрю: наша, церковной печати. Я такъ ей обрадовался, что и къ сердцу сталъ прижимать, и къ устамъ... Раскрылъ, и прямо напалъ на «Молитву Господню». И всю-то духомъ ее и прочелъ. Послушалъ меня братъ Лаврентій, взялъ книгу и ту же молитву такъ же точно прочелъ — оказалось, что онъ изъ Сербской земли, тоже нашего роду, только съ издѣтства въ латынскую вѣру крещенъ.

Сталъ онъ кое-какъ со мной говорить, сталъ о Руси разспрашивать, какъ тамъ живутъ, какъ съ туркомъ воюютъ (а турки ихъ Сербское царство совсѣмъ загубили!); сталъ меня обучать по-тальянски. Началъ и я кое-что понимать, кое-какъ говорить. И сдружились мы съ братомъ Лаврентіемъ такъ, что ужь намъ не разстаться. Онъ мнѣ говоритъ:

— Поживи здѣсь. Здѣсь хорошо. Здѣсь всего вдоволь. Я тебя кое-съ-кѣмъ познакомлю — дамъ тебѣ и заработокъ хорошій. Есть тутъ мастера, которые пишутъ иконы, такъ имъ ты пригодишься. Станутъ писать съ тебя — станутъ за это деньги платить.

— Какъ же такъ? говорю. — Развѣ по-вашему пишутъ святыхъ съ человѣка? Да вѣдь это же грѣхъ — и великій!

— Нѣтъ, говоритъ, — никакого грѣха! Пойдемъ — самъ увидишь.

Вывелъ меня онъ изъ кляштора, гдѣ я лежалъ, поселилъ у родни у своей, далъ комнату, окошками въ садъ, — а подъ окошками дули, и груши, и сливы, и лоза, какъ янтарь, наливная, такъ и ползетъ вверхъ по стѣнѣ... Познакомилъ онъ меня и съ мастерами. Стали они писать съ меня лики; стали ласкать меня, деньги платить — уговаривать, чтобъ я съ ними жилъ и дружилъ...

Да нѣтъ! не могу! Только я силу почуялъ — такъ меня и потя-

нуло на Сѣверъ, къ родимой сторонкѣ. Загрустилъ я, отъ хлѣба отсталъ, все мнѣ не мило стало: сталъ я горевать, что тамъ пропаду въ окаянствѣ... Сталъ говорить брату Лаврентію:

— Другъ, отпусти ты меня... Не могу я здѣсь безъ родины жить! Пусть у васъ хорошо, и тепло, и всего вдоволь—я здѣсь съ тоски помру! И такъ - цѣлый годъ я здѣсь промаялся...

Онъ и слышать не хочетъ. Плачетъ, руки цѣлуетъ мнѣ; проситъ: «останься, родимый!»

Ну, бился я, бился и съ нимъ, и съ собою,—да ночью однажды вылѣзъ въ окно, а тамъ черезъ стѣну,—и бѣжалъ безъ оглядки. Мѣсяцъ шелъ по Францовской землѣ, да мѣсяцъ Цесарской землею. Питался Христовымъ именемъ, и обиды нигдѣ не видалъ... Въ Дрезнѣ прослышалъ, что отъ Цесаря къ Любку ѣдетъ наше русское посольство... Въ Любку пришелъ, говорятъ: ужь уѣхали въ Амборхъ... Еще трои сутки я шелъ—ноги, думалъ, отнимутся. Вишь, какъ раздулись, растрескались еле ступалъ... Да Богъ-то вѣдь силенъ! Богъ-то поддержитъ — вѣрь только въ Его волю святую! Вотъ, и привелъ къ вамъ — и спасъ, и на Русь святую путь мнѣ открылъ! Спасибо вамъ, добрые русскіе люди!»

Скоморохова жена.

(Изъ народнаго быта).

I.

Надъ рѣкою Пьяною, на косогорѣ, раскинулось большое село Покровское — торговое, богатое. На самой серединѣ села, надъ высокимъ обрывомъ берега, стоитъ церковь просторная, пятиглавая, съ крытой папертью, съ переходами на рѣзныхъ столбикахъ, крытая тесовою чешуйкою. Рядомъ съ церковью колокольница на столбахъ подъ навѣсомъ, съ рѣзнымъ гребнемъ и съ рѣзными подпорами... А подальше, вдоль берега, выстроены лавки церковныя, въ которыхъ съѣзжаются торговать изъ сосѣднихъ мѣстъ торговцы, на время здѣшнихъ базаровъ и ярмарокъ. Около базарной площади ютятся въ лачугахъ питейные дома, харчевни, бубличныя пекарни, заѣзжіе дворы съ высокими навѣсами. Далѣе, въ обѣ стороны тянутся большія, опрятныя избы покровскихъ мужиковъ; а на самомъ выѣздѣ изъ селенія стоитъ просторная изба съ косящатыми окошечками, съ расписными ставнями, съ тонкой бѣленой трубою. Это изба скомороха Васьки Васюткина.

— Вотъ изба — такъ изба! говаривали всѣ, кто мимо избы хаживалъ. — И ворота тесовыя, и заваленка съ лавочкой, и клѣть. Видно, что порядливый хозяинъ строилъ.

— Какъ не порядливый! посмѣивались покровскіе мужики. —

Хозяинъ — тоже! Скоморошью ватагу за собой водитъ... Полгода почитай и домой не заглядываетъ! На базарахъ да на торгахъ съ Михайломъ Топтыгинымъ подъ одну дудку пляшетъ... И домъ-то его весь бабой держится...

— Ну, значитъ, баба его путевая!.. Онъ вонъ пляшетъ, а она за него домоводствуетъ.

И точно, Васькина жена, Арина, была баба толковая, умная, на всякое дѣло проворная, оборотливая, и такая-то отъ природы лукавая, что другую къ ней подъ пару и не сыщешь пожалуй! Кого хочешь проведетъ: лучше и не тягайся съ ней...

— Со *Скомороховой женой* — такъ звали покровскіе мужики Арину—и приказный дьякъ не сговорится; ее и заморскій нѣмецъ не обойдетъ. Шустра́ уродилась!

— Гдѣ ее обойти! говорили объ Аринѣ бабы. — Она сама всякаго перехитритъ да въ дураки поставитъ. Не даромъ говорятъ, что скомороха бѣсъ учитъ...

— Э-э, полно, бабы! подсмѣивались мужики. — Тутъ не бѣсово дѣло, а отъ Бога ей умъ данъ. Про нее не скажешь, какъ про васъ, что волосъ дологъ, да умъ коротокъ!

— Да и то сказать надо: баба всѣмъ взяла, добавляли въ укоръ своимъ хозяйкамъ мужики. — И по хозяйству — хозяйлива, и стряпуха знатнѣющая! Спечетъ блинъ, такъ его не надо коломъ въ глотку заколачивать: самъ лѣзетъ, да десятокъ-другой за собой тянетъ... Чистота у ней въ избѣ — залюбуешься. Выйдетъ въ люди —

козырь баба! Расфуфырится, пріодѣнется, пріукрасится... хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. На языкъ — бойчѣй ея во всемъ околоткѣ нѣтъ. Сажай ее въ старосты — и тутъ не опростоволосится... А какъ въ плясъ пойдетъ, разрумянится, плечомъ поведетъ, руки въ боки!.. Посмотрѣть — надо рубль отдать. Пѣсни запоетъ — заслушаешься, ротъ разинешь!

— Чортъ-баба... Доподлинно знаемъ, что она съ бѣсомъ водится! рѣшались было замолвить иные.

— Это тѣ говорятъ, кому отъ Скомороховой жены по загривку попало... Она, точно, что въ обиду себя не дастъ, и въ дурахъ ее не поставишь... Лучше не суйся! А коли ты съ ней хорошъ, то и она къ тебѣ не худа! Такъ-то!

— По полугоду безъ мужа живетъ, и всякаго къ себѣ въ домъ зоветъ—видно не худа!—язвили бабы въ отвѣтъ на похвалы, расточаемыя мужьями Скомороховой женѣ.

— Полно вамъ язвить, колотовки! отзывались въ одинъ голосъ мужики. -Про Скоморохову жену никакого худа никто не скажетъ. Пытались къ ней съ разныхъ сторонъ разные молодцы подъѣзжать, да не солоно хлебавши отъѣхали... Ото всѣхъ отбоярилась!.. А въ рѣчахъ да въ повадкѣ она точно, что смѣла — никого не боится. Ну, а насчетъ чего другаго-прочаго—ни-ни, отъ нея не поживишься. И красива баба, а взятки съ нея гладки.

II.

Случилось какъ-то однажды, что пріѣхалъ на село воеводскій дьякъ, собралъ около себя и попа съ причтомъ, и всѣхъ крестьянъ, и старосту со всѣмъ сельскимъ сходомъ, и сталъ имъ читать указъ государевъ, чтобы у себя они воровскихъ людей не держали, бѣглымъ притона не давали, а лихихъ людей—конокрадовъ, поджигателей и разбойниковъ-душегубцевъ — въ городъ бы представляли, въ приказную избу.

Стоятъ мужики передъ дьякомъ безъ шапокъ, слушаютъ государевъ указъ, въ затылкахъ почесываютъ...

— А нѣтъ-ли у васъ на селѣ скомороховъ? Не играютъ-ли они у васъ свои игры?.. Не докучаютъ-ли вамъ своими плясками и сквернословіемъ?..

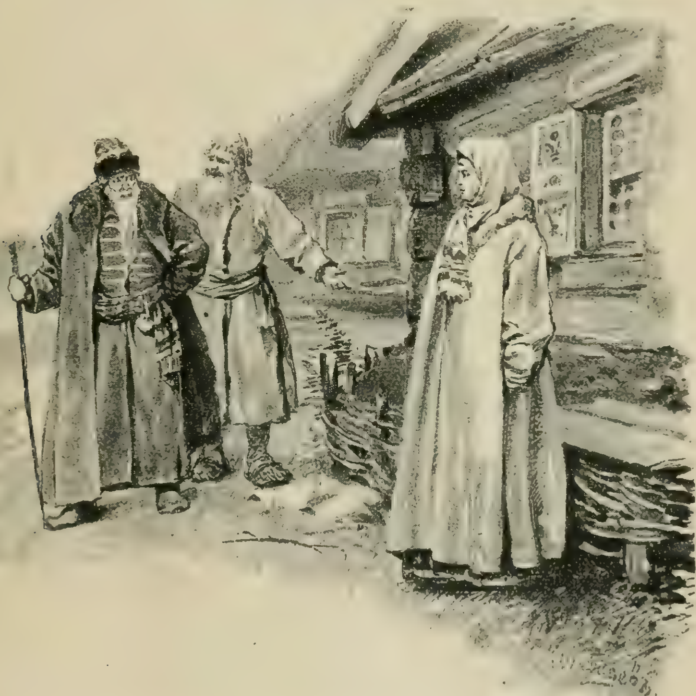
— Есть у насъ тутъ скоморохъ — Васюткинымъ звать — живетъ на селѣ, отвѣчалъ дьяку староста.—Только мы на него не жалуемся! Добрый мужикъ и государю исправный плательщикъ.

— И я на него не жалуюсь, замѣтилъ попъ, —хоть ремесло его

и скверное; а самъ-то онъ мужикъ хорошій: въ церковь Божью ходитъ, посты соблюдаетъ, церковниковъ не забываетъ...

Поморщился дьякъ: не то ему хотѣлось услышать.

— Велѣно воеводамъ, добавилъ онъ съ напускною важностью,— за этимъ бѣсовскимъ отродьемъ слѣдить... И чуть только замѣтятъ, что скоморохи съ воровскими и иными лихими людьми знаются, что они по селамъ насильно играютъ и буйствуютъ, приказано тотчасъ ихъ личины жечь, гудки да волынки ломать, а ихъ самихъ батожьемъ учить...



Мужички переглянулись между собою, какъ бы вопрошая другъ друга: «куда это онъ рѣчь ведетъ?»—и не обмолвились ни единымъ словомъ.

— А гдѣ же онъ, этотъ вашъ скоморохъ-то? продолжалъ допрашивать дьякъ.

— Въ отлучкѣ теперь. Послѣ Юрьева дня осенняго завсегда на заработки уходитъ, а къ веснѣ домой возвращается.

— А гдѣ же лачуга его? допытывался дьякъ. Надо бы въ нее

заглянуть: нѣтъ-ли тамъ у него запретнаго товара, табачища или зелья какого?

— Изволь къ нему въ избу заглянуть, отозвался староста.— У него не лачуга, а домъ настоящій, и хозяйка его здѣсь живетъ...

— Хозяйка? съ удивленіемъ спросилъ дьякъ. — Веди меня къ скомороховой хозяйкѣ! Посмотримъ, какъ вашъ скоморохъ живетъ! Не даромъ же сказываютъ: скоморохъ голосъ на гудкѣ строитъ, а житья своего не устроитъ.

Повелъ староста дьяка къ скомороховой избѣ. Поплелась за ними туда же и вся толпа, посмотрѣть, что дьякъ будетъ въ Васькиной избѣ дѣлать.

Стали подходить къ избѣ, смотрятъ: Арина сидитъ на заваленкѣ, красивая, бѣлая, румяная, нарядная, въ теплую тѣлогрѣю кутается. Какъ подошелъ дьякъ къ ея избѣ, она встала, въ поясъ ему поклонилась и стала передъ нимъ, какъ свѣчка, во всѣ глаза на дьяка смотритъ.

— Это она самая и есть? спросилъ дьякъ у старосты.

— Она самая.

— Хм! Красива! пробурчалъ про себя дьякъ, оглядывая Арину съ головы до ногъ.

— Ну, что стала, Арина! заговорилъ староста.—Проси господина дьяка къ себѣ въ избу.

— Да смѣю-ли я? сказала вкрадчиво Арина. —Недостойна я такой великой милости... А буде угодно, такъ милости просимъ.

И стала кланяться дьяку въ поясъ. Дьякъ со старостой стали подниматься по крыльцу, оставивъ всю остальную толпу за воротами; а Арина—порхъ въ избу, и ужь встрѣчаетъ дьяка у порога, опять въ поясъ кланяется, проситъ:

— Не обезсудь, государь! У меня въ избѣ-то грязно да смрадно! Извѣстно ужь какое наше житье... скоморошеское!

А дьякъ смотритъ и надивиться не можетъ: чистота въ избѣ такая, что и у себя въ домѣ онъ не видалъ! Все подметено, все прибрано. Столъ и лавки блестятъ; полъ рядномъ устланъ — ничто зря не валяется. Передъ иконами, въ хорошихъ окладахъ, три лампадки теплятся.

Сѣлъ дьякъ на лавку, оглядываетъ избу, ноздри раздуваетъ, бороду ерошитъ, ищетъ, къ чему бы ему придраться... А Скоморохова жена ужь тутъ какъ тутъ: подаетъ ему на подносѣ братину съ квасомъ, проситъ:

— Не хочешь-ли кваску испить? Не побрезгай, отвѣдай. Кисленекъ, неудался нонче... А все просимъ милости откушать.

Дьякъ будто нехотя взялъ братину, отлилъ квасу въ ковшъ, отхлебнулъ—видитъ квасъ такой, какого и у него дома нѣтъ... Еще попросилъ.

А баба, не будь глупа, ужь не квасъ, а пиво ему тащитъ съ погреба, и пиво игристое, пѣнистое. И опять кланяется въ поясъ и въ глаза дьяку смотритъ своими большими, красивыми сѣрыми глазами. Дьякъ и оглянуться не успѣлъ, какъ на столѣ и пирогъ съ грибами явился, и гусь съ кашей, и жбанъ съ медомъ малиновымъ... А Скоморохова жена все около стола ходитъ, кланяется, гостямъ подливаетъ, да безъ умолку говоритъ, и говоритъ все такъ умно, такъ толково...

— Ну, сказалъ дьякъ,—вижу я, баба, что ты хозяйлива и стряпать мастерица. Хорошо живешь и всего-то у тебя вдоволь...

— Благодаренье Богу, господинъ дьякъ! отвѣчала Арина.— Кормимся...

— То-то вотъ — кормитесь! Ремесло-то такое поганое, а тоже: кормитесь... Мужикъ и оретъ, и сѣетъ, сытъ не бываетъ! А скоморохъ—поди какъ живетъ.

— Всякая птица своимъ клювомъ кормится, отвѣчала дьяку Арина.

— То-то и оно, что не своимъ!.. Чай не отъ Бога же вы свой хлѣбъ получаете? И пѣсни скоморошьи бѣсовскія, и пляски бѣсовскія...

— Да вѣдь и во всякомъ дѣлѣ не безъ грѣха! смѣло сказала Арина, и съ усмѣшкой взглянула на дьяка, который невольно прикусилъ языкъ.

Походилъ онъ по избѣ, спустился во дворъ, заглянулъ подъ навѣсъ, въ клѣть, въ подполье — вездѣ чистота, порядокъ, и нигдѣ ничего запретнаго. Вышелъ дьякъ изъ избы на улицу, а Скоморохова жена его провожаетъ, говоритъ ему въ слѣдъ:

— Просимъ любить да жаловать...

Дьякъ кивнулъ ей головой и пошелъ отъ Васькина дома со старостой.

— Ну, говоритъ,—этакой бабы я еще не видывалъ... Шустра!.. А какъ... она? Безъ мужа, чай, со всѣми гуляетъ?..

— Нѣтъ, этого не слыхано, сказалъ староста.

— Ну, не даромъ же говорятъ, что «скоморохова жена завсегда весела»...

— Нѣтъ, господинъ дьякъ, этого сказать нельзя! Что грѣха на душу брать!

— Я вижу, братъ, что ты бабу прикрываешь. Стану-ли я тебѣ вѣрить? Экая воструха полгода безъ мужа тутъ живетъ, да чтобы безъ грѣха! Враки, быть не можетъ...

— Ужь какъ намъ-то не знать. доказывалъ староста,—кажется, все видно...

— Что ты мнѣ разсказываешь? Гдѣ тебѣ, сиволапому. это видѣть? Я сразу вижу, что бабенка она гулящая, и докажу тебѣ. Самъ увидишь...

Староста пожалъ плечами и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дьяка.

— Вотъ увидишь! продолжалъ тотъ. Пришлю сюда своихъ молодцовъ. и они тутъ все разроютъ—докопаются: съ кѣмъ эта бабенка живетъ, и чѣмъ скоморохъ кормится. и откуда свои достатки беретъ? До всего дойдутъ, а тамъ и увидимъ... И тебѣ наука будетъ!

Съ тѣмъ дьякъ и въ городъ изъ села уѣхалъ, оставивъ старосту въ совершенномъ недоумѣніи.

«И куда это онъ гнетъ?» думалъ староста, проводивъ господина дьяка до околицы.—«Коли онъ думаетъ насчетъ Арины поживиться, такъ обочтется... Съ Арины взятки гладки!»

III.

Не прошло и трехъ дней, какъ въ село Покровское пожаловали подосланные дьякомъ соглядатаи — старый, сѣдой подьячій и двое молодыхъ приставовъ, на всякій случай приданныхъ ему въ помощники. Пріѣхали они прямо къ старостѣ и стали у него постоемъ.

Начали съ разспросовъ о Васькѣ-скоморохѣ, а потомъ перешли и къ Скомороховой женѣ. Староста имъ на всѣ вопросы отвѣчалъ. какъ умѣлъ, не скрывая, не запираясь (да и скрывать-то было нечего!), а они все только на него посматриваютъ, да головами покачиваютъ — видно, что ничему не вѣрятъ. Сталъ и староста говорить съ опаскою. а какъ поближе познакомился съ пріѣзжими, такъ и самъ сталъ ихъ исподволь разспрашивать. Старый-то подьячій ничего ему не отвѣчалъ, а одинъ изъ молодыхъ приставовъ, послѣ доброй кружки стоялаго меда, распоясался и напрямикъ сказалъ старостѣ:

— Провѣдалъ, вишь, нашъ дьякъ, что живетъ въ вашемъ селѣ скоморохъ, и живетъ богато, а какъ всѣхъ скомороховъ велѣно теперь поприжать, такъ вотъ онъ и думаетъ около вашего руки погрѣть. Васьки нѣтъ на лицо, такъ онъ хочетъ съ жены его сорвать... Коли уличитъ ее въ томъ, что она безъ мужа блудитъ, — онъ ее сразу къ рукамъ приберетъ и очиститъ, какъ матушку-липку...

— Да что ты, братецъ! Вѣдь говорилъ же я самому дьяку, что ничего такого за бабой не водится...

— Ну, что-жъ, что ты говорилъ! А онъ не вѣритъ... Поѣзжайте,

говоритъ, живите тамъ, сколько хотите, а бабу эту выведите мнѣ на чистую воду. Вы, говоритъ, народъ молодой, веселый—долго-ли вамъ ее съ пути сбить... Повертитесь около нея, а чуть что—сейчасъ мнѣ давайте знать! Мы ее и накроемъ...

— Э-хе-хе! Изъ молодыхъ вы, да ранніе!—плутовато подмигивая, засмѣялся староста.—Нашу Арину въ ступѣ пестомъ не утолчешь, а вы ее на мякину ловить пріѣхали... Что же, попытайте!

— Должны попытать! Подьячій-то, Ермилъ Ивановичъ, тотъ больше насчетъ корешковъ, насчетъ зелья и волхвованья ее испытывать станетъ, а мы...

— А вы по иной части! Ха-ха-ха! Ну, попытайтесь... Что-жъ?.. Авось и клюнетъ!

— Да какъ чтобы не клюнуло? Ермилъ Ивановичъ — дошлый, смышленый приказный крючокъ. Да и мы тоже передъ бабой въ грязь лицомъ не ударимъ...

— Ну, что-жъ, не ровенъ часъ у бабы! Да только смотрите, чтобы васъ всѣхъ баба на смѣхъ не подняла... Она на это мастерица! Ей на зубы не попадайся! Вонъ какъ въ прошломъ-то году она одного боярскаго сынка отбоярила... Хе-хе-хе!..

— Какого боярскаго сынка? Разскажи, сдѣлай милость!

— А такого, какіе бываютъ боярскіе сынки — богатенькаго, да глупенькаго... Приглянулась ему баба, и давай онъ около нея ластиться... И такъ, и этакъ вертитъ; и каждый день къ ней ѣздитъ, и она его прочь отъ себя не гонитъ. Онъ и разлакомился: думаетъ, вотъ не сегодня — завтра одурачу бабу! Не тутъ-то было! Какъ вскружилась у него голова и захотѣлось ему свою волю исполнить, она и говоритъ ему: «такъ и такъ, молъ, я въ твою любовь не вѣрю: всѣ вы про любовь говорить горазды, пока у васъ въ головѣ бродитъ; а ты мнѣ докажи, чтобы я тебѣ повѣрила!» Онъ ей и говоритъ: «докажу!» — «Ну, такъ вотъ, голубчикъ мой, дай я тебя на пять дней въ холодный чуланъ на хлѣбъ да на воду запру!» — «Изволь, запирай»...

— И заперла? перебилъ приставъ.

— И заперла, и пять дней его на сухой краюшкѣ да на чистой водицѣ и продержала... Меня призывала, показывала, какъ онъ подъ замкомъ сидѣлъ! А на шестой день, какъ выпустила, и видитъ, что онъ еле ноги волочитъ, она его и привела въ избу, а въ избѣ полонъ столъ всякой ѣствы наставленъ... Вотъ она и говоритъ ему: «ну, вижу, что ты меня любишь: пойдемъ, я тебя приголублю, приласкаю»... А у него не то на умѣ! Онъ говоритъ: «Голубушка, дай

мнѣ только позаправиться, червяка заморить!» А наша Арина какъ расхохочется: «Вижу, говоритъ, что тебѣ ѣда теперь меня милѣе! Такъ вотъ ты впередъ и знай: какъ станетъ тебѣ дурь въ голову залѣзать, такъ ты помори себя голодомъ, посиди на тощій желудокъ — дурь-то и сама пройдетъ!»

— Спасибо, что ты мнѣ это разсказалъ! замѣтилъ приставъ. — Ужь я же буду остороженъ... Ужь не проведетъ же меня баба!

IV.

Пожили дозорщики въ селѣ денекъ-другой, стали они къ Аринѣ въ избу заглядывать, навѣдываться. То старый Ермилъ Ивановичъ у ней въ гостяхъ, то Сенька Щепотьевъ — приставъ, то Ивашка Шило — приставъ... Староста Аринѣ ни слова о нихъ не замолвилъ, и только издали смотрѣлъ, что̀ будетъ? Смотритъ день, смотритъ другой, и самъ диву дался... Видитъ, Арина развеселая, разнарядная, ходитъ по двору своему козыремъ, какъ будто грозы надъ собой и не чуетъ! Дозорщики отъ нея ни на шагъ, а она имъ, словно друзьямъ-пріятелямъ, рада-радешенька: не знаетъ, чѣмъ ихъ угостить, какъ принять, гдѣ усадить!.. И Ермилъ, и Сенька съ Ивашкою льнутъ къ Аринѣ, какъ пчелы къ меду.

«Что они? Иль ужь такіе хитрецы — такъ ловко прикидываются? Или она опростоволоситься хочетъ? Или ужь точно обошла она ихъ»...

Пыталъ староста у подьячаго и у приставовъ объ Аринѣ разспрашивать — тоже ничего не узналъ. Молчитъ подьячій; а приставы только себѣ въ бороду ухмыляются.

«Ну, видно, клюетъ», подумалъ староста. — «Видно, и Арину Богъ на настоящихъ плутовъ навелъ».

Прошло еще съ недѣлю — и все попрежнему. Только сталъ замѣчать староста, что Ермилъ Ивановичъ отъ Арины иной разъ поздно вечеромъ подъ хмѣлькомъ возвращается; а тамъ, смотритъ, молодые-то приставы добыли у кого-то гудокъ и волынку, и стали съ ними къ Аринѣ въ гости ходить...

«Чудно!» подумалъ староста. — «Какъ это они Арину обошли: видно ужь, точно, въ самомъ дѣлѣ доки!»

А тамъ ужь и сосѣди стали старостѣ на Арину да на дозорщиковъ жаловаться.

— Уйми ты бабу, Скоморохову жену! говорили сосѣди. — Мо̀чи нѣтъ! Спать никому не даетъ со своими гостями, съ пѣснями да съ плясками! Что̀ у ней въ избѣ творится — не повѣришь. То она пѣсни поетъ, гостей потѣшаетъ, то они у нея пѣсни горланятъ.

А то и плясать примутся. И старый хрѣнъ отъ молодыхъ отстать не хочетъ.

Сталъ староста около скомороховой избы похаживать, въ окошки къ Аринѣ заглядывать: видитъ, точно, что у ней идетъ пиръ на славу. Ермилъ Ивановичъ за столомъ, подъ образами, на первомъ мѣстѣ сидитъ, и противъ него Сенька съ Ивашкой. Арина кругомъ стола ходитъ, въ поясъ имъ кланяется, приговариваетъ:

— Кушайте, голубчики, на здоровье!

А чуть столъ отошелъ—всѣ за пляску да за пѣсни...

«Ну, видимое дѣло, клюетъ!» подумалъ староста.— «Видно, ужь этимъ молодцамъ суждено бабу оплесть».

Еще больше сталъ въ это вѣрить староста, когда Ермилъ Ивановичъ, вернувшись однажды отъ Арины, совсѣмъ охмѣлѣвшій, самъ заговорилъ:

— Н-ну, баба! Одно слово—баба разудалая!

Староста молча слушалъ его, не желая мѣшать его откровенности.

— Опасная баба—извести человѣка можетъ! продолжалъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собою, старый подьячій.

— Это что же, насчетъ корешковъ или зелья какого? допрашивалъ его староста.

Ермилъ Ивановичъ поднялъ на старосту мутный взоръ, поглядѣлъ-поглядѣлъ, и вдругъ скороговоркой произнесъ:

— Сама она зелье! Какъ есть зелье... А мы свое дѣло сдѣлаемъ!.. Дьякъ будетъ съ праздникомъ...

И ткнувшись головою въ уголъ, подьячій задремалъ.

«Ну, такъ и есть!» разсуждалъ про себя староста,—«въ чемъ ни на есть опростоволосилась баба! Ужь вѣрно не безъ того, коли Ермилъ такія рѣчи ведетъ».

Подъ стать Ермиловымъ рѣчамъ, въ одинъ ладъ съ нимъ, говорили и молодые приставы. Старостѣ удалось подслушать, какъ они другъ другу хвалились своими удачами:

— Эта Арина—у-ухъ бѣдовая! говорилъ Сенька.—Какъ глазищами поведетъ, да голосомъ-то какъ подтянетъ въ пѣснѣ—сейчасъ видно, какова птица!

— Что и говорить! подсказывалъ Ивашка.— Оплетемъ ее какъ разъ... Наша будетъ!

— Чай самъ видѣлъ, какъ она со мною нонѣ перешептывалась?

— Какъ не видѣть! Видѣлъ! А со мною-то какъ расплясалась... И не остановить!.. Такъ и ходитъ, такъ и ходитъ павою!

— А мнѣ она такое даже сказала, осклабляясь началъ Ивашка, —

что и въ голову не придетъ... Ты, говоритъ, шустрый, тебѣ, видно, не въ первой нашу сестру съ толку сбивать!..

— Что ты говоришь? Неужели такъ и сказала?

— Ей-ей! Такъ и сказала!..

— Ну, погоди же, баба! Покажу и я тебѣ, каковъ я молодецъ! проворчалъ Сенька.

На этомъ разговоръ оборвался, и староста подумалъ про себя:

«Ну, видно, ужь такъ Аринѣ на роду написано! Видно, быть ей у дьяка на веревочкѣ! А признаться, и не жаль, коли такъ... Думалъ я, что она ихъ въ дураки поставитъ, анъ выходитъ не по-моему!..»

V.

Въ сущности, однако же, дѣла дозорщиковъ шли не совсѣмъ ладно, и староста ужь слишкомъ рано сталъ опасаться насчетъ того, что Арина дастъ себя поставить въ дуры...

Арина вела свое дѣло и тонко, и умно. Она съумѣла такъ оплести и Ермилу, и Сеньку съ Ивашкою, такъ ихъ обошла и лаской, и угодливостью, и хлѣбосольствомъ, и неподдѣльной веселостью своею, что они были отъ Скомороховой жены безъ ума. При этомъ она съумѣла ихъ убѣдить въ своей простотѣ и недальновидности, и они совершенно искренно вѣрили, что эта баба «умомъ въ другихъ бабъ вышла».

— Родименькіе! говаривала она имъ безпрестанно, — долго-ли вашему брату нашу сестру оплести?.. Всѣ мы однимъ міромъ мазаны... Гдѣ намъ противъ вашихъ приманокъ устоять!

И Сенька съ Ивашкой, слушая такія рѣчи, самодовольно улыбались себѣ въ бороду.

— Вотъ, хоть бы Ермилъ Ивановичъ! продолжала хитрая Лиса-Патрикѣевна. -На видъ онъ и не молодой ужь человѣкъ, а по бодрости да по проворству молодыхъ стòитъ...

И Ермилъ таялъ отъ ея похвалъ и ерошилъ свою сѣдую бороду.

— А въ глазахъ у Ермилы Ивановича семь умовъ свѣтятся! Только глянулъ — сейчасъ видно: все уразумѣлъ! Уразумѣлъ, а? приставала она къ подьячему, лукаво щуря глазки и заглядывая въ его красное лицо.

— Уразумѣлъ? Еще бы — вскрозь тебя вижу! съ увѣренностью говòрилъ Ермила.

— Откушай, батюшка, медку вишневаго! Ты этого еще не пробовалъ. А вотъ Сенюшка его одобряетъ: говоритъ, что хорошъ. Ну, а у Сенюшки, я знаю, губа не дура!

И опять плутоватый, ласкающій взглядъ въ сторону Сеньки, который ухмыляется, придавая взгляду Арины совсѣмъ иное значеніе и принимая его за намекъ на грядущее благоволеніе.

За Сенькою настаетъ очередь Ивашки, съ которымъ Арина еще пуще любезничаетъ и перемигивается, вперемежку съ угощеніями и ласковыми словами.

И чуть только замѣтитъ Арина, что ея неотвязчивые гости понагрузились, понасытились земными благами и, очевидно, не прочь бы были перейти къ другому препровожденію времени, она сейчасъ Сеньку за волынку, Ивашку—за гудокъ, и пошла ихъ кружить да отъ пѣсни къ пляскѣ переманивать. Они — пляшутъ-ли, поютъ-ли—она не нахвалится; а сама сидитъ со старымъ Ермилой рядышкомъ, на ухо ему всякія сладости нашептываетъ... А какъ она пѣсню затянетъ, либо въ плясъ ударится—и подьячій, и приставы еле живы на лавкахъ сидятъ... Глазъ отъ Арины отвести не могутъ: тянетъ ихъ къ ней словно сила какая-то, ноги въ пляску просятся, всѣ суставы ходуномъ ходятъ, руки—объятій, уста поцѣлуевъ просятъ...

Какъ, бывало, Арина кончитъ пѣть и плясать, такъ старый Ермила первый къ ней цѣловаться полѣзетъ; а за его спиной и приставы рады бы радешеньки!.. Да не тутъ-то было: Арина съ лавки вскочитъ, змѣйкою у нихъ изъ рукъ вывернется, да и крикнетъ:

— Что вы, гости дорогіе! Мужней женѣ чужанина цѣловать не въ обычай! Вотъ познакомимся, да въ пріязни поживемъ, тогда и поцѣлуемся.

А коли очень ей гости докучать станутъ, она скалку съ полки схватитъ, избоченится, да какъ топнетъ на нихъ ногой... «Подходи, молъ, за кѣмъ первый чередъ получить по лбу скалкою?»

Ну, и присмирѣютъ гости, и поуймутся, и опять станутъ, какъ шелковые... Только уйти отъ Арины не могутъ, пока она имъ сама, поздно вечеромъ, дверей не укажетъ, да не проводитъ ихъ до крылечка...

Долго-ли, коротко-ли, дошло дѣло до того, что всѣхъ ихъ Арина забрала въ руки, такъ что всѣ присланные дьякомъ дозорщики стали плясать по Арининой дудкѣ. Дошло дѣло до того, что имъ безъ Арины и свѣтъ сталъ не милъ; только и свѣта въ окошкѣ, что у ней сидѣть, да съ нею балясы точить, на нее смотрѣть, ее слушать...

И пришло имъ троимъ въ голову, что она ихъ стѣсняется: и ославить себя боится...

Пустились они на хитрости.

— Вотъ что, братцы! началъ Ермилъ. — Мы другъ дружкѣ — помѣха! Давно бы мы ее оплели, кабы насъ не трое около нея вертѣлось! Надо намъ каждому въ одиночку съ нею, тихой поступкою обойтись... Согласны, что-ли, такъ... по рукамъ! И мѣшать другъ другу не станемъ.

— Согласны! Отчего же! отвѣчали Сенька съ Ивашкой; а сами думаютъ: — «гдѣ же тебѣ, старому хрѣну, намъ молодымъ, да помѣхой быть!»

— Такъ вотъ какъ мы подходъ сдѣлаемъ! началъ Ермилъ.—Я завтра прикинусь, будто въ городъ мнѣ ѣхать нужно; а ты, Сенька, больнымъ скажешься. Обвяжи себѣ тряпицей голову и у старосты съ печки не слѣзай. А ты, Ивашка, ступай къ Аринѣ, да все утро съ ней и будь... На завтра, на твое мѣсто, Сенька пойдетъ. а послѣзавтра — мой чередъ. Да пусть каждый ей снесетъ по подарочку... Ладно, что-ли, придумано?

— Ладно, ладно! согласились приставы — и ударили съ подьячимъ по рукамъ.

VI.

На другой день принарядился Ивашка, припасъ за пазухой обновочку и пошелъ къ Аринѣ въ гости. Чуть порогъ переступилъ, чуть лобъ на иконы перекрестить успѣлъ, а Арина къ нему ужь бѣлой лебедью навстрѣчу плыветъ, павой выступаетъ, привѣтствуетъ:

— Здравствуй, Ванюшка, свѣтъ ты мой ясный! Не чаяла я тебя одного увидать, а давно того душа желала.

«Вотъ тебѣ-на! подумалъ Ивашка.—Кстати-же я пришелъ... Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу!»

— Такъ-то мнѣ прискучило, голубчикъ мой, съ тобой на людяхъ видѣться! вкрадчиво продолжала Арина; а сама его за руки беретъ, къ столу ведетъ.

Растаялъ Ивашка, сразу все Аринѣ высказалъ, какъ у него къ ней разгорѣлось сердце молодецкое, и чего его душа желаетъ. И говоритъ ему Скоморохова жена:

— Не могу я и сказать тебѣ, какъ ты мнѣ милъ! Да самъ ты знаешь — я мужняя жена... Со всякимъ гулять не могу... Кругомъ меня сосѣдки-колотовки! Коли что подмѣтятъ, до мужа донесутъ: — тотъ меня со свѣту сживетъ. А я вотъ что придумала...

— Ну, ну, говори скорѣе! шепчетъ ей нетерпѣливо Ивашка.

— Подъ самымъ селомъ у насъ мельница есть... ветхая... преветхая! Въ той мельницѣ жилъ мельникъ, да удавился! Говорятъ, будто въ ней чудится, такъ туда никто не ходитъ. Вотъ, коли ты любишь меня, да хочешь со мною наединѣ побыть, приходи туда послѣзавтра, къ ночи... Какъ войдешь туда къ жерновамъ, тутъ, направо, ларь стоитъ. Такъ ты въ этотъ ларь залѣзай и жди... Запоютъ первые пѣтухи, я къ тебѣ и приду.

— Придешь? Не обманешь?

— Какъ мнѣ тебя обмануть!.. Да кабы можно было, я бы сейчасъ за тобой на край свѣта пошла! Ну, а теперь ступай, свѣтикъ мой, одинъ у меня не засиживайся! Да смотри, никому ни гу-гу!

Вышелъ Ивашка отъ Арины, — ногъ подъ собой не чуетъ. Идетъ по улицѣ, чуть не приплясываетъ. Какъ пришелъ домой,— никому ни слова! Сталъ приставать къ нему Сенька, а потомъ и Ермила съ вопросами; а онъ имъ всѣмъ одно:

— Бѣсъ баба! Съ ней не сговоришь! Подите вы къ ней—авось вы съ ней поладите лучше моего.

Пришелъ на другой день Сенькинъ чередъ идти къ Скомороховой женѣ на свиданіе да на бесѣду, и обновочку ей нести.

Принарядился Сенька, масломъ изъ лампадки голову вымазалъ, пестрымъ кушачкомъ подтянулся, новыя рукавицы надѣлъ, новые сапожки со скрипомъ.

Не успѣлъ онъ въ Аринину избу черезъ порогъ переступить, а она и сама къ нему навстрѣчу съ лаской да съ привѣтомъ:

— Здравствуй, Сенюшка, голубочикъ мой сизокрыленькій. Насилу-то я дождалась, что ты ко мнѣ одинъ пришелъ...

— Да я бы давно ужь пришелъ, краля моя писанная! Да вотъ Ивашка съ Ермилой мнѣ путь перебѣгали.

— Ахъ, будь имъ пусто! Не хотѣли они моей радости... Садись поближе, голубчикъ, сказывай—чего твоя душа желаетъ?

— Да вотъ, Аринушка, тебѣ обновочку принесъ... Прими, не побрезгай; да еще я насчетъ того хотѣлъ замолвить словечко...

— За обновочку тебѣ — спасибо! А словечко твое я и такъ знаю... И сама тебѣ тоже сказать хотѣла...

У Сеньки такъ сердце и запрыгало: думаетъ: вотъ сейчасъ она обойметъ его, поцѣлуетъ.

А Скоморохова жена нагнулась къ нему на ухо, да и шепчетъ ему:

— Завтра, будь въ полночь у мельницы... Знаешь, тутъ у насъ подъ селомъ стоитъ такая ветхая, покинутая... Да чтобы тебя кто не подмѣтилъ, да не призналъ — такъ ты на голову, врозь концами, тем-

ный платокъ повяжи, лицо имъ прикрой, тулупъ вверхъ мѣхомъ выверни, да крюкъ печной съ собой возьми.

— Да зачѣмъ же это? съ удивленіемъ спросилъ Сенька.

— А за тѣмъ, что про ту мельницу много всякаго вздора разсказываютъ, будто бы тамъ и чудится, и самъ старый мельникъ, что тамъ удавился, по мельницѣ въ саванѣ бродитъ... И будто черти тамъ играютъ... Такъ люди-то и боятся туда ходить. А если бы кто и вздумалъ за нами приглядывать — какъ увидитъ тебя, за бѣса, либо за лѣшаго тебя приметъ... Намъ съ тобою тамъ свободно будетъ:—просторъ и воля!

— Ну, ладно! согласился Сенька. — Только какъ же мнѣ тебя тамъ найти?

— Какъ войдешь къ жерновамъ-то, такъ тутъ на правую руку ларь — и я въ томъ ларѣ буду сидѣть, тебя ожидать! Когда пропоютъ первые пѣтухи, ты всходи на мельницу, да прямо къ ларю и ступай. Стань къ ларю, ударь въ него крюкомъ, да и скажи: «кто въ ларѣ, за тѣмъ очередь!» Я услышу, да къ тебѣ на шею и брошусь...

Сенька чуть не подпрыгнулъ на лавкѣ отъ радости, хотѣлъ было взять съ Арины задаточекъ, но та потянулась на полку за скалкою и пригрозила ему пальцемъ:

— Будь завтра на мельницѣ въ полночь; какъ запоютъ первые пѣтухи, ступай къ ларю, говори, что повелѣно... А тамъ ужь и дождешься того, чего душа желаетъ. Только смотри, никому ни гу-гу!

Пошелъ Сенька домой, да и думаетъ:

«Вотъ такъ удача! Не то, что Ивашка вчера пришелъ,—не солоно хлебавши! И ждать не долго! Всего до завтра, до вечера... Теперь только бы имъ глаза отвести!»

И, точно, отвелъ имъ глаза. Пришелъ къ старостѣ въ избу, говоритъ Ивашкѣ съ Ермилою:

— Охъ, проклятая баба! Съ ней не сговоришь! Я было началъ къ ней подъѣзжать, а она меня скалкою! Я разгнѣвался, съ кулаками къ ней полѣзъ... А она меня сковородникомъ...

На третій день пришелъ чередъ Ермилы Ивановича. Сенька съ Ивашкой заранѣе стали надъ нимъ подтрунивать:

— Ермила Ивановичъ! Мы двое отъ бабы отъѣхали не солоно хлебавши... смотри и ты тоже лягушку не проглоти!

«Постойте, зубоскалы! думаетъ Ермила, прихорашиваясь. — старый-то, можетъ быть, лучше васъ свое дѣло обладитъ».

А самъ за голенищемъ чересокъ съ рублями ощупываетъ.

Пришелъ Ермила къ Аринѣ, а она къ нему навстрѣчу на крылечко выбѣжала, сама его въ горенку тащитъ:

— Давно бы такъ, Ермило Ивановичъ! Давно бы ты ко мнѣ пожаловалъ... мнѣ съ тобой съ глазу на глазъ надо побесѣдовать.

Привела его въ избу, за столъ посадила, сама на лавочку около него присѣла.

— Куда ты ѣздилъ? Куда отлучался?.. Вѣрно мнѣ за подарочкомъ! Показывай, какую привезъ обновочку?

Вытащилъ старый подьячій обновку, подаетъ съ поклономъ, а Арина-то ему и сама подсказываетъ:

— Знаю, зачѣмъ ты ко мнѣ пришелъ, старый плутъ! Хочешь, чтобы я тебя побаловала? Такъ, что-ли?

И Арина заглянула ему въ глаза своими большими сѣрыми плутовскими глазами.

— Угадала, Аринушка! воскликнулъ Ермила. — Ужъ ты пожалѣй меня, пообогрѣй мои старыя кости...

— Пожалѣю, пообогрѣю, желанный мой! Да только ты не смѣй ко мнѣ своихъ молодыхъ шалопаевъ подсылать... Я молодыхъ этихъ тер-

пѣть не могу! То-ли дѣло пожилой человѣкъ, вотъ какъ ты, напримѣръ! Съ нимъ-все—шито, крыто... А тѣ на весь свѣтъ тебя прославятъ...

— Да нѣтъ же, Аринушка! Будь спокойна... ужь я молчокъ! Только ты меня...

— Ну, ладно, ладно! Вотъ, что я тебѣ скажу, моему другу! Только ты никому: ни гу-гу!.. Есть у насъ подъ селомъ мельница старая... развалилась совсѣмъ... Въ ней давно никто не живетъ, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ старый мельникъ задавился.

— Ну, ну, такъ что-же? нетерпѣливо допрашивалъ Арину Ермила.

— Ну, такъ вотъ про эту мельницу заладили всѣ, будто тамъ чудится, будто черти тамъ въ зернь играть сходятся, и самъ старый мельникъ тамъ въ саванѣ бродитъ...

— Охъ, Господи, страсти какія! заговорилъ было Ермила.

Да все вздоръ плетутъ! Я сама тамъ сколько разъ въ ларѣ ночевала... Такъ вотъ, если хочешь, чтобы я тебя на старости твоей потѣшила, приходи туда сегодня послѣ полуночи, между первыми и вторыми пѣтухами, а чтобы тебя не признали, надѣнь на себя мучной мѣшокъ, распоротый (тамъ же въ мельницѣ, подъ лѣстницей его найдешь), возьми фонарь, да какъ запоютъ вторые пѣтухи, поднимись на мельницу, къ жерновамъ, и ступай прямо къ ларю. Я тебя тамъ буду ждать!

— Причудница ты, Аринушка! проговорилъ Ермила Ивановичъ.—Да ничего съ тобою не подѣлаешь. Инъ, быть по-твоему—жди меня на мельницѣ.

А самъ вернулся домой съ такой кислой рожей, что Сенька съ Ивашкой его сразу на смѣхъ подняли.

— Что взялъ, Ермила Ивановичъ? загалдѣли приставы.—Видно и тебѣ не лучше нашего пришлось?

— Охъ, старость не радость! сказалъ, кряхтя, старый подьячій.—И по усамъ текло, а въ ротъ не попало!

VII.

Однако-же, какъ ни старались дозорщики другъ отъ друга схорониться, какъ ни заботились они о соблюденіи своихъ замысловъ въ тайнѣ, ихъ подъ-вечеръ разобрало такое нетерпѣніе, что они едва могли дождаться ночи. Ивашка, еще спозаранокъ, къ пономарю въ гости пошелъ: Сенька, подъ вечеръ, у Ермилы Ивановича въ городъ отпросился, а самъ Ермилъ Ивановичъ сказалъ старостѣ, что у него въ головѣ «не ладно»—и залѣзъ къ нему на печь раньше обычнаго времени.

Ивашка, и точно, побывалъ у пономаря въ гостяхъ, но задолго до полуночи ушелъ съ пономаревской вечеринки, выбрался задами на проселокъ, и зашагалъ къ старой разваленной мельницѣ. Пришелъ Ивашка на мельницу, во всѣ стороны оглянулся, и шмыгнулъ вверхъ по скрипучей, покривившейся лѣстницѣ. Вотъ и ларь въ углу. Подошелъ Ивашка къ ларю, крышку приподнялъ, и залѣзъ въ ларь; а у самого сердце не на мѣстѣ: такъ и ёкаетъ, такъ и бьется!

Вотъ, наконецъ, и первые пѣтухи пропѣли на селѣ... Чуть только смолкли, раздались шаги по лѣстницѣ... Шаги тяжелые... Слышно, какъ ветхія ступеньки стонутъ и выгибаются... Не Аринина это легкая походка!

«Съ нами крестная сила!» подумалъ Ивашка, и приподнялъ чуть-чуть краешекъ крышки: смотритъ изъ ларя, кто на лѣстницу идетъ?

И видитъ онъ, при лунномъ свѣтѣ, что на лѣстницу лѣзетъ какое-то чудище—косматое, рогатое, и въ рукѣ крюкъ печной держитъ.

«Батюшки! Никакъ чортъ!» въ ужасѣ прошепталъ Ивашка.

А чудище прямо къ ларю подошло, крюкомъ въ крышку ударило и зарычало:—Кто въ ларѣ—за тѣмъ очередь!

— Спаси и сохрани! взмолился Ивашка, дрожа всѣмъ тѣломъ.

А чудище опять грохнуло крюкомъ въ крышку ларя, кричитъ:

— Выходи, что-ли! За тобой я и на мельницу пришелъ!

«Нѣтъ! думаетъ Ивашка.—Авось здѣсь отсижусь!

Сидитъ въ ларѣ, дрожитъ. А около ларя и Сенька, подъ своимъ вывернутымъ тулупомъ—тоже дрожитъ. Такой его страхъ разбираетъ, что онъ бы безъ оглядки бѣжалъ...

Вотъ, наконецъ, и вторые пѣтухи пропѣли на селѣ. И заворочалось, зашуршало что-то у мельницы подъ лѣстницей. Видитъ Сенька свѣтъ внизу появился, и сталъ кто-то тихонько, словно крадучись, взбираться на лѣстницу.

«Ну, вотъ она, наконецъ, моя кралечка!» подумалъ Сенька.

Но каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что по лѣстницѣ, еле-еле передвигая ноги, подымается высокій, худой старикъ въ бѣломъ длинномъ саванѣ, и фонарь въ рукѣ держитъ. А лицо у старика строгое, борода сѣдая, длинная... Поднялся на лѣстницу, да прямо къ ларю.

— Съ нами крестная сила! заоралъ во всю глотку Сенька, бросилъ крюкъ и хотѣлъ было въ ларь спрятаться.

А ларь самъ собою открылся, и что-то черное, большое, какъ выпрыгнетъ оттуда, какъ взвизгнетъ.

Сенька кричитъ:—Мельникъ, мельникъ идётъ!

А Ивашка со страху по полу катается и реветъ благимъ матомъ:— Сгинь, пропади, окаянный!

И старикъ не выдержалъ: фонарь изъ рукъ выронилъ, да тоже, что есть мочи крикнулъ:

— Черти, черти въ ларѣ! Въ зернь играютъ!

Да всѣ и побросались въ разныя стороны; и съ мельницы—тягу! И слышится имъ позади хохотъ адскій, и скрежетъ зубовный... А изъ кустовъ-то подъ мельницей Арина со старостой выскочила и понятые съ ними; бѣгутъ за подьячимъ, да за приставами, батожками ихъ вдогонку похлестываютъ, а сами отъ смѣху надрываются... Такъ до самаго села ихъ и гнали! Какъ добѣжали дозорщики до старостиной избы, какъ они на полати взобрались, забившись подальше въ уголъ —о томъ они никому не сказывали. А на завтра чѣмъ свѣтъ со своего логова поднялись, собрали свои пожитки, и были таковы.

Да видно они другу и недругу заказали за Скомороховой женой досматривать. И жила она попрежнему въ селѣ Покровскомъ, до самой смерти, и въ холѣ, и въ волѣ, и въ почетѣ, и въ достаткѣ...

Золотный кафтанъ.

Въ третій годъ царствованія царя Алексѣя Михайловича Пасха была поздняя, а весна ранняя. Пришла она, пріѣхала «на сошечкѣ, на бороночкѣ», еще въ концѣ Средокрестной недѣли... А на Страстной, въ началѣ, прошли теплые дождички и деревья въ садахъ московскихъ разомъ одѣлись свѣжей, липкой и яркой листвой; а тамъ и яблони стали окидываться бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Москвичи смотрятъ — не налюбуются: всюду зелень, всюду жизнь новая пробивается! Птицы копошатся и щебечутъ, усаживаясь на своихъ старыхъ гнѣздовьяхъ; пчелы гудятъ надъ запестрѣвшими лугами и цвѣтниками; бабочки порхаютъ на солнцѣ, радостно мелькая своими яркими крылышками. И въ домахъ всюду возня, суетня, хлопоты: всѣ готовятся Свѣтлый праздникъ встрѣтить. Отъ сада и рощи несется въ воздухѣ опьяняю-

щій ароматъ недавно распустившейся березовой почки; отъ поварни по всему двору разносится запахъ только-что испеченныхъ куличей и всякихъ иныхъ предпраздничныхъ печеній, надъ которыми усердно хлопочутъ домовитыя хозяйки...

Даже и у боярина Григорія Өеодоровича Молвитина — и у того на поварнѣ пекутъ и жарятъ, и готовятъ всякую снѣдь къ розговѣнью... А ужь на что скупъ! Скупѣе и скареднѣе его по всей Москвѣ поискать! Да, видно, нельзя отстать отъ другихъ: приходится иногда и скрягѣ раскошелиться...

— Эхъ, братцы! говоритъ долговязый парень изъ молвитинской дворни, обращаясь къ кучкѣ боярскихъ холопей: — хороши тамъ въ поварнѣ куличи пекутъ... Дай Богъ дожить до розговѣнья!

— Теперь доживешь — не подохнешь. И всего полсутки осталось.. А кабы еще недѣльку поста, такъ пожалуй и куличи-бы намъ не понадобились!

— Да! Подвело животы съ боярскаго поста: все впроголодь, да впроголодь! продолжалъ долговязый парень. — Что укралъ, съ того только и сытъ... Грѣхи!

— Чего ужь! вступился въ рѣчь долговязаго другой, рябой и черный. — Сенькѣ вонъ ключникъ сала выдалъ — колеса у колымаги смазать... Такъ тотъ не утерпѣлъ — и сало все слопалъ!! Ей Богу!

Всѣ холопи разомъ такъ и покатились со смѣха.

— И спроси-ка ты его, боярина-то, куда онъ, алчная душа, копитъ? Ни дѣтей, ни внуковъ: онъ, да жена! А не то что намъ, холопямъ — и себѣ-то всякій кусъ разсчитываетъ?

— Эхъ ты, сказалъ — разсчитываетъ! Да онъ изъ-за куска-то удавиться радъ! съ досадой проговорилъ долговязый. — Чай, сами знаете, какъ онъ изъ-за золотнаго кафтана цѣлый годъ съ сусѣдомъ тягался — съ Шестакомъ Порухинымъ?

— Ничего, мы, Пешенька, не знаемъ... Разскажи, какъ было!.. Сдѣлай милость!

— А вотъ какъ было дѣло! началъ разсказывать долговязый парень. Но разсказать не успѣлъ, потому что изъ-за угла людской избы, у которой онъ сидѣлъ, на заваленкѣ вдругъ протянулась чья-то широкая и дюжая десница, ухватила парня за шиворотъ, встряхнула его и разомъ поставила на ноги.

Повскакали съ заваленки и другіе холопи, увидѣвъ ключника Евстигнеича, который выкатился изъ-за избы всей своей увѣсистой особой.

— Ишь, ты, окаянный! крикнулъ ключникъ, не выпуская изъ

рукъ долговязаго, и все продолжая его встряхивать. — Чѣмъ-бы дѣло дѣлать, а онъ тутъ своимъ боярамъ косточки перемываетъ, пересуды пересуживаетъ! А тѣ олухи уши развѣсили — его слушаютъ!

— Виноваты, батюшка, Иванъ Евстигнеичъ! взмолились холопи.

— То-то, виноваты! Мигомъ бѣгите Сенькѣ помогать. Чтобы колымагу выкатывалъ — коней закладывалъ... боярину во дворецъ ѣхать чуть стемнѣется... къ заутрени...

— Слушаемъ, батюшка! Мигомъ справимъ!

— Да и вы чтобы всѣ въ чистомъ платьѣ наготовѣ были: кому бояринъ прикажетъ за колымагой идти... Брысь, беспутные!

Всѣ холопи метнулись въ разныя стороны. А Евстигнеичъ, запустивъ одну руку за поясъ, а другою почесывая въ затылкѣ, остановился около избы.

«Да! подумалъ онъ самъ про себя. — Насчетъ золотнаго кафтана это онъ вѣрно сказалъ... Тутъ у боярина съ Порухинымъ не чисто дѣло! И откуда только они-то все это прознали?.. А коли они знаютъ — скоро во всей Москвѣ заговорятъ! Бѣды!»

И онъ, покачивая въ раздумьи головою, направился не спѣша къ барскимъ хоромамъ, побрякивая на пути толстою связкою ключей, привѣшенныхъ къ поясу.

Чуть смерклось и первыя звѣздочки замигали на темномъ небѣ, тяжелая колымага со звономъ, скрипомъ и дребезжаньемъ подкатила къ большому крыльцу молвитинскихъ боярскихъ хоромъ и остановилась, окруженная толпою слугъ человѣкъ въ тридцать. Долговязый парень и Сенька сидѣли верхами на двухъ переднихъ парахъ шестерика, впряженнаго въ колымагу; сѣдой старикъ, сидя на козлахъ, правилъ дышловыми. Лошади были разномастныя, лохматыя, старыя, разбитыя на всѣ ноги, тощія, съ ввалившимися боками. Упряжь на нихъ тоже царя Гороха помнила: вся была перевязана веревочками, да мочалочками. И *чистое* платье холопей тоже напоминало собою затрапезную одежду слугъ въ другихъ боярскихъ домахъ: у кого рукавъ былъ оборванъ, у кого полы висѣли лохмотьями, у кого отъ воротника отложнаго осталась одна кромочка... Всѣ они, угрюмые и голодные, стояли кучей около колымаги, съ слюдяными фонарями въ одной рукѣ и съ батожьемъ въ другой—для внушенія должнаго почтенія къ боярину всѣмъ подорожнымъ зѣвакамъ и встрѣчникамъ.

Вотъ, наконецъ, дверь на крыльцо распахнулась настежь и самъ

бояринъ Григорій Θеодоровичъ вышелъ изъ хоромъ въ золотномъ кафтанѣ съ высокимъ козыремъ и въ высокой горлатной шапкѣ. Почтительно поддерживали его подъ руки ключникъ и дворецкій, между тѣмъ какъ двое холопей бережно несли полы его дорогаго кафтана. Бояринъ — сухощавый, носатый, съ жидкою сѣдою бородкою и густыми, какъ у сыча, торчащими бровями — обвелъ всѣхъ сумрачнымъ окомъ, вскарабкался кое-какъ внутрь колымаги, усѣлся въ ней, усердно оправляемый ключникомъ и дворецкимъ, и произнесъ важно:

— Съ Богомъ!

Тощіе кони, ободряемые весьма внушительными ударами плетей, кое-какъ стащили тяжелую колымагу съ мѣста, и она заскрипѣла, задребезжала и зазвенѣла, погромыхивая всѣмъ кузовомъ и подпрыгивая на ходу по деревянной мостовой Замоскворѣчья.

А бояринъ тѣмъ временемъ сидѣлъ въ колымагѣ, не поворачивая головы изъ опасенія помять свой козырь, или поломать на складкахъ тяжелый золотный кафтанъ. Сидѣлъ — ни дать ни взять, какъ черепаха въ своей бронѣ — и все думалъ свои горделивыя, высокоумныя боярскія думы.

— Вотъ, нонѣча и въ *комнату* государеву *за крюкъ* попадемъ, потому на крюкѣ стоитъ свой человѣкъ, сродственникъ, Иванъ Кузьмичъ... Черезъ Милославскаго-же въ ближніе стольники попалъ... А то, въ прошломъ-то году, лиходѣи этакіе, и въ соборъ не допустили — на паперти съ меньшой братіей поставили... Говорятъ: у тебя-де, бояринъ, золотный кафтанъ не хорошъ, чай еще царя Бориса помнитъ; а въ ризахъ ветшаныхъ нельзя, молъ, предъ царскія пресвѣтлыя очи въ Великъ-день становиться... Истинно лиходѣи!.. А ноньче поди-ко-сь, выкуси! Лучше ихняго себѣ кафтанецъ золотный добылъ...

И бояринъ, изъ-за козыря, не безъ самодовольства поглядывалъ на свой кафтанъ, и слѣдилъ глазами, какъ по складкамъ золотой парчи скользили отблески отъ фонарей, которые несли холопи около самыхъ дверецъ колымаги.

Долго тащилась колымага изъ Садовниковъ, пока въѣхала Фроловскими воротами въ Кремль, миновала Кремлевскіе монастыри и соборы, и остановилась передъ рѣшеткою государева дворца, среди сотни другихъ боярскихъ колымагъ, каретъ и покоевыхъ колясокъ, которыми заставлена была вся площадь у рѣшетки.

Холопи бережно высадили Григорія Θеодоровича изъ колымаги и въ то время, когда бояринъ проходилъ черезъ постельное крыльцо,

толпа младшихъ придворныхъ чиновъ — стольниковъ, стряпчихъ. дворянъ и дьяковъ — почтительно разступившись, дала ему дорогу. Но какъ только онъ прошелъ и скрылся за дверью, со всѣхъ сторонъ, вслѣдъ ему послышалась брань и насмѣшки.

— Скаредъ!.. Скряга-скряженскій!.. Изъ-за овсянаго блина удавился!.. Изъ холопей жилы тянетъ!.. Чужой кафтанъ на плечи вспялилъ — и бахвалится!

— Да это бы еще что! сказалъ одинъ изъ молодыхъ стольниковъ, обращаясь къ пріятелямъ: — онъ изъ-за этого кафтана человѣка загубилъ! Полгода ужь въ ямѣ его гноитъ — до Сибири довести хочетъ... Вотъ онъ каковъ!

— У самого сундуки отъ денегъ ломятся, а ему жаль было на кафтанъ сто рублевъ истратить... Даромъ у сосѣда оттягалъ!

— Эхъ, братцы. полно вамъ! Ужь это больно на враки похоже!

— Какія враки!? Онъ, братъ, гдѣ до денегъ коснется, злодѣй сущій! И самъ удавится, и другаго зарѣжетъ!.. Самъ посуди: два года сряду разрядный дьякъ его къ царю на очи въ Свѣтлый праздникъ не допускалъ въ старомъ платьѣ — изъ списка бояръ его вычеркивалъ... И онъ все больнымъ сказывался! А нынче у Милославскихъ руку нашелъ, сколькихъ мѣстами посѣлъ, да вотъ всякими неправдами себѣ золотный кафтанъ добылъ — и вишь какъ прошелъ: головой никому не кивнулъ.

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ дворца отворилась и кто-то крикнулъ сверху:

— Стройся въ ряды!.. Живо!.. Государь сейчасъ на Красное крыльцо къ выходу жалуетъ!

Всѣ поспѣшно хлынули съ площадки на внутренніе переходы дворца, и перешли на Красное крыльцо, гдѣ и расположились, по два въ рядъ, по обѣ стороны широкихъ ступеней, въ ожиданіи государева выхода. Длинный рядъ придворныхъ, не помѣстившихся на крыльцѣ, протянулся черезъ весь государевъ дворъ къ самому Успенскому собору.

Вдругъ, во мракѣ теплой апрѣльской ночи, раздался надъ головами у всѣхъ первый ударъ колокола на Ивановской колокольнѣ и, протяжно гудя, медленно разнесся надъ Кремлемъ, какъ-бы расплываясь и тая въ потрясенномъ воздухѣ... Затѣмъ — другой ударъ, третій: и начался благовѣстъ къ заутрени, на который громко и радостно откликнулись всѣ голосистые колокола сорока сороковъ Бѣлокаменной.

Въ то-же время двери Теремнаго дворца открылись и юный

царь Алексѣй Михайловичъ, въ золотомъ опашнѣ, усыпанномъ жемчугами и каменьями, и въ высокой горлатной шапкѣ появился на верхней ступени Краснаго крыльца, окруженный боярами и вельможами въ золотныхъ кафтанахъ и стряпчими, освѣщавшими путь государю рѣзными фонарями. Какъ только царь появился на верху, всѣ младшіе чины двора, стоявшіе на лѣстницѣ и на дворѣ, разомъ отвѣсили государю земной поклонъ, а затѣмъ сомкнулись въ ряды и стройнымъ шествіемъ двинулись вмѣстѣ съ государемъ и боярами къ собору.

Въ то время, когда въ соборѣ, переполненномъ родственниками государя, духовенствомъ и высшими чинами двора, шла заутреня, всѣ младшіе чины двора государева стояли тѣсною толпою у западныхъ дверей собора и между ними шепотомъ шла обычная оживленная бесѣда, пересыпаемая сплетнями и слухами, которыхъ такъ много порождала каждый день придворная среда.

— Слышно, государь-то къ Молвитину милостивъ, шептали въ этой толпѣ двое молодыхъ стольниковъ: — къ рукѣ вишь его допустилъ у себя въ комнатѣ.

— Все Милославскіе за него хлопочутъ... Онъ для нихъ на руку: лихоимства ихъ покрывать... Помогать имъ народъ-отъ грабить...

— Пустите, пустите! говорили вполголоса жильцы, бережно раздвигая толпу младшихъ чиновъ. — Сейчасъ подносчики яйца въ соборъ понесутъ... Послѣ хвалитновъ государь христосоваться станетъ...

И точно, черезъ нѣсколько времени, длинный рядъ подносчиковъ, съ огромными деревянными блюдами, обитыми тонкимъ серебрянымъ листомъ, двинулся къ собору отъ дворца. Въ каждомъ блюдѣ горою были навалены росписныя и раззолоченныя яйца, которыя государь долженъ былъ раздавать у южныхъ дверей собора боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и дьякамъ и инымъ ближнимъ людямъ изъ придворныхъ.

— А какъ слышно? продолжаютъ шептаться въ толпѣ младшихъ чиновъ двора: — куда изволитъ государь шествовать изъ собора?

— Вѣстимо куда? Въ Архангельскій — съ родителями христосоваться — къ гробамъ ихъ припадать... А тамъ въ Воскресенскій, въ Чудовъ монастырь...

— Анъ нѣтъ! Въ Благовѣщенскій соборъ пойдетъ къ мощамъ прикладываться...

— Заспорили! Туда пойдетъ, куда его царской душѣ угодно

будетъ! смѣясь замѣтилъ старый стольникъ. — Аль позабыли, что сердце царево въ руцѣ Божіей...

И старый стольникъ оказался правъ. Совсѣмъ ужь разсвѣло, когда государь, пожаловавъ къ рукѣ всѣхъ бывшихъ въ соборѣ и одѣливъ всѣхъ росписными пасхальными яйцами, направился въ Архангельскій соборъ, въ сопровожденіи всѣхъ бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей своихъ.

Долго молился царь въ Архангельскомъ соборѣ, припадая къ гробу отца своего, и когда онъ вышелъ на паперть, всѣ замѣтили, что царь сильно растроганъ... Слезы блестѣли въ прекрасныхъ очахъ его...

— Куда шествовать изволишь, великій государь? обратился къ царю своякъ его, бояринъ Морозовъ. — Въ Чудовъ, въ Воскресенскій, али въ Благовѣщенскій соборъ?

— Утомился ты, государь батюшка! Отдохнуть-бы тебѣ пора! вкрадчиво и льстиво заговорилъ царскій тесть, бояринъ Милославскій.

— Не пойду ни въ соборъ, ни по обителямъ, твердо сказалъ юный царь: — пойду навѣстить *несчастныхъ* въ застѣнкѣ... Бояринъ Морозовъ, прикажи мнѣ туда принести великоденскую милостыню заключеннымъ...

Отдавъ этотъ неожиданный приказъ, царь сошелъ со ступеней паперти и, опираясь на индѣйскій жезлъ чернаго древа, медленно двинулся черезъ площадь и ближнія улицы къ Фроловскимъ (нынѣ Спасскимъ) воротамъ, около которыхъ на взгорьи стоялъ такъ называемый Каменный застѣнокъ.

Въ застѣнкѣ, едва освѣщенномъ нѣсколькими узкими рѣшетчатыми окнами, царилъ полумракъ; подъ закоптѣлымъ низкимъ потолкомъ отъ смрадныхъ испареній и тюремной сырости висѣло густое облако сѣроватаго тумана. Свѣтлый праздникъ не проникалъ еще въ эту юдоль отчаянія и плача: темные узники, всѣми забытые и покинутые, чувствовали себя еще болѣе несчастными въ виду наступающаго Великаго дня... Они знали, что тамъ, гдѣ-то, за ненавистными стѣнами тюрьмы, на вольномъ Божіемъ свѣтѣ, совершается «праздникамъ праздникъ и изъ торжествъ торжество» — и они чувствовали себя еще болѣе приниженными, подавленными, презрѣнными, оторванными отъ всего близкаго и роднаго. Въ тѣсной толпѣ заключенныхъ, молчаливой и сумрачной, лишь изрѣдка слышался тяжкій, глубокій вздохъ, да лязгъ и звяканье цѣпей или тихій, чуть внятный возгласъ:

— Господи Iисусе Христе, помилуй насъ!

И вдругъ около тюрьмы засуетились, забѣгали, загомонили приставы... Шаги множества людей явственно послышались на каменныхъ ступеняхъ крыльца передъ входными дверями тюрьмы... Застучали, завизжали затворы и задвижки и оба тяжелыхъ створа широкой входной двери распахнулись настежь, скрипя на ржавыхъ петляхъ. Широкая волна яркаго утренняго свѣта, вмѣстѣ съ волнами свѣжаго воздуха, пролилась въ сумракъ застѣнка съ надворья, и заставила всѣхъ узниковъ зажмурить очи, отвыкшія отъ свѣта. И когда они черезъ мгновенье обратили взоры къ входной двери застѣнка, они увидѣли передъ собою дивное зрѣлище: — самъ царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный своими боярами и вельможами, стоялъ на порогѣ тюрьмы... Залитый свѣтомъ, который ярко горѣлъ на его одеждѣ, усыпанной искрами драгоцѣнныхъ камней, и игралъ золотымъ переливомъ на золотныхъ кафтанахъ бояръ, юный царь представлялся узникамъ истиннымъ Божіимъ посломъ, который явился возвѣстить имъ великую, несказанную радость...

— Христосъ воскресе и вамъ! съ глубокимъ волненіемъ произнесъ государь, обводя глазами всю темную, мрачную, изможженную заточеніемъ толпу заключенныхъ.

— Воистину воскресе! разомъ, какъ изъ одной груди, вырвался возгласъ изъ толпы, и вся она, гремя цѣпями, рухнула на колѣни и отвѣсила земной поклонъ царю Алексѣю Михайловичу.

— Для Свѣтлаго праздника жалую васъ новымъ платьемъ, ѣствами и питьями съ моего двора! дрогнувшимъ голосомъ произнесъ государь.

И еще разъ тяжко и гулко звякнули цѣпи узниковъ, отвѣсившихъ еще одинъ земной поклонъ.

Царь собирался уже обернуться къ боярину Морозову, за спиною котораго стояли стряпчіе съ корзинами царской милостыни, какъ вдругъ изъ толпы поднялся высокій, какъ лунь сѣдой, старикъ и завопилъ во весь голосъ:

— Царь-государь, пресвѣтлыя твои очи, помилуй меня ни въ чемъ неповиннаго!

Царь взглянулъ на старика и тотчасъ-же спросилъ его:

— Кто ты? Какъ попалъ ты сюда? Какою виною провинился?

— Я — Шестакъ Порухинъ — изъ московскихъ посадскихъ. А попалъ сюда безъ вины, государь!.. По извѣту боярина Молвитина... Вотъ онъ, около тебя стоитъ, погубитель-то мой!

А Ф Маркса

А.Ф. Маркса

Ропотъ недовольства пронесся въ толпѣ бояръ, которыхъ задѣли за живое дерзкія рѣчи сѣдаго узника.

— Не погуби, государь! смѣло продолжалъ старикъ, воодушевляясь болѣе и болѣе.—Прикажи для Свѣтлаго праздника разобрать меня съ бояриномъ — не дай ему меня въ тюрьмѣ сгноить!

— Говори, въ чемъ дѣло — говори скорѣе! рѣзко и твердо произнесъ юный царь, вперяя очи въ лицо узника.

— Завѣщала мнѣ боярыня Меланья Θеодоровна Прончищева золотный кафтанъ покойнаго своего мужа, и сталъ я, по бѣдности, тотъ кафтанъ въ люди казать — продать хотѣлъ... И бояринъ Молвитинъ приказалъ мнѣ тотъ кафтанъ, по сусѣдству, къ нему принести и въ его хоромахъ боярскихъ оставить... Я его боярской чести повѣрилъ... А онъ мнѣ и кафтана не вернулъ и меня самого въ воровское дѣло запуталъ — мертвое тѣло ко мнѣ въ огородъ подкинуть велѣлъ — и засудилъ, и засудилъ... И вотъ ужь который мѣсяцъ я изъ-за него здѣсь въ ямѣ сижу...

— Клевета, государь, клевета — не вѣрь ты ему, окаянному! залепеталъ, выступая изъ толпы бояръ, блѣдный и растерявшійся Молвитинъ.

— Лютой смертью вели сказнить, государь! воскликнулъ старикъ, — если я хоть въ словѣ солгалъ. — Кафтанъ-то мой и теперь на немъ, государь. На немъ — тотъ самый!

— Лжетъ онъ, государь! униженно взмолился Молвитинъ. — Кафтанъ на мнѣ новый, домодѣльный — на своихъ наплечныхъ *) мастеровъ сошлюсь.

— Нѣтъ, государь! смѣло вступился старикъ. — Боярыня Меланья Θеодоровна мнѣ отъ этого кафтана и обрѣзочки, и покромочки всѣ отдала; хоть теперь взять у жены прикажи... Да вотъ тебѣ и еще примѣта: подъ козыремъ къ кафтану бояринина данная грамота на него подшита...

— Видитъ Богъ, что если ты солгалъ, тебѣ и въ Сибири мѣста не сыщется! проговорилъ государь, и затѣмъ, обернувшись къ стряпчимъ, добавилъ: — снять съ боярина кафтанъ, вспороть у кафтана козырь!..

Съ помертвѣвшаго отъ страха боярина живо стянули кафтанъ, еще того живѣй вспороли у него козырь, и, къ изумленію всѣхъ окружающихъ, вытащили подложенную подъ козыремъ данную грамоту.

Всѣ такъ и ахнули!.. Старый узникъ не выдержалъ, и залился слезами...

*) *Наплечные мастеры* — т. е. портные.

Царь грозно глянулъ на Молвитина, который стоялъ около него, трепетный и безмолвный, потомъ обернулся къ Морозову и сказалъ громко:

-- Своякъ дорогой! Возьми къ себѣ старика на поруки, строго на-строго разбери его дѣло и обо всемъ мнѣ доложи безъ всякой утайки!

Потомъ, обратившись къ старому узнику, онъ добавилъ:

Бояринъ Морозовъ, по моему указу, учинитъ въ твоемъ дѣлѣ судъ и правду; а за всѣ твои убытки и разоренія и безвинное заточеніе велю я тебя наградить изъ животовъ *опальнаго боярина Молвитина!*

И царь, съ облегченнымъ сердцемъ, отвернулся отъ узника, съ котораго приставы поспѣшно снимали оковы.

— Слава тебѣ, Господи! Просіяло и на насъ красное солнышко! слышались подъ сводами тюрьмы радостные возгласы тюремныхъ сидѣльцевъ.

Государевъ кречатникъ.

I.

винскій воевода, стольникъ Тихонъ Григорьевичъ Головковъ, только-что очнулся отъ сладчайшаго послѣобѣденнаго сна и начиналъ потягиваться на своемъ пуховикѣ подъ теплымъ и мягкимъ песцовымъ одѣяломъ, какъ вдругъ раздался легонькій стукъ въ двери его опочивальни.

— Кто тамъ? Что надо?

— Это я, батюшка Тихонъ Григорьевичъ, осмѣлилась тебя потревожить, раздался тоненькій голосокъ воеводши.

— А тебѣ чего? Пропасти на васъ нѣтъ! Отдохнуть порядкомъ не дадите.

— Не кори, батюшка, не своей охотой будить тебя пришла... Дьякъ Автономъ Ильичъ просилъ навѣдаться, почиваешь-ли ты?

— А тому что нужно? продолжалъ допрашивать воевода, позѣвывая и потягиваясь на своемъ пуховикѣ и все еще не рѣшаясь разстаться съ мягкимъ ложемъ.

— Да говоритъ онъ, батюшка, будто бы нарочный присланъ съ Москвы съ указомъ государевымъ.

— Съ указомъ государевымъ! спохватился воевода, разомъ вскакивая на постели и опуская толстыя босыя ноги въ мѣховыя ступни. Такъ бы ты, дура, давно сказать должна! А то стучишься безъ толку!

И не на шутку встревоженный воевода засуетился около своей кровати: поспѣшно натягивая на плечи желтое камчатое полукафтанье и не безъ труда застегивая его на всѣ крючки на своемъ тучномъ тѣлѣ, онъ вышелъ изъ опочивальни въ смежную комнату.

Супруга воеводы, Агафья Тихоновна, женщина лѣтъ подъ 40, бѣлая, полная и рыхлая, очень недалекая и запуганная мужемъ, не безъ страха ожидала воеводу около самыхъ дверей опочивальни, держа въ рукахъ подносъ съ оловяннымъ жбаномъ и серебрянымъ жалованнымъ ковшикомъ. Она твердо помнила обычаи своего супруга и потому, какъ только онъ отперъ дверь опочивальни и переступилъ порогъ комнаты, поспѣшила поднести ему жбанъ съ ковшомъ.

— Кваску испить не изволишь-ли, батюшка? обратилась воеводша къ супругу съ низкимъ поклономъ.

Но на этотъ разъ воеводѣ было не до квасу... По насупленнымъ бровямъ и сердитымъ морщинамъ на лбу было видно, что онъ весь проникнутъ сознаніемъ лежащихъ на немъ государственныхъ заботъ.

— Убирайся ты съ квасомъ! закричалъ онъ грозно на Агафью Тихоновну. – Дьякъ гдѣ? Куда ты его дѣвала? Квасъ мнѣ суешь, чѣмъ бы дьяка ко мнѣ позвать! Аль на это догадки нѣтъ!

— Да я не смѣла, батюшка, впустить его сюда, не смѣла тревожить тебя, стала оправдываться воеводша, пятясь къ дверямъ въ сѣни.

— Чего тамъ *не смѣла!* зыкнулъ воевода. Дьяка зови! А квасъ куда несешь? Здѣсь поставь — тогда и зови; а то мечешься, какъ угорѣлая!

Совершенно растерявшаяся воеводша быстро подошла къ столу, поставила подносъ съ квасомъ на самый краешекъ его, а сама опрометью бросилась къ выходнымъ дверямъ, опасаясь новаго окрика отъ своего грознаго господина и повелителя.

Повелитель, когда дверь захлопнулась за Агафьей Тихоновной, подошелъ къ столу, грузно опустился на лавку, придвинулъ къ себѣ жбанъ съ квасомъ и съ видимымъ удовольствіемъ промочилъ засохшую гортань двумя ковшами свѣжаго и забористаго прохладительнаго напитка.

— Дура-баба, думалъ онъ, опоражнивая второй ковшъ,- а квасы варить горазда!

Едва успѣлъ онъ поставить ковшъ на подносъ и отереть ладонью усы, какъ дверь изъ сѣней скрипнула, пріотворившись на половину, и пропустила въ комнату тощую фигуру дьяка Автонома Ильича, который переступилъ порогъ, согнувшись, чтобы не удариться лбомъ о притолку, а затѣмъ вытянулся около дверей во весь ростъ, отвѣсилъ воеводѣ поясной поклонъ и произнесъ мягко и протяжно:

— Кликать изволилъ, государь всемилостивый?

— Чего тамъ кликать? Чай самъ знаешь, зачѣмъ? Какой тамъ нарочный? Съ какимъ указомъ?

— Съ Москвы, господинъ! Съ государевымъ указомъ присланъ.

— Да съ какимъ? О чемъ указъ-то?.. Нѣтъ-ли бѣды какой? тревожно допрашивалъ воевода, всматриваясь въ морщинистое, испитое и совершенно безжизненное лицо стараго дьяка.

— Не могу знать, батюшка Тихонъ Григорьевичъ, потому я только однимъ глазкомъ въ указъ заглянулъ... А такъ, значитъ, думаю, что дѣло спѣшное и важное, потому нарочному приказано здѣсь, въ Холмогорахъ, всего три дня перебыть и отъ тебя на ту царскую грамоту отписку привезть...

И дьякъ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда какой-то свертокъ, а изъ свертка добылъ столбецъ и сдѣлалъ два шага къ столу, собираясь подать грамоту воеводѣ. Но тотъ остановилъ его на полдорогѣ.

— Читай скорѣй, о чемъ тамъ писано? сказалъ воевода нетерпѣливо.

Дьякъ осторожно развернулъ столбецъ, отнесъ его на нѣкоторое разстояніе, окинулъ глазами, потомъ отклонилъ голову въ сторону и прочелъ слѣдующее:

«Отъ благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержца стольнику и воеводѣ Тихону Григорьевичу Головкову. Въ Новгородскомъ приказѣ выписано. Въ прошломъ 167 году, по указу великаго государя и царя и великаго...»

— Да ну же! торопилъ воевода. – Это знаемъ, - дальше-то что?

Дьякъ провелъ пальцемъ по строкамъ титула и продолжалъ:

«По титулѣ... бояре, слушавъ выписки въ передней, приговорили: на Двину къ стольнику и воеводѣ...»

— И это знаемъ! крикнулъ воевода дьяку. Дальше-то что — не мучь ты меня! Нѣтъ-ли грозы какой?

Дьякъ опять провелъ указательнымъ пальцемъ по строкамъ грамоты и продолжалъ такъ же безстрастно:

...«Послать великаго государя грамоту, велѣть по прежнимъ указамъ отца его государева, благовѣрнаго государя и присноблa-

женныя памяти царя Михаила Өеодоровича... съ двинскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ и обѣльныхъ сошекъ крестьянъ на ихъ государскую кречатню, для полевой потѣхи и для посылокъ въ иныя государства, на 168 годъ взять и впредь на вся годы имать кречетовъ красныхъ и цвѣтныхъ большихъ самыхъ добрыхъ по 50-ти птицъ на годъ...»

— Ухъ! Отлегло... Слава Богу! проговорилъ воевода, проясняясь и крестясь на иконы. — А ужь я думалъ и нивѣсть что!.. Забралъ въ голову — не ябеда-ли какая, что такъ спѣшно отповѣдь требуютъ! А тутъ это, значитъ, насчетъ кречетовъ... Это уже не наша забота — на нее здѣсь свои люди есть: кречатьи помытчики! За нихъ, значитъ, надо приниматься — имъ читать грамоту! Пусть они и отдуваются своими боками! Такъ, что-ли, Автономъ Ильичъ? А?

— Такъ точно, государь всемилостивый! отвѣчалъ съ поклономъ старый дьякъ, собирая въ кулакъ свою жиденькую бороденку.

— Ну, такъ вели же немедленно, на завтра, рано утромъ собраться въ съѣзжую избу всѣмъ посадскимъ и всѣмъ выборнымъ отъ крестьянъ уѣздныхъ и отъ обѣльныхъ сошекъ. Тамъ этотъ самый указъ государевъ прочтешь, да и потолкуешь... Авось либо изъ этого указа и намъ какая-нибудь прибыль отъ мужиковъ перепадетъ! А ты мнѣ кстати и выпись приготовь, сколько за прошлые два года моего воеводства здѣшними помытчиками ловчихъ птицъ на государевъ обиходъ доставлено?

— Слушаю, государь всемилостивый, приготовлю! отозвался дьякъ. А указъ-то царскій изволь, господинъ, въ кованый ларецъ схоронить, чтобы мнѣ изъ-за него какой бѣды не приключилось.

И дьякъ, подавъ воеводѣ указъ, поклонился ему въ поясъ и, согнувшись въ три погибели, юркнулъ въ сѣни.

II.

На другой день, спозаранку, около съѣзжей избы, въ Холмогорахъ, толпился народъ — посадскіе люди, крестьяне уѣздные и крестьяне обѣльныхъ сошекъ. Старосты и выборные собрались въ избѣ въ ожиданіи воеводскаго дьяка, который съ вечера распорядился созвать ихъ и распустилъ слухъ о томъ, что прислана изъ Москвы царская грамота о кречатьихъ помытчикахъ и что по той грамотѣ всѣмъ грозитъ бѣда неминучая. Мудрено-ли, что собравшіеся посадскіе и крестьяне стояли понуря головы и тоскливо перекидывались между собой отдѣльными словами, пожимаясь отъ холоднаго апрѣльскаго утренника, который насквозь пронизывалъ студенымъ и рѣзкимъ вѣтромъ.

— Ты, Гаврила, не слыхалъ-ли, чтò за грамота?

— А почемъ я знаю? Не я ее писалъ—небось!

— Да я было думалъ, что ты съ холопями воеводскими водишься...

— Ну такъ что въ томъ, что вожусь?

— Да вотъ то и есть, что молъ не слыхалъ-ли отъ нихъ чего?..

— А имъ почемъ знать—дурья-голова!

— А вотъ потомъ и знать, что они воеводскіе холопи...

— Ну тебя и съ ними...

— Дьякъ идетъ, дьякъ идетъ! раздалось въ толпѣ.

— «Разступися грязь — навозъ идетъ!» вздумалъ было кто-то подшутить, но на шутника накинулись со всѣхъ сторонъ съ руганью: настроеніе толпы было тревожное и гнѣвливое.

Дьякъ Автономъ Ильичъ, закутавшись въ теплую шубу на молодыхъ олешкахъ, нахлобучивъ на голову превысокій колпакъ изъ пестрыхъ оленьихъ лоскутовъ и бережно неся за пазухой берестяной баулъ съ копіей царской грамоты и съ другими бумагами, — степенно и важно прошелъ черезъ толпу въ съѣзжую избу, скинулъ въ сѣняхъ шубу и колпакъ, сдалъ ихъ на руки сторожу и вошелъ въ присутствіе. Здѣсь всѣ старосты и выборные встрѣтили дьяка низкими поклонами, на которые онъ едва отвѣчалъ кивкомъ головы. Затѣмъ подошелъ къ столу, вынулъ бумаги изъ баула и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ суровымъ взглядомъ, произнесъ громко и торжественно:

— Указъ государевъ!

Всѣ насторожили уши и вытянули впередъ головы, видимо не желая проронить ни слова, ни звука.

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ! прошепталъ кто-то.

Автономъ Ильичъ прочелъ извѣстный намъ указъ, но совсѣмъ не такъ, какъ онъ его читалъ наканунѣ въ воеводскихъ хоромахъ, а съ такою выразительностью и съ такимъ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ будто дѣло въ указѣ шло о жизни и смерти всѣхъ присутствующихъ. Такъ истово и выразительно читались дьяками только статейные списки съ изложеніемъ винъ преступника передъ смертной казнью.

Внушительное чтеніе указа подѣйствовало одинаково на всѣхъ слушателей. Когда дьякъ закончилъ и, сложивъ грамоту, обвелъ присутствующихъ суровымъ, испытующимъ взглядомъ - среди общаго молчанія, въ отвѣтъ на грамоту, послышались только глубокіе вздохи.

— Что скажете, православные? вопросилъ дьякъ, закидывая руки за поясъ и возводя очи горѣ.

— Тяжеленько это будетъ, батюшка Автономъ Ильичъ, по 50 птицъ-то въ годъ! заговорило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Указъ государевъ! строго замѣтилъ дьякъ.— Разумѣйте. языци, и покоряйтеся!

— Покоряемся. кормилецъ, — это что и говорить! А только тяжеленько. потому какъ въ прошлые годы и по тридцати птицъ съ великой нужей добывали...

— Знать этого намъ не указано... Добывали по тридцати. коли такъ было велѣно; а теперь указъ вамъ прочитанъ. чтобы добывали по пятидесяти. А буде чего не доловите, такъ вамъ же вѣдомо. какъ въ прежнихъ грамотахъ писано: «за недоловныя птицы на двинянахъ. посадскихъ людяхъ, и на уѣздныхъ крестьянахъ и на кречатьихъ помытчикахъ доправить за птицу по 10 рублевъ».

— Охъ. вѣдомо намъ это, кормилецъ, вѣдомо! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Опять же и то. батюшка Автономъ Ильичъ. подумай: теперь время позднее. промышлять птицу у насъ некому. Наши первые кречатьи помытчики. Лупка Проскурнинъ да Исачка Заборцевъ, съ мѣсяцъ тому назадъ на звѣриный, да на рыбный промыслы ушли; а самый-то главный кречатникъ, Якушка Омельяновъ. на ладанъ дышетъ! Кого же намъ по кречеты посылать будетъ. да и гдѣ же ихъ такую силу взять?

— Значитъ. вы тому указу государеву ослушники учиняетесь? грозно вопросилъ дьякъ, принимаясь за перо.

— Что ты. что ты, кормилецъ, батюшка! Намъ это и въ мысль не вмѣщается! громко воскликнули всѣ старосты и выборные разомъ.

— Ну, такъ вотъ и расписывайтесь. что указъ вамъ читанъ и вы по тому указу безъ всякаго мотчанія исполненіе учините.

И дьякъ, на оборотѣ копіи. четко и кудревато выписалъ имена присутствующихъ. а они. одинъ за другимъ. стали ставить противъ своихъ именъ—кто кресты. а кто—знаменья.

Во время этой длинной процедуры. между старостами и выборными происходили въ дальнемъ углу избы какіе-то переговоры, то шепотомъ, то вполголоса: переговоры эти. вѣроятно, были финансоваго свойства, потому что. въ концѣ ихъ. всѣ стали рыться по карманамъ, заворачивая полы тулуповъ и кафтановъ. или опуская руки за голенище и вытаскивая изъ-за него завѣтный чересокъ. Старшій изъ выборныхъ собиралъ деньги въ шапку, а затѣмъ завернулъ ихъ въ тряпицу изъ синей крашенины. завязалъ узелкомъ и подошелъ съ поклономъ къ столу, за которымъ дьякъ такъ же сурово, какъ и прежде, рылся въ своихъ бумагахъ. ставилъ на нихъ какія-то помѣты и пощелкивалъ перомъ о край стола.

— Батюшка, кормилецъ, Автономъ Ильичъ, вкрадчиво заговорилъ выборный, — исполненіе мы по тому указу учинить должны, да только ты ужь замолвь за насъ словечко воеводѣ, чтобы онъ насъ не очень нудилъ да поспѣшалъ... Вотъ ужь мы тебѣ по силѣ... насколько, значитъ, хватило...

И на столѣ передъ дьякомъ, невѣдомо кѣмъ положенный, явился узелокъ изъ синей крашенины. Дьякъ на него и не посмотрѣлъ, и головы отъ бумагъ не поднялъ, и только какъ бы между дѣломъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Сказать воеводѣ и поболѣзновать за васъ я не прочь... Только вѣдь это ужь, какъ онъ похочетъ... Послѣ-завтра долженъ онъ на тотъ указъ отповѣдь отправить. Такъ вы у него завтра и побывайте, да поклонитесь пониже, чтобы онъ съ васъ еще не сталъ недоловныхъ птицъ за прошлые годы взыскивать. У него же, кстати, завтра канунъ именинъ младшаго его сынка...

И дьякъ снова заскрипѣлъ перомъ по бумагѣ. Старосты и выборные поняли, почему именно этотъ канунъ именинъ пришелся «кстати» для воеводы, и, поклонившись низенько дьяку, вышли изъ съѣзжей избы, крѣпко почесывая въ затылкахъ.

III.

А ужь на Руси такъ изстари ведется, что если русскій человѣкъ, послѣ окончанія дѣловой бесѣды, даже и согласившись на сдѣлку и ударивши по рукамъ, выходитъ изъ комнаты почесывая въ затылкѣ — это значитъ, что онъ недоволенъ собою и собирается совсѣмъ уже налаженное дѣло начать сызнова.

Такъ оно было и въ данномъ случаѣ. Когда выборные и старосты вышли гурьбою изъ избы, и вся толпа крестьянъ и посадскихъ, стоявшая у входа въ приказное святилище, узнала объ указѣ и о подробностяхъ бесѣды съ дьякомъ — всѣ въ одинъ голосъ заявили о своемъ неудовольствіи.

— Это что же, братцы, такое? Дьяку посуловъ по алтыну съ брата ужь сбѣжало, а воеводѣ еще по три алтына давай, да и то, пожалуй, рыло воротить станетъ?

— Это вы, братцы, придумали негораздо! За что дьяку посулъ дали? Бѣса лысаго онъ вамъ подвелъ...

— За что ему дали — только разлакомили воеводу-то!

— Да пойди же ты, не дай, онъ бы тебѣ такой городьбы нагородилъ на бумагѣ-то, что, пожалуй, по міру пойти пришлось бы съ ребятишками!

— Враки! Давать не слѣдовало... А дали—теперь шевели мошной...

— Вѣстимо, неслѣдъ было... Да и подписывать того указа не надо бы! Чтó бы онъ взялъ, кабы не подписали?..

— А то бы и взялъ, что отписалъ бы: учинились, молъ, ослушны...

— А не отписалъ бы, потому что воеводѣ и самому бы по шеѣ попало отъ Новгородскаго Приказа...

— Теперь подписали: поди-ка добывай 20 птицъ лишнихъ! Снаряжай ватагу на Терскій берегъ, либо на Тіунскій берегъ!

— А гдѣ людей возьмешь? Всѣ кречатьи помытчики въ разгонѣ; а вернутся-ли, нѣтъ-ли, съ промысловъ-то, еще къ Спасову дню.

— Ну, чего вы разсопѣлись на насъ? Какъ разумѣли, такъ и свертѣли! Велика важность 20 птицъ лишнихъ... Въ прошломъ году небось 74 птицы добыли...

— Добыть-то добыли, а что взяли-то? Только за 30 птицъ изъ казны деньги выдали, а тѣ всѣ намъ же въ убытокъ.

Однимъ словомъ, чѣмъ подробнѣе вопросъ объ указѣ, о дьякѣ и о дѣйствіяхъ крестьянскихъ старостъ и выборныхъ, обсуждался въ толпѣ, тѣмъ пренія становились шумнѣе и безтолковѣе, тѣмъ болѣе разыгрывались страсти и разгорались сердца. Положеніе не выяснялось; спорившіе не приходили ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, выискался-таки какой-то добрый и разумный человѣкъ, посовѣтовалъ идти всѣмъ міромъ на бесѣду къ старому кречатьему помытчику, Якушкѣ Омельянову, о которомъ всѣ отзывались въ одинъ голосъ, что онъ «старая, ношенная птица», и что онъ, «если пустится на хитрости, такъ и самого дьяка оплететъ».

Двинулись гурьбою къ Якушкину дому и стали стучать къ нему въ калитку. Вслѣдъ за стукомъ послышался отчаянный лай дворныхъ собакъ; черезъ минуту калитка отворилась и на порогѣ показался молодой, красивый парень лѣтъ двадцати, русоволосый, кудрявый, очень бойкій и развязный въ движеніяхъ.

— Чего вамъ надо, сосѣдушки? спросилъ парень, остановившись на порогѣ и придерживая рукою калитку, изъ-за которой сердито рычали на толпу пришедшихъ злыя, лохматыя лайки.

— Да вотъ, Ла́рюшка, къ твоему батюшкѣ. Совѣта просить пришли...

— Недомогаетъ батька-то; а то первый на сходѣ былъ бы...

— А былъ бы онъ, такъ не далъ бы насъ дьяку оплести, загалдѣло разомъ нѣсколько голосовъ.—А то вонъ наши-то сдуру...

— Молчи! Самъ, небось, умнѣе...

Началась перебранка и шумъ, къ которому совершенно равно-

душно прислушивался парень на порогѣ калитки. а псы изъ-за его спины вторили своимъ лаемъ и ворчаньемъ.

— Такъ вотъ, значитъ, намъ бы повидать Якова Омельяныча, заискивающимъ тономъ заговорили старосты и выборные.

— Всѣхъ васъ гдѣ же впустить? Со всѣми вами отецъ-отъ и разговаривать не станетъ. Вѣдь онъ недужный... Выбирайте выборныхъ, а я покамѣстъ схожу къ батькѣ—его спрошу.

Калитка захлопнулась и задвинулась засовомъ. Посадскіе и крестьяне стали между собою толковать; поспорили, пошумѣли, поругались и посчитались всякими старыми счетами и, наконецъ, рѣшили, по жеребью, выбрать три человѣка изъ старостъ и выборныхъ, да три человѣка изъ остальныхъ мірянъ — и отправить ихъ на совѣтъ къ Якушкѣ Омельянову. Когда жеребьевка окончилась, выборные заявили, что не пойдутъ иначе къ Якушкѣ на совѣтъ, какъ заручившись заранѣе согласьемъ на все, что они сообща съ Якушкою по этому мудреному дѣлу надумаютъ.

— Вѣстимо, вѣстимо! Ужь мы его знаемъ! Онъ старикъ дошлый—худо не придумаетъ.

— Ну, такъ ужь помните же, православные, слово твердо! Чуръ насъ не корить, неразумьемъ не попрекать...

— Ни, ни! Корить не будемъ. Ступайте, совѣтуйте съ нимъ на нашемъ полномъ уговорѣ! закричали выборнымъ всѣ міряне.

— Такъ ступайте же по домамъ: не зачѣмъ вамъ здѣсь мерзнуть. А послѣ вечеренъ сбирайтесь опять всѣ къ съѣзжей избѣ.

Какъ разъ въ это время засовъ у калитки отодвинулся, калитка распахнулась настежь, и Ларюшка появился на порогѣ.

— Просимъ милости, сосѣдушки, пожалуйте въ горенку. Батька ждетъ васъ и готовъ съ вами говорить и совѣтовать.

IV.

Яковъ Омельяновичъ былъ дѣйствительно старою, ношенною птицею. Лѣтъ сорокъ сряду числился онъ кречатьимъ помытчикомъ; «помыкалъ» (т. е. промышлялъ) птицъ для великихъ государей; раза два и на Москвѣ бывалъ и живалъ по-долгу, сдавая на Потѣшный дворъ привозную изъ Холмогоръ ловчую птицу — кречетовъ, соколокъ и челиговъ; имѣлъ счастіе самому дѣду государеву, патріарху Филарету, челомъ ударить парою красныхъ кречетовъ рѣдкой, диковинной красоты, и за то былъ имъ назначенъ сопровождать царскаго пристава, который отвозилъ ловчихъ птицъ черезъ Архангельскій городъ, черезъ Амборхъ и Любку въ городъ Веденъ въ по-

дарокъ самому кесарю Римскому. За то, что порученіе это было Яковомъ Омельяновичемъ выполнено усердно и толково, онъ и отъ кесаря удостоенъ былъ подаркомъ въ три золотыхъ корабленника и отъ государей великихъ получилъ великое жалованье — половинку сукна жаркаго цвѣта на кафтанъ, да киндякъ дорожчатый на подкладку, да пару соболей на воротникъ и на шапку.

И съ тѣхъ поръ Яковъ Омельяновичъ зажилъ въ Холмогорахъ припѣваючи; обзавелся домкомъ и хозяйствомъ; поставлялъ ежегодно въ Москву соколовъ и кречетовъ для государевой потѣхи и дѣлилъ барыши, получаемые съ этого промысла, съ двумя другими товарищами помытчиками, которые однако-же далеко уступали Якову Омельяновичу и въ умѣ, и въ опытности, и въ служебныхъ заслугахъ. Въ теченіе своей долгой службы, дѣйствительно, Яковъ Омельяновичъ успѣлъ до такой тонкости изучить свое дѣло, такъ превосходно узналъ нравы, привычки и хитрости всякой ловчей птицы, что никто не умѣлъ искуснѣе его эту птицу разыскивать, ловить, вскармливать и приручать. Въ то время, когда другіе помытчики, нанимая большія ватаги ловцовъ, отправлялись съ ними въ отдаленнѣйшія мѣстности Поморья или ловили птицъ случайно, Яковъ Омельяновичъ шелъ всегда навѣрняка, на ближнія, ему одному извѣстныя, старыя кречатьи и сокольи сѣдбища, на которыхъ у него уже была намѣчена птица, и ловилъ птицу своими особыми ловушками, подманивая ее какими-то мудреными способами, которые держалъ въ глубокой тайнѣ. На повѣрку выходило такъ, что въ то время, когда другіе двое помытчиковъ набирали съ собою на промыселъ по 8 и по 9 человѣкъ и уходили изъ Холмогоръ на Терскій или Тіунскій берегъ, разыскивать ловчую птицу, Яковъ Омельяновичъ бралъ съ собою всего троихъ наймитовъ и уходилъ недалеко отъ дома, верстъ за сто, за 150, а приносилъ съ собою вдвое и втрое болѣе птицъ, нежели его товарищи. Притомъ же и наймиты, которые съ Яковомъ ходили на кречатій и соколій промыселъ, возвращаясь домой, никому не могли объяснить, гдѣ и какъ ловилъ и добывалъ свою птицу старый помытчикъ? Ловушки свои носилъ онъ въ мѣшкѣ за спиною, и никогда, ни при комъ своего мѣшка не развязывалъ; а разставлять тѣ ловушки ходилъ только со своимъ сыномъ, покинувъ наймитовъ на становищѣ, и отъ становища уходилъ далеко, въ такія трущобы, которыя ему одному были вѣдомы по особымъ насѣчкамъ и знаменіямъ на деревьяхъ и камняхъ. Наймитовъ же бралъ съ собою Яковъ только для береженія уловленной птицы и для снас-

женія ея свѣжимъ мясомъ. Но въ послѣдніе годы старый помытчикъ сталъ прихварывать, да года два назадъ простудился на весеннемъ промыслѣ и совсѣмъ слегъ: у него отнялись ноги и онъ вынужденъ былъ почти недвижно лежать на печи, къ великому горю своей старухи-жены и сына, которому онъ старался передать постепенно всю свою науку, со всѣми ея тайнами и хитростями. Единственнымъ помысломъ Якова Омельяновича было желаніе устроить судьбу своего сына, въ которомъ онъ видѣлъ къ своему дѣлу великую способность и охоту.

Въ виду именно этихъ соображеній, Яковъ Омельянычъ очень обрадовался, когда услышалъ отъ сына, что «сосѣдушки» въ какой-то просакъ попали и желаютъ отъ него совѣта и помощи.

— Здравствуй, батюшка, Яковъ Омельяновичъ, заговорили «сосѣдушки», вступая въ жарко натопленную избу стараго помытчика, крестясь на иконы и кланяясь по направленію къ печкѣ, на которой копошился и кряхтѣлъ хозяинъ.

— Какъ можешь, батюшка, Яковъ Омельянычъ? допрашивали «сосѣдушки», ближе подступая къ печи, на которой кое-какъ приподнялся Яковъ и обернулся къ вошедшимъ, подпирая свою кудластую голову крѣпкими, жилистыми руками.

Несмотря на то, что Якову было далеко за пятьдесятъ, ни въ волосахъ его, ни въ длинной, густой бородѣ не было замѣтно ни одного сѣдаго волоса. Сѣрые, большіе глаза его свѣтились умомъ: но брови были насуплены и лицо выражало неудовольствіе.

— Какъ могу? отозвался Яковъ на привѣтствіе «сосѣдушекъ».— чай сами видите?—Съ печи, почитай, ужь годъ не слѣзаю... Да вамъ что! Небось и не заглянули бы сюда, кабы нужда горькая не загнала!

«Сосѣдушки» переминались съ ноги на ногу, перебирали въ рукахъ колпаки и треухи оленьи и не знали, что отвѣчать на справедливый укоръ Якова.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло? Мнѣ съ вами не приходится долго лясы точить!..

— Да вотъ, кормилецъ, какое дѣло навернулось, да на шеѣ у насъ и огрузло... заговорилъ старшій изъ выборныхъ, и затѣмъ изложилъ все, что намъ уже извѣстно объ указѣ государевомъ, о томъ, что они росписались въ немедленномъ исполненіи по тому указу и что поднесли дьяку благодарность.

Яковъ слушалъ ихъ внимательно, отъ времени до времени покачивая головой и поглаживая бороду. Когда говорившій все ему передалъ, и наступило молчаніе — всѣ «сосѣдушки» такъ и впи-

лись въ Якова глазами, выжидая, что̀ имъ скажетъ этотъ старый, «но̂шенный кречетъ».

— Ну, что-жъ теперь заведете дѣлать? обратился къ нимъ неожиданно Яковъ Омельяновичъ, устремляя на нихъ свой умный, испытующій взглядъ.

— И ума не приложимъ, кормилецъ! Помоги, затѣмъ и пришли, чтобы твоего совѣта слушать...

— Да что же вы прежде думали-то? Вамъ бы на указѣ не росписываться, рукъ къ нему не прикладывать — да тогда бы ко мнѣ прійти! А теперь-то я тутъ при чемъ?..

— Отецъ родной! Вызволи насъ! Помоги—не попусти насъ послѣдніе животишки отдать!

— Сами вы на себя руки наложили. Тутъ теперь ничего не подѣлаешь: росписались, что добудете 50 ловчихъ птицъ безъ всякаго мотчанья ну, и добывайте ихъ, гдѣ знаете! А не добудете, за недоловную птицу платите въ Новгородскій Приказъ по 10 рублевъ.

— Охъ, Господи! завопили въ одинъ голосъ «сосѣдушки». — Гдѣ же намъ экую силу птицы добыть! А тутъ еще дьякъ съ ножемъ къ горлу присталъ — молъ распишись! Не распишетесь, значитъ, государеву указу учинитесь ослушны,—ну, мы и того!

— Вотъ тебѣ и того!.. А вамъ бы упереться, да стать на своемъ, что, молъ, рукъ къ тому указу не приложимъ, потому безъ кречатьихъ помытчиковъ мы того дѣла не смыслимъ, а ихъ негдѣ взять...

— Говорили, отецъ родной! Охъ, говорили! отвѣчали разомъ всѣ сосѣдушки.—Да вишь онъ, окаянный, насъ и слушать не захотѣлъ...

— А вы бы ему въ бороду наплевали, потому въ нашихъ грамотахъ, которыя намъ, двинскимъ помытчикамъ, еще при дѣдахъ нашихъ даны, сказано: «на кречатьи промыслы двинянамъ, посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ наймовать охочихъ людей, повольною цѣною, которые возьмутъ дешевле, чтобы отъ того двинянамъ лишнихъ тягостей и убытковъ не было». А гдѣ же вы теперь возьмете охочихъ людей, когда всѣ на промыслы ушли? Вамъ изъ казны государевой за птицу всего-на-все платятъ по два рубля; за краснаго кречета по три рубля; а прійди ты теперь ко мнѣ да попробуй меня наймовать на птичій промыселъ, такъ я съ тебя самъ менѣе четырехъ рублей не возьму за самаго ледящаго челига!..

— Батюшка, Яковъ Омельянычъ! Да вѣдь мы же люди темные, грамотъ тѣхъ вашихъ помытчичьихъ въ головѣ не держимъ, какъ вотъ ты-то! Ну, вотъ онъ, дьякъ-отъ анаѳемскій, и подвелъ насъ... Въ раззоръ, значитъ, раззорилъ!

— Въ раззоръ! повторилъ Яковъ Омельяновичъ, покачивая головою. — Да еще вы же ему посулъ поднесли, и воеводѣ поминки пообѣщали. Эка дурость, подумаешь!

— Пообѣщали, кормилецъ, пообѣщали... Да вѣдь ужь тутъ, что выговорено, то и вымолочено! Завтра и нести придется!

— А послѣ-завтра онъ отповѣдь въ Приказъ отправитъ, что молъ будутъ государю всѣ птицы ловчія сданы безъ всякаго мотчанія... Его оттуда похвалятъ... а на будущій годъ съ васъ ужь не 50 птицъ потребуютъ, а больше...

— Смилуйся, Яковъ Омельянычъ, научи, вразуми ты насъ.

— Да что вы заладили — вразуми да вразуми! Глупаго учить, что мертваго лѣчить! Коли вы темные, такъ раньше-бы за тѣхъ ухватились, кто васъ умнѣе, а то теперь волосъ хватились, когда и головы на плечахъ нѣтъ. Теперь съ вами воевода да дьякъ все то сдѣлаютъ, чего ихъ душа желаетъ: захотятъ — съ кашей съѣдятъ, захотятъ — масло спахтаютъ! Позабыли вы пословицу: коль напишетъ дьякъ, такъ ужь быть тому такъ!

Всѣ понурили головы, сознавая справедливость укоровъ. Наконецъ, одинъ изъ сосѣдушекъ рѣшился подать голосъ въ такомъ родѣ:

— Коли не можешь помочь, Яковъ Омельянычъ, такъ ужь, значитъ, на насъ такая кара Господомъ Богомъ послана — такъ тому и быть! А коли можешь помочь, да не хочешь, такъ вѣдь мы чаемъ, что и на тебѣ, старъ человѣкъ, тоже хрёстъ есть!

— То-то, хрёстъ есть! какъ-бы смягчаясь, замѣтилъ старый кречетъ.—Сами вы по дурости своей напутаете, а я поди за васъ расхлебывай... Да еще вы-же мнѣ хрёстъ въ глаза тычете! Надо мной, братъ, тоже скоро хрёстъ-отъ ставить придется, такъ тогда вотъ, каково будетъ отъ васъ моей старухѣ да сынишкѣ...

— Что ты, Яковъ Омельянычъ, да мы, вотъ-те передъ Истиннымъ, заговорили разомъ всѣ «сосѣдушки», — вотъ-те ей-ей, готовы и женѣ твоей, и сыну все, какъ ты прикажешь!.. Да ты только положи что... не постоимъ ни за чѣмъ... Только вызволи!

— Старъ я, братцы! Тоже изъ семи печей хлѣбъ-то ѣдалъ, такъ меня такъ вабить, какъ глупаго челига, не приходится... Теперь мнѣ съ вами говорить-то невмоготу больше! Да и умомъ-разумомъ пораскинуть надо. Подумаю о вашемъ дѣлѣ, померекаю... Приходите сегодня по вечеру. Только такъ и знайте, если что путное надумаю, такъ ужь вы по тому и сдѣлайте... И уговоръ тогда положимъ...

И Яковъ, кряхтя и покашливая, опустился на изголовье, давая тѣмъ знать «сосѣдушкамъ», что аудіенція кончена.

— Придемъ, батюшка, Яковъ Омельянычъ... Помогай тебѣ Богъ! Придемъ по вечеру! заговорили «сосѣдушки», отвѣшивая низкіе поклоны и направляясь къ порогу съ облегченнымъ сердцемъ.

V.

Что надумалъ Яковъ Омельяновичъ, лежа на печи, кряхтя и ворочаясь подъ оленьей малицей — объ этомъ онъ никому не сказалъ ни слова: ни женѣ, ни сыну. Знаемъ только, что часа три спустя послѣ разговора съ сосѣдушками, Яковъ Омельяновичъ позвалъ своего сына, потолковалъ съ нимъ о чемъ-то долго и вразумительно, и передалъ ему свой завѣтный мѣшокъ съ ловушками. А сряду послѣ разговора съ отцомъ, его сынъ снарядился въ дорогу, навьючилъ мѣшокъ и всякій дорожный запасъ на легкія саночки, запрягъ въ санки бойкую, длинношерстую лошаденку, распростился съ отцомъ, съ матерью, и съѣхалъ со двора въ поле задними воротами. Только его и видѣли...

Когда подъ вечеръ подошли сосѣдушки къ дому Якова Омельяновича, калитку имъ отворила его жена, провела ихъ къ мужу и тотчасъ удалилась, плотно притворивши за собою дверь. Сосѣдушки подошли къ печкѣ, гдѣ, еще пуще чѣмъ утромъ, кряхтѣлъ ворочаясь старый помытчикъ, который теперь показался посадскимъ и крестьянамъ настоящимъ Соломономъ Премудрымъ. Никто и рта не смѣлъ разинуть первый: всѣ ждали отъ него, чѣмъ онъ провѣщится, какъ разрѣшитъ ихъ загадку.

— Подумалъ я, братцы! сказалъ наконецъ Соломонъ Премудрый, — подумалъ, да вижу голова-то у меня ужь не прежняя стала...

Сосѣдушки переглянулись между собою съ лукавой улыбочкой, зная, что это только присказка, а сказка-то еще впереди будетъ.

— Подумалъ я... пораскинулъ... Какъ ни кинь, все клинъ выходитъ... Дрянь ваше дѣло...

«И это все не къ дѣлу говоритъ», сообразили сосѣдушки.

— И вижу я, православные, что дьякъ свое получилъ, и воевода свое получитъ завтра — этого не минуете! А я то при чемъ буду, братцы, коли васъ изъ бѣды вызволю?..

— Да что ты, Яковъ Омельянычъ! заговорили посадскіе. — Отъ насъ тебѣ благодарность во-какая, будетъ. Ничего не пожалѣемъ...

— И чего жалѣть! добавили крестьяне.

— Не ты поможешь, такъ все равно насъ дьякъ съ воеводой разуютъ и рубаху съ насъ послѣднюю снимутъ...

— Эхъ, вы! А еще о хрестѣ ономнясь утромъ поминали — еще

хрестомъ мнѣ глаза кололи! А теперь думаете, что и я тоже, какъ крапивное сѣмя, какъ строка приказная, васъ раздѣвать да разувать стану? Стòило-бы васъ всѣхъ отсюда за это самое по шеямъ выгнать, а не совѣтъ давать!

— Батюшка, отецъ родной! спохватились сосѣдушки. — да вѣдь намъ ни къ чòму! Не прогнѣвись на насъ... Яковъ Омельянычъ! по христіанству помоги...

— Ну, то-то же по христіанству!.. Такъ вотъ слушайте-же, что я вамъ говорить стану — слушайте во всѣ уши. Ничего мнѣ съ васъ не надобно... Изъ бѣды я васъ вызволю...

— Сердечный ты нашъ! Отецъ родной — радѣлецъ!..

— Только одинъ уговоръ... А уговоръ, сами знаете, лучше денегъ!.. Вотъ вы мнѣ сейчасъ передъ образомъ поклянитесь, что вы изъ моей воли ни на шагъ не выйдете...

— Присягнуть готовы! Вотъ тебѣ Никола Угодникъ и Знаменье Пречистое!—загалдѣли въ одинъ голосъ сосѣдушки, подымая руки къ потемнѣвшимъ иконамъ, передъ которыми въ углу теплились лампады.

— Крестъ цѣлуйте и за себя, и за вашихъ выборщиковъ, чтобы изъ уговора со мной не выходить — безъ спроса моего рукъ ни къ чему не прикладывать — и все то выполнять, что я вамъ прикажу, хоть-бы вамъ воевода грозился, что голову съ плечъ вамъ сниметъ и на правежѣ васъ до смерти кнутовьемъ забьетъ!..

Всѣ сосѣдушки разомъ, какъ по командѣ, полѣзли за пазуху, вытащили свои деревянные рѣзные и литые мѣдные тѣльники и набожно приложили ихъ къ устамъ, проговоривъ:

— Будь противъ насъ сила Животворящаго Креста, коли мы отъ уговору съ тобою отступимъ или изъ воли твоей выйдемъ!

Всѣ понимали, что дѣло идетъ къ благополучной развязкѣ.

Когда крестоцѣлованіе было закончено, Яковъ Омельяновичъ самодовольно провелъ рукою по бородѣ, и сказалъ сосѣдушкамъ:

— Ну, коли такъ, такъ я-же вамъ обѣщаю, что все дѣло ваше я поправлю. Въ нонѣшнемъ году не пріидется вамъ больше шести птицъ великому государю промыслить...

— Больше шести?! удивленно переспросили два голоса.

— Ну да! Аль говорю не внятно? Всего шесть птицъ промыслить — и о тѣхъ не ваша забота! Я вамъ тѣ птицы предоставлю... Только одно впередъ говорю, — вамъ пріидется на Москву ходака снарядить.

— Ходака? Да вѣдь, батюшка ты, радѣлецъ нашъ — какъ намъ

его снарядить? — Мы люди темные. а тутъ грамотенъ человѣкъ нуженъ... А прознаетъ воевода о томъ ходакѣ. въ погонь за нимъ пошлетъ, челобитную отъ него отобрать велитъ, а насъ батожьёмъ поучитъ...

— Вы, значитъ. опять въ свою голову вершить дѣло хотите! громко крикнулъ Яковъ Омельяновичъ. — Молчать! Аль цѣлованье крестное забыли? Коли я говорю, что ходака послать надо, такъ чтобы было! И того ходака я вамъ самъ укажу, а о челобитной не ваша забота.

— Да ты не прогнѣвись, кормилецъ, робко замѣтили сосѣдушки, — вѣдь на ходака опять деньги скоплять надыть, да и опять-же воевода коли прознаетъ...

— Я вамъ говорю — не ваша забота! Денегъ никакихъ не надо — ходака отправимъ на счетъ казны государевой; а воеводы бояться нечего, потому онъ самъ того ходака въ сани подсаживать будетъ, да на дорогу-то ему еще пирогъ за пазуху сунетъ!..

Сосѣдушки удивленно и недовѣрчиво переглянулись между собою. Яковъ Омельяновичъ понялъ ихъ взгляды и поспѣшилъ объяснить:

— Чего переглядываетесь? Небось. думаете, что старый хрѣнъ на печи разумъ проспалъ — говоритъ не ладное!? Такъ я-же вамъ докажу! Я и воеводу, и дьяка по своей дудкѣ плясать заставлю.— Только чуръ! не робѣть! какъ-бы они на васъ ни кричали, чѣмъ-бы ни грозились, вы все одно твердите: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ,—безъ Якушки Омельянова ничего не смѣемъ. потому онъ здѣсь одинъ помытчикъ, а и тотъ на ладанъ дышетъ!». — Такъ и говорите и до тѣхъ поръ дурака валяйте. пока я велю! А тамъ ужь я за себя самъ отвѣчу: — вашихъ головъ подъ обухъ не подставлю.

— Ну. а какъ станетъ воевода грозить страшнымъ именемъ царскимъ, — какъ въ ослушники насъ запишетъ...

— Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ. — Онъ только потому и грозить вамъ можетъ, что вы, какъ курицы мокрыя, передъ нимъ крылья опущаете! Знаетъ, что до Бога высоко, а до царя далеко — вотъ и хорохорится. А развѣ-же вы не знаете, что если дураками прикинетесь, такъ и ослушниками царскими не будете? Что съ дурака возьмешь? — дураку законъ не писанъ.

— Ишь вѣдь какъ складно расписываетъ! невольно сорвалось у одного изъ посадскихъ. — Ну, а какъ-же это ты...

— Э-э, братъ! За пазуху ко мнѣ лѣзешь! сказалъ на это Яковъ, хитро прищуривая глаза. Нѣтъ, погоди! Мое при мнѣ пусть и

А Ф Маркса

А Ф Маркса въ СПб

останется... А на первый разъ вотъ вамъ мой приказъ: завтра, какъ пойдете на поклонъ къ воеводѣ, снесите ему по три алтына съ головы... Теперь его задобрить надо! А потомъ со̀лоны ему эти алтыны придутся́ — и всѣ онъ ихъ намъ воротитъ съ лихвою. Ступайте теперь по домамъ, да спите спокойно... А объ нашемъ уговорѣ — ни, ни! Никому! Скажите только выборщикамъ, что я взялся дѣло ваше наладить и что вы мнѣ дали на то полную мочь и въ томъ за нихъ крестъ цѣловали.

— Слушаемъ, батюшка, Яковъ Омельянычъ.

— Да постойте-ка! Сколько-бишь, въ прошломъ-то году, Лунка Проскуринъ да Исачка Заборцевъ, вмѣстѣ съ моими, залишнихъ ловчихъ птицъ въ Москву свезли?

— Да всего-то надо было имъ тридцать отвезть, а тутъ благодать такая привалила — 74 птицы добыли; значитъ 44 птицы залишнихъ доставили...

— А денегъ за нихъ изъ казны государевой и по сей часъ не выдали? насмѣшливо замѣтилъ Яковъ Омельяновичъ.

— Досель не выдали, батюшка!

— А деньги-то у васъ подъ носомъ и по сю пору лежатъ!

— Какъ-же такъ?

— А такъ-же! Въ нашихъ старинныхъ грамотахъ именно сказано: «Давать помытчикамъ великихъ государей изъ казны по два рубля за птицу изъ двинскихъ таможенныхъ и Кружечнаго двора доходовъ». А вамъ изъ тѣхъ доходовъ здѣсь не выдали: значитъ, ваши деньги и теперь въ таможнѣ да на Кружечномъ дворѣ лежатъ, коли ихъ ужь воевода не получилъ оттуда да не подѣлился съ таможеннымъ и съ кружечнымъ старостой!

— Такъ вотъ оно что?.. Какъ-же это онъ такъ насъ забижать смѣетъ? Значитъ, мы должны съ него требовать! Значитъ, намъ съ него еще 88 рублей сойти должно.

— Поди, требуй! А онъ тебѣ скажетъ — отпишу, молъ, въ Новгородскій Приказъ, а тамъ и свалитъ на московскую волокиту — и ты не одни сапоги сносишь, за своими деньгами ходивши.

Сосѣдушки опять растерялись и сообразить не могли, какъ-же это — и есть деньги, и получить ихъ нельзя?

— Нѣтъ, братцы, вы объ этихъ деньгахъ теперь и думать забудьте; а вотъ какъ ходака-то своего мы на Москву отправимъ, такъ въ челобитной его и пропишемъ, что противъ прежнихъ старинныхъ грамотъ воевода намъ денегъ не додалъ, а птицы мы тѣ сдали, и на то у насъ есть и видоки, и послухи, и памяти изъ

Новгородскаго Приказа на тѣ птицы взяты, въ томъ, что тѣ птицы на Потѣшный дворъ сданы, по росписи, и роспись та въ Приказѣ въ столпъ внесена. Вотъ тогда-то и запляшетъ онъ у насъ... воевода-то! А теперь посулы ему несите, поминками его по губищамъ-то мажьте! Будетъ и на нашей улицѣ пиво варено!

VI.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На другой день выборные отъ посадскихъ и отъ крестьянъ, пошли на поклонъ къ воеводѣ, который уже былъ предупрежденъ дьякомъ о ихъ посѣщеніи. Воевода принялъ ихъ привѣтливо, выслушалъ не брюжжа и не ругаясь ихъ словесную просьбу о томъ, чтобы имъ никакихъ притѣсненій и спѣшки по поводу новаго указа не вышло, принялъ отъ нихъ какой-то узелокъ съ вещественными доказательствами ихъ покорства и рабской готовности служить великому государю — и еще разъ посмѣялся себѣ воевода въ бороду.

— Вотъ онъ! Указъ-то! Служитъ службишку! говорилъ самъ себѣ воевода, ссыпая въ ларецъ принесенные алтыны и гривны — а я-то еще тогда трусу отпраздновалъ, да и на бабу свою осерчалъ! Анъ смотришь, двухъ дней не прошло, — а ужь съ указа-то мнѣ доходъ, ужь досталось и сынишкѣ на молочишко.

И затѣмъ прошло еще двѣ-три недѣли, въ теченіе которыхъ и обыватели мѣстные были вполнѣ довольны воеводой, и воевода доволенъ обывателями. Въ концѣ третьей недѣли мирное теченіе жизни холмогорцевъ было нарушено нѣкотораго рода событіемъ.

Ларька Омельяновъ вернулся въ городъ изъ отлучки и привезъ съ собою шесть ловчихъ птицъ, и въ томъ числѣ одного превосходнаго краснаго кречета. Съ этими птицами онъ явился въ съѣзжую избу, вмѣстѣ съ выборными отъ крестьянъ и отъ посадскихъ людей, и заявилъ дьяку слѣдующее:

— Былъ я на Терскомъ берегу съ двумя работными людьми изъ Самоядц, отъ отца моего Якушки Омельянова на кречатій промыселъ посланъ. И 20-го мая, какъ пришли мы на старыя птичьи помчи да помкнули по птицы, и далъ намъ Богъ, на великаго государя счастье, птицу кречета краснаго самаго добраго, а 22-го мая еще двухъ кречетовъ, да трехъ челиговъ. И всѣ тѣ шесть уловныхъ птицъ прошу принять для отсылки на Москву къ великому государю.

— А какъ-же я ихъ отъ тебя приму — куда я ихъ дѣну? сердито огрызнулся дьякъ. — Уловилъ, такъ и держи ихъ у себя до

случая. Пока напишемъ, да намъ отпишутъ — времени не мало пройдетъ.

— Ты мнѣ отписку дай, что уловныхъ птицъ отъ меня принялъ, и что тѣ шесть птицъ тебѣ доставлены въ цѣлости.

— Это зачѣмъ?

— А за тѣмъ, что я у себя этой птицы самовольно держать не могу: эта птица на великаго государя изловлена и если съ нею что приключится — я могу быть въ отвѣтѣ.

— Не дамъ я тебѣ никакой отписки... Убирайся!

— Не дашь? — Такъ вотъ у меня и видоки есть, что я тебѣ тѣхъ птицъ принесъ и доставилъ, и тутъ ихъ тебѣ въ съѣзжей избѣ и покину... Что хочешь, то съ ними и дѣлаешь — да самъ за нихъ передъ государемъ и отвѣтъ несешь. Такъ-ли, братцы?

— Такъ, такъ, Ларюшка, такъ! отозвались въ одинъ голосъ всѣ посадскіе и крестьяне.

Дьякъ подумалъ, подумалъ, а затѣмъ, какъ-бы испытывая бойкаго парня, сказалъ:

— Ну, а если я отъ тебя тѣхъ птицъ не приму?

— Не принять не можешь, Автономъ Ильичъ. По нашимъ стариннымъ помытчичьимъ грамотамъ я тебѣ въ приказной избѣ птицу на великаго государя явить долженъ, а ты ее отъ меня принять долженъ. А потомъ, какъ примешь на великаго государя птицу, ты мнѣ ее сдать на руки долженъ для уходу и для прокорму до указа государева.

— Да на какія-же ты это старинныя грамоты ссылаешься? Я такихъ грамотъ и въ глаза не видалъ...

— А на тѣ грамоты, которыя намъ сокольимъ да кречатьимъ помытчикамъ еще великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ даны отцомъ Грознаго царя, и тѣ грамоты у насъ хранятся и батька тѣ грамоты наизусть знаетъ.

Задумался дьякъ. «Ишь!» думалъ. «чертёнокъ какой выдался: изъ молодыхъ да раннiй!»

— Погодите вы здѣсь — и съ птицами... Я схожу къ воеводѣ его спрошу.

Пошелъ дьякъ къ воеводѣ. Переглянулись между собою посадскіе и крестьяне: «клюетъ», значитъ, «выгораетъ дѣло».

Вернулся дьякъ хмуренъ. Швырнулъ шапку на столъ, говоритъ:

— Воевода приказалъ принять птицъ на великаго государя и отписку тебѣ выдать.

Сѣлъ, написалъ отписку, подалъ Ларькѣ Омельянову; а тотъ отписку взялъ, пробѣжалъ глазами, да и говоритъ:

— Я такой отписки отъ тебя, Автономъ Ильичъ, принять — воля твоя—не могу.

— Какую-же тебѣ еще?..

— Да тутъ у тебя писано, что принялъ шесть птицъ ловчихъ, а какихъ—и не сказано. А птица—птицѣ розь! Этой цѣна 2 рубля, а этой казенная цѣна 3 рубля.

— Да ты развѣ грамотный? съ досадою спросилъ дьякъ.

— Грамотѣ у соловецкихъ отцовъ обученъ.

«А, будь имъ пусто! Плодятъ грамотныхъ намъ на горе!» подумалъ дьякъ.—Какъ-же тебѣ отписку писать?

— А вотъ изволь выписать, что принялъ отъ меня одного кречета краснаго, молодика, да двухъ кречетовъ подкрасныхъ, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, молодиковъ, да одного челига кропленаго, молодика-же.

Дьякъ написалъ. Ларька просмотрѣлъ его роспиську и потребовалъ, чтобы выборные къ ней приложили руки.

— Ну, а теперь какъ укажешь съ птицами быть, и кому ходить за ними, и кому ихъ кормить? обратился Ларька къ дьяку.

— А мнѣ какое дѣло! По мнѣ, кто хочетъ, тотъ и корми!

— Нѣтъ, Автономъ Ильичъ, такъ-то нельзя, заговорили въ одинъ голосъ выборные.—Ты отъ Ларьки на государево имя птицъ принялъ; тебѣ теперь съ воеводою объ нихъ и забота... Мы за нихъ отвѣчать не можемъ.

— Куда-жъ я ихъ приму? Развѣ я помытчикъ или сокольничій—я къ птицамъ и приступиться не умѣю! Несите ихъ къ помытчику—къ Якушкѣ Омельянову.

— Якушка Омельяновъ на ладанъ дышетъ не до птицъ ему ужъ теперь! отвѣчали въ одинъ голосъ выборные.—А другіе помытчики всѣ въ разгонѣ... на промыслахъ.

— Такъ кто-же птицъ кормить и держать станетъ до указу государева?

— Да некому больше, какъ Якушкину сыну—вотъ ему, Ларюшкѣ Омельянову.

— Ну, коли некому больше, такъ что-же вы ко мнѣ лѣзете? Ему и отдайте.

— Не можемъ мы отдать:—теперь эта птица на великаго государя отписана, такъ ей только господинъ воевода распорядиться можетъ; опять-же и насчетъ корму...

— Что насчетъ корму?

— Имъ теперь, государевымъ ловчимъ птицамъ, кормъ отъ казны долженъ быть положенъ. А корму имъ сходитъ по положенію — гнѣздо голубей на кречета, да полгнѣзда на челига; а гдѣ голубей не будетъ, въ голубей мѣсто, за два гнѣзда голубей по двое куровъ имать на день.

Дьякъ бросилъ съ досады перо на столъ, даже позабывъ его общелкнуть, схватился за шапку и крикнулъ:

— Ступайте за мной къ воеводѣ!

Пошли за дьякомъ выборные, понесли съ собою и птицъ государевыхъ; поплелся за ними и Ларюшка.

VII.

Прійдя во дворъ къ воеводѣ, выборные съ Ларюшкой и съ птицами остались въ сѣняхъ, а дьякъ вошелъ въ комнату къ воеводѣ.

Какъ разъ въ это время Тихонъ Григорьевичъ только-что собирался за столъ садиться. Супруга его уже и настойку его любимую передъ нимъ поставила: онъ уже и чарочку въ руки взялъ, какъ вдругъ голова дьяка показалась въ дверяхъ...

Выборные въ сѣняхъ не слышали, что докладывалъ дьякъ, но, тотчасъ послѣ доклада дьяка, услыхали голосъ воеводы, который обрушился на дьяка съ такою грозою, что и въ сѣняхъ вчужѣ дрожь пробирала. Затѣмъ, дверь распахнулась настежь и самъ воевода, всею своею тучною особою выкатился въ сѣни, со сжатыми кулаками, съ молніями во взорахъ. Онъ уже открылъ ротъ, готовясь осыпать пришедшихъ отборнѣйшею бранью, какъ вдругъ Ларюшка выступилъ впередъ, поклонился воеводѣ въ поясъ и произнесъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Мы къ твоей милости *по дѣлу государеву*.

— Ка...а...къ? Что такое... Что? по какому го...судареву дѣлу? крикнулъ оторопѣвшій воевода.

— Да вотъ тутъ птицы *государевы* ловчія, всѣхъ счетомъ шесть, которыя моимъ радѣніемъ уловлены и въ государеву казну приняты -такъ кому ты ихъ кормить и содержать прикажешь до указа государева?

— Кому-же какъ не государевымъ кречатьимъ помытчикамъ! рявкнулъ воевода.

— Нѣтъ ихъ здѣсь, государь, ни единаго. Одинъ только Якушка Омельяновъ, загорланили выборные, да и тотъ немоченъ, почитай, на ладанъ дышетъ...

— Что-же мнѣ за дѣло! Кто хочетъ, тотъ и корми!

— Мы, государь, ихъ кормить не умѣемъ—мы государевы тяглецы, а не помыкальщики.

— А я-то что̀-же? Помыкальщикъ, что-ли, вамъ достался? заревѣлъ воевода, страшно разгнѣванный на то, что этотъ приходъ выборныхъ отбивалъ его отъ настойки и горячихъ щей.

— Государь всемилостивый! вкрадчиво вступился дьякъ, — они говорили мнѣ, что нѐкому больше здѣсь птицъ на кормъ поручить, какъ только Ларькѣ Омельянову, Якушкину сыну.

— Ну, пусть его и кормитъ, и ухаживаетъ за ними! рѣшилъ воевода, льстя себя надеждою на то, что этимъ дѣло и кончится.

— Готовъ я ту птицу государеву на прокормъ и на всякое береженье принять, сказалъ Ла̀рюшка,—только я безъ писаной грамотки ихъ принять не могу; безъ писанаго приказу, значитъ.

— Дьякъ! напиши ему приказъ...

— Да ужь кстати, государь, и на кормъ тѣмъ птицамъ прикажи кормовыя деньги по положенью выдать...

— Это еще что! Какое тамъ положеніе! опять загремѣлъ воевода.—Да какъ ты, холопъ, смѣешь?.. Да ты ихъ долженъ кормить! Самъ не доспи, не доѣшь—а ихъ корми!

— И радъ-бы кормить, да они щей да каши ѣсть не станутъ... Имъ нужно ежедѐнъ свѣжее убойное птичье мясо давать... А гдѣ же я его возьму—его купить надо! А по положенью...

— О какомъ ты смѣешь говорить положеніи! Кто его выдумалъ?..

— Не моги такъ говорить, государь; то положеніе въ нашихъ старинныхъ грамотахъ прописано. И въ нихъ именно сказано, что государевымъ уловнымъ птицамъ давать въ день — по гнѣзду голубей на кречета, да по полугнѣзду на челига; а гдѣ голубей не будетъ, имать по двоекуровъ на день.

— Ну, ты ихъ и корми по положенію; а тамъ какъ придетъ указъ государя, что съ тѣми уловными птицами дѣлать, въ то время тебѣ за прокормъ и уплатится! проговорилъ воевода, стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ докучнаго дѣла.

— Гдѣ-же мнѣ кормить ихъ! — Я человѣкъ бѣдный!

— Такъ вы должны на кормъ птицамъ государевымъ выдать деньги! обратился воевода къ выборнымъ.

— Мы люди бѣдные, государь, гдѣ-же намъ экую силу денегъ взять! Вѣдь это, почитай, по алтыну на день выйдетъ. Экой тягости на себя взять не можемъ!

— А въ грамотахъ нашихъ именно сказано, вступился Ларюшка,—кормъ на кречеты государевы въ городахъ имать у воеводъ и приказныхъ людей, а по станамъ у ямскихъ охотниковъ и у крестьянъ.

— Провались ты со своими грамотами! заревѣлъ въ изступленіи воевода и ногами затопалъ.

Но сколько онъ ни кричалъ, сколько ни топалъ ногами, выборные и Ларюшка, понимая выгоды своего положенія, отвѣчали ему только одно:

— Твоя воля, государь, а мы той тягости на себя принять не можемъ.

А Ларюшка прибавлялъ: — Нѣтъ отъ тебя птицамъ корму, при тебѣ и птицы государевы: при тебѣ и отвѣтъ за нихъ, коли имъ что приключится.

Пришлось воеводѣ согласиться на требованіе Ларюшки и выборныхъ. Онъ отдалъ приказъ дьяку написать на имя Ларьки Омельянова грамоту и по той грамотѣ сдать ему птицъ государевыхъ на прокормъ и на береженье; а на покупку имъ корму приказалъ изъ таможенныхъ и Кружечнаго двора сборовъ выдавать ему-же, Ларькѣ, по пяти алтынъ на день, впредь до полученія указа государева.

VIII.

На другой же день воевода, крайне обезпокоенный тѣмъ, что на его отвѣтственности содержатся и кормятся въ Холмогорахъ шесть ловчихъ птицъ государевыхъ, приказалъ позвать къ себѣ дьяка и велѣлъ ему написать, прямо на имя государево, грамоту о поимкѣ «одного кречета краснаго, самаго добраго, да двухъ подкрасныхъ, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, да одного челига кропленнаго.» Грамота закончилась просьбой о томъ, чтобы великій государь, холопей своихъ, пожаловалъ, велѣлъ тѣ уловныя птицы отпустить къ себѣ, великому государю, къ Москвѣ.

Но заботы воеводы о птицахъ государевыхъ не кончились съ отправкою этой грамоты.

Каждый день утромъ онъ посылалъ въ домъ къ Якушкѣ Омельянову справляться о здоровьѣ тѣхъ птицъ, и успокоивался только тогда, когда ему приходили докладывать, что «государевы птицы, Божіею милостію, здоровы». А тутъ еще какъ-то прослышалъ воевода, что птицы плохо привыкаютъ къ ручному корму, такъ сталъ иногда къ Якушкѣ и по вечерамъ посылать, справляться о птицахъ — «ѣдятъ ли?» И только тогда засыпалъ спокойно, когда ему доносили, что «государевы птицы, Божіею милостію, ѣсть пріобыкли».

Не прошло и недѣли, какъ явилась новая забота у воеводы: Якушка Омельяновъ заявилъ ему черезъ сына, что «государевыхъ птицъ нельзя везти въ Москву на простыхъ подводахъ», а нужно для нихъ приготовить особые *болчки* (т. е. возки или крытыя повозки) и въ тѣхъ болчкахъ устроить имъ мѣста́, «какъ прежь сего велось». На устройство *болчковъ* и *мѣстъ* требовались матерьялы: сукно сермяжное, гвозди и ремни. Распорядиться такимъ важнымъ дѣломъ воевода не рѣшался самъ, такъ какъ на него требовалась затрата рубля въ два: нужно было спросить на это разрѣшеніе великаго государя черезъ Новгородскій Приказъ: — въ противномъ случаѣ, эти два рубля могли быть взысканы Приказомъ съ самого воеводы. И вотъ, вслѣдъ за первой грамотой, отправлена была вторая, къ думному дьяку, завѣдывавшему Новгородскимъ Приказомъ, съ просьбою о разрѣшеніи затратъ, необходимыхъ на перевозку птицъ до Москвы.

Случилось, что эти обѣ грамоты Двинскаго воеводы пришли на Москву, какъ разъ въ то время, когда на государевой кречатнѣ околѣлъ любимый государевъ красный кречетъ *Сѣкачъ*, и моло-

дой царь, прослышавъ о томъ, что въ Холмогорахъ «уловленъ красный кречетъ самый добрый», немедленно приказалъ себѣ оттуда этого кречета добыть и велѣлъ съ другими птицами къ Москвѣ доставить.

Полетѣлъ скорый гонецъ въ Холмогоры, привезъ воеводѣ царскій указъ—переслать уловныхъ птицъ къ Москвѣ «безъ всякаго медленья»

Засуетился воевода. Приказалъ собрать въ съѣзжую избу выборныхъ отъ уѣздныхъ крестьянъ, и отъ посадскихъ людей, и спросить ихъ, съ кѣмъ ему тѣхъ «уловныхъ государевыхъ птицъ» отправить. кому на руки деньги на кормъ ихъ и прогоны на подводы выдать? Отвѣчали ему въ одинъ голосъ выборные:

— Тѣ птицы некому къ Москвѣ везти. опричь Ларьки Омельянова, потому всѣ другіе кречатьи помытчики въ разгонѣ, а отецъ его, Ларькинъ, на ладанъ дышетъ. А въ подмогу Ларькѣ изъ добрыхъ посадскихъ людей и изъ крестьянъ дать двоихъ выборныхъ.

Воевода сначала было затруднялся. какъ отправить въ Москву съ птицами молодаго парня, помимо старшихъ кречатьихъ помытчиковъ; но выборные основательно ему замѣтили, что птицы у него все время на рукахъ были и изъ рукъ его ѣсть пріобыкли, да притомъ онъ и отъ отца своего птичьему разумѣнью обученъ—и воевода долженъ былъ сдаться на ихъ доводы.

Когда выборные пришли къ Якову Омельяновичу объявить объ этомъ рѣшеніи воеводы, старый кречетъ какъ-то особенно легко и быстро приподнялся на печи, и, ухмыляясь лукаво. оскалилъ свои бѣлые, крѣпкіе зубы.

— Что, братцы? Не правду ли я вамъ сказывалъ, что у насъ ходокъ по нашему дѣлу найдется? Вотъ онъ ходокъ-то! Ларюшка мой: да онъ же и грамотный... Приходите сегодня вечеромъ; онъ вамъ и челобитную напишетъ... Вотъ оно что значитъ, какъ если съ воеводой-то говорить «по грамотамъ»—да «по положенью»!

— Что и говорить, Яковъ Омельянычъ! Супротивъ грамотъ да супротивъ положенія никакой воевода не устоитъ! Твоимъ разумомъ наше дѣло поправляется... Дай тебѣ Богъ здоровья!

— А то взяли вы, сдуру-то, сами на себя какую обузу набухали! Чѣмъ бы выслушать указъ да въ ноги бы воеводѣ бухнуть: «Отецъ. молъ, милосердый! пощади людей бѣдныхъ! не можемъ, молъ, больше тридцати птицъ давать на годъ!» а тогда-то бы ему и сунуть.. А они словно кречеты въ тетерью ловушку попались!.. Сразу и указъ подписали, и ни за что, ни про что, еще дьяку съ воеводой посулы отдали! Тьфу, прости Господи.

— Да ужь ладно, ладно, не кори, сосѣдушка! На тебя надежа... Съумѣлъ ты воеводу на этихъ птицахъ по своей дудкѣ плясать заставить, съумѣешь и челобитную написать.

— Ну, ладно, ладно! Приходите вечеромъ, напишемъ, авось?

Сосѣдушки распрощались и удалились въ сопровожденіи Ларюшки, который долженъ былъ ихъ оберечь отъ собакъ и проводить до калитки; а старый помытчикъ все ухмылялся себѣ въ бороду и потиралъ руки съ видимымъ удовольствіемъ.

Когда же Ларюшка вернулся въ избу, Яковъ Омельяновичъ весело глянулъ на него острыми сѣрыми глазами и проговорилъ:

— Ну, Ла́рюшка, счастье тебѣ само въ руки дается! Смотри, не проспи его—проспишь, не воротишь!

IX.

Ближній стольникъ государя и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ съ утра поднялся пасмуренъ:—дурной сонъ ему привидѣлся, и всю ночь до разсвѣта не давалъ ему покою. Только онъ отъ него очнется, перекрестится и сомкнетъ глаза, какъ тотъ же сонъ опять представляется ему, какъ наяву... И видится ему, что самъ великій государь ходитъ по кречатнѣ на Ваганьковѣ въ великомъ гнѣвѣ, и водитъ его, Матюшкина, за̀-воротъ и кажетъ ему на кречатьи и сокольи стулья, и Матюшкинъ съ ужасомъ видитъ будто на всѣхъ этихъ стульяхъ, вмѣсто любимыхъ царскихъ соколовъ и кречетовъ, и челиговъ — сидятъ простыя сороки, вороны и галки, въ птичьемъ большомъ нарядѣ — въ клобучкахъ, расшитыхъ серебромъ по червчатому бархату, и на хвостахъ съ колокольцами серебряными. И кричитъ великій государь на Матюшкина гнѣвнымъ голосомъ: «гдѣ ты дѣвалъ моихъ любимыхъ ловчихъ птицъ? да какъ ты дерзнулъ на эту падаль вздѣть птичій большой нарядъ? Эй, подсокольничій, возьми его, закуй его въ желѣза»... И вотъ, какъ разъ на этихъ самыхъ *«желѣзахъ»* сонъ каждый разъ обрывался, и Матюшкинъ просыпался подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ сновидѣнія.

«Недобрый сонъ!» думалъ про себя Аѳанасій Ивановичъ, поднимаясь съ постели и спѣшно натягивая легкій стеганый кафтанъ, обшитый пластинами изъ сѣрой мерлушки.

«Недобрый сонъ!» вертѣлось въ головѣ у Аѳанасія Ивановича въ то время какъ слуга поливалъ ему голову струею студеной воды изъ серебрянаго рукомойника, надъ серебряной лоханью.

«Не къ добру этотъ сонъ!» продолжалъ твердить про себя Аѳанасій Ивановичъ въ то время, какъ другой слуга съ низкимъ

поклономъ подавалъ ему расшитый шелковый убрусъ, а третій стоялъ наготовѣ съ зеркаломъ и рѣзнымъ костянымъ гребнемъ.

И Аѳанасій Ивановичъ сталъ припоминать впечатлѣнія вчерашняго дня, въ которыхъ, очевидно, слѣдовало искать разгадки этому недоброму и тягостному сну.

Впечатлѣнія эти были очень непріятны. Вчерашнее посѣщеніе государевой кречатни на Ваганьковѣ много напортило крови Аѳанасію Ивановичу, и онъ живо сталъ припоминать, какъ онъ вчера разносилъ весь этотъ людъ, поставленный надзирать и ухаживать за государевымъ птичьимъ царствомъ; какъ вдругъ услышалъ топотъ коня по мостовой двора и выглянувъ въ окно, выходившее на дворъ изъ опочивальни, увидѣлъ какъ двое слугъ высаживали изъ сѣдла старшаго подсокольничаго — Петра Семеновича Хомякова.

«А! вотъ онъ и самъ ко мнѣ пожаловалъ», проговорилъ про себя Матюшкинъ, — «надо будетъ ему здѣсь-то, на досугѣ да наединѣ, голову еще-таки намылить! Чай опять съ какими-нибудь оправданіями да увертками пріѣхалъ?..»

— Эй, кто тамъ?! Проводите ко мнѣ Петра Семеновича въ садъ, къ сажалкѣ—я тамъ буду.

И накинувъ сверхъ кафтана ферязь темно-синяго цвѣта, съ темнымъ бархатнымъ откиднымъ воротомъ и серебряными застежками, Матюшкинъ вышелъ въ садъ изъ опочивальни. А садъ былъ чудесный, старинный, тѣнистый — съ вѣчнымъ шумомъ и шелестомъ высокихъ, вѣтвистыхъ вязовъ, липъ, кленовъ и дубовъ, съ вѣчными птичьими пересвистами и пѣніемъ, съ чуднымъ ароматомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ... Особенно теперь, въ раннюю утреннюю пору, въ саду было такъ хорошо, что даже у Аѳанасія Ивановича полегчало на сердцѣ, когда онъ прошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ по саду до сажалки или прудочка, и опустился на скамью, въ тѣни развѣсистой старой рябины.

— Ишь какъ жужжатъ! проговорилъ онъ, прислушиваясь къ гудѣнью пчелъ, шмелей и осъ въ вѣтвяхъ рябины, словно бы лѣту середина! А у насъ ужь почитай и осень на дворѣ!

Позади рябины послышались спѣшные шаги, и высокій, стройный мужчина, въ кафтанѣ свѣтло-зеленаго сукна съ золотой оторочкой и плетеными нашивками на груди, подошелъ съ поклономъ къ Аѳанасію Ивановичу.

— Здравствуй, Петръ Семеновичъ! произнесъ ему навстрѣчу Матюшкинъ. По здорову-ли?

— Живъ и здоровъ по Божіей милости, батюшка Аѳанасій Ивановичъ! Къ тебѣ чуть свѣтъ поспѣшилъ...

— Ужь опять не оплошкою-ли вашей что на кречатнѣ учинилось? съ досадою и безпокойствомъ перебилъ Хомякова Матюшкинъ, взглядывая въ открытое и добродушное лицо старшаго подсокольничаго.

— Нѣтъ! съ письмомъ государевымъ...

— Съ письмомъ?! сказалъ Матюшкинъ, волнуясь и протягивая руку за письмомъ.—Когда получено?

— Сегодня, въ первомъ часу дня изъ-подъ Колязина стадный конюхъ сюда пригонилъ, прямо къ намъ, на Ваганьково.

Матюшкинъ поднялся со скамьи, принялъ отъ Хомякова письмо правою рукою, приложилъ его къ груди и почтительно наклонилъ голову. Затѣмъ бережно взломилъ печать и сталъ пробѣгать строку за строкою, между тѣмъ какъ Хомяковъ стоялъ передъ нимъ безъ шапки и внимательно слѣдилъ глазами за выраженіемъ лица своего начальника.

— Великій государь изволитъ писать, что онъ изволитъ прибыть къ концу будущей недѣли въ село Коломенское, и намъ всѣмъ туда велитъ быть со всею его государевою птичьею охотою, а до той поры августа по 24-е число съ тою птичьею охотою ѣздить на поле по вся дни...

Хомяковъ хотѣлъ было вставить слово, но Матюшкинъ, съ особеннымъ удареніемъ, продолжалъ читать государево письмо:

...«Да и то молвь Петру, чтобы самъ людей по̀-часту днемъ и ночью смотрѣлъ, всѣ-ли тутъ, да и самъ ты смотри ихъ по̀-часту: да прикажи и то ему: котораго не будетъ, и онъ бы на смерть сѣкъ батоги; да чтобы у нихъ бережно было и пьяныхъ бы не было, а за пьянство бы на смерть били».

И Матюшкинъ глянулъ на Хомякова, какъ бы желая выразить взглядомъ: понимаешь-ли ты это! а? А затѣмъ продолжалъ:

«Да ты жь писалъ съ сокольникомъ съ Аѳонькой Кельинымъ: Мурату кречету есть легче, а какою болѣзнью боленъ былъ, того къ намъ не пишешь; а про Алая пишете, что ему есть легче, и къ намъ о томъ вы не писывали, что онъ боленъ, и чѣмъ боленъ?»

«А будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ или Муратъ, или Стрѣляй, или Лихачъ, или Салтанъ, умрутъ — и вы меня и не встрѣчайте; а сокольниковъ всѣхъ велю кнутомъ перепороть; а если убережете, и васъ милостиво пожалую, и сокольниковъ пожалую».

Матюшкинъ бережно сложилъ письмо, положилъ его за пазуху и опустился на скамью.

Хомяковъ попрежнему стоялъ молча, ожидая вопросовъ и рѣчей своего начальника.

— Что ты на это письмо скажешь, Петръ Семеновичъ? Послѣ вчерашняго-то моего дозора? сказалъ наконецъ сокольничій.

— Воля великаго государя казнить насъ и миловать! уклончиво отвѣчалъ Хомяковъ.

— Это все такъ—да ты и свое приложи! Я тобой недоволенъ, Петръ Семеновичъ! Грозы отъ тебя твоимъ подначальнымъ мало! На что же тебѣ и дана полная мочь?

— Одной грозой не возьмешь, батюшка Аѳанасій Ивановичъ! Всего батогами не сдѣлаешь—коли въ людяхъ совѣсти нѣтъ. Вѣдь въ одинъ-то клинъ бить надо такъ, чтобы клинъ не разбился... а наше дѣло такое мудреное, что иногда не знаешь, какъ съ нимъ и быть!.. Грозою-то въ ино время такъ испортить дѣло можно, что потомъ и не поправишь! За лишнюю грозу тѣ же рядовые сокольники такого мнѣ дѣла надѣлать могутъ, что я и головы на плечахъ не сношу... Самъ изволишь знать, что я все при дѣлѣ! И день смотрю, и ночь смотрю — да гдѣ же за всѣмъ усмотришь? Вѣдь у меня, опричь всего остального, до 3,000 однѣхъ ловчихъ птицъ на рукахъ! Здѣсь на Ваганьковѣ, да въ Коломенскомъ, да въ Семеновскомъ на Потѣшномъ дворѣ... А другой-то запасной птицы что? Однихъ голубей какая сила,—до 100.000 гнѣздъ? А тутъ, только царь отлучился съ Москвы — и пошло все на изнанку... Только по та и порядокъ держится, какъ самъ великій государь не въ походѣ и есть опаска, что онъ нагрянетъ.

— Что же, по-твоему, дѣлать намъ, чтобы твоихъ сокольниковъ на умъ наставить?

— Да коли ты моего совѣта спрашиваешь, Аѳанасій Ивановичъ, такъ я по моему разуму одно сказалъ бы: обновлять людей надо бы... не давать имъ, чтобы жирѣли, на одномъ мѣстѣ сидя... Самъ знаешь, что и соколъ, коли дать ему засидѣться да много тѣла ему набавить, какъ разъ зажирѣетъ и добычу забудетъ... Вотъ такъ-то и наши сокольники! Они и противъ жильцовъ, и противъ стремянныхъ конюховъ, люди пожалованные, и денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами! Пьютъ и ѣдятъ все царское—вотъ и зажрались...

— Кто же тебѣ мѣшаетъ! Мѣняй ихъ, ищи людей, обучай, сажай на мѣста! Я развѣ тебѣ чиню въ томъ помѣху?

— Скоро сказка сказывается, Аѳанасій Ивановичъ, да не скоро дѣло дѣлается! Ну, самъ посуди, гдѣ же мнѣ съ ними тягаться?

Вѣдь ихъ у меня подъ началомъ 100 человѣкъ—а я одинъ за всѣхъ въ отвѣтѣ. Теперь они вонъ между собою и грызутся, и ногу другъ дружкѣ подставляютъ, а поди-ка, тронь я одного— всѣ на меня бросятся... Да и то тебѣ вѣдомо, что если бы я и спихнулъ кого съ мѣста — онъ пойдетъ во дворецъ, да черезъ родню-то свою на заднихъ переходахъ, черезъ тётокъ да сестеръ, да черезъ истопничихъ, да черезъ постельницъ, на меня же такую бурю подниметъ, что самъ великій государь его обратно на кречатню принять велитъ! А мнѣ выговаривать станетъ!

Матюшкинъ сознавалъ вполнѣ правоту словъ Хомякова и самъ не зналъ, что̀ бы придумать такое, что могло бы облегчить неравную борьбу съ распущенною и своевольною дворцовою челядью.

— Коли такъ, сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь со скамьи, и положа руку на плечо Хомякова, — такъ мы же съ тобою отнынѣ положимъ, да на томъ и великому государю челомъ бить будемъ: чтобы на убылыя мѣста—со стороны людей искать, и сажать, и беречь... А если кто по третьей винѣ попался, того съ мѣста гнать и на мѣсто ни въ какомъ разѣ не ворочать!

Хомяковъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ посмотрѣлъ на Матюшкина, который понялъ его взглядъ и сказалъ рѣшительно:

— Я же тебѣ крестъ цѣлую, что буду въ своемъ словѣ твердъ! А теперь сейчасъ поѣдемъ съ тобою опять на Ваганьково, тѣхъ же больныхъ птицъ провѣдать — о которыхъ государь въ письмѣ пишетъ. Хотя въ ихъ животѣ и смерти Богъ воленъ, а все надо намъ и себя оберечь, и имъ все на пользу сдѣлать, чтобы государю-батюшкѣ скорбно не было, какъ встрѣчать его станемъ.

X.

Государевъ Потѣшный дворъ въ селѣ Ваганьковѣ подъ самою Москвою представлялъ собою громадную, богатѣйшую усадьбу, на обширномъ пространствѣ застроенную высокими, прочными сараями —въ два жилья, очень похожими, по внѣшнему виду, на сушила кожевенныхъ заводовъ. И верхнія, и нижнія жилья этихъ сараевъ, освѣщенныхъ поперечными, прорѣзными окнами, въ видѣ широкихъ щелей, были заняты сотнями соколовъ, кречетовъ, челиговъ и ястребовъ, которые входили въ составъ огромной государевой птичьей охоты. У каждой изъ этихъ птицъ былъ свой *стулъ* или сидѣнье (нашесть), къ стулу она была привязана *должикомъ*, пропущеннымъ въ кольца кожаныхъ, подбитыхъ сукномъ, онучекъ, которыя плотно обхватывали лапу ловчей птицы и назывались *обножцами* или *об-*

носцами. Лучшія, обученныя, старыя ловчія птицы государевы сидѣли даже въ особыхъ, довольно просторныхъ и свѣтлыхъ чуланахъ, а любимыя птицы государевы въ отдѣльныхъ, большихъ и богатыхъ клѣткахъ. Все было устроено и удобно и на широкую ногу — для всего были отдѣльные углы и помѣщенія: и для больныхъ птицъ, и для молодыхъ, еще не обученныхъ и дикихъ, и для корму, и для запасной снасти. На чердакѣ, подъ высокими кровлями съ множествомъ слуховыхъ оконъ, вѣчно гулили и ворковали несмѣтныя стаи голубей, которыхъ на Потѣшномъ дворѣ тщательно разводили и воспитывали; ихъ свозили сюда цѣлыми обозами со всей Россіи, чтобы пропитать и насытить государеву ловчую птицу.

Рядомъ съ этими обширными сараями, которые и составляли собственно кречатню государеву, тянулись жилыя избы, для сокольниковъ, для служни, для конюховъ и возчиковъ, которые исключительно заняты были ежедневною доставкою запасовъ для кречатни съ государева Житнаго дворца. Въ особыхъ флигеляхъ, по четыремъ угламъ двора, помѣщались четверо старшихъ или начальныхъ сокольниковъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ свою особую *статью* (или *отдѣлъ*) кречатни. У самыхъ воротъ Потѣшнаго двора стояли нарядные хоромы или такъ называемая *передняя изба*, въ которой помѣщался самъ подсокольничій, Петръ Семеновичъ Хомяковъ. Здѣсь же, въ нижнемъ жильѣ, происходили и всѣ тѣ церемоніи, которыми сопровождалось возведеніе рядового сокольника въ начальные сокольники; здѣсь происходили пріемы и встрѣчи государя, во время его частыхъ пріѣздовъ на Потѣшный дворъ, и угощеніе начальныхъ и рядовыхъ сокольниковъ жалованными государевыми «столами». По другую сторону воротъ помѣщалась дьячья изба, въ которой скрипѣли перьями подьячіе, подъ начальствомъ старшаго «верховаго подьячаго сокольнаго пути», который завѣдывалъ всею обширною письменною отчетностью государева Потѣшнаго двора. Рядомъ съ дьячей избой помѣщался въ другой избѣ «сокольнаго пути казначей», который завѣдывалъ обширною и разнообразною движимостью государева птичьяго царства. Въ его вѣдѣніи были огромныя кладовыя, примыкавшія къ его избѣ и тщательно-охраняемыя день и ночь вооруженною стражею. Въ этихъ кладовыхъ, въ величайшемъ порядкѣ и бережи, сохранялись «птичьи рядовые наряды» и запасный матерьялъ для ихъ постоянной починки и пополненія: «птичьи большіе наряды», расшитые и затканные золотомъ, низанные жемчугомъ и усаженные драгоцѣннымъ каменьемъ; рядовые на-

ряды сокольниковъ и большіе наряды ихъ, изъ цвѣтного сукна съ золотыми и серебряными нашивками; нарядныя рукавицы, расшитыя золотомъ, горностаевыя шапки, серебряные рожки, нарядныя перевязи, вабила, вощаги, тулунбасы. И рядомъ съ этимъ драгоцѣннымъ запасомъ—цѣлыя горы веревокъ, сѣтей, всякихъ дудочекъ и сопѣлочекъ для приманки птицъ, всевозможныхъ силковъ, опрометовъ, западней, тайниковъ и другихъ снастей для ловли птицъ всѣхъ породъ, всѣхъ сортовъ и размѣровъ.

Весь Потѣшный дворъ былъ обнесенъ высокимъ и здоровымъ тыномъ, и всѣ входы и выходы въ немъ день и ночь тщательно охранялись стражей, которая не смѣла допускать во дворъ ни одного посторонняго человѣка. Всѣ сокольники, особою присягою, обязывались хранить въ глубокой тайнѣ все, что на государевой кречатнѣ происходило: не даромъ же вся птичья охота государева находилась въ вѣдѣніи Приказа Тайныхъ Дѣлъ! Только самому государю, да Матюшкину съ Хомяковымъ, было извѣстно то, что вершалось въ стѣнахъ Потѣшнаго двора на Ваганьковѣ, откуда ввозились сюда ловчія птицы, какъ онѣ здѣсь обучались, и куда отсюда развозились.

Одинъ изъ иноземныхъ пословъ, удостоенный отъ великаго государя особою милостью, добился того, что ему были показаны шесть любимыхъ кречетовъ царя Алексѣя Михайловича. Посолъ, польщенный вниманіемъ государя, рѣшился было задать Матюшкину вопросъ: «гдѣ такіе великіе и славные кречеты добываются?» Матюшкинъ только молча смѣрилъ посла глазами, таинственно приложилъ палецъ къ устамъ и сухо отвѣтилъ:

— Тѣ великіе и славные кречеты добываются во владѣніяхъ нашего великаго государя.

И дѣйствительно, тотъ, кто переступалъ черезъ порогъ Потѣшнаго двора—вступалъ въ предѣлы какого-то особаго, таинственнаго птичьяго царства, въ которомъ на все были свои законы, свои обычаи, обряды, порядки, пріемы—даже свой особый языкъ, недоступный простому смертному. Онъ видѣлъ себя въ кругу людей, которые весь свой вѣкъ, отъ ранней юности до глубокой старости, проводили среди тысячной стаи хищныхъ птицъ, то кормя, то обучая ихъ, то напуская на добычу, то приманивая ихъ и руководя ихъ движеніями на высотѣ едва доступной глазу, при помощи птичьихъ свистовъ и птичьихъ криковъ, при посредствѣ сигнальныхъ звуковъ рожка или бубна... Эти люди, отдѣленные отъ остальнаго міра толстымъ тыномъ своего Потѣшнаго двора, окруженные тайною и привыкнувшіе зорко охранять эту тайну отъ посторон-

нягo, нескромнаго взгляда, подъ конецъ такъ сживались между собою, такъ тѣсно свыкались съ подчиненными имъ пернатыми хищниками, что уже и между собою научались объясняться на какомъ-то особомъ языкѣ, который состоялъ изъ рѣзкихъ, рокочущихъ и свистящихъ звуковъ, изъ загадочныхъ словъ, болѣе напоминающихъ птичій языкъ, нежели говоръ разумнаго человѣка—царя вселенной:

— Врели горь сотьло? спрашивалъ старшій сокольникъ подсокольничаго передъ началомъ охоты.

— Сшай даръ,—съ невозмутимою важностью отвѣчалъ ему подсокольничій.

— Дарыкъ чапу врестилъ данъ,—говорилъ подсокольничій, обращаясь къ своимъ поддатнямъ, которые держали лично ему порученныхъ кречетовъ — и одинъ изъ поддатней подавалъ ему лучшаго изъ кречетовъ.

— Дрыганса,—говорилъ подсокольничій, и первый изъ его поддатней подносилъ крыло съ кускомъ голубинаго мяса, и подсокольничій, непремѣнно изъ своихъ рукъ, кормилъ имъ своего кречета.

XI.

Когда Матюшкинъ съ Хомяковымъ, часа два спустя послѣ извѣстной намъ бесѣды, подъѣхали верхами на своихъ игреневыхъ иноходцахъ къ воротамъ Потѣшнаго двора, сторожевой сокольникъ, стоявшій у воротъ дневальнымъ, затрубилъ въ рогъ, извѣщая сокольниковъ всѣхъ статей о пріѣздѣ ихъ начальника «государева ловчаго и сокольничаго». Громко откликнулись рога сокольниковъ во всѣхъ концахъ обширнаго сокольничаго городка. Всѣ сторожевые сокольники въ рядовомъ нарядѣ, въ стеганыхъ кожаныхъ шапкахъ и лосиныхъ рукавицахъ, съ рогомъ черезъ плечо и съ длиннымъ ножомъ за поясомъ—высыпали къ воротамъ. Старшій изъ начальныхъ сокольниковъ, Парфентій Яковлевичъ Табалинъ, и верховой подьячій Василій Ботвиньевъ, появились на порогѣ дьячей избы и отвѣшивали пріѣзжимъ низкіе поклоны, между тѣмъ какъ четверо сокольниковъ держали ихъ иноходцевъ подъ уздцы и помогали имъ спѣшиться.

— Здравствуйте, сокольники! крикнулъ Аѳанасій Ивановичъ, сойдя съ коня и кланяясь всѣмъ общимъ, привѣтливымъ поклономъ.

— Здравствуй и ты господинъ, нашъ сокольничій! браво крикнули сокольники, между тѣмъ какъ Матюшкинъ всходилъ на крыльцо дома Хомякова и подзывалъ къ себѣ Табалина и Ботвиньева.

— Парфентій Яковлевичъ! обратился Матюшкинъ къ старшему,

сѣдому и почтенному начальному сокольнику.—Каково ты въ своей статьѣ птицами государевыми промышляешь?

— Промышляемъ, батюшка Аѳанасій Ивановичъ, какъ великій государь приказалъ: а тебя съ нетерпѣньемъ ждемъ, батюшка Аѳанасій Ивановичъ, приказовъ ждемъ насчетъ послѣдней присылки, что съ Холмогоръ кречеты да челиги присланы?

— А у кого же они на рукахъ, Петръ Семеновичъ? обратился Матюшкинъ къ Хомякову.

— Пока еще никому не сданы на руки, и ни въ чью статью не вписаны,—безъ государя не смѣемъ. Да вотъ кстати сказать, батюшка Аѳанасій Ивановичъ. Какъ ты изволилъ быть въ отлучкѣ, навязался тутъ къ намъ одинъ паренёкъ, изъ холмогорскихъ помытчиковъ, ежедёнъ къ намъ ходитъ, въ ногахъ валяется, проситъ, чтобы мы ему дозволили государеву больную птицу легчить. Мы ужъ его отваживали, а онъ все свое. А какъ прослышалъ, что ты вернуться изволилъ—молитъ твои ясныя очи видѣть.

— Гдѣ же онъ? Можетъ, онъ и точно намъ пригоденъ будетъ?.. сказалъ Матюшкинъ.

— Сегодня ужь съ утра здѣсь! отозвался Ботвиньевъ, — въ дьячей избѣ дожидается.

— Позвать его сюда! Посмотримъ, что за человѣкъ?

Ботвиньевъ ушелъ и вернулся черезъ минуту въ сопровожденіи двухъ дюжихъ сокольниковъ, между которыми шествовалъ высокій и красивый парень, въ сермяжномъ армякѣ, подтянутомъ ремнемъ.

Какъ ввели парня въ переднюю Хомякова, такъ онъ и повалился въ ноги Матюшкину:

— Батюшка-бояринъ, прикажи слово молвить!

— Кто ты такой? Откуда?

— Холмогорскаго кречатья помытчика, Якушки Омельянова, сынишко, Ларька Омельяновъ. Мы тамотка изстари, холопишки государевы, въ кречатьихъ помытчикахъ состоимъ... И теперь я сюда отъ воеводы Холмогорскаго съ государевыми птицами присланъ.

— Что ты врешь? Развѣ же не было тамъ постарше тебя помытчиковъ, что съ тобою птицъ отправили...

— Не было, бояринушка! Мой-то отецъ и старше всѣхъ, да почитай на ладанъ дышетъ—съ печи другой годъ не слѣзаетъ: а другіе-то помытчики, что постарше меня, всѣ по промысламъ разметалися... А я къ ловчей птицѣ отцомъ еще съ измальства пріученъ— всѣ ея повадки знаю...

— Что же тебѣ до меня за нужда? спросилъ Ларюшку Ма-

тюшкинъ, которому начинало приглядываться умное и открытое лицо парня, несмотря на то, что парень былъ видимо смущенъ присутствіемъ вельможи.— Говори скорѣе, да толкомъ!

— Батюшка-бояринъ! Изобижены мы совсѣмъ — раззорены въ конецъ! Смилуйся!

— Воевода намъ уже второй годъ денегъ за уловную птицу не платитъ... Говоритъ: въ Москвѣ получите! А какъ сюда пріѣдутъ помытчики съ птицей, здѣсь въ Новгородскомъ Приказѣ и говорятъ имъ:—«намъ до васъ дѣла нѣтъ! Требуйте съ воеводы- онъ вамъ заплатитъ изъ таможеннаго да изъ Кружечнаго двора сборовъ». А воевода-то нашъ и въ прошломъ-то году намъ за 44 уловныхъ птицы денегъ не заплатилъ... Вотъ тутъ и челобитная у меня къ великому государю отъ всѣхъ нашихъ посадскихъ да отъ крестьянъ! Пожалуй намъ, бояринушка, прикажи намъ тѣ деньги выплатить, противъ нашихъ жалованныхъ грамотъ, чтобы намъ передъ своей братьей кречетниками изобижену не быть.

Матюшкинъ принялъ челобитную отъ Ларюшки, пробѣжалъ ее глазами, и обращаясь къ нему сказалъ:

— Я тутъ сдѣлать ничего не могу: это дѣло мнѣ не вмѣстно. Однако, я прикажу дѣло разсмотрѣть и скажу о немъ государю только ты такъ и знай: если ты дерзнулъ великаго государя неправымъ дѣломъ тревожить, я тебя отправлю къ Варварѣ на расправу [1]); а если твое дѣло правое — не сдобровать и воеводѣ...

— Спасибо, бояринушка, на милостивомъ словѣ!—И Ларюшка стукнулъ лбомъ о полъ.

— А правду ли говорили мнѣ, будто ты берешься легчить птицъ государевыхъ отъ всякой лихой болѣсти?

— Правда, бояринъ!

— Чѣмъ же ты легчишь? Какими снадобьями?

Ларюшка провелъ руками по кудрямъ, почесалъ за ухомъ и съ нѣкоторою опаскою и нерѣшительностью сказалъ:

— Этого я тебѣ, бояринъ, сказать не могу...

— Какъ не можешь! Ты, можетъ, чарами какими или заклятьями легчишь!

— Не приведи Господи! Мы помытчики государевы съ нечистымъ не знаемся... А только не могу сказать, потому, что отцомъ на то зарокъ положонъ!

— Какой зарокъ?

А такой, что онъ отъ дѣда перенялъ, и никому опричь меня,

[1]) Т. е. на Варварскій крестецъ, гдѣ находилась главная московская тюрьма.

не передалъ; а я тоже—только сыну передать могу... Я въ томъ отцу крестъ цѣловалъ—не прогнѣвись, бояринъ!

Это окончательно расположило Матюшкина въ пользу Ларюшки. Онъ улыбнулся на его слова и, обращаясь къ Хомякову и Табалину, сказалъ:

— Ни дать, ни взять, какъ въ нашей присягѣ сокольничьей: «обѣщаюсь во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть...»

Хомяковъ и Табалинъ одобрительно покачали головами.

— Петръ Семеновичъ!—сказалъ Матюшкинъ.—Попробуй этого парня на дѣлѣ—точно ли онъ въ птичьихъ болѣстяхъ и недугахъ смыслитъ... Да смотри за нимъ въ оба! Никуда его отсюда, безъ моего приказа, не выпускать! Сначала дай ему двухъ птицъ на руки; а коли вылегчитъ, допусти къ остальнымъ. Ступай—да держи ухо востро! Помни, что ты съ государевой птицей водиться будешь!

Ларюшка поклонился и вышелъ опять въ сопровожденіи тѣхъ же сокольничихъ; за нимъ слѣдомъ вышелъ и Табалинъ. Когда дверь за ними захлопнулась, Матюшкинъ сказалъ Хомякову:

— Вотъ ты говорилъ мнѣ, сегодня утромъ, о новыхъ людяхъ, Петръ Семеновичъ! мнѣ этотъ паренъ очень приглянулся: смышленъ и толковъ, и упрямка поморская въ немъ есть... Коли онъ точно окажется намъ годенъ, смотри же, поддержи его—не дай нашимъ старымъ псамъ его на посмѣхъ да на растерзаніе.

XII.

Въ тѣ десять дней, которые еще оставались до переѣзда «красной и славной птичьей охоты государевой» въ село Коломенское, на Потѣшномъ дворѣ кипѣла такая дѣятельность, что у непривычнаго человѣка могла бы голова кругомъ пойти. Только уже подъ вечеръ, когда и птицы, и ловцы были дома и на мѣстахъ, начальные сокольники собирались въ хоромы Хомякова сообщать ему свои отчеты и наблюденія, и получать отъ него приказанія на слѣдующій день. Матюшкинъ, который до пріѣзда государева рѣшился не съѣзжать съ Потѣшнаго двора, тоже присутствовалъ иногда при этихъ вечернихъ пріемахъ и подтверждалъ распоряженія Хомякова своимъ вѣскимъ словомъ.

Однажды вечеромъ, во время такой общей охотничьей бесѣды, Матюшкинъ вдругъ спохватился и, обратясь къ Табалину, сказалъ:

— А вѣдь вотъ главнаго-то я и не припомнилъ! Парѳентій Яковлевичъ,—а что-жъ нашъ дохтуръ? Легчитъ-ли соколовъ и кречетовъ больныхъ?

— Виноватъ я передъ тобой, батюшка Аѳанасій Ивановичъ! — спохватился старый сокольникъ. — Въ хлопотахъ-то нашихъ я и запамятовалъ доложить тебѣ о паренькѣ-то этомъ... Толковый вѣдь онъ!.. Въ недѣлю-то онъ ужъ никакъ съ полсотни птицъ намъ на ноги поставилъ!..

— Что ты? Да развѣ же ты ему всѣхъ сдалъ на руки?

— Нѣтъ, я сначала сдалъ только пару, какъ ты приказывалъ... Да вижу, потомъ, что онъ ихъ живо оправилъ, — и сталъ просить меня: «давай молъ больше: за-одно легчить»... Вотъ я и винюсь передъ тобой, что безъ твоего приказа птицъ передалъ ему...

— И что же, скажи пожалуй — государевы-то кречеты: Адаръ, Муратъ, Стрѣляй, Салтанъ — тѣ какъ?

— Здоровы (лишь бы не сглазить!) — и Лихачъ, и Булатъ — здоровы же и всѣ ѣсть стали попрежнему! Коли вздохнутъ еще денекъ-другой — сажай на рукавицу, да въ поле съ ними выѣзжай...

Матюшкинъ обвелъ сокольниковъ изумленнымъ взглядомъ.

— Да что же онъ? Ужь и точно не колдунъ-ли какой? Вѣдь вы же ихъ легчить пытали?

— Пытать-то пытали, батюшка, да не съ того конца за дѣло брались, съ улыбкой замѣтилъ старый сокольничій. — Мы всѣ четверо между собою совѣщались, — и положили легчить больную птицу той персидской мазью, что, изволишь помнить, года съ два тому назадъ, намъ бухарецъ-сокольникъ продалъ? Стали мазать, а птицамъ, что ни день, то хуже!.. Отъ кормовъ отстали, клювами лапы себѣ въ кровь дерутъ — до живаго мяса... Что ты будешь дѣлать?

— Ну, а онъ-то какъ же?

— А онъ этой мази не взялъ, потому, говоритъ, это «снадобье бусурманское». Налилъ воды въ тазы, да льду велѣлъ съ погреба принести — и заперся въ чуланъ съ птицами, съ Салтаномъ, да съ Адаромъ.

— Съ любимыми-то государевыми кречетами?

— Съ любимыми, Аѳанасій Ивановичъ! И ужь какъ я за нихъ трясся... у дверей чулана стоючи... Всю-то душу онъ у меня вымоталъ! Слышу: водой плещетъ, и птицъ въ воду окунаетъ... А онѣ только: крр... крр... Значитъ — отрадно имъ! Вотъ я ножомъ-то скважину и прочистилъ; думаю: дай погляжу! Пожалуй еще нашептываетъ на воду-то, или сыплетъ въ нее чего? И вижу: онъ съ обоихъ кречетовъ и обносцы, и должики снялъ, на стулахъ нарядъ ихъ покинулъ, а кречетовъ самихъ поставилъ въ два таза, въ летяную воду, да ковшикомъ ту воду черпаетъ и поливаетъ на нихъ. А тѣ

стоятъ въ водѣ по грудь, и не шелохнутся, что хошь съ ними дѣлай... Такъ-то поливалъ ихъ, поливалъ, да слышу шепчетъ что-то... Я уши насторожилъ, да только и могъ разслышать: «Мать Пресвятая Богородица»... «да ороси насъ милостью, великою благостью»... «да преподобные угодники соловецкіе»... Ну, тутъ ужь и отошло у меня отъ сердца-то! Ужь это какое же колдовство — это молитва!.. Такъ-то, батюшка! А на другой день тоже онъ съ ними, утромъ и вечеромъ, въ чуланѣ запирался... Я ужь—ничего! Смотрю, на третій день птицамъ-то легче: видъ бодрый, взоръ этакой ясный, голову высоко несутъ —и ѣсть стали жадно. Ну, тутъ я ему ужь и не побоялся другихъ-то птицъ отдать...

Матюшкинъ выслушалъ разсказъ Табалина внимательно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дивныя дѣла, господа сокольники! сказалъ онъ, посматривая на всѣхъ присутствующихъ.—Невѣдомо откуда какой безусый, безбородый выискался, да насъ бородатыхъ уму-разуму научилъ. А какъ бы ты думалъ, Петръ Семеновичъ, и вы, начальные? Вѣдь парень-то толковый —не дурно бы намъ его при Потѣшномъ дворѣ оставить?

Сокольники молча переглянулись между собою, какъ бы выжидая, чтобы кто-нибудь, посмѣлѣе, сказалъ бы свое слово первый. Съ минуту продолжалось неловкое молчаніе, въ теченіе котораго Хомяковъ поглядывалъ на Матюшкина съ улыбкой. Глаза его ясно высказывали его мысль:

«Изволишь, молъ, видѣть, какъ они рады новому-то человѣку...»

Но Матюшкинъ не успѣлъ дождаться отвѣта отъ сокольниковъ. У воротъ раздался звукъ рожка, возвѣщавшаго о прибытіи какого-то поздняго гостя. Всѣ переглянулись.

— Что бы это значило? Такъ поздно! Кто бы это? воскликнулъ Матюшкинъ.

— И въ такую темь! Вѣдь зги не видно! отозвался Хомяковъ, приподнимая окно и выставляя голову въ надворье.

Двое молодыхъ сокольниковъ направились къ воротамъ за вѣстями... Потѣшный дворъ, давно уже наглухо запертый, былъ въ эту вечернюю пору ни для кого недоступенъ.

Но сокольники вернулись и доложили, что скорый гонецъ присланъ государемъ изъ похода, съ вѣстью къ господину сокольничему.

Черезъ минуту въ комнату введенъ былъ и этотъ гонецъ, въ ѣздовомъ платьѣ, съ ногъ до головы покрытый густымъ слоемъ пыли.

— Что скажешь? Откуда ты великимъ государемъ посланъ?

— Великій государь отсюда за два стана. На разсвѣтѣ будетъ

слушать раннюю обѣдню въ Алексѣевскомъ селѣ; приказалъ сказать тебѣ, стольнику и ловчему московскому, Аѳанасію Ивановичу Матюшкину, что онъ, великій государь, въ Коломенское село ѣхать не изволитъ, а изъ Алексѣевскаго раннимъ утромъ пожалуетъ прямо сюда, на свой Потѣшный государевъ дворъ, не заѣзжая въ Москву.

Всѣ встрепенулись и вытянулись, ожидая приказаній ловчаго и сокольничаго.

— Спасибо за добрую вѣсть, сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ гонцу, — рады мы видѣть пресвѣтлыя очи великаго государя. Накормить гонца, да добрый оловянникъ меду ему!

— Ну, Петръ Семеновичъ, сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ Хомякову и старшимъ сокольникамъ, когда гонецъ вышелъ съ младшими сокольниками, — намъ сегодня пожалуй спать и не придется! Всѣ по мѣстамъ! Къ развѣту чтобы было все готово для встрѣчи батюшки-царя!

XIII.

На другое утро, въ седьмомъ часу, весело и звонко затрубили рога на Потѣшномъ дворѣ, навстрѣчу поѣзду государеву, приближавшемуся къ воротамъ со стороны Троицкой дороги, отъ села Алексѣевскаго. Какъ бы привѣтствуя государя — встрепенулись во всемъ дворѣ тысячи ловчихъ птицъ на своихъ стулахъ, помахивая крыльями и брячая колокольцами, въ отвѣтъ на веселые звуки рожка и громкіе, радостные клики сокольниковъ. И птицы, и сокольники какъ бы чуяли, что возвращеніе царя и ихъ возвратитъ къ новой, шумной жизни, къ тревогамъ «красной и славной птичьей потѣхи», къ приволью полей и шири поднебесной, къ раздолью лѣсовъ и мокрыхъ луговинъ по берегамъ излучистой рѣчки, къ лихимъ «напускамъ» и «ставкамъ» на высотѣ едва доступной человѣческому оку—тамъ, «гдѣ только солнце свѣтитъ да кречетъ гуляетъ», какъ говорится объ этомъ въ одной татарской пѣснѣ.

Ларюшка не участвовалъ въ этомъ общемъ взрывѣ радости при встрѣчѣ царя-охотника на Потѣшномъ дворѣ. Въ дальнемъ углу дальняго сарая онъ сидѣлъ со своими больными птицами и ухаживалъ за ними съ обычнымъ усердіемъ, занятый только одною мыслію — какъ бы ему угодить тому боярину Матюшкину, передъ которымъ всѣ эти сокольники—и рядовые, и начальные—стояли на вытяжку. Ему, непривычному къ московскимъ порядкамъ и отношеніямъ, этотъ сокольничій государевъ представлялся идеаломъ величія — человѣкомъ

на верху власти и силы, для котораго нѣтъ и не можетъ быть ничего невозможнаго.

Къ самой вѣсти о пріѣздѣ государя, которая была неожиданною новостью даже для Матюшкина и Хомякова, Ла̀рюшка былъ вовсе не подготовленъ. Съ тѣхъ по̀ръ, какъ его держали подъ замкомъ на Потѣшномъ дворѣ, никто не промолвилъ съ нимъ ни единаго слова и онъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о жизни «государева птичьяго царства», которая совершалась около него, но внѣ сферы его наблюденія. Вотъ почему и сегодня, когда весь дворъ огласился веселой, переливчатой музыкой рожковъ и вдали раздались какіе-то громкіе клики — Ла̀рюшка, одинъ на всемъ Потѣшномъ дворѣ, оставался равнодушенъ къ этимъ звукамъ и не понималъ ихъ значенія. «Ишь раструбились!» думалъ онъ, прислушиваясь къ необычайному шуму.

И онъ, съ прежнимъ усердіемъ и спокойствіемъ, продолжалъ ходить отъ птицы къ птицѣ, то покармливая ихъ изъ рукъ свѣжимъ мясомъ, ввязаннымъ въ пучокъ перьевъ, то купая ихъ въ тазахъ съ ледяною водою, съ обычными наговорами, въ которыхъ поминалась и «Мать Пресвятая Богородица», и «Бѣлъ-горючъ-камень», и «разрывъ-трава», и «угодники соловецкіе», примѣшавшіеся къ древнему заклинанію на Сѣверѣ, гдѣ они пользуются такимъ громаднымъ значеніемъ. Но «охота государева» видимо не собиралась уходить въ село Коломенское. Тѣ же звуки рожковъ и клики повторялись неоднократно въ теченіе двухъ часовъ то въ одномъ углу Потѣшнаго двора, то въ другомъ, переливаясь звонкими и радостными раскатами, которые доносились и до Ла̀рюшки и только еще больше увеличивали тоску его мрачнаго уединенія.

Но что̀ это? Шумъ ближе, ближе... Вотъ слышатся громкіе голоса, вотъ спѣшные, торопливые шаги по лѣстницѣ: слышно, какъ нѣсколько человѣкъ разомъ подошли къ дверямъ и брякочутъ замкомъ, отмыкая его. Къ Ла̀рюшкѣ не входитъ, а почти вбѣгаетъ Табалинъ, а за нимъ человѣкъ пять рядовыхъ сокольниковъ и двое слугъ съ какимъ-то во̀рохомъ платья. Да какіе всѣ нарядные! Въ красныхъ кафтанахъ съ черными гербовыми орлами, нашитыми на спинѣ и на груди, въ высокихъ красныхъ шапкахъ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. А у Табалина кафтанъ весь золотомъ блеститъ, черезъ плечо на золотой перевязи рогъ серебряный, черезъ другое — сума бархатная, на рукахъ рукавицы перстатыя, съ раструбами за локоть, вокругъ расшитыя золотомъ... У Ла̀рюшки, отъ внезапнаго появленія этихъ людей, очевидно озабоченныхъ какою-то важною

заботою, отъ яркихъ красокъ и блеска ихъ одеждъ въ глазахъ зарябило... Онъ оставался передъ ними въ недоумѣніи, не зная, пугаться-ли ему ихъ прихода или радоваться ему?

Табалинъ, какъ вбѣжалъ, такъ и крикнулъ слугамъ:

— Эй, ребята, раздѣвай его, да живо, живо!

— Господинъ начальный сокольничій! взмолился Ларюшка, совершенно растерявшись и не понимая значенія этого приказа, — смилуйся, скажи, чѣмъ я провинился? Вѣдь я, кажись, все по хорошему жилъ, по закону... За что же меня...

— Вотъ за то, что по-хорошему жилъ, за то тебя и Богъ наградилъ! загадочно и съ улыбочкой проговорилъ Табалинъ.—Да ну, живѣй поворачивайся: господинъ сокольничій у насъ ждать не любитъ! У него дѣло не медвѣдь, а соколъ... Пурхъ—и улетѣло!..

И точно по щучьему велѣнью, какъ въ сказкахъ дѣлается, ловкіе слуги мигомъ раздѣли и разули нашего Ларюшку: одѣли его и въ чистую рубаху камчатную съ шитымъ воротомъ, и въ порты дорожчатые, и въ синій кафтанъ суконный, и въ сапоги щегольскіе, желтые, сафьянные, съ вострыми приподнятыми носками. Одинъ изъ слугъ снялъ съ себя пестрый кушакъ, подтянулъ Ларюшкѣ кафтанъ и мудренымъ узломъ врозь-концы завязалъ; другой расчесалъ ему русыя кудри гребнемъ на обѣ стороны.

И сталъ нашъ Ларюшка передъ Табалинымъ молодецъ-молодцомъ и самъ не могъ удержаться отъ самодовольной улыбки, когда оглядѣлъ себя. Но самодовольство тотчасъ же смѣнилось чувствомъ неопредѣленной тревоги, когда Табалинъ и сокольники стали его поворачивать и оглядывать, съ великимъ вниманіемъ оправляя каждую складочку его одежды, счищая съ нея каждую пылиночку, каждую пушинку.

— Ну, теперь его и вести можно! сказалъ Табалинъ, принимая строгій, начальническій видъ и устанавливая Ларюшку въ рядъ между нарядными сокольниками.

— Господинъ начальный сокольничій! Скажи ты мнѣ ради всего святаго, взмолился не на шутку напуганный Ларюшка, — куда ты вести меня ладишь? Не томи ты меня злою мукою...

Табалинъ отступилъ отъ него на шагъ, выпрямился и произнесъ торжественно:

— Посѣтилъ тебя Богъ великою милостью: мнѣ велѣно явить тебя передъ пресвѣтлыя очи государевы! Впередъ!..

— Господи!.. сорвалось невольно у Ларюшки, и ему стало еще болѣе жутко и страшно, когда онъ зашагалъ по лѣстницамъ за сокольничимъ.

XIV.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ страстнымъ охотникомъ —изъ тѣхъ, которые занимаются охотою не какъ забавою, не какъ пріятнымъ развлеченіемъ, а какъ серьезнымъ дѣломъ, захватывающимъ на время все существо человѣка. Улучая для охоты удобное время, оторвавшись отъ остальныхъ житейскихъ заботъ и тягостей государственнаго управленія, царь Алексѣй Михайловичъ предавался охотѣ всей душой, и находилъ въ ней источникъ несказанныхъ наслажденій. Не даромъ написалъ онъ въ предисловіи къ своему «Урядднику сокольничьяго пути», обращаясь къ охотникамъ: «Забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». И прибавилъ потомъ: «Дѣлу время, и потѣхѣ часъ» —какъ бы желая этимъ сказать: «отдавайте все ваше время дѣлу, но умѣйте отдать часть времени и потѣхѣ».

И онъ *умѣлъ* удѣлить этотъ часъ, умѣлъ его найти, и умѣлъ въ этотъ краткій часъ такъ цѣльно, такъ горячо отдаться своей любимой потѣхѣ, что становился неузнаваемъ —перерождался въ новаго человѣка и отдыхалъ отъ тяжкихъ трудовъ правленія...

При торжественной и шумной встрѣчѣ, подготовленной благодушному царю-охотнику Матюшкинымъ и Хомяковымъ, ему прежде всего бросились въ глаза его любимые кречеты и соколы, — Адаръ, Муратъ, Стрѣляй, Булатъ и Салтанъ — которыхъ сокольники держали на рукавицахъ «честно и явно», къ «видѣнію человѣческому и къ красотѣ кречатьей».

— А! весело воскликнулъ царь, обращаясь къ Матюшкину, — значитъ, здоровы? — Ну, ваше счастье, сокольники! А то ужь я вамъ за нихъ какую грозу готовилъ... Помнишь, и въ письмѣ писалъ?..

Матюшкинъ улыбнулся и сказалъ:

— Трепетали мы не грозы твоей, государь, а того, что скорбью омрачимъ сердце твое при встрѣчѣ.

— А чѣмъ они были больны? Кто ихъ лечилъ? продолжалъ распрашивать царь, остановившись передъ своими кречетами-любимцами и любуясь ихъ статями и новыми роскошными нарядами.

Матюшкинъ подробно и толково изложилъ царю весь эпизодъ съ «леченіемъ птицъ», припомнилъ кстати и о томъ, что царь еще не видалъ новоприсланныхъ Двинскихъ птицъ, и въ двухъ словахъ упомянулъ о дѣйствіяхъ воеводы, описанныхъ въ челобитной Холмогорскихъ крестьянъ и посадскихъ.

Царь выслушалъ Матюшкина и сказалъ:

— Ты мнѣ послѣ этого дохтура покажешь... А теперь веди осматривать кречатню: да смотри, все покажи—во всѣхъ четырехъ статьяхъ—ничего не утай! Я ваши непорядки и оплошки сразу примѣчу... У меня ужь глазъ такой! Вонъ у него,—сказалъ улыбаясь царь, указывая на Хомякова, — у него глазъ лучше въ отъѣзжемъ полѣ: а въ его кречатнѣ мой глазъ вѣрнѣе видитъ!.. Такъ-ли, Петръ Семеновичъ?

— Такъ, такъ, великій государь! поспѣшилъ согласиться Хомяковъ, который уже давно не видалъ царя въ такомъ милостивомъ и веселомъ настроеніи.

И затѣмъ всѣ начальные послѣдовали за царемъ, котораго сопровождали бояре Борисъ Морозовъ и Юрій Ромодановскій — оба такіе же страстные охотники, какъ и самъ царь, и также ничего не жалѣвшіе на пріобрѣтеніе ловчихъ птицъ и на содержаніе обширныхъ птичьихъ охотъ.

Осмотръ кречатни продолжался около двухъ часовъ и закончился осмотромъ сараевъ, въ которыхъ собраны были разныя породы ястребовъ и кобчиковъ. Царь и его любимцы (тоже тонкіе знатоки дѣла) остались очень довольны осмотромъ Потѣшнаго двора, и Алексѣй Михайловичъ, закончивъ осмотръ, ласково потрепалъ Матюшкина по плечу:

— Братъ! сказалъ онъ ему добродушно. — а я, признаться, хотѣлъ тебя врасплохъ застать! Вѣдь я тебѣ писалъ, чтобы ты въ Коломенское выѣзжалъ—да вдругъ и отмѣнилъ! Дай, думаю, наѣду... Вы, чай, ужь завтра и въ путь бы сдвинулись?

— Сдвинулись бы, государь; все уложено ужь было...

— Когда же ты это успѣлъ все опять уставить и урядить?

— Времени было вдоволь, государь. Гонецъ твой къ намъ пріѣхалъ въ третьемъ часу ночи съ доброй вѣстью... А въ урядникѣ твоемъ не даромъ сказано: «Достовѣрному же охотнику нѣсть разсужденія временамъ и порамъ». Вотъ мы ночь-то обратили въ день—и къ встрѣчѣ твоей изготовились...

— Спасибо, братъ! сказалъ государь съ видимымъ удовольствіемъ,—утѣшилъ ты меня!

И царь протянулъ Матюшкину руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ.

— Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ! На сей разъ вижу, что ты и въ кречатнѣ такъ же зорокъ сталъ, какъ и въ отъѣзжемъ полѣ...

Хомяковъ поклонился государю въ поясъ.

— Спасибо и вамъ, начальные! громко произнесъ царь, обращаясь къ начальнымъ сокольникамъ четырехъ статей—вижу, что

вы робятъ въ рукахъ держите... И всѣмъ рядовымъ передайте мое царское спасибо! Вижу, что нашъ государскій птичій промыселъ не поизмѣшался во время отлучки нашей!

Громкіе, радостные клики всѣхъ сокольниковъ были отвѣтомъ на царское милостивое слово.

— А теперь не изволишь ли, государь, осмотрѣть новые большіе птичьи наряды въ нашей сокольничьей казнѣ? спросилъ Матюшкинъ, указывая рукою въ сторону дьячей избы, на порогѣ которой стояли и казначей, и подьячій сокольничаго пути, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Нѣтъ, спасибо,—послѣ посмотрю!—Я сегодня у тебя, братъ, въ гостяхъ и еще гостей тебѣ привелъ: всѣ у тебя будемъ кушать.

— Удостой насъ, государь, сей великой чести! Столъ про тебя и про гостей твоихъ уготованъ въ нашей сокольничей передней избѣ, сказалъ Матюшкинъ, почтительно кланяясь царю.

— Такъ туда прямо и веди насъ. А послѣ обѣда, поотдохнувши, и въ казну загляну къ Еруслану Дрыганову, и въ книги, къ Василью Ботвиньеву.

Произнося эти слова, государь обернулся къ начальнымъ сокольничимъ и громко произнесъ обычныя слова команды, по «Уряднику»: «Начальные! время отдохновенія птицамъ, и намъ премѣненію платья и часъ обѣда».

Начальные дали знакъ трубачеямъ, и веселые звуки переливчатыхъ серебряныхъ рожковъ возвѣстили всему Потѣшному двору о наступленіи временнаго отдыха и обѣда.

XV.

Когда Табалинъ съ сокольниками свелъ Ла́рюшку сверху, изъ того угла, гдѣ онъ былъ запертъ съ больными птицами, то приказалъ ему обождать въ дьячей избѣ; а самъ направился обратно въ кречатню и приказалъ сокольникамъ вынести оттуда шесть кречетовъ и челиговъ, которые были уловлены и привезены къ Москвѣ Ла́рькой Омельяновымъ. И кречатьяго помытчика, и «по́мкнутыхъ» имъ птицъ хо́тѣли одновременно «явить передъ царскія пресвѣтлыя очи».

Ла́рюшка, оставшись одинъ-одинёшенекъ въ дьячей избѣ, былъ до такой степени встревоженъ ожиданіемъ, что не могъ совладать съ собою: на него напалъ страхъ великій и трясло его съ головы до ногъ, какъ въ лихоманкѣ.

Ждать пришлось ему, на его счастье, не долго:—царь Алексѣй

Михайловичъ, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, какъ монахъ, не сидѣлъ за столомъ долго, и отдыхалъ послѣ обѣда не больше двухъ часовъ. Какъ только онъ вышелъ изъ опочивальни, по знаку, данному Хомяковымъ, дверь въ боковой покой отворилась и въ комнату чинно вошли шесть сокольниковъ въ большомъ нарядѣ, съ кречетами и челигами на рукавицахъ, и съ начальнымъ Табалинымъ впереди: позади этихъ сокольниковъ—Ларюшка между двумя рядовыми сокольниками. Табалинъ и сокольники съ кречетами размѣстились въ рядъ передъ самыми креслами государя: Ларюшка съ сокольниками остался у дверей, въ ожиданіи новаго приказа.

Картина, которая представилась изумленнымъ взорамъ молодаго помытчика, такъ поразила его, что онъ даже позабылъ о своемъ смущеніи и тревогѣ, и весь обратился въ зрѣніе.

Передъ нимъ, на богатомъ рѣзномъ и золоченомъ креслѣ, съ низкою и широкою спинкою, около стола, покрытаго пестрымъ ковромъ, сидѣлъ мужчина величавой наружности. Небольшая, но окладистая черная борода и усы оттѣняли его правильное, бѣлое и румяное лицо, а темнокаріе глаза смотрѣли зорко и привѣтливо изъ-подъ темныхъ, красиво-обрисованныхъ бровей. Это былъ царь Алексѣй Михайловичъ. Голова его была прикрыта небольшой бархатной скуфейкой, кругомъ унизанной крупнымъ жемчугомъ: а спереди, какъ жаръ горѣла на скуфейкѣ запона изъ рубиновъ, сапфировъ и изумрудовъ. Богатая ферязь изъ толстой камки съ птицами и травами, обхватывала красивыми складками стройную и полную фигуру царя; досчатый, сереброкованный поясъ, къ которому былъ привѣшенъ богато-оправленный и усыпанный каменьями охотничій ножъ—дополнялъ одежду царя. Двое знатныхъ бояръ,— въ богатѣйшихъ кафтанахъ, блиставшихъ золотомъ и низанныхъ жемчугомъ по высокому стоячему воротнику-козырю, стояли о-бокъ царя по сторонамъ его кресла.

Царь перебиралъ лежавшіе передъ нимъ на столѣ бархатные и парчевые сокольи клобучки, расшитые золотомъ и жемчугомъ, и улыбался, поглядывая на Матюшкина:

— Ай-да наряды же ты, братъ, моимъ соколамъ нашилъ.—Исполать тебѣ! гдѣ ты тѣхъ и швей-то выискалъ, что расписали и расцвѣтили ихъ такими мудреными узорами?

— Во Владимірѣ, въ Рожественскомъ монастырѣ такія искусницы живутъ! замѣтилъ Матюшкинъ.—Туда посылалъ.

— Ужь точно искусницы! Борисъ Ивановичъ, обратился царь къ боярину Морозову,—напомни мнѣ, чтобы я не забылъ: надо будетъ въ тотъ монастырь велѣть запасцу отпустить съ Житнаго двора.

— Слушаю, государь: напомню.

— А это вотъ и есть уловныя птицы, что съ Двины присланы? вдругъ обратился царь къ Хомякову, указывая на сокольниковъ съ птицами.

— Тѣ самыя, великій государь! Онѣ еще у насъ, до твоего указа, безъ именъ живутъ...

— Да, да, знаю! Дай-ка ихъ сюда поближе!..

По знаку Хомякова сокольники двинулись впередъ и остановились на шагъ отъ государя.

— А вотъ это и есть тотъ красный кречетъ, о которомъ ты мнѣ писалъ, Аѳанасій Ивановичъ?.. Ахъ, какой красавецъ! Вотъ такъ кречетъ!

И царь, поднявшись съ кресла, гладилъ кречета по шеѣ и спинѣ, между тѣмъ какъ тотъ пугливо поводилъ большими глазами и старался клювомъ поймать пальцы царской руки.

— Дикій! Глупъ еще! посмѣиваясь, говорилъ царь, продолжая дразнить кречета и любуясь его движеніями. О-го-го! го-го! приговаривалъ онъ съ улыбкою знатока и любителя, внимательно разсматривая птицу. Князь Юрій! посмотри-ка каковы ногтищи! Мнѣ сдается, что этотъ кречетъ, какъ выносится, будетъ лучше моихъ любимцевъ, Адара и Салтана?

И царь опустился въ кресло, не спуская глазъ съ кречета и продолжая имъ любоваться. Всѣ сокольники съ птицами на рукавицахъ, замерли безъ движенія, въ ожиданіи своей очереди.

— А гдѣ-же тотъ помытчикъ, что уловилъ красавца-кречета?

Сокольники съ птицами разступились, какъ по командѣ, и двое сокольниковъ, стоявшихъ около Ла́рюшки, разомъ выдвинули его передъ царскія очи, при чемъ онъ ударилъ царю земной поклонъ.

— Какъ тебя звать?

— Ла́рька Омельяновъ, великій государь, сынишко Холмогорскаго помытчика твоего Якушки Омельянова.

— Омельяновъ?.. Омельяновъ? повторялъ царь, вглядываясь своими зоркими очами въ открытое и красивое лицо Ларюшки. — Что-то помнится мнѣ... Не Омельянова-ли батюшка мой, блаженной памяти, да дѣдъ мой посылали съ кречетами къ Кесарю Римскому съ подношеніемъ?

— Такъ точно, государь! подтвердилъ Матюшкинъ.

— Такъ это твой отецъ? переспросилъ царь у Ла́рюшки.

— Батька, государь, — онъ самый!

— Ну, видно, вамъ на роду написано такое счастье на уловъ кречетовъ! Гдѣ же ты сыскалъ такого молодца?

Изд. А Ф Маркса въ С.П.Б. Печ въ арт. зав. А.Ф Маркса въ СП.Б.

Ла́рюшка, въ смущеніи, опустилъ очи въ землю, и не зналъ, что отвѣчать царю.

— Гдѣ ты уловилъ его—и какъ? Какой ловушкой? съ возрастающимъ интересомъ допрашивалъ царь, полагая, что парень, растерявшись, не дослышалъ вопроса.

— Уловилъ я его на старыхъ батькиныхъ кречатьихъ сѣдбищахъ, государь! А гдѣ, и какимъ снарядомъ ловилъ—того сказать не могу.

Изумленіе, почти испугъ—выразились на всѣхъ лицахъ... Ромодановскій насупилъ брови, а Морозовъ смѣрилъ глазами Ла́рюшку съ головы до ногъ.

— Какъ же ты не можешь? — Вѣдь ты же самъ уловилъ его? спокойно продолжалъ допрашивать государь: но въ голосѣ его слышалось уже нѣкоторое недовольство...

— Самъ я уловилъ, государь! Видитъ Богъ—самъ... Да у меня съ отцомъ зарокъ положенъ — никому, ни сѣдбищъ его не показывать, ни снарядовъ...

— А если я тебѣ... приказываю! сказалъ, вспыливъ, царь Алексѣй Михайловичъ.

Ла́рюшка опять упалъ на колѣни:

— Прикажи казнить, государь! въ совершенномъ отчаяніи воскликнулъ онъ. — а зарока нарушить... не могу! Я въ томъ батькѣ крестъ цѣловалъ!

Наступила минута очень тяжелаго ожиданія. Всѣ впились глазами въ царя, который видимо боролся съ собою — и вдругъ просіялъ лицомъ.

— Встань! сказалъ онъ твердо: — ты правъ! И соколъ выше солнца не летаетъ—такъ не бывать и царскому приказу выше креста Господня?—Хвалю, что твердъ въ словѣ... Аѳанасій Ивановичъ! этого кречета назвать «Холмогоромъ». Дай Богъ, чтобы онъ въ напускѣ на всякую лѣсную и болотную птицу былъ такъ же упористъ, какъ этотъ малый въ своемъ крестоцѣлованьи.

Затѣмъ царь еще разъ обратился къ Ларькѣ и сказалъ:

— За то, что ты намъ, великому государю, угодилъ твоимъ уловомъ, жалуемъ мы тебя изъ нашей казны кафтаномъ: выдать ему на кафтанъ синяго сукна лундыша (обратился царь къ Матюшкину)! А за то, что ты своимъ раденіемъ нашихъ царскихъ птицъ вылечилъ и отъ злого недуга избавилъ — приказываемъ принять тебя рядовымъ сокольникомъ на нашъ Потѣшный дворъ.

Ла́рюшка, не помня себя отъ радости, повалился царю въ ноги.

— Принимаете-ли вы его въ свою братью, господа сокольники? ласково обратился царь къ начальнымъ и рядовымъ, находившимся въ комнатѣ.

— Готовы принять съ радостью! крикнули въ одинъ голосъ сокольники.

— Такъ возьми же ты его, Парѳентій Яковлевичъ, въ свою статью. Научи его нашей красной и славной сокольничьей наукѣ.

XVI.

Не даромъ говорятъ старые люди, что коли Господь Богъ взыщетъ кого-нибудь счастьемъ, такъ счастье того человѣка и въ лѣсной трущобѣ, подъ колодой найдетъ. Такъ случилось и съ Ла̀рюшкой. Приглянулся онъ съ перваго раза царю Алексѣю Михайловичу, который не могъ забыть ни о своей вспышкѣ, ни о твердости молодого холмогора. Когда, на другой день, Матюшкинъ передалъ царю челобитную холмогорскихъ посадскихъ людей и крестьянъ, привезенную Ла̀рюшкой, а при этомъ и всѣ справки и выписки, добытыя изъ Новгородскаго Приказа, царь сказалъ прямо:

— Ну, коли этотъ самый Ларька Омельяновъ челобитную привезъ, да тебѣ по ней отвѣтъ держалъ — значитъ правда. Этотъ не станетъ кривить душой!

И тотчасъ положилъ царь на той челобитной свое суровое рѣшеніе: залишнихъ уловныхъ птицъ — сорокъ четыре сокола и кречета — зачесть холмогорамъ за нынѣшній годъ и больше съ нихъ «*ни пера*» до будущаго года не взыскивать. Уплатить за ту птицу всѣ деньги сполна изъ царской казны, да сверхъ того, съ воеводы взыскать всѣ деньги, которыя онъ за ту птицу получилъ изъ сборовъ таможеннаго и кружечнаго двора.

Но и послѣ этого великій государь не забывалъ Ла̀рюшки, не обходилъ его своею милостью. Каждый разъ, когда царю случалось бывать на Потѣшномъ дворѣ, онъ справлялся о Ла̀рюшкѣ у Матюшкина, у Хомякова, у Табалина — и отъ всѣхъ слышалъ о немъ похвальные отзывы.

Вѣроятно, на этомъ основаніи, царь приказалъ Матюшкину:

— Отдай моего «Холмогора» на руки Ларькѣ Омельянову, они земляки, другъ друга не выдадутъ.

Видя такую явную милость къ молодому сокольнику, смѣтливый Парѳентій Яковлевичъ, взявъ къ себѣ Ла̀рюшку, приналегъ на него, да года въ два и выучилъ его всякой сокольничей премудрости. Такъ твердо выучилъ, что тотъ сталъ у него постоянно подъ рукой ходить, и въ умѣньи вынашивать птицъ сравнялся съ первыми въ

числѣ рядовыхъ сокольниковъ, которые жили на дворѣ лѣтъ по семи и болѣе. Твердо помнилъ Ларюшка завѣтъ отца: «смотри, не проспи счастья — проспишь, не воротится».

Случилось однажды, какъ пошелъ третій годъ службы Ларюшки на Потѣшномъ дворѣ, что назначилъ царь великую охоту соколиную въ селѣ Коломенскомъ и приказалъ звать на ту птичью потѣху и польскихъ пословъ, и крещеныхъ царевичей, и всѣхъ ближнихъ бояръ и окольничихъ.

Въ день, назначенный для этой потѣхи, погода была чудесная. Въ тотъ годъ *бабье лѣто* стояло такое, какого давно не бывало въ Москвѣ. Ясные, солнечные дни, съ совершенно-безоблачнымъ небомъ и удивительно-прозрачнымъ воздухомъ, тишина и свѣжесть, и яркія, разнообразныя, пестрыя краски, которыми покрывалась трава на лугахъ и жнивье на поляхъ, и листва на опушкѣ лѣса — все манило кречатника въ отъѣзжее поле и сулило ему такую охоту, о которой онъ могъ только мечтать въ иное время года.

Поблекшая зелень еще серебрилась отъ холоднаго сентябрьскаго утренника, а рѣчки и болота были еще подернуты легкою дымкою утренняго тумана, когда затрубили рога на Коломенскомъ Потѣшномъ дворѣ и царская соколиная охота стала высыпать изъ воротъ въ поле и выстраиваться по статьямъ и по наряду. Было тутъ на что посмотрѣть, было чѣмъ полюбоваться! Поистинѣ — «красною и славною» была эта птичья потѣха государева!

По случаю торжественной потѣхи, не одни сокольники, а и птицы были принаряжены въ большой нарядъ. У всѣхъ были на глаза надвинуты клобучки изъ червчатаго бархата, на ногахъ были обносцы изъ тесьмы, волоченной серебромъ и золотомъ. Изъ той же тесьмы были и должики, которыми птица была привязана къ кольцу на сокольничьей перевязи. Серебряные колокольцы были приколоты къ среднимъ хвостовымъ перьямъ птицъ. Еще богаче были наряжены царскіе любимцы — Салтанъ, Адаръ, Муратъ и Холмогоръ. Клобучки на нихъ были низаны жемчугомъ съ изумрудными искрами; крупными бурмицкими зернами были усажены на нихъ и обносцы, подбитые бархатомъ, а на мѣсто должиковъ были къ ихъ ногамъ прикрѣплены золотыя цѣпочки съ бляхами тонкаго сканнаго дѣла.

Когда всѣ сокольники выстроились и ихъ обошелъ Хомяковъ, оглядывая каждаго съ головы до ногъ и подробно осматривая птицу — къ Матюшкину былъ посланъ сокольникъ съ докладомъ, что

вся «красная и славная государева птичья потѣха въ сборѣ и ждетъ его, сокольничаго».

— Ну, коли все у тебя въ порядкѣ, Петръ Семеновичъ? сказалъ Матюшкинъ, подъѣзжая къ Хомякову, — можно вамъ и въ путь двигаться. Поѣзжайте прямо къ Майкову болотцу, оставьте его вправо, поднимитесь на полянку, что надъ Томиловымъ логомъ, по-надъ рѣчкой-то, тамъ и обождите... А я поѣду доложу государю, что ждетъ его на полѣ красная и славная птичья потѣха, уряжена и устроена по чести и чину.

Когда вся охота была на мѣстѣ, и въ сторонѣ, на возвышенной полянкѣ былъ разбитъ шатеръ государя, Хомяковъ послалъ загонщиковъ въ стороны и велѣлъ имъ расположиться въ кустахъ, чтобы по первому знаку начать поискъ дичи въ ближайшихъ частяхъ обширнаго Томилова лога и по густо заросшимъ прибрежьямъ рѣчки, которая по немъ извивалась. Вскорѣ послѣ того вдали, на дорогѣ, изъ-за рощи показалась голова царскаго поѣзда — съ полсотни боярскихъ дѣтей съ пищалями и копьями, на бойкихъ гнѣдыхъ и караковыхъ коняхъ въ наборной сбруѣ, которая ярко горѣла на солнцѣ. За боярскими дѣтьми ѣхали стольники и стряпчіе въ цвѣтныхъ кафтанахъ и бархатныхъ шапкахъ, опушенныхъ соболями, а за ними конюшій бояринъ съ ясельничимъ и ловчій московскій со своею свитою. Средину поѣзда занималъ самъ великій государь, ѣхавшій на превосходномъ персидскомъ аргамакѣ, бѣломъ, какъ снѣгъ. Весь уборъ царскаго коня горѣлъ золотомъ на солнцѣ и былъ разукрашенъ изумрудами и яхонтами: тяжелая жемчужная кисть болталась подъ шеей коня, вмѣсто науза; грива, заплетенная въ мелкія косички, была прикрыта жемчужною сѣткою. Богатѣйшій бархатный чалдаръ, расшитый золотыми мудреными восточными узорами, прикрывалъ коня почти по колѣно, а поверхъ его еще былъ положенъ яркій покровецъ, расшитый шелками и замѣнявшій собою чапракъ подъ сѣдломъ, сплошь усаженнымъ по высокой лукѣ крупной бирюзой, въ перемежку съ кораллами, сердоликами и лалами.

На государѣ было полевое платье, сокольничьяго покроя, и такая же островерхая шапка съ горностаевой подпушкой, и также надѣта «искривя», какъ и у всѣхъ сокольниковъ. О-бокъ государя ѣхали съ одной стороны два крещеныхъ царевича, въ богатой татарской одеждѣ на вороныхъ коняхъ, съ луками за спиной и драгоцѣнными саадаками у лѣваго бедра. По другую сторону ѣхали постоянные спутники царя на соколиной охотѣ — бояринъ Морозовъ и князь Григорій Ромодановскій, — оба въ сокольничьихъ островерхихъ шапкахъ, въ кафта-

нахъ изъ золотого винницейскаго бархата съ высокимъ козыремъ, сплошь зашитымъ узорами изъ крупнаго скатнаго жемчуга. Позади государя ѣхала верхами вся свита изъ ближнихъ бояръ и окольничихъ, а среди нея и двое польскихъ пословъ, въ богатыхъ бархатныхъ, контушахъ и яркихъ магеркахъ. На хвостѣ поѣзда слѣдовали, опять въ видѣ почетной стражи, боярскіе дѣти съ пищалями и копьями и съ полсотни всякой царской челяди и служни, съ возами разной снѣди и различными напитками.

Подъѣзжая къ полю, Матюшкинъ отдѣлился отъ свиты, заскакалъ къ строю своихъ сокольниковъ и приказалъ всѣмъ коннымъ спѣшиться, а слугамъ держать лошадей въ поводу. Потомъ онъ спѣшился и самъ, и выжидалъ приближенія великаго государя.

Когда царь подъѣхалъ къ шатру, разбитому на полянкѣ, вся его свита осталась у шатра, и къ строю сокольниковъ подъѣхали вслѣдъ за государемъ только Морозовъ, Ромодановскій и двое царевичей съ двоими послами, приглашенные въ видѣ почетныхъ гостей на царскую охоту.

Какъ только государь приблизился къ сокольникамъ, всѣ поснимали шапки и на привѣтствіе государя отвѣчали дружными и громкими кликами. Затѣмъ подошелъ къ государю съ низкимъ поклономъ сокольничій и, поклонившись ему въ поясъ, спросилъ:

— Время ли, государь, образцу и чину быть?

И государь молвилъ:

— Время, объявляй образецъ и чинъ.

Тогда Матюшкинъ, отступя отъ государя и пооправясь «добролично и добровидно», кликнулъ подсокольничаго и молвилъ ему ясно и громогласно:

— Подсокольничій! Время начати славную и красную потѣху государеву; вели начальнымъ изготовиться.

— Начальные! лихо скомандовалъ Хомяковъ, время напускать и добывать. Будьте готовы по первому слову государеву.

Затѣмъ сокольничій, обращаясь къ Хомякову, произнесъ:

— Подсокольничій! Подай великаго государя рукавицу нарядную.

Хомяковъ съ поклономъ поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ рукавицу государеву, которую вмѣстѣ съ блюдомъ принялъ отъ него Матюшкинъ и, низко кланяясь, поднесъ государю.

Государь вздѣлъ рукавицу «тихо и стройно», между тѣмъ какъ конюшіи и ясельничій держали подъ узцы его аргамака.

— Первый начальный, Пароентій Табалинъ! Прими у Ларьки кречета «Холмогора» и поднеси ко мнѣ! крикнулъ Хомяковъ.

И когда кречетъ былъ поданъ, подсокольничій, прежде чѣмъ

принять его, перекрестился, взялъ его отъ начальнаго, съ рукавицы на рукавицу, «премудровато и образцовато», и передалъ его Матюшкину, который сталъ близь великаго государя и держалъ кречета «честно, явно, предъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей».

Государь принялъ кречета отъ Матюшкина тѣмъ же порядкомъ, и когда принялъ — заиграли трубы, забили и зазвенѣли бубны сокольничьи, сокольники мигомъ вскочили на коней и двинулись вслѣдъ за государемъ и его приближенными. Началась «славная и красная птичья потѣха государева».

XVII.

Уже завечерѣло и раннія сентябрьскія сумерки стали спускаться надъ Томиловымъ логомъ, когда великій государь вернулся со своею свитою и со всею своею охотою къ шатру, раскинутому на полянкѣ. За государемъ везли богатую добычу: десятковъ пять чирятъ и утокъ, десятокъ гусей, 3 лебедя, 2 гагары и цаплю. Послѣднія три птицы были добыты «Холмогоромъ», который всѣхъ изумилъ быстротою полета, вѣрностью глаза и необычайною силою удара. Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ томъ блаженномъ состояніи, которое знакомо только страстнымъ охотникамъ: онъ былъ совершенно удовлетворенъ, онъ былъ счастливъ и доволенъ всѣми, онъ былъ всѣмъ признателенъ и благодаренъ, онъ гордился своею охотою, которая, дѣйствительно, выказала себя блистательно.

Во время всего пути, царь говорилъ то съ Морозовымъ, то съ Ромодановскимъ, вспоминая различные эпизоды охоты, и сравнивалъ силу и рѣзвость одной птицы съ другою. Подъѣхавъ къ шатру и спѣшившись, государь вошелъ въ шатеръ и, съ видимымъ удовольствіемъ опустившись въ креслѣ, продолжалъ окружающимъ разсказывать объ охотѣ, хвалился богатою добычею своихъ ловчихъ птицъ и вспоминалъ о томъ, что̀ его особенно поразило.

— Помнишь, князь Григорій Өедоровичъ, какъ кречетъ дикомытъ Булатъ, что Андрюшка Кельинъ держитъ, дикаго коршака поутру добывалъ?

— Какъ не помнить, государь! Подивился я не мало: большого верха ему и взять не далъ, въ среднемъ верху его добылъ, и добывалъ добрѣ добро.

— Ну, а все же, великій государь! вступился Морозовъ, зная чѣмъ угодить царю, — все же всѣ твои кречеты противъ твоего любимаго кречета «Холмогора» мѣрой не вышли...

— Да! Точно! Вѣрно ты говоришь, Борисъ Ивановичъ! Какъ онъ сегодня-то цаплю добывалъ, князья и бояре,—оживленно и весело обратился царь къ окружающей свитѣ, не принимавшей участія въ охотѣ, — такъ у меня даже духъ захватило! Всѣ за нимъ скачемъ, всѣ вверхъ смотримъ, и забыли даже, куда скачемъ! Кабы моего аргамака ты не ухватилъ подъ уздцы, Аѳанасій Ивановичъ, я бы съ кручи въ рѣку сверзился! Да вѣдь какъ же и добывалъ-то онъ: ставокъ было съ 70, а добывалъ добрѣ опасно и памятно, и ставки велъ крутыя.

— Кабы не круты были ставки, великій государь, замѣтилъ Матюшкинъ,—не сдобровать бы «Холмогору». Вѣдь съ цаплей плохія шутки!.. Изволишь помнить, какъ въ запрошломъ году твой любимый кречетъ на цаплю напоролся?..

— Какъ не помнить? Ткнулся грудью о клювъ ея съ размаха, да на землю и рухнулъ мертвый... А гдѣ же тотъ молодецъ, что «Холмогора» носитъ? Позвать его сюда... Хочу ему сказать спасибо. Я думалъ, что его и костей не соберутъ! Какъ осадили мы на кручѣ—смотримъ: онъ прямо въ рѣку и съ конемъ махнулъ, вплавь переплылъ, да и пошелъ чесать за кречетомъ!..

— Кабы не онъ, такъ кречетъ съ цаплей бы упалъ невѣдомо куда! Ужь точно молодецъ! замѣтилъ Ромодановскій.

Въ это время Хомяковъ вошелъ въ шатеръ, а за нимъ слѣдомъ и Ларюшка съ «Холмогоромъ» на рукавицѣ. И кречатникъ, и кречетъ—герои дня—обратили на себя общее вниманіе. Всѣ замѣтили, что и охотникъ, и птица были страшно утомлены. На Ларюшкѣ и кафтанъ былъ порванъ и забрызганъ грязью; а его русыя кудри мокрыми прядями липли ко лбу и къ щекамъ, по которымъ обильно струился потъ крупными каплями.

— Ларька Омельяновъ! ласково и съ веселою улыбкою произнесъ царь, обращаясь къ кречатнику, — ты намъ, великому государю, сегодня своею усердною службою угодилъ, и мы приказали тебя пожаловать платьемъ и прибавкою къ денежному жалованью. А чтобы всѣмъ была памятна безмѣрно славная и хвальная кречатья добыча кречета «Холмогора», то мы и его не обойдемъ своею милостью. Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тебѣ съ моей руки рубиновый перстень — возьми его и прикажи надѣть «Холмогору» на правую лапу и носить ему тотъ перстень не снимая.

И царь подалъ Матюшкину драгоцѣнный свой перстень съ крупнымъ рубиномъ, присланнымъ въ подарокъ отъ шаха Персидскаго.

Ларюшка, за себя и за «Холмогора», ударилъ государю земной поклонъ и вышелъ изъ шатра.

— Спасибо и тебѣ, братъ! обратился государь къ Матюшкину.— Вижу, что ты заботишься о чести и повышеніи нашей государевой птичьей охоты. Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ, и всѣмъ начальнымъ и рядовымъ сокольникамъ — тоже отъ меня скажите: да угостить ихъ на славу! А теперь, Борисъ Ивановичъ, пора и къ дому подвигаться; да проси же всѣхъ, кто на охотѣ былъ со мною, за нами во дворецъ, къ столу нашему государскому.

И царь, привѣтливо улыбаясь вышелъ изъ шатра на полянку, гдѣ уже ожидала его колымага, присланная изъ села Коломенскаго.

XVIII.

Съ этого дня положеніе Ларюшки на Потѣшномъ дворѣ упрочилось настолько, что Парѳентій Яковлевичъ безъ него не дѣлалъ ни шагу, и прямо говорилъ ему:

— Ну, Омельяновъ, какъ помирать буду, на тебя указывать стану, чтобы тебя въ начальные на мое мѣсто подняли. Ты нашу науку въ конецъ произошелъ —не хуже меня разумѣешь.

Такъ минулъ и еще годъ — какъ вдругъ нежданно-негаданно на Ларюшку стряслась бѣда. На одной изъ первыхъ весеннихъ охотъ, въ то время, когда кречатники въ Тверскихъ поляхъ подъ Москвою разминали птицъ, нѣсколько отяжелѣвшихъ отъ зимняго сидѣнья, — вдругъ поднялся сильный вихрь. Ларюшка, который только-что спустилъ «Холмогора» на стадо дикихъ голубей — съ ужасомъ увидѣлъ, какъ его подхватило вихремъ, откинуло въ бокъ и низомъ понесло на Владимірку. Напрасно трубилъ и свистѣлъ онъ кречету, напрасно вабилъ его — свистъ вѣтра заглушалъ эти звуки; напрасно мчался онъ за нимъ, какъ угорѣлый, перескакивая черезъ рытвины, черезъ пни и кочки—«Холмогора», на глазахъ у него, унесло вихремъ за лѣсъ, который сплошною стѣною сталъ кречатнику поперекъ дороги.

Часъ спустя, весь Потѣшный дворъ былъ на ногахъ, во всѣ стороны разосланы были гонцы и сокольники; а Ларюшка, по приказу Хомякова, былъ запертъ на замокъ въ темномъ чуланѣ.

— Жаль мнѣ парня-то! говорилъ Хомяковъ совершенно растерявшемуся Табалину: — во-какъ жаль его! Коли часа черезъ два не найдется кречетъ — Аѳанасій Ивановичъ къ государю поѣдетъ: доложить ему нужно о нашей бѣдѣ!

— Бѣда, да не одна, Петръ Семеновичъ! Вѣдь у кречета на лапѣ-то перстень царскій съ камнемъ многоцвѣтнымъ! Ты самъ посуди; кто бы ни нашелъ птицу - ни въ жизнь ее не воротитъ. Ей свернетъ голову, а перстень-то за пазуху!.. Вотъ бѣда-то!

— Я о перстнѣ и думать забылъ! съ досадою сказалъ Хомяковъ. — Да великому-то государю тотъ кречетъ перстня дороже: — а за кречета, знаю, что не похвалитъ онъ насъ! Всѣмъ достанется — и Ларькѣ не сдобровать!

— Да за что же, батюшка, Петръ Семеновичъ! Вѣдь вихремъ отнесло; всѣ мы видѣли... Въ прошломъ году вонъ и съ самимъ государемъ то же на охотѣ было: Михѣева «Дураса» при немъ вѣтромъ откинуло. Только ужъ три недѣли спустя сысканъ да принесенъ былъ.

— Да то «Дурасъ», а то «Холмогоръ»!.. За «Дураса» посулилъ государь Михѣева батожьемъ угостить, да на посулѣ и осталось. А за «Холмогора» онъ, подъ сердитую руку — пожалуй Ларьку на соболиную ловлю отправитъ?

— Охъ, грѣхи тяжкіе! сокрушался Табалинъ, жалѣя о своемъ любимцѣ.

Ларюшка провелъ въ чуланѣ тяжелую, безсонную ночь. Когда ему удавалось задремать на нѣсколько минутъ ему грезились такіе страхи, что онъ, просыпаясь, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Особенно заботило его то, что пропалъ его дорогой «Холмогоръ» вмѣстѣ съ царскимъ жалованнымъ перстнемъ, и что могли найтись недобрые люди, которые бы на тотъ перстень покорыствовались, и загубили бы кречета, чтобы слѣдъ замести... И чуть только закрывалъ Ларюшка очи, ему тотчасъ представлялось, что передъ нимъ стоитъ Двинскій воевода и свертываетъ голову «Холмогору», приговаривая: «вотъ тебѣ и царскій кречетъ! Вотъ тебѣ и челобитная!» И воевода заливался такимъ хохотомъ, что тряслась и ходенемъ ходила вся его утроба.

Наконецъ, рано утромъ, открыли дневальные сокольники чуланъ, вывели оттуда Ларюшку, и повели въ переднюю избу, гдѣ уже ожидали его Матюшкинъ съ Хомяковымъ и съ начальными.

Ларюшка повалился въ ноги сокольничему, и такъ былъ взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова — только слезы градомъ полились у него изъ глазъ.

Матюшкинъ тоже былъ видимо тронутъ, хоть и старался казаться гнѣвнымъ и строгимъ.

— Рядовой сокольникъ Ларька Омельяновъ! произнесъ онъ громко. — Докладывалъ я вчера великому государю о нашемъ нежданномъ горѣ, и распалился государь на меня великимъ гнѣвомъ, и велѣлъ тебѣ сказать:—если въ двѣ недѣли не отыщешь ты его любимаго кречета и не доставишь его на Потѣшный дворъ здрава и невредима, то велитъ онъ тебя батожьемъ наказать нещадно и отправить обратно на родину, въ городъ Холмогоры. Если же отыщешь, не оставитъ онъ тебя своею милостью, и наградитъ тебя такъ, что ты и не чаешь.

Ларюшка еще разъ поклонился въ ноги Матюшкину и сказалъ твердо:

— Господинъ сокольничій! Коли не сыщу я своего ненагляднаго «Холмогора» — не видать мнѣ болѣе твоихъ очей ясныхъ! Однако, надѣюсь на милость Божію...

И онъ не могъ докончить—опять заплакалъ.

— Мужайся! Да живѣй сбирайся въ путь! Не трать времени попустому... Петръ Семеновичъ! Прикажи Ботвиньеву выдать Ларькѣ охранную грамоту, да пусть возьметъ съ собою коня и запасъ на дорогу... Съ Богомъ!

Ларюшка еще разъ низёхонько поклонился Матюшкину и вышелъ изъ избы, собираться въ дорогу. А Матюшкинъ досадливо махнулъ рукой и сказалъ Хомякову:

— Вѣдь вотъ поди же ты! Стряслась бѣда на самолучшаго сокольника! И вѣдь я его знаю: онъ въ словѣ твердъ... Не найдетъ онъ кречета, — головы на плечахъ не сноситъ! Жаль парня, коли пропадетъ задаромъ... А я было мѣтилъ его нонче въ старшіе рядовые вывести... Крѣпко жаль мнѣ этого помора!

XIX.

Верстахъ въ полутораста отъ Москвы, въ сторонѣ отъ Владимірской дороги, стояло сельцо Терехово и жилъ въ немъ на помѣстьѣ боярскій сынъ Иванъ Θедоровичъ Крюкъ-Колычевъ! Человѣкъ онъ былъ уже старый и на вѣку своемъ много поту за Русскую землю утёръ, много «кровей» своихъ на службѣ царской пролилъ. При покойномъ царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ ходилъ онъ на шведовъ и на ляха, бился и съ татарами, и съ Лисовчиками: а теперь, когда за него на службу поверстаны были его два старшіе сына, Иванъ Θедоровичъ доживалъ вѣкъ въ небольшомъ своемъ помѣстьицѣ и занимался хозяйствомъ.

Жилъ онъ и не шибко, да сытно. Не было у него никакихъ

залишковъ, да за то и нужды ни въ чемъ не было, и никому изъ сосѣдей не приходилось кланяться. Мало того: была у Ивана Ѳедоровича въ усадьбѣ, въ сторонкѣ отъ сада, пасѣчка на хохлацкій образецъ устроена, и въ той пасѣчкѣ бывало у него ульевъ съ полсотни и больше; и всѣ сосѣди той пасѣчкѣ завидовали.—«Никто не умѣетъ такъ за пчелами ходить, какъ «Старый Крюкъ»,—говаривали сосѣди.—«У другихъ улья пусты, а къ нему рой за роемъ такъ и валится! Да никто же и медовъ такихъ варить не умѣетъ, какъ Иванъ Ѳедоровичъ!» И точно: умѣлъ онъ ихъ варить, умѣлъ ставить, и раза два въ годъ онъ угощалъ ими на славу все свое сосѣдство, всѣхъ, съ кѣмъ водилъ знакомство и дружбу.

Въ усадьбѣ у «Стараго Крюка» была и еще одна забава, которой завидовали сосѣдніе помѣщики: — среди двора стояла у него голубятня, и на той голубятнѣ не переводились всякіе голуби: и турмана, и мохноногіе, и козыри, и какъ снѣгъ бѣлые, и разномастные. День-деньской, бывало, воркуютъ да суетятся, да съ крыши на крышу перелетываютъ. Любуется, бывало, ими Иванъ Ѳедоровичъ, сидя на крылечкѣ, посвистываетъ на нихъ, помахивая длинной хворостиной съ тряпицею, чтобы ихъ летать заставить, и не нарадуется, когда они туча-тучей надъ домомъ взмоютъ и кружатъ въ воздухѣ, блестя на солнцѣ крыльями...

И все бы, казалось, не дурно: да была на рукахъ у Ивана Ѳедоровича одна тяжелая, претяжелая забота. Покойная жена его, кромѣ двухъ сыновей, родила ему дочку, да вскорѣ потомъ заболѣла и умерла. Остался Иванъ Ѳедоровичъ старымъ вдовцомъ съ маленькой дочкой на рукахъ; вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ ее —и выросла дѣвица-красавица. Да вѣдь ужь кто же того не знаетъ, что дочь отцу «въ старости не опора и въ напасти не оборона...» Вотъ потому-то и сокрушался Иванъ Ѳедоровичъ о своей Пашутѣ. Дѣвушка на возрастѣ (съ вешняго Николы двадцатый годъ пошелъ), а жениховъ во всемъ околоткѣ не сыскать:—кто бы и посватался за нее, за того она сама не пойдетъ, а кто получше тѣхъ, тѣ смотрятъ какъ бы взять за себя не жену добрую, а приданое богатое... Вотъ и сидитъ, и горюетъ частенько Иванъ Ѳедоровичъ, и не знаетъ, какъ ему быть со своей заботой: шутка-ли на старости усмотрѣть за молодой дѣвушкой, уберечь ее отъ всякой напасти, да еще и о томъ подумать, какъ бы ее позабавить, порадовать — уму-разуму ее научить?

Такъ-то разъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ крылечкѣ Иванъ Ѳедоровичъ, да посматривалъ на свою голубятню, между тѣмъ какъ

Пашута въ сторонѣ, съ двумя крестьянскими бабами, доила коровъ подъ навѣсомъ и молоко процѣживала. Голуби кружилися надъ дворомъ и перелетывали съ крыши на крышу.

Вдругъ случилось что-то странное, совсѣмъ необычайное и невиданное! Голуби, однимъ махомъ, взмыли всею стаею въ сторону, и пугливо бросились подъ крыши, подъ навѣсы, подъ кровельку крылечка... Въ ту же минуту на крышу голубятни тяжело шлепнулся, распластавъ крылья, бѣлый мохноногій голубь, съ перебитымъ крыломъ и окровавленной шеей; онъ еще трепеталъ и помахивалъ однимъ крылышкомъ, но ужь не могъ поднять головы.

Иванъ Өедоровичъ вскочилъ разомъ на ноги, глянулъ вверхъ въ изумленіи, и видитъ, что на крышу голубятни, плавно и мѣрно взмахивая крыльями, спускается какая-то большая птица... Спускается,— и, на-лету, ровно въ колокольчикъ серебряный звенитъ... Иванъ Өедоровичъ глазамъ не вѣритъ— прислушивается и присматривается; а птица все такъ же плавно спускается прямо на голубятню. Спустилась, сѣла на побитаго голубя и принялась его свѣжевать.

Тутъ ужь Иванъ Өедоровичъ не вытерпѣлъ —закричалъ во весь голосъ:

— Пашута, Пашута! Ступай сюда скорѣй! Смотри, что это за птица невиданная! Ни вѣсть отколь налетѣла —терзаетъ на крышѣ голубя!..

А самъ ужь и за камень ухватился, хочетъ непрошенаго гостя камнемъ попотчивать. Да подбѣжала Пашута съ бабами— и съ двухъ сторонъ Ивана Өедоровича ухватили за руки.

— Батюшка! не тронь этой диковинной птицы —глянько, глянь, что у ней подъ крыломъ-то блеститъ!

— Гдѣ блеститъ! что вы, бабы, путаете?

— Да вонъ же, вонъ! Подъ правымъ крыломъ словно красный огонекъ, либо уголь горитъ!

«Старый Крюкъ» сталъ всматриваться, и видитъ — точно! Пониже крыла, на лапѣ у птицы горитъ что-то, и на солнцѣ огнемъ краснымъ переливается, искрами сыплетъ... Обомлѣлъ Иванъ Өедоровичъ не меньше бабъ: то на птицу посмотритъ, то на Пашуту свою. А бабы-то крестятся, да про себя твердятъ:

— Съ нами крестная сила! Пронеси навожденіе, Господи! Еще птица-то крышу бы не спалила!

И между тѣмъ, какъ бабы, Пашута и Иванъ Өедоровичъ смотрятъ съ крылечка на диковинную птицу, та преспокойно продолжаетъ свѣжевать голубя —свѣжуетъ его не торопясь, не обращая

на людей ни малѣйшаго вниманія. и величаво поводя по сторонамъ своими большими зоркими очами. Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ глядѣлъ, глядѣлъ на птицу, да и плюнулъ.

— Дуракъ я, дуракъ! Чего я всполошился. да и васъ-то всѣхъ напугалъ! Да вѣдь это соколъ, либо кречетъ! Залетѣлъ сюда ненарокомъ—отъ чьей-нибудь боярской охоты отбился!

— Чтой-то ты, батюшка. Иванъ Ѳедоровичъ. вздумалъ? отозвалась одна изъ бабъ.—Какой-же это соколъ—это, смотри, не жаръ-птица-ли? Развѣ у сокола такъ подъ крыломъ можетъ горѣть?

— Охъ. не къ добру — не къ добру, батюшка! заголосила другая баба.

Пашута пугливо прижалась къ отцу.

— Подите прочь! Еще голосить вздумали! Ну васъ! Что у него на лапѣ надѣто — не знаю: а что это соколъ—да еще ручной — такъ это вѣрно. Видишь, Пашута: терзаетъ онъ голубя у насъ на глазахъ и ничуть не боится. Ихъ вѣдь и все голубятиной кормятъ.

Покончивъ съ голубемъ. птица, которую бабы принимали за «навожденіе». почистила клювъ лапой, встрепенулась. и съ крыши голубятни перелетѣла къ слуховому окну на вышкѣ дома. сѣла на краешкѣ его, какъ на нашести, нахохлилась и стала дремать.

— Постой! Теперь ты отъ меня не уйдешь! сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, вздѣвая на хворостину обручъ съ сѣткой. —Теперь я тебя изловлю, и коли явится ко мнѣ твой хозяинъ. я тебя безъ выкупа не выпущу.

И «Старый Крюкъ» полѣзъ на крышу. загородилъ сѣткой слуховое окно, и спустившись обратно, шепнулъ Пашутѣ:

— Что они врутъ. дуры-бабы, — не къ добру? Знать позабыли, что въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ дѣвичникъ. поется:

«Прилеталъ младъ ясёнъ соколъ,
«Садился къ дѣвицѣ на причилинку.
«На косящато на окошечко».

— Ну, да! такъ и есть! смѣясь. отозвалась Пашута. — тебѣ, батюшка, всюду женихи грезятся!

XX.

Бываетъ и сонъ въ руку. и примѣта кстати. Не прошло и сутокъ съ той поры, какъ «Старый Крюкъ» захватилъ у себя на вышкѣ диковинную птицу съ серебрянымъ колокольцемъ на хвостѣ и съ дорогимъ перстнемъ на лапѣ, какъ явился въ село Терехово нежданный гость. Иванъ Ѳедоровичъ ворочался съ поля. сидя вер-

хомъ на своемъ «Гнѣдкѣ», впряженномъ въ соху, а за нимъ ѣхали трое его батраковъ на другихъ лошадяхъ съ другими сохами — и видитъ, что съ другой стороны подъѣзжаетъ къ воротамъ его усадьбы какой-то конный. Подъѣхавши ближе, Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ высокаго и статнаго парня, въ синемъ суконномъ кафтанѣ и островерхой кожаной шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались его густыя русыя кудри. Парень стоялъ у воротъ усадьбы, опершись о луку сѣдла, и разговаривалъ съ Пашутой.

Когда Иванъ Ѳедоровичъ подъѣхалъ къ воротамъ, парень снялъ шапку и низенько ему поклонился; а Пашута, раскраснѣвшись, подбѣжала къ отцу и скороговоркой проговорила:

— Батюшка, вотъ проѣзжій переночевать у насъ просится. — Пусти его!

А сама юркнула въ калитку и была такова.

«Старый Крюкъ» оглядѣлъ проѣзжаго внимательно, и спросилъ его опасливо:

— Откуда будешь, добрый молодецъ? Дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

— Съ Москвы ѣду — по дѣлу государеву, отвѣчалъ парень. — Прошу, не пустишь-ли меня переночевать?

— Какъ царскому слугѣ въ ночлегѣ отказать! Милости просимъ! Коли я и допрашивалъ тебя, такъ вѣдь потому, что у насъ въ сторонѣ есть и недобрые люди... Эй! возьмите коня гостинова!

И «Старый Крюкъ» ввелъ гостя въ свой домъ.

— А какъ будетъ твое святое имячко?

— Ларіономъ зовутъ; а слыву Омельяновымъ. — А служу въ сокольникахъ государевыхъ.

Иванъ Ѳедоровичъ такъ и вскинулъ на него глазами, и чуть-чуть удержался, чтобы не разсказать ему о вчерашней своей удачѣ.

— Въ сокольникахъ? переспросилъ онъ гостя. — Хм! А смѣю спросить — за какимъ-же это ты дѣломъ ѣдешь?

Ларюшка посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича и сказалъ съ грустью:

— Лучше и не спрашивай — не вереди напрасно моей раны...

Иванъ Ѳедоровичъ только хотѣлъ было гостя подробнѣе допросить, какъ изъ сосѣдней комнаты дверь скрипнула, и вошла Пашута, а за ней слѣдомъ дворовая дѣвка — принесли и поставили на столъ ужинъ.

— Вотъ и дочка моя! — Ларіонъ... какъ бишь тебя по батюшкѣ величать?

— Яковлевъ! Да ты ужь зови меня просто Ларіономъ... Не заслужилъ я еще, чтобы меня по изотчеству величать!

— Такъ вотъ. Ларіонъ Яковлевичъ! Видишь ты, какая у меня хозяйка молодая, да недогадливая, продолжалъ Иванъ Өедоровичъ, указывая на дочку. — Ужинать-то намъ дала, а меду не принесла; а вѣдь сама знаетъ, что такихъ медовъ какъ у «Стараго Крюка», на сто верстъ въ околоткѣ нѣтъ!

Пашута, и безъ того ужъ раскраснѣвшаяся, зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, и побѣжала въ погребъ за медомъ. Только тогда, когда она вернулась обратно съ большимъ жбаномъ ароматнаго меда и съ двумя оловянными стопками, Иванъ Өедоровичъ замѣтилъ, что дочка его была «даже очень догадлива»... Она успѣла для гостя и принарядиться, и ожерельице на шею надѣть, и ленту новую въ косу вплести.

За медомъ бесѣда пошла поскладнѣе и поровнѣе. У добраго молодца языкъ развязался и онъ подъ-рядъ, безъ всякой утайки, разсказалъ Ивану Өедоровичу всю свою жизнь. Разсказалъ, какимъ великимъ счастіемъ, не по заслугамъ, взыскалъ его Богъ, и какимъ жестокимъ испытаніемъ посѣтилъ. Свой простой, чистосердечный разсказъ онъ заключилъ словами:

— Ты спрашивалъ, за какимъ дѣломъ я ѣду! Такъ вотъ теперь я тебѣ и скажу на чистоту: за своей головой ѣду! Коли сыщу кречета царскаго — живъ буду; не сыщу — не сношу на плечахъ головушки! Не понесу ее на позоръ да на посмѣхъ своей-же братьѣ-сокольникамъ...

— Не ладное говоришь, Ларіонъ Яковлевичъ! Наша голова намъ не игрушка! Срокъ у тебя есть — поищешь, авось и найдешь кречета...

Ларюшка ничего не сказалъ — только голову повѣсилъ... Онъ уже десять дней искалъ своего «Холмогора», уже полтораста верстъ отъ Москвы отъѣхалъ, вездѣ по пути о немъ разспрашивалъ, и нигдѣ о царскомъ любимомъ кречетѣ не было ни слуху, ни духу.

Иванъ Өедоровичъ, тѣмъ временемъ, налилъ еще меду въ обѣ стопки и спросилъ у Ларюшки, плутовато прищуривъ глаза:

— Чай ты, добрый молодецъ, ничего-бы не пожалѣлъ для того человѣка, кто-бы тебѣ царскую птицу вернулъ? Небось отцомъ-бы роднымъ его назвалъ?

— Въ кабалу-бы пошелъ вѣковѣчную! Работалъ-бы на него всю жизнь до смертнаго часа.

— И крестъ на своемъ словѣ поцѣлуешь? сказалъ «Старый Крюкъ», пристально вглядываясь въ парня.

Ларюшка вдругъ вскочилъ со своего мѣста и впился глазами въ своего собесѣдника.

— Ты вѣрно знаешь, гдѣ мой «Холмогоръ»! воскликнулъ онъ, внѣ себя отъ радости и волненія.

«Крюкъ» нахмурился и посмотрѣлъ на парня исподлобья:

— А ты вѣрно ужъ и спятиться со своего слова хочешь?

— Я-то?!. Отецъ родной! Да вотъ тебѣ Богъ свидѣтель! А вотъ тебѣ и крестъ святой цѣлую, что если ты мнѣ укажешь, гдѣ мнѣ искать царскаго кречета... если ты меня на слѣдъ наведешь... Я тебѣ на себя кабальную запись выдамъ!

И Ларюшка, вытащивъ крестъ изъ-за пазухи, набожно перекрестился и трижды его поцѣловалъ.

Иванъ Өедоровичъ медленно поднялся со своего мѣста, подошелъ къ двери въ смежную комнату, пріотворилъ ее и крикнулъ:

— Эй, Пашута, ступай сюда!

Пашута переступила черезъ порогъ и остановилась, видя, что отецъ ея стоитъ среди комнаты, а гость около стола — и въ великомъ смущеніи.

— Ну, Ларіонъ Яковлевичъ, мнѣ съ тебя теперь кабальной записи не брать, — ты мнѣ крестъ цѣловалъ, что ее выдашь; только ужъ такъ, для порядка, повтори еще разъ, при моей дочкѣ, въ чемъ ты мнѣ запоручаешься.

Ларюшка повторилъ все, что ужъ прежде сказалъ, отъ слова до слова, — повторилъ и клятву свою, помянулъ и о крестоцѣлованіи.

— Такъ слышишь, Пашута! Если я укажу этому молодцу, гдѣ ему искать царскаго кречета или только на слѣдъ его наведу, такъ онъ долженъ быть въ моемъ домѣ вѣковѣчнымъ кабальнымъ работникомъ до послѣдняго смертнаго часа! Хотя-бы Богъ послалъ по мою душу грѣшную, Ларіонъ Омельяновъ долженъ будетъ у тебя кабалу нести, и на тебя весь свой вѣкъ работать...

Пашута ничего не понимала. Она поглядывала то на отца, то на русоволосаго заѣзжаго молодца, и пришла къ тому убѣжденію, что вѣрно имъ обоимъ старый стоялый медъ забрался въ голову и тамъ въ ней бродитъ-ходитъ.

— Да ты что посматриваешь? Думаешь я шутки шучу? Или, можетъ, что охмѣлѣлъ отъ меду? Ну, такъ вотъ-же тебѣ мой приказъ: веди добраго молодца на вышку, гдѣ у меня сидитъ пойманный кречетъ съ серебрянымъ колокольцемъ да съ драгоцѣннымъ перстнемъ.

Ларюшка, какъ услышалъ эти слова, такъ и взмолился къ Пашутѣ:

— Веди, веди меня къ нему, красная дѣвица! Спасай мою буйную головушку отъ бѣды неминучей!

XXI.

Какъ обрадовался Ла̀рюшка, когда принялъ отъ Пашуты своего «Холмогора» цѣлымъ и невредимымъ, когда ощупалъ на лапѣ его и завѣтный царскій перстень — объ этомъ мы и говорить не станемъ. Ла̀рюшкѣ казалось, что онъ, послѣ долгой ночи, впервые увидѣлъ свѣтъ, впервые свѣжимъ воздухомъ вздохнулъ... Онъ,

Ла̀рюшка, бережно снялъ «Холмогора» съ вышки, прила̀скалъ, покормилъ изъ своихъ рукъ, а потомъ вынулъ изъ карманы обносцы съ должикомъ, надѣлъ ихъ на лапы кречету, устроилъ ему наскоро нашесть въ комнатѣ и привязалъ его къ нашести на-крѣпко. А затѣмъ и клобучекъ ему на голову надвинулъ: — Сиди молъ здѣсь! Никуда отъ меня не уйдешь!

И тутъ только онъ вздохнулъ полною грудью — тутъ только понялъ, какой бѣды избѣгъ! И опять чуть не въ сотый разъ бросился обнимать Ивана Ѳедоровича...

На другой день рано утромъ сталъ Ла̀рюшка въ дорогу снаряжаться, и видитъ, что «Старый Крюкъ» все на него посматриваетъ, да въ бороду ухмыляется.

— Слышь-ка, ты, Ларіонъ Яковлевичъ! Должно быть ты меня за нехристя, али за бусурмана вмѣняешь?

— Какъ такъ?

— Такъ неужли-же ты и вправду думаешь, что я тебя въ кабалу возьму и вѣкъ на себя работать заставлю?

Ла̀рюшка посмотрѣлъ на него съ какимъ-то оторопѣлымъ видомъ: онъ рѣшительно ничего понять не могъ.

— И наложилъ-бы я на тебя кабалу, кабы получше тебя зналъ, да зналъ-бы, что тебя точно въ домъ принять можно... Да дѣло-то это... то есть, кабала-то эта не подневольная...

— Какъ не подневольная! воскликнулъ Ла̀рюшка. — Аль не вѣришь мнѣ? Вѣдь я-же тебѣ крестъ цѣловалъ!.. Вотъ только отвезу на Москву кречета, разскажу тамъ какъ было дѣло, да и вернусь къ тебѣ...

— Да не въ тотъ огородъ ты лѣзешь! нетерпѣливо перебилъ его «Старый Крюкъ». — Я тебѣ говорю, что не надо мнѣ твоей кабалы... А вотъ кабы зналъ я, что дочкѣ моей ты пригоденъ будешь, по смерти-то моей... Она вѣдь у меня одна забота... На кого ее-то покину, какъ умирать Богъ велитъ?!.

Ла̀рюшка началъ догадываться...

— Вотъ какъ я о ней-то раздумаюсь, такъ и придетъ мнѣ въ голову... Ну, да что тутъ путать околёсную! съ досадою сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, — лучше я тебѣ напрямикъ скажу... Ты мнѣ приглянулся и сдается мнѣ, что ты добрый человѣкъ. Такъ вотъ, вмѣсто кабалы-то, какъ вернешься въ Москву, да все дѣло государское уладишь да управишь, — да если, примѣрно, задумаешь жениться... Засылай сватовъ, я за тебя дочку отдамъ, коли нѣтъ у тебя другой зазнобы...!

На такую кабалу Ларюшка, конечно, согласился съ радостью.

Ударили они съ Иваномъ Ѳедоровичемъ по рукамъ, и сговорились, что теперь ничего Пашутѣ не скажутъ, а только по осени, послѣ осенней охоты, Ла̀рюшка отпросится у подсокольничаго и пріѣдетъ къ Ивану Ѳедоровичу на побывку, — да тогда ужь, не мѣшкая, веселымъ пиркомъ и за свадебку. И еще разъ Иванъ

Ѳедоровичъ этотъ уговоръ съ Ла̀рюшкой стопо̀й меду запилъ — и когда Пашута имъ тотъ медъ съ погреба принесла, «Старый Крюкъ» все только на нее посматривалъ да посмѣивался, да на Ла̀рюшку головой кивалъ.

Будущій тесть съ будущимъ зятемъ еще не успѣли и стопокъ своихъ допить, какъ вбѣжалъ въ комнату босоногій мальчишка и крикнулъ во все горло:

— Батюшка, Иванъ Ѳедоровичъ! Къ тебѣ кто-то на пяти подводахъ отъ города ѣдетъ... Да на подводахъ-то люди съ ружьями!..

За мальчишкой прибѣжали бабы, потомъ Пашута — перепуганныя. Всѣ кричали, что ѣдутъ въ гору по дорогѣ къ усадьбѣ вооруженные люди...

— Прости Господи! Ужь не разбойники-ли?

— Не приказные-ли съ дьякомъ? сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.— Эти подчасъ хуже разбойниковъ. Пойти посмотрѣть.

И выйдя съ Ла̀рюшкой на крылечко, Крюкъ глянулъ на дорогу и увидѣлъ, что дѣйствительно къ воротамъ околицы подъѣхало пять подводъ; что на двухъ переднихъ сидятъ человѣкъ десять городовыхъ стрѣльцовъ, а на трехъ заднихъ онъ узналъ переяславскаго воеводу. дьяка его, Оболдуя Хапилова, и нѣсколькихъ знакомыхъ посадскихъ. Остальные люди были ему совершенно неизвѣстны. Крюкъ немедленно отправилъ людей отворить ворота; а самъ сошелъ съ крыльца, въ ожиданіи непрошеныхъ гостей.

Какъ только воевода вступилъ во дворъ, такъ тотчасъ обратился къ дьяку и сказалъ громко:

— Возьми стрѣльцовъ и разставь ихъ кругомъ дома. Чтобы муха отсюда не вылетѣла! Какъ ихъ разставишь по мѣстамъ, поспѣшай самъ сюда. А вы, понятые, за мною...

— Господинъ воевода? обратился «Старый Крюкъ» съ вопросомъ. — Дозволь тебя спросить — чѣмъ я такую напасть заслужилъ, что ты на меня какъ на вора, съ понятыми да съ дреколіемъ пожаловалъ?

— А вотъ сейчасъ узнаешь. зачѣмъ я пожаловалъ! сурово отозвался воевода. — Вотъ какъ скрутимъ мы тебѣ руки за спину да посадимъ на телѣгу, такъ узнаешь... Потому ты царской волѣ учиняешься ослушникъ.

— Я-то? Когда-же? въ чемъ?

— Да ты полно, не отнѣкивайся! Все равно весь домъ у тебя вверхъ дномъ поверну — все обыщу!

— Да въ чемъ-же? Въ чемъ! Объяви вину мою!

— Довѣдался я вчера, отъ твоихъ-же людей, что у тебя царская ловчая птица объявилась, и что ты ее укрыть осмѣлился — и мнѣ не донесъ! А у насъ еще на прошлой недѣлѣ грамота съ Потѣшнаго двора государева прислана, чтобы гдѣ въ нашихъ мѣстахъ залетный царскій кречетъ объявится — немедля его на Москву доставить...

— А какъ-же я могъ знать господинъ воевода, какая у тебя грамота въ твоей дьячей избѣ получена?..

— Чего тутъ еще разговаривать... Показывай, гдѣ ты птицу государеву дѣвалъ?.. Подай ее сюда! кричалъ и горячился воевода.

— Опоздать твоя милость изволилъ! насмѣшливо кланяясь, сказалъ «Старый Крюкъ».—Я ту самую птицу изъ полы въ полу государеву кречатнику передалъ, который по тоё птицу присланъ.

— Еще что выдумалъ? Гдѣ ему тутъ быть! Кабы онъ сюда заѣхалъ, такъ ко мнѣ-бы прежде заявиться долженъ!.. А безъ меня — ни-ни!

— А вотъ онъ и самъ тебѣ на-лицо! сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, указывая на Ларюшку.—Самъ и въ отвѣтѣ.

— Стану я его отвѣтовъ слушать! Вяжи и его, и въ городъ!.. Въ приказной избѣ разберемъ.

— Нѣтъ, постой господинъ воевода! смѣло молвилъ Ларюшка, выступая впередъ и отстраняя понятыхъ рукою. -Аль тебѣ не вѣдомо, что въ нашихъ сокольничьихъ грамотахъ сказано: «сокольниковъ и кречатниковъ государевыхъ ни воеводы, ни намѣстники, ни тіуны ихъ ни въ какихъ дѣлахъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и вобчихъ дѣлъ...» «А кому будетъ на нихъ чего искати - ино ихъ судитъ самъ великій государь или его сокольничій...»

Воевода хотѣлъ было возражать; но дьякъ, который разслышалъ слова кречатника государева, шепнулъ на ухо воеводѣ:

— Это онъ правильно!.. И у нашихъ переяславскихъ сокольниковъ то же въ грамотахъ значится...

Тогда воевода понизилъ голосъ, и спросилъ Ларюшку:

— Да ты кто же такой будешь?

— Я тотъ самый и есть кречатникъ государевъ, который на поиски кречета посланъ... Зовутъ меня Ларькой Омельяновымъ, а коли не вѣришь, такъ я тебѣ прочту и охранную грамоту, которая мнѣ отъ царскаго сокольничаго дана.

И Ларюшка вынулъ изъ-за пазухи грамоту, въ которой было подробно прописано, куда и зачѣмъ онъ отправленъ; а всѣмъ «воеводамъ и инымъ властямъ» вмѣнялось въ обязанность «чинить тому

А Ф Маркса

А Ф Маркса

кречатнику Ларькѣ Омельянову всякое вспоможеніе, давать ему работныхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, и поить и кормить его, и лошади государевой давать кормъ, сѣно и овесъ, и кречету государеву, буде сыщется, давать на прокормъ мясища...» «И какъ поѣдетъ онъ на Москву съ кречетомъ государевымъ, государевы намѣстники по городамъ, и по волостямъ волостели, и ихъ пошлинники, и по мытамъ мытчики, и по рѣкамъ перевощики, и по гатямъ гатовщики, мыта и тамги и явки, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ...»

Воевода въ совершенномъ недоумѣніи посмотрѣлъ на дьяка.

— Оболдуй! Какъ же такъ? Погляди, подлинная-ли у него грамота?

— Подлинная, государь, отвѣчалъ дьякъ, посмотрѣвъ на Ларюшкину грамоту, которую тотъ крѣпко держалъ въ рукахъ.—Писана на александрійскомъ листу, и печать при ней малая государева изъ краснаго воску, на снурку.

— Кажись, и намъ въ нашихъ послушныхъ указахъ, кречатникъ, что на поиски посланъ, не Омельяновымъ-ли названъ?

— Такъ точно—Ларькой Омельяновымъ! сказалъ дьякъ, заглянувъ въ какую-то бумагу.

— Ну, такъ намъ теперь надо еще только посмотрѣть, вѣрны-ли примѣты царской птицы. А ну-ка, господинъ кречатникъ, вынеси ее къ намъ сюда!

Ларюшка вынесъ на крыльцо «Холмогора», и дьякъ съ воеводою подробно осмотрѣли опись примѣтамъ государева кречета. Дьякъ читалъ въ грамотѣ примѣты, а воевода оглядывалъ птицу и поддакивалъ.

— Кречетъ цвѣтомъ красенъ, читалъ дьякъ, а крылья у него подкрасны...

— Такъ, такъ, подкрасны...

— Спина и хлупъ темнокрасные: на папоркахъ перья бурнастыя...

— Такъ, точно такъ—бурнастыя...

— Хвостъ бурнастый же съ малой проглинностью...

— Вѣрно!—Съ проглинностью...

— На правой лапѣ перстень съ руки государевой, а въ гнѣздѣ у перстня камень самоцвѣтный, красный, самый добрый...

— Съ руки государевой!! Такъ!.. Ахъ Господи ты Боже, отецъ нашъ! заговорилъ скороговоркою воевода, и шапку передъ перстнемъ государевымъ снялъ, и птицѣ государевой низкій поклонъ отвѣсилъ.

Затѣмъ и дьякъ, и всѣ понятые по поклону же ударили.

— Ну господинъ кречатникъ, обратился воевода къ Ларюшкѣ ужъ совсѣмъ ласково, — прощенья просимъ, что потревожили. Изъ усердія, ей, ей, только изъ усердія... Оболдуй, ступай, сними стрѣлецкій караулъ!.. Ей-Богу изъ усердія, потому государево дѣло — прежде всего! А тутъ слышу — государева птица къ Крюкъ-Колычеву на голубятню опуститься изволила, а онъ будто бы укрылъ ее... Ну, вотъ я и поспѣшилъ, по горячему слѣду... Прощенья просимъ, Иванъ Ѳедорычъ...

«Старый Крюкъ» только плечами пожалъ и отвернулся отъ него.

— Дьякъ, сажай понятыхъ на подводы, а пятерыхъ стрѣльцовъ оставь господину кречатнику для охраны государевой птицы... А ты когда же къ Москвѣ двинешься?

— Да вотъ, кабы ты не задержалъ, такъ я бы ужъ и на пути былъ...

— Да вѣдь пойми же ты, господинъ кречатникъ, что я это впрямь отъ усердія... Такъ я тебѣ сейчасъ изъ города и подводы пришлю съ проводниками, и запасцу на дорогу... Чай не обезсудишь?..

И воевода, видимо смущенный, поспѣшилъ удалиться къ своимъ подводамъ, живо вскочилъ на переднюю и во всю прыть помчалъ къ городу.

XXII.

Минуло съ полгода послѣ описанныхъ нами событій. Крещенскіе морозы стояли на дворѣ и гулко постукивали въ углы и стѣны московскихъ домовъ, занесенныхъ снѣгомъ, а красноватые лучи зимняго солнца рисовали причудливые узоры на слюдяныхъ окнахъ, затянутыхъ сплошнымъ покровомъ заледенѣвшаго инея.

Въ одинъ изъ этихъ морозныхъ зимнихъ дней, Петръ Семеновичъ Хомяковъ засталъ Матюшкина за чтеніемъ только-что полученнаго царскаго письма и въ очень веселомъ расположеніи духа.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, Матюшкинъ сказалъ Хомякову:

— Государь, изволишь видѣть, пишетъ мнѣ, что самъ хочетъ прибыть къ намъ на Потѣшный дворъ, какъ мы Ларьку Омельянова изъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ въ начальные жаловать будемъ. Самъ хочетъ все благочиніе и словочестіе сокольничья чина видѣть... Такъ ты все приготовь, смотри, да уряди къ воскресенью.

— Будетъ готово,—сказалъ съ видимымъ удовольствіемъ Хомя-

ковъ.—Это вѣдь всѣмъ намъ праздникъ! И Богу слава, и Омельянову—честь и хвала.

— Да ужъ истинно Богу слава!.. Вѣдь какая вдругъ было на него бѣда стряслась! И точно, что дивны дѣла Господни:—десять дней кречетъ въ лѣсахъ пропадалъ, да по дорогѣ Володимерской носился, за полтораста верстъ отъ Москвы отлетѣлъ, и таки нужно ему было въ тотъ самый домъ спуститься, въ который черезъ сутки и Омельяновъ толкнулся!..

— На добрыхъ людей напалъ! Да ты, чай, слышалъ, Аѳанасій Ивановичъ, что онъ тамъ не одного кречета нашелъ, а съ кречетомъ на одной нашести и лебедь бѣлую, чернобровую...

— Слышалъ, слышалъ, какъ-же! Вотъ послѣ обряда, какъ будетъ онъ ужъ начальнымъ сокольникомъ, просится, чтобы я отпустилъ его на побывку,—тамъ свадьбу играть хочетъ. Ну, да дай Богъ ему счастья—онъ малый путный!

— Ужь какъ не путный! Не даромъ же великій государь для него и пятую статью на Потѣшномъ дворѣ учинилъ, чтобы его пятымъ начальнымъ сокольникомъ сдѣлать, и никого въ завистъ не ввести.

Въ ближайшее воскресенье, весь Потѣшный дворъ принялъ торжественный и праздничный видъ. Всѣ до послѣдняго сокольника, вырядились въ большой сокольничій нарядъ. Изъ казны были выданы самые дорогіе птичьи наряды и для тѣхъ птицъ, которыя должны были принять участіе въ обрядѣ «благочинія и славочестія, начальныхъ людей сокольнаго пути»,—щегольскія *вотолки, нагрудники* и *нахвостники* изъ атласа, расшитаго золотомъ и жемчугомъ и бархатные *клобучки*, осыпанные яхонтовыми искрами, были въ величайшемъ порядкѣ разложены на столѣ, около того мѣста, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе торжества. Приняты были мѣры для украшенія всего дома, въ которомъ жилъ Хомяковъ, и гдѣ обыкновенно происходили всякія сокольничьи празднества. Не только «передняя изба», но и заднія хоромы въ домѣ Хомякова были устланы по полу и увѣшаны по стѣнамъ дорогими персидскими и бухарскими коврами, а повыше ковровъ обиты яркими нѣмецкими и англійскими цвѣтными сукнами.

Въ самомъ видномъ мѣстѣ передней избы, въ красномъ углу, разостланъ былъ золотой коверъ диковатый, а на коверъ положено «зголовье полосатое бархатное: а пухъ въ немъ изъ дикихъ утокъ». Противъ этого мѣста, уготованнаго для государя, были поставлены четыре нарядныхъ «*стула*» *) для птицъ, а между стуловъ было

*) «Стулъ»—стоянецъ съ нашестью для птицы.

устроено *поляново*, т. е. настлано сѣно и покрыто богатою попоною. На этомъ мѣстѣ, символически изображавшемъ отъѣзжее поле и долженъ былъ происходить весь обрядъ «наряжанія» нововыборнаго начальнаго сокольника.

На первый стулъ Хомяковъ приказалъ посадить кречета, уже извѣстнаго намъ «Холмогора»; на второй—челига кречатья; на третій—сокола; на четвертый—челига соколья.

Позади этого мѣста былъ поставленъ столъ, покрытый ковромъ, и на немъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ начальными сокольниками размѣстилъ и урядилъ «птичьи наряды» для птицъ нововыборнаго и его собственные наряды.

Начальные сокольники были собраны около стола съ нарядами; а всѣ остальные, по старшинству, разставлены около стѣнъ, возлѣ лавокъ, направо и налѣво отъ стола, въ нарядныхъ рукавицахъ, но безъ птицъ, и безъ шапокъ. Самъ подсокольничій сталъ впереди передъ стуломъ съ нарядами; онъ былъ въ богатой перевязи, и въ шапкѣ. Главный виновникъ торжества, Ларюшка, до прихода государева, былъ удаленъ въ особую избу, гдѣ на него надѣли «государево жалованье»—новый синій суконный кафтанъ съ серебромъ и желтые сафьянные сапоги.

Вскорѣ послѣ того, какъ это приготовленіе было окончено, въ переднюю избу вошелъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ сопровожденіи одного только Матюшкина:—лица, непринадлежавшія къ сокольничьему сословію, не имѣли права присутствовать при этомъ сокольничьемъ празднествѣ.

При входѣ царя, всѣ сокольники ему поклонились въ поясъ, а подсокольничій снялъ шапку и отступилъ отъ стола и наряда на правую сторону. Постоявъ немного, подсокольничій тихо и степенно подошелъ къ государю, уже занявшему свое мѣсто, и доложилъ ему:

— Время-ли, государь, образцу и чину быть?

И государь изволилъ молвить:

— Время, объявляй образецъ и чинъ.

Подсокольничій возвратился на свое мѣсто и крикнулъ громко:

— Четвертый начальный, Терентій Тулубьевъ, прими у сокольника Андрюшки челига, нововыборнаго статьи *), и поднеси ко мнѣ.

Когда челига ему поднесли, онъ молвилъ, обратясь къ начальнымъ:

— Начальные, время наряду и часъ красотѣ.

*) Т. е. изъ числа тѣхъ птицъ, которыя должны были войти въ составъ статьи нововыборнаго».

И самъ сталъ наряжать поданную ему птицу; а потомъ при помощи начальныхъ — и другихъ трехъ птицъ.

Затѣмъ подсокольничій подступилъ къ государю и молвилъ:

— Время-ли, государь, принимать и по нововыборнаго посылать, и украшеніе уставлять?

— Время, принимай и посылай, и уставляй...

Тогда подсокольничему поднесли рукавицу, онъ натянулъ ее и принялъ кречета «Холмогора» изъ рукъ начальнаго сокольника; а затѣмъ приказалъ послать за «нововыборнымъ» двухъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они вернулись съ Ла̀рюшкой, стали на порогѣ и начали креститься и молиться на иконы. Тогда впередъ выступилъ верховой сокольный подьячій, Василій Ботвиньевъ, и молвилъ по обычаю:

— Великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Нововыборный твой государевъ сокольникъ, Ларіонъ Яковлевъ сынъ Омельяновъ, вамъ, великому государю, челомъ бьетъ.

И Ларіонъ съ товарищами поклонился государю до земли.

Немного погодя, подсокольничій сказалъ товарищамъ Ларіона:

— Рядовые, поставьте Ларіона Яковлева сына Омельянова, на поляново.

Ла̀рюшку поставили на поляново и отобрали отъ него шапку, кушакъ и рукавицы.

Затѣмъ подошли начальные, держа въ рукахъ горностайную шапку, нарядную рукавицу «съ притчами», сумку бархатную, съ вышитымъ на ней изображеніемъ райской птицы «Гамаюна» и перевязь золотую. Съ другой подступили тѣ сокольники, которые должны были служить у Ла̀рюшки въ «по̀ддатняхъ»: одинъ держалъ «*вабило*», другой — *вощàгу*, третій — рогъ серебряный, четвертый — полотенце.

Подсокольничій подступилъ къ государю и сказалъ:

— Время-ли, государь, мѣрѣ и чести, и укрѣпленію быть?

И государь отвѣчалъ по обычаю:

— Время. Укрѣпляй.

Тогда подсокольничій приказалъ сокольникамъ:

— Начальные! Время мѣрѣ, и чести, и укрѣпленію быть.

И начался длинный обрядъ «наряжанія» нововыборнаго, во время котораго Ботвиньевъ вынулъ изъ сумки съ «Гамаюномъ» письмо, съ полнымъ изложеніемъ всѣхъ обязанностей нововыборнаго и указа

ніемъ, какъ «тѣшить великаго государя отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всякой правдѣ быть постоянну и однословну и отъ всего дурного быть чисту и за государевою охотою ходить прилежно и безскучно, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить какъ себя, и ото всякія дурости унимать ихъ безъ всякой хитрости». Затѣмъ слѣдовало исчисленіе царскихъ милостей новопожалованному, въ видѣ прибавки къ жалованью, новаго платья, сукна, соболей и золотыхъ ефимковъ. Въ числѣ прочихъ царскихъ милостей, упоминалось о томъ, что отнынѣ «великій государь повелѣвалъ писать нововыборнаго *полнымъ именемъ*».

По окончаніи чтенія, новопожалованный поклонился въ землю и произнесъ, по «Урянднику сокольничья пути», обычную сокольничью присягу. По окончаніи присяги, подьячій Василій Ботвиньевъ вложилъ и копію съ присяги, и «письмо» съ изложеніемъ обязанностей въ сумку нововыборнаго; а подсокольничій подошелъ доложить государю о совершеніи дѣла.

Тогда, по приказу государя, была передана Ларюшкѣ охота государева, въ видѣ четырехъ вышепомянутыхъ птицъ, которыя должны были олицетворять собою всю «статью», поручаемую его вѣдѣнью.

Новопожалованный взялъ на руку своего излюбленнаго кречета, и держалъ его «смѣло, урядно и радостно», смотря прямо въ пресвѣтлыя очи государевы.

И вотъ подсокольничій сказалъ, обращаясь къ Табалину, который все еще держалъ въ рукахъ горностайную шапку новопожалованнаго:

— Первый начальный,—закрѣпляй государеву милость.

И Табалинъ возложилъ шапку на голову Ларіона Омельянова, который поспѣшилъ ее снять, между тѣмъ какъ Табалинъ говорилъ:

— Бей челомъ государю на его государской премногой милости и памятуй ее до кончины живота своего, и обѣщанія не позабывай, и послушанія своего не отбывай, и нашего совѣта не отметай.

И новопожалованный трижды поклонился государю до земли.

Этимъ обрядъ былъ заключенъ и Ларіонъ Омельяновъ былъ отведенъ Табалинымъ на то мѣсто, которое долженъ былъ занять между начальными. Тогда всѣ присутствующіе, обратясь въ его сторону, поклонились ему и поздравили его «съ государской милостью, въ новой чести и въ начальныхъ сокольникахъ».

Государь поднялся со своего мѣста, а верховой подьячій, Василій Ботвиньевъ, заявилъ громогласно, что государь жалуетъ сокольниковъ и рядовыхъ, и начальныхъ «столомъ».

Государь поклонился всѣмъ благосклонно и сказалъ на прощанье:

— Наслаждайтесь по нашей государской милости.

— Да здравствуетъ великій государь нашъ на многія лѣта! закричали сокольники, и веселые клики ихъ раздавались на всемъ пути государя до малыхъ воротъ, гдѣ его ожидали нарядныя сани, свита и почетная стража.

И долго потомъ, почти до полуночи, пировали сокольники, величали своего новаго начальнаго, славили подсокольничаго и сокольничаго и дивились судьбѣ Ларюшки, приговаривая:

— Счастье человѣка и въ лѣсной трущобѣ сыщетъ; отъ него и подъ гнилой колодой не ухоронишься!

Птичка-невеличка.

I.

айское горячее и яркое солнце обливало своими жгучими лучами золоченые купола кремлевскихъ соборовъ и выложенные поливными черепицами шпили островерхихъ башенъ, сверкавшіе на солнцѣ тысячами искръ и отблесковъ. Невыносимо ярко освѣщенъ былъ и дворецъ царскій, съ его причудливыми кровлями, обитыми жестью и листовой мѣдью, съ его крытыми широкими крыльцами и безконечными рѣзными переходами, которые вели отъ палаты къ палатѣ и отъ терема къ терему. Жаркій полдень видимо подавлялъ своимъ тяжкимъ зноемъ всякую дѣятельность, всякую дѣловую прыть и суету, тѣмъ болѣе, что служебныя и должностныя занятія были уже окончены, обѣденное время миновало и наступилъ завѣтный часъ того сытаго и грузнаго отдыха послѣ трапезы, который такъ свято чтили наши предки въ доброе старое время...

И точно: послѣобѣденный здоровый сонъ царилъ надъ Кремлемъ, царилъ всевластно, неотразимо... Мирно и спокойно спалъ и царскій дворецъ, въ которомъ еще два-три часа тому назадъ, на двухъ разныхъ половинахъ, у царицы Натальи Кирилловны и у царевны Софьи Алексѣевны,—происходили весьма оживленныя, весьма дѣятельныя и притомъ тайныя совѣщанія... Спала вся дворцовая служня, утомленная утренней бѣготней и заботами о насыщеніи громадной массы всякихъ придворныхъ чиновъ... Дремали въ своей караульнѣ дневальные жильцы у дворцовой рѣшетки; дремали даже сторожевые

стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, опираясь на тяжелые бердыши и пищали или пріютившись въ тѣни высокихъ зубцовъ...

Не спалъ только одинъ человѣкъ изо всей придворной челяди: не спалъ потому, что тревога ожиданія поглощала все его маленькое, дрянное, жалкое существо—поглошала всецѣло... Этотъ бодрствующій человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, человѣчекъ, былъ не кто иной, какъ придворный карликъ Мишка Хомякъ, принадлежавшій къ довольно обширному штату потѣшниковъ, шутовъ, дуръ и плясуновъ, содержавшихся на иждивеніи вдовствующей царицы Натальи Кирилловны. Одѣтый въ свое обычное служебное платье—синій колпакъ, желтый кафтанишко и красные сапоги, Мишка сидѣлъ подъ кустомъ въ «верховомъ» дворцовомъ садикѣ, примыкавшемъ къ теремной половинѣ царицы, и безпрестанно поглядывалъ на ту завѣтную дверь, которая выходила на небольшое крылечко съ рундучкомъ, спускавшееся въ садикъ. Въ его желтомъ, сморщенномъ, безобразномъ лицѣ, въ небольшихъ карихъ глазкахъ, тревожно устремлявшихъ взоры на крылечко, въ той нервной дрожи, которая, несмотря на страшный зной, пробѣгала изрѣдка по его маленькому, сутулому, уродливому тѣльцу — во всемъ сказывалось внутреннее волненіе и тягостное безпокойство. Отъ времени до времени Мишка какъ будто отвлекался на мгновеніе отъ своего лихорадочнаго ожиданія и боязливо хватался за боковой карманъ своего кафтанишка въ которомъ тщательно ощупывалъ какую-то вещицу и, убѣдившись въ томъ, что она не потеряна и находится у него подъ руками, шепталъ про себя:

— Нѣтъ! Здѣсь оно... и цѣло! А то, пожалуй, долго-ль до грѣха?.. А вѣдь не шутка, десять алтынъ проклятому нѣмчину заплатилъ... Да безъ этого гостинца не смѣлъ бы я къ ней и на глаза показаться!.. Любитъ... гостинцы, нечего сказать!

И онъ снова начиналъ нетерпѣливо и тревожно поглядывать изъ-подъ своего куста на дверь и на крылечко царицыной половины.

— А что? Коли обманетъ, да не придетъ? Куда я дѣнусь тутъ безъ нея? Какъ проснутся, спросятъ еще, пожалуй: кто сюда звалъ... кто прійти приказывалъ?.. Опять, пожалуй, какъ намедни, попадетъ... горячихъ!

Но въ это время дверь тихонько скрипнула, пріотворилась, и на крылечко вышла стройная, красивая, молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати. На ней былъ только легкій, тонкій лѣтникъ, опоясанный цвѣтнымъ пояскомъ «со словами». Полныя, бѣлыя руки до самыхъ плечъ сквозили черезъ кисейные сборчатые рукава рубахи.

расшитой на плечахъ и у кисти. Толстыя темно-русыя косы, откинутыя назадъ и ничѣмъ не перевитыя, не украшенныя, спускались ниже пояса... Дѣвушка, выйдя на крылечко, протерла заспанные глазки и зѣвнула, лѣниво потягиваясь и выгибая свой стройный станъ, который ясно вырисовывался всѣмъ рельефомъ своихъ молодыхъ роскошныхъ формъ сквозь легкія складки тонкаго лѣтника.

Мишка, какъ увидалъ молодую дѣвушку, такъ и замеръ подъ своимъ кустомъ; онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ, не могъ налюбоваться ея чисто-русскою, свѣжею, дородною и румяною красою...

— Гашенька! Гашенька! осмѣлился онъ чуть слышно прошептать изъ-подъ приподнятой вѣтви, съ замираніемъ сердца ощупывая свой подарочекъ въ карманѣ кафтанца.

— Цыцъ! Нишкни! строго проговорила Агаѳья Краськова вполголоса, хмуря густыя брови и прикладывая пальчикъ къ устамъ. И затѣмъ она осторожно спустилась съ крылечка, мягко ступая маленькими ножками, обутыми въ нарядные сафьяновые сапожки.

— Чего выкликаешь? Да еще по имени! Глупый какой! съ недовольствомъ сказала дѣвушка, поровнявшись съ кустомъ, гдѣ притаился Мишка. — Знаю, что ждешь! Обѣщала пріити, такъ пріиду!

И она съ какой-то особенно небрежной и лѣнивой граціей опустилась на травку, около куста.

— Виноватъ, Гашенька, виноватъ! Ужь ты не сердись, голубушка, ужь не сердись... вѣдь ужь я такъ-то, такъ тебя люблю, что какъ не повидаю дня три—самъ не свой хожу!

— Скажи, пожалуй, скорый какой! Нельзя тутъ каждый день торчать, такъ и не суйся; а сунешься безъ спросу, опять, какъ въ тотъ разъ, по загривку попадетъ...

— И то безъ твоего приказа ужь не сунусь больше; да вѣдь вотъ видѣть-то тебя душа горитъ...

Гаша посмотрѣла на него сбоку съ насмѣшливой улыбкой, но ловко скрыла ее и лукаво добавила:

— Самъ знаешь, Мишенька, вѣдь всѣ мы, сѣнныя дѣвки, и у постельницъ, и у боярыни-мамы подъ строгимъ началомъ... Не приведи Богъ, увидятъ меня съ мужчиной... Да узнàютъ, кто мнѣ подарочки носитъ...

Карликъ самодовольно ухмыльнулся, осклабляя свой широкій безобразный ротъ и выказывая два ряда кривыхъ, желтыхъ клыковъ.

— Такъ, значитъ, здѣсь, кромѣ меня, мужчинъ-то никого не бываетъ? спросилъ онъ, вглядываясь пытливо въ очи Агаѳьи.

— Кому же бывать? Вѣстимо!.. Ты, да вотъ еще... развѣ... братья

государынины? отвѣтила она довольно уклончиво и равнодушно отвернулась въ сторону.

— А ты-то? Ты? Ждала меня? А? Говори... ждала?.. Хоть капельку-то, хоть эстолько вотъ любишь меня?..

Та же полупрезрительная, полунасмѣшливая улыбка скользнула чуть примѣтно на устахъ Гаши...

— Эстолько-то люблю! сказала она, потягиваясь съ притворной лѣнью. — Да какъ и не любить-то тебя?.. Ты такой добренькій ко мнѣ, подарочки да гостинчики мнѣ все носишь. Небось, и ныньче тоже принесъ сулёное?..

Мишка такъ и просіялъ отъ этихъ словъ, такъ и зардѣлся, что маковъ цвѣтъ... Съ лихорадочною торопливостью онъ сунулъ свою короткую, уродливую и сморщенную ручонку въ карманъ кафтанца, порылся тамъ и осторожно вытащилъ какой-то предметъ, завернутый въ зеленую тафтицу.

— Вотъ... на́ скорѣе! Мишка Хомякъ завсегда въ словѣ твердо стоитъ! Полюбуйся собой, покрасуйся!

Гаша не дала ему и договорить: выхватила у него изъ рукъ принесенный подарочекъ, быстро сорвала съ него тафту, подъ которой оказалась деревянная, пестро-расписанная коробочка, а въ ней зеркальце въ фигурной оловянной рамочкѣ.

— Ай, да Мишка!.. Вотъ такъ Мишенька! Молодецъ! привѣтливо проговорила дѣвушка, поглядывая изъ-подъ ручки въ зеркальце.– Какую мнѣ заморскую диковинку принесъ! Н-ну!

— Это что!? залепеталъ восхищенный карликъ. —Это такъ игрушечка!.. То-ли я еще тебѣ принесу? Погоди! У нѣмчина у этого я такія видѣлъ штуки, что диву дашься... Ларцы, да съ мусикійскими голосами... Да!.. Вотъ такъ его отворишь, и заигралъ, запѣлъ, какъ птица... Вотъ тѣ Христосъ!

— И такую штуку мнѣ принесешь? спросила съ нѣкоторымъ недовѣріемъ Гаша.

— Принесу! Ей-ей принесу! съ дерзкою самоувѣренностью проговорилъ Мишка, стараясь поймать дѣвушку за руку, которую та очень ловко отъ него вырывала, отстраняя его кривые, короткіе и грязные пальцы.

— Да вѣдь, чай, дорого заломитъ нѣмчинъ-то? И гдѣ же ты денегъ-то возьмешь? Вѣдь ужъ и такъ ты сколько мнѣ надарилъ?

— Небось... достану... хватитъ на все! Есть у меня кубышка такая — проговорилъ чуть слышно Хомякъ, боязливо оглядываясь въ стороны. — Для тебя она завсегда открыта... Только ты-то

меня не прогоняй... да принимай почаще... Да обѣщанное-то мнѣ тоже дай...

И онъ подобострастно, просительно, умильно глянулъ ей въ очи, боязливо и робко простирая къ ней руки.

— Ну, ладно, ладно... Помню! Вотъ на-тебѣ! сказала съ насмѣшливой улыбкой Гаша, засучая до локтя сборчатый рукавъ рубахи.

Хомякъ, какъ клещъ, впился губами въ ея локоть и сталъ цѣловать его порывисто, страстно, горячо... И вдругъ откинулся отъ дѣвушки, словно ужаленный...

— А это что? Что у тебя на пальцѣ, на безымянномъ-то? прошепталъ онъ злобно, указывая пальцемъ на колечко съ тремя самоцвѣтными камушками и двумя жемчужинками.

— Это? сказала Гаша, слегка покраснѣвъ, но стараясь придать своему голосу тонъ полнѣйшаго равнодушія.—Это? Да развѣ ты самъ не видишь? Колечко!

— Ко-о-лечко? прошипѣлъ карликъ.—Вижу, вижу....Да отъ кого, отъ кого оно? Говори?

— Много будешь знать, скоро состаришься! Грибомъ будешь! со смѣхомъ отозвалась дѣвушка, быстро поднимаясь со своего мѣста.

— Говори, говори, отъ кого? пролепеталъ Хомякъ, захлебываясь отъ злости и судорожно сжимая кулаки.

Гаша гордо выпрямилась и, скрестя руки на высокой груди, сказала сурово:

— Коли ты злиться да приставать ко мнѣ станешь, такъ я тебя къ себѣ на глаза не пущу—слышишь? Вѣдь я тебя не допрашиваю, изъ чьей кубышки ты алтыны мнѣ на подарки берешь?

Хомякъ растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы подыскивая слова и не зная, что̀ ему сказать... Но злоба еще сверкала въ его широко раскрытыхъ глазахъ, въ искаженныхъ чертахъ его безобразнаго, сморщеннаго лица...

— Теперь... Когда же?.. Когда мы свидимся съ тобой? проговорилъ онъ вполголоса, поглядывая на Гашу исподлобья.

— Ни завтра, ни послѣзавтра не приходи. Не до тебя будетъ!.. А тамъ—оповѣщу... А за подарочекъ тебѣ спасибо... Ходи, миленькій, почаще, носи пряничковъ послаще...

И она весело разсмѣялась, прижимая къ груди подарокъ Хомяка.

Въ глазахъ карлика опять блеснула молнія дикой, неудержимой страсти! Что̀ бы онъ далъ, чтобы Гаша его такъ же прижала къ груди, какъ прижимала зеркальце!

— Такъ черезъ два дня, говоришь?.. Черезъ два? спросилъ Хомякъ, потупляя взоры въ землю и тяжело дыша.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка приложила палецъ къ губамъ, прислушалась, и вдругъ, схвативъ Мишку за плечо, потащила въ уголъ садика...

— Идутъ сюда, идутъ! Проваливай скорѣе! шептала она ему, торопливо увлекая его за собою.

Подтащивъ его къ углу площадки, занятой садикомъ на крышѣ теремнаго дворца, она быстро отворила дверку маленькаго тайничка, выходившую на чердакъ, втолкнула туда Хомяка и, захлопнувъ за нимъ дверцу, замкнула ее задвижкой.

— Ишь, старый дьяволъ!.. Песъ убогій! проговорила дѣвушка, гадливо отряхиваясь и оправляя засученный рукавъ.—Чего-жъ ему еще? Ревновать вишь вздумалъ! Не разумѣетъ, небось, что только изъ-за подарковъ его и терпишь... Скажи ему: отъ кого колечко? Какъ бы не такъ!

Она задумалась на мгновеніе и отвѣтила на вопросъ мысленно, ни для кого неслышно:

— Колечко отъ того, кого люблю больше всего на свѣтѣ, кто мнѣ всѣхъ милѣе, для кого у меня нѣтъ ни въ чемъ запрета...

И быстро поцѣловавъ колечко, она взбѣжала на крыльцо, заслышавъ голоса и бѣготню пробудившейся дворцовой служни.

II.

Мишка Хомякъ пробрался по тайнику на чердакъ, на которомъ ворковали, рокотали и гулили сотни всевозможныхъ голубей, то перелетая съ мѣста на мѣсто, то вступая между собою въ отчаянныя схватки. Съ чердака онъ выбрался на вышку, глянулъ съ нея мелькомъ на дивную панораму Замоскворѣчья, залитаго лучами солнца, и спустился, какъ кошка, на гребень крыши; цѣпляясь за зубцы гребня, онъ перешелъ десятка два шаговъ, сползъ къ слуховому окну и юркнулъ черезъ него на чердакъ царевниной половины. Тутъ только онъ присѣлъ отдохнуть и, снявъ колпакъ, сталъ отирать потъ, крупными каплями катившійся со лба его. Онъ зналъ, что дальше ему путь уже чистъ и вполнѣ безопасенъ, потому что на царевниной половинѣ у него между челядью и служней всякихъ пріятелей много... Но онъ менѣе всего думалъ въ эту минуту о себѣ: всѣ его мысли были тамъ, на половинѣ царскихъ дѣтей, гдѣ онъ разстался со своею милой, съ гордой и неподатливой Агаѳьей Краськовой. Она все еще стояла передъ его отуманеннымъ вообра-

женіемъ во всемъ блескѣ своей роскошной красоты, все еще влекла его къ себѣ всесильными чарами того приворотнаго зелья, которое внесло неисцѣлимую отраву въ его сердце и распалило неугасимымъ пламенемъ все его маленькое, уродливое существо...

— Проклятая! шепталъ Мишка, припоминая всю свою бесѣду съ Гашей. — Ужо̀мъ скользитъ... между пальцевъ вьется, и еще тебя же ужалить норовитъ!.. Да это все бы ничего: пускай смѣется надо мной, пусть тѣшится... Намъ къ этому не привыкать стать... А вотъ колечко это—колечко откуда у нея?

Онъ оперся локтями о колѣни и, запустивъ свои короткіе пальцы въ шапку густыхъ, черныхъ волосъ, которые вились на его головѣ, задумался глубоко и мрачно.

«Кабы я зналъ да вѣдалъ, думалъ Хомякъ:—отъ кого у ней то колечко... Кабы могъ я подсмотрѣть, кто къ ней ходитъ... Кто ей, кромѣ меня, подарочки носитъ!? О-о! кажется, зубами изорвалъ бы его... Ножъ бы не задумался ему въ бокъ всадить...»

И онъ, трепеща отъ злобы и ревности, зажмурилъ глаза и скрежеталъ въ безсильной ярости зубами...

Вдругъ кто-то, подкравшись сзади неслышными шагами, дружески ударилъ его по плечу и разсыпался за его спиною добродушнымъ, серебристымъ смѣхомъ.

Хомякъ вздрогнулъ, быстро обернулся и увидѣлъ передъ собою своего товарища по ремеслу, Лукашку, карлика царевны Софьи. Этотъ крошечный, пузатый, беззубый старикашка, принаряженный въ красный, короткій кафтанецъ, съ нашивными большими карманами и широкими петлицами, стоялъ передъ нимъ, насмѣшливо на него поглядывая и оправляя свою мурмолку, обшитую серебрянымъ позументомъ.

— Ты что же тутъ подѣлываешь, дружище? проговорилъ наконецъ Лукашка.

— Что?! Развѣ не видишь? съ нескрываемой досадой проговорилъ Хомякъ.—Голубей ловлю—петли да путики имъ раскладываю...

— Го-о-лубей? недовѣрчиво переспросилъ Лукашка. — Ой-ли? Такъ-ли, полно? Не за голубкой-ли погнался?..

Хомякъ отвернулся и молчалъ.

— Ну, чего ты, дружище, рыло-то отъ меня воротишь? Отъ свово̀ благопріятеля?! Аль думаешь я слѣпъ?.. Вѣдь ужь который разъ я за тобой приглядываю, какъ ты это по гребнямъ да по вышкамъ, словно котъ къ кошуркѣ, пробираешься... Духъ у меня захватывало и смотрѣть-то! Какъ ты не сорвешься Богъ тебя знаетъ!

Хомякъ слушалъ пріятеля, не перебивая, и все становился мрачнѣе и мрачнѣе.

— А вотъ кабы ты насъ-то. пріятелей, спросилъ, да съ нами бы посовѣтовалъ. такъ можетъ дѣло-то иначе бы обернулось... Не пришлось бы плакаться...

— Да ты что ко мнѣ присталъ?.. Что ты меня обиняками-то путаешь?! злобно крикнулъ Хомякъ, стискивая кулаки и близко пододвигаясь къ Лукашкѣ.

— А ты чего ощерился, ощетинился на меня, что звѣрь лютой? Тебя жалѣючи, говорю...

— Да чего жалѣючи, коли мнѣ жалость твоя не надобна! огрызнулся Хомякъ.

— Экъ вѣдь какая слѣпота обуяла? — съ досадою проговорилъ Лукашка. Да ты что же думаешь-то? Что ты здѣсь одинъ, словно медвѣдь въ лѣсной трущобѣ? Что тебя никто не видитъ. никто не знаетъ, по комъ у тебя душа горитъ?..

— А коли знаютъ, такъ и пусть знаютъ! сказалъ Хомякъ. хмуря брови.—Кто мнѣ указъ!

— Да ломай ты себѣ шею. коли любо! А я все же тебѣ скажу... Неладное затѣялъ... У твоей голубки гнѣздо-то свито ужь!

— Кто сказалъ? Кто знаетъ?.. Кто смѣлъ сказать!? вскрикнулъ вдругъ Хомякъ, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста и хватая Лукашку за руку.

— Да развѣ ты только, дурень. одинъ и не знаешь, что она Аѳонькѣ Нарышкину сама повѣсилась на шею!.. А у насъ-то всѣ это давно ужь знаютъ... Ха-ха-ха!

— Аѳонькѣ... Нарышкину? Царицыному брату? прохрипѣлъ Хомякъ, блѣднѣя отъ душившей его злобы.

И ему тотчасъ пришли на память слова Гаши о «братьяхъ государыни», и та чуть замѣтная тѣнь смущенія, которая мелькнула на лицѣ ея, при упоминаніи о Нарышкиныхъ.

«И это колечко! Колечко проклятое!» подумалъ про себя Хомякъ.

— Тутъ это бабье царство послушай только да разспроси,— продолжалъ Лукашка. — такъ чего не свѣдаешь! Чутьемъ онѣ, что-ли. другъ о дружкѣ знаютъ. а. только ужь отъ нихъ ничто не ускользнетъ... Ни-ни! Вотъ сказывали даже, какое Гашкѣ Краськовой Аѳонька колечко подарилъ... Ей-ей!

— Колечко?! прорычалъ Хомякъ.

— Да одно-ли это! Знаютъ. подлыя. въ какіе дни она тебя къ себѣ зоветъ, — въ какіе его! Вотъ хоть бы сегодня Аѳоньку Нарышкина

царица выслала навстрѣчу боярина Артамона Матвѣева, своего благопріятеля и совѣтчика, ну, Гашка тебя и позвала къ себѣ... А завтра и послѣзавтра...

— Чортъ! Чортъ!.. Дьяволъ, съ бѣсомъ знаешься! вскричалъ Хомякъ, въ ужасѣ вскакивая со своего мѣста и бросаясь къ лѣстницѣ, которая вела съ чердака на переходы.

— Мишка! Мишка! Да остановись, постой... Вѣдь шею этакъ сломишь! кричалъ вслѣдъ Хомяку Лукашка, держась за бока и покатываясь отъ смѣха.

Но тотъ его не слышалъ: онъ стремглавъ мчался съ лѣстницы внизъ, шепча сквозь зубы страшныя проклятія и унося въ груди только одно чувство — неутолимую жажду мести, мести во что бы то ни стало!

III.

Долго-долго на другой день длилось совѣщанье въ «комнатѣ» царицы, и никто не могъ бы провѣдать, о чемъ на томъ совѣщаньѣ судили и рядили, и на чемъ положили стоять... У всѣхъ дверей царицыной половины поставлены были старые, надежные слуги и младшіе братья царицы, а потому рѣшенія «тайнаго» совѣта близкихъ къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ людей должны были въ тотъ день остаться тайною для всѣхъ непосвященныхъ въ подробности совѣщанія. Всѣ съ удовольствіемъ видѣли, однакоже, что и бояринъ Матвѣевъ, и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, и старый бояринъ Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, и всѣ Нарышкины вышли изъ комнаты царицыной довольные, почти веселые—не такіе сумрачные, какъ въ предшествующіе дни. Сама царица Наталья Кирилловна вышла къ обѣду въ столовую палату съ лицомъ яснымъ, съ улыбкой на устахъ и даже изволила шутить съ боярынею-кравчею и съ боярыней-мамой, которая привела къ столу царскихъ дѣтокъ: царевну Наталью Алексѣевну и быстроглазаго царевича Петра Алексѣевича.

Аѳанасій Кирилловичъ, братъ царицы, юноша 23-хъ лѣтъ, съ большимъ трудомъ досидѣлъ до конца совѣщанія, въ которомъ онъ, конечно, какъ человѣкъ молодой, принималъ очень мало участія... У него не то въ головѣ было... Ему хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ докучныхъ, разумныхъ и маститыхъ старцевъ, и улизнуть туда, въ «верховой» садикъ, на половину царскихъ дѣтей... Но, несмотря на всю нетерпѣливость ожиданія, несмотря на принужденную и почтительную сдержанность, съ которою въ тече-

ніе многихъ часовъ приходилось выслушивать съ притворнымъ вниманіемъ умныя рѣчи и сужденія бояръ, сестры-царицы и старшихъ родичей,—Аѳанасій Кирилловичъ вынесъ все же изъ тайнаго совѣщанія то несомнѣнное убѣжденіе, что опасаться ничего со стороны стрѣльцовъ не приходится, что всякіе грозные слухи распускаются злонамѣренными людьми, по наущенію царевны Софьи и ея ближнихъ людей. Благодаря такому убѣжденію, юноша вернулся къ себѣ, на свою половину, совершенно успокоенный, наскоро пообѣдалъ и, переждавъ съ часокъ послѣ обѣда, отправился на условленное свиданіе въ самомъ благодушномъ настроеніи духа.

Прокравшись невидимкой, разными окольными путями, въ завѣтный садикъ, Аѳанасій Кирилловичъ сѣлъ подъ тотъ же густой жасминный кустъ, подъ которымъ наканунѣ сидѣлъ Мишка Хомякъ, и, два-три раза свиснувъ иволожкой, глянулъ сквозь вѣтви на дверь надъ крылечкомъ... Минуту спустя, дверь чуть слышно скрипнула, пріотворилась, и Гаша легкой птичкой порхнула съ крылечка къ милому.

Не успѣла она и присѣсть, какъ ужь юноша схватилъ ее за бѣлы-руки и яснымъ соколомъ глянулъ ей въ очи.

— Любишь-ли? Говори мнѣ толкомъ, любишь-ли? говорилъ онъ горячо и настойчиво.

— Ахъ, Аѳонюшка! отвѣчала дѣвушка, стараясь по возможности уклониться отъ прямаго отвѣта на щекотливый вопросъ. — Какихъ я сегодня страховъ наслышалась, какого зла изъ-за тебя съ братцами натерпѣлась, такъ даже и языкъ-то не поворачивается сказать тебѣ, дружочекъ мой!

— Какіе тамъ страхи, какое зло? И при чемъ тутъ братья мои? Что ты плетешь неладное, Гашенька?

— Пришла тутъ къ намъ торговка изъ Стрѣлецкой слободы, стрѣльчиха и сама, и какъ поразсказала намъ, что у нихъ въ стрѣлецкихъ слободахъ творится—волосъ дыбомъ у насъ поднялся!

— Слушай тамъ всякія бабьи бредни! проговорилъ съ улыбкою Аѳанасій Кирилловичъ. — Есть чего бояться! Поумнѣе той стрѣльчихи сегодня съ нами да съ царицей бояре засѣдали да сказали, что всѣмъ этимъ стрѣлецкимъ смутамъ не мудрено конецъ положить! И самъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ...

— Охъ! Не вѣрю я твоимъ боярамъ... И боюсь, до смерти боюсь того, что стрѣльцы на всѣхъ васъ, Нарышкиныхъ, ножъ точатъ... Сказываютъ, будто вы на царя Ивана зло мыслите и извести его хотите... Будто Иванъ Кириллычъ царскій вѣнецъ примѣрялъ и на

царскій престолъ въ вѣнцѣ садился, а когда царь Иванъ сказалъ ему, что то̀ негоже, онъ будто бы царя Ивана чуть не задушилъ... Ужь будто бы царевны изъ рукъ у него отняли...

— Да вы бы, глупыя, эту дуру-бабу шелепами лучше изъ дворца выгнали, чѣмъ вамъ ея сплетки слушать! съ досадою проговорилъ Нарышкинъ.—Ну, кто же этому повѣрить можетъ? Сама посуди!

— Стрѣльцы всему вѣрятъ и кричать, что ужь давно пора за царскій корень вступиться!.. Охъ, боюсь, боюсь, голубчикъ, за тебя и за всѣхъ васъ, и сердце такъ-то ноетъ... словно передъ бѣдой...

И Гаша, не отнимая рукъ у Аѳанасія Кирилловича, склонилась къ нему на плечо, стараясь скрыть слезы, навернувшіяся на глазахъ.

— Голубка ты моя, вѣдь ты же въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслишь! А благодѣтель нашъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, намъ сказывалъ, что всѣ стрѣльцы къ нему изо всѣхъ слободъ на поклонъ приходили, и что онъ съ ними и поладитъ, и управится легохонько... Ну, а я ему побольше вѣрю, чѣмъ твоей стрѣльчихѣ... Да плюнь ты на все это! Лучше мнѣ на мой спросъ отвѣть: любишь, али нѣтъ?.. Да говори, смотри, безъ обиняковъ.

— Люблю, Аѳонюшка! Не утаиться мнѣ отъ тебя! прошептала Гаша, еще ближе наклоняясь къ уху Нарышкина.

— А коли любишь, крѣпко любишь, такъ слушай: завтра, по вечерней зорькѣ, къ постельному крыльцу подкатитъ крытая повозка, а въ той повозкѣ буду я сидѣть и ждать тебя. А ты отпросишься къ бoярынѣ Морозовой гостить, на именины, и скажешь, что она по тебѣ коней прислала...

— Охъ, страшно, Аѳонюшка! прошептала дѣвушка, еще ближе прижимаясь къ Нарышкину, который не вытерпѣлъ, обвилъ станъ Гаши сильными руками, привлекъ ее къ себѣ близко-близко и сталъ осыпать поцѣлуями ея плеча, шею и уста...

Хохотъ—злой и ѣдкій, принужденный и ядовитый, какъ шипѣніе змѣи — раздался въ это мгновеніе изъ ближайшаго угла садика и заставилъ Нарышкина вздрогнуть. Гаша поспѣшно и испуганно рванулась изъ его объятій и стала, какъ окаменѣлая...

Изъ угла, раздвигая вѣтви бузины и калины, вынырнулъ Мишка-Хомякъ и продолжалъ хохотать, заложивъ свои корявыя коротенькія ручонки за поясъ.

— Ай-да бѣсъ-дѣвка! крикнулъ онъ, нагло наступая на Гашу.— Подъ этимъ же кустомъ вчера съ однимъ, сегодня съ другимъ цѣлуешься... Ха-ха-ха! Ай-да дѣвка!

А Ф Маркса ... А Ф Маркса

Нарышкинъ сорвался со своего мѣста, бросился на Хомяка, схватилъ его за шиворотъ одной рукой, приподнялъ какъ щенка на воздухъ и, въ бѣшенствѣ потрясая его, проговорилъ быстро.

— Ты лжешь, уродъ нечестивый, ублюдокъ богомерзкій! Лжешь!.. Говори, съ кѣмъ она цѣловалась?

— Со мною, царицынъ братецъ! Да, со мною! прошипѣлъ Хомякъ, стараясь вырваться изъ рукъ Нарышкина.

Это было такъ неожиданно и притомъ такъ невѣроятно, что весь гнѣвъ Аѳанасія Кирилловича прошелъ разомъ. Онъ выпустилъ изъ рукъ Хомяка, и тотъ шлепнулся на песокъ дорожки.

— Ну, утѣшилъ! сказалъ ему юноша.—Утѣшилъ, шутъ гороховый! Да только не вò-время... Брысь отсюда! Послѣ съ тобою батогами разсчитаюсь,—ужô, по вечеру.

Но, къ удивленію Нарышкина, Хомякъ не трогался съ мѣста и, дерзко глянувъ ему въ лицо, проговорилъ, передразнивая его рѣчь:

— Постой! И я съ тобою разсчитаюсь... Только не по вечеру, а по утру!

Тутъ ужь Нарышкинъ вскипѣлъ, подскочилъ къ Хомяку и, ухвативъ его за полу кафтана, хотѣлъ раздѣлаться съ нимъ по-своему, но карликъ ловко увернулся, рванулся изо всѣхъ силъ и, оставивъ полу кафтана въ рукахъ Нарышкина, бросился со всѣхъ ногъ къ тайнику.

— Помни, царицынъ братецъ, крикнулъ Хомякъ изъ-за двери тайника,—что я у тебя въ долгу не останусь! Птичка-то не величка, да ноготокъ остеръ!

Аѳанасій Кирилловичъ, взволнованный, ошеломленный этой неожиданной сценой, такъ растерялся, что не зналъ, какъ поступить ему... Онъ обернулся, чтобы потребовать у Гаши разъясненій; но увидалъ, что онъ въ садикѣ одинъ. Гаша давно уже успѣла взбѣжать на ступеньки крылечка и скрыться за дверью.

IV.

Гаша не помнила и даже не могла себѣ отдать отчета въ томъ, какъ она выбѣжала изъ садика, какъ добралась среди общаго соннаго царства до своей постели въ одной изъ повалушъ, около комнаты боярыни-мамы... Она прилегла на постель и прикинулась спящей, но сонъ ей и на умъ не шелъ! Она еще видѣла передъ собою своего милаго... Видѣла, какъ онъ потрясалъ Хомяка на воздухѣ, готовый грянуть его ò-земь! Слышала злобныя и дерзкія рѣчи разсвирѣпѣвшаго карлика и, не помня себя отъ стыда и страха,

трепеща за то, что могло произойти, она бросилась безъ оглядки бѣжать, даже не сообразивъ, зачѣмъ она бѣжитъ и чего пугается? И тутъ, на своей постели, она продолжала трепетать при мысли о томъ, что злой карликъ огласитъ, ославитъ среди царицыной служни ея стыдъ, ея слабость къ Аѳанасію Кирилловичу, ея почти уже рѣшеный побѣгъ.

— Стыдъ, срамъ! Со свѣту сживетъ меня боярыня-мама! Нажалуется царицѣ, и тогда мнѣ отъ нихъ мѣста не найти будетъ... Въ обитель дальнюю сошлютъ, съ нимъ разлучатъ, ему думать обо мнѣ не велятъ... Охъ, горе, горе какое! Наканунѣ какого счастія, и вдругъ этотъ проклятый, словно змѣй изъ хвороста вылѣзъ... О!..

Такъ сокрушалась она цѣлый день и все ждала какой-то бѣды, которая неминуемо должна была обрушиться на ея голову. Ей все казалось, что вотъ-вотъ ее кликнетъ къ себѣ строгая боярыня, или что явится на ихъ половину одинъ изъ царицыныхъ стольниковъ и потребуетъ ее къ отвѣту предъ грозныя очи матушки-царицы... Но день миновалъ, свѣтлый, яркій, солнечный, и смѣнился теплою, чудною майскою ночью, которая и нѣжила, и манила въ таинственную тѣнь вѣтвей, на просторъ и воздухъ изъ душной повалуши. И когда сонъ снова воцарился въ теремномъ дворцѣ и среди ночной тишины сталъ явственно слышенъ бой часовъ съ курантами, поставленныхъ надъ Фроловскими воротами, да протяжные оклики караульныхъ стрѣльцовъ на стѣнахъ и башняхъ Кремля, тогда снова тоска стала грызть Гашу, а какія-то странныя, неопредѣленныя предчувствія стали терзать ея сердце.

— И зачѣмъ я убѣжала? говорила она себѣ съ укоромъ. — Что *онъ* могъ обо мнѣ подумать? Зачѣмъ я ему всего не разсказала:— какъ Мишка ластился ко мнѣ, и какъ мнѣ докучалъ, какъ считалъ за счастье мой сапогъ поцѣловать, или кончикъ мизинца, и сколько мнѣ переносилъ подарковъ, пока вымолилъ у меня, чтобы я ему дозволила локоть облобызать... Все бы это надо разсказать Аѳонѣ и оправиться передъ нимъ... А я вотъ убѣжала!.. И теперь не знаю, что мнѣ завтра дѣлать: проситься-ли къ Морозовой на именины, — готовиться-ли къ побѣгу? И какъ бы вѣсточку-то отъ него мнѣ получить?

И долго-долго сокрушалась она, ворочаясь на своей постели, и припоминая всѣ подробности этого несчастнаго свиданія: и сладость его объятій и горячихъ поцѣлуевъ, и горечь утраты, которая, быть-можетъ, ей предстояла... Долго прислушивалась она къ протяжному бою часовъ на Фроловскихъ воротахъ и къ окликамъ часовыхъ на

кремлевской стѣнѣ, и только подъ утро заснула тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Слѣдующій день, 15-е мая, наступилъ такой же ясный, теплый и тихій, какъ всѣ предшествующіе, и жизнь въ теремномъ дворцѣ потекла своимъ обычнымъ порядкомъ. Матушка-царица и государыни-царевны ходили въ свои домовыя церкви на утреню и раннюю обѣдню. Боярыня-мама и сѣнныя дѣвушки водили сначала въ церковь, а потомъ къ царицѣ на поклонъ царскихъ дѣтей: царевну Наталью Алексѣевну и царевича Петра Алексѣевича, и увели ихъ съ царской половины, когда въ комнатѣ царицы стали собираться бояре на обычное утреннее «сидѣнье».

— Наша боярыня сегодня зла, какъ лютый звѣрь! шепнула Гашѣ ея подруга, тоже сѣнная дѣвушка на дѣтской половинѣ. Матушка-царица ее сегодня просвиркой обошла...

— Да будто изъ-за того? спросила недовѣрчиво Гаша.— Ужь не на насъ-ли кто-нибудь наговорилъ ей да нанесъ всякихъ вздоровъ?

— Постой-ка, постой, Гаша! сказала подруга, хватая ее за рукавъ.—Слышишь?.. Что это за шумъ?

Гаша прислушалась и обомлѣла отъ изумленія... Вдали, въ разныхъ мѣстахъ города, гудѣлъ набатъ, трещали барабаны, слышались отдаленные крики и какой-то гулъ и шумъ, словно большая рѣка, прорвавъ плотину, катила свои волны къ Кремлю...

— Пожаръ, должно-быть, гдѣ-нибудь! тревожно догадалась Гаша.

— Нѣтъ! Это не то! Побѣгу, сейчасъ узнаю! крикнула подруга Гаши и бросилась изъ комнаты въ сѣни.

А шумъ все близился и крики становились громче, то заглушаемые приближавшимся барабаннымъ боемъ, то покрывавшіе самый бой... И набатъ все гудѣлъ и гудѣлъ вдали, не переставая, не прерываясь... А во дворцѣ вдругъ поднялась какая-то странная, необычная суматоха, шумъ и бѣготня на переходахъ, по лѣстницамъ и въ сѣняхъ...

Гаша, дрожащая отъ страха, блѣдная, стояла у притолки дверей, когда въ сѣни опрометью вбѣжала ея подруга и крикнула отчаяннымъ голосомъ:

— Стрѣльцы бунтуютъ... Въ Кремль ворвались, идутъ къ дворцу!.. Кричатъ, вопятъ, что идутъ бить бояръ!

И, проговоривъ все это залпомъ, она стремглавъ бросилась въ комнату боярыни-мамы. Всѣ забѣгали мимо Гаши: боярыня-мама, постельницы царицы, сѣнныя дѣвушки, стольники, служня,— все это металось, вопило, ревѣло, плакало, рвало на себѣ волосы въ не-

истовомъ ужасѣ и отчаяніи... Никто ничего не понималъ, всѣ толкались и сновали во всѣ стороны и что-то кричали, сами не понимая, почему, и изъ-за чего кричать...

А ужъ грозные, дикіе крики разсвирѣпѣвшихъ стрѣлецкихъ ватагъ раздавались во дворѣ дворца. Можно было разобрать страшные возгласы:

— Нарышкиныхъ!.. Нарышкиныхъ давай сюда!.. Убійцъ царя Ивана!.. Бояръ вершить... Бояръ!

— Господи! Вотъ они! Вотъ! Онъ не вѣрилъ мнѣ!—воскликнула, всплеснувъ руками, Гаша, и безсознательно опустилась на колѣни передъ образомъ.

А мимо ея комнаты, за ея спиною, бѣгали какіе-то люди; раздавались женскіе стоны и вопли; потомъ какой-то бояринъ прибѣжалъ, схватилъ царевича Петра и понесъ его на рукахъ на Красное Крыльцо.

— Куда? Куда ты его несешь? Какъ смѣешь? кричала вслѣдъ ему боярыня-мама, стараясь нагнать бѣжавшаго боярина.

— Матушка-царица такъ приказала! крикнулъ ей бояринъ, не останавливаясь.

Потомъ Гаша, все еще стоявшая въ оцѣпенѣніи передъ образомъ, съ удивленіемъ замѣтила, что наступила на время какая-то странная тишина и длилась нѣсколько минутъ,—и вдругъ опять разразился оглушительный взрывъ неистовыхъ криковъ, дикаго рева толпы, стоновъ и проклятій, и ему, кажется, конца не было...

— Бояръ рѣжутъ! Бьютъ! На копья съ крыльца бросаютъ... Бердышами рубятъ! кричалъ кто-то въ сѣняхъ.

И всѣ разомъ бросились бѣжать, прятаться, спасаться, кто куда могъ.

А Гаша и съ колѣнъ подняться не могла. Ноги ей не повиновались... Ужасъ оковалъ ея члены... Она хотѣла перекреститься и не могла поднять руки... И только прислушивалась съ замираніемъ сердца къ громкимъ возгласамъ и крикамъ, которымъ гулко вторило эхо опустѣвшаго дворца. Потомъ къ ней въ комнату ворвались гурьбою какіе-то страшные, свирѣпые, полупьяные люди, съ бердышами и копьями въ рукахъ, горланя во все горло:

— Нарышкиныхъ давайте намъ! Нарышкиныхъ ищи вездѣ... Всѣхъ ихъ порѣшимъ!

— Пора намъ разобраться, кто намъ надобенъ! кричали другіе.

И Гаша видѣла, какъ они около нея тыкали въ пуховики копьями, какъ заглядывали подъ кровати, рылись въ чуланахъ.

— Гдѣ Нарышкины? Говори, ты должна знать! набросились на Гашу эти звѣри.

— Говори! Не то убьемъ! кричали они надъ нею, то потрясая ее за плечо, то дергая за косу.

Полумертвая отъ страха, она могла только едва слышно пролепетать:

— Видитъ Богъ, не знаю...

Одинъ изъ злодѣевъ грубо толкнулъ ее сапожищемъ въ грудь, и всѣ вышли въ сѣни съ шумомъ и ругательствами.

Гаша осталась опять одна передъ иконой, и много разъ еще до ея слуха долетали дикіе крики разнузданной толпы, бряцаніе оружія, вопли безжалостно убиваемыхъ несчастныхъ...

И только одна мысль неотступно держалась въ головѣ у нея:

«Нарышкиныхъ ищутъ!... Нарышкиныхъ.... И его тоже... Можетъ быть... нашли?!.. О!! нѣтъ!! Быть не можетъ!»

И долго боролась она съ собою, преодолѣла страхъ и ужасъ—и у ней явились силы. Она поднялась, вскочила на ноги, блѣдная, растерянная, трепещущая... Шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, она пошла бродить по опустѣлымъ переходамъ, крыльцамъ, теремамъ и сѣнямъ обширнаго дворца... Много разъ ея ноги скользили въ сгусткахъ крови, которая широкими темными лужами стояла на полу, текла по лѣстницамъ, разбрызгана была всюду... Дважды наткнулась она на трупы какихъ-то стариковъ изъ царицыной служни, потомъ на тѣло несчастнаго юноши, Өедора Салтыкова, который былъ принятъ за одного изъ Нарышкиныхъ и безжалостно умерщвленъ въ дворцовыхъ стѣнахъ.

— Не тотъ, не онъ... Слава Богу, не онъ! шептала Глаша, всматриваясь въ лица убитыхъ, искаженныя страданіемъ, и спѣшила пробраться далѣе.

Среди своихъ блужданій, полусознательныхъ, почти безцѣльныхъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ и попытокъ, хоть отъ кого-нибудь узнать о томъ, что сталось съ Нарышкиными, она очутилась вдругъ у самаго входа въ церковь Воскресенія Христова, «что на сѣняхъ» и остановилась въ изумленіи и ужасѣ... Крѣпкія двери церкви были взломаны, окна разбиты, широкій кровавый слѣдъ былъ виденъ на порогѣ и багровыми пятнами обозначался на лѣстницѣ, у входа въ церковь...

Тутъ впервые Гаша натолкнулась на живое существо... Мишка Хомякъ вышелъ ей навстрѣчу изъ церкви, боязливо оглядываясь по сторонамъ и прикрывая какую-то тяжелую ношу полою своего кафтана.

— А! красная дѣвица! проговорилъ онъ, ехидно посмѣиваясь и пристально глядя въ мертвенно-блѣдное лицо Гаши.—Ты какъ сюда попала? Али къ милому шла, знала, что онъ тутъ скрывался?..

— Гдѣ? Гдѣ онъ? задыхаясь проговорила Гаша, опираясь о притолку двери, чтобы не упасть.

— Былъ здѣсь, подъ престоломъ былъ спрятанъ... И не сыскали бы его—да я имъ указалъ! Да! Я! сказалъ Хомякъ съ особеннымъ удареніемъ. Теперь пойди, ищи его на площади по слѣду... Да, кстати, вотъ-на, возьми—я несъ тебѣ отъ него подарокъ...

И, отвернувъ полу кафтана, онъ бросилъ ей подъ ноги кисть руки Аѳанасія Кирилловича, съ знакомымъ ей большимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

Гаша вскрикнула пронзительно, страшно... Потомъ отшатнулась въ сторону и упала безъ дыханія на плиты церковнаго притвора, обагренныя кровью ея милаго.

V.

Минуло два-три мѣсяца послѣ этихъ страшныхъ майскихъ дней. Софья торжествовала. Она и сестры ея (по матери Милославскія) добились того, что не одинъ только Петръ, сынъ ненавистной мачихи, Натальи Кирилловны Нарышкиной, былъ царемъ... При помощи своего родича, Ивана Михайловича Милославскаго, этого Одиссея хитроумнаго, царевны-сестры добились того, что рядомъ съ Петромъ на престолъ былъ посаженъ слабоумный и слабосильный царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, изъ-за спины котораго царевна-правительница правила всѣми государственными дѣлами.

Царица Наталья Кирилловна, удаленная изъ Московскаго Теремнаго дворца въ загородный Преображенскій, обреченная на забвеніе и уединеніе, повидимому, примирилась со своей горькой долей, и въ тѣсномъ кругу вѣрныхъ друзей и вѣрныхъ слугъ вся предалась заботамъ о своихъ неоцѣненныхъ дѣтяхъ, какимъ-то чудомъ оставшихся невредимыми среди ужасовъ стрѣлецкаго бунта.

На Красной площади, тамъ, гдѣ лежали во время бунта изсѣченные бердышами и исколотые копьями трупы несчастныхъ жертвъ стрѣлецкаго своеволія, словно въ насмѣшку надъ Божіей правдою, возвышался каменный столбъ, на которомъ кудреватая и хвастливая надпись восхваляла заслуги злодѣевъ и пятнала тяжкими укорами и навѣтами память невинныхъ страдальцевъ... Стрѣльцы, послужившіе надежною опорою царевнѣ-правительницѣ въ ея стремленіи къ власти, были осыпаны милостями и наградами. Переименованные

въ «Надворную пѣхоту» они держали себя высокомѣрно и нагло, понимая свое значеніе, сознавая себя силою.

Только одинъ изъ участниковъ майскаго кровопролитія. Мишка Хомякъ, остался безъ награды... Царевна Софья, по просьбѣ своего карлика Лукашки, правда, приняла Хомяка въ свой придворный штатъ на службу, даже велѣла сшить ему новую пару платья, но всѣ сторонились его и старались быть подальше отъ предателя.

— Отъ него, проклятаго, Нарышкинской кровью пахнетъ! Ну его совсѣмъ! говорили про Хомяка всѣ на половинѣ царевны.

— Не даромъ прошло ему это темное дѣло! пояснялъ всѣмъ Лукашка.—Вѣдь вотъ взгляните на него: онъ съ той поры и самъ не свой сталъ. Временемъ сдается мнѣ, что онъ какъ бы ума рехнулся...

И точно, всѣ стали замѣчать, что Мишка сталъ задумываться. Сядетъ, бывало, гдѣ-нибудь въ уголку, подожметъ подъ себя ноги, руки опуститъ на колѣни, уставитъ глаза въ какой-нибудь сучокъ или пятно въ стѣнѣ, и сидитъ такъ часъ или болѣе, пока его кто не окликнетъ или не заставитъ сдвинуться съ мѣста. Немного спустя, Мишка и въ рѣчахъ сталъ какъ будто путаться и заговариваться. Лукашка, жившій съ нимъ въ одной каморкѣ, зорко за нимъ слѣдилъ и не разъ онъ обращался къ нему съ вопросомъ:

— Слышь, Мишка? недужится тебѣ, что-ли? Аль такъ, тоска томитъ? Что ты угрюмый такой?

А Мишка бывало только ухмыльнется, помотаетъ головой и ничего не отвѣтитъ.

Однажды ночью Лукашка проснулся отъ какого-то необычнаго движенія и говора около самой его кровати. Онъ приподнялся съ изголовья, и при смутномъ свѣтѣ луны увидѣлъ, что Мишка сидитъ на постели и говоритъ, обращаясь въ сторону двери:

— Отстань! Сказалъ тебѣ, окаянная, что не пойду, и не пойду!

Лукашка окликнулъ его:

— Что ты, братъ, во снѣ, аль на-яву говоришь? И съ кѣмъ?

Мишка обернулся къ нему и отвѣчалъ ему съ волненіемъ:

— Покою не даетъ, проклятая, надоѣдаетъ... Лѣзетъ все ко мнѣ...

— Кто лѣзетъ?

— Да Гашка!.. Которую ужь ночь стоитъ за дверью и воетъ: зоветъ съ собою на башню наугольную.

— Да что ты врешь? перебилъ его Лукашка, котораго дрожь пробрала отъ этихъ словъ Хомяка. Вѣдь Гашки ужь который мѣсяцъ и въ живыхъ нѣтъ!

— Враки! сказалъ Хомякъ съ увѣренностью. — Живёхонька...

Вонъ и теперь стоитъ за дверью... Меня къ себѣ зоветъ: то на колокольню полѣзай за ней, то на башню... Дура!

И затѣмъ онъ улегся опять, закутался съ головою въ одѣяло и замолкъ. Но Лукашка не могъ заснуть до самаго утра: такъ напугалъ его Хомякъ своимъ страшнымъ бредомъ.

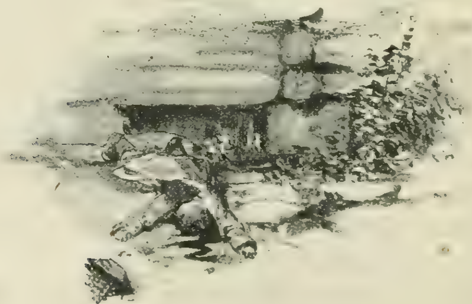
Прошло еще нѣсколько дней. Хомякъ какъ будто даже нѣсколько повеселѣлъ; рѣже задумывался, не заговаривался, и спалъ спокойно по ночамъ. Лукашка сталъ ужь думать, что это «навожденіе» у него поотлегло, и вдругъ однажды на зарѣ былъ пробужденъ какимъ-то непривычнымъ холодомъ... Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что дверь въ сѣни настежь открыта, и тотчасъ всталъ, чтобъ притворить ее. Тутъ только онъ замѣтилъ, что кровать Хомяка пуста. Онъ заглянулъ въ сѣни — туда, сюда; тихонько окликнулъ товарища, чтобы не разбудить сосѣдей; потомъ махнулъ рукой и опять улегся подъ одѣяло. Проснулся онъ уже часа два спустя, когда кто-то изъ челядинцевъ царевны сталъ что есть мочи теребить его за плечо.

— Что, что случилось? пролепеталъ впросонкахъ Лукашка.

— А то, что Мишка-то изъ слуховаго окна во дворъ выбросился!

— Какъ?.. Гдѣ?.. Господи! вскрикнулъ Лукашка, вскочивши съ постели, и, наскоро одѣвшись, побѣжалъ во дворъ, подъ переходы, гдѣ ужь не мало собралось всякаго народу.

Мишка лежалъ ничкомъ, въ лужѣ крови, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни: Гаша и послѣ смерти отомстила ему за своего милаго...



Нашла коса на камень.

I.

Въ исторіи человѣчества бываютъ, несомнѣнно, жестокія и горькія насмѣшки судьбы надъ человѣческою суетностью, надъ всякими хитроумными дипломатическими расчетами и политическими комбинаціями. Человѣчество строитъ, громоздитъ, вѣками создаетъ какую-нибудь искусственную политическую единицу, придаетъ этой единицѣ какое-то значеніе, создаетъ для нея преданія, дерзаетъ даже мечтать о какомъ-то могуществѣ этой единицы, и вдругъ какая-нибудь случайность, не заслуживающая даже названія историческаго факта, выдвигаетъ на первый планъ ничтожнѣйшаго дѣятеля, который однимъ почеркомъ пера, однимъ поворотомъ руки крушитъ и рушитъ всю многовѣковую работу пигмеевъ-людей и напоминаетъ имъ о томъ высшемъ порядкѣ, который такъ часто забывается всѣми подъ вліяніемъ мелочныхъ житейскихъ расчетовъ и соображеній.

Эти мысли невольно приходятъ въ голову каждому, кто оглянется лѣтъ за полтораста назадъ и вникнетъ въ исторію герцогства Курляндскаго въ то время, когда вдовствующая герцогиня курляндская Анна Іоанновна была призвана на всероссійскій престолъ, а Курляндія временно оставлена подъ управленіемъ слабоумнаго герцога Фердинанда,—послѣдняго потомка Кетлеровъ.

По смерти герцога Фердинанда, въ 1737 г., Анна Іоанновна не дозволила никому мѣшаться въ дѣла Курляндіи: она рѣшилась посадить на Курляндскій престолъ своего любимца Бирона. Высокоумные курляндскіе бароны волновались и возмущались противъ этого «непремѣннаго» желанія императрицы Анны, взывали къ исторіи, ссылались на свои права и привилегіи, въ разное время вымоленныя или обманомъ добытыя отъ Швеціи и Польши; но изъ Петербурга пришелъ къ Рижскому губернатору Бисмарку приказъ двинуть войско къ Митавѣ, куда должно было для выборовъ съѣхаться все курляндское дворянство. Предокъ недавняго вершителя судебъ Европы принялся за исполненіе даннаго приказа такъ ловко и такъ умѣло, что, по замѣчанію одного изъ правдивѣйшихъ современниковъ, «выборы не могли не состояться». Нѣсколько эскадроновъ кавалеріи было разставлено на улицахъ Митавы и на кладбищѣ, вблизи того собора, гдѣ должны были происходить выборы. Не мудрено, что всѣ эти почтенные курляндскіе бароны, поспоривъ, «большинствомъ голосовъ порѣшили избрать въ герцоги достойнаго вельможу всероссійскаго двора, Эрнста-Іоганна Бирона... Избранный герцогъ даже не сразу удостоилъ герцогство своимъ посѣщеніемъ, а только прислалъ преданныхъ распорядителей, которые прибрали все къ рукамъ и ввели въ герцогствѣ совсѣмъ новые, невиданные дотолѣ порядки, крѣпко не полюбившіеся баронамъ. Къ этому-то времени и относится начало нашего разсказа...

II.

Славный замокъ у барона Закена фонъ-Зекингенъ! Какіе кругомъ чудесные сады и паркъ, какія аллеи липъ и каштановъ идутъ отъ замка къ прудамъ и мельницамъ, какіе богатѣйшіе скотные дворы и службы прилегаютъ къ парку подъ горою! И богатъ-же этотъ баронъ фонъ-Зекингенъ! Полторы тысячи крестьянъ, несчастныхъ и забитыхъ суровыми нѣмцами-управляющими, выходятъ каждый день на работы въ его многочисленныхъ фермахъ и мызахъ, и съ утра до ночи трудятся въ потѣ лица изъ-за черстваго куска хлѣба для обогащенія своего барона. Стадамъ барона

и счета нѣтъ; его два конскихъ завода славятся на всю Курляндію превосходными статьями своихъ коней. И домъ у барона—полная чаша: всего вдоволь и все въ порядкѣ... Да и какъ не быть порядку у такого строгаго хозяина, который не любитъ терять словъ напрасно и за каждое отступленіе отъ положенныхъ правилъ посылаетъ прислугу на конюшню «съ исправительною цѣлью!»

Барону Закену фонъ-Зекингенъ не больше сорока лѣтъ. Это высокій, здоровый и красивый мужчина, съ большою лысиной и легкою просѣдью въ большихъ усахъ, съ широкимъ рубцомъ на лбу и глубокимъ шрамомъ на щекѣ. Люди, мало знавшіе барона, обыкновенно при встрѣчѣ съ нимъ, съ этимъ гордымъ и высокомѣрнымъ представителемъ курляндской знати, смотрѣли съ особеннымъ почтеніемъ на эти рубцы и шрамы, предполагая, что они получены барономъ Закеномъ на полѣ брани (въ молодости онъ служилъ года два въ польской военной службѣ.) И самъ баронъ никого въ этомъ не разувѣрялъ, никому не разсказывалъ, что рубецъ на лбу полученъ былъ въ горячей схваткѣ съ Марбургскимъ сапожникомъ, который разбилъ буйному барону лобъ пивною кружкой; а рубцы на щекѣ остались въ память отъ временъ студенчества, когда самъ баронъ кутилъ и пьянствовалъ въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ городковъ, считаясь студентомъ и не бывая на лекціяхъ.

Недавно баронъ задумалъ остепениться и жениться. Онъ выбралъ себѣ невѣсту изъ знатнаго рода бароновъ фонъ-Эйтельфельсъ, красивую, богатую молодую дѣвушку, которой нравился не самъ баронъ, а возможность составить хорошую партію—возможность выйти поскорѣе на свободу изъ-подъ скучной опеки строгихъ родителей. Всего недѣля оставалась до свадьбы, и въ домѣ барона все мыли и чистили и приводили въ порядокъ, между тѣмъ какъ онъ самъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ у камина и злился на погоду, которая вынуждала его скучать дома въ мрачныхъ покояхъ его родоваго замка.

Дѣйствительно, дождь съ утра уже лилъ, какъ изъ ведра, и рѣзкій, студеный вѣтеръ, налетая порывами, вдругъ, словно вѣникомъ, хлесталъ по стекламъ, потрясалъ створчатыми рамами, свисталъ въ щели подъ дверью или заливался какими-то дикими, неистовыми воплями въ трубѣ камина. Погода была именно такая, о которой говорится, что «добрый хозяинъ на нее и собаки не выгонитъ».

Баронъ, привыкнувшій къ дѣятельной и подвижной жизни хозяина и охотника, рѣшительно не зналъ, какъ убить время, когда вынужденъ былъ оставаться дома въ такую ужасную погоду. Съ

утра онъ брался и за счеты, и за книги; перечиталъ, по крайней мѣрѣ, въ сотый разъ то мѣсто изъ какой-то старой нѣмецкой хроники, въ которой прославлялись подвиги его достойныхъ предковъ, безнаказанно избивавшихъ «во славу Божію» несчастныхъ латышей и эстовъ... Потомъ ходилъ по комнатѣ, посматривая на высокіе стѣнные ча́сы, и съ величайшею досадою убѣждался въ томъ, что до обѣда остается еще битый часъ!.. Цѣлый часъ ожиданія!

Баронъ Закенъ уже собирался было сорвать свой гнѣвъ и скуку на прислугѣ, привязавшись къ какой-нибудь мелочи, какъ вдругъ — судьба пришла на помощь скучающему, суровому барону!

Среди шумныхъ порывовъ вѣтра и непрерывающагося дробнаго звука дождевыхъ капель, барабанившихъ въ стекла оконъ, онъ явственно услыхалъ рѣзкій звукъ рожка, возвѣщавшій о прибытіи въ замокъ какого-то гостя... Баронъ мигомъ бросился къ окну и съ величайшей радостью увидѣлъ въѣзжавшую во дворъ тяжелую дорожную карету съ чемоданами и ва́жами, запряженную шестерикомъ сытыхъ одномастныхъ коней и окруженную шестью конными вершниками, въ ливреяхъ съ гербами.

— Эй! Кто тамъ! Люди! Живѣе,—узнать, кто пріѣхалъ!.. Просить, принять!..

Но баронъ не успѣлъ еще отдать приказаній, какъ запыхавшіеся слуги прибѣжали ему доложить, что къ нему пожаловалъ графъ Крацъ-фонъ-Эйзенъ, ѣдущій изъ Россіи, по дѣламъ, въ Митаву, и проситъ у него позволенія отдохнуть отъ дороги и укрыться отъ непогоды въ его замкѣ.

— Ослы! заревѣлъ баронъ, — развѣ тутъ нужно спрашивать о моемъ позволеніи?! Сейчасъ отведите внизу лучшую комнату для графа и просите его пожаловать ко мнѣ въ столовую!

И самъ баронъ, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что судьба послала ему такого знатнаго гостя (ему даже казалось, что онъ гдѣ-то слыхалъ фамилію графа), поспѣшилъ въ столовую и засуетилъ всѣхъ людей, отдавая имъ ордеръ за ордеромъ, то приказывая украсить столъ стариннымъ, родовымъ серебромъ, то—достать изъ погреба забытыя въ дальнемъ углу бутылки рейнскаго.

Вотъ, наконецъ, и пріѣзжій графъ явился въ столовую. Это былъ очень высокій и очень статный мужчина, тоже лѣтъ за сорокъ, въ модномъ дорогомъ пудренномъ парикѣ, въ темномъ суконномъ кафтанѣ новѣйшаго французскаго покроя, съ изящными стальными пуговицами. Тончайшая батистовая манишка, обшитая дорогими кружевами, выставлялась изъ-за его пестраго камзола. Толстая зо-

лотая цѣпь съ массивной печатью на золотомъ перстнѣ вывѣшивалась изъ кармана его брюкъ, пристегнутыхъ пряжками къ темнымъ шелковымъ чулкамъ. Дорогой брильянтовый перстень такъ и горѣлъ на указательномъ пальцѣ пухлой и бѣлой руки, которую графъ весьма привѣтливо протянулъ барону фонъ-Зекингену.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ онъ,—за пріютъ и радушно-предложенный обѣдъ и ночлегъ! Я такъ разбитъ далекимъ путешествіемъ, что нуждаюсь въ отдыхѣ. Притомъ, по этакой погодѣ и ѣхать невозможно... Того и жди, что лошадей испортишь...

— Очень радъ что могу пріютить васъ, графъ, въ замкѣ моихъ предковъ,—съ достоинствомъ сказалъ баронъ, приглашая пріѣзжаго къ столу и усаживая его на почетномъ мѣстѣ.—Фонъ-Зекингены всегда настолько-же славились гостепріимствомъ въ стѣнахъ своего замка, насколько и мужествомъ подъ стѣнами чужихъ замковъ...

— Не сомнѣваюсь, что я въ васъ найду одного изъ любезнѣйшихъ представителей вашего славнаго рода,—любезно замѣтилъ графъ, стараясь придать какъ можно болѣе пріятности своему надменному лицу и большимъ каримъ глазамъ, которые сурово блистали изъ-подъ густыхъ, черныхъ бровей.

Едва только хозяинъ и гость успѣли сѣсть за столъ, какъ за стуломъ графа явились два гайдука-великана, вытянулись въ струнку и словно замерли на мѣстѣ. На вопросъ хозяина, который освѣдомился у графа—откуда онъ выискалъ себѣ такихъ молодцовъ, тотъ отвѣчалъ, что одинъ изъ его друзей отыскалъ ихъ для него въ Малороссіи, купилъ тамъ и прислалъ ему въ подарокъ—и, тотчасъ перемѣнивъ разговоръ, перешелъ къ другимъ, живымъ, современнымъ вопросамъ.

Баронъ попытался было опять навести разговоръ на путешествіе графа и даже спросилъ его. съ какою цѣлью ѣдетъ онъ въ Митаву, но тотъ отвѣчалъ очень уклончиво, что ѣдетъ по дѣламъ— и только. Но затѣмъ, когда гость и хозяинъ роспили бутылочку рейнскаго, а бесѣда случайно зашла о лошадяхъ, графъ оживился и сталъ говорить съ восторгомъ о превосходныхъ коняхъ герцога Бирона и объ его богатѣйшей конюшнѣ, которую ему пришлось, мимоѣздомъ, видѣть въ Петербургѣ.

— Еще-бы у него не было хорошей конюшни! съ досадою сказалъ баронъ Закенъ.— Ему сгоняютъ лучшихъ лошадей со всей Россіи. приводятъ ихъ за сотни миль! А выбирать онъ мастеръ — не даромъ-же отецъ его былъ такъ долго конюхомъ у покойнаго нашего герцога...

Графъ скривилъ ротъ чѣмъ-то въ родѣ улыбки и сказалъ, стараясь быть спокойнымъ:

— Отецъ его былъ конюхомъ, а все-же онъ Божіею милостью вашъ герцогъ, и вамъ-бы слѣдовало относиться къ нему нѣсколько...

— Помилуйте! запальчиво перебилъ баронъ.—Чего мнѣ съ нимъ церемониться! Я знаю, что вы человѣкъ благородный, человѣкъ нашего круга, и не выдадите меня этому проходимцу!.. Именно проходимцу, неспособному цѣнить ни знатности, ни правъ нашего курляндскаго дворянства, ни нашихъ обычаевъ. Вѣдь вы себѣ представить не можете, что намъ приходится терпѣть отъ его клевретовъ, которыхъ онъ сюда прислалъ править отъ его имени!

— Вы, можетъ быть, относите къ герцогу Бирону то, что, собственно говоря, исходитъ вовсе не отъ него, а отъ этихъ людей, которымъ онъ довѣрилъ управленіе герцогствомъ?..

— Я этого и знать не хочу! горячился баронъ, подогрѣтый второю бутылкою стараго рейнскаго.—Каждый порядочный дворянинъ обязанъ отвѣчать за своего управляющаго и за своихъ слугъ!.. А тутъ, вопреки всѣмъ нашимъ правиламъ, всѣмъ вѣковымъ привилегіямъ и вольностямъ, вопреки установившимся формамъ нашихъ орднунгсгерихтовъ и ландгерихтовъ, Биронъ дерзаетъ распоряжаться нами, какъ пѣшками...

— Хм! Это любопытно! замѣтилъ графъ, прихлебывая изъ своего стакана и прищуривая глаза.—Что-же онъ дѣлаетъ? Какъ поступаетъ здѣсь, почтеннѣйшій баронъ?

— А вотъ какъ! Чуть кто-нибудь не угодитъ его здѣшнимъ митавскимъ драбантамъ,—будь онъ хоть такого-же знатнаго и богатаго рода, какъ я,—его хватаютъ, увозятъ безъ всякаго шума невѣдомо куда, такъ что человѣкъ вдругъ пропадаетъ безъ вѣсти...

— Какъ это странно! Я, право, даже не пойму... Да и повѣрить трудно...

— Не трудно этому повѣрить, графъ, и я готовъ увѣрить васъ своимъ баронскимъ словомъ, что многіе изъ нашей знати поплатились только за то, что смѣли порицать герцога Бирона. И вотъ какъ это бываетъ: люди, въ черныхъ плащахъ и черныхъ маскахъ, являются, хватаютъ, сажаютъ въ черную закрытую карету — и мигомъ слѣдъ простылъ... А тамъ и поѣзжай искать барона — въ Сибири!

Графъ покачалъ головой съ видомъ соболѣзнованія и сказалъ:

— Долженъ вамъ вѣрить, баронъ, но все-же замѣчу, что герцогу, конечно, неизвѣстны эти недостойныя продѣлки его здѣшнихъ

правителей. И слѣдовало-бы, прежде всего, его объ этомъ увѣдомить, просить разбора дѣла, защиты отъ несправедливости...

— А я вамъ скажу, что это совершенно безполезно! горячился баронъ. —Все это герцогу извѣстно и ужъ не разъ ему на это жаловались...

— Ну, и что-же онъ отвѣчалъ?..

— А то и отвѣчалъ, что очень жалѣетъ о случившемся и если разыщетъ виновныхъ, то накажетъ ихъ по всей строгости законовъ...

— Чего-же вамъ больше, баронъ? съ улыбкою замѣтилъ графъ и поднялся изъ-за стола, извиняясь утомленіемъ отъ дороги. Слѣдомъ за графомъ двинулись и его безмолвные гайдуки-великаны.

— Чего вамъ больше! съ досадою повторилъ баронъ, вспоминая послѣднія слова графа и допивая послѣднія капли третьей бутылки,— я-бы зналъ, что дѣлать! Я-бы всѣхъ этихъ негодяевъ въ черныхъ маскахъ—велѣлъ-бы запороть плетьми на своей конюшнѣ; и герцогу-то самому, кабы явился онъ въ Митаву, такую пропѣлъ-бы пѣсню, что онъ ее и до гроба не забылъ-бы! Такъ попирать наши права, наши привилегіи, дарованныя намъ королями, завоеванныя мечомъ предковъ-рыцарей!.. О! я-бы показалъ ему! бормоталъ баронъ, склоняясь головою надъ своимъ стаканомъ и начиная погружаться въ сладостную послѣобѣденную дремоту, между тѣмъ какъ вымуштрованные слуги неподвижно стояли на вытяжку у притолки дверей, а дробный дождикъ попрежнему продолжалъ барабанить въ стекла оконъ баронскаго замка.

III.

Ровнёшенько недѣля прошла послѣ описаннаго нами эпизода. Прошла въ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ свадебному пиршеству, которое баронъ фонъ-Зекингенъ собирался очень шумно отпраздновать въ замкѣ своихъ предковъ, созвавъ къ себѣ на свадьбу всѣхъ родныхъ, и близкихъ, и дальнихъ. Гости стали съѣзжаться еще наканунѣ, размѣщаясь въ обширныхъ покояхъ замка и наполняя его веселымъ шумомъ и оживленіемъ.

Насталъ, наконецъ, и день свадьбы—тихій, ясный осенній день. Блестящій поѣздъ невѣсты, окруженный многочисленною свитою родни и верховыхъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ, подъѣхалъ къ приходской церкви одновременно съ поѣздомъ жениха, раскинувшимся по дорогѣ на цѣлыхъ полверсты. Толпа народа, собравшаяся около церкви, привѣтствовала поѣзжанъ громкими кликами и осыпала невѣсту цвѣтами на порогѣ церкви. Въ то время, когда въ церкви совершался

обрядъ бракосочетанія и звуки довольно сиплаго приходскаго органа неслись изъ дверей, а толпа родственниковъ и знакомыхъ барона Закена фонъ-Зекингенъ весело болтала у церкви, въ эту пеструю толпу втерся со стороны какой-то приземистый господинъ среднихъ лѣтъ и весьма благообразной наружности, одѣтый весьма опрятно и прилично, хотя и не богато. Никто его не зналъ и не обмѣнивался съ нимъ ни привѣтомъ, ни поклономъ. Родственники жениха предполагали, что онъ принадлежитъ къ обширной роднѣ невѣсты; а родственники невѣсты, что онъ, вѣроятно, принадлежитъ къ роднѣ жениха. Пользуясь этимъ обоюднымъ недоразумѣніемъ, незнакомецъ держалъ себя очень ловко, и когда молодые, при громкихъ кликахъ толпы и при звукахъ музыки, показались на порогѣ церковныхъ дверей, то незнакомецъ подошелъ съ поздравленіемъ и къ жениху, и къ невѣстѣ, и каждому изъ нихъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ съумѣлъ сказать что-то весьма не глупое и пріятное. Затѣмъ, вмѣстѣ съ другими, незнакомецъ сѣлъ въ одинъ изъ экипажей и направился въ замокъ со всею веселой гурьбой гостей.

Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Вино, которымъ слуги барона весьма часто и весьма усердно обносили гостей, начинало уже горячить головы и туманить разсудокъ. Между шумными тостами за здравіе молодыхъ и процвѣтаніе супружества, слышались уже по временамъ довольно плоскіе намеки на то, что баронъ былъ извѣстенъ своими похожденіями и вѣроятно расплодитъ огромную семью... Смѣхъ и говоръ заглушали разумныя рѣчи... Игривая и не совсѣмъ приличная веселость свадебнаго пира всѣмъ развязывала языки и побуждала хозяина спѣшить окончаніемъ пиршества. Хотя баронъ былъ и веселъ, и привѣтливъ, а по общимъ отзывамъ, даже помолодѣлъ на десять лѣтъ (пудренный щегольской парикъ прикрывалъ его лысину, а малиновый бархатный кафтанъ съ золотыми галунами былъ ему къ лицу); но всѣ замѣтили, что онъ сталъ какъ-то тревожно оглядываться по сторонамъ залы подъ конецъ обѣда. И не мудрено: садясь за обѣдъ, онъ нашелъ подъ тарелкой какую-то записку, которую поспѣшно сунулъ въ карманъ, вынужденный отложить ея чтеніе до окончанія свадебнаго стола. Кто ее принесъ? Откуда она взялась? Кто осмѣлился сунуть ее подъ тарелку барона на глазахъ всей прислуги,—вотъ что занимало почтеннаго барона въ то время, когда онъ обращался съ любезностями къ своей молодой женѣ, сидѣвшей по лѣвую руку отъ него, или съ серьезной бесѣдой къ богатому тестю, барону фонъ-Эйтельфельсъ сидѣвшему направо.

— Скажите, пожалуйста, баронъ.—обратился къ зятю тесть,—кто это тамъ сидитъ за вторымъ столомъ направо, около ландрата фонъ-Грюцнера?

— А право не могу вамъ сказать, баронъ! отвѣчалъ съ улыбкою фонъ-Зекингенъ. — Тутъ такая тьма народа, что всѣхъ и припомнить трудно. Я думалъ, что этотъ господинъ принадлежитъ къ вашей свитѣ?

— Нѣтъ; ни я, ни кто изъ моихъ родственниковъ, сухо отвѣтилъ баронъ фонъ-Эйтельфельсъ, — этого господина не знаемъ, и я думалъ, что онъ, можетъ быть, вашъ старый знакомый?..

— Странно! Никто его не знаетъ... Зачѣмъ же онъ сюда попалъ? Сейчасъ велю узнать его фамилію...

Но тутъ гости шумно поднялись съ мѣста, раздался на всю залу какой-то трескучій тостъ съ кудреватымъ нѣмецкимъ *вицемъ*, раздались и— виватъ! и hoch!—рюмки и бокалы зазвенѣли, пошли чоканья и поздравленія; а когда всѣ гости вновь усѣлись по мѣстамъ, то хозяинъ замѣтилъ, не безъ удивленія, что мѣсто за вторымъ столомъ, около ландрата фонъ-Грюцнера, опустѣло.

Когда послѣ обѣда невѣсту повели на ея половину, чтобы изъ свадебнаго убора переодѣть въ роскошное домашнее платье, то и женихъ, оставивъ гостей своихъ допивать остатки вина въ столовой, направился къ себѣ въ спальню — переодѣться и немного освѣжиться отъ духоты въ столовой.

Прежде всего, оставшись наединѣ, онъ вынулъ изъ кармана записку, развернулъ ее при свѣтѣ восковой свѣчи, горѣвшей въ массивномъ серебряномъ шандалѣ, и прочелъ слѣдующее:

«Почтенный баронъ! Преданнѣйшій другъ вашъ, товарищъ вашъ съ дѣтства и однокашникъ, спѣшитъ предупредить васъ объ угрожающей вамъ неминуемой опасности и открыть вамъ страшную тайну. Какъ только кончится обѣдъ, немедленно спуститесь въ садъ, отсчитайте отъ террасы замка пятьдесятъ шаговъ и остановитесь на поворотѣ влѣво, у второй скамейки. Тамъ буду васъ ждать. Не забудьте, что сегодня, въ 12 часовъ ночи, будетъ уже поздно!»

Баронъ невольно взглянулъ на стѣнные старинные часы и, прежде чѣмъ успѣлъ разсмотрѣть на нихъ стрѣлки, часы зашипѣли, заурчали и мѣрно, глухо пробили одиннадцать... Баронъ накинулъ на плечи темный плащъ, сунулъ пару пистолетовъ въ карманы брюкъ, нахлобучилъ на глаза шляпу и чуть не бѣгомъ пустился внизъ по маленькой боковой лѣстницѣ на террасу замка.

IV.

Спустившись на террасу, баронъ вынулъ изъ-подъ плаща потайной фонарь, зажегъ въ немъ свѣчу, задвинулъ стекло ставенкой и быстро зашагалъ по аллеѣ, отсчитывая шаги.

— Сорокъ семь, сорокъ восемь... пятьдесятъ... должно быть здѣсь? И баронъ поставилъ фонарь въ сторону... Вотъ и поворотъ дорожки и скамейка. Но на скамейкѣ нѣтъ никого. Баронъ насупилъ брови и собирался уже выругаться самою крѣпкою бранью, когда вдругъ чьи-то желѣзныя лапы ухватили его сзади за горло, зажали ему ротъ, между тѣмъ какъ четыре пары дюжихъ рукъ быстро распоряжались его руками и ногами, опутывая ихъ какими-то мягкими путами. Баронъ былъ силенъ и ловокъ; онъ попробовалъ было сопротивляться... Но нападеніе было такъ внезапно, и нападающіе были такъ сильны, и такъ искусны въ своемъ дѣлѣ, что баронъ черезъ минуту не могъ уже двинуть ни рукою, ни ногою. Точно такъ же неудачна была и попытка закричать—позвать на помощь... Желѣзныя лапы, сжимавшія ему горло и зажавшія ему ротъ, разжались только тогда, когда голова и шея барона были плотно обмотаны какимъ-то теплымъ и мягкимъ шарфомъ... Оставалось только покориться судьбѣ...

И вотъ баронъ почувствовалъ, какъ тѣ же дюжія руки, которыя его вязали и крутили, подхватили его въ темнотѣ, какъ перышко, и потащили куда-то въ глубь парка. Какой-то голосъ, не стѣсняясь и довольно громко, надъ самымъ ухомъ барона отдавалъ приказанія на неизвѣстномъ барону языкѣ, и тѣ темныя, мощныя фигуры, которыя такъ легко несли тяжеловѣснаго барона на рукахъ, молча исполняли приказаніе своего невидимаго начальника.

Вотъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ аллеи парка мелькнули огни фонарей, послышалось фырканье и топотъ коней. Барона поднесли къ какому-то крытому экипажу, бережно положили его на одно изъ широкихъ сидѣній; слышно было, какъ, вслѣдъ за барономъ, въ тотъ же экипажъ влѣзъ кто-то и помѣстился на противоположномъ сидѣньѣ. Раздались опять слова какой-то команды на томъ же незнакомомъ языкѣ; колеса зашуршали по песку дороги, по сухимъ листьямъ и трескучимъ вѣткамъ, кузовъ экипажа закачался и запрыгалъ по какимъ-то кочкамъ, а потомъ, когда экипажъ выѣхалъ на дорогу, кучеръ захлопалъ бичомъ, и слышно было, что добрые кони помчались во всю прыть. Среди топота коней, стука колесъ и бряцанья разныхъ скобокъ, колецъ и бляхъ слышно было, какъ по

бокамъ и позади экипажа скакали во весь опоръ какіе-то всадники, изрѣдка перебрасываясь между собою односложными словами.

— Почтеннѣйшій баронъ Закенъ фонъ-Зекингенъ, сказалъ, наклоняясь къ самому уху новобрачнаго сидѣвшій съ нимъ спутникъ.—Въ настоящую минуту я могу развязать вамъ шарфъ около шеи и нѣсколько ослабить ваши путы... если вамъ угодно будетъ дать мнѣ честное слово въ томъ, что вы не сдѣлаете ни шага безъ моего разрѣшенія и не станете оказывать мнѣ совершенно, впрочемъ, напраснаго сопротивленія.

Барону такъ пріятно было услышать учтивую нѣмецкую рѣчь и такъ хотѣлось знать, кому попался онъ въ руки, что онъ поспѣшилъ дать слово незнакомцу.

Тотъ тотчасъ распуталъ шарфъ съ шеи, ловко и быстро ослабилъ узлы на рукахъ и ногахъ барона и усадилъ его поудобнѣе.

— Куда меня везутъ и въ чьихъ я рукахъ? спросилъ баронъ.

— Куда васъ везутъ,—этого я и самъ не знаю... А взять васъ было прислано приказаніе изъ Петербурга, изъ Тайной канцеляріи.

— За что же, въ чемъ же меня обвиняютъ?

— Вы арестованы по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

— Въ государственной измѣнѣ?!

— Такъ, баронъ; но, впрочемъ, приказано съ вами обращаться какъ можно вѣжливѣе и предупредительнѣе... Слѣдовательно, васъ не ожидаетъ ничто страшное... Такъ только, маленькое путешествіе...

— Напримѣръ, въ Сибирь? Тысячу доннерветтеровъ!

— Покамѣстъ... въ Митаву; а тамъ, куда прикажутъ.

Баронъ откинулся назадъ и, стиснувъ зубы, сжавъ кулаки, опустилъ голову на грудь. Онъ ничего не могъ понять и все происходившее съ нимъ считалъ за тяжелый кошмаръ.

V.

Внезапное исчезновеніе барона въ самый день свадьбы, въ то именно время, когда новобрачная ожидала его прихода на своей половинѣ, произвело, конечно, ужаснѣйшій переполохъ. Барона искали долго и напрасно. Въ ту ночь никто въ замкѣ и глазъ не сомкнулъ. Только уже на другой день, садовникъ указалъ на слѣды барона на главной аллеѣ парка. Слѣды приводили къ скамейкѣ, у которой одна ручка была обломана, а дорожка кругомъ вся затоптана какими-то огромными сапожищами. Слѣды барона пропадали среди слѣдовъ, по которымъ можно было предполагать, что тутъ напали на барона шесть или восемь человѣкъ, устроившіе ему за-

саду. На дорожкѣ, вблизи поломанной скамейки, валялся потайной фонарь барона и его растоптанная шляпа; немного далѣе нашли кусокъ полы отъ его нарядн аго бархатнаго кафтана. Далѣе слѣды приводили къ тому мѣсту парка, гдѣ заборъ былъ разобранъ, и по ту сторону, близъ проселочной дороги, были ясно видны колеи. глубоко прорытыя въ рыхлой почвѣ какимъ-то тяжелымъ экипажемъ... Всѣмъ было совершенно ясно, что баронъ — похищенъ... И дѣйствительно, дня два спустя, отъ крестьянъ узнали, что около полуночи по Митавской дорогѣ во весь духъ промчалась мимо замка какая-то карета, запряженная четвернею въ рядъ и окруженная всадниками въ черныхъ плащахъ и черныхъ маскахъ.

Новобрачная сокрушалась, а вся ея родня и все дворянство, съѣхавшееся на свадьбу барона, было ужасно возмущено новымъ подвигомъ Бироновскихъ драбантовъ въ Митавѣ. Рѣшено было непремѣнно жаловаться самому герцогу, отъ лица всего курляндскаго дворянства, на самоуправныя дѣйствія поставленныхъ имъ въ управленіи лицъ, пренебрегавшихъ всѣми правами, всѣми привилегіями, всѣми законами Божескими и человѣческими!..

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ со свадьбы, а молодая все еще рѣшительно не имѣла никакихъ свѣдѣній о своемъ безслѣдно пропавшемъ супругѣ. Ей уже начинала надоѣдать странная неопредѣленность ея положенія. начинали надоѣдать досадливые толки и сокрушенія родни, не покидавшей зàмокъ ея мужа, когда, въ одинъ прекрасный день, слуга принесъ ей и почтительно передалъ письмо, запечатанное печатью бароновъ фонъ-Зекингенъ. Письмо было адресовано къ ней и адресъ былъ несомнѣнно написанъ рукою барона. Поспѣшно разорвавъ конвертъ, баронесса прочла въ письмѣ слѣдующее:

«Дорогая моя супруга!

«Злой жребій разлучилъ насъ въ ту минуту, когда мы должны были соединиться съ тобою навѣки. Но есть у меня добрые пріятели, которые за меня хлопочутъ у герцога, и я надѣюсь, что мое дѣло (какое? — я и самъ не знаю) скоро окончится въ мою пользу. Всего болѣе, однакоже, меня радуетъ то. что мнѣ разрѣшено съ тобою видѣться. Податель этого письма объяснитъ тебѣ, когда и гдѣ.

Твой мужъ

баронъ Арнольдъ Закенъ фонъ-Зекингенъ».

Баронесса посовѣтовалась съ отцомъ и матерью и позвала подателя письма. Явился старичокъ, повидимому, камердинеръ изъ хорошаго, аристократическаго дома, и заявилъ, что баронъ-супругъ

въ настоящее время еще содержится въ «одномъ домѣ» въ Митавѣ, и что онъ присланъ отъ него, чтобы проводить баронессу на тайное свиданіе съ ея арестованнымъ мужемъ.

— Но гдѣ-же онъ арестованъ? за что онъ арестованъ? спросилъ съ досадою баронъ фонъ-Эйтельфельсъ, обращаясь къ старику.

— На это ничего не могу сказать. Мнѣ приказано только передать баронессѣ, что ея супругъ еще съ недѣлю будетъ въ Митавѣ, и что ему разрѣшено провести эту недѣлю съ супругою, если баронессѣ угодно будетъ къ нему пожаловать.

— Что за дьявольщина! Развѣ я пущу свою дочь одну въ какой-нибудь разбойничій вертепъ!

— Мнѣ приказано почтительнѣйше передать баронессѣ, что если ей угодно пожаловать къ ея супругу, то ей разрѣшается пріѣхать къ нему въ сопровожденіи родителей.

Родители и дочь переглянулись въ изумленіи.

— Если такъ, рѣшительно произнесла молодая баронесса,—такъ ѣдемъ сейчасъ-же.

— Долженъ, однако, предупредить почтеннаго барона и баронессу фонъ-Эйтельфельсъ, замѣтилъ старичокъ, —что имъ разрѣшается сопровождать дочь только въ томъ случаѣ, если они дадутъ честное слово, до прибытія на мѣсто, ни о чемъ меня не разспрашивать и подчиняться всѣмъ даннымъ мнѣ инструкціямъ.

Дѣлать нечего! баронъ и баронесса дали слово. Дочка ихъ мигомъ собралась въ дорогу, всѣ они сѣли въ прекрасную дорожную карету, приказали людямъ ожидать ихъ возвращенія черезъ недѣлю,— и карета покатила по дорогѣ къ Митавѣ.

VI.

Не станемъ описывать всѣхъ эпизодовъ загадочнаго путешествія бароновъ Эйтельфельсъ, которое подъ-конецъ стало даже занимать ихъ нѣсколько-сентиментальную дочку самою своею таинственностью. Сопровождавшій ихъ старичокъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ дороги, опускалъ ставни кареты, въ другихъ —просилъ позволенія завязать своимъ спутникамъ глаза.

Только ужь поздно ночью прибыли наши путешественники къ какому-то замку, переѣхали по мосту къ воротамъ, съ завязанными глазами, подъ руки, въ темнотѣ были проведены какими-то лѣстницами и коридорами и, наконецъ, очутились въ ярко-освѣщенной комнатѣ, прекрасно, даже роскошно убранной. На срединѣ комнаты стоялъ накрытый столъ съ тремя приборами. Посуда, серебро, хру-

сталь—все было безукоризненно. Безмолвные слуги стали за спинками креселъ—и наши путешественники, страшно проголодавшіеся дорогой, охотно принялись за сытный и вкусный ужинъ.

Подъ конецъ ужина явился тотъ-же старичокъ и объявилъ, что баронъ Закенъ фонъ-Зекингенъ явится завтра утромъ и проведетъ съ супругою, съ тестемъ и тещею почти весь день. Затѣмъ старичокъ указалъ дамамъ комнату налѣво, а барону—комнату направо, и удалился, пожелавъ имъ спокойной ночи.

Утомленіе отъ путешествія было настолько велико, что и родители, и дочь ихъ, не вдаваясь ни въ какіе разговоры, поспѣшили улечься въ постель и заснули сномъ праведныхъ.

На другое утро баронъ фонъ-Эйтельфельсъ попытался было заговорить съ слугою, который явился помочь ему одѣться, но слуга оказался нѣмъ, какъ рыба; попытался онъ выглянуть въ коридоръ изъ прихожей, но на самомъ порогѣ дверей двое часовыхъ тотчасъ брякнули ружьями на руку и, весьма выразительно скрестивъ ихъ, показали барону, что за порогомъ его квартиры начинается чужое владѣніе...

Пришлось терпѣливо ждать завтрака и прихода зятя.

За то молодая баронесса Закенъ, просидѣвъ все утро передъ зеркаломъ и принарядившись, ждала мужа съ нетерпѣніемъ, достойнымъ самой пламенной супруги. Несмотря на то, что она вовсе не была влюблена въ своего почтеннаго и тяжеловѣснаго мужа, всѣ невзгоды и странныя приключенія послѣдняго мѣсяца, вся романическая обстановка ихъ нынѣшняго свиданія — до такой степени возвысили въ ея глазахъ значеніе барона фонъ-Зекингена, что она почти полюбила его заочно и страстно желала его видѣть.

Вотъ, наконецъ, дверь отворилась, и баронъ вошелъ въ пріемную комнату, сіяющій отъ радости, довольный и веселый — почти помолодѣвшій. На немъ было темное, но ловко сшитое платье, свѣжее бѣлье, прекрасно расчесанный и завитый парикъ. Онъ нисколько не походилъ на арестанта.

Его встрѣтили общимъ крикомъ радости, рукопожатіями и объясненіями, и даже молодая супруга отвѣчала на его ласки очень сочными поцѣлуями.

— Наконецъ-то! Наконецъ я съ вами свидѣлся! говорилъ баронъ, пожирая глазами свою миловидную супругу и крѣпко пожимая руку то тестю, то тещѣ.

— Но что-же это такое? Когда-же этому будетъ конецъ? спросилъ, нахмурившись, тесть.

А. Ф. Маркса

А. Ф. Маркса

— Говорятъ, что теперь ужь скоро, отвѣчалъ баронъ, понижая голосъ и опасливо оглядываясь. — Но я радъ уже и тому снисхожденію, которое мнѣ теперь оказываютъ, дозволяя свиданіе съ моей милой супругой. Мнѣ обѣщали даже... (тутъ есть у меня такой добрый пріятель!)... что меня будутъ отпускать сюда каждый вечеръ... Но только, по секрету... ради Бога объ этомъ никому ни слова. Я буду приходить къ вамъ въ полночь. Мы поживемъ съ женою хоть недѣльку...

— А потомъ? съ изумленіемъ спросила теща.

— А потомъ, когда окончится мое дѣло... меня опять отпустятъ на свободу.

— Какое дѣло? За что вы арестованы, баронъ? спросилъ тесть.

— Ради Бога, не будемъ говорить объ этомъ больше, отвѣчалъ ему баронъ Закенъ, понижая голосъ. — Тутъ у стѣнъ есть уши!.. Меня оклеветали передъ герцогомъ... «Тайная канцелярія»...

Но дверь отворилась, и внесли на подносѣ прекрасный завтракъ, а вслѣдъ за слугами вошелъ и старичокъ-камердинеръ и, прислуживая баронамъ за столомъ, сообщалъ имъ разныя газетныя и городскія новости.

Послѣ завтрака, когда молодые усѣлись въ углу пріемной на маленькомъ диванчикѣ, старичокъ отвелъ барона Эйтельфельса въ смежную комнату и сказалъ ему на ухо:

— Сегодня и завтра, я, на свой страхъ и рискъ, отпускаю вашего зятя для свиданія съ супругою и съ вами. А послѣ-завтра онъ, вѣроятно, будетъ и совсѣмъ освобожденъ отъ стѣснительнаго ареста... Такъ и знайте: какъ ударитъ на замковой башнѣ полночь — онъ пріидетъ къ своей супругѣ вотъ этой потайной дверкой... (Старичокъ указалъ въ углу дверь, скрытую подъ обоями въ спальнѣ)...

Старый баронъ былъ тронутъ предупредительностью добраго старичка къ молодымъ супругамъ, крѣпко пожалъ ему руку и обѣщалъ все исполнить въ точности.

Часа два спустя, тотъ-же старичокъ явился опять въ пріемную и заявилъ барону Закену, что аудіенція окончена, и онъ не можетъ болѣе оставить его у молодой супруги.

Дѣлать нечего! Баронъ поднялся неохотно съ мѣста, крѣпко пожалъ руку тестю, почтительно поцѣловалъ руку тещи, а супругу обнялъ, нѣжно расцѣловалъ въ обѣ щеки и, какъ настоящій влюбленный, улучилъ минутку, чтобы шепнуть ей на ушко: «До свиданья! Послѣзавтра — въ полночь!».

VII.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ баронъ Закенъ ожидалъ въ назначенный вечеръ своего освобожденія и свиданія съ молодою супругой. Добрый старичокъ-камердинеръ, постоянно ему прислуживавшій въ его тѣсномъ заключеніи, обнадежилъ его, что сегодня, часа полтора спустя послѣ ужина, онъ сниметъ часового отъ его двери, а затѣмъ, особыми, потайными ходами, проведетъ его къ той завѣтной дверкѣ, за которою его уже будетъ ждать молодая супруга.

Нетерпѣніе барона было до такой степени велико, что онъ ни о чемъ, кромѣ этого свиданія, и думать не могъ и даже отказался отъ завѣтной кружки пива. Когда убрали ужинъ, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по своей комнатѣ и все ждалъ прихода старичка-пріятеля. Но никто не шелъ къ нему!..

Баронъ опять сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху... Вотъ, наконецъ, послышались шаги въ коридорѣ. Но это не легкіе знакомые ему шаги старичка— это тяжелые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, направляющихся къ его двери!.. Замокъ брякнулъ, щелкнули засовы, и въ комнату барона вошли четверо молодцовъ въ черныхъ плащахъ, треуголкахъ и маскахъ. Пятый притворилъ дверь за собою и, подавая барону Закену плащъ и шляпу, учтиво попросилъ его за собою слѣдовать.

— Какъ!! Куда!! Что такое? Это непонятно... Это недоразумѣніе! Не можетъ быть! заговорилъ баронъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Не имѣю права вступать съ вами ни въ какія объясненія, баронъ! Долгомъ считаю предупредить, что если вамъ не угодно подчиниться мнѣ добровольно, я буду вынужденъ принудить васъ къ этому иными средствами...

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, и всѣ четыре мрачныя фигуры разомъ двинулись къ барону, который замѣтилъ въ ихъ рукахъ веревки.

— Не надо! крикнулъ онъ растеряннымъ голосомъ, — я готовъ за вами слѣдовать.

Ему накинули на плечи плащъ, нахлобучили шапку на глаза и, легонько поддерживая его подъ руки, повели по какимъ-то коридорамъ, переходамъ, лѣстницамъ — на маленькій дворикъ, провели въ калитку, за которою уже ожидала его карета, запряженная четверкой въ рядъ. Четыре всадника, въ маскахъ, съ факелами въ рукахъ, стояли у кареты. Барона посадили въ экипажъ; незнакомецъ, говорившій съ нимъ, также влѣзъ въ карету, передавъ остальнымъ

какое-то приказаніе вполголоса. Кучеръ защелкалъ бичемъ, и карета покатилась...

И катилась эта карета до станціи; перепрягались въ ней лошади и такъ же быстро катилась она далѣе. Ко времени завтрака, обѣда, ужина—карета останавливалась въ опредѣленныхъ мѣстахъ; барона кормили его молчаливые спутники, затѣмъ усаживали его опять въ карету—и мчались далѣе. Казалось, этому путешествію и конца не будетъ. Баронъ потерялъ, наконецъ, счетъ дней и ночей, проведенныхъ въ пути... Три раза, въ теченіе этого путешествія, барона привозили въ какіе-то города или замки, отводили ему приличное помѣщеніе, предлагали ему всѣ удобства жизни, начиная отъ хорошаго стола и стакана добраго вина до хорошаго парикмахера—но часовой не отходилъ отъ его двери, а прислуга, приносившая ему кушанья, обувь, книги и газеты, объяснялась съ нимъ только знаками. Случалось барону проводить въ такомъ одиночномъ заточеніи мѣсяца два, даже три... Затѣмъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, опять являлись таинственные замаскированные спутники барона, и опять начиналась бѣшеная скачка въ закрытой каретѣ отъ станціи до станціи. Если-бы кто-нибудь спросилъ барона, какими мѣстами, какими городами онъ проѣзжалъ за это время, онъ ничего-бы не могъ отвѣтить. Въ смутномъ сознаніи его возникали только однообразныя придорожныя картины, бѣдныя избушки, вытянутыя въ рядъ или разсыпанныя по косогору дороги, два-три какихъ-то города, въ которые его ввозили непремѣнно ночью... Затѣмъ онъ еще могъ припомнить только то, что раза три его карету переставляли съ колесъ на полозья и мчали его по снѣжнымъ сугробамъ,—и потомъ опять ставили ее на колесный ходъ. Съ своей каретой онъ свыкся, наконецъ, какъ узникъ свыкается со своей каморкой и со своею цѣпью; онъ превосходно, до мелочей изучилъ все, что ему было дозволено, свыкся съ молчаніемъ и съ односложными отвѣтами своего спутника, и ужь никогда не спрашивалъ: куда, зачѣмъ его везутъ? Его фантастическое путешествіе все еще представлялось ему кошмаромъ, но онъ ужь и не заботился объ исходѣ этого кошмара... Ему, наконецъ, было ужь рѣшительно все равно - куда бы его ни везли!

Такъ минуло около года. Августъ мѣсяцъ 1738 г. подходилъ уже къ концу, когда, уже въ глухую полночь, барона подвезли къ какой-то корчмѣ и, не выпуская его изъ кареты, угостили превкуснымъ ужиномъ. Особенно понравилась барону поданная ему подъ конецъ ужина высокая, узкая кружка холоднаго, крѣпкаго ячменнаго пива, которую онъ выпилъ съ удовольствіемъ и даже подумалъ:

«Должно быть и въ этой медвѣжьей странѣ, черезъ которую теперь меня везутъ, есть люди, знающіе толкъ въ пивѣ:—это пиво ничуть не хуже нашего курляндскаго».

Затѣмъ баронъ улегся поудобнѣе на своей лавкѣ, протянулъ ноги къ противоположной дверцѣ—и захрапѣлъ...

Сколько времени онъ спалъ — этого мы не беремся опредѣлить съ точностью; но несомнѣнно то, что онъ проснулся отъ невыносимой духоты въ каретѣ. Баронъ протеръ глаза и прежде всего замѣтилъ, что карета стоитъ на мѣстѣ, что черезъ единственное незакрытое переднее окно не видно спины кучера, а въ каретѣ никого нѣтъ. Яркое солнце палило очень усердно и освѣщало какой-то темный пейзажъ, уголокъ котораго виденъ былъ и въ окошко кареты. Баронъ боязливо выглянулъ въ окно и увидѣлъ, что лошади отпряжены и даже дышло у кареты вынуто. Кругомъ—никого; только шумятъ въ сторонѣ деревья какой-то зеленой чащи. Самъ себѣ не довѣряя и не понимая, что̀ происходитъ кругомъ, баронъ инстинктивно взялся за ручку двери и попробовалъ ее повернуть. Дверца оказалась не запертою и распахнулась настежь!

Баронъ дерзнулъ сначала высунуть голову въ дверцу, потомъ поглядѣлъ по сторонамъ, и тутъ только замѣтилъ, что не только лошади у кареты отпряжены, но колеса сняты, и экипажъ стоитъ поперекъ какого-то знакомаго ему проселка, передъ воротами стараго, густаго, запущеннаго парка...

Баронъ глазамъ своимъ не вѣрилъ—не вѣрилъ тому, что это не во снѣ, а наяву съ нимъ происходитъ... Еще менѣе могъ онъ повѣрить тому, что онъ стоитъ передъ воротами своего собственнаго парка. Но его сомнѣнія скоро разсѣялись... Толпа крестьянъ, возвращаясь съ работъ, почти наткнулась на барона — и обомлѣла отъ изумленія и испуга! Баронъ и карета безъ колесъ, какъ съ неба свалились передъ воротами парка... Когда они шли на работы, на утренней зарѣ, передъ воротами еще ничего не было...

Но все-же крестьяне узнали барона и, снявши шапки, остановились передъ нимъ въ недоумѣніи. Баронъ узналъ знакомыя лица,—понялъ, что онъ стоитъ на своей собственной землѣ, и въ первый разъ въ жизни при встрѣчѣ съ крестьянами не почувствовалъ желанія показать себя барономъ. Къ величайшему изумленію крестьянъ, баронъ кивнулъ имъ головою довольно ласково и сказалъ:

— Здравствуйте! День добрый!

— Да здравствуетъ господинъ баронъ на многія лѣта! крикнули въ одинъ голосъ крестьяне, недовѣрчиво косясь на кулаки барона.

Но баронъ Закенъ отвернулся и прошелъ въ ворота парка.

Когда баронъ вступилъ на террасу замка, всѣ бросились къ нему — не столько обрадованные, сколько удивленные внезапнымъ появленіемъ барона. Оказалось, однакоже, что его жена и тесть съ тещей уже за нѣсколько дней были извѣщены анонимнымъ письмомъ о предстоящемъ прибытіи барона. Но это, конечно, нисколько не уменьшило общей радости свиданія.

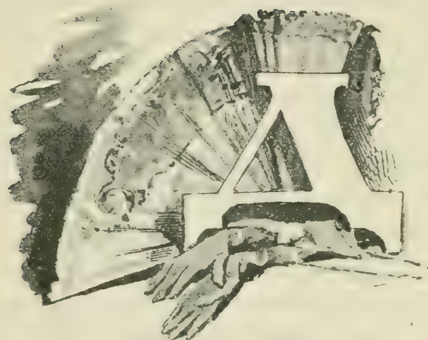
Вѣсть о возвращеніи барона Закена «изъ Сибири» — разнеслась съ быстротою молніи по всему околотку. Собрались и съѣхались къ нему въ замокъ, со всѣхъ сторонъ, бароны и графы, родня и пріятели. Всѣ наперерывъ спѣшили выразить ему сочувствіе и соболѣзнованіе; всѣ негодовали и кипятились, всѣ очень шумно требовали, чтобы баронъ заявилъ, протестовалъ, подалъ жалобу, предлагали составить петицію, обѣщали всѣ подъ нею подписаться, доказывали, что это будто-бы даже необходимо, для поддержки правъ, привилегій и вольностей всего курляндскаго дворянства... Баронъ всѣхъ ихъ выслушивалъ, давая всѣмъ вдоволь накричаться, а потомъ какъ-то совершенно машинально добавлялъ:

— Правъ, привилегій и вольностей?.. Да, да, это было-бы полезно...

Но ему тотчасъ приходило на память тѣсное заключеніе, душная карета и спутники въ маскахъ, и онъ спѣшилъ добавить:

— Не лучше-ли ужь будетъ отложить всѣ эти вопросы до будущаго сейма?

Роковая шелковинка.



I.

Высочайшая цыдула».

вадцатаго іюня 1734 года, у московскаго генералъ-губернатора, князя Семена Андреевича Салтыкова, по случаю храмового праздника въ приходской церкви, рядомъ съ его домомъ, былъ назначенъ большой обѣдъ. На обѣдъ были приглашены разныя высокопоставленныя особы изъ гражданскихъ и духовныхъ властей и весь причтъ приходской церкви,—всего около пятидесяти человѣкъ.

Семенъ Андреевичъ — персона именитая и важная, ближайшій родственникъ императрицы Анны Іоанновны слылъ человѣкомъ весьма доступнымъ и славился своимъ хлѣбосольствомъ. Отъ природы одаренный тонкимъ и проницательнымъ умомъ, онъ отлично умѣлъ приспособляться къ обстоятельствамъ, со всѣми умѣлъ уживаться и обладалъ особеннымъ искусствомъ распознавать людей. Случалось, что онъ повидаетъ человѣка и два-три раза, и перекинется-то съ нимъ всего нѣсколькими словами, а при случаѣ такъ вѣрно и точно этого самаго человѣка въ двухъ словахъ очертитъ и опредѣлитъ, что лучше и быть не надо! А если Семену Андреевичу удавалось кого - нибудь залучить къ себѣ на обѣдъ да угостить со свойственнымъ ему умѣньемъ, такъ ужь, бывало, еще до конца обѣда, онъ такъ человѣка высмотритъ да выслушаетъ, что ужь за дессертомъ знаетъ, на что ему тотъ человѣкъ можетъ быть нуженъ, и на что пригоденъ.

Ну, и хлѣбосолъ Семенъ Андреевичъ былъ такой, что—ужь на что Москва хлѣбосольна,—а и тамъ въ ту пору другого подобнаго хлѣбосола было не сыскать... Какіе у него во дворѣ телята выпаивались, какіе индюки, по цѣлымъ мѣсяцамъ, высиживались въ мѣшкахъ, вскармливаемые миндалемъ и грецкими орѣхами! Какіе чудовищные, пудовые окорока подавались у Семена Андреевича за столомъ! Какою янтарно-прозрачною кочанною капустой угощалъ онъ своихъ гостей за великопостными обѣдами!.. И какъ ловко, какъ искусно умѣлъ онъ отовсюду,—со всѣхъ концовъ Россіи,—отъ ближнихъ и дальнихъ своихъ пріятелей, друзей и всякихъ искателей его высокой милости—добывать тончайшія гастрономическія лакомства! Изъ Сибири по зимнему пути шли къ нему обозы съ нельмой и омулями; съ Дона—икра и балыки; съ Кавказа фазаны; изъ Польши дикія козы, веприна и медвѣжьи окорока. И какой обильною волною всякихъ винъ, наливокъ и настоекъ все это заливалось и запивалось! Княжескіе погреба казались гостямъ Семена Андреевича неистощимыми, и гости были правы, потому что Семенъ Андреевичъ обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ пить очень мало, а гостей своихъ угощать такъ изобильно, что половина ихъ обыкновенно оканчивала обѣдъ подъ столомъ...

Понятно, что при такой роскошной и сытной обстановкѣ, обѣды Салтыкова, славившіеся во всей Москвѣ, были для всѣхъ нѣкотораго рода приманкою; а такъ какъ попасть на эти обѣды было не особенно легко, то каждый, получая на такой обѣдъ приглашеніе, считалъ это для себя за особенную честь, вниманіе и милость со стороны господина генералъ-губернатора.

Притомъ еще на званномъ большомъ обѣдѣ Семенъ Андреевичъ всегда умѣлъ придумать для своихъ гостей какую-нибудь особую приманку, умѣлъ занять ихъ вниманіе какимъ-нибудь необычайнымъ зрѣлищемъ или диковинной забавой. Такъ, напримѣръ, однажды, за какимъ-то званнымъ большимъ обѣдомъ, когда ужь гости порядочно подпили, вдругъ поднялась одна изъ стѣнъ обширной княжеской столовой— и на подмосткахъ, обитыхъ цвѣтнымъ сукномъ, явился передъ гостями фокусникъ, съ огромнымъ мѣшкомъ. Изъ этого мѣшка онъ вытряхнулъ на подмостки полъ-дюжины карликовъ, которыхъ заставилъ плясать и кувыркаться для потѣхи зрителей, а потомъ опять загналъ ихъ хлыстомъ въ мѣшокъ и поташилъ съ подмостковъ. Въ другой разъ, при одномъ изъ «викторьяльныхъ» торжествъ, въ то время, когда всѣ гости поднялись со своихъ мѣстъ, чтобы поздравить хозяина,—гдѣ-то заигралъ невидимый

органъ и пѣсенники, скрытые на хорахъ, грянули «Славу». Еще разъ, на обѣдѣ, въ день тезоименитства императрицы, въ углу столовой, при одномъ изъ тостовъ, вдругъ засіяли на транспарантѣ слова: «Анна, буди здрава!»—и въ ту же минуту полкъ, поставленный подъ окнами, грохнулъ изо всѣхъ мушкетовъ такой залпъ, что у многихъ гостей бокалы попадали изъ рукъ...

Судя по этимъ и многимъ другимъ примѣрамъ, всѣ ожидали, что и за нынѣшнимъ обѣдомъ радушный хозяинъ приготовитъ своимъ гостямъ какую-нибудь новинку, поразитъ ихъ какою-нибудь неожиданностью—и многіе изъ приглашенныхъ, еще дня за два до обѣда, пресерьезно обсуждали этотъ вопросъ.

— Посмотримъ, говорили одни:—что еще этотъ старый затѣйникъ придумаетъ?

Говорятъ, будто такого фокусника выискалъ, который паклю зажженную глотаетъ, по острію ножа босыми ногами ходитъ и даже ленту, аршинъ въ тридцать, прямо изъ живота на руку мотаетъ...

— Ну, это все что! Все это виданное дѣло... Нѣтъ, Семенъ Андреевичъ за этимъ не погонится! Ужь онъ вѣрно что ни на есть иное подстроитъ и выхитритъ...

Но сколько ни гадали, сколько ни строили предположеній, все же ничего не угадали, и сюрпризъ, приготовленный гостямъ княземъ-хлѣбосоломъ, оказался не только оригинальнымъ, но даже единственнымъ въ своемъ родѣ...

Когда всѣ приглашенные на обѣдъ собрались въ пріемной залѣ князя Семена Андреевича, люди, близкіе къ хозяину дома, сообщили по секрету именитѣйшимъ изъ гостей, что въ концѣ обѣда предполагается «проба дьяконскихъ голосовъ и по ту пробу даже закладъ большой положенъ».

— Дьяконскихъ? Что же это? Голосисты, что ли, очень? Или мірскія пѣсни пѣть горазды?

— Не въ пѣніи дѣло!—поясняли вѣстовщики.—А въ томъ, кто кого на многолѣтьи перетянетъ...

— Перетянетъ? Какъ же такъ? Развѣ и впрямь тягаться станутъ?

— Какъ есть!.. Сначала одинъ многолѣтіе возгласитъ и поведетъ голосомъ, пока могуты хватитъ; а потомъ другой возгласитъ и въ свою очередь поведетъ... А особый счетчикъ считать станетъ, подъ-рядъ.. Кто дольше по счету поведетъ голосомъ, тому и закладъ достанется... Во-какъ оно кругло̀ придумано!

— Ужь точно, что кругло! Никому и въ голову не пришло бы

такъ голосъ мѣрять; а ужь Семенъ Андреевичъ выдумаетъ надо чести приписать!

Но вотъ дверь во внутренніе покои отворилась, и самъ «выдумщикъ-хозяинъ» явился на порогѣ, сопровождаемый своимъ генеральсъ-адъютантомъ Ховринымъ и домашнимъ секретаремъ Дунаевымъ.

Семенъ Андреевичъ былъ человѣкъ небольшаго роста и совсѣмъ особаго склада: вся его фигура, начиная отъ толстаго и круглаго лица, заплывшаго жиромъ, отъ широчайшаго затылка, съ двумя поперечными складками, и до маленькихъ ножекъ, подпиравшихъ необъятно-тучное, округлое туловище—напоминало собою шаръ. Это сходство еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что Семенъ Андреевичъ, вообще живой и подвижной, ходилъ очень скоро, какой-то особенною, мелкою и дробною походочкой, быстро перебѣгая отъ одного человѣка къ другому, отъ предмета къ предмету и изъ комнаты въ комнату—словно шаръ катался...

Появившись на порогѣ. Семенъ Андреевичъ обвелъ всѣхъ собравшихся гостей милостивымъ взглядомъ, отвѣтилъ легкимъ движеніемъ парика съ высокимъ тупеемъ на общій, почтительный и низкій поклонъ, оправилъ Андреевскую ленту на своемъ дорогомъ масаковомъ кафтанѣ и покатился кругомъ залы.

Сначала онъ подкатился подъ благословеніе къ духовнымъ особамъ, потомъ на ходу пожалъ руку наиболѣе сановитымъ персонамъ, каждому съ милѣйшею улыбкою отпуская какую-нибудь любезность: прокатившись мимо двухъ-трехъ именитыхъ купцовъ, похлопалъ одного изъ нихъ ласково и обходительно по плечу, привѣтливо кивнулъ всѣмъ остальнымъ, чиновнымъ и должностнымъ, попавшимъ въ списокъ приглашенныхъ; а около тѣхъ двоихъ дьяконовъ, которымъ предстояло состязаться въ «многолѣтіи», Семенъ Андреевичъ на минуту даже пріостановился.

— Смотрите, братцы!—сказалъ онъ имъ въ видѣ поощренія. Вытягивай, насколько силы хватитъ! Хошь лопни,—а вытягивай.

Оба дьякона,—красивые, высокіе, здоровенные молодцы,—отвѣсили Семену Андреевичу поясные поклоны и пробасили:

— Покорно благодарствуемъ на ласковомъ словѣ! Постараемся для вашего высокопревосходительства!

Въ это время огромные часы съ курантами, стоявшіе въ углу пріемной, ударили часъ и заиграли «Коль славенъ», —дверь въ столовую отворилась настежь, и радушный хозяинъ, обращаясь къ гостямъ, сказалъ привѣтливо:

— Пожалуйте! Чѣмъ Богъ послалъ!..

Но когда гости, гурьбою, вслѣдъ за хозяиномъ, переступили порогъ столовой, то увидѣли такое обиліе земныхъ благъ, что у большинства глаза разбѣжались. Столы, буквально, ломились подъ тяжестью всякихъ яствъ, закусокъ и фруктовъ.

Два дерева вишневыхъ съ ягодами и одно персиковое—съ плодами были поставлены прямо на столъ, въ большихъ золоченыхъ кадкахъ; фонтаны бѣлаго и краснаго вина били струею изъ пасти хрустальныхъ дельфиновъ въ углу столовой; отъ чудовищнаго разварного осетра, положеннаго на особомъ столѣ, валилъ клубами ароматный паръ, который дразнилъ аппетитъ и раззадоривалъ желудки.

Вся эта обстановка такъ обаятельно повліяла на гостей, что, переступивъ порогъ столовой, они почувствовали себя какъ-то особенно пріятно и легко настроенными. Вошли-то они чинно и къ столу съ закусками приступили не очень смѣло и развязно; но, десять минутъ спустя, всѣ уже говорили, шутили и смѣялись, какъ у себя дома. Обѣдъ начался шумно и весело; всѣ ѣли и пили съ удовольствіемъ, стуча ножами и звеня стаканами и прихваливая хозяйскаго повара; въ то время, когда на верхнемъ концѣ стола, между высокими персонами, шелъ степенный и важный разговоръ о чинахъ, о родствѣ, о помѣстьяхъ и крестьянахъ, — на нижнемъ, между чиновничествомъ и купечествомъ, особенно подъ конецъ обѣда, шли нескончаемые споры о предстоящемъ состязаніи.

— Киѳа безпремѣнно одолѣетъ! настоятельно утверждалъ одинъ изъ купцовъ. — Потому голосище необычайный! Гаркнетъ, ежели надъ рюмкой — рюмка разсыплется!.. Опять же и то взять, силища какая!

— Полно тебѣ съ Киѳой со своимъ на глаза всѣмъ лѣзть! возражалъ купцу одинъ изъ гостей, порядочно уже нагрузившійся.— Ну, гдѣ ему супротивъ Дормидонта вытянуть? Дормидонтъ-отъ вонъ полть баранины за одинъ присѣстъ убираетъ...

— Да вонъ смотрите, кажется, сейчасъ начнутъ... Вонъ поднялись ужь.

И точно, слуги спѣшно разливали венгерское по стаканамъ. Всѣ смолкли, ожидая возглашенія «многолѣтія» хозяину дома. Вотъ и духовенство, занимавшее особый столъ въ сторонѣ, зашевелилось и поднялось, со стаканами въ рукахъ. Тотъ самый дьяконъ Дормидонтъ, который «за присѣстъ убираетъ полть баранины», провозгласилъ густѣйшимъ басомъ:

— Хозяину дома сего, болярину Семіону мно-о-о-о...

И потянулъ. и повелъ голосомъ. все усиливая и какъ бы расширяя громовой звукъ его и постепенно наполняя имъ всю комнату. заставляя дребезжать хрустальныя привѣски люстры. спускавшейся надъ столомъ, и звенѣть стекла въ оконницахъ. Онъ еще все тянухъ и велъ голосомъ, упираясь бородою въ высокую грудь и напрягая жилы на лбу, какъ вдругъ дверь въ столовую отворилась и одинъ изъ слугъ, подойдя къ хозяину дома, подалъ ему на серебряномъ подносѣ какой-то большой пакетъ.

Семенъ Андреевичъ, какъ взглянулъ на пакетъ, такъ тотчасъ же поднялся со своего мѣста и махнулъ рукою дьякону Дормидонту. который сразу оборвалъ свое возглашеніе на полутонѣ. Всѣ гости шумно поднялись со своихъ мѣстъ, вслѣдъ за хозяиномъ. а Салтыковъ, показывая всѣмъ полученный имъ пакетъ. произнесъ съ видомъ глубочайшаго почтенія:

— Высочайшая цыдула Ея Императорскаго Величества!

И высоко поднялъ цыдулу надъ столомъ, а всѣ гости отвѣсили ему по низкому поклону, какъ бы поздравляя его съ особою царскою милостью.

— Не осудите, гости дорогіе!— сказалъ Семенъ Андреевичъ.- Высочайшую цыдулу долженъ я. не мѣшкавъ, прочесть, и на нее отвѣтить или по оной исполнить... Я изъ-за стола уйду, а вы тутъ. какъ хотите—и безъ меня!

Потомъ, подмигнувъ секретарю и адъютанту, онъ горошкомъ выкатился изъ-за стола и своею обычною, дробною и мелкою походочкой, поспѣшилъ изъ столовой въ кабинетъ.

II.

Исполненіе коммиссіи.

Когда Семенъ Андреевичъ вкатился въ свой кабинетъ. бережно держа въ обѣихъ пухленькихъ ручкахъ полученную съ нарочнымъ изъ Петербурга Высочайшую цыдулу. онъ, прежде всего, поспѣшилъ опуститься въ просторное кресло. стоявшее въ углу. около окошка. Ховринъ и Дунаевъ плотно приперли за собою дверь и остановились у притолки ея. выжидая приказаній.

Тяжело дыша и отпыхиваясь. Салтыковъ посидѣлъ нѣкоторое время на креслѣ. молча, безпрестанно прищуривая заплывшіе жиромъ маленькіе глазки: потомъ онъ какъ-то особенно безпомощно махнулъ рукою и произнесъ чуть слышно. обращаясь къ Дунаеву:

— Петръ Петровичъ... поди... братъ... сюда.

Но когда Петръ Петровичъ подскочилъ къ нему, готовый исполнить приказаніе, Семенъ Андреевичъ вдругъ закинулъ голову на спинку креселъ, опустилъ руки на поручни и, пріоткрывъ ротъ, захрапѣлъ густѣйшимъ храпомъ, съ какими-то особенными прихлебываньями и присвистами. Высочайшая цыдула выпала изъ рукъ Семена Андреевича и упала на коверъ, которымъ былъ покрытъ полъ въ кабинетѣ.

Дунаевъ поспѣшно наклонился, осторожно поднялъ упавшій пакетъ и, держа его въ обѣихъ рукахъ, оглянулся на Ховрина, какъ бы вопрошая его взглядомъ:

— Ну, что теперь дѣлать?

— Будить не вздумай! отозвался вполголоса адъютантъ отъ притолки дверей.—Прочесть еще успѣемъ...

— Вѣдь какъ на грѣхъ, съ досадою прошепталъ Дунаевъ, — я только что съ сосѣдомъ, съ купчиной, объ закладъ побился, что Киѳа—Дормидонта одолѣетъ...

— Ну, теперь пиши пропало! Теперь, пока прочтемъ, да справимъ все по письму, они такъ тамъ перепьются...

— Тсс! чуть слышно процѣдилъ сквозь зубы Дунаевъ, указывая адъютанту глазами на Салтыкова, который зашевелился на креслѣ, видимо стараясь побѣдить одолѣвшую его дремоту.

Адъютантъ и секретарь опять замерли и вытянулись, въ ожиданіи пробужденія.

— Да! да! да! забормоталъ Семенъ Андреевичъ, протирая глаза и озираясь по сторонамъ. — Я тебя позвалъ, Петръ Петровичъ, чтобы вскрыть... Да гдѣ же... гдѣ она... цыдула-то?

И старикъ засуетился, озираясь.

— Вы мнѣ изволили передать, ваше высокопревосходительство, почтительно поспѣшилъ сообщить секретарь, поднося пакетъ Салтыкову.

— А! Да! да!.. Передалъ?.. И задремалъ не кстати... Ну, спасибо, что ты мнѣ напомнилъ... Такъ вотъ, давай, я вскрою. Посмотримъ, что изволитъ намъ приказывать Всемилостивѣйшая Государыня.

Онъ вскрылъ пакетъ, вынулъ изъ него синеватый, крупно исписанный листъ бумаги, въ четвертку, и пододвинулся къ окну, въ которое западали изъ-за деревьевъ сада красноватые лучи заката. Наклонивъ голову на-бокъ и прикрывъ указательнымъ пальцемъ правый глазъ, Салтыковъ сталъ читать Высочайшую цыдулу, въ которой написано было:

«Семенъ Андреевичъ!

«При семъ прилагается «шелковинка», которую пошли въ Персію, къ Левшину...»

Старикъ прервалъ чтеніе, опустилъ цыдулу на колѣни и во всѣ глаза посмотрѣлъ на секретаря.

— Слышишь? «Шелковинка» приложена къ письму?.. А гдѣ-же она?

Петръ Петровичъ ничего не понялъ, даже не зналъ, о чемъ его Семенъ Андреевичъ спрашиваетъ, но изъ приличія все-же засуетился и вмѣстѣ съ Салтыковымъ сталъ оглядывать письмо со всѣхъ сторонъ, а потомъ и кресло, и даже коверъ около кресла.

— «Шелковинка» тутъ къ письму должна быть приложена! повторилъ съ видимою тревогой Салтыковъ. — Ищите ея... Ховринъ! И ты ступай сюда, ищи! Сыскать ее! Ея Величеству, вишь, въ Персію ту шелковинку послать угодно...

И адъютантъ, и секретарь, немедля принялись искать шелковинку: обшарили подоконникъ, ползали по ковру, заглядывали подъ кресло—и все напрасно!

Наконецъ, Семенъ Андреевичъ догадался и надоумилъ секретаря:

— Эхъ, братецъ, недогадливъ ты!.. Да поискать было въ кувертѣ... Тамъ-то нѣтъ-ли ея?

Дунаевъ бросился къ куверту, заглянулъ въ него, и увидѣлъ тамъ что-то завернутое въ маленькой бумажкѣ и тщательно припечатанное къ внутренней сторонѣ куверта.

— Здѣсь, ваше высокопревосходительство! радостно заявилъ онъ, подавая Салтыкову кувертъ съ припечатанною бумажкой.

Старикъ оторвалъ бумажку, развернулъ ее, и увидѣлъ въ ней ярко-красную шелковинку, смотанную кольчикомъ.

Не выпуская этой находки изъ рукъ, онъ продолжалъ чтеніе цыдулы:

«...шелковинка, которую пошли въ Персію, къ Левшину, и отпиши къ нему, чтобы онъ по ней изъ тамошняго народа, изъ персіянокъ или изъ грузинокъ и милитинокъ, сыскалъ мнѣ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ она есть, только бы были бѣлы, чисты, хороши и не глупы, и какъ сыщетъ, то вели ихъ послать къ себѣ въ Москву, а ты отправь сюда къ намъ».

«Анна».

Дочитавъ письмо и бережно сложивъ его, Семенъ Андреевичъ развернулъ шелковинку во всю длину и прикинулъ ее на глазъ отъ пола.

— Хм! Вотъ какихъ нужно, проговорилъ онъ, какъ бы про

себя.- Лѣтъ по десяти... Ей въ забаву, либо въ сверстницы не къ Бироновымъ-ли дѣткамъ?

И вдругъ, спохватившись, старикъ засуетился:

- Ховринъ! Ховринъ! Сейчасъ сыскать кого-нибудь порасторопнѣе изъ сержантовъ, нарочнымъ въ Персію отправить. Да поскорѣе, чтобы на утро къ выѣзду готовъ былъ!..

— Слушаю-съ! проговорилъ Ховринъ, и мигомъ выскользнулъ за двери.

— А ты, Петръ Петровичъ, немедля заготовишь къ Левшину письмо и копію съ цыдулы приложишь. Да подыщи мнѣ у мастеровъ, въ рядахъ, ковчежецъ махонькій серебряный для шелковинки; а для того ковчежца, малый же кованый ларецъ съ ключемъ. Мы нарочному ларецъ-то къ поясу подвяжемъ, а ключъ на шею ему навѣсимъ, чтобы не утерялъ онъ шелковинки этой... На ней, поди-ка, судьбина этихъ дѣвочекъ виситъ!

И старикъ на минуту задумался, видимо занятый этою мыслью.

III.

Царская охота.

Прошло около года. Императрица Анна, озабоченная политическими событіями первостепенной важности, отвлекаемая отъ любимыхъ забавъ дѣлами и заботами по внутреннему управленію, совсѣмъ забыла о той коммиссіи, которую, черезъ Салтыкова, дала Левшину въ Персіи. Очень тревожилъ ее и вопросъ о замужествѣ племянницы ея, великой княгини Анны Леопольдовны, которой очень нелегко было подыскать жениха. Притомъ императрица простудилась во время празднованія одного изъ «викторіальныхъ» дней и проболѣла почти всю зиму 1735 года, до самой весны. Только ужь весною стала она понемногу оправляться, и какъ только повѣяло первымъ тепломъ, тотчасъ же переселилась на житье въ свой любимый Петергофъ, куда за нею послѣдовалъ весь Дворъ.

Здѣсь герцогъ Биронъ истощалъ все свое искусство и всю свою изобрѣтательность на измышленіе различныхъ празднествъ, баловъ, катаній, каруселей и всевозможныхъ новыхъ забавъ и потѣхъ, предназначенныхъ для увеселеній императрицы, которая подъ вліяніемъ развивавшейся въ ней болѣзни часто скучала и поддавалась сильнымъ припадкамъ хандры. Особенно блестящею обстановкой, по желанію его свѣтлости, долженъ былъ отличаться полковой праздникъ измайловцевъ, назначенный на 18 августа 1735 года. Биронъ хотѣлъ придать такую обстановку этому празднику не только по-

тому, что Измайловскій полкъ былъ любимымъ полкомъ императрицы, но еще и потому, что этимъ праздникомъ долженъ былъ закончиться сезонъ лѣтняго пребыванія Двора въ Петергофѣ.

Приготовленія къ празднику начались еще за недѣлю. На протяженіи всѣхъ главныхъ аллей Петергофскаго сада строились подмостки и рѣшетчатыя шпалеры для иллюминаціи; около «большаго кашкада» и гротовъ, у главнаго дворца, разставлялись транспаранты съ вензелями императрицы, съ символическими изображеніями и девизами; такъ называемый «руинный кашкадъ» былъ даже за-ново обложенъ туфштейнами и раковинами, а «Монплезирскія палаты» (въ нихъ предположено было устроить обѣденный столъ въ этотъ день) разукрашены флагами и гирляндами изъ зелени.

Уже съ утра въ день измайловскаго праздника народъ толпился передъ дворцовою церковью, около которой, на площадкѣ, долженъ былъ происходить, послѣ обѣдни, церковный парадъ Измайловскому полку. Всѣ любовались молодцами-измайловцами, которые были въ два ряда выстроены кругомъ площадки, имѣя музыкантовъ и знамя посрединѣ. Народъ былъ все подобранъ рослый, видный, красивый, молодой—одинъ къ одному. И вся обмундировка, вся амуниція на нихъ такъ была пригнана, такъ прилажена, такъ начищена, что съ каждаго рядоваго хоть картину пиши. А начальство все еще было недовольно: обходя строй и оглядывая съ ногъ до головы каждаго солдата, ротные командиры, то и дѣло, указывали унтерамъ на разные недосмотры и промахи, и тѣ поспѣшно бросались оправлять, оглаживать и подчищать мундиры или сапоги то на томъ, то на другомъ солдатѣ.

— Грудь выпять, брюхо подбери! трагическимъ шепотомъ выговаривали унтера солдатамъ. — А ты чего вороной смотришь? Не кормленъ, что-ли?

— Смирно! раздалась команда, и всѣ офицеры мигомъ бросились по своимъ мѣстамъ.

Двери придворной церкви отворились настежь. Духовенство, въ богатѣйшихъ ризахъ, съ пѣвчими во главѣ, стало сходить съ крыльца на площадку, гдѣ предстояло служеніе молебна съ окропленіемъ знаменъ. Позади духовенства на крыльцѣ показалась императрица Анна, окруженная многочисленною, блестящею свитой придворныхъ.

— Мушкетъ на крра-улъ! гаркнулъ командиръ полка, взмахивая палашемъ.

И лучъ солнца молніей сверкнулъ по сплошному ряду стволовъ и штыковъ.

Государыня со свитою помѣстились подъ шатромъ, раскинутымъ у выхода изъ церкви. Раздались голоса пѣвчихъ, началось молебствіе.

— Государыня-то, матушка наша, слышалось въ толпѣ, позади строя,—бытто повеселѣла нонѣ, и на лицо лучше кажетъ. А княжна-то Анна—кровь съ молокомъ, еще, кажись, пополнѣла... Не по лѣтамъ добрѣетъ! А рядомъ-то съ ней кто?

— Извѣстно кто! Левенвольдовъ генералъ. Пониже будетъ ростомъ его свѣтлости.

— А его-то свѣтлость! Орелъ, совсѣмъ орелъ!

— Орелъ, да не здѣшній, нѣмецкій.

— Тсс! Молчи! Никакъ ума рехнулся? Аль у тебя языкъ по клещамъ встосковался?

Но барабаны затрещали, заглушая говоръ толпы, грянула полковая музыка, и измайловцы, по гусиному вытягивая ноги, двинулись церемоніальнымъ маршемъ мимо шатра императрицы. Императрица Анна Іоанновна, съ утра въ тотъ день милостиво настроенная, съ самодовольною улыбкой глядѣла на проходившихъ мимо нея молодцовъ-гвардейцевъ и, нѣсколько разъ одобрительно кивая головой, обращалась къ герцогу Бирону, произнося съ особеннымъ удареніемъ:

— Prachtvoll? Nicht wahr? Ausgezeichnet?

Когда церемоніальный маршъ былъ законченъ, и командиръ полка подошелъ къ императрицѣ съ рапортомъ, какъ къ полковнику Преображенскаго полка, государыня допустила его къ рукѣ и черезъ оберъ-гофмаршала фонъ-Левенвольда приказала пригласить всѣхъ офицеровъ Измайловскаго полка къ себѣ на завтракъ, а послѣ завтрака на ягдъ-партію, въ Малый звѣринецъ.

Завтракъ, происходившій въ большомъ залѣ главнаго петергофскаго дворца, еще былъ «во полу-столѣ» (какъ говорится въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ); изъ открытыхъ оконъ второго этажа еще доносился съ надворья стукъ ножей и тарелокъ и звонъ бокаловъ и шумный говоръ гостей, и громкіе тосты за здоровье императрицы, по временамъ покрывавшіе даже «туши» придворнаго оркестра. А подъ окнами дворца, на верхней террасѣ, обращенной къ морю, уже собиралась великолѣпная царская охота.

По одну сторону выходнаго дворцоваго крыльца выстраивалась охота императрицы Анны, въ ярко-красныхъ мундирахъ съ золотымъ позументомъ. По другую — охота великой княжны Анны Леопольдовны, въ голубыхъ мундирахъ съ серебромъ. Тутъ были и конные «парфорсные» егеря верхами на поджарыхъ степныхъ ко-

няхъ, и пѣшіе пикеры съ арапниками въ рукахъ, окруженные сворами гончихъ. За ними тѣснымъ строемъ стояли «звѣровщики» съ рогатинами и «вольные егеря» съ ружьями, въ разнообразныхъ костюмахъ, а позади ихъ «охотные» служители, «поварщики», тенетчики и конюхи, въ форменныхъ сермягахъ. Главнымъ украшеніемъ этой громадной царской охоты былъ удивительный подборъ собакъ всевозможныхъ охотничьихъ породъ, начиная отъ громадныхъ борзыхъ, меделянокъ и датскихъ договъ до испанскихъ легавыхъ, русскихъ и польскихъ гончихъ, кривоногихъ «такселей», голосистыхъ бассетовъ и «тарсіеровъ». Охотники съ особенною любовью засматривались на нѣсколько своръ малыхъ гончихъ или «биклесовъ», которые даже и въ Англіи составляли большую рѣдкость и недавно были присланы оттуда русскимъ посланникомъ въ подарокъ императрицѣ Аннѣ.

Около самаго выхода изъ дворца стоялъ высокій и полный мужчина, полковникъ фонъ-Трескау, командующій царскою охотой, къ которому суетливо подбѣгали то форшмейстеръ Газе, то оберъ-егерь Бэмъ, принимая отъ него приказанія.

Подалѣе, въ сторонѣ, въ ожиданіи выхода императрицы, стояли два русскихъ мастера съ оружейнаго двора, Петръ Степановъ да Иванъ Пермякъ. Они оба держали въ рукахъ превосходный, своей работы, штуцеръ, съ золотою насѣчкою на стволѣ, замкѣ, завсрткѣ и затравкѣ, готовясь поднести его государынѣ.

Вотъ, наконецъ, на дворцовой лѣстницѣ засуетились и забѣгали придворные служители; одинъ изъ церемоніймейстеровъ махнулъ платкомъ «командующему» охотами,—и всѣ встрепенулись. И когда императрица Анна, въ зеленомъ бархатномъ охотничьемъ костюмѣ, сошла на террасу, окруженная блестящею свитой и измайловцами,— всѣ взоры обратились къ ней въ ожиданіи приказаній.

Этимъ мгновеніемъ выхода воспользовался оберъ-егерь, чтобы почтительно представить государынѣ оружейныхъ мастеровъ съ ихъ «подношеніемъ», а оберъ-егермейстеръ Волынскій сообщилъ, между тѣмъ, «командующему» охотами, что государыня желаетъ сегодня тѣшиться охотою на зайцевъ въ Маломъ Заячьемъ звѣринцѣ.

— Прикажите немедля окинуть весь тотъ звѣринецъ тенетами и пошлите туда поварщиковъ, добавилъ Волынскій. Фонъ-Трескау поклонился и тотчасъ отдалъ приказанія, по которымъ тенётчики и поварщики, съ цѣлыми ворохами тенетъ на возахъ, двинулись къ Заячьему звѣринцу, а царская и велико-княжеская охота, сбивъ собакъ въ кучу, направились на свой запасный дворъ.

— Благодарю, благодарю! говорила между тѣмъ императрица, милостиво улыбаясь оберъ-егерю и съ видомъ знатока поворачивая въ рукахъ поднесенный ей великолѣпный штуцеръ. — На видъ очень чистъ и отдѣлка красивая, а пробовалъ-ли его мастеръ? Каково онъ бьетъ?

— Хорошо бьетъ! Кучно бьетъ, государыня! отвѣчали въ одинъ голосъ оба мастера.

— Herr Behm! обратилась государыня къ оберъ-егерю. — Зарядите мнѣ штуцеръ крупною дробью; я сейчасъ обоихъ мастеровъ провѣрю.

Всѣмъ было извѣстно, что императрица Анна отлично стрѣляетъ и даже любитъ похвалиться мѣткостью своихъ выстрѣловъ, а потому, когда штуцеръ, заряженный дробью, былъ переданъ Бэмомъ государынѣ, всѣ придворные и измайловцы обступили ее тѣснымъ полукружьемъ.

Анна Іоанновна умѣлою рукой вскинула штуцеръ къ плечу, приложилась, направляя стволъ на вершину одной изъ вѣковыхъ елей, и спустила курокъ... Выстрѣлъ грянулъ, и двѣ вороны, сидѣвшія на вершинѣ ели, разомъ пали съ нея, при паденіи цѣпляясь за сучья безсильно распластанными крыльями.

— Ausgezeichnet! Vortrefflich!... Ай-да выстрѣлъ! раздались за спиною императрицы возгласы въ толпѣ придворныхъ.

Государыня оглянулась кругомъ съ самодовольною улыбкой и, передавая штуцеръ Бэму, сказала ему:

— Выдать обоимъ мастерамъ полугодовой окладъ жалованья въ награду.

Какъ разъ въ это время къ государынѣ подошла ея любимая камеръ-юнгфера Марья Михайловна Возницына и доложила ей:

— Привезли, государыня! Семенъ Андреевичъ съ нарочнымъ прислалъ.

— Что такое? Что привезли? спросила императрица.

— А дѣвочекъ-то, что Левшину по шелковинкѣ заказывать изволили.

— Ахъ, да! припомнила императрица.—Ну, и что-же? Пригожи?

— Извольте сами посмотрѣть, ваше величество! Вонъ, обѣ на крыльцѣ и ждутъ, скороговоркою проговорила Возницына.

— Ну, приведи-же ихъ скорѣе!

Возницына юркнула въ толпу придворныхъ и черезъ минуту возвратилась, ведя за руку двухъ прехорошенькихъ дѣвочекъ, лѣтъ по десяти. Онѣ были одѣты въ какіе-то странные костюмы, обшитые

позументомъ; у обѣихъ крошечныя барашковыя шапочки прикрывали роскошные вьющіеся волосы. Дѣвочки были блѣдны и смущены и на ходу боязливо оглядывали толпу большими темными глазами.

— Вотъ, сами посудите! говорила Возницына, подводя дѣвочекъ къ императрицѣ и заставляя ихъ кланяться.

— Пригоженькія! сказала императрица Анна, присматриваясь къ дѣвочкамъ. — А изъ какихъ онѣ?

— Милитинки, православныя, — не басурманки! поспѣшила отвѣтить Возницына.

— Спасибо Семену Андреевичу. Все сдѣлалъ, какъ я его просила... А какъ тебя зовутъ? обратилась императрица къ ближайшей дѣвочкѣ, милостиво ущипнувъ ее за подбородокъ.

— Тамара, чуть слышно произнесла дѣвочка, потупивъ глаза и опустивъ свои огромныя рѣсницы.

— А ту какъ?

— Ту Зоей зовутъ, отвѣтила за дѣвочку Возницына.

— Такъ вотъ эту, правую-то, я назову Шелковинка *первая*, а ту —Шелковинка *вторая*. Такъ и знай, Марья Михайловна, и возьми ихъ до ордера моего къ себѣ и ни на шагъ не отпускай... Ну, намъ пора, обратилась государыня къ окружающимъ. —Herr Oberst, прикажите трубить!

Два конюшихъ подвели государынѣ коня; вся свита мигомъ бросилась садиться на коней и веселый звукъ охотничьихъ роговъ смѣшался съ топотомъ копытъ и радостными кликами охотниковъ, привѣтствовавшихъ государыню.

IV.

Двѣ сиротки.

И вотъ двѣ «Шелковинки» зажили при Дворѣ, зажили новою жизнью... Вычесанныя, выглаженныя, выряженныя, онѣ постоянно росли на глазахъ императрицы, которая почти не отпускала ихъ отъ себя, почти не разлучалась съ ними и привязалась къ нимъ такъ скоро, какъ никто изъ окружающихъ и ожидать не могъ.

— Хорошенькія и чистенькія, и лицомъ бѣлы — мнѣ по нраву пришлись! говорила государыня, гладя по головѣ Тамару или ласково перебирая золотистые кудри, которые вились прихотливыми прядями за крошечнымъ ушкомъ Зои, между тѣмъ, какъ та старалась поймать губами и поцѣловать кончики пальцевъ государыни.

Да что онѣ у тебя такія тощія? вдругъ обращалась иногда

Анна Іоанновна къ Возницыной. — Или ты ихъ мало кормишь, Марья Михайловна!

— Все даю имъ, что отпускаютъ, сердито отзывалась Возницына.— Да, видно, въ прокъ имъ нейдетъ,– къ нашей пищѣ не привычны.

— Ну, вотъ еще что выдумала! Корми, корми! Ничего не жалѣй для нихъ... Мнѣ онѣ по нраву пришлись.

— И то за однимъ столомъ съ нами ѣдятъ: и съ Прасковьей Дмитревной, и съ Матреной Евстафьевной, и съ Маргаритой Ѳеодоровной; никто ихъ не обижаетъ...

— Корми, корми ихъ, чтобы не тощали. А то съ тебя спросится..

И государыня продолжала ласкать дѣвочекъ, которыя цѣловали ея ручки и смотрѣли ей въ глаза.

Жилось имъ, если со стороны посмотрѣть, припѣваючи... Но, въ сущности, жилось тяжело и грустно, и непривѣтно до крайности, жилось какъ въ безъисходной, непроглядной тьмѣ тюрьмы, безъ просвѣта, безъ тепла, среди людей чужихъ и суровыхъ, среди строжайшей дисциплины фрейлинской комнаты, среди незнакомыхъ обычаевъ и непонятныхъ церемоній Двора.

Съ утра затянутыя въ платья съ длинными узкими лифами, съ лентами и буфами на рукавахъ, съ кружевами и фижмами, которыя топорщились во всѣ стороны, — бѣдныя дѣвочки должны были являться изъ своей каморочки во «фрейлинскую» и тамъ садиться въ уголокъ, гдѣ имъ было приказано сидѣть «смирнехонько да тихохонько», въ ожиданіи пробужденія императрицы. Сидѣть надо было, сложа руки, не нагибаясь, не спуская глазъ съ дверей государыниной опочивальни, не перемѣняя позы, въ которую сажала ихъ Возницына.

— Ножки въ крестики, а локти такъ! говаривала имъ строгая Марья Михайловна, усаживая ихъ на краешкѣ лавки и оправляя на нихъ складочку къ складочкѣ и бантикъ къ бантику.—И чтобы ни гу-гу! по-своему не лопотать...

И чуть только, бывало, скрипнетъ дверь въ опочивальню и дежурная камеръ-юнгфера глазкомъ мигнетъ дѣвочкамъ, онѣ должны были разомъ вскакивать съ мѣста, размѣренными спѣшными шажками перебѣгать «фрейлинскую», на цыпочкахъ входить въ опочивальню и становиться у притолки дверей, въ ожиданіи приказаній. Такъ стояли онѣ, сложа ручки и не спуская глазъ съ туалета императрицы, во все время ея долгаго одѣванья, подбѣгая только для того, чтобы поднять съ пола шпильку или отыскать упавшую булавку, и опять стать у притолки.

Иногда, когда государыня бывала особенно весела и милостиво настроена, она приказывала «во время туалета» принести въ опочивальню свою любимую собачку «Цитринку» и заставляла дѣвочекъ играть съ ней и бѣгать по комнатѣ. Но этой игры обѣ «Шелковинки» боялись, какъ огня... Собаченка, разыгравшись, хватала ихъ иногда зубами за платье, за кружева и банты, и если что-нибудь разрывала, вечеромъ надо было ждать грозы со стороны Возницыной, которая была крута въ ручной расправѣ, и однажды, за какую-то маленькую провинность, такъ больно высѣкла Зою, что та два дня значилась въ больныхъ и на глаза государынѣ появиться не смѣла.

Когда туалетъ кончался и государыня выходила во внутренніе апартаменты, призывая къ себѣ то Бирона, то его супругу, то его дѣтей, съ которыми проводила большую часть дня, обѣ «Шелковинки» опять отсылались въ «фрейлинскую», гдѣ должны были на той-же лавочкѣ рядышкомъ сѣсть за какую-нибудь работу: вязать крючкомъ или на спицахъ, плесть золотой шнурокъ на рогулькѣ, расшивать бархатныя полосы блестками и шелкомъ. Фрейлины, кругомъ ихъ, молча занимались пяличнымъ дѣломъ, лишь изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ двумя-тремя словами, сказанными шепотомъ, на ушко, и опять спѣшно принимаясь за работу... Иногда императрица высылала изъ смежной комнаты въ фрейлинскую кого-нибудь изъ приближенныхъ съ приказомъ:

— Чтобы всѣ фрейлины пѣли.

И всѣ пѣли—пѣли до изнеможенія, не смѣя ослушаться приказа.

Даже и время обѣда, и время полдника не было отдыхомъ для бѣдныхъ «Шелковинокъ»: ихъ сажали за столъ съ дежурными фрейлинами и камеръ-юнгферами, и строгая Марья Михайловна, сидѣвшая за тѣмъ-же столомъ, зорко слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ, за каждымъ глоткомъ:

— Какъ ѣшь? Развѣ такъ можно? Ты во дворцѣ, а не у себя въ Милитинскомъ твоемъ шалашѣ! Держи ложку, какъ слѣдуетъ, какъ показано...

И «Шелковинки», глотая невидимыя слезы, спѣшили исполнять приказаніе Возницыной, забывая о ѣдѣ и заботясь только о томъ, чтобы опять не навлечь на себя гнѣвнаго репримандa.

Если государыня обѣдала съ семьею Бирона, въ своемъ обычномъ домашнемъ кругу, обѣ «Шелковинки» обязательно должны были стоять за ея кресломъ, исполняя мелкія порученія ея величества, передавая кости съ ея тарелки собакамъ и кошкамъ, перенося въ

горсточкѣ крошки къ птичьимъ клѣткамъ, за что и получали иногда отъ государыни милостивыя подачки: кусочекъ яблочка, виноградинку, остатки пирожнаго.

— Ну, теперь довольно съ васъ! говорила послѣ обѣда государыня, усаживаясь за карточный столъ со своими обычными партнерами. — Ступайте, отдохните.

И, допустивъ обѣихъ дѣвочекъ къ рукѣ, отпускала ихъ на покой... Но Возницына перехватывала ихъ на дорогѣ и сдавала ихъ на руки танцмейстеру, старому, сухому нѣмцу, который ставилъ ихъ въ «позицію», заставлялъ стоять и вертѣться на одной ножкѣ, граціозно прыгать въ менуэтѣ и размѣренно присѣдать, отвѣшивая чопорные поклоны.

Иногда и на этомъ не оканчивалось мученіе «Шелковинокъ»: за урокомъ танцевъ слѣдовалъ урокъ грамоты, музыки и пѣнія...

И бѣдныя дѣвочки приходили въ свою каморку рядомъ со спальнею Возницыной въ полномъ изнеможеніи.

Каморка была тѣсная, темная и очень холодная въ зимнее время. Полъ былъ весь въ щеляхъ, изъ которыхъ дуло, какъ изъ пропасти. Бѣдныя «Шелковинки» не только зимою, но даже весною и осенью дрожали въ этой каморкѣ, раздѣваясь вечеромъ и укладывая въ порядокъ свое парадное платье. Но, несмотря на все свое изнеможеніе, онѣ каждый вечеръ переживали нѣсколько мгновеній величайшаго наслажденія, когда ложились подъ одно одѣяльце, и, крѣпко обнявшись, приложивъ щеку къ щекѣ, тѣсно прижимались другъ къ другу... Разговаривать громко онѣ не смѣли; но никто не могъ помѣшать имъ шептаться на своемъ родномъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока сонъ не прерывалъ ихъ бесѣды на полусловѣ.

— Тамарочка! говорила въ эти блаженныя минуты Зоя. — Какъ это хорошо, что я не одна... Я-бы умерла съ тоски въ этомъ богатомъ дворцѣ, среди этихъ чужихъ людей...

Тамарочка, не открывая глазъ, отвѣчала поцѣлуемъ.

— Какъ хорошо, что мы сестры... Хоть и сироты, а все-же сестры, и что насъ не разлучили... Безъ тебя я не могла-бы жить здѣсь... Здѣсь такъ холодно, такъ скучно... такъ тяжело...

— А помнишь наши горы? вдругъ начинала восторженно припоминать Тамара. — Помнишь тотъ садъ, въ которомъ мы съ тобою каждое утро играли?.. И виноградъ чудесный этотъ, розовый, яркій такой, и какъ онъ горѣлъ огонькомъ на солнцѣ... Помнишь?

— Помню, помню — какъ не помнить? вздыхая, шептала Зоя.

— И тетку нашу помнишь, отъ которой насъ взяли и повезли сюда? Какая добрая, хорошая была!..

— Мнѣ очень жалко, что я мамы не помню, грустно отзывалась Зоя. — Помню только могилку ея съ бѣленькимъ крестикомъ.

— Помолимся, помолимся скорѣе о ней! шептала Тамара. — Тетя говорила, что ей «тамъ» хорошо.

— Помолимся, чтобы и намъ было хорошо,—грустно лепетала Зоя, складывая ручки для молитвы и сдерживая подступавшія къ глазамъ слезы.

V.
Разлука.

А время шло да шло, унося прошлое въ даль, загораживая его впечатлѣніями и образами настоящаго и увлекая къ грядущему. «Шелковники» росли среди той-же невыносимо-однообразной обстановки, забывая и родной языкъ, и родныя горы, поросшія виноградной лозою. Обѣ «Шелковинки» измѣнились и вытянулись, приближаясь къ тому переходному возрасту, въ которомъ дѣвочка нежданно-негаданно обращается въ дѣвицу и вступаетъ въ жизнь со страхомъ и надеждою, какъ корабль, только-что поднявшій паруса, вступаетъ въ безбрежное открытое море. «Шелковники» уже многое понимали, многое умѣли наблюдать и соображать и начинали даже входить въ интересы той среды, которая ихъ окружала. Дружныя, попрежнему, онѣ точно такъ же любили вечеркомъ пошептаться, уткнувшись рядомъ кудрявыми головками въ подушку; но уже бесѣды ихъ были иными, непохожими на прежнія, и велись на чистомъ русскомъ языкѣ, на которомъ онѣ привыкли не только говорить, но и думать.

— Ты замѣтила, говорила Тамара Зоѣ,—какъ покраснѣла сегодня наша Марья Михайловна, когда государыня отдала свое синее шелковое платье не ей, а княгинѣ Аграфенѣ Александровнѣ.

— Да, да! замѣтила.— Она всегда краснѣетъ, когда злится.

— А платье-то такое дорогое, хорошее, богатое.

— Мнѣ больше нравится то, которое было сегодня на графинѣ Чернышевой! И всѣ говорили, что теперь ни у одной придворной дамы нѣтъ такой «робы».

А помнишь, какъ на прошлой недѣлѣ шутъ этотъ, новый-то, въ красномъ колпакѣ, подкатился подъ ноги княгинѣ Аграфенѣ? И какъ она свалилась... а государыня смѣялась, глядя, какъ она съ шутомъ каталась по полу?

— Помню, помню! А только она, бѣдная, тогда очень ушиблась... За то ей государыня и платье-то подарила.

— А этотъ, новый-то, посланникъ онъ, что-ли? Высокій, стройный такой, вотъ что сегодня-то обѣдалъ у государыни? Онъ... тебѣ нравится? робко спросила Тамара у Зои.

— А тебѣ нравится? отвѣчала ей Зоя вопросомъ на вопросъ.

— Мнѣ очень нравится, наивно сказала Тамара, приникая къ самому уху Зои.

— А правда-ли, говорятъ, что наша великая княжна просватана за этого нѣмецкаго принца... за некрасиваго?

— Ахъ, неужели? Быть не можетъ, отзывалась Тамара, которая уже начинала дремать и старалась припомнить красивое лицо молодаго саксонскаго посланника, графа де-Линара.

И, несмотря на то, что эти бесѣды вращались постоянно около будничныхъ, немудреныхъ интересовъ дня, онѣ составляли главную украсу неказистой, непривѣтной жизни двухъ подрастающихъ «Шелковинокъ». Имъ обѣимъ казалось, что если-бы ихъ разлучили, если-бы у нихъ отняли возможность вечеромъ поболтать и подѣлиться впечатлѣніями дня—жизнь утратила бы для нихъ всю свою красу, всю свою прелесть.

Однажды, вечеромъ, эта обычная бесѣда была нарушена очень страннымъ и необычайнымъ образомъ. Страшный вѣтеръ завылъ съ полуночи и поднялась такая мятель, какой не бывало въ послѣдніе годы. Снѣжная буря свистала и гудѣла такъ грозно, то налетая на дворецъ и хлеща по его стѣнамъ своими мощными крылами, то стихая на минуту, то завывая дикими голосами въ трубѣ,—что обѣ «Шелковинки», боязливо прижавшись другъ къ другу, смолкли и не говорили ни слова, прислушиваясь къ сокрушительнымъ порывамъ вѣтра. Имъ казалось почему-то, что этотъ вѣтеръ сорветъ крышу съ дворца, повалитъ его стѣны и разразитъ ихъ обѣихъ подъ развалинами.

— Мнѣ страшно, прошептала наконецъ Тамара, вздрагивая и прислушиваясь къ дребезжанію стеколъ въ единственномъ маленькомъ окошечкѣ ихъ каморки.

— Я не могу заснуть, жаловалась сквозь слезы Зоя въ отвѣтъ Тамарѣ.

Вдругъ — новый порывъ, новый налетъ бури! Словно огромная, чудовищная птица ударила крыломъ въ стѣну каморки и встряхнула оконницами... Что-то звякнуло и одно изъ стеколъ, дребежжа, упало на полъ. Рѣзкій, ледяной вѣтеръ, навѣвая пушистые хлопья снѣга въ каморку, завылъ и засвисталъ зловѣщимъ посвистомъ, врываясь въ разбитое окошечко.

А Ф Маркса
А Ф Маркса

Обѣ «Шелковинки» разомъ вскочили со своей кроватки и, съ крикомъ выбѣжавъ изъ каморки, бросились въ опочивальню Возницыной, которая приняла ихъ къ себѣ, уложила, успокоила и велѣла до утра заткнуть выбитое стекло подушкою... Но эта страшная ночь не прошла «Шелковинкамъ» даромъ:—у нихъ обѣихъ, на другой-же день, открылся жаръ, ознобъ, и обѣ слегли въ постель. Къ вечеру, обѣ стали бредить, и докторъ, присланный къ нимъ государыней, заявилъ Возницыной, что у «Шелковинокъ» открылась горячка...

Зоя очнулась отъ бреда первая. Родныя горы, уходившія въ облака, крутыя стремнины съ горными ручьями, которые громко журчали и пѣнились, перепадая съ камня на камень, жалкія плосковерхія сакли, прилѣпленныя къ утесамъ словно птичьи гнѣзда — все это грезилось ей въ горячечномъ бреду и все это отошло постепенно на заднiй планъ, блѣднѣя и стираясь въ пробуждающемся сознанiи Зои. Среди этихъ грёзъ ее особенно пугалъ какой-то громадный орелъ, который уносилъ ее изъ родной сакли на верхъ высокой скалы, отвѣсно спускавшейся въ пропасть, и, покинувъ ее на холодной, снѣжной вершинѣ, величаво парилъ и плавалъ кругомъ, въ прозрачномъ воздухѣ, какъ бы оберегая ее отъ другихъ хищниковъ... Въ первое время, очнувшись отъ бреда, Зоя даже спрашивала ту женщину, которая была къ «Шелковинкамъ» приставлена сидѣлкой:

— Онъ не прилетитъ больше?.. Нѣтъ?

Что тебѣ надо? О комъ ты это спрашиваешь? говорила ей сидѣлка, наклоняясь къ ея изголовью.

— Да онъ, онъ! твердила Зоя, тревожно озираясь.—Съ большими крыльями...

— Въ толкъ не возьму, голубушка!

— Да этотъ... орелъ-то!

— Орелъ? Испей-ка лучше кваску, милая, да прiусни... Дай я тебѣ зголовьице переверну.

И Зоя засыпала и не бредила болѣе: и день-ото-дня ей становилось все лучше и лучше, и она съ ужасомъ видѣла, какъ металась въ бреду на постели ея милая Тамара, похудѣвшая, осунувшаяся, неузнаваемая.

Одна Зоя изо всѣхъ окружающихъ понимала едва внятныя имъ слова, которыя та произносила въ бреду на своемъ полу-забытомъ родномъ языкѣ, мѣшая ихъ съ русскою рѣчью, прерывая криками и рыданiями... И Зоя ясно видѣла, какъ Тамара изнывала и слабѣла, какъ она, отъ неудержимыхъ порывовъ ужаснаго бреда пере-

ходила къ такимъ періодамъ полнаго истощенія силъ и полнаго отупѣнія, которые были близки къ смерти.

Однажды, подъ вечеръ, когда Зоя, проспавъ бо̀льшую часть дня, чувствовала себя особенно бодрой, а сидѣлка, утомленная уходомъ за «Шелковинками», крѣпко спала въ углу на лавкѣ, уткнувшись въ стѣну головой,—Зоѣ показалось, что Тамара манитъ ее къ себѣ, выставляя изъ-подъ одѣяла свою маленькую, похудѣлую ручку.

Зоя вскочила съ постели, переступила три шага до кровати подруги, присѣла на краешекъ ея и нагнулась къ изголовью Тамары.

При слабомъ свѣтѣ ночника, она увидѣла, что Тамара смотритъ ей въ лицо своими большими, широко раскрытыми глазами.

— Зоя! прошептала она чуть слышно.—Я... умираю!

Зоя молчала, не смѣя оторвать глазъ отъ глубокаго взора Тамары, боясь проронить хотя бы одно слово.

— Умираю! продолжала шептать Тамара.—Мать ужь... сколько разъ... приходила за мною... Ждетъ меня!..

— Полно, полно! Что ты?

— Я знаю, что умру... «Она» мнѣ сказала! А ты будешь жить... Только тебѣ будетъ хуже безъ меня!

Зоя не выдержала и заплакала, тихо всхлипывая.

— Я давно... хотѣла съ тобою... проститься, шептала Тамара.— да все не могла! Не забывай... свою Тамарочку!.. И вотъ... возьми... тутъ на крестѣ... та шелковинка... наша шелковинка! Я сберегла ее...

И она, плохо владѣя пальцами, старалась отвязать отъ креста что-то въ родѣ ладонки. Зоя помогла ей.

— Береги и ты ее... на память обо мнѣ! Въ ней... наша доля...

Тамара не могла говорить далѣе и, грустно улыбаясь, все только смотрѣла въ очи своей милой, дорогой Зоѣ, чуть замѣтно шевеля губами и произнося какія-то неслышныя слова. Зоя наклонилась къ ней, стараясь вникнуть въ этотъ послѣдній завѣтъ подруги, взяла ее за холодѣющую руку и долго-долго сидѣла, наклонившись къ ея устамъ, которыя то беззвучно шевелились, то расплывались въ какую-то блаженную, неземную улыбку.

Сколько времени провела Зоя надъ изголовьемъ своей подруги, вглядываясь въ ея милыя черты, прислушиваясь къ ея слабѣющему дыханію—этого Зоя не могла припомнить. Она помнила только, что очи ея Тамары вдругъ потускнѣли и закрылись, что ея головка склонилась на плечо и грудь ея перестала подниматься дыханіемъ.

Рука смерти не коснулась только улыбки, въ которой застыли уста Тамары...

VI.

Первая встрѣча.

Долго-долго горевала Зоя по своей милой Тамарѣ; долго не могла она утѣшиться и удержать слезъ при воспоминаніи о ней... Много разъ все еще милостивая къ ней императрица Анна отсылала ее изъ своихъ внутреннихъ апартаментовъ во «фрейлинскую», приговаривая недовольнымъ тономъ:

— Пусть тамъ выплачется. Слезливая какая, Богъ съ ней!

Но время шло, унося и горе, и радости, залѣчивая раны сердца, осушая слезы; Зоя, наконецъ, свыклась со своимъ одиночествомъ, свыклась съ утратою, которая осталась, наконецъ, только легкою тѣнью въ ея воспоминаніи,—тѣнью, лишь изрѣдка мрачившею свѣтлыя, яркія мечты расцвѣтавшей юности...

Да, начиналась юность! Зоя, значительно выросшая послѣ болѣзни, стала быстро расцвѣтать и хорошѣть, вступая въ лучшую пору жизни. Всѣ окружающіе, давно уже привыкнувшіе къ доброй и кроткой дѣвочкѣ, пользовавшейся милостями императрицы, стали поговаривать между собою:

— «Шелковинка»-то наша какъ вытянулась, какъ хорошѣть стала... Есть чѣмъ полюбоваться.

— Помяните мое слово, приговаривала при этомъ княгиня Авдотья Ивановна Чернышева,—красавица будетъ первѣющая! Коса у ней и теперь какая чудная... Да и глаза-то каковы—томные съ поволокой! А ей и всего-то пятнадцатый годъ...

— Мы ужь и то просимъ Марью Михайловну, замѣчали въ одинъ голосъ фрейлины,—чтобы ей робы пошире пускали... Круглиться стала—лифъ, то и дѣло, въ плечахъ да въ груди тѣсенъ ей...

Чего не досказывали рѣчи фрейлинъ и придворныхъ дамъ, то договаривало Зоѣ зеркало, въ которое она начала какъ-то особенно часто и охотно смотрѣться.

Она сама себѣ стала нравиться и понимать, что можетъ нравиться другимъ... многимъ. Императрица Анна, любившая видѣть около себя красивыхъ женщинъ, тоже оцѣнила красоту «Шелковинки» и сказала какъ-то Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой:

— «Шелковинка» и не дурна, и не глупа... И скромная такая растетъ. Кабы ее немножко подучить — изъ нея не хуже прочихъ фрейлина-бы вышла...

— Немудрено и подучить! замѣтила добрая Авдотья Ивановна. Танцы она всякіе танцуетъ, и по музыкѣ обучена, и пѣть по по-

тамъ... Только по-французски надо обучить... Пусть съ дочкой съ моей учится.

Государыня изъявила на это согласіе, и съ того же дня Авдотья Ивановна стала частенько, разъ пять въ недѣлю, увозить Зою къ себѣ и засаживать за уроки французскаго языка, которому дочка ея обучалась у старика-француза, выѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ маркизомъ Шетарди.

Французъ пришелъ въ восторгъ отъ своей новой ученицы и принялся за обученіе ея такъ усердно, что, наблюдая со стороны, можно было, пожалуй, заподозрить его педагогическое усердіе. «Шелковинкѣ» очень не нравился этотъ французъ, съ его рѣзкими чертами лица, съ острымъ взглядомъ, который онъ смѣло и нахально устремлялъ ей прямо въ глаза, заставляя ее краснѣть и потуплять застѣнчиво глаза... Ей были непріятны и слишкомъ вольныя манеры этого чудака-француза, который при каждомъ удобномъ случаѣ бралъ ее за руку, а иногда слишкомъ близко пододвигалъ къ ней свой стулъ и, будто нечаянно, касался носка ея ботинокъ носкомъ своего башмака. Особенно противенъ былъ ей запахъ того табака съ жасминомъ, которымъ онъ какъ-то особенно плотоядно начинялъ свой носъ, подфыркивая и плутовато посматривая на своихъ молоденькихъ ученицъ.

— Французъ-то! Французъ-то! Ахъ, грѣхи наши тяжкіе! восклицала, смѣясь, Авдотья Ивановна.—Такъ и льнетъ къ «Шелковинкѣ»! Смотри, Зоюшка, онъ тебѣ, пожалуй, не замѣшкаетъ и декларацію сдѣлать.

Зоюшка выслушивала эти замѣчанія Авдотьи Ивановны, краснѣя и потупляя взоры, но работала изо всѣхъ силъ, пользуясь увлеченіемъ старика-француза, хватала все на лету, и добилась того, что много-много черезъ полгода уже могла немного болтать по-французски и безъ особеннаго затрудненія читать французскія книжки легкаго, повѣствовательнаго содержанія. Авдотья Ивановна не разъ пыталась ставить «Шелковинку» въ примѣръ своей дочкѣ, которой не давалась французская грамота.

— Стыдись, матушка! Вонъ полюбуйся на Зоюшку—все духомъ перенимаетъ отъ француза! Французскія книжки читать начинаетъ... А ты ни въ зубъ толкнуть, хошь и дольше ея учишься.

Но французскимъ урокамъ былъ вдругъ положенъ конецъ... Государыня заболѣла серьезно; болѣзнь ея приняла вскорѣ опасный оборотъ и вся придворная жизнь сразу какъ-бы замерла въ ожиданіи грядущихъ, никому невѣдомыхъ событій. О «Шелковинкѣ» всѣ за-

были: она какъ тѣнь слонялась одинёшенька по разнымъ доступнымъ ей уголкамъ дворца, сама не зная, куда ей голову приклонить, что ей съ собою сдѣлать, гдѣ себѣ мѣсто найти. Она не совсѣмъ понимала то, что совершалось кругомъ, на глазахъ ея; смыслъ историческихъ событій былъ ей недоступенъ, но, по той суматохѣ, по той путаницѣ, по той тревогѣ, которую она замѣчала во всѣхъ слояхъ обширнаго придворнаго персонала, по тому шепоту, который отовсюду доносилъ до ея ушей новости каждаго дня и каждаго часа, «Шелковинка» могла угадать, что совершается нѣчто важное, нѣчто чрезвычайное, и что всѣ ждутъ въ ближайшемъ будущемъ чего-то страшнаго...

— Очень плоха сегодня, шептала на ухо Возницыной одна изъ фрейлинъ.—Головы отъ изголовья не поднимаетъ...

— Дохтура отказываются... И говоритъ съ трудомъ — а «тотъ-то» все надъ нею, какъ коршунъ, все свое лопочетъ;—доносила другая фрейлина.

— Министры на совѣтъ собрались... говорятъ, «онъ» восемь часовъ ихъ все уламывалъ и уломалъ-таки... Понесъ къ ней бумаги для подписи... шелестили испуганные голоса кругомъ «Шелковинки», которая низенько наклонялась надъ своею работою, прислушиваясь къ этимъ, непонятнымъ ей, слухамъ.

— Охъ, не дай-то Господи, какъ государыня подпишетъ! не стѣсняясь, горевала Авдотья Ивановна. — Тогда отъ этого лиходѣя хоть въ пустыню бѣги!..

— Тсс! Что ты это, мать моя! останавливала Чернышеву Возницына.—Авось, Богъ-то милостивъ...

«Шелковинка», напуганная всѣми этими ожиданіями, толками и страхами, разъ какъ-то не выдержала и расплакалась.

— Ну, чего еще нюни распустила? сердито спросила ее Возницына.

— Государыни мнѣ жалко! Она была мнѣ какъ мать родная, съ чувствомъ сказала Зоя. — Умретъ она, и останусь я горькою, безпріютною сиротинкой.

— Э-э! Не горюй, Зоюшка! поспѣшила ее утѣшить добрая Авдотья Ивановна. — Тебѣ сполагоря! Ты — дѣвушка красивая, гладкая, всѣмъ взяла... Тебя великая княгиня сейчасъ ко двору своему во фрейлины или въ камеръ-юнгфоры возьметъ... Съумѣй только Менгденовой понравиться... А вотъ мы то, мы то съ Марьей Михайловной куда дѣнемся?

И въ воображеніи Зои сразу представилась фигура любимой

фрейлины великой княгини, той Юліи Менгденъ, которая болѣе была извѣстна при дворѣ подъ именемъ «Менгденши» или «Менгденовой». Она припомнила ея некрасивую, неуклюжую, расплывшуюся фигуру, ея пухлое лицо, покрытое веснушками, ея неопрятный нарядъ и нечесанные свѣтлые, какъ ленъ, густые волосы, кое-какъ подхваченные высокимъ гребнемъ и двумя-тремя шпильками.

Не люба была ей эта «Менгденша», съ которою великая княгиня Анна Леопольдовна и въ дѣвичествѣ, и въ замужествѣ проводила цѣлые дни въ одной комнатѣ, почти не разставаясь, но всѣ говорили въ одинъ голосъ, что если престолъ перейдетъ къ младенцу-императору, Іоанну Антоновичу, то и родительница его, Анна Леопольдовна, высоко поднимется и любимицу свою не забудетъ... Многіе даже начинали уже заискивать у Менгденши и забѣгать къ ней съ чернаго крыльца и съ лестью, и съ подарками... Но «Шелковинкѣ» почему-то казалось, что ей было-бы тяжело подчиняться приказаніямъ этой пухлой и неуклюжей нѣмки, которая болѣе напоминала ей прачку, нежели фрейлину; ей казалось, что красные дни для нея прошли, что ей будетъ хуже при новомъ дворѣ и новыхъ людяхъ.

Среди всѣхъ этихъ ожиданій и тревогъ историческое событіе совершилось... Ударилъ часъ, и императрица Анна Іоанновна отошла въ вѣчность. Некогда было и оплакать почившую государыню: всѣ спѣшили радоваться воцаренію императора-младенца, Іоанна Антоновича; всѣ спѣшили на поклонъ къ его свѣтлости, герцогу Бирону, о которомъ въ манифестѣ покойной государыни было именно упомянуто, что, «по особому матернему милосердію къ имперіи и ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ», онъ, «Эрнстъ-Іоаннъ, владѣтельный свѣтлѣйшій герцогъ курляндскій, лифляндскій и семигальскій«, назначается регентомъ государя до 17-ти-лѣтняго возраста... Не успѣла и «Шелковинка» оплакать государыню, какъ ей былъ переданъ приказъ «впредь до новаго распоряженія, сидѣть во фрейлинской у ея высочества великой княгини, родительницы императора».

Началась для «Шелковинки» служба тяжелая, непривычная; ее окружали все чужіе люди, среди которыхъ было много нѣмцевъ. Она была между всѣми младшею, и потому всѣ на нее косились и всѣ считали долгомъ выказывать надъ нею старшинство и власть. Бѣдная «Шелковинка» минуты на мѣстѣ не сидѣла; она все была на посылкахъ, безпрестанно перебѣгая изъ флигеля, въ которомъ жила великая княгиня съ Менгденшей, во флигель, гдѣ помѣщенъ

былъ императоръ-младенецъ и состоявшій при немъ штатъ. Во время одной изъ такихъ побѣгушекъ, когда Зоя, съ запискою въ рукахъ, поспѣшно переходила одинъ изъ длинныхъ, узкихъ и полутемныхъ корридоровъ дворца, она, на поворотѣ, почти наткнулась на двухъ важныхъ придворныхъ, которые шли ей на-встрѣчу, переговариваясь между собою по-французски.

Зоя испуганно отскочила въ сторону, граціозно присѣла имъ и извинилась въ своей неосмотрительности.

Тотъ, на котораго она наткнулась, высокій, стройный и красивый брюнетъ, одѣтый въ богатый кафтанъ, расшитый золотомъ, окинулъ «Шелковинку» опытнымъ взглядомъ и сказалъ громко:

— Est-elle charmante, la petite!

«Шелковинка» явственно разслышала эти слова и опрометью бросилась бѣжать по коридору. Сердце ея сильно билось, и она была очень взволнована, когда добѣжала до покоевъ императора-младенца и передала записку Авдотьѣ Ивановнѣ.

— Что ты это, Зоюшка, какъ запыхалась? Бѣжала, что-ли? Не напугалъ-ли кто тебя?

Зоя откровенно разсказала Авдотьѣ Ивановнѣ о своей неловкости при встрѣчѣ съ придворными; но скрыла отъ нея отзывъ красиваго брюнета.

— А! Знаю, знаю, кого ты встрѣтила! Это посланникъ Саксонскій, графъ де-Линаръ! Онъ былъ здѣсь съ Левенвольдомъ. Опять сюда пріѣхалъ...

— А развѣ онъ здѣсь и прежде былъ? робко спросила Зоя, которую почему-то очень начиналъ интересовать де-Линаръ.

— Какъ-же! Былъ, лѣтъ съ пять тому назадъ, отвѣчала Чернышева. — Былъ здѣсь, жилъ долго, да выслали...

— Какъ выслали? За что? попробовала спросить Зоя.

— Ну, матушка, много будешь знать, скоро состаришься, съ лукавою усмѣшечкой сказала Чернышева. —Вотъ тебѣ отвѣтъ...

Зоя повиновалась. Но изъ словъ Авдотьи Ивановны она сообразила, что уже видала де-Линара́ во время его перваго пріѣзда, что и тогда уже онъ нравился и ей, и ея милой Тамарочкѣ. Она вспомнила, какъ онѣ обѣ толковали о немъ шепоткомъ въ своей каморкѣ, сообщая другъ другу впечатлѣнія дня.

«Да, я его видала, думала Зоя. За столомъ у государыни покойной... Онъ и тогда такимъ-же былъ красавцемъ, какъ теперь»...

И образъ красавца-графа, и въ особенности его французскій отзывъ о ея красотѣ глубоко засѣли въ головѣ у «Шелковинки».

VII.

Сердечко заговорило.

Со времени этой первой, мимолетной встрѣчи съ графомъ де-Линаромъ, Зоя стала обращать вниманіе на тѣхъ придворныхъ, съ которыми ей изрѣдка приходилось сталкиваться. Ее начала занимать и самая внѣшность, и манеры мужчинъ, и тѣ богатые наряды, въ которыхъ они являлись ко Двору. И всѣхъ она мысленно сравнивала съ де-Линаромъ, и почему-то передъ всѣми отдавала предпочтеніе именно ему. Красота-ли его такъ поразила «Шелковинку» или его лестный отзывъ такъ очаровалъ ее, но она никакъ не могла отдѣлаться отъ воспоминаній о графѣ и жадно прислушивалась къ тому, что о немъ говорили во «фрейлинской», у великой княгини.

А говорили о немъ очень много. Имя его переходило изъ устъ въ уста, и рядомъ съ его именемъ слышались довольно странные отзывы объ этомъ иностранцѣ.

И хотя эти рѣчи велись полунамеками, полусловами и передавались во «фрейлинской» по секрету на ушко, — но секретъ становился мало-по-малу общимъ достояніемъ всѣхъ этихъ женщинъ и оставался секретомъ только ради извѣстнаго приличія и безопасности. Зоя стала наблюдать, стала присматриваться, прислушиваться, но быстро наступившая перемѣна правленія значительно облегчила ея наблюденія.

Еще 8-го ноября 1740 года «Шелковинка» легла спокойно спать; а ужъ подъ утро разбудили ее пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе всему столичному городу Санктъ-Петербургу, что Биронъ сверженъ и посаженъ въ крѣпость, а правительницею провозглашена великая княгиня Анна Леопольдовна.

Зоя не понимала значенія этой перемѣны, не понимала ни интригъ, ни опасеній, которыя были этою перемѣною вызваны, и видѣла только ближайшіе ея результаты, доступные даже и ея наблюденію. Фрейлина Менгденъ заходила козыремъ по всему дворцу: вся ея неуклюжая фигура какъ нельзя яснѣе выражала то, что она сознаетъ себя однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ, и она даже начала, не стѣсняясь, говорить о себѣ:

— Слава Богу, что и мы попали въ правительство.

Подъ рукою, фрейлины смѣялись надъ нею; но на Менгденшу посыпались милости и подарки... О нихъ судили и рядили во «фрейлинской»: ей завидовали... Но Зоя, равнодушная ко всякой

корысти, отъ роду не имѣвшая никакихъ денегъ, завидовала не тому... Ей было досадно видѣть, что красавецъ-графъ де-Линаръ сталъ очень часто заглядывать на половину Менгденши и оставаться въ ней иногда довольно долго.

«Что онъ тамъ дѣлаетъ?» спрашивала себя «Шелковинка», не смѣя ни къ кому обратиться съ этимъ вопросомъ и не понимая тѣхъ двусмысленныхъ намековъ и взглядовъ, которыми въ послѣднее время стали обмѣниваться между собою фрейлины и камеръ-юнгферы, когда Менгденша проходила черезъ «фрейлинскую». «Шелковинка» сама рѣшилась слѣдить за посѣщеніями графа и добиться какого-нибудь уясненія своихъ сомнѣній.

И вотъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ей удалось, однажды, притаившись за поворотомъ темнаго коридора, разслышать ясно, какъ де-Линаръ, выходя отъ Менгденши, говорилъ ей по-французски:

— Adieu, ma poulette! Merci pour vos services!

Въ тотъ вечеръ «Шелковинка» долго не могла заснуть. Ворочаясь на своей жесткой постели, она все спрашивала себя:

— Что значатъ эти ласковыя слова? И за что онъ ее благодаритъ? Неужели такой красавецъ можетъ любить такого урода? Толстая, бѣлобрысая — противная нѣмка!

И она не на шутку сердилась на Менгденшу и почти ревновала къ ней этого заѣзжаго графа, который казался ей идеаломъ мужской доблести.

А, между тѣмъ, что ни день, слухи о милостяхъ, которыя сыпались на «противную нѣмку» со стороны правительницы, становились общею и постоянною темой разговора во «фрейлинской».

— Давно-ли ей 3000 рублей пожаловала? А передъ тѣмъ 13000! А нынче, слышали, записала за ней, подъ Деритомъ, мызу Оберъ-Паленъ — богатѣйшую! Видно, Юлія Менгденова не промахъ! *Вѣрную службу* служитъ правительницѣ!

Такъ толковали между собою, во всеуслышаніе, фрейлины и камеръ-юнгферы Анны Леопольдовны и не скрывали своей ненависти къ ея фавориткѣ, возвышаемой надъ всѣми прочими. Эта ненависть высказывалась такъ ясно, такъ очевидно, что и сама Менгденша не могла не замѣтить ея и стала искать человѣка, на котораго она могла-бы положиться. Богъ вѣсть почему она задумала приблизить къ себѣ именно «Шелковинку».

Зоя была очень удивлена, когда однажды, утромъ, услышала, что ее зоветъ къ себѣ сама Менгденша. Еще болѣе изумилась

она, когда вошла въ комнату фаворитки и услышала отъ нея приказаніе:

— Заприте дверь на ключъ!

«Шелковинка» заперла и стала у дверей въ ожиданіи приказаній.

Юлія Менгденъ, только что поднявшись съ постели, не мытая. не чесанная, повязанная платкомъ, одѣтая въ какой-то грязный пудермантель. спросила ее, на ломаномъ русскомъ языкѣ, понимаетъ-ли она по-французски?

-- Понимаю, отвѣчала «Шелковинка» не безъ гордости.

— И говорить по-французски можете?

— Немного могу объясняться.

- - А графа де-Линара знаете?... Вотъ который у меня бываетъ?

— Знаю.—чуть слышно произнесла Зоя, потупляя глаза и чувствуя. какъ яркій румянецъ разливался у нея по щекамъ.

— А! Покраснѣла! Значитъ, знаетъ! фамильярно проговорила фаворитка, улыбаясь своею широкою улыбкой.—Вѣрно, нравится этотъ красавецъ?

«Шелковинка» рѣшительно не знала, что ей отвѣчать. и могла только пробормотать:

— Я его здѣсь видала...

— Я знаю, что здѣсь. Гдѣ-же еще-то? Онъ на такую дѣвчонку и вниманія не обратитъ... Ну, да это все равно. А вотъ въ чемъ дѣло: ступайте сейчасъ-же на ту половину, подождите его въ нижнемъ корридорѣ, противъ третьей двери и, когда онъ выйдетъ изъ нея, отдайте ему эту записочку... Что скажетъ — придете мнѣ сказать... Если умно исполните порученіе, я только васъ и буду посылать къ нему и награжу васъ: а если вы станете объ этомъ болтать — я васъ отправлю въ Москву, въ деревню...

И Менгденша, вынувъ изъ стола тщательно запечатанную и раздушенную записочку, сложенную щеголеватымъ пѣтушкомъ, подала ее «Шелковинкѣ».

— Да вы не въ рукахъ ее держите... Этакъ. на виду, нельзя... Какая глупая! Ничего еще не умѣетъ. Вы вотъ куда ее запрячьте! -- и, приблизившись къ Зоѣ она опустила ей записку за вырѣзной лифъ рόбы.

«Вотъ наказанье-то! думала Зоя. Я должна *ему* переносить записки этой противной нѣмки!.. Ни за что не буду! Брошу ему записку и...»

И рѣшила не бросить, а передать изъ рукъ въ руки, чтобы

еще разъ имѣть удовольствіе его увидѣть и услышать отъ него какую-нибудь любезность.

Перейдя на другую половину дворца и остановившись въ указанномъ мѣстѣ, Зоя не долго ждала графа. Прошло не болѣе четверти часа въ трепетномъ ожиданіи его выхода... Дверь отворилась и онъ вышелъ въ корридоръ.

— Une lettre pour monsieur le comte!—робко проговорила «Шелковинка», вынимая записку изъ-за лифа и подходя къ графу.

Не распечатывая записки, де-Линаръ посмотрѣлъ прямо въ лицо Зои.

— Отъ васъ, моя милая? произнесъ онъ съ очаровательною улыбкой, не спуская глазъ съ лица «Шелковинки».

— Нѣтъ, произнесла она, краснѣя и потупляясь,—отъ фрейлины ея высочества.

Графъ скорчилъ гримасу, вскрылъ письмо, пробѣжалъ его глазами и сказалъ очень сухо:

— Скажите, что будетъ исполнено!—и потомъ добавилъ шепотомъ, наклонясь къ самому уху «Шелковинки»: -я былъ-бы болѣе доволенъ, если-бы отъ васъ получилъ эту записочку... Вы прелестны! Такъ и знайте...

И еще что-то хотѣлъ добавить. Но «Шелковинка» отскочила въ сторону и опрометью бросилась бѣжать по корридору.

Она сама не понимала, чего испугалась и почему пустилась бѣжать, когда ей, напротивъ того, хотѣлось слушать, что еще можетъ ей сказать красавецъ-графъ.

«А красавецъ-то какой! Боже мой! Неужели я точно ему нравлюсь? Неужели онъ правду говоритъ, будто я прелестна? Какое счастье! Какое счастье хоть разъ въ жизни отъ него это слышать!»

И между тѣмъ, какъ она думала эти радужныя думы и задавала себѣ эти вопросы, сердце ея билось такъ сильно, такъ радостно, такъ горячо, какъ бьется оно только въ ранней молодости отъ ощущеній первой зарождающейся любви.

VIII.

Все для него!

Послѣ этого удачно исполненнаго порученія, Менгденша стала очень часто поручать «Шелковинкѣ» подобныя же «тайныя комиссіи», и даже стала явно приближать ее къ себѣ. Желая вознаградить ее за усердіе, Менгденша, очень довольная молчаливою и скромною дѣвушкой, выхлопотала ей у правительницы званіе

младшей камеръ-юнгферы, съ окладомъ жалованья въ 60 рублей годовыхъ, и не мало возбудила этимъ зависти между остальнымъ женскимъ персоналомъ, окружавшимъ «Шелковинку».

— За что это тебя пожаловали? съ насмѣшкой спрашивали Зою фрейлины.—Какія это ты услуги Менгденовой оказала? Чѣмъ отличилась?

Зоя отмалчивалась и спѣшила уйти, не сѣтуя за это незаслуженное недружелюбіе. Она знала, что служитъ Менгденшѣ не изъ корысти, и тщательно скрывала отъ всѣхъ свою тайну... Но ей было очень больно, когда, однажды, добрая Авдотья Ивановна, оставшись съ нею наединѣ, сказала ей сухо и строго:

— Не дѣло ты дѣлаешь, что этой нѣмкѣ поддалась... Она тебя со своими каверзами до добра не доведетъ. Ты вѣдь въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслишь — разумъ у тебя дѣвичій, глупый... А я ужь слышала, что герцогъ очень на нее гнѣвается изъ-за жены, и вчера еще у нихъ такая-то ссора была...

— Я, право, ни въ чемъ не виновата... Я ничего не знаю, пробормотала Зоя.

— Знаю, что ты тутъ не при чемъ. А что Менгденша супруговъ ссоритъ — это вѣрно! И ты уйди, уйди отъ нея—вотъ тебѣ мой совѣтъ и сказъ!

И ушла сама, оставивъ бѣдную Зою въ крайнемъ смущеніи и недоумѣніи.

«Уйти? Куда уйти? Да и зачѣмъ?» думала Зоя.—«Какъ я уйду, когда *онъ* мнѣ такъ милъ... часъ отъ часу милѣе, дороже... когда я его люблю... когда я такъ счастлива, что хоть изрѣдка могу его видѣть...»

И она въ сотый разъ начинала припоминать черты его лица, его осанку, походку и ловкія манеры... каждый его взглядъ, каждое слово, улыбку! А это послѣднее свиданіе, при которомъ онъ, получивъ изъ рукъ ея записочку Менгденши, нахмурилъ брови и сказалъ:

— Voilà qui est embêtant!

А потомъ нѣжно взялъ ее за руку своею мягкою, надушенною рукой и говорилъ ей съ минуту что-то такое невыразимо-чарующее, увлекающее, проникающее прямо въ душу... Что именно — она не помнитъ, потому что у нея, отъ прикосновенія графа къ ея рукѣ, весь день потомъ кружилась голова, и сердце, при одномъ воспоминаніи, билось въ груди, какъ птичка въ клѣткѣ.

Да, графъ де-Линаръ былъ опытный волокита! Его прошлое

было богато приключеніями всякаго рода и на страницахъ его секретной записной книжки, въ длинномъ спискѣ громкихъ и пышныхъ именъ тѣхъ женщинъ, которыя удостоивали его своими милостями, занесено было много именъ и тѣхъ скромныхъ, никому неизвѣстныхъ дѣвушекъ, которымъ онъ умѣлъ вскружить голову, которыхъ умѣлъ беззавѣтно привязать къ себѣ и заставилъ позабыть для него все на свѣтѣ. Такую именно жертву ловкій дипломатъ угадалъ и намѣтилъ въ «Шелковинкѣ» и шелъ къ своей цѣли неуклоннымъ и вѣрнымъ путемъ. Онъ сразу понялъ и характеръ, и темпераментъ Зои, и ея полную невинность, неопытность во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ; исподволь и потихоньку разузналъ онъ объ ея сиротливомъ одиночествѣ и сталъ за ней ухаживать нѣжно, осторожно, не возбуждая въ ней опасеній и дѣйствуя постепенно на ея самолюбіе лестью. Обдѣлывая втайнѣ свое дипломатическое порученіе при петербургскомъ Дворѣ, де-Линаръ не прочь былъ воспользоваться, между дѣломъ, и счастливою случайностью, которую такъ кстати посылала ему судьба въ лицѣ прелестной сиротки Зои. И вотъ, по отношенію къ ней, онъ измѣнилъ свою обычную тактику съ женщинами и прикидывался скромникомъ, увлеченнымъ ея красотою, не дерзающимъ сдѣлать ни шагу впередъ безъ ея воли, безъ ея рѣшенія...

А Зоя ничего не знала и не понимала. Она шла къ этой цѣли съ зажмуренными глазами, ослѣпленная, отуманенная тѣмъ чувствомъ, которое съумѣлъ внушить ей де-Линаръ. День ото дня болѣе и болѣе имъ увлекаясь, болѣе и болѣе къ нему привязываясь, она начинала вѣрить въ то, что онъ ее любитъ, и, ни на минуту не задумываясь о будущемъ, она стремилась только къ тому, чтобы извлечь изъ настоящаго все, что̀ оно могло ей дать... Все, чѣмъ эта любовь могла украсить ея скучную, грустную, непривлекательную жизнь.

А между тѣмъ наступила весна. Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, и графъ де-Линаръ, въ числѣ немногихъ иностранцевъ, также приглашенъ былъ въ эту загородную резиденцію. Здѣсь ему былъ отведенъ одинъ изъ ближайшихъ къ дворцу павильоновъ, расположенныхъ въ саду.

Менгденша, попрежнему, вела съ нимъ корреспонденцію черезъ «Шелковинку» и простирала свое довѣріе къ ней до того, что иногда даже не запечатывала записокъ, а прямо отдавала ихъ въ руки Зои и приговаривала только:

— Отнеси туда же! Да поскорѣе!

И Зоя бѣжала, спѣшила навстрѣчу своей гибели и слушала его рѣчи, и нѣсколько минутъ подъ-рядъ пила съ наслажденіемъ ту сладкую отраву, которую онъ такъ осторожно и такъ ловко вливалъ ей въ сердце.

А тутъ у графа де-Линара явился и еще одинъ могущественный союзникъ и пособникъ — дивная, всепобѣдная весна, съ одуряющимъ запахомъ березовой почки, сирени и жасмина, съ громкими, раскатистыми пѣснями соловьевъ, которые всю ночь щелкали и переливались въ густыхъ кустахъ дворцоваго сада... А эти ночи, свѣтлыя, прозрачныя, тихія, словно манящія, увлекающія человѣка въ волшебную тѣнь садовой чащи, туда, гдѣ есть возможность укрыться отъ людей и остаться наединѣ со своими думами о миломъ... О, эти ночи страшно измучили бѣдную Зою! Она не могла заснуть... Это свѣтлое небо, съ едва мерцающими звѣздочками, этотъ застывшій воздухъ, эти пѣсни, страстныя, нескончаемыя пѣсни соловьевъ, — все это душило бѣдную «Шелковинку» въ ея маленькой, тѣсной комнатѣ, и она часто, покидая свою постель съ ея горячимъ изголовьемъ, убѣгала на воздухъ, садилась на укромной скамеечкѣ, въ тѣни кустовъ сирени, и предавалась своимъ мечтамъ.

«Одинокая я, бѣдная! думала она не разъ. Никому я не нужна! И ничего, ничего нѣтъ у меня въ будущемъ... И нечего ждать мнѣ... Любить мнѣ хочется — и люблю я... и не смѣю его любить, видно мнѣ придется такъ же завянуть здѣсь, какъ завяли всѣ эти старыя фрейлины, которыя злятся на меня и завидуютъ мнѣ потому, что я молода и красива... О, если бы я знала, что онъ меня любитъ, если бы онъ сказалъ мнѣ это, сказалъ бы просто и честно —я ничего бы для него не пожалѣла, я бы...»

Но Зоя не успѣла еще додумать своей мысли, какъ вблизи послышались спѣшные мужскіе шаги и высокая фигура, окутанная темнымъ плащемъ, появилась на дорожкѣ сада. Зоя сразу узнала де-Линара по походкѣ и замѣтила, что онъ направляется отъ дворца къ своему павильону. Возможность неожиданной встрѣчи съ нимъ, ночью, въ полномъ одиночествѣ, такъ взволновала ее, что она прежде всего задумала бѣжать, вскочила со скамейки, нечаянно задѣла рукой за вѣтку—вѣтка хрустнула и обломилась...

Де-Линаръ услышалъ движеніе въ кустахъ сирени и вдругъ всполошился. Надвинувъ шляпу на брови, онъ схватился за шпагу и разомъ круто повернулъ къ той скамеечкѣ, на которую, ни жива, ни мертва, опустилась Зоя.

А Ф Маркса

А Ф Маркса

«За мною слѣдятъ! Приглядываютъ!» думалъ онъ, злобно стискивая рукою эфесъ своей шпаги и готовясь наступить на непрошеннаго соглядатая.

— Ah! C'est vous, ma chère petite! ласково проговорилъ онъ, когда увидѣлъ, кто притаился въ кустѣ сирени.

Зоя стояла передъ нимъ, какъ виноватая, не зная, что сказать... Она застѣнчиво опустила глазки и старалась закутаться въ платокъ, который плохо прикрывалъ ея слишкомъ легкій туалетъ. Она хотѣла уйти, но графъ нѣжно взялъ ее за локотки и усадилъ рядомъ съ собою на скамейку.

— Зачѣмъ вы здѣсь, моя милая? ласково спросилъ онъ, положивъ руку на плечо Зои и заглядывая ей въ очи своимъ острымъ, беззастѣнчивымъ взглядомъ.—Ужь не подсматриваете-ли вы за мною? Ужь не ревнуете-ли вы меня?

Зоя, вмѣсто отвѣта, закрыла лицо руками и заплакала.

— Я знаю, что вы *ее* любите... Не знаю только за что! прошептала она.

— Кого? Кого?—нетерпѣливо допрашивалъ графъ, пододвигаясь къ Зоѣ.

— Юлію Менгденъ! чуть слышно проговорила Зоя и глянула сквозь слезы въ глаза ему.

Графъ откинулся назадъ и разсмѣялся тихимъ, самодовольнымъ смѣхомъ.

— Vous n'y êtes pas! шутливо замѣтилъ онъ. —Я эту толстую дуру терпѣть не могу. У меня съ ней есть кое-какія дѣла... Но я люблю только хорошенькихъ женщинъ. Вотъ такихъ, какъ вы...

— Вы лжете! проговорила Зоя. —Вы меня не любите!

— Я люблю, люблю тебя! прошепталъ графъ, стараясь придать своему голосу оттѣнокъ сдержанной страсти. — Я такъ люблю тебя, что готовъ былъ бы увезти тебя съ собою въ Саксонію...

— Развѣ вы уѣзжаете? испуганно проговорила Зоя, вглядываясь въ лицо графа.

— Уѣзжаю скоро, на будущей недѣлѣ... И я радъ случаю сказать вамъ, что я васъ люблю и всегда буду любить, —даже въ разлукѣ.

— Въ разлукѣ?.. Зачѣмъ въ разлукѣ? прошептала Зоя.

— Такъ полюби меня! И мы не разлучимся, мы уѣдемъ вмѣстѣ! Полюби меня, какъ я тебя люблю! Моя красавица, мое божество!

И онъ, опустившись передъ нею на колѣни, сталъ осыпать ея дрожащія руки горячими поцѣлуями.

— Графъ! Оставьте меня... Я сирота! У меня никого нѣтъ

на свѣтѣ... А вы... вы не можете меня любить, какъ я васъ... люблю...

— Любишь? проговорилъ графъ, стараясь казаться удивленнымъ. — О, если любишь, если горячо любишь, то я счастливъ... счастливъ! И мы оба будемъ счастливы... И уѣдемъ вмѣстѣ!..

— Я давно... давно васъ люблю! какъ бы въ оправданіе себя, среди поцѣлуевъ, прошептала графу Зоя...

И соловьи, заливаясь надъ кустомъ сирени своими влюбленными пѣснями, заглушили ея шепотъ, къ которому и не думалъ прислушиваться графъ де-Линаръ.

IX.

Послѣдняя жертва.

Она спала недолго, проснулась рано, совсѣмъ разбитая, больная, растерянная и, черезъ прислугу, просила разрѣшенія не являться на службу въ тотъ день, подъ предлогомъ головной боли. Это былъ, дѣйствительно, не болѣе, какъ предлогъ, потому что Зоя даже и головы на плечахъ не чувствовала... Вся ея умственная, душевная и нравственная жизнь сосредоточилась въ одномъ очень не многосложномъ и весьма сомнительномъ выводѣ:

— Онъ меня любитъ... Онъ возьметъ меня съ собою—онъ это самъ сказалъ... О, какое счастье! Какое счастье!

И вслѣдъ за этимъ выводомъ наступилъ какой-то періодъ полнаго оцѣпенѣнія, даже отупѣнія, какое-то бѣлое пятно въ сознаніи,—и опять другой выводъ, подобный первому:

— Ахъ, какъ я его люблю! Какъ люблю! Ничего мнѣ не жаль для него... Я готова для него на все... Люблю, люблю!

И она продолжала, почти до полудня, лежать въ постели, уткнувшись головою въ подушку и укутавшись простынею. Потомъ, вдругъ среди грезъ любви она какъ будто что-то припомнила и сказала себѣ:

— Да! я для него ничего не пожалѣю... Я отдамъ ему самое дорогое изъ того, что у меня есть,—отдамъ ему то, что завѣщала мнѣ передъ смертью моя дорогая Тамарочка! Отдамъ ему нашу «шелковинку». Вплету ее въ шнурокъ изъ моихъ волосъ и отдамъ ему на память... когда мы съ нимъ отсюда поѣдемъ! Пусть эта «шелковинка» свяжетъ меня съ нимъ, какъ связывала прежде съ Тамарой—до гроба!

И, вскочивъ съ постели, она быстро подбѣжала къ зеркалу, распустила свою чудную косу, которая опускалась у ней ниже колѣнъ.

п. вырѣзавъ изъ нея длинную прядь, положила ее передъ собою на столикѣ; потомъ, распоровъ ладонку, вынула изъ нея драгоцѣнную «шелковинку», скрѣпила однимъ узломъ съ прядью своихъ волосъ и проворно, искусно стала плести мудреный, тонкій и длинный шнурокъ, въ которомъ, среди темно-каштановыхъ волосъ, красною искоркой мелькала нить цвѣтной шелковинки... Долго, упорно и усидчиво работала она надъ своимъ плетеніемъ, пряча его подъ подушку при малѣйшемъ шорохѣ; но никто, кромѣ прислуги, къ ней не зашелъ, не помѣшалъ ей въ работѣ, и къ вечеру шнурокъ былъ готовъ. Барабанъ дворцоваго караула мѣрно и дробно отбивалъ «зорю», когда Зоя закончила свою работу, свернула шнурокъ въ маленькій круглый моточекъ, зашила въ ладонку и повѣсила къ себѣ на крестъ.

Прошло еще дней десять. Туманъ страстнаго ослѣпленія не проходилъ у Зои, тѣмъ болѣе, что за это время она видѣла графа почти каждый день хоть на нѣсколько минутъ, исполняя порученія Менгденши. И графъ былъ съ ней любезенъ до приторности, до излишества: называлъ ее не иначе, какъ «chère enfant» и въ свои ласки вносилъ даже нѣчто отеческое, покровительственное.

Вполнѣ отдавшись своему увлеченію, Зоя ничего кругомъ себя не видѣла, не замѣчала, и не готовилась къ тому удару, который ожидалъ ее въ ближайшемъ будущемъ... Однажды, въ то время, когда Зоя сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ во «фрейлинской» и старалась показать видъ, что очень внимательно разсматриваетъ узоръ, лежавшій на ея пяльцахъ, до ея ушей донеслись какія-то странныя вѣсти, что-то совсѣмъ невѣроятное, что-то чудовищное! Она стала вслушиваться въ болтовню фрейлинъ, наконецъ поняла, что фрейлины толкуютъ о предстоящей помолвкѣ графа де-Линара съ Менгденшей.

— Смотрите-ка, смотрите! вдругъ вскрикнула одна изъ фрейлинъ. — Что это съ «Шелковинкой»? Обмерла! Ай, батюшки! Воды, воды скорѣе!

И всѣ бросились къ Зоѣ, которая, какъ сидѣла нагнувшись надъ пяльцами, такъ вдругъ помертвѣла и покатилась со стула на полъ. Ее опрыснули водой, натерли ей какимъ-то пахучимъ уксусомъ виски, дали ей понюхать изъ какой-то стклянки, распустили ей лифъ и уложили ее въ постель. Она пришла въ себя, но была какая-то странная, словно не живая, вялая, слабая... На вопросы, обращенные къ ней, не отвѣчала; къ людямъ, которые за нею уха-

живали и относились къ ней съ теплымъ участіемъ, выказывала полное равнодушіе... Она просила только объ одномъ, чтобы ее оставили въ покоѣ и дали ей полежать, отдохнуть, оправиться отъ обморока, собраться съ силами... Ее и точно оставили въ покоѣ; и затѣмъ, заглядывая украдкой въ скважину притворенной двери, видѣли только, что она лежитъ, вытянувшись на постели, съ открытыми глазами и все наматываетъ и разматываетъ на пальцахъ какой-то шнурочекъ, какъ бы обдумывая что-то.

Къ полудню, во всемъ дворцѣ уже разнеслась вѣсть о томъ, что вечеромъ, въ тотъ же день, за ужиномъ будетъ объявлено о помолвкѣ фрейлины Юліи Менгденъ съ графомъ де-Линаромъ, и эта помолвка дѣйствительно состоялась, среди очень шумныхъ тостовъ и звонкаго чоканья бокалами, среди всякихъ поздравленій и пожеланій жениху и невѣстѣ.

Послѣ ужина, графъ де-Линаръ проводилъ свою нареченную невѣсту до ея апартаментовъ, торжественно и церемонно поцѣловалъ на прощанье ея пухлую, потную руку, перекинулся съ ней шепотомъ нѣсколькими словами и направился въ свой павильонъ. Переходя черезъ крытую аллею акацій, онъ вдругъ заслышалъ за собою чьи-то спѣшные шаги, обернулся — и увидѣлъ Зою, которая его нагоняла.

Графъ очень нахмурился: ему теперь не кстати было свиданіе съ нею, и притомъ онъ ожидалъ слезъ, укоровъ, отчаянія... этого «глупаго дѣвичьяго отчаянія», какъ онъ обыкновенно выражался.

«Терпѣть я не могу этихъ дурацкихъ объясненій съ дѣвчонками!» сердито думалъ графъ, кусая усы и готовясь очень сурово встрѣтить Зою.

Но она подбѣжала къ нему запыхавшись и съ улыбкою, совершенно спокойно, проговорила, присѣдая графу:

— Поздравляю васъ, графъ! Я... право... очень рада. Желаю вамъ всякаго счастья.

Графъ, не приготовленный къ такому привѣтствію, былъ положительно смущенъ имъ.

— Chère enfant! началъ онъ не слишкомъ рѣшительно и какъ бы подыскивая слова,—я къ этой свадьбѣ вынужденъ... тутъ стали распространяться слухи, невыгодные для нѣкоторой особы... ну, и, наконецъ, приличія... А, впрочемъ, я скоро уѣзжаю и едва-ли вернусь сюда...

— Да, да, конечно, я все знаю... Я слышала. Я понимаю, и очень... рада за васъ. Я только хотѣла вамъ сказать, что и я тоже уѣзжаю отсюда, завтра утромъ, и хотѣла васъ просить...

— Ахъ, да, да! спохватился графъ. -Я было совсѣмъ и забылъ! Вѣдь у меня вамъ приготовленъ подарочекъ, chère enfant... Колечко съ рубиномъ и серьги съ изумрудомъ... Это вамъ должно будетъ понравиться... Вѣдь надо вамъ сказать, что я никогда у женщинъ въ долгу не оставался...

И онъ полѣзъ было въ карманъ. Но Зоя остановила его и удержала его руку.

— Послѣ, послѣ! сказала она. - Прежде я попрошу васъ исполнить мою послѣднюю просьбу... Черезъ часокъ зайдите туда же, въ тѣ кусты сирени, вы знаете... Еще разъ передъ отъѣздомъ... проститься... И вотъ тамъ вы мнѣ сами вдѣнете серьги въ уши и колечко надѣнете мнѣ на палецъ; а у меня... съ шеи снимете вотъ этотъ самый шнурочекъ—на память обо мнѣ... Вы не откажете?

И она нѣжно пожимала ему руку, и такъ мило, такъ ласково заглядывала ему въ глаза... Графъ улыбнулся снисходительно и, очень довольный тѣмъ, что *все это* заканчивалась такъ просто и незамысловато, отвѣчалъ Зоѣ:

— Хорошо. Я ровно черезъ часъ загляну туда... Мы тамъ и обмѣняемся нашими подарками на прощанье.

И онъ поспѣшилъ въ свой павильонъ, гдѣ ему нужно было еще окончить кое-какія депеши, приготовленныя къ отправкѣ на завтра.

Вернувшись къ себѣ, графъ положилъ передъ собою на столѣ часы, чтобы не опоздать на свиданіе, а затѣмъ сталъ перечитывать, добавлять и дописывать депеши къ своему Двору. Ровно черезъ часъ, онъ поднялся со своего мѣста, накинулъ плащъ, ощупалъ сафьянную коробку съ подаркомъ для Зои въ боковомъ карманѣ своего камзола и вышелъ изъ павильона, замкнувъ дверь на ключъ.

Ночь была тихая, лунная и довольно свѣжая. Графъ пожимался отъ холода и довольно плотно кутался въ свой плащъ, направляясь къ знакомымъ кустамъ сирени по дорожкамъ, ярко освѣщеннымъ луною. Вотъ, наконецъ, и эти кусты, и скамья въ тѣни ихъ, окинутая сѣтью бѣлыхъ пятенъ свѣта, и какая-то тонкая, стройная женская фигурка около этой скамьи. Графъ подошелъ къ скамьѣ очень развязно, съ казенною улыбкой на устахъ, и, вынимая изъ кармана свою сафьяновую коробочку, проговорилъ вполголоса:

— Ну, вотъ и я! Какъ видите, сдержалъ свое слово.

А Зоя, вся въ бѣломъ, покрытая трепетною тѣнью листьевъ, съ какимъ-то густымъ темнымъ покрываломъ на лицѣ, стоитъ передъ графомъ неподвижно, словно окаменѣлая и словечкомъ не обмолвится.

— Eh bien, ma petite! Возьмите отъ меня мой подарокъ и дайте мнѣ вашъ сувениръ...

Онъ хотѣлъ еще добавить какую-то плоскую любезность и положилъ ей руку на плечо... И вдругъ отскочилъ въ нѣмомъ ужасѣ! Передъ нимъ была не Зоя, а мертвое тѣло ея, которое, слегка качнувшись отъ его прикосновенія, повернулось къ нему бокомъ на томъ шнуркѣ, на которомъ она повѣсилась... Нѣсколько капель холодной росы упали на лицо графа съ листьевъ потревоженной вѣтки, какъ послѣдній привѣтъ его жертвы...

Съ полминуты простоявъ на мѣстѣ въ какомъ-то невольномъ оцѣпенѣніи, де-Линаръ вдругъ схватился за голову и опрометью бросился бѣжать къ своему павильону. Онъ бѣжалъ, какъ воръ, пугливо оглядываясь и шепча про себя какую-то молитву или заклинанье... Прибѣжавъ къ себѣ въ павильонъ, онъ заперся въ немъ на ключъ, бросился на постель, не раздѣваясь, и цѣлую ночь до самаго утра пролежалъ, не смыкая глазъ...

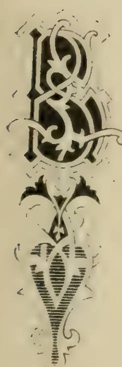
— — —

На другое утро, садовники, подметая садъ, замѣтили Зою въ кустахъ сирени и дали знать во дворецъ. Собравшіяся фрейлины и прислуга нашли ее повѣсившеюся на тонкомъ шнуркѣ изъ ея же волосъ... Ея ноги почти касались земли... Лицо было прикрыто густою волной ея чудныхъ, распущенныхъ волосъ... На пескѣ, около скамейки, нашли какой-то красный сафьяновый сундучекъ съ рубиновымъ перстенькомъ и изумрудными серьгами. Поговорили, поплакали, позлословили, но никому не пришло въ голову, что шелковинка Тамары оказалась дѣйствительно роковою для Зои.

Невѣрный посолъ.

I.

Проговорилась!



оды, и воздухъ все словно застыло среди этой свѣтлой, прозрачной майской ночи... Блѣдные, бѣлесоватые тоны неба отражаются въ гладкомъ, стально-сѣромъ зеркалѣ Невы и на все кругомъ—на зданія, на землю и зелень—кладутъ какой-то неопредѣленный, невыносимо-тоскливый отпечатокъ... Ни день, ни ночь ни сумерки! Не шелохнутся густо-разросшіяся деревья обширнаго Лѣтняго сада, съ трехъ сторонъ подступающія близёхонько къ главному зданію Лѣтняго дворца—постоянной резиденціи ея императорскаго величества государыни Анны Іоанновны... Птица не перелетитъ вѣтерокъ не перепорхнетъ... Вода не всплеснетъ подъ бережкомъ... И всюду пустота: ни живой души не видно и не слышно... и всюду мертвая тишина и, повидимому, мертвый сонъ...

Только въ крайнемъ окнѣ второго этажа Лѣтняго дворца, въ угловой комнатѣ, которая обращена однимъ окномъ въ садъ, а другимъ на Фонтанку, замѣтно что-то въ родѣ движенія, какіе-то признаки жизни... Тамъ то откинется, то вновь задернется тяжелая занавѣсь, прикрывающая окно; то мелькнетъ мерцающей звѣздочкой свѣтъ лампады передъ иконами богатой божницы, то вновь исчезнетъ... Раза два чья-то невидимая рука даже припотымала нижнюю часть окна, какъ бы для того, чтобы впустить въ комнату струю свѣжаго воздуха, и потомъ вновь опускала...

Въ этой угловой комнатѣ Лѣтняго дворца, служившей опочивальнею императрицѣ, дѣйствительно дышалось тяжело. Стѣны ея были обиты шелковыми штофными обоями; полъ устланъ мягкимъ, пушистымъ, темнымъ ковромъ; на окнахъ висѣли толстыя двойныя шел-

ковыя занавѣси съ массивной бахромой и кистями. Громадная рѣзная кровать, расписанная цвѣтами и амурами, была также отовсюду укрыта тяжелымъ шелковымъ пологомъ, который ниспадалъ съ потолка и до полу широкими складками. И всѣ эти ковры, занавѣси, обои и мягкая мебель по стѣнамъ были насквозь пропитаны запахомъ любимыхъ духовъ императрицы, запахомъ деревяннаго масла, горѣвшаго въ лампадахъ, и ароматомъ горькихъ травъ, служившихъ главнымъ цѣлебнымъ средствомъ противъ недуга, который почти не покидалъ императрицу въ послѣдніе годы ея жизни... Съ непривычки очень было тяжело дышать въ этой несносной, давящей атмосферѣ... Еще мудренѣе было заснуть... И нельзя было дивиться тому, что императрица страдала почти постоянной безсонницей, которая мучила ее, пугала и постоянно побуждала кого-нибудь сажать около себя на ночь — для разговора, для разсѣянія, для утоленія той страшной, невыносимой тоски, которая ее терзала, снѣдала, заставляла безпрерывно метаться по постели между шелковыхъ изголовій и пуховыхъ стеганыхъ одѣялъ...

Въ ту ночь, съ которой начинается нашъ разсказъ, императрица чувствовала себя особенно дурно и не-по-себѣ; но въ то же время она была очень довольна своею ночною собесѣдницею, которую выписали для ея забавы и потѣхи издалека, изъ-подъ Коломны, и спѣшно привезли въ Питеръ, на почтовыхъ... Случилось это очень просто: императрица, прискучивъ своими шутихами, шутами и дурками, вдругъ вспомнила о томъ, что у ея младшей сестры, въ мамкахъ, жила когда-то Настасья Филатьевна какая-то, и что она отлично умѣла сказки сказывать...

— Вотъ если бы ту Филатьевну намъ добыть — та ужь точно меня бы потѣшила! говорила императрица своимъ приближеннымъ дамамъ, Юшковой и Щербатой. — Бывало, такую сказку заведетъ подъ вечеръ, что мы съ сестрой, хоть и взрослыя были, заслушаемся, да и заснемъ... Будь она жива — я ужь знаю, что она бы меня и въ безсонницу дремать заставила!.. Да гдѣ ужь!

— А чего же стоитъ разузнать о ней да справиться, государыня, предложила угодливая Юшкова.

— А и точно — узнать да справиться! сказала императрица. — Помню я, что еще мужъ ея гдѣ-то въ Дѣдиловѣ селѣ, подъ Коломной, управляющимъ былъ... Послать, немедля послать ко мнѣ Андрея Ивановича...

Исполнительный и точный Андрей Ивановичъ Ушаковъ явился тотчасъ, выслушалъ словесный приказъ, изготовилъ немедля пись-

менный наказъ, отправилъ его въ тотъ же день съ нарочнымъ въ Москву, и ровно черезъ двѣнадцать дней Филатьевна, разысканная въ селѣ Дѣдиловѣ, подъ Коломнoю, была доставлена въ Петербургъ, полумертвая отъ страха, и представлена въ Лѣтній дворецъ, предъ свѣтлыя очи государыни...

И вотъ уже третью ночь императрица коротала съ Филатьевной, то слушая ея сказки, то разспрашивая ее о московскихъ новостяхъ, то вспоминая съ ней старинку, то впадая въ легкую дремоту и забываясь на нѣсколько минутъ.

— Ну, Филатьевна, говори... Разсказывай что-нибудь! проговорила Анна Іоанновна, очнувшись послѣ одной изъ такихъ дремотъ.

— Не знаю, что и говорить-то! Что и разсказывать, государыня всемилостивѣйшая!—взмолилась было истомленная безсонными ночами старуха.

— Ну, вотъ разскажи, по-вчерашнему, про разбойниковъ.

— Да ужъ все сказала, матушка, а больше-то и не знаю. Вѣдь я съ разбойниками не живала.

— Ну, хоть про Жаръ-птицу...

«Охъ, Господи! подумала старуха.—Что я ей еще врать стану?.. Вѣдь ужъ все, что знала, пересказала...»

И она рѣшилась на нѣкоторую довольно ловкую диверсію.

— А скажи-ка ты мнѣ, матушка-государыня, что это у тебя за птицу мудреную-диковинную въ звѣринцѣ я вечо̀ръ видѣла?.. Во мнѣ даже вся душа затряслась.

— Какую же это ты видѣла?.. Орла кавказскаго, что-ли?

— Нѣ-ѣ, матушка! Что мнѣ орелъ—орлы намъ не въ диковину... Въ позапрошломъ году и у насъ въ Дѣдиловѣ орелъ ягненочка во̀-какого уволокъ... Нѣ-ѣ! Эта птица—чудовище! Копыты коровьи, коленки лошадиныя, а бёдра голы и тѣло какъ у гуся, а перьё на ней такое, что господа на шляпѣ носятъ... А ужъ шея сколько долга̀...

— Ну, знаю! Эту птицу зовутъ струфокамилъ.

— У-ухъ, какъ мудрено — и не выговорить намъ спроста̀-то! Да она на что же? ѣдятъ ее—что-ли? Али такъ гуляетъ?

— Какъ можно, Филатьевна! Это птица рѣдкостная. Она вотъ тѣ яйца несетъ, что въ церквахъ къ паникадиламъ привѣшиваютъ.

— Вотъ оно что! Ну, прости по моей глупости, государыня... Не знала я, что той птицѣ честь такая великая...

Императрица промолчала, перевернулась на другой бокъ, подмяла подъ локоть подушку и попыталась задремать...

«Ну, слава Богу! подумала Филатьевна, складывая на животѣ сморщенныя старческія руки и пожимаясь въ своемъ китайчатомъ шушунѣ. Кажется, и безъ Жаръ-птицы уснетъ!..»

Но ея ожиданія не сбылись... Анна Іоанновна опять заворочалась на постели, приподняла голову и, тревожно оглядываясь кругомъ, проговорила:

— Душно здѣсь какъ... Филатьевна, откинь занавѣску... Совсѣмъ дышать нечѣмъ!.. Приподыми окно...

Филатьевна поспѣшила исполнить приказаніе и довольно изрядно справилась и съ занавѣской, и съ окномъ.

— Вотъ теперь свѣжи́нкой подуло, а то куда какъ тутъ... дышать-то...

Филатьевна не договорила, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжесть ночи и доносившійся изъ сада ароматъ березовой почки.

— Свѣжинкой подуло! повторила императрица, прикутываясь въ атласное одѣяло, расшитое шелками. — Ты ужь скажешь тоже!.. Да ну, довольно! Притвори опять окно. А то еще простудишь меня, пожалуй!.. И занавѣску задерни...

Филатьевна притворила окно, задернула занавѣску и сѣла на прежнее мѣсто.

— Разсказывай, Филатьевна, какъ у васъ мужики живутъ въ Дѣдиловѣ? заговорила опять государыня послѣ нѣкотораго молчанія.

— Хорошо живутъ, матушка. Богато-пребогато. Вотъ какъ...

— Для чего же вы-то отъ нихъ не богатѣете? Сама ты мнѣ на бѣдность жаловалась.

— А для того и не богатѣемъ, всемилостивѣйшая государыня, что мужъ у меня такой...

— Какой же онъ у тебя?

— А вотъ какъ я ему начну выговаривать, зачѣмъ у насъ достатковъ нѣтъ, онъ мнѣ и скажетъ: «какъ я спать ложусь — ничего не боюсь, и подушка у меня въ головахъ не вертится».

Императрица усмѣхнулась и потомъ сказала:

— Этакъ-то лучше, Филатьевна: *не пользуетъ имѣніе въ день судный.*

— Ну, и то сказать, матушка-государыня, продолжала Филатьевна, которая очень любила говорить о своемъ домѣ и своемъ мужѣ. — И то сказать: за нашу простоту насъ и всѣ господа хорошіе жалуютъ, и къ себѣ зовутъ, и угощаютъ, и надѣляютъ...

— А кто да кто?

— А вотъ и графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ со своею

супругою, съ графиней Анной Ивановной, и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій съ доченькой...

— А скажи-ка ты мнѣ, стрѣляютъ-ли дамы въ Москвѣ, тамъ, у васъ? вдругъ перебила Филатьевну государыня.

— Видала я, матушка, какъ князь Алексѣй Михайловичъ училъ дочку-княжну стрѣлять изъ окошка, и мишень у его на заборѣ поставлена...

— Ну, и попадаетъ она?

— Ино, матушка, попадаетъ, а ино и кривенько.

— А въ птицъ стрѣляетъ-ли?

— Однажды видѣла, какъ посадила она голубя близь мишени, и стрѣлила его въ крыло, и голубь ходилъ по забору на кривбокъ; а въ другой-то разъ она его и пристрѣлила, матушка.

— Хм! А другія-то дамы стрѣляютъ такъ же бойко? допрашивала съ видимымъ любопытствомъ императрица, сама очень мѣтко стрѣлявшая по птицѣ и по звѣрю.

— Вотъ ужь этого не могу донесть твоей милости: — не видывала, проговорила на-распѣвъ Филатьевна, покачивая головою. — А вотъ на гусляхъ тамъ одна княжна играетъ, такъ ужь точно что диву дашься, какъ послушаешь!

— На гусляхъ? переспросила императрица, пристально вглядываясь въ старенькое, сморщенное и желтое лицо Филатьевны.

— Ну, да! На гусляхъ, матушка! Да гусли-то у ней особенныя — настоящія... И какъ вотъ она тебѣ пальцы на струны положитъ, такъ они у ней и запоютъ, и заиграютъ, словно самогуды какіе... И то тебѣ псалмы церковные, то пѣсню заунывную, то вдругъ какъ грянетъ плясовую, такъ подъ окнами даже останавливаются... заслушиваются...

— А-а! протянула императрица, видимо заинтересованная простодушнымъ разсказомъ старухи. – Какъ же ее звать — эту твою княжну-искусницу?

— Брянцева-Зацѣпина Марья Ильинишна, матушка-государыня! Княжна Брянцева-Зацѣпина... Да ее кто-жъ не знаетъ!? Въ Москвѣ-то всѣ почитай знаютъ — и домъ-отъ у нихъ съ садомъ на Никитской на Большой... И красавица она, матушка, писаная...

— И красавица, говоришь, писаная?.. Вотъ-вотъ — я это люблю, чтобы около меня были хорошенькія! заговорила оживленно императрица, приподнимаясь на постели. — Ни одной рожи скаредной у меня между фрейлинъ нѣтъ!.. Ну, спасибо, спасибо, Филатьевна, удружила ты мнѣ... Отдерни-ка занавѣсь!

Филатьевна, не успѣвшая даже и сообразить, чѣмъ это она такъ удружила свою неугомонную собесѣдницу, бросилась исполнять приказаніе.

— Да и окно приподыми... Душно здѣсь!

Филатьевна приподняла окно. Въ комнату пахнуло предразсвѣтнымъ холодкомъ. Красноватыми пятнами проглянулъ сквозь вѣтви деревьевъ зарумянившійся востокъ... Чиликанье птичекъ донеслось изъ сада...

— Э-э! Да ужь и утро! Филатьевна! Ступай, буди скорѣе Юшкову и фрейлинъ! Что онѣ разоспались? И Юшковой скажи, чтобъ мигомъ шла сюда... Что дѣло есть у меня... и очень нужное... А тебѣ спасибо, я твоей услуги не забуду...

Филатьевна бросилась цѣловать краешекъ одѣяла государыни, поклонилась ей до земли и потомъ опрометью побѣжала къ Юшковой, которая спала въ сосѣдней комнатѣ. Бѣдная старуха была рада-радёшенька, что ее наконецъ отпустили «на боковую»... Ей даже и въ голову не приходила мысль о томъ, какую она тревогу надѣлаетъ своимъ неосторожнымъ словомъ о талантахъ княжны Брянцевой-Зацѣпиной и объ ея гусляхъ-самогудахъ!..

II.

«Опять стряслось!»

Въ то время, когда Филатьевна тѣшила императрицу Анну Іоанновну своими сказками и росказнями о московскомъ житьѣ-бытьѣ и о московскихъ барахъ, въ маленькой каморкѣ Семеновскихъ казармъ, носившей громкое названіе *сержантской квартиры*, сержантъ Николай Петровичъ Опыхтинъ справлялъ свои именины, и справлялъ какъ слѣдуетъ, на всю руку, во всю ширь и удаль своей разгульной, русской натуры!.. То-есть, именины-то еще вчера начались, съ утра, 9-го числа мая, въ Николинъ день, послѣ поздней обѣдни, а и 9-ое число, вмѣстѣ съ полуночью, миновало, и 10-ое наступить успѣло, и солнышко уже поднялось на востокѣ, разметавъ по небу багрово-золотистыя облачки, а именинникъ все еще угощалъ и тѣшилъ своихъ дорогихъ гостей, и пиръ его все еще гудѣлъ и звучалъ, и будилъ весь корридоръ казармъ звономъ стакановъ, громкими тостами и еще болѣе громкимъ пѣніемъ, которое далеко разносилось по околотку черезъ открытое окно каморки...

Весь полкъ — то-есть все офицерство полка — перебывало на именинахъ у «Николушки», какъ звали товарищи Опыхтина, и всѣ уже давно отъ него ушли... Остались около него только три

первостатейныхъ «затрещины»: Семенъ Лютовъ, да Прохоръ Сосницкій, да Макаръ Загуляевъ. Эти трое, подъ-стать самому хозяину, рѣшились «все допить», что оставалось отъ виннаго запаса; а допивши — «все добить», чтобы и тла не осталось отъ этихъ именинъ.

— Одинъ дымъ табашный, да хмѣль вчерашній! по выраженію «Николушки», который любилъ говорить складно.

И вотъ, всѣ четверо, съ трубками въ зубахъ, со стаканами въ рукахъ, мѣшая венгерское то съ пивомъ, то съ сивухой, сидѣли около стола, заставленнаго бутылками, стаканами и штофами и жалкими остатками закуски и, весело чокаясь, вспоминали длинную эпопею этихъ именинъ, начавшихся вчера и затянувшихся до сегодняшняго солнечнаго восхода.

— Ну, братъ Николушка! коль завтра придутъ къ тебѣ товарищи опохмѣляться, смѣясь замѣтилъ Загуляевъ, — такъ пожалуй нечѣмъ будетъ и черствыхъ именинъ справить!

— Эхма! Нечѣмъ! сказалъ Опыхтинъ, откидываясь на спинку стула.—Экъ ты что сказалъ! Нѣтъ, братъ, не такимъ меня матушка спородила, чтобы нечѣмъ было именины справить! Мы черствыя-то лучше вчерашнихъ завинтимъ!..

— Ай-да, Николушка! А ну-тко съ ангеломъ—съ прошедшимъ! завопили товарищи, поднимая стаканы.

— Съ прошедшимъ и съ будущимъ! гаркнулъ Опыхтинъ, вторя товарищамъ и чокаясь съ ними.

И всѣ разомъ опрокинули стаканы на голову.

Ребятушки! Я пред-пре-дла-гаю, заговорилъ, стараясь приподняться, Прохоръ Сосницкій, сильно ужь охмѣлѣвшій.— Я предполагаю... оштрафовать Николушку...

— За что? за что бы такое? послышались веселые возгласы.

— За то, что онъ ужь допилъ, до-до-пилъ до чортиковъ... Прошедшее съ будущимъ мѣшаетъ...

— Ну, что-жъ? Оштрафовать, такъ оштрафовать! забасилъ Семенъ Лютовъ.—Лей намъ въ стаканы, а онъ пусть ковшомъ пьетъ!

— Стойте, стойте, братцы! Ковшъ ковшомъ, да и то вы въ толкъ возьмите: какъ мнѣ вчерашняго дня съ завтрашнимъ не смѣшать?.. Вѣдь я и всего-то два-три назадъ изъ Москвы прикатилъ, четыре дня три ночи въ дорогѣ былъ — глазъ почти не смыкалъ... Да и тутъ тоже вотъ еще ни одной ночи спать не пришлось порядкомъ!.. Вотъ дни-то и перепутались; да, признаться, и въ головѣ-то все перепуталось...

— Ну, ладно, ладно! Пей свой ковшъ, а мы свои стаканы! заголосили товарищи.

— Стойте, стойте, братцы! крикнулъ громче всѣхъ Лютовъ. — Вотъ за что мы выпьемъ: — за ту красавицу, что изъ Москвы-то онъ привезъ... Хе-хе!.. Изъ-за которой глазъ-то не смыкалъ... Хе-хе-хе!

— Выпьемъ, выпьемъ! Согласны! крикнули разомъ и Сосницкій, и Загуляевъ.

— Нѣтъ! Не пью, не пью—чортъ бы ее побралъ! съ хохотомъ отозвался Опыхтинъ. — И такъ ужь мнѣ она за эти три-четыре дня пути во̀-какъ опостылѣла!.. Все стонетъ да про себя молитву шепчетъ; а чуть завидитъ вдали село — сейчасъ и лѣзетъ ко мнѣ съ вопросомъ: «это Питеръ, батюшка?..» А то стонетъ да охаетъ, да вдругъ и выпалитъ: «а на какую же, батюшка, му̀ку-то меня везутъ? Не знаешь-ли? Да и за какую вину?..» Ну, что ей скажешь? И меня-то своей тоской да дуростью измучила, проклятая!

— Да, нечего сказать—попался на порученіе! смѣясь замѣтилъ Загуляевъ.—Да ты скажи намъ по крайности, какъ величать твою старуху привозную, чтобы знали мы за кого пить?

— Филатьевной — чортъ бы ее побралъ! И говорятъ, что тѣшитъ государыню: сказки вишь сказывать люта̀!.. Вотъ кабы знатьё-то: хоть сказками въ дорогѣ-то потѣшила бы... А то кряхтитъ да охаетъ, проклятая корга!

— За здравіе Филатьевны! гаркнули въ три глотки Загуляевъ, Лютовъ и Сосницкій, опоражнивая свои стаканы.

Выпилъ и Опыхтинъ свой ковшъ и повѣсилъ свою кудрявую буйную головушку... Оперся ею на руки и сталъ думать какія-то грустныя думы, и на судьбу роптать, и жаловаться на кого-то...

— Братцы! крикнулъ вдругъ кто-то изъ товарищей Опыхтина.— Гляньте-ко подъ столъ! Вѣдь тутъ у насъ мертвое тѣло объявилось! Кондратьевъ Алёшка здѣсь, и спитъ злодѣй!

Это открытіе всѣхъ разомъ подняло на ноги. Всѣ какъ будто даже пообразумились и отрезвѣли.

— Братцы! Вотъ что я придумалъ, заговорилъ съ необычайнымъ оживленіемъ Опыхтинъ. — Допивай скорѣе все, что на столѣ — стекло, посуду — все за окно! Кондратьева на столъ — да въ скатерть завернемъ его, и на кладбище отвеземъ... вотъ тутъ близёхонько, къ Ивану Предтечѣ!..

— Идетъ!.. Идетъ!.. Отлично придумалъ, Николушка! раздались голоса.—Допивай! Круши все—и берись за Кондратьева!

Всѣ повскакали съ мѣстъ, всѣ разомъ подняли стаканы, чокаясь и стараясь перекричать другъ друга,—и вдругъ, въ самый разгаръ всей этой суматохи и хмѣльного веселья, дверь каморки отворилась настежь и на порогѣ ея появился какой-то никому незнакомый офицеръ, въ полной формѣ—въ треуголкѣ, перчаткахъ и при шпагѣ. Товарищи-сержанты, замѣтивъ незнакомаго офицера, который остановился въ дверяхъ, не рѣшаясь войти, разомъ смолкли и оглянулись на него весьма недружелюбно.

— Отъ генералъ-маіора Ушакова съ приказомъ присланъ, проговорилъ офицеръ, обводя всю комнату взглядомъ и степенно опираясь на трость съ металлическимъ набалдашникомъ.

— Отъ Ушакова?.. Изъ Тайной Канцеляріи! пробѣжалъ шепотъ между молодежью, и стаканы какъ-то сами собою опустились на столъ, а руки невольно поднялись застегивать широко разстегнутые вòроты рубахъ.

— Дозвольте узнать: — кто здѣсь у васъ сержантъ Опыхтинъ? Николай Опыхтинъ? продолжалъ офицеръ спокойно и офиціально, заглядывая въ какую-то бумагу, вынутую изъ-за обшлага.

— Я Николай Опыхтинъ! произнесъ не безъ тревоги молодой сержантъ, выпячивая свою богатырскую грудь и выступая впередъ изъ-за стола.

Офицеръ смѣрялъ глазами красивую и плотную фигуру «Николушки» и сказалъ ему съ нѣкоторымъ пониженіемъ голоса:

— Имѣю ордеръ немедля явить господина сержанта къ его превосходительству, генералъ-маіору Ушакову.

— Смѣю-ли спросить, по какой причинѣ... и въ такую пору? не совсѣмъ твердымъ голосомъ спросилъ Опыхтинъ, непріятно пораженный этимъ ордеромъ Ушакова.

— Ничего пояснить г. сержанту не могу,—сухо отвѣчалъ офицеръ. — Объ одномъ прошу: изволь немедля одѣваться и со мною ѣхать, коли въ отвѣтѣ быть не хочешь!

Опыхтинъ, у котораго густой именинный чадъ еще туманилъ голову, никакъ не могъ себѣ представить, какъ онъ сможетъ «немедля явиться» передъ грознымъ генераломъ Ушаковымъ? Съ минуту онъ былъ даже въ нерѣшительности... Но офицеръ, присланный Ушаковымъ, все такъ же офиціально стоялъ передъ нимъ на порогѣ, опираясь на свою трость и держа въ рукѣ бумагу...

— Такъ это, значитъ, не сонъ, а явь! сказалъ себѣ Опыхтинъ, проведя рукою по густымъ кудрямъ. И вдругъ добавилъ вслухъ, махнувъ рукою:

— Э-эхма, была — не была! Терёшка — мыться, одѣваться!.. А господина офицера прошу къ столу — чѣмъ Богъ послалъ... Отъ именинъ остатки...

Но офицеръ извинился, и сказавъ, что подождетъ г. сержанта въ корридорѣ, удалился за двери.

— Ну, не хочетъ, такъ и чортъ съ нимъ! проворчалъ Опыхтинъ. – Терёшка! лей мнѣ воду на голову! Да одѣвай меня и снаряжай скорѣе!.. Ботфорты,—шляпу, шпагу! Гдѣ шарфъ дѣвался? Скорѣе, братецъ, -ждетъ меня... этотъ... какъ бишь его... Ну его!..

И онъ, суетясь и бормоча себѣ всякія недобрыя рѣчи подъ носъ, обливался водой, мылся, фыркая и разбрызгивая мыло и воду во всѣ стороны, и спѣшно натягивалъ форменное платье, между тѣмъ какъ его товарищи, оторопѣвшіе отъ неожиданнаго появленія весьма непріятнаго посѣтителя, сидѣли около стола нахмурившись и молча прихлебывали изъ своихъ стакановъ.

— Ну, что-жъ вы притихли, пріуныли, воронами сидите?! лихо крикнулъ имъ Опыхтинъ, становясь передъ ними въ полной формѣ— при шпагѣ и треуголкѣ. — Двумъ смертямъ не бывать — одной не миновать!.. Живо, веселись! Ходи баня, ходи печь!.. Смотрите! Приказъ мой чтобы былъ исполненъ: все допить, все разбить, а Кондратьева прямо тащить къ Ивану Предтечѣ! Къ поминкамъ по немъ я можетъ-быть и самъ поспѣю!

И браво повернувшись на каблукахъ, молодой сержантъ довольно твердо вышелъ въ корридоръ, остановился передъ посланцемъ Ушакова и, приложивъ руку къ кокардѣ треуголки, произнесъ громко:

— Готовъ за вами слѣдовать по ордеру его превосходительства.

III.

Удостоился.

Коляска, запряженная парою казенныхъ лошадей, стояла у крыльца казармы.

Офицеръ, сойдя съ крыльца съ Опыхтинымъ, предложилъ ему первому сѣсть въ коляску, и сѣлъ самъ рядомъ съ нимъ, плотно притворивъ за собою дверцы.

— Пошелъ! крикнулъ онъ кучеру, который видимо уже зналъ, куда ему слѣдуетъ ѣхать, потому что не обернулся и не спросилъ, куда везти слѣдуетъ, а настегалъ кнутомъ бѣлыхъ лошадей и погналъ ихъ во весь духъ.

Опыхтинъ, очутившись въ казенномъ экипажѣ, рядомъ со своимъ молчаливымъ и несообщительнымъ спутникомъ, сталъ думать очень

невеселыя думы и теряться въ догадкахъ самаго разнообразнаго свойства:

«Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Начали во здравіе, а чѣмъ теперь кончу, и не сообразишь... И что ему нужно отъ меня этому превосходительному господину? Провалился бы онъ въ тартарары со своей Тайной Канцеляріей!.. Ужь это вѣстимо не къ добру, коли туда требуютъ... Да и, право, не знаю, въ чемъ бы я могъ провиниться, или зачѣмъ ему понадобиться? Языкъ я, кажется, на привязи держалъ—и если говорилъ, что вотъ коммиссія-то эта не по нутру была—со старухою, со сказочницей возиться... Такъ вѣдь что же тутъ грѣха таить?.. Кому весело четверо сутокъ съ глазу на глазъ со старухой просидѣть да слушать, какъ она охаетъ да стонетъ, да о смерти говоритъ... Будь ей пусто! А такого, что бы оскорбительно было для высокихъ какихъ персонъ—я, кажется, ничего не говаривалъ... Однако, вотъ поди же ты: - голова трещитъ, а хмѣль-то весь слетѣлъ... Тревога-то что значитъ...»

А кучеръ все гналъ да гналъ лошадей, и тяжелая коляска, стуча и грузно покачиваясь изъ стороны въ сторону, катилась изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, и вдругъ съ Гороховой свернула на площадь или, скорѣе, на большой поросшій травою лугъ, за которымъ возвышалась группа зданій Адмиралтейства, окруженнаго глубокими рвами и высокимъ землянымъ валомъ съ бастіонами. Опыхтинъ ожидалъ, что коляска свернетъ къ мосту или къ перевозу, чтобы прямымъ путемъ доставить его въ крѣпость, гдѣ еще съ Петровскихъ временъ, около одного изъ бастіоновъ, ютилось всѣмъ извѣстное и вѣдомое зданіе Тайной Канцеляріи... Но коляска, сверхъ всякаго ожиданія и чаянія, подъѣхала къ Почтовому Дому и остановилась около одного изъ боковыхъ подъѣздовъ этого большого зданія.

Офицеръ открылъ дверцы коляски, выскочилъ изъ нея поспѣшно, и, указывая Опыхтину на крыльцо, проговорилъ тѣмъ же офиціальнымъ тономъ:

— Извольте за мною слѣдовать, господинъ сержантъ.

Перейдя обширныя сѣни, офицеръ открылъ дверь, выходившую въ какой-то длинный корридоръ, потомъ, свернувъ по корридору въ сторону, перешелъ черезъ двѣ пустыя комнаты, заставленныя длинными черными столами, и остановился передъ замкнутою дверью, въ которую стукнулъ дважды косточками пальцевъ. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ, дверь пріотворилась, и офицеръ проскользнулъ туда, прошептавъ Опыхтину второпяхъ:

Извольте здѣсь обождать.

Дверь опять захлопнулась, ключъ опять щелкнулъ въ замкѣ, и Опыхтинъ остался передъ запертою дверью, въ весьма непріятномъ положеніи человѣка, не знающаго, что съ нимъ будетъ черезъ двѣ-три минуты, и какъ распорядится съ нимъ его судьба, которая вотъ тутъ и есть—за этой плотно-притворенной дверью?..

Онъ невольно глянулъ на нее, хмуро сводя свои густыя брови,— и какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопрошающій взглядъ, дверь тихонько скрипнула и отворилась, и изъ нея вышелъ тотъ же офицеръ, но уже не съ офиціально-сухой и вытянутой физіономіей, а привѣтливо улыбающійся, почти заискивающій... Вмѣсто краткаго и грубоватаго: «извольте слѣдовать за мной»,—офицеръ расшаркался, нѣсколько наклонилъ голову на-бокъ и проговорилъ любезно:

— Пожалуйте къ его превосходительству!

Опыхтинъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ, рѣшительно не постигая причину такой быстрой перемѣны въ обращеніи, и прошелъ въ дверь. Откинувъ не совсѣмъ смѣлой рукой толстую шерстяную занавѣсь, которая дверь прикрывала, онъ очутился лицомъ къ лицу съ самимъ генералъ-маіоромъ Ушаковымъ, который сидѣлъ за столомъ, перебирая какія-то бумаги.

Опыхтинъ вытянулся по-военному и замеръ въ ожиданіи приказаній его превосходительства.

Генералъ Ушаковъ смѣрялъ юнаго сержанта съ головы до ногъ быстрымъ взглядомъ своихъ темныхъ и острыхъ глазъ, и, откинувшись на спинку кресла, проговорилъ очень мягко:

— Въ рубашкѣ ты родился, господинъ сержантъ! Могу тебя поздравить... Ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ нашей угодно было объявить тебѣ черезъ меня свою монаршую милость...

«Уфъ!» вздохнулъ Опыхтинъ, словно гора у него съ плечъ свалилась.

— За исправное выполненіе данной тебѣ комиссіи ея величество жалуетъ тебѣ не въ зачетъ третное твое жалованье и отъ себя приказываетъ выдать въ награду двадцать пять рублей...

Ушаковъ пріостановился, оправляя орденъ на шеѣ и всматриваясь въ лицо Николая Опыхтина, который поспѣшилъ поклониться и выразить на лицѣ своемъ надлежащее удовольствіе.

— Но сего еще мало, продолжалъ Ушаковъ, поглаживая себя по гладко выбритому подбородку красивою рукою, съ жалованнымъ брильянтовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ,—милость мо-

наршая къ тебѣ наградою не исчерпывается... Ея величеству угодно открыть тебѣ путь къ новой наградѣ...

Опыхтинъ, внимательно слушавшій генерала и пристально уставившійся въ него глазами, почувствовалъ, что онъ теряетъ нить его рѣчи и перестаетъ его понимать. Онъ ждалъ суроваго «реприманда», ждалъ приказаній, а тотъ все о какихъ-то монаршихъ милостяхъ да наградахъ ему толкуетъ...

— Эту награду, продолжалъ Ушаковъ, — ты получишь, когда исполнишь новую ея императорскаго величества комиссію такъ же исправно, какъ и первую... Комиссія эта тайная и деликатная... Ты долженъ дѣйствовать умненько и осторожно... И первымъ дѣломъ, ни съ кѣмъ не повидавшись, прямо отсюда скакать немедля въ Москву...

— Въ Москву? невольно вырвалось у оторопѣвшаго сержанта.

— Да, въ Москву! подтвердилъ Ушаковъ весьма внушительно. И если ты насчетъ дорожнаго платья и бѣлья тревожишься, то ужь будь спокоенъ: и деньги, и бѣлье, и платье дорожное все тебѣ готово...

Ушаковъ протянулъ руку, взялъ со стола туго набитый кошелекъ и какой-то большой пакетъ изъ синеватой бумаги, запечатанный тремя большими гербовыми печатями.

— Вотъ тебѣ деньги, и вотъ пакетъ, который ты получишь въ руки на заставѣ, при выѣздѣ изъ города. Этотъ пакетъ береги пуще зѣницы ока... Скачи, нигдѣ не отдыхая и не останавливаясь, и тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, передай прямо въ руки его превосходительству Семену Андреевичу Салтыкову... Понялъ-ли?

— Точно такъ-съ! Понялъ-съ! проговорилъ совершенно машинально Опыхтинъ.

— Его превосходительство изволитъ распечатать пакетъ и распорядится по указу ея императорскаго величества... А тебѣ онъ передастъ нѣкоторую посылку, и ты оную посылку, запасшись на дорогу покоевою коляскою, изволь доставить немедля въ Петербургъ, прямо въ покои ея императорскаго величества...

«Опять старуху какую-нибудь проклятую... коргу беззубую!» подумалъ про себя съ досадою Опыхтинъ, и еще болѣе увѣрился въ справедливости этой догадки, когда Ушаковъ, грозя ему пальцемъ, добавилъ:

— Да бережно, смотри, вези! Чтобъ никакого... ни самомалѣйшаго ущерба не сдѣлалось! Не-то головою отвѣтишь!

При этихъ словахъ Ушаковъ передалъ въ руки Опыхтина коше-

лекъ, кликнулъ своего офицера, и, подавая ему пакетъ съ тремя печатями, сказалъ:

— Отдашь ему на заставѣ!

— Слушаю, ваше превосходительство!

— А все-ли у тебя готово?

— Все готово, ваше превосходительство.

— Ну, такъ съ Богомъ, въ путь! сказалъ Ушаковъ, слегка кивая головою Опыхтину и указывая рукою на дверь.

Молодой сержантъ повернулся по-военному и послѣдовалъ за офицеромъ, который обязательно приподнялъ занавѣсъ у дверей, и даже придержалъ дверь, пропуская впередъ Опыхтина.

— Сюда пожалуйте — сюда! залебезилъ офицеръ, указывая ему на небольшую дверцу, которая выходила на узкую и крутую лѣстницу.

Сойдя по лѣстницѣ, Опыхтинъ очутился на крыльцѣ, на которомъ уже ожидали его какіе-то два солдата, —одинъ съ плащемъ въ рукахъ, другой съ кожанымъ дорожнымъ мѣшкомъ.

У крыльца уже стояла лихая ямская тройка.

Опыхтинъ едва успѣлъ накинуть плащъ и швырнуть мѣшокъ въ телѣгу, какъ за спиной его уже опять послышалось:

— Пожалуйте... Садитесь... Недосугъ!

Повинуясь чьей-то высшей волѣ и рѣшительно не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, Опыхтинъ, вмѣстѣ съ офицеромъ, вскочилъ въ телѣгу, —и телѣга покатилась съ обширнаго почтоваго двора на улицу.

Ямщикъ едва сдерживалъ горячихъ коней, которые такъ и рвались, натягивая постромки, пофыркивая и помахивая то подвязанными хвостами, то гривой. Вотъ телѣга свернула на Невскую першпективу, обсаженную по бокамъ вытянутыми рядами жиденькихъ деревьевъ; вотъ и першпективу миновала и въѣхала въ Ямскую слободу.

— Э-эхъ вы, голуби! сталъ покрикивать ямщикъ, пуская коней вскачь и помахивая кнутикомъ по всѣмъ по тремъ...

«Опять въ дорогу! съ досадою и отвращеніемъ думалъ, между тѣмъ, Опыхтинъ. — Опять ночей не спать и отколачивать себѣ бока изъ-за какой-нибудь старбени, которой давно бы пора тлѣть гдѣ-нибудь на Ваганьковскомъ кладбищѣ! Эко дѣло — подумаешь!»

И онъ сердито кутался въ чужой, короткій и узкій плащъ, безъ церемоніи толкая своего молчаливаго и покладливаго спутника.

IV.

Какъ снѣгъ на голову.

Домъ у князя Ильи Гавриловича Брянцева-Зацѣпина выходилъ угломъ на Никитскую и въ какой-то малый безъимянный переулокъ, и былъ обширенъ и красивъ. Въ два жилья былъ онъ вытянутъ по улицѣ, и по фасаду украшенъ колоннами, поддерживавшими въ серединѣ кругловатый, съ разсѣченнымъ верхомъ фронтонъ, украшенный княжескимъ гербомъ. Сказывали окрестные старожилы, что этотъ домъ, построенный въ послѣдніе годы царствованія блаженной памяти императора Петра Великаго, удостоенъ былъ его вниманія и особенно понравился ему не только архитектурой, а также и тѣмъ, что выстроенъ былъ фасадомъ на улицу, а не внутрь двора или сада, какъ это было обычно въ Москвѣ въ началѣ прошлаго вѣка. Говорили, будто бы покойный императоръ, проѣзжая мимо княжескаго дома въ своей одноколкѣ, приказалъ деньщику пріостановить лошадь, поглядѣлъ на домъ и сказалъ:

— Первый домъ такой въ Москвѣ вижу, что на свѣтъ Божій всѣми глазами глядитъ.

Отъ угла дома, вдоль по Никитской, тянулась фигурная рѣшетка изъ хитро-закрученныхъ и переплетенныхъ желѣзныхъ прутьевъ съ вызолоченными мѣдными остріями, изъ-за которой виденъ былъ обширный дворъ, усыпанный пескомъ, обстроенный флигелями для помѣщенія дворни и всякихъ приживалокъ и приживальщиковъ, составлявшихъ немалый придворный штатъ княгини и князя. Позади дома и флигелей, вдоль переулка, отдѣляясь отъ него высокимъ заборомъ съ желѣзными спицами и тычками на верху, тянулся обширный и темный старый садъ, протягивавшій свои густыя вѣтви чуть не до половины переулка. Ворота въ лицевой желѣзной рѣшеткѣ, также украшенныя княжескимъ гербомъ, стояли всегда на запорѣ и охранялись дневными и ночными сторожами изъ дворни; другія ворота, съ чернаго двора, выходили по-за-садомъ въ переулокъ, и въ нихъ никто чужой никогда, не спросясь, и сунуться не смѣлъ, потому что около воротъ постоянно держались огромныя лохматыя собачищи, отъ которыхъ и по переулку-то ни проѣзда, ни прохода не было. Князь Илья Гавриловичъ жилъ крѣпко и дворню держалъ строго; да и не только дворню, а и всѣхъ домашнихъ, не исключая самой княгини, которая его-таки порядкомъ побаивалась и при немъ, бывало, не смѣла и заикнуться о своихъ излюбленныхъ обителяхъ и монахахъ

или странницахъ. Какъ истый русскій человѣкъ Петровскаго времени, князь обо всей обрядовой сторонѣ религіи имѣлъ совершенно своеобразныя понятія, и требовалъ, чтобы его окружающіе съ ними непремѣнно сообразовались. Можно сказать, что во всемъ домѣ былъ только одинъ человѣкъ, который ему не подчинялся въ своихъ поступкахъ и желаніяхъ, который дерзалъ нерѣдко даже противорѣчить суровому Ильѣ Гавриловичу, хотя и сглаживалъ потомъ противорѣчіе мягкой лаской или милой улыбочкой... То была единственная дочь князя,—«княжна», какъ ее звали всѣ во всемъ домѣ. Къ ней всѣ шли съ просьбами, къ ней обращались за всѣми нуждами, у ней искали покровительства и защиты, въ случаѣ если очень грозное облако набѣгало на суровое чело стараго князя...

Около вешняго Николы, въ томъ году, какъ и во всѣ предшествующіе годы, старый князь собрался и уѣхалъ въ подмосковную для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій, и при отъѣздѣ отдалъ строгій приказъ женѣ-княгинѣ:

— Безъ меня, чтобы никуда не отлучаться, черныхъ рясокъ на порогъ не пускать, и домъ безъ головы не оставлять... Коли пріѣду, да не найду тебя на мѣстѣ, или въ домѣ какіе непорядки... ты мой обычай знаешь!

И потомъ, прощаясь съ дочкой-княжной, расцѣловавъ ее въ лобъ и въ обѣ щеки, Илья Гавриловичъ добавилъ:

— Ну, а тебѣ что наказать, плутовка? Умница ты у меня—я знаю... Такъ вотъ за матерью-то присмотри, да въ обиходѣ домашнемъ ей помоги... чтобы чего не начудила съ великаго ума...

Потомъ благословилъ ее, сѣлъ въ свой тяжелый, дорожный рыдванъ, запряженный шестерикомъ дюжихъ доморощенныхъ коней, и съѣхалъ со двора, среди поклоновъ и громкихъ пожеланій всей дворни, тѣсною толпою собравшейся къ крыльцу княжескаго дома.

Княгиня, на другой день по отъѣздѣ своего строгаго супруга, не вытерпѣла, пришла къ дочкѣ и стала говорить со вздохомъ:

— Охъ, голубушка! Охъ, доченька, теперь-то вотъ, пока князь въ отлучкѣ—душу-то мнѣ отвесть хотѣлось бы... Вѣдь и о душѣ-то подумать надо же... О-охъ!

— Такъ что-же, матушка! Я знаю ужь, чего ты хочешь? Небось въ обитель съѣздить, къ матери Валеріи? За чѣмъ же дѣло стало? Поѣзжай!

— О-охъ, поѣхала бы! Да вѣдь ты-то какъ безъ меня останешься? Не гоже тебѣ-то...

— Да что-жъ я, маленькая, что-ли? Да и не одна я? Домъ

полнёшенекъ людей!.. И мамушка со мной, и тетушка со мной... Ну, вотъ и отъѣзжай, пока батюшка въ деревнѣ. Ты надолго-ли въ обитель?..

— Гдѣ ужь надолго? Вотъ только бы мнѣ отговѣть-то тамъ у матерей—на прохладѣ, да въ покоѣ... Ни дрязгъ этихъ домашнихъ, ни заботъ... Ну, дней пять-шесть, вѣстимо, пройдетъ...

— Ну, съ Богомъ и поѣзжай... Вѣдь въ пять-то дней батюшкѣ не обернуть никакъ... А со мною-то что же станется? Что при тебѣ, то и безъ тебя...

— И то сказать, голубка моя! Вѣдь ты ужь и сама должна умѣть домкомъ управиться... Осьмнадцатый годокъ пошелъ -- вѣдь ужь невѣста, хоть кому...

— Ну, полно, полно, матушка! перебила ее княжна, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ.—Заладила—невѣста... Часъ воли Божіей не пришелъ еще... Да и не охота еще мнѣ мѣнять волю дѣвичью на... Такъ ѣдешь?..

— Да, ѣду, дитятко, ѣду! На тебя, разумницу, можно положиться... Да и люди-то у насъ все народъ вѣрный, и тебя-то всѣ любятъ... Такъ и въ святой часъ, въ архангельскій!

Послѣ этой бесѣды съ дочкой, живо свернувшись и собравъ все необходимое для поѣздки въ обитель, княгиня приказала заложить свою маленькую повозочку и отвезти себя въ Вознесенскій монастырь.

Княжна осталась одна-одинёшенька во всемъ обширномъ домѣ, среди своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ и старухъ-приживалокъ, среди полной тишины и томительной скуки того празднаго бездѣйствія, которое было особенно противно княжнѣ, обладавшей живымъ и подвижнымъ характеромъ. Тетка ея, сестра матери, старая дѣва, докучала ей своими причудами и требовательностью къ людямъ; мамушка—старуха лѣтъ подъ семьдесятъ, все вздыхала и молилась, или старалась ей втолковать. что и это грѣхъ, и то грѣхъ—и что ни шагъ, то грѣхъ...

А на дворѣ стоялъ чудный май,—яркій, теплый, полный свѣта и звуковъ, полный цвѣтовъ и благоуханій, съ дивными вечерами, съ громкими, раскатистыми пѣснями соловьевъ въ темной гущѣ черемухъ, вязовъ и кленовъ стараго княжого сада...

«Господи Боже мой! Экая скучища какая!» думала княжна въ первые три дня по отъѣздѣ матери, и, садясь за гусли, брала на нихъ нѣсколько аккордовъ одной рукой, а другой лѣниво подпирала свою хорошенькую головку. Потомъ, со скуки же, выходила въ

садъ, садилась гдѣ-нибудь на лужайкѣ подъ деревомъ, и заставляла сѣнныхъ дѣвушекъ пѣть свои любимыя пѣсни. Но пѣніе не клеилось, или, по крайней мѣрѣ, такъ ей казалось,—потому что она вдругъ обрывала пѣсню на полусловѣ, вскакивала со своего мѣста и, убѣгая въ глубь сада отъ тетки и отъ мамушки, твердила себѣ опять одно и то же:

— Вотъ скука-то! При батюшкѣ съ матушкой не весело, а безъ нихъ ужь такъ-то скучно, такъ скучно, что, право, кажется... рада бы была, кабы бѣда какая-нибудь надо мной стряслась!.. А то что это за жизнь? Ѣшь, пьешь, спишь... Прости Ты, Господи!..

И вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ необычайное, неслыханное... Старый дворецкій князя прибѣжалъ въ садъ впопыхахъ, и заявилъ княжнѣ скороговоркой:

— Охъ, матушка-княжна, охъ, бѣда случилась.. Не знаю, право, какъ и сказать-то, какъ доложить твоей милости... Не смѣю...

— Да что такое? Что случилось? разомъ спросили его и княжна, и мамушка, и тетка княжны.

— Карета, матушка, карета подъѣхала къ воротамъ...

— Ужь не батюшка-ли вернулся? съ радостью перебила дворецкаго княжна.

— Нѣтъ, государыня... Карета его...; его прево... его сіятельства... Карета... И чтобы на дворъ ей въѣхать...

Княжна переглянулась въ недоумѣніи со своею теткой и мамушкой, у которыхъ на лицѣ выразился испугъ.

— Я говорю, молъ, дома нѣтъ ни князя, ни княгини, продолжалъ дворецкій,—а онъ стоитъ на своемъ... отворяй ворота...

— Да кто же *онъ-то?* съ досадой проговорила княжна.

— Да отъ его сіятельства, отъ князя Салтыкова посланный... изъ офицеровъ, что-ли?

— Что-жъ ему нужно?—спросила совершенно растерявшаяся тетушка.

— Говоритъ, бытто приказъ имѣетъ отъ ихней свѣтлости — къ княжнѣ, вишь, нашей!

— Къ княжнѣ? От Салтыкова? Приказъ?—повторили и мамушка, и тетка совсѣмъ машинально.—Вотъ на! Вотъ дожили!

Княжна нашлась первая... Ее задѣлъ за живое—въ ней возбудилъ ея женское любопытство этотъ необычный Салтыковскій посланный, пріѣхавшій къ ней — къ самой княжнѣ — съ *приказомъ?!* Что̀ бы это могло значить?

— Впусти его немедленно во дворъ, и проводи наверхъ... Мы

съ тетушкой сейчасъ къ нему выйдемъ! сказала княжна такимъ тономъ голоса, который не допускалъ противорѣчій.

Дворецкій опрометью бросился исполнять приказаніе княжны, а она, съ тетушкой, оправя нѣсколько свою прическу и туалетъ, направилась изъ сада въ верхніе покои княжескаго дома.

Когда тетушка Аѳимья Семеновна и мамушка Лукинична съ должною важностью выплыли въ пріемную, онѣ нашли тамъ одного изъ генеральсъ-адъютантовъ Салтыкова—высокаго, усатаго и суроваго на видъ служаку, который широкими и быстрыми шагами расхаживалъ по комнатѣ, въ ожиданіи пріема. Должно быть онъ, какъ человѣкъ опытный и бывалый, сразу понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, потому что, почти не раскланявшись съ вошедшими, сказалъ очень грубо, обращаясь къ дворецкому:

— Я тебѣ, болвану, сказывалъ, или нѣтъ, что я къ молодой княжнѣ, а не къ ея мамушкамъ и нянюшкамъ съ приказомъ присланъ?

— Къ княжнѣ, батюшка? вступилась было Аѳимья Семеновна. — Такъ ты намъ сказывай, а мы ей все передадимъ.

— А что вы передадите, какъ мнѣ вамъ-то сказывать ничего и не приказано? Извольте мнѣ сейчасъ сюда самоё княжну вызвать князь Ильи Гавриловича дочку... Безъ того не уѣду...

Старухи перепугались, засуетились и, бормоча что-то между собою, вышли изъ пріемной; черезъ минуту вернулись, ведя за руку княжну, которая ничуть не казалась смущенною нежданнымъ посѣщеніемъ, и смѣло глянула въ глаза адъютанту Салтыкова.

— Къ твоей милости отъ его сіятельства присланъ, проговорилъ адъютантъ, понижая тонъ и почтительно кланяясь княжнѣ. — Имѣю отъ князя Семена Андреевича именной приказъ тебя не медля просить къ нему пожаловать по самонужнѣйшему дѣлу, тебя персонально касающемуся.

— Меня персонально касающемуся? повторила княжна, удивленно оглянувшись кругомъ, между тѣмъ какъ мамушка и тетушка стояли около нея ни живы, ни мертвы отъ испуга.

— Да, да! Тебя персонально, подтвердилъ адъютантъ. И потому прошу не медля со мною пожаловать въ каретѣ его сіятельства... Безъ твоей милости ему и на очи явиться не посмѣю.

— Ахъ, какъ же я поѣду?.. Вѣдь ни батюшки, ни матушки нѣтъ дома... сегодня и не будутъ... А безъ ихъ-то позволенія я никуда не смѣю, попробовала отговориться княжна.

— А я не смѣю приказа не исполнить... Его сіятельство мнѣ

такъ и наказалъ: не медля пусть, молъ, пріѣзжаетъ—и дѣло самое нужнѣйшее... Въ чемъ застанешь, въ томъ и проси пріѣхать...

— Да не могу же я одна въ чужіе люди ѣхать! заговорила княжна, въ которой невольное смущеніе боролось съ сильно возбужденнымъ любопытствомъ.

— Что-жъ? Пусть съ твоею милостью хоть обѣ твои мамушки поѣдутъ, поспѣшилъ успокоить смѣтливый адъютантъ.—Да лишь бы только безъ задержанія... Да кстати вотъ еще—чуть-чуть не запамятовалъ! Его сіятельство и гусли твои просилъ тебя съ собою захватить... Чтобъ непремѣнно...

Какъ же это?.. И гусли тожо по самонужнѣйшему дѣлу? вступилась некстати тетушка, выпучивъ глаза на адъютанта.

— Ну, что же дѣлать? Поѣдемте! сказала окончательно пріободрившись княжна, обращаясь къ теткѣ и мамушкѣ.—А ты, Селиверстычъ, прикажи-ка людямъ и гусли мои вынести въ карету.

И она побѣжала одѣваться... За ней послѣдовали обѣ старухи, крестясь и шепча себѣ подъ носъ:

— Самонужнѣйшее... и съ гуслями... и къ князю еще?!.. Ну, времена!

Полчаса спустя, однакожъ, княжеская карета, въ которой сидѣла княжна съ обѣими старухами и съ гуслями, катилась по направленію къ губернаторскому дому. За каретою, въ одноколкѣ, ѣхалъ адъютантъ и потиралъ руки отъ удовольствія: мудреное княжеское порученіе ему удалось выполнить съ такою легкостью, что онъ, признаться, самъ былъ нѣсколько удивленъ своей удачей...

V.

Будущій.

Опыхтинъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, передалъ таинственный запечатанный тремя печатями пакетъ прямо въ руки Салтыкова, который при немъ печати вскрылъ со всякими предосторожностями и подобающимъ решпектомъ, прочелъ содержавшійся въ пакетѣ наказъ и задумался, насупивъ брови и поглаживая свой толстый, обвислый подбородокъ. Потомъ поднялъ голову, глянулъ на Опыхтина, на вытяжку стоявшаго передъ нимъ у притолки дверей, и проговорилъ:

— Опять тебя прислали!.. Гм!.. Коли ту такъ бережно да скоро доставилъ, такъ эту мудрено-ли?..

Потомъ опять пробѣжалъ наказъ съ начала и до конца, и какъ будто про себя проговорилъ:

— Вотъ только какъ добыть-то ее?.. Гм!.. Какъ добыть?..

Онъ прошелся раза два по кабинету, прищуривая свои хитрые глазки, поглаживая свой подбородокъ и, видимо, обдумывая что-то...

— Ну, да утро вечера мудренѣе! Ступай въ адъютантскую да отдохни съ дороги... Какъ будетъ нужно—прикажу тебя кликнуть...

Опыхтинъ повернулся и направился въ адъютантскую, которая была ему знакома по прошлому пріѣзду. И какъ дошелъ до этой укромной комнатки, въ концѣ теплыхъ сѣней Салтыковскаго дома, какъ добрался до какого-то дивана въ углу, такъ тотчасъ же бросился на него, подложивъ себѣ плащъ подъ голову—и захрапѣлъ...

Проспавъ часовъ двѣнадцать подъ-рядъ истинно богатырскимъ сномъ, Опыхтинъ проснулся часу въ седьмомъ утра, страшно голодный, и былъ весьма пріятно удивленъ, когда увидѣлъ около дивана столикъ, накрытый чистой скатертью и заставленный тарелками, на которыхъ оказался преизрядный ужинъ, должно быть, еще съ вечера поставленный около дивана. Судя по двумъ тяжеловѣснымъ мѣднымъ шандаламъ, въ которыхъ свѣчи успѣли догорѣть до-тла, можно было предположить, что ужинъ былъ приготовленъ и поставленъ предъ Опыхтинымъ и даже свѣчи были зажжены, въ надеждѣ на то, что вотъ-вотъ пріѣзжій сержантъ проснется и захочетъ поужинать... Но свѣчи догорѣли, а сержантъ проснулся уже только подъ утро, что однакоже ни мало не помѣшало ему сдѣлать честь приготовленнымъ на столикѣ простымъ яствамъ, которыя показались ему съ голода необыкновенно вкусными.

Утоливъ свой голодъ, Опыхтинъ отворилъ окно, выходившее въ огородъ, и съ наслажденіемъ сталъ вдыхать чудный, прохладный воздухъ, пропитанный нѣжнымъ ароматомъ цвѣтущихъ грушъ и яблонь... Въ сосѣднемъ приходѣ ударилъ колоколъ—разъ, другой, третій... Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Опыхтинъ перекрестился и подумалъ:

«Дай-ка я къ обѣднѣ схожу... Авось либо меня не хватятся — хоть Богу-то помолиться успѣю... Вѣдь столько времени и въ церкви-то не былъ!»...

Поспѣшно умывшись и оправивъ на себѣ полукафтанье, порядочно помятое въ дорогѣ, Опыхтинъ собирался уже выходить изъ комнаты, когда къ нему постучались въ дверь.

— Не заперто, крикнулъ молодой сержантъ, не сдвигаясь съ мѣста и надѣвая передъ зеркальцемъ треуголку.

— Куда изволилъ собраться, господинъ сержантъ? спросилъ Опыхтина недовольнымъ тономъ старшій адъютантъ Салтыкова, Горемыкинъ, переступая порогъ адъютантской.

— А вотъ, въ ближній храмъ, къ обѣднѣ собираюсь!

— Объ этомъ и думать забудь... По распоряженію его превосходительства тебя никуда,—ниже во дворъ, ни въ садъ выпускать не приказано...

— Что же это значитъ? Подъ арестомъ я, что-ли, здѣсь содержусь? съ досадой возразилъ Горемыкину Опыхтинъ.

— Не подъ арестомъ и такія рѣчи, не въ проносъ слова—я тебѣ говорить не совѣтую... Не подъ арестомъ, а подъ особымъ его превосходительства наблюденіемъ. Ибо, по самому смыслу даннаго тебѣ порученія, весьма тайнаго и отвѣтственнаго, тебѣ ни съ кѣмъ въ Москвѣ видѣться не приказано ни подъ какимъ предлогомъ... А тутъ долго-ли до грѣха? Вышелъ на улицу—и повстрѣчался съ кѣмъ-нибудь...

Опыхтинъ сорвалъ съ головы треуголку и, сердито швырнувъ ее на окно, опустился на одинъ изъ стульевъ такъ грузно, что стулъ затрещалъ.

— Сердись, не сердись, господинъ сержантъ, а уговоръ помни... За порогъ адъютантской—ни шагу! пока не позовутъ тебя въ пріемную его превосходительства... А позвать тебя могутъ во всякое время—и до полудня, и въ полдень, и среди дня, и подъ вечеръ... И въ тотъ мигъ будь немедленно готовъ къ отъѣзду, потому твоя коммиссія ужь будетъ справлена и тебѣ изъ рукъ въ руки передана... Вотъ оно что!

Закончивъ эту рѣчь, Горемыкинъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты въ сѣни, бренча шпорами, а Опыхтинъ, кусая ногти съ досады, остался у окна и съ невыразимою завистью сталъ поглядывать на зеленѣющій садъ и на пролегавшую мимо сада улицу. Съ улицы изъ-за высокаго садоваго частокола слышенъ былъ стукъ и шумъ пробуждавшейся городской жизни, съ колокольни ближней церкви доносился попрежнему призывный, дребезжащій звонъ—и Опыхтинъ проклиналъ свою поѣздку въ Москву и свое невольное, обязательное сидѣнье въ четырехъ стѣнахъ Салтыковскаго дома.

— Чортъ бы ихъ побралъ и съ коммиссіями съ этими!.. Нашли себѣ слугу—въ послахъ посылать... Что мнѣ и въ наградахъ-то въ ихъ, какъ, пожалуй, заставятъ вѣкъ свой мотаться между Петербургомъ и Москвою изъ-за...

Онъ не договорилъ—и сталъ быстро и гнѣвно шагать изъ угла въ уголъ адъютантской комнатки... Его досада, впрочемъ, немного улеглась, когда ему принесли съ губернаторскаго стола весьма обиль-

ный и вкусный завтракъ, и къ тому же еще бутылку добраго венгерскаго вина. Бутылку эту онъ, конечно, допилъ всю, сдѣлавъ надлежащую честь и княжескому завтраку, послѣ котораго его стало даже нѣсколько клонить къ дремотѣ... Но задремать ему не удалось: гдѣ-то надъ самой его комнатой, послышалась тихая, нѣжная музыка — и чей-то свѣжій, звонкій, молодой голосокъ запѣлъ, то дополняя, то оттѣняя музыку...

Опыхтинъ заслушался. И голосъ этотъ ему нравился, и музыка хватала за сердце и манила его воображеніе куда-то вдаль, отвлекая отъ скучной и досадной дѣйствительности. Въ этихъ звукахъ слышался ему то нѣжный призывъ, то тревожное ожиданіе, то ласковый привѣтъ, то громкій, торжествующій гимнъ счастья и радости, полный звонкаго смѣха и дѣтскаго веселья...

«Кто бы это могъ такъ играть и пѣть?» раздумывалъ Опыхтинъ, теряясь въ догадкахъ.—«У князя, кажется, дочекъ нѣтъ?.. А вѣдь вотъ какъ поетъ: что и не разобрать — гдѣ голосомъ ведетъ, а гдѣ на струнахъ подыгрываетъ? Слышно только, что голосокъ-то молодой, серебристый, да нѣжный...»

И онъ, невольно, отъ впечатлѣній звука сталъ переходить къ инымъ, болѣе игривымъ помышленіямъ,—сталъ представлять себѣ внѣшность той молодой особы, которая, по его предположенію, была, вѣроятно, такъ же хороша, такъ же привлекательна, какъ и ея музыка, какъ ея пѣніе...

«Небось на нее не прискучитъ смотрѣть!»—вертѣлось въ головѣ у молодого сержанта.

Но музыка и пѣніе прекратились... Сѣрыя, скучныя стѣны адъютантской стали опять такъ же сумрачно смотрѣть на Опыхтина, побуждая его съ завистью поглядывать въ окно, на густую зелень сада и на ясно-голубое небо, по которому со свистомъ проносились ласточки...

Вотъ и обѣдъ подали, и другую бутылку венгерскаго поставили передъ сержантомъ на столъ, а объ отъѣздѣ, объ исполненіи комиссіи еще ни слуху, ни духу... Опыхтинъ ужь и похлебку какую-то съѣлъ и за бараній бокъ съ кашей принялся, и только вздумалъ было прихлебнуть венгерскаго изъ стакана, какъ прибѣжалъ Горемыкинъ и заторопилъ его безъ всякой церемоніи:

— Скорѣй, скорѣй, господинъ сержантъ! Все бросай, пойдемъ!—его сіятельство изволитъ ждать тебя... Скорѣе!

Опыхтинъ выскочилъ изъ-за стола, оправился передъ зеркаломъ, застегнулся на всѣ крючки и пуговицы, и чуть не бѣгомъ пустился

за адъютантомъ, который ввелъ его въ кабинетъ Салтыкова и замкнулъ за собою дверь на ключъ.

Салтыковъ, только что отобѣдавшій, дремалъ въ своихъ широчайшихъ креслахъ, поставленныхъ у открытаго окна, и посмотрѣлъ на Опыхтина, прищуривъ глазки, внимательнымъ и испытующимъ взглядомъ. Потомъ подозвалъ къ себѣ Горемыкина и сталъ съ нимъ о чемъ-то перешептываться. Изъ ихъ бесѣды, молодой сержантъ разслышалъ только какъ Салтыковъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Недовѣрилъ бы... ему...

На что Горемыкинъ поспѣшилъ отвѣтить нѣсколькими фразами вполголоса. Опыхтину показалось, что онъ разслышалъ слова: «надеженъ»... «исправенъ»...

— Ну, значитъ, ихъ дѣло! проговорилъ Салтыковъ. — Коли они такъ пишутъ... они и въ отвѣтѣ будутъ!.. Подойди сюда поближе, господинъ сержантъ!

Опыхтинъ приблизился къ Салтыкову.

— Вотъ тебѣ мой наказъ! Да изволь его слушать не какъ-нибудь, а слова не пророни. Какъ стемнѣется, такъ подадутъ тебѣ къ заднему крыльцу крытую повозку, и на руки тебѣ сдадутъ *нѣкоторую посылку*, для доставленія оной въ Петербургъ, въ самые покои ея императорскаго величества. До Клина поѣзжай спокойно, безъ опаски; между Клиномъ и Тверью глаза не сомкни—и въ оба гляди, какъ бы у тебя той посылки не отбили. Для сего, въ Клину возьми себѣ двухъ драгунъ въ провожатые (вотъ тутъ и приказъ по командѣ есть). Въ разговоры съ той посылкой, которую тебѣ поручено отвезть, ни въ какіе не вступай; а если вздумаетъ она тебѣ сопротивленье оказать, или бѣжать отъ тебя, или надъ собою насиліе какое учинить — предъяви оной персонѣ милостивый указъ ея величества, здѣсь же приложенный.

Салтыковъ ткнулъ пальцемъ въ толстый пакетъ, лежавшій около него на окнѣ.

— А въ подорожной у тебя еще и такъ сказано, на всякій случай, чтобы тебѣ почтовыхъ лошадей давать, съ «будущимъ» при тебѣ, безъ задержанія и, въ случаѣ, если бы ты за собою почуялъ погоню или какую провидѣлъ опасность, то чтобы почтовыя лошади тебя и въ сторону везли, верстъ на 30 и на 40, а потомъ опять на почтовый трактъ вывозили... Понялъ?

— Все понялъ, ваше превосходительство!

— Ну, такъ ступай съ Богомъ и жди — пока вотъ онъ тебя изъ адъютантской вызоветъ. Онъ тогда тебѣ и этотъ пакетъ передастъ.

Опыхтинъ поклонился и вышелъ, нѣсколько удивленный и даже смущенный тѣми предосторожностями, которыми обставлялось выполненіе данной ему тайной комиссіи. Когда съ нимъ отправляли изъ Москвы Филатьевну—ему просто сдали ее на руки, усадили съ нимъ рядомъ, крикнули ямщику: «пошелъ!»—и вся недолга. А тутъ?.. Кто же бы могла быть эта таинственная персона, которую еще и отбить у него въ дорогѣ могутъ?..

Озадаченный всѣми этими вопросами, Опыхтинъ, вернувшись въ адъютантскую, даже и объ обѣдѣ забылъ, и стакана своего не допилъ, а присѣвъ къ окну, сталъ въ него тревожно поглядывать, выжидая наступленія темноты.

Когда въ девятомъ часу вечера дверь въ адъютантскую скрипнула и Горемыкинъ окликнулъ Опыхтина, тотъ былъ уже давно готовъ и ожидалъ только приказаній.

Вслѣдъ за Горемыкинымъ, Опыхтинъ вышелъ въ сѣни, а потомъ на черное крыльцо, передъ которымъ стояла крытая повозка, запряженная шестернею коней.

— Персона уже *тамъ*, шепнулъ сержанту Горемыкинъ. Започивала, и раньше Клина едва-ли проснется... Сонъ у ней такой ужъ... крѣпкій. Ты ее и не буди... Тамъ, въ ногахъ, и сундучокъ у ней поставленъ съ ея добромъ... Да вотъ еще тутъ... Это вотъ... побережнѣе надо въ повозку же поставить.

И Горемыкинъ указалъ двумъ Салтыковскимъ холопамъ на какой-то неуклюжій ящикъ, зашитый въ холстину и обвязанный веревкой. Холопы отворили дверцы повозки, бережно подняли и установили въ ней этотъ ящикъ, который какъ-то странно бренчалъ и звенѣлъ при каждомъ неловкомъ движеніи холоповъ. Опыхтинъ мелькомъ заглянулъ въ темное нутро повозки, и могъ только различить въ углу что-то бѣлое—не то узелъ, не то человѣческую фигуру, закутанную въ широкое бѣлое верхнее платье...

Горемыкинъ тщательно припёръ дверцы повозки и задвинулъ ихъ снаружи особою задвижечкой.

— Съ той стороны не отпирается, шепнулъ онъ Опыхтину. Только здѣсь не забывай запереть; да чтобы и рѣшетки на окнахъ не поднимать... Ужъ такъ приказано. И самъ ты тоже изволь-ка ѣхать на козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, а внутрь повозки не заглядывай... Ни! ни!.. И если та персона позоветъ тебя, такъ только черезъ окно съ ней разговаривай... и выпускать ее изволь лишь на малый часъ на станціяхъ — и то не въ городахъ... Вотъ на́ тебѣ пакетъ-то твой и подорожную... Да осмотрѣлъ-ли ты пистоли? Ну, такъ садись, и — съ Богомъ.

Опыхтинъ вскочилъ на козлы; ямщикъ крикнулъ передовому верникy; тотъ засвисталъ и тронулъ своихъ передовыхъ коней одновременно съ дышловой четверкой; повозка всколыхнулась, сдвинулась съ мѣста и покатилась со двора за ворота.

— Ну, ну!.. Тереха! вытягивай ровнѣй, вы-тя-ги-вай! покрикивалъ ямщикъ, посвистывая и помахивая кнутомъ.

«Что это за персона такая— мудреная какая-то?» думалъ между тѣмъ молодой сержантъ, покачиваясь на козлахъ и поглядывая на темное небо, на которомъ уже то здѣсь, то тамъ начинали мерцать и мигать яркія звѣздочки...

VI.

Неугомонная.

На другой день, около полудня, какъ разъ въ то время, когда Опыхтинъ сталъ крѣпко дремать, послѣ безсонно-проведенной ночи, и, покачиваясь на козлахъ, то и дѣло поправлялъ сползавшую на носъ треуголку, за спиной его раздался усиленный стукъ въ окно и чей-то звонкій голосокъ прокричалъ:

— Стойте, стойте! Савелій, стой — пойди къ окну, открой окно въ повозкѣ!..

Опыхтинъ мигомъ встряхнулся, приказалъ ямщику сдержать разскакавшихся лошадей, ловко соскочилъ съ козелъ, и, подойдя къ дверцамъ, сначала отдернулъ рѣшетку, потомъ опустилъ стекло— и обомлѣлъ...

У самаго окна сидѣла прехорошенькая молодая дѣвушка; русые кудри прихотливыми кольцами и завитками выбивались изъ-подъ покрывала, которымъ была окутана ея головка; большіе темно-синіе глаза смотрѣли не то испуганно, не то удивленно изъ-подъ высокоподнятыхъ бровей...

— А гдѣ же мамушка... и тетушка? спросила княжна Марья Ильинишна, оглядываясь кругомъ и стараясь не глядѣть въ лицо молодого сержанта.

— Не могу знать! отвѣтилъ онъ, прикладывая руку къ треуголкѣ.

Савелій!—а, Савелій! крикнула княжна, высовываясь изъ окна и стараясь заглянуть на козлы.—Да гдѣ же онъ?

— Не могу знать.

— Да меня же всегда Савелій въ подмосковную возитъ! съ недоумѣніемъ и смущеніемъ проговорила княжна.

— Мы на ямскихъ катимъ, проговорилъ сержантъ улыбаясь и глазъ не отрывая отъ лица княжны.

— Да кто же вы-то? Вы-то кто? проговорила она наконецъ, рѣшившись взглянуть въ лицо Опыхтина и покраснѣвъ до ушей.

— Сержантъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Николай Опыхтинъ—вамъ служить приставленъ.

— Да кто же васъ приставилъ и зачѣмъ? Развѣ вы тоже къ батюшкѣ въ подмосковную ѣдете?

— Д-да-съ... То-есть нѣтъ-съ! Не совсѣмъ этакъ...

И сержантъ запнулся на полусловѣ, не зная—что ему говорить, и вообще говорить-ли съ этой «персоной».

— Да васъ батюшка, что-ли, за мной послалъ? Вѣдь я васъ совсѣмъ не знаю...

— И я, признаюсь, тоже, не имѣю чести персонально... А мнѣ приказано—вотъ я...

— Да ужь тутъ, должно быть, близко? проговорила княжна, боязливо оглядывая мѣстность.

— Д-да... не то чтобы очень, а все же позвольте ѣхать... потому приказано...

— Ну, поѣзжайте! Только бы скорѣе дома быть... Чай, батюшка ужь заждался меня—тревожится...

Опыхтинъ воспользовался удобной минутой для перерыва своей бесѣды съ княжной, вскочилъ на козлы, и погналъ ямщика сломя голову.

Черезъ полчаса шестерка лихо подкатила повозку къ почтовой станціи въ селѣ Всесвятскомъ, на полдорогѣ между Клиномъ и Тверью.

— Да куда-жъ мы ѣдемъ—куда меня везутъ, г. сержантъ? заговорила княжна, высовываясь изъ окна повозки и стараясь отперетъ дверцы.

— Усерднѣйше прошу въ окошко не высовываться... Не велѣно! проговорилъ съ большимъ смущеніемъ Опыхтинъ.—А если ужь хотите вы досконально обо всемъ узнать, то попрошу выйти на постоялый дворъ—тамъ все и объясню... Только извольте личико прикрыть, чтобъ васъ здѣсь не узнали.

Затѣмъ, разогнавъ любопытныхъ и нищихъ, которые стали собираться около повозки, пока перепрягали лошадей, Опыхтинъ провелъ княжну на постоялый дворъ и здѣсь, очутившись съ нею съ глазу-на-глазъ, сказалъ ей, понизивъ голосъ:

— Приказъ имѣю тайно препроводить васъ не въ подмосковную къ батюшкѣ, а прямо въ городъ Питербурхъ, въ собственные ея величества покои...

Княжна вскочила съ лавки, на которую было присѣла у входа

въ избу, и всплеснула руками въ величайшемъ испугѣ, который изобразился во всѣхъ чертахъ ея лица, въ ея чудныхъ глазахъ — во всей ея фигурѣ. Видно было, что она сдѣлала надъ собою страшное усиліе, чтобы не закричать во весь голосъ...

Молодой сержантъ стоялъ передъ ней, крайне смущенный: ему и любоваться на нее хотѣлось, и страхъ его разбиралъ, что вотъ-вотъ княжна упадетъ въ обморокъ — и что̀ онъ тогда будетъ съ ней дѣлать?

Но Марья Ильинишна быстро оправилась, совладала съ собою, и, подавивъ въ себѣ первое впечатлѣніе испуга, спросила нерѣшительно:

— Да нѣтъ-ли тутъ, господинъ сержантъ, ошибки какой? Меня-ли приказано тебѣ доставить въ покои ея величества?

— Тебя именно, милостивая государыня, убѣдительно проговорилъ Опыхтинъ.

— А какъ же ты мнѣ самъ сказалъ, что не имѣешь чести знать меня персонально?

— Сущую правду сказалъ... Да мнѣ и знать тебя не надо; и въ разговоры съ тобою вступать не приказано... А просто привелъ меня адъютантъ къ повозкѣ: — вотъ, говоритъ, тамъ, видишь эту персону? Изволь-ка ее бережно отвезть въ покои ея величества... И всякія инструкціи далъ, какъ тебя везти, и какъ беречь въ пути...

— Да нѣтъ же! съ нескрываемою досадою проговорила княжна Марья. —Нѣтъ! И быть этого не можетъ! Самъ губернаторъ нашъ, Семенъ Андреевичъ, сообщилъ мнѣ, что батюшка въ подмосковной заболѣлъ и онъ, будто-бы, Салтыковъ-то, отъ сосѣда о томъ узналъ, и тотчасъ мнѣ совѣтовалъ къ нему поѣхать — даже домой не заѣзжать... Вотъ только, говоритъ, съ моей княгиней пообѣдай — и тетушку, и мамушку оставилъ — и за лошадьми домой къ намъ, на Никитскую, послалъ...

— Ничего того не вѣдаю, перебилъ княжну Опыхтинъ. —Я долженъ приказъ исполнить.

— Да знаешь-ли ты, господинъ сержантъ, что я княжна Марья Брянцева-Зацѣпина, дочь князя Ильи Гавриловича, котораго въ Москвѣ всѣ знаютъ, да и самъ Салтыковъ-то съ нимъ не смѣетъ очень распоряжаться!—почти крикнула княжна, вскочивъ съ лавки и топнувъ ножкой.

— Ничего того не знаю и не вѣдаю! отвѣчалъ Опыхтинъ.— Силенъ-ли твой батюшка, нѣтъ-ли — а воля ея императорскаго величества еще сильнѣе. И для меня — не въ обиду будь тебѣ сказано—ты не княжна, а только—*посылка*.

— Посылка!! окончательно вспылила княжна, покраснѣвъ и засверкавъ глазами. — Я — посылка!? Да какъ ты смѣешь, дерзкій, наглый!..

— Ради Бога, не пыли и не кричи, княжна! съ величайшимъ спокойствіемъ и мягкостью проговорилъ Опыхтинъ. — Изволь сама взглянуть въ мой тайный указъ, какой мнѣ данъ изъ Питербурха, отъ генерала Ушакова—да тогда ужь и пеняй на меня.

Онъ разстегнулъ свое полукафтанье, вынулъ вчетверо сложенный листъ синеватой толстой бумаги, развернулъ его, и почтительно подалъ княжнѣ, которой сразу бросились въ глаза крупно написанныя окончательныя строки указа:

«... и *оную тайную посылку*, принявъ отъ генерала Салтыкова, немедленно и бережно доставить въ г. Питербурхъ, въ собственные ея императорскаго величества аппартаменты»...

— Ну, а если я не захочу,—если я не позволю себя везти, какъ посылку, если я...

— Невозможно, княжна! Не погуби меня—вѣдь я за невыполненіе комиссіи въ отвѣтѣ буду... Сама посуди!

— Да не хочу я ѣхать—не хочу! Пойми ты это! Не хочу! Насиліе вѣдь это... Я къ батюшкѣ хочу!

— Ничего я сдѣлать не могу, взмолился къ княжнѣ Опыхтинъ. — Не въ моей власти, матушка-княжна! Поѣдемъ по доброй волѣ, а не то...

— А не то что? задорно проговорила княжна, прямо глядя въ очи Опыхтину и почти наступая на него.

— А не то приказано мнѣ силой везти тебя и всѣмъ, на всемъ пути, повелѣно оказывать мнѣ въ томъ помощь, какую я потребую...

— Ахъ, Господи! Что же это такое!? въ отчаяніи ломая руки, заговорила княжна.—Что мнѣ дѣлать... что?

— Послушай добраго совѣта, княжна! заговорилъ ласковымъ и взволнованнымъ голосомъ Опыхтинъ. — Повинуйся волѣ ея величества—да и меня-то пожалѣй: не наказывай ни въ чемъ неповиннаго.

Княжна взглянула на него и въ глазахъ его увидала столько доброжелательства, сожалѣнія и тревоги, что не выдержала: расплакалась, закрывъ лицо руками... Проплакавъ добрыхъ десять минутъ, то рыдая, то тихо всхлипывая и шепча про себя какія-то невнятныя слова, то усиленно утирая глаза платкомъ, — между тѣмъ, какъ Опыхтинъ безпокойно ходилъ изъ угла въ уголъ избы — княжна наконецъ, видимо, приняла какое-то рѣшеніе.

— Гдѣ мы теперь? спросила она.

На полдорогѣ между Клиномъ и Тверью, поближе къ Твери.

Лошади готовы! крикнулъ на всю избу староста, пріотворивъ дверь изъ сѣней.

Княжна вздрогнула и отскочила въ сторону отъ двери: потомъ оглянулась на Опыхтина, который стоялъ передъ ней, словно виноватый, и проговорила рѣшительно:

— Ѣдемъ!

Сержантъ опрометью бросился къ дверямъ, чуть не споткнулся на порогѣ, спѣша ихъ распахнуть пошире, проводилъ княжну до повозки, усадилъ ее, бережно притворилъ дверцы и заперъ ихъ на задвижку. Потомъ вскочилъ на козлы и крикнулъ во все горло:

— Пошелъ! Пошелъ!

Избы замелькали мимо оконъ повозки и стукъ колесъ слился съ топотомъ коней и посвистываньемъ ямщиковъ въ одинъ сплошной гулъ. А княжна, уткнувшись въ свой уголокъ, между узлами какого-то платья, коробомъ съ провизіей и ящикомъ съ ея гуслями— постаралась отдать себѣ отчетъ въ томъ, *какъ это все* случилось?

Она очень живо и легко припомнила, какъ любезно встрѣтилъ ее наканунѣ Салтыковъ, какъ онъ, насказавъ ей всякихъ сладостей и комплиментовъ, просилъ ее, отъ имени государыни, передъ нимъ, старикомъ, что-нибудь сыграть на гусляхъ и спѣть—«потому, молъ, государыня наша о ея искусствѣ наслышана, и хочетъ ей даже отъ себя клавесинъ въ подарокъ прислать»... И она ему пѣла, и на гусляхъ играла... А тутъ вдругъ адъютантъ къ нему прибѣжалъ и письмо ему подалъ, и старикъ засуетился:

— Вотъ, говоритъ, случай какой чрезвычайный! Батюшка-то твой ..

— Что съ батюшкой такое? спросила княжна, отодвигая гусли въ сторону.

— Сосѣдъ его по подмосковной пишетъ, что заболѣлъ онъ тамъ, да домой-то не хочетъ и вѣсти о себѣ давать—упрямится, а боленъ не на шутку... Слегъ въ постель.

Княжна, конечно, переполошилась, хотѣла тотчасъ ѣхать домой и съ тетушкой, и съ мамушкой—и мать извѣщать... Но Салтыковъ ее остановилъ и предложилъ свои услуги. «Онъ, молъ, и за княгиней въ Вознесенскій монастырь пошлетъ, и за княжеской повозкой на Никитскую»—а тѣмъ временемъ пригласилъ ее откушать съ нимъ и съ княгинею... И за обѣдомъ такъ за ней ухаживалъ, и за тетушкой ея, и кушанья имъ разныя пододвигалъ и... и медомъ какимъ-то старымъ угощалъ... въ чарочкахъ какихъ-то серебряныхъ... И дальше ужь ничего не могла припомнить княжна...

— Онъ опоилъ меня! Зельемъ какимъ-то опоилъ!.. чтобы вотъ потомъ, какъ посылку какую-то... О-о-о!

Княжна еще разъ залилась слезами и долго рыдала въ своемъ уголкѣ повозки, но ужь не такъ отчаянно и неутѣшно, какъ въ избѣ постоялаго двора. Когда этотъ порывъ прошелъ, она стала разсуждать, стараясь найти себѣ какое-нибудь утѣшеніе и выходъ въ своемъ тяжеломъ положеніи.

— Обманъ!.. Лукавство!.. Насиліе!.. говорила она себѣ. -- Но *этотъ-то* (такъ называла она въ мысляхъ Опыхтина) и точно ни въ чемъ не виноватъ... Приказъ исполнить долженъ... За что же его подъ отвѣтъ подводить?.. Да и не на смерть же меня везутъ къ государынѣ... съ гуслями...

И червь любопытства, того самаго любопытства, которое когда-то погубило Еву, сталъ понемногу закрадываться въ душу княжны Марьи и вносить въ нее нѣкоторую твердость и свѣтъ надежды...

VII.

Сговорились.

Повозка катилась, стуча и гремя, подпрыгивая на рытвинахъ и колеяхъ дороги, еще не установившейся послѣ весенней просухи и порядкомъ разбитой обозами; деревни, перелѣски, пашни, на которыхъ уже давно начались работы — все это мелькало мимо, чередуясь съ лугами, по которымъ извивались бойкія, вздутыя вешними водами, рѣчки, съ ржавыми болотцами, по которымъ разбросаны были ярко блиставшія на солнцѣ лужи и мочежины, и съ большими, плоскоберегими озерами, разстилавшимися то по одну, то по другую сторону дороги.

Опыхтинъ, послѣ разговора съ княжною на постояломъ дворѣ, долго не могъ успокоиться. Ему и жаль-то ее было, и немножко за нее боязно, и даже какъ-будто стыдно за тѣхъ, кто вынуждалъ его невольно участвовать во всей той лжи и лукавствѣ, при помощи которыхъ княжну удалось заманить въ западню.

«Какъ въ самомъ дѣлѣ не грѣхъ! разсуждалъ молодой сержантъ.--Такого переполоха и перепугу ей надѣлали - и теперь, поди-ка-ты: еще три дня ее подъ страхомъ будутъ держать! И куда ѣдетъ, и зачѣмъ ѣдетъ — все ей невѣдомо... Вотъ, кажется, будь моя воля, такъ бы сейчасъ ее къ отцу-князю и отвезъ: сказалъ бы—вотъ тебѣ дочь твоя, припрячь ее подалѣ... этакую красотку ненаглядную—картину писаную!»

И воображеніе на нѣсколько мгновеній уносило его опять туда

же, въ избу на постояломъ дворѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ княжну вблизи и успѣлъ налюбоваться ея красотою—живою игрою ея лица, которое показалось ему еще краше, когда, послѣ вспышки гнѣва, глазки княжны заблистали слезами...

«И этотъ старый плутъ-то хорошъ!» продолжалъ думать Опыхтинъ, разумѣя подъ *плутомъ* Салтыкова. —«Такъ, прямо-то, не смѣлъ распорядиться князя, видно, боялся? Такъ онъ обходомъ, да крадучись—какъ кошки мышей ловятъ!.. И я-то тутъ, какъ куръ во-щи!.. Я передъ нею въ виноватыхъ!.. Вотъ и не старуха—а что проку?»

И онъ досадовалъ на свою судьбу и посылалъ мысленно всякіе недобрые гостинцы по адресу Ушакова и Салтыкова...

Такъ продолжался путь до вечера. На каждой станціи, во время перепряжки лошадей и смазки экипажа, Опыхтинъ подходилъ къ окошку княжны, почтительно отпиралъ ей дверцу, если ей было угодно выйти, предлагалъ ей покушать или попить чаю и такъ же почтительно докладывалъ ей, что *«лошади готовы»*.

Княжна не удостоивала его ни словомъ, ни взглядомъ: отъ пищи положительно отказывалась: о чаѣ — и слышать не хотѣла. Молча выходила изъ повозки, молча возвращалась въ нее, садилась въ свой уголъ и отворачивалась отъ Опыхтина или прикидывалась спящей, чтобы не отвѣчать на его вопросъ.

Но когда наши путешественники проѣхали Тверь, погода вдругъ круто стала измѣняться. Подулъ рѣзкій и пронзительный сѣверякъ — сѣрыя, холодныя облака появились на поблѣднѣвшемъ голубомъ небѣ... Повѣяло не майскимъ тепломъ, а чѣмъ-то суровымъ, жесткимъ, непривѣтнымъ...

«Холодѣетъ! Того гляди — не завернулъ бы на ночь морозъ!» сталъ думать Опыхтинъ. «Какъ бы княжна-то не озябла у меня... Да что ей дать-то— чѣмъ ее укрыть? Плащъ на мнѣ, и тотъ одинъ... Вишь думалъ, къ веснѣ-то, молъ, ничего въ дорогу теплаго не нужно»...

И при первой остановкѣ, онъ подбѣжалъ къ дверцамъ повозки и, приложивъ руку къ треуголкѣ, освѣдомился:

— Дозвольте мнѣ узнать—не холодно-ли вашей милости, княжна?

— Холодно, проговорила княжна, не оборачиваясь къ Опыхтину.

— Такъ вотъ дозвольте мнѣ плащемъ вамъ ножки укрыть...

И онъ, быстрымъ и ловкимъ движеніемъ, сбросилъ съ плечъ свой военный плащъ.

— Не надо! рѣзко отвѣчала княжна.—Не накроюсь...

— Какъ будетъ вашей милости угодно, сказалъ Опыхтинъ.— А я все же здѣсь, въ повозку положу на всякій случай...

Сунулъ плащъ въ повозку, захлопнулъ дверцу, и въ одномъ полукафтаньѣ вскочилъ на козлы.

Между тѣмъ завечерѣло: тѣни начали покрывать поля; а вѣтеръ подъ вечеръ сталъ все усиливаться, крѣпчать, и превратился въ бурный вихрь... И вдругъ, откуда ни возьмись, мглистымъ облакомъ налетѣлъ снѣгъ, и посыпалъ вмѣстѣ съ мокрымъ дождемъ...

— Баринокъ!.. а баринокъ? Ваше благородіе —ты бы хошь моимъ армякомъ прикрылся? заговорилъ ямщикъ, поглядывая на Опыхтина, который началъ поневолѣ ежиться на козлахъ.

— Ничего, до станціи доѣдемъ какъ-нибудь, проговорилъ сержантъ, — а тамъ посмотримъ.

И точно, доѣхалъ до станціи; но когда соскочилъ съ козелъ и подбѣжалъ отпирать дверцы княжнѣ, то ужь рѣшительно не могъ зубъ-на-зубъ навести, и еле-еле проговорилъ:

— Не угодно-ли здѣсь выйти и обогрѣться?

— Ничего мнѣ не нужно, господинъ сержантъ! сказала княжна гораздо мягче, нежели до сихъ поръ говорила съ Опыхтинымъ. — а ты ступай и обогрѣйся, и послѣ, когда лошади будутъ готовы, я тебѣ скажу, чего мнѣ угодно.

Опыхтинъ, крайне озадаченный перемѣною тона княжны, побѣжалъ въ избу, выпилъ залпомъ стаканъ настойки, потомъ два стакана сбитня, добылъ у хозяина какой-то дорожный тулупчикъ, потомъ выбѣжалъ опять къ повозкѣ, и сталъ у окошечка, ожидая приказанія княжны.

— Мнѣ вотъ что угодно, господинъ сержантъ, и ты мою волю исполнить долженъ безпрекословно! сказала княжна. — Ночь наступаетъ холодная — и снѣгъ, и дождь—такая непогода вдругъ... Тебѣ на козлахъ тамъ не хорошо... и неудобно... Садись вотъ здѣсь, въ повозкѣ, на переднюю скамейку... тебѣ теплѣе будетъ...

— Помилуй, что ты это вздумала, княжна? сталъ было отнѣкиваться и уклоняться Опыхтинъ. — Я тебя стѣсню... Какъ это можно? Мнѣ и такъ...

— Садись сюда непремѣнно!.. Я такъ хочу! крикнула княжна.

Опыхтинъ пробормоталъ ей что-то въ отвѣтъ; но уже не заставилъ себя повторять приказанія, а согнувшись влѣзъ въ повозку, присѣлъ на краешекъ передней скамьи и, осторожно подкорчивъ свои большія ноги, чтобы какъ-нибудь не задѣть и не толкнуть княжну, захлопнулъ за собою дверцы.

Повозка покатилась дальше, навстрѣчу вихрю и дождю со снѣгомъ; а молодой сержантъ, попавъ съ холода въ закрытую повозку,

почувствовалъ себя такъ хорошо, что ему было даже неловко... Ему хотѣлось и говорить, и смѣяться, и выразить княжнѣ свою признательность; но онъ не смѣлъ произнести ни звука. Ящикъ съ гуслями толкалъ его угломъ въ бокъ, подъ локтемъ торчалъ тоже какой-то узелъ, на который онъ боялся опереться, колѣни упирались въ острый край большой коробки, поставленной ребромъ между сидѣньями,—но молодой сержантъ все же чувствовалъ себя превосходно и только одного боялся, что не съумѣетъ вести бесѣду съ княжной какъ слѣдуетъ, потому что больше вращался въ кругу своихъ товарищей, а въ большой свѣтъ и не заглядывалъ.

— Это я виновата, что ты такъ озябъ, господинъ сержантъ, заговорила вдругъ княжна Марья. Твоимъ плащемъ прикрыла ноги, а ты... тамъ на козлахъ...

Ничего-съ! Намъ, солдатамъ, дѣло привычное! весело сказалъ Опыхтинъ, очень обрадованный тѣмъ, что княжна заговорила первая. - Вотъ какъ подъ Выборгъ-то мы ходили, да посланъ я былъ въ фуражировку, такъ вотъ ужъ натерпѣлся горя-то! И онъ, съ замѣчательнымъ добродушіемъ и не безъ нѣкотораго своеобразнаго юмора разсказалъ княжнѣ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ эпизодовъ походной военной жизни.

Княжна слушала его внимательно, задавая вопросы — завязался разговоръ, одинаково пріятный и занимательный для обоихъ собесѣдниковъ. Опыхтинъ очень откровенно разсказалъ княжнѣ, что онъ сирота, ни отца у него, ни матери; что есть у него имѣньице не дурное, на самомъ Волховѣ, и что отъ дѣда все перейдетъ къ нему; разсказалъ и о своей службѣ, пожаловавшись на ея тягость и на то, что нѣмцы стали совсѣмъ заѣдать русскаго человѣка... А княжна ему разсказала какое ей житье у батюшки съ матушкой, какъ они ее холятъ и лелѣютъ, свою единственную дочку... И подъ конецъ разсказа даже расплакалась отъ этихъ воспоминаній.

Опыхтинъ счелъ долгомъ ее утѣшить: говорилъ, что онъ изъ Валдая, либо изъ Новагорода отошлетъ отъ нея письмо къ родителямъ, чтобы ихъ успокоить, и старался развлечь княжну разсказами о Питерѣ и его диковинкахъ.

Два-три часа промчались въ этой бесѣдѣ незамѣтно, и когда повозка, гремя и звеня, подкатила къ слѣдующей станціи, княжна соблаговолила на ней обогрѣться и чаю напиться; а два часа спустя, когда всѣ разговоры истощились и утомленіе пути стало одолѣвать обоихъ собесѣдниковъ, княжна рѣшилась даже переставить иначе ящикъ съ гуслями, принять узелъ и передвинуть коробку, чтобы

господинъ сержантъ могъ удобнѣе расположиться на сонъ грядущій... Она даже предложила ему одну изъ своихъ подушекъ; но Опыхтинъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что спать не будетъ, а если его, солдата, сонъ нежданно сморитъ, то онъ и безъ подушки успетъ...

Онъ и точно большую часть ночи не спалъ, но ужъ не отъ тревоги, не изъ опасенія, а потому, что ему не давалъ покоя нѣкій планъ, крѣпко засѣвшій у него въ головѣ. И онъ все думалъ и передумывалъ его, и оборачивалъ, и обсуждалъ на всѣ лады, прислушиваясь къ ровному дыханію княжны Марьи, и въ темнотѣ все видя ее передъ собою во всемъ блескѣ ея красоты, то грустную и плачущую, то спокойную и улыбающуюся... Наконецъ, подъ утро, когда первые лучи солнца стали проникать въ окна повозки, въ головѣ молодого сержанта созрѣло твердое рѣшеніе, которое онъ задумалъ выполнить во что бы то ни стало... Но зато и голова, истомленная непривычной работой, вдругъ отказалась отъ всякаго мышленія, склонилась на-бокъ, глаза закрылись сами собою, и чудный, крѣпкій сонъ одолѣлъ, наконецъ, Опыхтина...

Долго проспать ему, конечно, не удалось, потому что на слѣдующей станціи, во время перепряжки, ему пришлось выходить, хлопотать, кричать на ямщиковъ и старосту, требовать лошадей и распоряжаться по-военному. Утро было холодное, морозное, но тихое и ясное, воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ что вся даль была видна съ поразительною отчетливостью; солнце не грѣло, но придавало своимъ свѣтомъ удивительную красоту деревьямъ и лугамъ, прикрытымъ легкою, бѣловатою пеленою утренничка. Наскоро освѣживъ лицо ледяною водою и, расчесавъ свои кудри, сбившіеся въ кучу отъ двухчасового крѣпкаго сна, Опыхтинъ вскочилъ опять въ повозку и усѣлся на свое прежнее мѣсто. Повозка покатила дальше, и онъ еще долго могъ любоваться на княжну, которая спокойно спала въ своемъ уголкѣ, прикрытая его плащомъ.

Только ужъ на половинѣ этой станціи, какой-то очень чувствительный толчокъ, изъ-за котораго вся повозка чуть не свалилась на-бокъ, заставилъ княжну открыть глаза и испуганно оглядѣться во всѣ стороны.

— Что это? Я боюсь, проговорила она, подымаясь съ подушки.

— Не бойся, княжна Марья Ильинишна! Я вѣдь не сплю... Это мосты такіе намощены.

Княжна взглянула на Опыхтина, и одного этого взгляда на красивую, мужественную и свѣжую фигуру молодого сержанта

было достаточно, чтобы ее успокоить... Она закрыла глаза и проснулась окончательно только уже на слѣдующей станціи.

Дорога быстро сближаетъ людей; а потому и не мудрено, что въ этотъ второй день пути молодые люди уже и говорили, и шутили, и смѣялись, какъ старые знакомые. Притомъ Опыхтинъ истощалъ все свое усердіе въ услугахъ и стараніяхъ занять, развлечь и позабавить княжну, на которую все-же отъ времени до времени находило облачко сомнѣній и опасеній за будущее. Гдѣ-то на станціи онъ даже добылъ шашки и шашешницу и сталъ учить свою спутницу этой игрѣ, въ которой самъ былъ великимъ мастеромъ. Княжна уже не отказывалась и кушать на станціяхъ, и вечеромъ, укладываясь спать, думала даже:

«Онъ, право, премилый и предобрый — этотъ Опыхтинъ, — съ нимъ совсѣмъ не скучно и не страшно».

Подъ вечеръ третьяго дня пути, когда ужъ до Новагорода оставалось не болѣе полусотни верстъ, Опыхтинъ вдругъ прикинулся мрачнымъ и тревожнымъ. Онъ сталъ сосредоточенно смотрѣть въ окно, отмалчиваться на всѣ вопросы княжны, вздыхать и сумрачно ерошить свои кудри.

— Что съ тобою, господинъ сержантъ? участливо и мягко спросила его княжна, которая уже не была къ нему равнодушна.

— Эхъ, княжна, такъ-то у меня тяжко на сердцѣ, что и сказать нельзя! отвѣчалъ Опыхтинъ, махнувъ рукой.

— Да что-же бы такое? Говори прямо — не раскаешься!

— А то, что жаль мнѣ тебя... Такъ-то вотъ жаль, что кажется и Богъ вѣсть что для тебя сдѣлалъ-бы...

— Меня жаль? спросила княжна, тревожно поглядывая на своего собесѣдника. — Да развѣ мнѣ грозитъ какая бѣда?

— Ну, да ужъ началъ говорить — рѣшился, такъ ужъ все тебѣ скажу! быстро проговорилъ сержантъ, устремляя пристальный взглядъ въ лицо княжны, поблѣднѣвшее отъ ожиданія чего-то страшнаго. — Ты думаешь, зачѣмъ тебя такъ спѣшно, да такъ тайно государыня велѣла изъ Москвы доставить въ Петербургъ?

— Н-не знаю... какъ могу... я знать?

— А я-то знаю, и тебѣ за тайну открою, потому ты мнѣ съ перваго взгляда такъ-то мила, такъ-то мила да дорога стала, и я подумать не могу о томъ, что̀ ждетъ тебя тамъ...

— Да говори-же!! крикнула княжна, страшно взволнованная.

— Государыня нѣмцамъ мирволитъ, и Биронъ нашепталъ ей, что нѣмецкихъ всякихъ бароновъ слѣдуетъ переженить на русскихъ

богатыхъ невѣстахъ, на княжнахъ да на боярышняхъ... Вотъ пятерыхъ бароновъ она уже переженила на дочкахъ петербургскихъ баръ и знатныхъ господъ; а для шестого, самаго стараго (ему ужь лѣтъ подъ шестьдесятъ!), въ Питерѣ пары не нашлось, такъ она въ Москву послала...

— Ни за что!.. Ни за что!.. закричала княжна во весь голосъ. — Лучше голову объ стѣну разобью себѣ, — утоплюсь!.. Ни за что!

Лицо ея было блѣдно: глаза сверкали... Она судорожно ломала руки, готовая расплакаться.

— Постой, постой, княжна! Успокойся! утѣшалъ ее Опыхтинъ и даже осмѣлился взять за руку. — Есть еще средство тебя изъ бѣды избавить: оно и у тебя, и у меня въ рукахъ...

— Говори, говори, — какое? Я на все готова! быстро проговорила княжна, крѣпко сжимая руку своего спутника.

— Да я ужь такъ и думаю, пусть лучше моя голова пропадаетъ — лишь-бы ты этому старому чорту нѣмецкому не досталась. Вотъ тутъ, въ десяти верстахъ, есть повертка на проселокъ, и тѣмъ проселкомъ до моего имѣнья всего 20 верстъ... Поѣдемъ туда и... и... обвѣнчаемся!

Княжна взглянула на него не то удивленно, не то радостно, и съ нѣкоторымъ смущеніемъ прошептала:

— А потомъ?..

— А потомъ — тебя ужь за стараго барона не выдадутъ... И если кто будетъ въ отвѣтѣ, такъ я одинъ...

— Будь по-твоему, — чуть слышно проговорила княжна.

Опыхтинъ быстро наклонился и сталъ цѣловать ея руки со всѣмъ пыломъ страсти и молодости.

VIII.

Спасительница.

Срокъ, къ которому «исправный и надежный» сержантъ Опыхтинъ долженъ былъ неминуемо вернуться изъ Москвы въ Петербургъ, давно уже миновалъ, а о немъ не было ни слуху, ни духу... Государыня, въ послѣдніе дни, почти дважды въ день посылала къ Ушакову справиться: получены-ли какія вѣсти о княжнѣ Марьѣ, которую она ожидала съ великимъ нетерпѣніемъ — и каждый разъ слышала одинъ отвѣтъ, краткій и неутѣшительный:

— «Вѣстей, молъ, нѣтъ никакихъ».

Ушаковъ собирался-было отправить въ Москву нарочнаго гонца, для справокъ объ Опыхтинѣ, когда явился изъ Москвы нарочный

отъ Салтыкова, съ письмомъ на имя Ушакова, и въ томъ письмѣ сообщались такія странныя вѣсти о московскихъ событіяхъ, что имъ и повѣрить было трудно... Салтыковъ писалъ, что онъ «всякаго покоя лишился» съ тѣхъ поръ, какъ отправилъ «нѣкоторую посылку» съ сержантомъ Опыхтинымъ...

... «Съ одной стороны, вѣстей отъ вашего превосходительства о полученіи оной посылки не имѣю; съ другой — не знаю, куда голову приклонить отъ буйствующаго князя Ильи Гавриловича, который, упустивъ изъ рукъ дочь, почти ума рехнулся — перепоролъ всю дворню свою на смерть, а жену, няньку и тетку засадилъ въ подвалъ и до тѣхъ поръ въ ономъ мѣстѣ содержитъ, доколѣ дочь не отыщетъ; мнѣ-же ни сна, ни покоя не даетъ, требуя возвращенія дочери, и грозится отъ меня сатисфакціи потребовать, въ случаѣ, если...».

Ушаковъ, дочитавъ письмо до этого мѣста, бросилъ его съ досадою на столъ и проговорилъ вполголоса:

— Чортъ знаетъ что такое?.. Въ толкъ не возьму! Куда-же онъ задѣвался, этотъ надежный-то нашъ, исправный-то сержантъ?

Немедленно отправленъ былъ нарочный въ Москву, съ письмомъ къ Салтыкову и приказаніемъ всюду наводить справки и разыскивать безъ вѣсти пропавшаго Опыхтина. Другой нарочный — одинъ изъ сыщиковъ Тайной Канцеляріи, — отправленъ былъ спеціально по московской дорогѣ, чтобы на каждой станціи спрашивать: не проѣзжалъ-ли здѣсь такой-то сержантъ съ «нѣкоторою, женскаго пола, персоною», и не свернулъ-ли гдѣ съ дороги въ сторону или не «потратилъ-ли животъ свой по какой-либо несчастной случайности?»

Одновременно съ отправленіемъ сыщика, Ушаковъ счелъ долгомъ донести государынѣ и о пропажѣ Опыхтина съ его «тайною посылкою», и о московскихъ происшествіяхъ, по сообщенію Салтыкова.

Государыня, въ послѣднее время часто болѣвшая и страдавшая отъ приступовъ своего недуга, а потому и весьма дурно настроенная, сильно разгнѣвалась, выслушавъ докладъ Ушакова объ этомъ дѣлѣ.

— Смотри, Андрей Ивановичъ! сказала она гнѣвно. — Разыщи мнѣ! Строго-на-строго разыщи, куда дѣвался этотъ твой хваленый и надежный сержантъ — и куда онъ дѣвчонку дѣвалъ, которую долженъ былъ немедля доставить въ собственные мои аппартаменты!..

Разыскивать пришлось не долго. Сыщикъ, отправленный Ушаковымъ, только проѣхалъ Новгородъ, какъ уже въ ямѣ Бронницахъ напалъ на слѣдъ сержанта Опыхтина и «нѣкоторой женской пер-

соны». разыскалъ безъ всякаго труда и того ямщика, который везъ ихъ въ концѣ пути, и, по приказанію Опыхтина, свернулъ за Бронницами верстъ на 30 въ сторону, въ имѣнье Опыхтина. Сыщикъ отправился въ имѣніе, тайно допросилъ кое-кого объ Опыхтинѣ, и узналъ, что онъ уже вторую недѣлю живетъ у себя въ усадьбѣ, обвѣнчанный съ какою-то молодою особою, и справляетъ медовый мѣсяцъ. Агентъ Ушакова допросилъ «по секрету» на смерть перепуганнаго мѣстнаго священника, и узналъ отъ него, что Опыхтинъ женился на какой-то московской княжнѣ. Тогда, сдѣлавъ на мѣстѣ кой-какія распоряженія, сыщикъ поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ съ тайнымъ докладомъ по начальству...

Само собою разумѣется, что послѣ этого доклада не прошло и недѣли, какъ уже и сержантъ Опыхтинъ, и его молодая супруга были привезены въ Петербургъ подъ конвоемъ драгунъ и разсажены въ отдѣльныя помѣщенія, подъ строжайшій караулъ. Началось весьма тщательное разслѣдованіе о «поступкахъ и дѣйствіяхъ» преступнаго сержанта. Допрошена его жена, бывшая княжна Марья Ильинишна, привлеченъ къ слѣдствію и священникъ, вѣнчавшій молодую чету, и еще съ десятокъ свидѣтелей. Но слѣдствіе ничего не могло выяснить, кромѣ того, что молодые люди, предоставленные на полную ихъ волю, влюбились другъ въ друга, и повѣнчались, ни у кого не испросивъ на то позволенія. Княжна Марья Ильинишна ни единымъ словомъ не обмолвилась о томъ невинномъ обманѣ, которымъ молодой сержантъ добился ея согласія на бракъ, тѣмъ болѣе, что онъ ей въ этомъ обманѣ самъ сознался, а она въ первыя-же двѣ недѣли супружества сердечно полюбила своего молодого мужа; но за то Марья Ильинишна, не смущаясь ничѣмъ, очень громко жаловалась на способъ дѣйствія Салтыкова, который, изъ желанія угодить государынѣ, поступилъ съ ней недобросовѣстно, ввелъ ее въ обманъ и даже опоилъ ее какимъ-то зельемъ...

Въ довершеніе всего, въ Петербургъ пріѣхалъ самъ князь Илья Гавриловичъ, и, пустивъ въ ходъ всѣ свои связи и средства, добивался прямо, чтобы ему возвратили дочь и, ради ея спокойствія и счастья, простили бы и небольшую вину ея мужа. Въ этомъ же смыслѣ о томъ же ходатайствовалъ и Ушаковъ, желая, по возможности, замять эту исторію, разыгравшуюся такъ неловко. Но государыня, возмущенная тою непредвидѣнною случайностью, которая лишила ее ожиданной забавы, была неумолима, и Биронъ, изъ угожденія своей повелительницѣ, настаивалъ, чтобы Опыхтина судили за его самовольную отлучку, какъ дезертира...

Желаніе его высокогерцогской свѣтлости было исполнено. Опыхтинъ былъ отданъ подъ судъ особо-назначенной коммиссіи, которая присудила его къ лишенію чина и ссылкѣ въ Пермскій край на поселеніе.

Оставалось только отвезти этотъ приговоръ на утвержденіе императрицы, которая, между тѣмъ, уже переѣхала на лѣтнее пребываніе въ Ораніенбаумскій загородный дворецъ.

Въ назначенный день, въ числѣ другихъ знатныхъ и важныхъ персонъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ явился и Андрей Ивановичъ Ушаковъ съ бумагами къ подписи императрицы. Въ числѣ тѣхъ бумагъ, изъ которыхъ каждая рѣшала участь какого-нибудь несчастнаго, находилась и резолюція суда по дѣлу Опыхтина. Вмѣстѣ съ другими сановниками, Ушаковъ явился спозаранокъ въ тотъ угловой павильонъ дворца, который выходилъ одною стороною въ садъ и на взморье, а другою на обширный, недавно выкопанный прудъ, съ большимъ спускомъ воды въ видѣ каскада. Всегда сдержанный и молчаливый, Андрей Ивановичъ отошелъ въ сторону отъ шумной и болтливой толпы нѣмцевъ-придворныхъ, которая окружала баварскаго резидента и усердно смѣялась его тяжеловѣснымъ остротамъ. Вѣчно-занятому Ушакову, которому нужно было по «самонужнѣйшимъ ея величества интересамъ» въ тотъ-же день быть въ Петербургѣ, очень хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ доклада и уѣхать изъ лѣтней резиденціи. А государыня, какъ на зло, не выходила, и онъ уже началъ опасаться, что докладъ, пожалуй, отложится до завтра по внезапному нездоровью Анны Іоанновны, когда въ сосѣдней комнатѣ послышался громкій и рѣзкій голосъ государыни, которая кого-то изъ домашнихъ распекала не на животъ, а на смерть...

Всѣ пріумолкли, присмирѣли, стали оправляться и оглядываться...

— Спать мухи не дали!... Глазъ отъ нихъ сомкнуть не могла!.. Чего ты смотришь? Къ чему приставленъ? - слышались изъ-за двери гнѣвные возгласы Анны Іоанновны.

Затѣмъ дверь быстро распахнулась, и государыня, въ утреннемъ «маломъ» нарядѣ, вступила въ залу павильона. Лицо ея было красно отъ гнѣва, брови сдвинуты, глаза блистали недобрымъ пламенемъ.

«Н-ну, быть бѣдамъ!» подумалъ про себя Андрей Ивановичъ, отвѣшивая вмѣстѣ съ другими низкій поклонъ государынѣ.

Не успѣла еще она выйти и на середину залы, какъ уже къ ней, изгибаясь въ три погибели, подлетѣлъ Левенвольдъ и въ весьма

витіеватой нѣмецкой фразѣ доложилъ, что баварскій резидентъ желаетъ, молъ, откланяться, потому что завтра думаетъ выѣхать изъ Петербурга.

Анна Іоанновна, едва примѣтнымъ наклоненіемъ головы отвѣтившая на общій поклонъ придворныхъ и сановниковъ, сердито взглянула на красавца-камергера, и отвѣчала ему по-русски:

— До завтра времени много! Послѣ обѣда мнѣ его представишь... Теперь мнѣ некогда съ нимъ говорить!

Левенвольдъ извернулся ужомъ, попятился къ группѣ нѣмцевъ, перешепнулся съ резидентомъ — и всѣ нѣмцы мигомъ стушевались, на цыпочкахъ удалившись изъ залы, между тѣмъ какъ императрица прошла къ окошку и сѣла у письменнаго столика, за которымъ обыкновенно при докладахъ занималась дѣлами.

— Андрей Ивановичъ! сказала Анна Іоанновна, обращаясь къ Ушакову довольно милостиво.—Тебѣ, вѣрно, нужнѣе всѣхъ? Давай сюда свои бумаги... А вы, всѣ остальные, послѣ... Я и такъ ужъ къ обѣднѣ запоздала!

Ушаковъ вынулъ изъ сѣрой обложки пачку бумагъ къ подписи, и съ досадою увидѣлъ, что первою между ними, на самомъ верху, лежала конфирмація судной коммисіи по дѣлу Опыхтина.

Когда бумаги были положены предъ государыней, она взяла большое гусиное перо, быстро обмакнула его въ чернильницу, изображавшую бронзоваго грифона, и только-что собиралась широкимъ росчеркомъ выставить подъ конфирмаціею «Анна», какъ вдругъ одна изъ мухъ съ окошка сѣла ей на щеку, и заставила ее сдѣлать невольное движеніе рукой, чтобы отмахнуться отъ назойливой гостьи. Перо встряхнулось въ ея рукѣ, и большая черная капля канула съ пера на страшную бумагу.

— Ахъ! И здѣсь отъ нихъ покоя нѣтъ! съ досадой проговорила императрица. Однакоже рѣшилась продолжать свою работу: снова помакнула перо въ чернила — и снова неудачно... Живая муха, вылѣзшая на перѣ изъ чернильницы, побрела по бумагѣ, еле шевеля тоненькими лапками и встряхивая крылышками.

Императрица, вообще пристрастная къ разнаго рода примѣтамъ и предзнаменованіямъ, вдругъ отодвинула отъ себя бумагу; а Ушаковъ, впопыхахъ, желая снять муху на полъ, взялъ бумагу со стола, встряхнулъ — и самъ смутился: на бумагѣ, на мѣстѣ подписи, оказался большой, явственно-начертанный черный крестъ...

— Это что-же такое?.. Крестъ? спросила государыня, съ нѣкоторымъ опасеніемъ поглядывая на Ушакова.

— Крестъ, ваше императорское величество! проговорилъ Ушаковъ, не успѣвшій еще сообразить, къ чему клонится дѣло.

— Ну, значитъ, такая ужъ его судьба — такъ ему суждено... На этомъ дѣлѣ крестъ поставимъ! Приговора не подпишу... Скажи и объяви ему, что милуемъ его... А чтобы все-таки его безъ наказанья не оставить, — вели ему пять лѣтъ безвыѣздно жить въ его новгородскомъ помѣстьѣ, съ его дурой-княжной... Другихъ бумагъ сегодня мнѣ не давай подписывать! Къ обѣднѣ пора!

И государыня, поклонившись всѣмъ присутствующимъ гораздо милостивѣе, чѣмъ при входѣ въ залу, удалилась въ свои внутренніе апартаменты.

Два дня спустя, Опыхтинъ съ молодой своей женой и княземъ-тестемъ выѣхалъ изъ Петербурга въ свое помѣстье, совершенно счастливый и довольный и вздохнулъ полной грудью только тогда, когда зданія, церкви и шпили Петербурга скрылись въ туманной дали и кругомъ ничего уже не было видно, кромѣ простора полей, съ зубчатой полосой хвойнаго лѣса на горизонтѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Всѣ большіе рисунки, гравированные на мѣди и приложенные къ книгѣ на листахъ эстампной бумаги, представляютъ собою отдѣльныя сцены разсказовъ: они помѣщены противъ тѣхъ самыхъ страницъ текста, съ которыхъ заимствовано ихъ содержаніе, а потому и не нуждаются въ объясненіи. Но многіе изъ небольшихъ рисунковъ и виньетокъ представляютъ собою такіе предметы бытовой обстановки древней Руси, которые давно уже утратили всякое значеніе въ нашемъ нынѣшнемъ обиходѣ, и потому могутъ оказаться не совсѣмъ понятными для нашихъ читателей. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя истолкованія.

На стр. 22, въ концѣ разсказа *«Ненарокомъ»*, изображенъ свадебный каравай на блюдѣ, вѣнчальныя свѣчи и шитый убрусъ — обычныя принадлежности старинной русской свадьбы.

На стр. 37, въ заключеніе разсказа *«Божья гроза»*, изображены: древняя рипида, древній архипастырскій посохъ и архіерейская митра древнѣйшаго вида; всѣ эти предметы зачерчены художникомъ съ церковныхъ древностей, хранящихся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

На стр. 75, въ концѣ разсказа *«Попъ-богатырь»*, изображена кадильница (конца XVI, начала XVII в.), хранящаяся въ ризницѣ Успенскаго собора въ Москвѣ.

На стр. 102, въ концѣ разсказа *«Невинный страдалецъ»*, виньетка представляетъ часовню, нынѣ существующую въ селѣ Ныробѣ, на мѣстѣ заключенія Михаила Никитича Романова.

На стр. 103, заглавная буква *Н* къ началу повѣсти *«Въ одной могилѣ»* помѣщена на щитѣ, снятомъ съ одного изъ многихъ щитовъ, хранящихся въ Оруженной Палатѣ. Это круглый, выпуклый, мѣдный щитъ, съ двойнымъ ободомъ, съ мягкимъ цвѣтнымъ матерчатымъ подбоемъ и бахромою по краямъ. Такіе щиты были, вѣроятно, скорѣе принадлежностью парадного воеводскаго вооруженія, нежели составною частью боевой воинской сбруи или доспѣха.

На стр. 143, въ концѣ той же повѣсти, изображено на развалинахъ Смоленской стѣны разбитое стѣнное орудіе. Эскизъ этого орудія былъ зарисованъ художникомъ въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ.

На стр. 144, заглавная буква къ разсказу *«Посолъ Государевъ»* поставлена на «столбцѣ» грамоты, къ которой приложена печать

восковая и привѣшена, сверхъ того, на снуркѣ, печать *«створчатая, вислая»*. Черниллица, поставленная на грамотѣ, также зачерчена съ древняго образца дьяческихъ черниллицъ — мѣдныхъ, узорчатыхъ, цѣпочкою прицѣпляемыхъ къ поясу.

На стр. 201, въ концѣ того же разсказа, помѣщенъ *сорочёкъ* соболей, въ томъ видѣ, въ какомъ наши посольства подносили ихъ въ даръ иноземнымъ государямъ. Эти *сороки* соболей связывались обыкновенно крѣпко-на-крѣпко мордками въ одинъ пучокъ, отъ котораго красивой пушной кистью расходились шкурки съ хвостами. Весь «сорочёкъ» прикрывался цвѣтнымъ тафтянымъ или инымъ матерчатымъ чехломъ. На нашей виньеткѣ, на такой «сорочёкъ» надѣта цѣпочка съ медалью — одинъ изъ весьма обычныхъ даровъ, которыми иноземные государи награждали нашихъ пословъ.

На стр. 220, въ концѣ разсказа *«Смѣлымъ Богъ владѣетъ»*, виньетка составлена изъ обычнаго въ старину разбойничьяго оружія:—ножа, кистеня, топора и дубины.

На стр. 239, въ концѣ разсказа *«Русскій полонянникъ»*, виньетка представляетъ *колодку*, т. е. простѣйшій видъ оковъ, отъ котораго произошло и русское названіе заключенниковъ—*колодниками*. Колодки бывали ручныя и ножныя. Черезъ колодку на нашей виньеткѣ перекинуты и донынѣ употребляемые *кандалы* — т. е. цѣпь съ наножнымъ кольцомъ.

На стр. 341, заключительная виньетка къ разсказу *«Государевъ кречатникъ»* составлена изъ важнѣйшихъ принадлежностей соколиной охоты. Налѣво видимъ *клобучокъ*, которымъ прикрывали на охотѣ голову и глаза ловчей птицы (т. е. *клобучили ее*); тутъ же видимъ и расшитую *перстатую рукавицу* сокольника, на которой онъ держалъ птицу, и *серебряные колокольцы*, которые прикалывались къ хвосту птицы, и *бубенъ съ вощагою*, которою ударяли въ бубенъ, и *серебряный рогъ*. Сокольники трубили въ рогъ и били въ бубенъ, призывая птицу спуститься съ той выси, на которую она взвилась за добычей.

На стр. 342, начальная буква *М* къ разсказу *«Птичка-невеличка»* обставлена обычными шутовскими принадлежностями: тутъ и полосатый шутовской колпакъ, и палка съ пузыремъ, въ который брошено нѣсколько горошинъ, и треугольникъ съ погремушками и мохрами.

П. Полевой.

Послѣсловіе.

лавнымъ поводомъ къ напечатанію этой книжки я считаю счастливую случайность моихъ дружескихъ, искреннихъ и близкихъ отношеній къ высокоталантливому нашему художнику Клавдію Васильевичу Лебедеву: онъ самъ вызвался создать роскошную иллюстрацію къ нѣкоторымъ изъ моихъ разсказовъ, которые почему-то пришлись ему по̀-сердцу. Первый десятокъ этихъ рисунковъ, показанный мною Адольфу Федоровичу Марксу, извѣстному издателю *Нивы*, произвелъ на него такое впечатлѣніе, что онъ рѣшился предпринять роскошное изданіе сборника моихъ разсказовъ, съ иллюстраціями К. В. Лебедева, и выполнилъ это предпріятіе со свойственною ему любовью къ дѣлу и щедростью.

Пользуясь даннымъ случаемъ, замѣчу, что я очень далекъ отъ всякихъ притязаній на весьма почетный и весьма завидный титулъ присяжнаго историческаго беллетриста, который вполнѣ заслуженно можетъ быть примѣненъ къ покойному графу А. К. Толстому, покойному Г. П. Данилевскому и неутомимому графу Саліасу. Въ область исторической беллетристики я попалъ совершенно случайно, послѣ двадцатипятилѣтней научной дѣятельности, посвященной изученію русской литературы, исторіи, археологіи и народности въ различныхъ ея проявленіяхъ—и до сихъ поръ чувствую себя въ области беллетристики чернорабочимъ, разбирающимъ и подготовляющимъ матеріалъ для будущихъ мастеровъ, никакъ не мастеромъ. Однакоже, въ данную минуту, когда я вижу кругомъ себя много литературныхъ дѣятелей, рѣшающихся писать историческіе романы и повѣсти безъ малѣйшаго знанія исторіи, я считаю для себя нравственнымъ долгомъ—высказать тотъ взглядъ на историческій жанръ въ беллетристикѣ, котораго я лично держался во всѣхъ моихъ произведеніяхъ.

Къ «историческому» жанру я позволяю себѣ относить только такой романъ, повѣсть и разсказъ, которые, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, изображаютъ характеры историческихъ лицъ, или представляютъ намъ по возможности полную и живую картину быта извѣстной эпохи. Исходя изъ такого воззрѣнія, при выборѣ темъ для своихъ повѣстей и разсказовъ, я всегда и вездѣ предпочиталъ твердую почву документальную всякимъ вымысламъ и ухищреніямъ фантазіи. И если я рѣшаюсь назвать историческими разсказы и повѣсти, внесенные въ нынѣ-издаваемый сборникъ, то только по-

тому, что всѣ они написаны на основѣ опредѣленнаго историческаго документа и обставлены строго-провѣренными бытовыми подробностями. Въ основу каждаго изъ этихъ небольшихъ произведеній была положена мною довольно сложная работа надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ, которую я не считаю нужнымъ обнаруживать, избѣгая всякихъ ученыхъ ссылокъ и указаній... Для людей знающихъ и причастныхъ къ русской исторической наукѣ, моя работа должна быть очевидна сама собою и не требуетъ подтвержденія цитатами, которыя для большинства читателей могли бы показаться совершенно излишнимъ педантическимъ балластомъ, не болѣе... Въ заключеніе скажу только, что преклоняясь передъ исторической истиной и дѣйствительностью, я старался и для языка своихъ повѣстей и разсказовъ заимствовать изъ документовъ все то, что могло характеризовать и живописать эпоху и людей, изображаемыхъ мною; но я не считалъ себя въ правѣ слишкомъ далеко отступать отъ требованій нашего литературнаго языка и слишкомъ перегружать его, слишкомъ пестрить внесеніемъ старинныхъ словъ, чуждыхъ для пониманія и даже для слуха нашего, а потому и требующихъ объясненія.

Кстати упомяну здѣсь, что многіе изъ помѣщаемыхъ въ этомъ сборникѣ повѣстей и разсказовъ, при первомъ своемъ появленіи на страницахъ журналовъ, были удостоены весьма лестнымъ для меня вниманіемъ публики. Смѣю думать, что та заманчивая и роскошная обстановка, которую придали моимъ произведеніямъ пріятель-художникъ и пріятель-издатель, побудитъ читателей отнестись съ прежнею благосклонностью къ первому сборнику моихъ скромныхъ набросковъ въ области историческаго жанра.

П. Полевой.